

ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Номер 4

Апрель 2024

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

*Институт государства и права
Российской академии наук:
навстречу 100-летнему юбилею*

Путь к признанию (Очерк о жизни и научном наследии члена-корр. АН СССР А. Н. Трайнина) • Реальность, стабильность, динамизм, жесткость, гибкость Конституции РФ • Историософия права: синтез дисциплин или самостоятельное вопрошение? • О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы. Часть 2 • «Цивилизация»: терминологическое многообразие и правовая идентичность • Искусственный интеллект, робот и нейротехнологии: понятие, соотношение и пределы правового регулирования • Международно-правовые основы национальной безопасности • Доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу РФ А. В. Кудашкину – 60 лет • К юбилею заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук В. В. Кудашкина

*Российская академия наук
Институт государства и права*

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 4   2024   Апрель

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

*Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН*

Главный редактор
А.Н. Савенков,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

В.Н. Руденко, акад. РАН (*председатель*);
О.В. Белянский, к.ю.н.; В.С. Груздев, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН; В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург);
М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН; А.А. Клишас, д.ю.н.; А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Н.А. Макаров, акад. РАН; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджанская Республика);
С.В. Степашин, д.ю.н.; Т.Я. Хабриева, акад. РАН

Редакционная коллегия:

С.А. Авакян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Республика Армения);
С.Ф. Афанасьев, д.ю.н. (Саратов); А.А. Бессонов, д.ю.н.; С.А. Бочкирев, д.ю.н.; М.М. Бринчук, д.ю.н.;
Г.А. Василевич, чл.-корр. НАН Беларуси; Т.А. Васильева, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н., д.ф.н. (Австрийская Республика);
Е.В. Виноградова, д.ю.н.; А.В. Габов, чл.-корр. РАН; Л.В. Головко, д.ю.н.; В.С. Горбань, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; А.В. Дзюбак, к.ю.н. (*ответственный секретарь*);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Республика Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (ФРГ);
И.В. Ершова, д.ю.н.; И.С. Жудро, д.ю.н.; В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.;
В.С. Каменков, д.ю.н. (Республика Беларусь); Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия);
А.И. Коробеев, д.ю.н. (Владивосток); Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*);
Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР); А.В. Кудашкин, д.ю.н.; В.В. Кудашкин, д.ю.н.; Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР);
С.В. Маликов, д.ю.н. (*заместитель главного редактора*); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.В. Михайлова, д.ю.н.;
А.В. Наумов, д.ю.н.; Б.В. Наумов, д.ю.н.; Срето Ного, д.ю.н. (Республика Сербия);
Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж); Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Республика Болгария);
В.Н. Плигин, д.ю.н.; Т.А. Полякова, д.ю.н.; С.Б. Россинский, д.ю.н.;
А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Паола Северино, д.ю.н. (Итальянская Республика);
А.Ю. Соколов, д.ю.н. (Саратов); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Республика Болгария); А.А. Тедеев, д.ю.н.;
В.В. Устюкова, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (ФРГ); Ван Чжи Хуа, д.ю.н. (КНР); С.Ю. Чуча, д.ю.н.;
А.И. Чучаев, д.ю.н.; В.М. Шерстюк, д.ю.н.; Г.Г. Шинкарецкая, д.ю.н.; Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; О.А. Ястребов, д.ю.н.

Адрес редакции: 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
e-mail: gospavo@igpran.ru
<http://gospavo-journal.ru/>

Москва

*Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law*

STATE AND LAW

No. 4   2024   April

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: "Revolution of the Law" (Revolutsiya prava) (1927–1929)
"Soviet State and the Revolution of the Law" (Sovetskoe gosudarstvo i revolutsiya prava) (1930–1931)
"Soviet State" (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
"Soviet State and Law" (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
"State and Law" (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

*The Journal is published under supervision
of the Department of Social Sciences of the RAS*

Editor-in-Chief
A.N. Savenkov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

V.N. Rudenko, Academician of the RAS (*Chairman*);
O.V. Belyavsky, PhD in Law; V.S. Gruzdev, Doctor of Law; V.I. Zhukov, Academician of the RAS;
V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS;
A.A. Klishas, Doctor of Law; A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; N.A. Makarov, Academician of the RAS;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan Republic); S.V. Stepashin, Doctor of Law;
T.Ya. Khabrieva, Academician of the RAS

Editorial Board:

S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutunyan, Doctor of Law (Republic of Armenia);
S.F. Afanasev, Doctor of Law (Saratov); A.A. Bessonov, Doctor of Law; S.A. Bochkarev, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; G.A. Vasilevich, Corresponding Member of the NAS of Belarus; T.A. Vasileva, Doctor of Law;
Bernd Wieser, Doctor of Law, DSc in Philosophy (Republic of Austria); E.V. Vinogradova, Doctor of Law;
A.V. Gabov, Corresponding Member of the RAS; L.V. Golovko, Doctor of Law; V.S. Gorban, Doctor of Law;
E.Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law;
A.V. Dzyubak, PhD in Law (*executive secretary*); A.G. Didenko, Doctor of Law (Republic of Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law; I.S. Zhudro, Doctor of Law;
V.N. Zhukov, Doctor of Law, DSc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Republic of Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); A.I. Korobeev, Doctor of Law; N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*);
Kuang Zengjun, Doctor of Law (China); A.V. Kudashkin, Doctor of Law; V.V. Kudashkin, Doctor of Law;
Liu Honguan, Doctor of Law (China); S.V. Malikov, Doctor of Law (*Vice-Editor-in-Chief*); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.V. Mikhailova, Doctor of Law; A.V. Naumov, Doctor of Law; V.B. Naumov, Doctor of Law;
Sreto Nogo, Doctor of Law (Republic of Serbia); E.I. Nosyreva, Doctor of Law (Voronezh);
Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); V.N. Pligin, Doctor of Law; T.A. Polyakova, Doctor of Law;
S.B. Rossinsky, Doctor of Law; A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan); Paola Severino, Doctor of Law (Italian Republic);
A.Yu. Sokolov, Doctor of Law (Saratov); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
V.V. Ustyukova, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); Wang Zhi Hua, Doctor of Law (China);
S.Yu. Chucha, Doctor of Law; A.I. Chuchaev, Doctor of Law; V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
G.G. Shinkaretskaya, Doctor of Law; B.S. Ebzeev, Doctor of Law; O.A. Yastrebov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
e-mail: gosp право@igpran.ru
<http://gospраво-journal.ru/>

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2024
© Institute of State and Law of the RAS, 2024
© Editorial Board of "State and Law", 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2024

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Путь к признанию (Очерк о жизни и научном наследии
члена-корреспондента АН СССР А.Н. Трайнина)

А.Н. Савенков

7

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Реальность, стабильность, динамизм, жесткость, гибкость Конституции Российской Федерации

Ю.Л. Шульженко

39

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Историософия права: синтез дисциплин или самостоятельное вопрошание?

С.А. Бочкарев

56

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок:
правоприменительная практика, общие подходы

Часть 2. О проблемах дисциплинарной ответственности руководителей судов (разд. 1)

М.И. Клеандров

67

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА, НОТАРИАТ

Вопросы защиты публичных интересов в правоприменительной практике
о банкротстве стратегических предприятий

А.В. Коваль

77

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

На пути к суверенной философии права России

А.И. Баstrykin, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников. Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского
и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) /
вступ. слово А.И. Александрова;

С.И. Захарцев, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский.

К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права

С.В. Степашин

86

Философско-правовые идеи Ф.М. Достоевского в современной правовой доктрине
А.И. Баstrykin, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников. Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского
и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) /
вступ. слово А.И. Александрова; 2-е изд., испр. и доп.

Н.И. Полищук, Р.В. Зелепукин, Н.В. Кроткова

94

* * *

«Цивилизация»: терминологическое многообразие и правовая идентичность

В.И. Жуков

102

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Условия ограничения интеллектуальных прав в целях защиты конституционного права
граждан на охрану здоровья

А.В. Латынцев

116

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Механизм обеспечения народного доверия в деятельности муниципальных сообществ

А.Н. Гуторова

122

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Проблемы социальной защиты моряков на судах под иностранным флагом
при оставлении их без помощи судовладельцем

М.И. Розенко, Е.В. Скребец

131

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Криминалистическая модель лица, совершившего преступление:
виды, особенности построения

О.П. Грибунов, Н.И. Валькирия

138

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Искусственный интеллект, робот и нейротехнологии: понятие, соотношение
и пределы правового регулирования

И.А. Филипова

148

СЕМЬЯ, БРАК, ПРАВО

Традиционные семейные ценности как объект защиты государством, их значение
в формировании духовно-нравственной основы российского общества

Н.В. Летова

159

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Международно-правовые основы национальной безопасности

Г.Г. Шинкарецкая

167

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Развитие теории социалистического государства в политических текстах и правовых
документах сталинского периода советской истории: проблемы и противоречия

А.В. Никандров

176

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Диалог теологии и права в российской науке и образовании

Е.В. Грязнова

186

Перспективы применения искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве:
оценка рисков и методы их минимизации

А.С. Даниелян

192

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Права человека: проблемы концептуализации, позитивации и защиты. К 75-летию
Всеобщей декларации прав человека (Всероссийская научная конференция
с международным участием)

Н.В. Варламова, Т.А. Васильева

197

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Механизм правоотношений в контексте современной правовой политики
П.П. Серков. Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики): в 2 ч.
Ч. 1: Правовая доктрина и меры правовой политики; ч. 2: Обобщение юридических опытов
восхождения к человеку, обществу и государству

С.А. Лобанов, Р.А. Каламкарян

211

ПЕРСОНАЛИИ

Доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу Российской Федерации
А.В. Кудашкину – 60 лет

219

К юбилею заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук В.В. Кудашкина

220

CONTENTS

Number 4, 2024

INSTITUTE OF STATE AND LAW OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: TOWARDS THE CENTENARY

The path to recognition (An essay on the life and scientific heritage of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences A.N. Trainin)

A.N. Savenkov

7

CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Reality, stability, dynamism, rigidity, flexibility of the Constitution of the Russian Federation

Yu. L. Shulzhenko

39

PHILOSOPHY OF LAW

Historiosophy of law: synthesis of disciplines or independent questioning?

S.A. Bochkarev

56

JUDICIAL POWER

On modern problems of the mechanism of judges' responsibility for disciplinary misconduct:
law enforcement practice, general approaches

Part 2. On the problems of disciplinary responsibility of heads of courts (section 1)

M.I. Kleandrov

67

COURT, PROSECUTOR'S OFFICE, BAR, NOTARIAL SYSTEM

Issues of protection of public interests in the law enforcement practice of bankruptcy of strategic enterprises

A.V. Koval

77

DISCUSSIONS AND DEBATES

On the way to a sovereign Philosophy of Russian Law

A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov. The idea of Goodness in the works
of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the Philosophy of Law
(to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky) / intro. by A.I. Aleksandrov;
S.I. Zakhartsev, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov. The logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky.
To the question of the speculative-logical foundations of the metaphysics of law

S.V. Stepashin

86

Philosophical and legal ideas of F.M. Dostoevsky in modern legal doctrine

A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov. The idea of Goodness in the works
of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the Philosophy of Law
(to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky) / intro. by A.I. Aleksandrov. 2nd ed., rev. and exp.

N.I. Polishchuk, R.V. Zelepukin, N.V. Krotkova

94

* * *

“Civilization”: terminological diversity and legal identity

V.I. Zhukov

102

RIGHTS AND FREEDOMS OF A MAN AND A CITIZEN

Conditions for the restriction of intellectual rights in the protection of the constitutional right
of citizens to health protection

A.V. Latyntsev

116

LOCAL SELF-GOVERNMENT

A mechanism for ensuring people's trust in the activities of municipal communities

A.N. Gutorova

122

LABOR LAW AND SOCIAL SECURITY LAW

Problems of social protection of seafarers on ships under a foreign flag when leaving them without the help of the shipowner

M.I. Rosenko, E.V. Skrebets

131

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

Forensic model of person, who committed a crime: types, specifics of construction

O.P. Gribunov, N.I. Valkiriya

138

INFORMATION LAW AND INFORMATION SECURITY

Artificial intelligence, robot and neurotechnologies: concepts, relationship and limits of legal regulation

I.A. Filipova

148

FAMILY, MARRIAGE, LAW

Traditional family values as an object of state protection, their significance in shaping the spiritual and moral foundations of Russian society

N.V. Letova

159

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

International legal foundations of national security

G.G. Shinkaretskaya

167

PAGES OF HISTORY

Development of the theory of the Socialist state in political publications and legal documents of the Stalin period of Soviet history: problems and contradictions

A.V. Nikandrov

176

SCIENTIFIC REPORTS

Dialogue of theology and law in Russian science and education

E.V. Gryaznova

186

Perspectives of the application of artificial intelligence in civil legal proceedings: risk assessment and the method of their mitigation

A.S. Danielyan

192

SCIENTIFIC LIFE

Human rights: problems of conceptualization, positivization and protection.
On the 75th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights
(The All-Russian Scientific Conference with international participation)

N.V. Varlamova, T.A. Vasilieva

197

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

The mechanism of legal relations in the context of modern legal policy

P.P. Serkov. Legal relationship (Theory and practice of modern legal policy): in 2 parts. Part 1: Legal doctrine and legal policy measures; part 2: Generalization of legal experiences of ascent to man, society and the state

S.A. Lobanov, R.A. Kalamkaryan

211

PERSONALIA

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation A.V. Kudashkin is 60 years old

219

On the anniversary of the Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law V.V. Kudashkin

220

Институт государства и права Российской академии наук:
на встречу столетнему юбилею

УДК 343; 34.08

**ПУТЬ К ПРИЗНАНИЮ
(Очерк о жизни и научном наследии
члена-корреспондента АН СССР А.Н. Трайнина)**

© 2024 г. А. Н. Савенков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: an61s@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.03.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена научному наследию члена-корреспондента Академии наук СССР, доктора юридических наук, профессора, государственного и общественного деятеля Аарона Наумовича Трайнина. А. Н. Трайнин известен прежде всего как правовой идеолог антифашизма, один из первых разработчиков проблем международного уголовного права, который принимал участие в Нюрнбергском процессе в качестве консультанта. Его авторству принадлежат свыше 300 работ. Активно занимался разработкой проблем теории уголовного права – состава преступления, соучастия, уголовной ответственности, международного уголовного права.

Ключевые слова: А. Н. Трайнин, член-корреспондент АН СССР, уголовное право, антифашизм, теоретическое наследие, уголовный закон, состав преступления, соучастие в преступлении, международное уголовное право, Нюрнбергский процесс, защита мира.

Цитирование: Савенков А.Н. Путь к признанию (Очерк о жизни и научном наследии члена-корреспондента АН СССР А.Н. Трайнина) // Государство и право. 2024. № 4. С. 7–38.

DOI: 10.31857/S1026945224040011

**THE PATH TO RECOGNITION
(An essay on the life and scientific heritage
of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences A.N. Trainin)**

© 2024 A. N. Savenkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: an61s@yandex.ru

Received 05.03.2024

Abstract. The article is devoted to the scientific heritage of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, statesman and public figure Aron Naumovich Trainin. A.N. Trainin is known primarily as a legal ideologue of anti-fascism, one of the first developers of problems of International Criminal Law; who participated in the Nuremberg trials as a consultant. He is the author of over 300 works. He was actively engaged in the development of problems of the theory of Criminal Law – corpus delicti, complicity, criminal responsibility, International Criminal Law.

Key words: A. N. Trainin, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, Criminal Law, antifascism, theoretical heritage, criminal law, corpus delicti, complicity in crime, International Criminal Law, Nuremberg trials, protection of peace.

For citation: Savenkov, A.N. (2024). The path to recognition (An essay on the life and scientific heritage of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences A.N. Trainin) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 7–38.

I

Арон Наумович Трайнин (Мовша-Арон Нахимович Трайнин; (1883–1957) – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР (1946), заслуженный деятель науки РСФСР (1946). Как ученый и общественный деятель широко известен не только в России, но и за рубежом. Мировую славу снискал в первую очередь как правовой идеолог антифашизма, одним из первых стал разрабатывать проблемы международного уголовного права. В 1945 г. представлял Советский Союз на Лондонской четырехсторонней конференции, принимал участие в Нюрнбергском процессе в качестве консультанта¹.

ма, одним из первых стал разрабатывать проблемы международного уголовного права. В 1945 г. представлял Советский Союз на Лондонской четырехсторонней конференции, принимал участие в Нюрнбергском процессе в качестве консультанта¹.

¹ Лондонская четырехсторонняя конференция – совещание представителей четырех держав-победительниц во Второй мировой войне, проходившее с 26 июня по 8 августа 1945 г. в ходе подготовки Нюрнбергского процесса. СССР представляли заместитель Председателя Верховного Суда СССР И. Т. Никитченко и А. Н. Трайнин. 8 августа 1945 г. было подписано Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных

Его деятельность советника Международного военного трибунала получила заслуженную оценку: Трибунал объявил благодарность члену-корр. АН СССР А. Н. Трайнину за его плодотворную и многогранную помощь в осуществлении правосудия над главными нацистскими военными преступниками.

Американский ученый-юрист Бет Ван Шаак² отмечает, что А. Н. Трайнину было присуще «стремление к созданию международного суда после войны в его научных трудах и задолго до того, как союзники поддержали эту идею, он выдвинул концепцию преступлений против мира (или “преступления агрессии”...), и выступал за создание постоянного международного уголовного суда

военных преступников европейских стран оси, учрежден Международный военный трибунал (см. подр.: Савенков А. Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021).

«Большую и плодотворную работу провел А. Н. Трайнин на Лондонском совещании. Успех совещания, выразившийся в подписании Соглашения о судебном преследовании и наказании главных военных преступников и в принятии Устава Международного военного трибунала – это успех благородной цели возмездия, которое должно было постичь нацистскую клику. И в достижение этого успеха внес свой вклад советский ученый Арон Наумович Трайнин» (см.: Арон Наумович Трайнин // Трайнин А. Н. Избр. произв.: Защита мира и уголовный закон / под общ. ред. Р. А. Руденко. М., 1969. С. 11).

² Бет Ван Шаак – доктор права и доктор философии, посол США по особым поручениям в области глобального уголовного правосудия.

для будущих военных преступников. Трайнин был вдохновлен искренней верой в то, что международное право может быть силой мира... Хотя Советы не участвовали в работе Комиссии ООН по военным преступлениям, которая разрабатывала послевоенную программу для правосудия, многие идеи Трайнина были представлены через чешского посла Богуслава Эчера³, который был знаком с научными работами Трайнина. В результате многие идеи Трайнина... были подхвачены ключевыми архитекторами правосудия среди союзников – часто без указания авторства»⁴.

А.Н. Трайнин – автор около 300 работ, основные из них переведены на иностранные языки. «Задача каждого настоящего ученого – дать новые идеи и выдвинуть на основании этих идей новые научные концепции. Однако далеко не всем деятелям науки суждено увидеть реализацию своих идей на практике, убедиться, как на деле “работают” их научные концепции. Арон Наумович знал при жизни высшую радость научного поиска – плодотворность»⁵.

А.Н. Трайнин активно занимался подготовкой научных кадров. Под руководством ученого защищены кандидатские и докторские диссертации, его ученики также достигли немалых успехов в науке.

Научную и педагогическую деятельность он сочетал с общественной работой, входил в редакционные коллегии журналов «Советское государство и право» и «Социалистическая законность», постоянно выступал с публичными лекциями. Как представитель советской юридической общественности, участвовал в работе международных конгрессов юристов-демократов, дважды избирался вице-президентом Международной ассоциации юристов-демократов.

А.Н. Трайнин награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

II

Ученый родился 8 июля (26 июня) 1883 г. в г. Витебске в еврейской семье, занимавшейся торговлей. В 1903 г. окончил с золотой медалью Калужскую губернскую классическую гимназию. В тот же год поступил на юридический факультет Императорского Московского университета.

³ Богуслав Эчер – чехословацкий генерал судебной службы, профессор; был поверенным на допросе Рибентропа, Геринга, Кейтеля, Далаге и Ламмерса (см. подр.: Савенков А.Н. Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции. М., 2022).

⁴ Цит. по: ru.wikipedia.org

⁵ Арон Наумович Трайнин // Трайнин А.Н. Указ. соч. С. 5.

Годы учебы Трайнина в университете (1903–1909) были достаточно насыщенными. С первых дней студенчества он включился в демократическое движение, в частности стал вести партийную работу в составе большевистской студенческой социал-демократической организации университета, за что трижды арестовывался царским правительством. В 1906 г. его избрали в центральный университетский орган – Совет старост Московского университета по списку большевистской фракции, а затем председателем этого руководящего студенческого органа и редактором издаваемого им журнала.

Имея способности и интерес к исследованию проблем уголовного права, принимал активное участие в семинаре, организованном в ту пору еще приват-доцентом университета М.Н. Гернетом. «Михаил Nicolaевич Гернет, уже тогда с очень плохим, все ухудшающимся зрением, был глубоко предан науке и преподаванию, – вспоминает Трайнин. – <...> У студентов Михаил Nicolaевич и как лектор, и как научный руководитель пользовался большим успехом. Свою теоретическую позицию он определял как “социологическое направление в уголовном праве”. Однако в этом сказались больше чаяния и настроения молодого ученого, горячего и убежденного демократа, чем его научные воззрения. Гернет в те годы не был марксистом, но глубоко тяготел к идеям и принципам Маркса. Студенты ценили в молодом доценте революционную направленность и гуманизм. Как научный руководитель, Михаил Nicolaевич обладал громадными достоинствами: умел разжечь интерес к своей дисциплине и крепко интерес этот поддерживать... Научное сотрудничество шло рядом с товарищеским общением... Эта связь учителя с учениками не прерывалась и по окончании университета...»⁶.

Занятия по уголовному праву вел проф. С.В. Познышев. Из воспоминаний А.Н. Трайнина: «Познышев сообщал студентам много разнообразных и полезных сведений. Впоследствии, когда я в процессе подготовки к профессорскому званию приходил к Сергею Викторовичу... на консультацию, он добросовестно помогал мне. Но ни в лекциях, ни в трудах профессора Познышева не было живительного творческого огонька. Он придумал какое-то свое неуловимое “социально-этическое” направление в уголовном праве, в котором весьма мало было отражено социальных проблем и не более этических принципов. Это было какое-то “среднее арифметическое” течение, основанное на теоретическом смешении

⁶ Трайнин А.Н. Воспоминания о Московском университете // Вестник Московского ун-та. Сер. II. Право. 1991. № 2. С. 59.

разнородных идей классической и социологической школ в науке уголовного права»⁷.

Одна из первых работ, подготовленных Трайниным, была на тему «Движение преступности в Московской губернии периода 1894–1897 гг.». Автор осуществил исследование причин преступности и ее роста на территории Московской губернии. Обширный статистический материал дал возможность установить имевшуюся закономерность: колебания преступности отражают существующую прямую зависимость между условиями жизни людей и ростом преступности. М. Н. Гернет, характеризуя это исследование, пишет: «Доклад Трайнина, посвященный выяснению зависимости между экономическим положением населения Московской губернии и преступностью, так был продуман и серьезно подготовлен, что вызвал более широкий интерес, чем только для университетской аудитории, и был напечатан сначала в журнале “Право”, а потом отдельным изданием»⁸.

Сразу после этого Трайнин подготовил научные доклады «Преступность столиц и городов»⁹ и «Преступность города и деревни»¹⁰, которые впоследствии были опубликованы в солидных юридических изданиях. Как и прежде, автора интересовали не количественные критерии, характеризующие колебания преступности, а ее качественные аспекты, в том числе различия между причинами преступлений, совершаемых в столице, городах и сельской местности.

Причинному комплексу посвящена и работа «К характеристике женской преступности», в которой он на основании статистических материалов, в том числе о количестве женщин, привлеченных к уголовной ответственности за период 1897–1904 гг., пришел к выводу, что преступность женщин в городах выше, чем в сельских местностях, но «действительный источник преступности не город и не деревня, а те социальные недуги, которые лишь сильнее дают себя чувствовать в городах»¹¹.

⁷ Трайнин А. Н. Воспоминания о Московском университете. С. 58.

⁸ Гернет М. Н. Предисловие // Трайнин А. Движение преступности в Московской губернии за период 1884–1897 гг. Гуревич С. Движение преступности против собственности в Нижегородской губернии в 1891–1904 гг. в связи с экономическим положением губернии. М., 1908 (Семинарий по уголовному праву приват-доцента М. Н. Гернета; 1908 г. Вып. 1). С. 3 (далее – Семинарий по уголовному праву приват-доцента М. Н. Гернета. Вып. 1).

⁹ Трайнин А. Н. Преступность столиц и городов // Право. Еженедельная юрид. газ. СПб., 1908. 30 марта.

¹⁰ Трайнин А. Н. Преступность города и деревни. М., 1909.

¹¹ Трайнин А. Н. К характеристике женской преступности // Вестник права и нотариата. 1910. 14 апр.

В 1908–1909 гг. в Москве было осуществлено обширное социологическое исследование детской преступности. Его результаты нашли отражение в сборнике статей «Дети-преступники»¹², вышедшем под редакцией проф. М. Н. Гернета, заключительная глава которой «Общие выводы» написана Трайниным¹³.

Нетрудно заметить, что абсолютное большинство работ Трайнина, подготовленных автором во время учебы в университете или сразу после его окончания, посвящены криминологии. Вероятно, сказалось влияние руководителя семинара проф. М. Н. Гернета, занимавшегося уголовной статистикой и проблемами преступности, в том числе ее причинным комплексом.

Правда, надо сказать, что его дипломная работа «Классовая борьба и наказание в истории русского права» (1908), как свидетельствует название, относится к диахронным исследованиям проблем карательной практики, где автор на большом фактическом материале показал связь классовой борьбы и системы наказаний в самодержавной России¹⁴. Кстати, именно в ней впервые наглядно «проявились черты будущего ученого – оригинальность и смелость мышления»¹⁵.

В феврале 1909 г. Трайнин закончил университет с дипломом первой степени, проучившись вместо

¹² Дети-преступники / под ред. М. Н. Гернета. М., 1912.

¹³ Автор пишет: «Обследование показало, что по существу нет специфической детской преступности, так как одни и те же основные черты характеризуют и преступность взрослых, и детскую преступность. Нельзя отрицать, что возрастом определяются некоторые особенности детских правонарушений, однако при скрещивании двух групп факторов – социальной и физико-психологической, – определяющей оказывается социальная группа: невзирая на существенные возрастные различия, ребенок, подталкиваемый социальной необходимостью, идет той же дорогой и к той же цели, что и взрослый человек» (см.: там же. С. 545).

¹⁴ А. Н. Трайнин так описывает работу над дипломным проектом: «Эта тема, полная глубокого социального значения и раскрывающая самые истоки правосудия, оказалась столь захватывающей, что весь “лишний” год (пятый) я сидел над ней, забыв Смита, Рикардо и других экономистов (автор упоминает их потому, что проф. А. А. Мануйлов настойчиво рекомендовал ему заняться политэкономией. – Авт.), друзей и все на свете. В конце апреля работа была окончена» (см.: Трайнин А. Н. Воспоминания о Московском университете. С. 44).

Исследование было высоко оценено Гернетом. В своем обращении на юридический факультет профессор пишет, что Трайнин обнаружил выдающиеся способности; некоторые написанные им на студенческой скамье рефераты представляли такой научный интерес, что были приняты к напечатанию в журналах «Право», «Русская мысль». В связи с этим он ходатайствует перед факультетом об оставлении Трайнина для приготовления к профессорскому званию на кафедре уголовного права. «Я уверен, – отмечает Гернет, – что в лице его факультет и наука уголовного права приобретают выдающегося научного работника» (цит. по: там же. С. 45).

Ходатайство Гернета было поддержано С. В. Познышевым, советом профессоров Московского университета и попечителем Московского учебного округа.

¹⁵ Кузнецова Н. Ф. Арон Наумович Трайнин // Трайнин А. Н. Избр. труды. СПб., 2004. С. 9.

положенных четырех пять лет. «Вспоминая пятый, “лишний”, год, проведенный мною в университете, — пишет Арон Наумович, — я об этом ни в коей мере не жалею. Бурные 1903—1906 гг. были полны борьбы, достижений и разочарований. Но они отняли много времени и сил, а я с первых университетских дней мечтал о научной работе»¹⁶.

Еще во время учебы Трайнин увлекся проблемами несостоятельности и банкротства. Его интерес к этой теме был обусловлен рядом обстоятельств, в том числе ее межотраслевым характером, затрагивающим как гражданское, так и уголовное право, охватывающим не только юридические, но и социальные аспекты. В одном из своих выступлений на семинаре Гернета он высказал мысль о том, что «мы встречаемся с моментом общественной связаннысти всех слоев населения во всех фазах хозяйственного развития. Расстройство на одном конце вызывает потрясение всего общественного организма: если внизу оно проявляется в форме непосредственного посягательства на чужое добро, то наверху оно вырабатывает своеобразные виды преступности, например, банкротство»¹⁷. Банкротство Трайнин воспринимал как сложное социально-правовое явление, обусловливающее, в свою очередь, своеобразный деликт, состоящий из двух элементов, один из которых (несостоятельность) относится к гражданскому, другой (банкротское деяние) — к уголовному праву¹⁸.

30 октября 1912 г. А.Н. Трайнин на заседании уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества выступает с докладом «Основные моменты реформы конкурсного законодательства» (законопроект об изменении производства дел о несостоятельности). Заседание проходило под председательством возглавлявшего уголовное отделение проф. В.Д. Набокова¹⁹, доклад Трайнина получил очень высокую оценку, в том числе и его предложения *de lege*

¹⁶ Трайнин А.Н. Воспоминания о Московском университете. С. 43.

¹⁷ Семинарий по уголовному праву приват-доцента М.Н. Гернета. Вып. 1. С. 13.

¹⁸ «Эта сложность состава банкротства чрезвычайно затмяет его юридическую природу.

Вопросы причинной связи, виновности, соучастия и покушения, словом, все проблемы общей части уголовного права получают новое и оригинальное освещение в применении к банкротству. Своеобразен в банкротстве и порядок возбуждения уголовного следствия и форма предания суду.

Казалось бы, эта сложность банкротства должна была привлечь к последнему усиленное внимание криминалистов. В действительности наблюдается обратное: банкротство систематически игнорировалось и игнорируется криминалистами» (см.: Трайнин А.Н. Несостоятельность и банкротство // Трайнин А.Н. Избр. труды. С. 386).

¹⁹ Набоков Владимир Дмитриевич (1869—1922) — юрист, политический деятель, журналист, публицист, один из лидеров Конституционно-демократической партии России; отец писателя В.В. Набокова.

referenda. Автор подчеркивал, что «в конкурсном производстве соприкасаются две часто друг другу противоречащие группы интересов — верителя и должника. Задача реформы должна заключаться, прежде всего, в отыскании той средней линии, которая может справедливо примирить эти интересы. В проектируемых изменениях действующего конкурсного производства отчетливо выступают два принципа: упрощение порядка объявления несостоятельным должником и отделение гражданского производства о несостоятельности от уголовного процесса о банкротстве. Кажется правильным утверждение, что поскольку первый принцип, облегчая объявление несостоятельности, укрепляет позицию кредитора, поскольку же другой, эмансируя должника от личного усмотрения кредиторов, улучшает положение должника»²⁰.

Работе А.Н. Трайнина «Несостоятельность и банкротство» уже больше века, однако она не потеряла свою актуальность; авторы уголовноправовых исследований о банкротстве²¹ используют ее и сегодня.

Указанная работа в Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского²² (далее — Университет Шанявского) была одобрена в качестве диссертации.

Здесь необходимо дать ряд пояснений. Сразу после окончания Московского университета (1909) Трайнин был оставлен на кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию на период 1909—1912 гг. Однако в знак протesta вместе с другими членами профессорско-преподавательского состава ушел из университета и начал преподавать в Университете Шанявского.

Причиной такого шага явилась сложившаяся в университете ситуация, вошедшая в историю как дело Кассо. В январе 1911 г. Министр просвещения Л.А. Кассо издал циркуляр «О временном

²⁰ Трайнин А.Н. Несостоятельность и банкротство. С. 410, 411.

²¹ Уголовный кодекс РФ предусматривает три состава преступления: неправомерные действия при банкротстве — ст. 195; преднамеренное банкротство — ст. 196; фиктивное банкротство — ст. 197.

²² Создателем университета был Альфонс Леонович Шанявский (1837—1905) — генерал русской армии, сибирский золотопромышленник, завещавший все свое состояние на создание университета, в котором могли бы обучаться независимо от пола, вероисповедания и политической благонадежности. Летом 1905 г. тяжело больной Шанявский поручает устройство народного университета М.В. Сабашникову и В.К. Роту (см. подр.: Сабашников М.В. Записки. Письма. М., 2011; Сперанский М.В. Возникновение Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского. Историческая справка. М., 1913; и др.).

Здание университета, достроенное в 1912 г., входило в ансамбль культурного центра Миусской площади. Ныне в нем располагается Российский государственный гуманитарный университет.

недопущении публичных и частных заведений», в соответствии с которым запрещалось проведение собраний в университете. Ректору вменялось в обязанность исключить нахождение в вузе посторонних лиц, сообщать в полицию о предполагаемых сходках; градоначальнику – принять решение о закрытии университета, в случае волнений прибегая к помощи полиции. Циркуляр грубо нарушал положение Временных правил 1905 г., согласно которым правом ходатайствовать о закрытии университета обладал только Совет университета²³.

В ответ на это решение министра 28 января (10 февраля) на экстренном заседании Совета Московского университета ректор А.А. Мануилов представил доклад о создавшемся в университете положении и заявил, что при таких условиях он не видит возможности исполнять обязанности и подает прошение об отставке. Такие же заявления были сделаны помощником ректора М.А. Мензбиrom и проректором П.А. Минаковым. Совет университета признал, что в сложившейся ситуации выборная университетская администрация лишена возможности исполнять свои обязанности. Министр уволил указанных лиц из университета, одновременно запретив им заниматься преподавательской деятельностью по ведомству народного просвещения²⁴.

Решение Кассо с негодованием было встречено педагогами, воспринявшими его не только как оскорбление своих коллег, но как умаление авторитета Совета. 3 февраля 1911 г. ряд профессоров подали прошение об отставке, а к 20 февраля из университета уволилось 108 человек²⁵, в том числе 28% профессоров. К концу семестра из Московского университета ушла треть преподавательского состава.

Уволившиеся из университета стали преподавать в других высших учебных заведениях, А.Н. Трайнин оказался в Университете Шанявского, где проработал до 1918 г. Одновременно с преподавательской деятельностью вел частную практику. В 1916–1917 гг. редактировал газету еврейской интеллигенции «Новый путь».

После Университета Шанявского работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте юридических наук (1925–1938), преподавал

²³ См. подр.: Императорский Московский университет. 1755–1917: энциклопедический словарь. М., 2010. С. 666; Иванов Ю.Ф. Московский университет в 1911 г. // Российские университеты в XVIII – начале XX века. Воронеж, 2002. Вып. 6. С. 167; и др.

²⁴ См.: Русские ведомости. 2011. 29 янв.

²⁵ По некоторым данным, Кассо одновременно удовлетворил 131 прошение об отставке (см., напр.: Иванов А.Е., Кулагина И.П. Русская профессура на рубеже XIX–XX веков // Русская история. 2013. № 2. С. 52).

в Московском государственном университете (1920–1930, 1943–1954), во Всесоюзной правовой академии (1935–1940), в Московском юридическом институте (1941). Все указанное время занимался адвокатской практикой.

В 1921 г. А.Н. Трайнин был утвержден в звании профессора, в 1938 г. постановлением ВАК ему присуждена учченая степень доктора юридических наук без защиты диссертации. В 1938–1954 гг. работал в Институте права АН СССР. 4 декабря 1946 г. избран членом-корреспондентом Академии наук СССР по Отделению экономики и права по специальности «уголовное право». В том же году удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки».

Такая оценка деятельности А.Н. Трайнина отражает его вклад в уголовное право, криминологию и уголовный процесс. Им было проведено большое количество исследований актуальных проблем в сфере уголовной юстиции, не потерявших свое значение и в настоящее время²⁶. А.Н. Трайниным была подготовлена монография «Система дисциплинарного процесса присяжных поверенных и их помощников»²⁷, издан ряд статей, посвященных проблемам уголовного процесса²⁸.

III

А. Н. Трайнин – один из основоположников советского социалистического уголовного права, автор первого учебника по Особенной части уголовного права²⁹, в котором обстоятельно обосновал

²⁶ Среди них такие работы, как: Трайнин А. Позитивное направление в уголовном праве // Право. Еженедельная юрид. газ. СПб., 1910. 28 марта; Его же. Новейшие течения в классической школе уголовного права // Там же. 18 июля; Его же. Кризис науки уголовного права. Борьба школ вокруг германского проекта угол. кодекса 1925 г. М., 1926; Его же. Спор классической и социологической школ о целях наказания // Новые идеи в правоведении / под ред. Л.И. Петражицкого. Сб. 1. Цели наказания / сост. П.И. Люблинским. СПб., 1914; Его же. Тресты и картели и уголовный закон // Право. Еженедельная юрид. газ. СПб., 1908. 14 сент.; Его же. Понятие и система преступлений против порядка управления. Самоуправство // Право и жизнь. 1925. Кн. 4–5. С. 64–74; Его же. Союзное положение о государственных преступлениях // Вестник сов. юстиции. Харьков, 1927. № 9–10; и др.

²⁷ См.: Трайнин А.Н. Система дисциплинарного процесса присяжных поверенных и их помощников. М., 1918.

²⁸ См., напр.: Трайнин А.Н. Суд коронный и суд присяжных // Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Харьков, 1911. Т. XI, п/т I; Его же. К вопросу о классовом правосудии // Революционная законность. М., 1926. № 7–8. С. 1–3; Его же. Детский суд // Провинция. Витебск, 1912. № 14; Его же. Подсудность суду военного времени по закону 30 июля 1914 г. // Вестник права и нотариата. Год 7. № 40 (5 октября 1914 г.).

²⁹ См.: Трайнин А.Н. Уголовное право РСФСР. Часть Особенная. Преступления против государства и социального порядка / под общ. ред. Д.А. Магеровского. Л., 1925.

вана система Особенной части советского уголовного права. Анализ уголовного законодательства РСФСР представлен в сопоставлении с зарубежным законодательством.

В целом учебник был воспринят положительно³⁰, однако справедливости ради следует сказать, что имелись и отрицательные оценки. Так, на издание 1929 г. была опубликована рецензия, в которой автор, скрывшийся под инициалами, обвинил А.Н. Трайнина в протаскивании «в теорию советского уголовного права под флагом марксизма старой эклектической кашицы социологической школы, разбавленной розовой водицей “рассейского” либерализма. Правовая форма гипостазируется³¹, вновь воспроизводится система традиционных уголовно-правовых понятий, к которым приклеивается новая этикетка, и профессор спокойно анализирует приготовление и покушение, умысел и его виды, соучастие в его разновидностях... с тем лишь новшеством, что все они выступают в непривычной все же роли “критериев социальной опасности”...»³².

Во-первых, обращает на себя внимание недоброжелательный тон рецензента, оперирующего в основном идеологическими клише того времени. Во-вторых, трудно увидеть недостаток в том, что автор учебника использует теоретико-правовое наследие, например, при характеристике предварительной преступной деятельности, достаточно обстоятельно разработанной в дореволюционном уголовном праве³³. Кроме того, отметим существенную деталь. А.Н. Трайнин не просто апплицирует имеющиеся знания об указанных институтах на советское законодательство, а наполняет их

³⁰ Как указывается в современной литературе, учебник «удачно сочетал уголовно-правовую, криминологическую и социологическую характеристики преступлений и наказаний» (см.: Кузнецова Н.Ф. Арон Наумович Трайнин. С. 10).

³¹ Гипостазирование – название логической (семантической) ошибки мышления, принимающего общие понятия, выраждающие одну из сторон действительного бытия, за самостоятельно существующие субъекты или сущности; также известно как реификация (овеществление, т.е. процесс превращения абстрактных понятий в якобы реально существующие феномены), конкретизм (тип восприятия, ориентированный на ценности или идеалы прошлого, воспринимаемые как канон), ошибки неуместной конкретности (иначе, ошибка двусмысленности, когда абстракция рассматривается как конкретное реальное событие или физическая сущность).

³² А.Г. А.Н. Трайнин. Уголовное право. Общая часть. Изд-во 1 МГУ, М., 1929. 511 с. // Сов. государство и революция права. 1930. № 1. С. 189.

³³ См., напр.: Баршев С.И. К учению о покушении. М., 1865; Колоколов Г.Е. К учению о покушении. М., 1884; Орлов А.Н. О покушении на преступление по началам науки и современным законодательствам. М., 1868.

Характеристику указанных и других дореволюционных работ, посвященных проблемам предварительной преступной деятельности, подробно см.: Ситникова А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление. М., 2006.

новым содержанием с учетом ряда обстоятельств: политики государства в противодействии преступности, идеологии (в том числе правовой), экономических, социальных и иных условий России первой половины прошлого века, еще не вполне сложившейся доктрины советского уголовного права. Наконец, преемственность права вообще и уголовного права в частности, выступая связующим звеном в их развитии, представляет собой передачу от поколения к поколению достижений уголовно-правовой доктрины, способствует усвоению социальных и общекультурных ценностей³⁴.

Рецензент выдвигает достаточно суровое обвинение автору – попытки «извращения марксизма... его искажения... подмены его старым социологическим эклектизмом...»³⁵. В связи с этим отметим лишь два обстоятельства: первое – учебник выдержал несколько изданий, широко использовался в учебном процессе; как отмечалось ранее, другими учеными оценивался положительно (это нисколько не означает, что он не имел недостатков)³⁶. Как представляется, уже одного этого было бы достаточно признать критику необоснованной. Однако обратим внимание еще на один момент, относящийся не только к рассматриваемой работе А.Н. Трайнина, но и в целом к советской уголовно-правовой науке, переживавшей сложный период становления, перехода к декларируемому социалистическому уголовному праву. Речь в первую очередь идет о восприятии советскими криминалистами социологической школы уголовного права. Дело в том, что сторонники социологического направления уголовно-правовой теории исходили из того, что ее идеи родственны правовым взглядам революционного пролетариата. Именно исходя из этого, на наш взгляд, необходимо оценивать влияние этой школы на становление и развитие советской уголовно-правовой доктрины первой половины XX в.

Кроме учебника по уголовному праву примерно в то же время из-под пера А.Н. Трайнина выходят работы «Хозяйственные преступления»³⁷ (выдержала три издания) и др.

А.Н. Трайнин первым предпринял попытку научного анализа преступлений порядка управления, предложил их классификацию на семь групп: 1) сопротивление власти; 2) противодействие власти общее; 3) противодействие судебным функциям власти; 4) противодействие оборонительным

³⁴ См.: Швецов Г.В. Преемственность в праве. М., 1983.

³⁵ А.Г. Указ. соч. С. 192.

³⁶ См., напр.: Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1978. С. 17.

³⁷ Трайнин А.Н. Хозяйственные преступления. Текст и комментарий к ст. ст. 126–141 Уголовного кодекса. М., 1925.

функциям власти; 5) противодействие финансово-альным функциям власти; 6) пренебрежение к власти; 7) неповинование власти³⁸. В последующем в классификацию указанных преступлений добавил еще одну группу деяний – преступления, противодействующие хозяйственным функциям власти³⁹.

Предложенная А. Н. Трайниным система преступлений против порядка управления в научной литературе подверглась критике. В вину автору вменялись два момента: игнорирование законодательного деления указанных деяний на особо опасные и иные преступления против порядка управления и включение в систему этих посягательств хозяйственных преступлений и преступлений против обороны страны. В связи с этим П. А. Филиппов отмечает: «Последнее замечание не совсем обоснованно, так как сам УК РСФСР 1922 г. отнес эти преступления к группе преступлений против порядка управления»⁴⁰.

Проблемы классификации рассматриваемых преступлений во многом обусловлены не столько теоретическими изъянами, сколько несовершенством законодательной техники, в том числе систематизации преступлений в рамках Особенной части Уголовного кодекса, отсутствием их внутреннего единства, являющегося характеристикой любой системы, их разнородностью, отнесением к преступлениям против порядка управления деяний, в которых нет «ни в какой мере посягательств на деятельность госорганов»⁴¹.

О данной группе преступлений такое же мнение высказывали и другие советские криминалисты. Например, М. М. Исаев из-за большого количества разнообразных составов, интегрированных в гл. 2

³⁸ См.: Трайнин А. Н. Уголовное право РСФСР. Часть Особенная. Преступления против государства и социального порядка / под общ. ред. Д. А. Магеровского. С. 63.

³⁹ См.: Трайнин А. Н. Уголовное право РСФСР. Часть Особенная. Преступления против государства и социального порядка. 2-е изд., доп. и перераб. в соответствии с УК ред. 1926 г. и союзным «Положением» 1927 г. М., 1927. С. 104, 105.

⁴⁰ Филиппов П. А. Научный вклад членов кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ в развитие ответственности за преступления против порядка управления // Вестник Московского ун-та. Сер. II. Право. 2016. № 6. С. 69.

В литературе предлагались и иные классификации рассматриваемых преступлений. Например, А. А. Пионтковский делил все деяния всего на две группы: общие посягательства на госаппарат и специальные посягательства на госаппарат (см.: Пионтковский А. А. Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1928. С. 279). На наш взгляд, бесспорно очевидно: такая классификация не позволяет уяснить правовую природу ряда деяний, включаемых в ту или иную группу, определить их межгрупповые связи, уяснить содержание ряда признаков составов этих преступлений.

⁴¹ Трайнин А. Н. Уголовное право РСФСР. Часть Особенная. Преступления против государства и социального порядка / под общ. ред. Д. А. Магеровского. С. 63.

УК РСФСР 1926 г., эту структурную часть Кодекса называл «универсальным магазином»⁴².

Характеристика ряда составов преступлений против порядка управления, толкование некоторых их признаков, данное А. Н. Трайниным, сохранили не только свое доктринальное, но и практическое значение⁴³.

Курс лекций А. Н. Трайнина «Уголовное право. Общая часть»⁴⁴ выгодно отличается от аналогичных изданий других авторов, и в первую очередь тем, что он органично сочетает уголовно-правовую трактовку основных институтов уголовного права с социологической и криминологической характеристикой преступления и наказания. Так, вторая глава Курса полностью посвящена криминологическим проблемам оценки преступности в СССР и за рубежом, факторам преступности и борьбе с ней.

Таким образом, исследования А. Н. Трайнина, его работы 20–30-х годов прошлого века создали прочную основу доктрины советского уголовного права, оказали существенное влияние на дальнейшее развитие как уголовно-правовой науки, так и законотворческой деятельности. По его учебникам, учебным пособиям, научно-практическим комментариям учились и работали не одно поколение советских юристов. Этот момент особенно важен, поскольку в Советской России только шел процесс формирования профессиональных кадров юристов вообще и специалистов в сфере уголовной юстиции в частности.

На I Всесоюзном совещании работников высшей школы, состоявшемся 15 мая 1938 г., отмечалось: «Следует признать, что среди всех недостатков высшей школы главным в настоящее время является недостаток хороших учебников... Решающая задача заключается в том, чтобы обеспечить высшую школу хорошими учебниками, достойными нашего великого дела...»⁴⁵. Подчеркивалось, что учебник по праву «должен быть на уровне современной науки и вполне доступен учащимся

⁴² Исаев М. М. Уголовное право. Особенная часть. М., 1929. С. 279.

Следует заметить, что законодатель не смог преодолеть указанный недостаток при формировании как УК РСФСР 1960 г., так и УК РФ (см. подр.: Филиппов П. А. Указ. соч. С. 68).

⁴³ Так, признак публичности при оскорблении представителя власти ученым связывал не с местом совершения преступления, а с наличием посторонних лиц (свидетелей) при совершении деяния. Такой подход полностью поддерживался в советской уголовно-правовой доктрине (см., напр.: Пионтковский А. А., Меньшагин В. Д., Чхиквадзе В. М. Курс советского уголовного права: в 3 т. Т. 2. Особенная часть. М., 1959. С. 455), так признак публичности воспринимается в современной судебной практике.

⁴⁴ Трайнин А. Н. Уголовное право. Общая часть. М., 1929.

⁴⁵ Большевик. 1938. № 10–11. С. 7.

по своему языку. Он должен дать необходимый объем знаний и вместе с тем подготовить учащегося к его будущей практической деятельности. Он должен широко использовать прежние наши учебники и иностранные учебники, где очень много ценного для учебы, и вместе с тем он должен в необходимой мере отвечать задачам идеино-политического воспитания молодежи»⁴⁶.

В 1938 г. в серии выпусков по Особенной части уголовного права выходит работа А.Н. Трайнина «Должностные и хозяйственныепреступления»⁴⁷, представляющая собой учебник по соответствующему разделу курса. Оценивая издание, М.Д. Шаргородский и М.В. Красильников пишут, что, несмотря на некоторые недостатки, «работа дает, наконец, юридическим вузам учебник, в котором долгое время испытывалась острая нужда.., восполняет тот пробел, который имелся в области учебников по Особенной части уголовного права...»⁴⁸. Авторы отмечают ряд несомненных, по их мнению, достоинств учебника. Во-первых, к ним они относят: четкий юридический анализ составов преступлений рассматриваемой главы Уголовного кодекса, использование при этом значительного объема законодательства капиталистических государств; язык книги простой и ясный; по охваченному материалу она содержит весь материал, предусмотренный учебной программой. Во-вторых, представлены законодательные акты союзных государств и дана их характеристика. В-третьих, учебник четко структурирован: разделен на параграфы, которые, как правило, заключают в себе или относительно самостоятельные части в изложении общих вопросов либо освещение частных аспектов темы. Такой подход вполне оправдан методически: расположение материала позволяет студенту сосредоточить внимание на главном, существенном. Разумеется, выделенными обстоятельствами не ограничиваются особенности указанной работы.

Значительным вкладом в сокровищницу русской уголовно-правовой мысли стала монография А.Н. Трайнина «Учение о соучастии»⁴⁹ – первое в советском уголовном праве фундаментальное исследование по столь актуальной, теоретически и практически значимой проблеме⁵⁰. Работа

⁴⁶ Большевик. 1938. № 10–11. С. 7, 8.

⁴⁷ Трайнин А.Н. Должностные и хозяйственныепреступления. М., 1938 (Уголовное право. Особенная часть / Всес. ин-т юрид. наук).

⁴⁸ Шаргородский М.Д., Красильников М.В. Рецензия на работу А.Н. Трайнина «Должностные и хозяйственныепреступления». Всесоюзный институт юридических наук. Москва, 1938 г. // Проблемы социалистического права. Сб. 6. М., 1938. С. 107.

⁴⁹ Трайнин А.Н. Учение о соучастии. М., 1941.

⁵⁰ Следует заметить, что проблема соучастия активно исследовалась и в дореволюционном уголовном праве. Первыми

охватывает весь круг наиболее существенных вопросов: основания уголовной ответственности при соучастии; понятие соучастия; виды соучастия; виды соучастников; специальные вопросы в учении о соучастии; действия, примыкающие к соучастию; ответственность соучастников⁵¹.

Заметим, что проблема соучастия в литературе всегда признавалась и признается в настоящее время одной из самых сложных проблем уголовного права⁵². Достаточно сказать, что до сих пор окончательно не решен вопрос о правовой природе рассматриваемого уголовно-правового явления, т.е. по основному моменту данного феномена.

В теории уголовного права сформировались два основных подхода к его определению. Одна точка зрения исходит из акцессорной (лат. *accessorium* – дополнительный, несамостоятельный) природы соучастия. Ее истоки лежат в уголовно-правовой литературе XIX в. Согласно данной концепции, основой соучастия признается деятельность исполнителя, а действия всех остальных соучастников – дополнительными (аксессорными), поэтому юридическая оценка поведения последних полностью обусловлена действиями исполнителя. Иными словами, если содеянное им признается преступным и наказуемым, то таковыми считаются и действия соучастников, и наоборот, если действия исполнителя по каким-то причинам считаются непреступными или он не был привлечен к уголовной ответственности, то не могут быть привлечены к ответственности и соучастники⁵³.

В соответствии со второй точкой зрения соучастие рассматривается как самостоятельная форма преступной деятельности. Сказанное означает, что

монографическими работами по этой теме, пожалуй, являются исследования А.С. Жиряева «О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении» (Дерпт, 1850) и Г.Е. Колоколова «О соучастии в преступлении (о соучастии вообще и подстрекательстве в частности)» (М., 1881). Вопросы соучастия в той или мере рассматривались во всех изданных дореволюционных учебниках.

В этом случае имеется в виду советское социалистическое уголовное право.

⁵¹ Вопросы соучастия автор затрагивает и в монографии: Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957 (гл. 4 «Состав преступления и соучастие»).

⁵² Соучастие представлено в исследованиях немецких криминалистов Биндинга, Биркмайера, Титтмана, Фейербаха, русских ученых Н.Д. Сергеевского, Н.С. Таганцева и др.

⁵³ См. подр.: Гольдинер В. К вопросу о соучастии в советском уголовном праве // Соц. законность. 1939. № 1; Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по советскому уголовному праву. М., 1959; Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы общего учения о соучастии // Правоведение. 1960. № 1; Шнейдер М.А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному законодательству. М., 1958; 2-е изд. 1963; Пудовочкин Ю.Е. Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления // Журнал росс. права. 2018. № 8; и др.

соучастники несут ответственность не за действия исполнителя, а за лично совершенные ими деяния, которые и выступают основанием уголовной ответственности. Именно поэтому соучастники подлежат ответственности независимо от того, привлекается ли к ней исполнитель или он освобождается от нее по основаниям, предусмотренным законодательством⁵⁴.

М. И. Ковалев занимал промежуточную позицию между указанными подходами. С одной стороны, он признавал наличие элементов акcessорности в соучастии, с другой – ограничивал ее влияние на решение вопросов ответственности соучастников, в частности, тем, что добровольный отказ исполнителя от совершения преступления не исключает возможность привлечения к уголовной ответственности организатора, подстрекателя или пособника (в настоящее время эта идея реализована в ст. 34 УК РФ)⁵⁵.

А. Н. Трайнин выступает сторонником признания рассматриваемого уголовно-правового института самостоятельной формой преступной деятельности. «Соучастие не вносит изменений в общепризнанные основания уголовной ответственности, оно не создает нового вида солидарной ответственности: как при индивидуальной, так и при деятельности по соучастию уголовная ответственность поконится на двух одинаково необходимых основаниях – объективном (причинности) и субъективном (виновности). Соучастие образует лишь особую форму ответственности, так как оно представляет собой особую форму *деятельности* – деятельности нескольких лиц, совершающих одно и то же преступление»⁵⁶.

В соучастии ученый выделяет два обязательных признака: количественный и качественный⁵⁷. Если суть первого, по его мнению, не вызывает сомнений (одно лицо соучастие образовать не может), то этого нельзя сказать по поводу второго обстоятельства.

⁵⁴ См., напр.: Иванов Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов, 1991.

Л. Д. Ермакова отмечает, что действия соучастников не являются производными от действия исполнителя, они выступают участниками «чужого преступления», а выполняют собственное действие, поэтому в учении о соучастии нет места акcessорности (см.: Энциклопедия уголовного права. СПб., 2007. Т. 6. С. 19).

⁵⁵ См. подр.: Ковалев М. И. Соучастие в преступлении // Ученые труды Свердловского юрид. ин-та. Свердловск, 1962. Вып. 2.

⁵⁶ Трайнин А. Н. Учение о соучастии. С. 78.

⁵⁷ В современной уголовно-правовой литературе выделяются два объективных (количественный и качественный) и два субъективных (умышленная форма вины соучастников и соучастие в умышленном преступлении) признака соучастия (см., напр.: Уголовное право. Общая часть / под ред. А. И. Чукаева. М., 2015. С. 191–195).

Проблема заключается в ответе на принципиально важный вопрос: требуется ли для соучастия наличие определенного рода связи между соучастниками?

Именно это обстоятельство в литературе относится к числу наиболее дискуссионных в учении о рассматриваемом институте. Причем споры делятся уже не один век, дискуссии идут как в российской, так и зарубежной уголовно-правовой доктрине.

Выделяются две основные позиции, находящиеся в диаметрально противоположных точках континуума. Согласно первой из них, для наличия соучастия нет необходимости в существовании особой связи между действующими лицами; соучастие имеет место всегда при совершении несколькими лицами одного и того же преступления⁵⁸. Однако «отказ в требовании определенной субъективной связи между соучастниками неизбежно приводит к построению уголовной ответственности на одном объективном стечении разрозненных действий нескольких лиц, т.е. к объективному вменению наступившего результата»⁵⁹.

В соответствии со второй точкой зрения, возникшей в российской уголовно-правовой доктрине начала второй половины XIX в., субъективная связь выступает необходимым элементом соучастия, и, как правило, на протяжении длительного времени ее сводили к соглашению, обычно в виде предварительного сговора⁶⁰.

Оценивая сложившуюся в литературе ситуацию с признанием субъективной связи между соучастниками, А. Н. Трайнин отмечает: «Обе крайние теории – теория, отрицающая какую бы то ни было органическую связь между соучастниками, и теория, конструирующая эту связь в весьма интенсивной форме – в форме предварительного

⁵⁸ Например, П. П. Пусторослев таковым признавал «умышленное соучастие в уголовном правонарушении, без всякого соглашения между участниками, без всякого знания одним участником об участии другого» (см.: Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Юрьев, 1912. С. 431).

⁵⁹ Трайнин А. Н. Учение о соучастии. С. 73.

⁶⁰ Например, Н. С. Таганцев пишет: «Соглашение составляет коренное условие соучастия. Пока оно не доказано по отношению к каждому из лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, до тех пор немыслимо говорить о соучастии как специальном типе виновности» (см.: Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. СПб., 1880. Кн. 1. С. 5).

Эту же мысль высказывали и другие дореволюционные и советские криминалисты. Так, Л. С. Белогриц-Котляревский утверждал, что «единение воли или соглашение составляет коренное условие соучастия как солидарной виновности» (см.: Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 205). На соглашение как признак соучастия указывает А. Лаптев: «Соучастие по советскому уголовному праву можно определить как участие нескольких лиц, основанное на соглашении в совершении одного или нескольких преступлений» (см.: Лаптев А. Соучастие по советскому уголовному праву // Сов. юстиция. 1938. № 23–24. С. 13).

соглашения – не могут быть признаны верными. Они обесценивают природу соучастия, хотя и в различном направлении: одна – чрезмерно расширяя, другая – слишком суживая объем соучастия. При этом ошибка, в которую впадают сторонники соглашения как существенного признака соучастия, столь же глубока, как и ошибка теоретиков, не требующих никакой связи между соучастниками»⁶¹.

По мнению А.Н. Трайнина, соучастие вполне мыслимо и в тех случаях, когда отсутствует взаимная осведомленность каждого из соучастников о присоединившейся деятельности другого соучастника, но лишь тогда, когда лицом, которое не знает об участии другого в совершении преступления, является исполнитель действия. «Соучастие... не есть деятельность нескольких лиц, обязательно основанная на предварительном соглашении. Между соучастниками необходима субъективная связь. Соучастие поэтому может быть... определено как такого рода совместное совершение несколькими лицами одного и того же преступления, при котором, по крайней мере, подстрекатель и пособник знают о деятельности исполнителя. Где нет этой минимальной субъективной связи между участниками, там нет соучастия. Где эта субъективная связь принимает более интенсивные формы, там она служит основанием к различию отдельных видов соучастия»⁶².

Судя по всему, А.Н. Трайнин, говоря о минимальной субъективной связи между соучастниками, имеет в виду двустороннюю связь между участвующими в деянии лицами, хотя, как было сказано, при этом не исключает соучастие при подобной односторонней связи. В настоящее время этой позиции придерживаются лишь отдельные ученые. Так, А.В. Наумов полагает, что «односторонняя субъективная связь может быть иногда положена в основу признания в конкретном случае наличия соучастия в преступлении. Это возможно, когда подстрекатель желает возбудить в исполнителе или в другом соучастнике намерение совершить преступление, хотя исполнитель и не осознает истинной подстрекательской роли другого соучастника...»⁶³.

Автор подвергает резкой критике и дефиницию соучастия, отраженную в учебнике уголовного права, согласно которой «соучастие... есть умышленное участие двух или нескольких лиц в совершении умышленного преступления»⁶⁴, считая, что «такое понимание лишает соучастие его характерной

особенности как особой формы ответственности и вместе с тем превращает соучастие из некоторого органического единства в простую совокупность нескольких лиц, виновных в совершении одного преступления, подобно тому, как существует совокупность нескольких, совершенных одним лицом. Подобное понимание соучастия, по существу, находится в противоречии с принципами социалистического уголовного права и неизбежно создает непреодолимые трудности на практике»⁶⁵.

С оценкой Трайниным приведенного определения соучастия согласиться достаточно сложно. Не ставя целью дать расширенный анализ как указанной дефиниции, так и доводов, на которых основана критика, отметим: авторам учебника удалось сформулировать понятие соучастия, которое, во-первых, в настоящее время дословно воспроизведено в ст. 32 УК РФ; во-вторых, не только не исключает субъективную связь между соучастниками преступления, а наоборот, очень удачно и точно отражает ее указанием на умышленное участие лиц в совершении умышленного преступления.

Исходя из характера и степени субъективной связи между соучастниками⁶⁶, А.Н. Трайнин различает три вида соучастия: 1) простое; 2) квалифицированное с предварительным соглашением соучастников; 3) соучастие особого рода (*sui generis*), «т.е. соучастие в форме участия в преступном объединении (организации, банде, шайке, блоке, заговоре)»⁶⁷.

Следует заметить, что вопрос о видах (формах) соучастия является дискуссионным⁶⁸. Точка зрения А.Н. Трайнина – одно из мнений, высказанных в литературе. В современной доктрине уголовного права, во-первых, нет единой позиции относительно соотношения понятий вида и формы соучастия.

⁶⁵ Трайнин А.Н. Учение о соучастии. С. 70.

⁶⁶ Эта связь некоторыми современными авторами признается социально-психологическим критерием соучастия (см.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., 2012. С. 426).

⁶⁷ Там же. С. 79.

В литературе ошибочно утверждается, что А.Н. Трайнин предлагал четырехчленную систему форм (видов) соучастия, указывая при этом, помимо названных, организованную группу (см.: Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. III: Уголовная ответственность. Преступление / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2021. С. 525).

⁶⁸ Начало этой дискуссии скорее всего положено Н.С. Власьевым, выделявшим два вида соучастия – с предварительным словом (заговор) и без такового. Кроме того, он называл еще одну его разновидность – смешанную форму соучастия в виде банды или шайки, которая может охватывать как предварительную договоренность, так и «случайное сообщество» (см.: Власьев Н. О вменении по началам теории и древнего русского права. М., 1860. С. 67).

С того времени рассматриваемая проблема не получила единого разрешения.

Одни авторы их отождествляют, другие полагают, что они по своей сути различны, отражают самостоятельные классификации, в основе которых лежат различные критерии. Во-вторых, существенно различается содержание указанных классификаций⁶⁹.

Выделение конкретных соучастников А.Н. Трайниным предлагалось производить на основе учета функций, осуществляемых ими до или в процессе совершения преступления, т.е. по их типовому различению. В этом смысле им назывались известные уголовно-правовой науке и законодательству фигуры: организатор, подстрекатель, исполнитель и пособник.

Особый интерес, в том числе исходя из современных дискуссий, полагаем, представляет вопрос о соучастии в неосторожном преступлении. Многие как дореволюционные, так и советские и постсоветские ученые считали, что соучастие в сочетании с неосторожностью невозможно. Так, А.С. Жиряев писал: «Утверждая, что всякий вид участия и прикосновенности бывает лишь сознательный, заведомый или умышленный, я этим самым отвергаю только мнение тех, которые допускают возможность сделаться совиновником, подстрекателем, пособником, попустителем и т.д. вследствие преступной неосторожности»⁷⁰.

В советской уголовно-правовой литературе соучастие также связывалось только с умышленной формой вины⁷¹.

По мнению А.Н. Трайнина, такой взгляд на рассматриваемый институт расходится с действительностью⁷². Он пишет, что «при совершении преступления по соучастию необходимо наличие объективной (причинной) и субъективной (виновной) связи. Поскольку виновная связь возможна или в форме умысла, или в форме неосторожности, нет решительно оснований утверждать, будто соучастие в сочетании с неосторожной виной вообще немыслимо»; «соучастия нет, когда исполнитель действует умышленно, а помогавшие ему лица – неосторожно. Соучастия также нет, когда умышленно действуют трети лица,

⁶⁹ См., напр.: Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С. 16; Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2008. С. 218–220.

⁷⁰ Жиряев А.С. Указ. соч. С. 36.

⁷¹ См., напр.: Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974.

⁷² Г.Е. Колоколов также считал, что «соучастие, со стороны субъективной, предполагает только, что каждое из участвующих лиц действует виновным образом, причем для бытия соучастников совершенно индифферентно, выпадает ли на долю преступников dolus или culpa, существует ли между ними соглашение или нет» (см.: Колоколов Г.Е. О соучастии в преступлении (о соучастии вообще и подстрекательстве в частности). С. 50. 51).

а исполнитель – неосторожно. Но соучастие имеется во всех случаях совместного совершения несколькими лицами одного и того же неосторожно-го преступления»⁷³.

Однако при этом автор, признавая теоретическую возможность соучастия по неосторожности, исключает необходимость введения в уголовное законодательство общей нормы об ответственности за него, считая достаточным объявление уголовно наказуемым подобного соучастия лишь за небольшой круг преступлений.

Признание возможности соучастия в неосторожном преступлении противоречит утверждению самого же Трайнина о необходимости субъективной связи между соучастниками, чего нет в указанном случае⁷⁴. Здесь налицо «разновидность множественности участников преступления, где несколько лиц совершают по неосторожности одно преступное деяние либо причиняют единый преступный результат»⁷⁵.

Н.А. Бабий, на наш взгляд, обоснованно утверждает, что «соучастия в неосторожных преступлениях нет, но есть проблема законодательного закрепления ответственности за “неосторожное причинение”»⁷⁶.

В течение ряда лет А.Н. Трайнин исследовал одну из сложнейших и, пожалуй, центральных проблем теории уголовного права, но менее разработанных в уголовно-правовой доктрине⁷⁷ – состав

⁷³ Трайнин А.Н. Учение о соучастии. С. 111, 114.

Н.Ф. Кузнецова отмечает, что данное утверждение критиковалось еще при жизни А.Н. Трайнина, «но это, пожалуй, единственное, что не было воспринято законодательством и доктриной» (см.: Кузнецова Н.Ф. Арон Наумович Трайнин. С. 12).

⁷⁴ Доказывая возможность соучастия в неосторожном преступлении, А.П. Козлов исходит из того, что «механизм совершения преступления по неосторожности ничем не отличается от механизма совершения преступления с косвенным умыслом» (см.: Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 68). Утверждение автора о совпадении механизма совершения указанных преступлений не основано на реальном положении вещей (см., напр.: Белокобыльский Н.Н., Чучачев А.И. Механизм транспортного преступления. Саратов, 1991).

⁷⁵ Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 214.

⁷⁶ Бабий Н.А. Множественность лиц в преступлении и проблемы учения о соучастии. М., 2013. С. 577.

⁷⁷ В 1906 г. Белинг в монографии «Учение о преступлении» писал: «Исключительное значение, которое имеет в действующем праве состав преступления, настойчиво требует, чтобы учение о составе было разработано специально и основательно. Наука до настоящего времени этой задачи не разрешила». В 1921 г. Зауэр замечает: «Современное культурное государство, государство, в котором хотя бы в некоторой мере право развито и правосудие организовано, не может обойтись без правового понятия состава преступления... Без состава преступления самый опытный, самый знающий судья может прийти в одинаковых случаях к противоположным решениям».

преступления. Будучи краеугольным камнем уголовно-правовой доктрины, состав преступления, имея философские основы⁷⁸, практически затрагивает все институты Общей части уголовного права (достаточно, например, сказать, что с ним связано основание уголовной ответственности); основываясь на нем, решаются вопросы квалификации конкретных преступлений, их разграничения.

Результаты исследования автором опубликованы в трех, по сути, самостоятельных монографиях⁷⁹. А. Н. Трайнин в своих работах использует дефиницию состава преступления, в соответствии с которой он представляет собой «совокупность всех объективных и субъективных признаков (элементов), которые, согласно закону, определяют данное преступление»⁸⁰. Нетрудно заметить, что, говоря о составе преступления как таковом, автор формулирует понятие состава конкретного преступления, хотя при этом сам признает, что состав преступления – понятие родовое⁸¹.

Родовое понятие предполагает отдельные виды определяемого явления. Многие зарубежные авторы (Миттермайер, Биндинг, Гиппель и др.) выделяют два вида состава преступления: объективный и субъективный. В России эту позицию разделял Э. Я. Немировский: «В составе преступления различают объективные признаки – деяние, с его внешней стороны и объект (*объективный состав*) и субъективные – внутреннюю сторону деяния, его отношение к психике субъекта, или вину последнего и различные ее формы (*субъективный состав*)»⁸².

Подобный подход к выделению рассматриваемых видов состава преступления, по мнению

В 1928 г. состояние разработанности данной проблемы Циммерль в работе «К учению о составе» красноречиво отразил в названии соответствующей главы – «Забытая и заброшенная проблема» (см.: Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. М., 1946. С. 5).

В русской дореволюционной литературе впервые, хотя и очень кратко (на четырех страницах), состав преступления рассмотрел В. Д. Спасович (см.: Спасович В. Д. Учебник уголовного права: в 2 т. СПб., 1863. Т. 1. С. 89).

Специальная работа, посвященная составу преступления, в советской России была опубликована в 1939 г. в серии «Библиотека народного судьи и народного заседателя» (см.: Лаптев А. В. Состав преступления и квалификация уголовных дел. М., 1939). Издание имело сугубо практический характер, вопросы учения о составе преступления в нем не затрагивались.

⁷⁸ См. об этом подр.: Коробеев А. И., Лун Чанхай. Философские основы учения о четырехэлементном составе преступления // Современное право. 2010. № 2.

⁷⁹ См.: Трайнин А. Н. Учение о составе преступления; Его же. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951; Его же. Общее учение о составе преступления. М., 1957.

⁸⁰ Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. С. 43.

⁸¹ См.: там же. С. 44.

⁸² Немировский Э. Я. Учебник уголовного права. Общая часть. Одесса, 1919. С. 68.

А. Н. Трайнина, сложился под влиянием классической школы уголовного права, относившей к нему лишь признаки, связанные с преступным действием. Между тем состав преступления охватывает как субъективные, так и объективные элементы преступного действия. «При этом последнем понимании, – отмечает он, – различие субъективного и объективного состава является не формой классификации составов, а попыткой расчленить, расколоть единое понятие состава на два отдельных состава – объективный и субъективный. В действительности можно говорить о субъективных и объективных элементах состава, но двух составов – субъективного и объективного – в одном преступлении быть не может»⁸³.

Как полагал А. Н. Трайнин, та же тенденция расчленения единого понятия состава преступления просматривается и при его делении на общий и специальный составы. В этом случае общий состав преступления относится ко всем без исключения деяниям (без него нельзя говорить о наличии преступления как такового), а специальный, или особый, характеризует конкретное преступление (Фейербах, Зауэр, Штюбель, Мецгер, Лист, Горро, Спасович и др.)⁸⁴.

Исходя из этого, различается и наказуемость посягательства; выделяются абстрактная и конкретная виды наказуемости. Наказуемость первого вида обосновывается «теми свойствами деяния, благодаря которым оно является основанием необходимости и правовой возможности наказания; если в отдельном факте содержатся эти свойства, имеется наказуемость “конкретная”»⁸⁵.

Подобного рода утверждения А. Н. Трайнин считал ошибочными. По его мнению, в действительности термины «общий», «абстрактный»

⁸³ Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. С. 45.

Против указанного деления состава преступления выступал Н. С. Таганцев: «Еще менее значения представляет деление состава на объективный, относящийся к внешней стороне деяния, и субъективный, охватывающий условия виновности, так как понятно, что обе группы условий только в их совокупности образует состав преступления» (см.: Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. СПб., 1880. Кн. 2. С. 382).

⁸⁴ Судя по монографии «Общее учение о составе преступления», в последующем А. Н. Трайнин пересмотрел свою позицию относительно деления составов на общие и специальные. «Особенность составов общих и специальных, особенность, имеющая весьма большое значение для правильной квалификации преступлений, заключается в том, что эти составы по существу однородны, но они охватывают *род* и *виды* одних и тех же преступлений.

Практическое значение различия общих и специальных составов заключается в том, что всегда и, безусловно, при наличии двух норм, предусматривающих одна – родовой состав, другая – специальный, видовой, состав, квалифицировать преступное действие надлежит *не по общей, а специальной норме*» (см.: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления // Трайнин А. Н. Избр. труды. С. 185).

⁸⁵ Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. С. 45.

в данном случае отражают не классификацию составов, не отдельные их виды, а общее понятие состава. «Подобно тому как преступление может быть определено в общей форме как общеопасное, противоправное и виновное действие, и в конкретной форме как кража, убийство и т.д., так и состав преступления может быть определен в общей форме как совокупность элементов преступного действия, и в конкретной как совокупность элементов убийства, кражи и т.д.»⁸⁶. Автор считал неправомерным выделение т.н. усеченного состава преступления⁸⁷. «Предположение о существовании “усеченных” составов логически предполагает существование какой-то средней нормы составов, ниже которой, очевидно, и опускается так называемый “усеченный состав”, а с другой стороны, и существование, так сказать, “переполненных” составов, в которых количество элементов превышает “норму”. Однако хорошо известно, что никаких средних “нормальных” составов не существует и существовать не может: как не существуют и составы с “переполнением” элементов. Состав преступления таков, каким он описан в законе»⁸⁸.

А. Н. Трайнин не разделял взглядов как дореволюционных, так и советских ученых на состав преступления как четырехэлементное образование; классификацию элементов состава преступления на объект, субъект, объективную и субъективную стороны считал «глубоко ошибочной». Он утверждал, что не существует таких элементов состава преступления, как объективная сторона, субъективная сторона и т.д. В действительности имеются элементы состава, характеризующие субъективную сторону преступления (вина, мотив, цель и др.), и элементы состава, характеризующие объективную сторону (действие, причинная связь,

⁸⁶ Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. С. 46.

Ряд ученых полагают, что «выделение в дореволюционном праве так называемого общего состава нельзя признать чем-то предосудительным. Данная уголовно-правовая категория позволила исследовать элементы состава преступления на новом методологическом уровне, исходя из системности и тесной взаимосвязи всех элементов состава преступления. Кроме того, это способствовало развитию многих институтов уголовного права...» (см.: Крылова Н. Е. Дискуссионные вопросы учения о составе преступления // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2012. № 4. С. 31).

⁸⁷ В современной уголовно-правовой литературе некоторые авторы, исходя из особенностей законодательной конструкции состава преступления, выделяют его усеченный вид, считая, что он имеется тогда, когда из всех возможных этапов развития преступной деятельности им охватываются лишь подготовительные действия или сам процесс выполнения деяния, направленного на причинение общественно опасных последствий (см., напр.: Уголовное право России. Общая часть / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб., 2006. С. 380).

⁸⁸ Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления // Трайнин А.Н. Избр. труды. С. 51.

последствия, время и место совершения преступления и др.).

По его мнению, нет такого элемента состава преступления, как субъект преступления. Человек, признаваемый субъектом преступления, не может являться элементом состава, в том числе и основным. На самом деле таковыми выступают признаки, которые ограничивают круг лиц, которые могут нести ответственность за конкретные преступления.

Корни указанных ошибок, как полагал А. Н. Трайнин, кроются в смешении понятий «преступление» и «состав преступления», не являющихся тождественными. В качестве иллюстрации он приводит пример с ответственностью соучастников преступления: «соучастие неизменно предполагает ответственность за одно и то же преступление, но не всегда за один и тот же состав»⁸⁹.

Существо вопроса, по его утверждению, заключается в том, что объект⁹⁰, объективная сторона, субъект, субъективная сторона не являются элементами состава преступления, поэтому последний из них слагаться не может. Все указанные элементы относятся к преступлению, а состав преступления охватывает элементы, характеризующие объект, объективную сторону, субъекта преступления и его субъективную сторону⁹¹. Н. Е. Крылова, на наш взгляд, обосновано указывает, что налицо противопоставление категорий преступления и его состава⁹².

Концепция о составе преступления в целом в юридической литературе подвергалась критике. В частности, отмечалось, что если следовать позиции Трайнина, то это приведет к изъятию из круга проблем, исследуемых учеными, практически всех элементов состава преступления, кроме объекта. «Проблема причинения (а ее нельзя рассматривать без деяния и его последствий), т.е. объективная сторона состава, проблема вины (а ее нельзя рассматривать без тех форм, в которых вина проявляется), т.е. субъективная сторона, и субъект преступления изымаются для изучения из рамок состава. Что же остается в составе? Один объект.

⁸⁹ Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 171, 172.

⁹⁰ Объект преступления не признавал элементом состава Я. М. Брайнин (см.: Брайнин Я. М. Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве // Юридический сборник. Киев, 1950. Вып. 4. С. 53).

⁹¹ Я. М. Брайнин обосновано отмечает, что «особенностью признаков состава преступлений, как и любых признаков, является то, что они не существуют и не могут существовать вне и независимо от элементов состава преступления; они связаны с последним как свойства предметов с самими предметами» (см.: Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 134).

⁹² См.: Крылова Н. Е. Указ. соч. С. 33.

Таким образом, фактически ликвидируется изучение общего состава преступления»⁹³.

Отмеченные выше обстоятельства, несомненно, имеют существенное значение, но не они, на наш взгляд, выступают краеугольным камнем учения о составе преступления. Таковыми следует признать доктринальную характеристику двух взаимосвязанных положений: соотношение преступления и состава преступления, а также определение природы последнего. По ним в теории уголовного права до сих пор не выработано единой позиции, хотя «сложившееся в российском уголовном праве учение о составе преступления – это одна из наиболее оптимально разработанных, но, возможно, застывших в своей оптимальности составляющих уголовного права как науки...»⁹⁴.

Одни ученые полагают, что состав преступления есть форма бытия преступления, вне которой оно существовать не может⁹⁵. Другие, основываясь на доктрине немецкой школы уголовного права (Биндинг, Белинг и др.⁹⁶), считают его законодательной моделью преступления⁹⁷. Третий (Н.Ф. Кузнецова⁹⁸, И.Я. Гонтарь⁹⁹ и др.) – исходят из того, что состав преступления является не только законодательной характеристикой преступления, но и выступает объективной реальностью; этим понятием в теории обозначается как совокупность признаков, характеризующих определенное преступление, так и конкретное действие, которое соответствует им.

⁹³ Курс советского уголовного права: в 5 т. Т. 1: Часть Общая / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1968. С. 262.

⁹⁴ Уголовное право: в 3 т. Т. 1: Общая часть / под общ. ред. А.Э. Жалинского. М., 2011. С. 349.

⁹⁵ См.: Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. С. 80.

⁹⁶ См. подр.: Кузнецова Н.Ф., Вельцель Л. Уголовное право ФРГ. М., 1984.

⁹⁷ А.И. Марцев, например, пишет: «Состав преступления как его правовая форма представляет собой законодательное описание преступления. Если преступление является конкретным актом человеческого поведения, то состав преступления – это чисто правовое явление» (см.: Марцев А.И. Состав преступления: структура и виды // Уголовное право. 2005. № 2. С. 47). А.Н. Игнатов и Т.А. Костарева также подчеркивают, что состав преступления «есть законодательное понятие о преступлении, указывающее на те его признаки, которые закреплены в уголовном законе.., состав преступления – абстракция, его законодательная модель, без которой конкретное действие невозможно признавать преступлением» (см.: Игнатов А.Н., Костарева Т.А. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1966. С. 26, 27).

⁹⁸ См.: Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 168–177.

⁹⁹ См.: Гонтарь И.Я. Преступление и состав преступления как явления и как понятия в уголовном праве. Владивосток, 1997. С. 97.

Многие криминалисты позицию Трайнина по этому вопросу считали непоследовательной. С одной стороны, состав преступления он признавал объективной реальностью; с другой – считал, что это не что иное, как законодательная характеристика преступления¹⁰⁰.

Как представляется, следует обратить внимание еще на один аспект учения о составе преступления – соотношение диспозиции уголовно-правовой нормы и состава преступления, по которому в теории уголовного права также нет единой точки зрения. А.Н. Трайнин полагал, что «элементами состава являются те признаки, которым закон придает уголовно-правовое значение и поэтому вводит в диспозицию норм Особенной части. Все эти признаки составлены законодателем таким образом, что в совокупности они образуют общественно опасное, наказуемое действие»¹⁰¹. Это утверждение в литературе подверглось критике. В частности, В.Н. Кудрявцев писал: «Состав преступления, как правило, шире текста диспозиции», «состав преступления – гораздо более глубокое понятие, чем диспозиция»¹⁰².

Обобщая сказанное, следует заключить: своими работами А.Н. Трайнин активизировал исследование актуальных проблем советского уголовного права, в частности соучастия и состава преступления.

IV

В начале 1930-х годов ученый обращается к совершенно новой, чрезвычайно актуальной сфере научных исследований – международному уголовному праву, начавшемуся формироваться только после Первой мировой войны, отрасли международного публичного права, регулирующей сотрудничество государств по борьбе с международными преступлениями, их выявлению, расследованию и наказанию. «Крупный правовед, наделенный научной интуицией, он хорошо понимает, какой трагедией для человечества может обернуться победа фашизма в Германии, Италии и Японии»¹⁰³.

Если сформулировать задачу, которую поставил перед собой А.Н. Трайнин как ученый, выделить ее квинтэссенцию, «то она состояла... в том, чтобы всей научной и общественной деятельностью способствовать превращению национального закона

¹⁰⁰ См. об этом подр.: Крылова Н.Е. Указ. соч. С. 36.

¹⁰¹ Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. С. 83.

¹⁰² Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 75, 76.

¹⁰³ Кузнецова Н.Ф. Арон Наумович Трайнин. С. 10.

(Декрета о мире¹⁰⁴), провозглашающего агрессию величайшим преступлением, в закон международный, содействовать тому, чтобы идеи декрета стали общепризнанными нормами международного права, чтобы, наконец, уголовный закон стал на защиту мира. А. Н. Трайнин понимал, что в эту титаническую борьбу Советского государства, советского народа свой скромный вклад должна внести и советская юридическая наука»¹⁰⁵.

В 1935 г. А. Н. Трайнин публикует первую монографию из этой серии – «Уголовная интервенция. Движение по унификации уголовного законодательства капиталистических стран»¹⁰⁶, положившую начало фундаментальной разработке в советском уголовном праве понятия международного преступления и ответственности за него. Исследование посвящено анализу возникшего в 1926 г. движения по т. н. унификации уголовного законодательства¹⁰⁷. В работе ученый на основе глубокого научного анализа и бесспорных аргументов показывает его реакционную сущность, раскрывает цели унификаторов – исключить уголовный закон из арсенала средств борьбы за мир. А. Н. Трайнин убедительно доказал, что движение по унификации уголовного законодательства пытается решить совершенно иную задачу, чем декларирует: стремится к координации действий буржуазных стран с коммунистическим движением, с демократией.

Об этом наглядно свидетельствуют стенограммы конференций движения. В начале его работы унификаторов интересовала борьба с военной

¹⁰⁴ Речь идет о Декрете о мире, принятом на II Всероссийском съезде Советов от 28 октября 1917 г. (см.: СУ РСФСР. 1917. № 1).

¹⁰⁵ Арон Наумович Трайнин // Трайнин А.Н. Избр. произв. Защита мира и уголовный закон / под общ. ред. Р.А. Руденко. С. 9.

¹⁰⁶ Трайнин А.Н. Уголовная интервенция. Движение по унификации уголовного законодательства капиталистических стран. М., 1935.

¹⁰⁷ Движение по унификации уголовного законодательства представляло собой самостоятельную структуру, не входящую ни в одну из международных криминалистических организаций. Впервые вопрос об унификации законодательства встал на Брюссельском конгрессе уголовного права в 1926 г. По предложению представителя Румынии проф. Пелла конгресс принял следующую резолюцию: «Считая весьма желательной унификацию основных начал применения репрессии в проектах разных стран путем принятия общепризнанных принципов современной криминологии, учитывая, далее, что многие государства энергично приступили к разработке новых проектов уголовного кодекса, Конгресс постановил, чтобы комиссии по подготовке новых уголовных кодексов, организованные в отдельных странах, собирались на международную конференцию. Эта конференция должна рассмотреть и унифицировать принципы, положенные в основание разрабатываемых проектов уголовных кодексов, вводя туда по возможности общие начала применения репрессии». Первая конференция прошла в 1927 г. в Варшаве.

Об указанном движении подробно см.: Савенков А.Н. Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции.

агрессией; действия нападающей стороны рассматривались как бесспорные международные преступления, требующие специальных санкций в порядке интернациональной юрисдикции. Более того, высказывались предложения о признании таковым же пропаганды агрессивной войны и т.д. На деле же в этом отношении ничего не было предпринято. На II–V конференциях о военных деликтах даже не упоминали¹⁰⁸.

«Выступая защитниками “интернационазма”, не уставая твердить о цивилизации и культуре, сторонники унификации уголовной репрессии по разным поводам и в разных терминах попутно выдвигают одну весьма поучительную идею. Эта идея заключается в том, что среди международных преступлений существует еще одна особая группа посягательств, международных в особом, так сказать, “квалифицированном”, смысле», – пишет А. Н. Трайнин¹⁰⁹. Для этих преступлений, по мнению унификаторов, характерным выступает то, что они направлены не против той или иной политической формы организации общества и тем более против отдельных лиц, а против самого существа современного цивилизованного государства. На основании этой парадигмы предлагалось координировать усилия отдельных стран, чтобы совместно противодействовать «антикультурной стихии»¹¹⁰.

В монографии «Уголовная интервенция» лежат истоки научной системы преступлений против мира, разработанной А. Н. Трайнином.

В приложении к работе дан проект положения о Международном уголовном трибунале при Постоянной международной судебной палате, единогласно одобренном советом Международной ассоциации уголовного права (19–21 января 1928 г.). Проект охватывает семь глав, посвященных регулированию организации, компетенции и деятельности трибунала. Предполагалось, что полномочия трибунала распространяются на все государства или его подданных при условии, если это государство заявит

¹⁰⁸ О военной агрессии говорил лишь в приветственной речи на IV конференции (1931) проф. Пелла, которым 7 июня 1933 г. был представлен предварительный проект текстов относительно приспособления национальных законов к современной стадии развития международной жизни (см.: Сборник документов по международной политике и международному праву. М., 1934). Взгляды автора, нашедшие рельефное отражение в документе, видны из определения им агрессивной войны. «Агрессивные войны, рассматриваемые в качестве интернациональных преступлений, должны изучаться с точки зрения коллективной психологии... многие интернациональные преступления имеют своим источником агрессивный дух нации, который передается народу из рода в род» (цит. по: Трайнин А.Н. Избр. труды. С. 416).

¹⁰⁹ Там же. С. 420.

¹¹⁰ Следует заметить, что эта идея не нова. Она активно обсуждалась Институтом международного права еще в 1892 г.

о признании им его юрисдикции. Помимо правонарушений, совершенных государствами, и международных правонарушений, которые по своей природе не могут служить основанием для судебного преследования или для наказания по уголовным делам отдельных государств, уголовный трибунал рассматривает также правонарушения, совершенные физическими лицами, от самостоятельного преследования которых государства отказались на основе специальных соглашений:

1) преступления и проступки, совершающиеся в мирное время и способные поколебать мирные отношения между государствами, а также действия, которые в силу обстоятельств их совершения должны быть изъяты из юрисдикции отдельных государств в целях организации более объективного и эффективного преследования по ним;

2) преступления и проступки, совершающиеся во время вооруженного международного конфликта, а именно военные международные правонарушения и нарушения всеобщего права, совершающиеся войсками на оккупированных территориях.

К сожалению, проект так и не стал действующим международно-правовым актом.

В 1937 г. выходит новое фундаментальное исследование А.Н. Трайнина – «Защита мира и уголовный закон»¹¹¹, лейтмотив которого отражен в самом названии работы. На основе анализа Статута Лиги Наций, Локарнских договоров¹¹² и пакта Бриана–Келлога¹¹³ автор подвергает критическому анализу распространенное в буржуазной литературе мнение о том, что санкции, применяемые Лигой Наций, представляют собой уголовное наказание. Подобное их отождествление в теории и на практике не столь безобидно – оно приводит к пренебрежению национальным законодательством. Если санкции представляют собой меры, осуществляемые в принудительном порядке против государства, прибегнувшего к войне вопреки обязательствам, вытекающим из Статута Лиги¹¹⁴, то уголовное наказание имеет

¹¹¹ Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон / под ред. и с предисл. А.Я. Вышинского. М., 1937.

¹¹² Локарнские договоры охватывают семь соглашений, заключенных в Локарно (Швейцария) с 5 по 16 октября 1925 г. и официально подписанных в Лондоне 1 декабря того же года, которыми западноевропейские союзные державы Первой мировой войны и новые государства Центральной и Восточной Европы стремились обеспечить послевоенное территориальное урегулирование.

¹¹³ Пакт Бриана–Келлога – договор об отказе от войны в качестве орудия внешней политики (Париж, 27 августа 1928 г.), получил название по имени министра иностранных дел Франции Аристида Бриана и госсекретаря США Фрэнка Келлога.

¹¹⁴ Д. Борисов, характеризуя понятие санкций, пишет: «Ст. 16 Пакта совершенно отчетливо предусматривает применение против агрессора всей совокупности экономических и финансовых санкций с тем, что за ними должны следовать

более сложную природу, предполагающую, как указывает А.Н. Трайнин, характерные элементы (процессуальные и материальные) уголовно-правовой реакции. Во-первых, в рамках ст. 16 Пакта проблема индивидуальной виновности не ставилась и становиться не могла. Во-вторых, в этой статье нельзя найти даже намека на такие институты уголовного права, как вменяемость, предварительная преступная деятельность, соучастие и т.д. В-третьих, наказание назначается органами правосудия, которые не предусмотрены Пактом. В-четвертых, нет органов, обеспечивающих исполнение приговора суда. «Попытки механически втиснуть сложный клубок дипломатических диверсий, наступлений и отступлений, развертывающихся на основе Пакта Лиги Наций, в русло уголовного правосудия, искажают действительность, искажают острую повседневную борьбу интересов и сил, определяющих всю деятельность Лиги и, в частности и в особенности, обращение Лиги к помощи ст. 16»; «криминализация санкций, применяемых Лигой Наций... не остается нейтральной в этой борьбе.., она играет в ней значительную и совершенно определенную роль, явно клонящуюся... к подрыву системы коллективной безопасности»¹¹⁵.

Ученый подчеркивает, что в системе правовой защиты мира определенная роль принадлежит и уголовному закону, однако реальный путь к достижению этой цели никак не связан с искусственным превращением ст. 16 Пакта Лиги Наций в «уголовный кодекс»¹¹⁶.

В монографии «Защита мира и уголовный закон» А.Н. Трайнин, продолжая разработку проблем преступлений против мира и их системы, определил теоретико-правовые основы учения о субъекте международного преступления, предпринял успешные попытки сформулировать понятие этого субъекта. В работе много внимания уделено ответственности за пропаганду агрессии. Следует особо отметить, что многие идеи, изложенные

военные санкции. Между тем в своем стремлении всячески ограничить применение ст. 16 и эффективность системы санкцийcommentаторы Лиги стали на путь ступенчатости и постепенности применения санкций. Этот метод был применен в итalo-абиссинском конфликте и привел к тому, что итальянская агрессия приняла затяжной характер. Между тем автоматическое применение совокупности экономических и финансовых санкций могло бы положить конец агрессии в самом начале» (см.: Борисов Д. Санкции. М.; Л., 1936. С. 41). Автоматизм предполагает немедленную и непосредственную реакцию членов Лиги на военную агрессию.

¹¹⁵ Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон / под ред. и с предисл. А.Я. Вышинского. С. 90, 94.

¹¹⁶ «Главная задача уголовного права, – отмечает в 1930 г. в докладе Пражскому пенитенциарному конгрессу английский проф. Сэйр, – не в том, чтобы регулировать индивидуальные права, а в том, чтобы оградить публичную безопасность в интересах общества» (цит. по: там же. С. 136).

в монографии, были использованы при разработке в 1945 г. проекта Устава Военного трибунала.

В статьях, опубликованных в 1944–1945 гг., раскрывается талант А. Н. Трайнина как яркого публициста, умело сочетающего научность публикаций с их доступностью для восприятия, пользующегося яркими, запоминающимися сравнениями и метафорами¹¹⁷. Выходят в свет публикации «Версальский мир и ответственность за преступления войны 1914–1918 гг.»¹¹⁸, «Гитлеровская система государственного бандитизма»¹¹⁹; первая из них посвящена вопросам уголовной ответственности за преступления, совершенные Вильгельмом II и его соратниками¹²⁰; вторая – грабежам, убийствам и истязаниям, ставшими государственной программой фашистской Германии по истреблению народов и народных богатств¹²¹.

В статье «Уголовная ответственность за гитлеровские злодействия»¹²² А. Н. Трайнин вновь возвращается к проблеме ответственности за военные преступления¹²³.

Статья «Дорога злодейства»¹²⁴ содержит описание зверств гитлеровцев, от которых стынет кровь; гитлеровские злодействия, совершенные на территории

¹¹⁷ Эти статьи приведены в: Трайнин А. Н. Избр. произв.: Защита мира и уголовный закон / под общ. ред. Р. А. Руденко. С. 148–190.

¹¹⁸ Трайнин А. Н. Избр. труды. С. 552–554.

¹¹⁹ Там же. С. 555–557.

¹²⁰ Отказом Голландии выдать Вильгельма II был исчерпан вопрос об уголовной ответственности главы германского государства.

¹²¹ В этом отношении примечательна т. н. зеленая папка Геринга (план Ольденбург) – сжатый курс теории и практики государственного бандитизма (см.: Великая Отечественная война. 1941–1945: энциклопедия. М., 1985. С. 511). В Памятке для ведения хозяйства в завоеванных восточных районах с неприкрытым цинизмом утверждалось: «Завоеванные восточные области являются германской хозяйственной территорией. Земля, весь живой и мертвый инвентарь... являются собственноностью германского государства» (см.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: в 6 т. М., 1960. Т. 1. С. 360).

¹²² Трайнин А. Н. Избр. труды. С. 558–564.

¹²³ Автор пишет: «Государство нельзя посадить на скамью подсудимых, государство нельзя сослать или выслать. Ни одно из начал уголовного правосудия неосуществимо, если пытаться предать суду такую сложную, своеобразную и многомиллионную фигуру, каким является современное государство... Необходимо установить, что уголовную ответственность за преступные действия должны нести те конкретные лица, которые от имени государства и по его полномочию действуют. Это положение в полной мере соответствует и основным принципам уголовного правосудия, ибо здесь речь вовсе не идет о переложении ответственности с государства на его представителей: уголовная ответственность здесь, как всегда и всегда, неперелагаема. Здесь конкретные лица отвечают за себя, за свои преступные действия, совершенные именем государства» (см.: там же).

¹²⁴ Трайнин А. Н. Дорога злодейства // Октябрь. 1943. № 6–7. С. 170–175.

СССР и ряда других стран, безмерны и чудовищны. Гитлер решился на истребительный, смертоносный поход против народов и наций. Жертвы гитлеровской агрессии неисчислимые. «Но гитлеровская агрессия, – отмечает А. Н. Трайнин, – не только самая кровавая: она самая подлая агрессия в мире».

Две статьи – «Стратегия террора»¹²⁵ и «Стратегия «милосердия»»¹²⁶, – по сути, посвящены одному вопросу: разным формам террора, осуществлявшегося гитлеровской кликой, и их оправданию. «Для того чтобы стимулировать совершение казней, Гиммлер предписывал ежедневно докладывать о количестве расстрелянных жертв. В этих приказах – политическая программа фашистских захватчиков; они желали одного: чтобы население трепетало перед их ненасытной кровожадностью. Именно такая война, – подчеркивает А. Н. Трайнин, – по замыслу гитлеровских стратегов, и должна была обеспечить Германии молниеносную победу».

Во второй статье показаны действия клевретов фашистов, взывающих к милосердию по отношению к военным преступникам. Они не против суда, но одни из них в качестве такового видят суд Божий; другие – суд истории. Однако тех и других объединяет одно: они боятся «суда человеческого», и в первую очередь из-за его неотвратимой реальности и нарастающей близости. Как замечает А. Н. Трайнин, попытки умалить роль правосудия предпринимаются даже представителями международных организаций, которые по своему предназначению должны были всячески поддерживать проведение судебного процесса над главными военными преступниками. Так, председатель Комиссии ООН по расследованию военных преступлений сэр Сесил Хёрст заявил, что «имеется большое количество недоразумений и неясностей по вопросу о военных преступниках». А. Н. Трайнин, парируя это утверждение, заявляет: «наоборот, прежде всего, необходимо указать, что имеется неисчислимое количество точно установленных преступлений войны и множество имен виновников этих преступлений».

Мировоззрение Хёрста хорошо иллюстрирует приведенный автором статьи эпизод. Хёрсту был задан вопрос: «Включен ли Гитлер в список военных преступников?». Ответ оказался разительным: «Вынужден отказаться отвечать на вопросы относительно отдельных военных преступников».

В статье «Стратегия «милосердия»» А. Н. Трайнин разоблачает план Хёрста по расследованию и судебному рассмотрению дела о военных

¹²⁵ Трайнин А. Н. Стратегия террора (Разрушение гитлеровцами международного правопорядка) // Известия. 1945. 17 янв.

¹²⁶ Трайнин А. Н. Стратегия «милосердия» // Война и рабочий класс. 1944. № 19. С. 14–17.

преступлениях, совершенных Гитлером и его кликой. Главное в этом плане – расследование должно быть проведено не специально образованной комиссией, а правительствами отдельных стран. И диаметрально противоположное предложение – правом требования выдачи преступников должны обладать не отдельные государства, а Комиссия Объединенных Наций.

В заключение А. Н. Трайнин делает вывод, характеризующийся объективной и глубокой оценкой как сути проблемы военных преступлений, совершенных в годы Великой Отечественной войны фашистской Германией и ее сателлитами, так и необходимости суда народов над преступниками: «Стратегия “милосердия” – не проблема этики, даже не проблема суда и наказания; это прежде всего военно-политическая проблема. Стратегия “милосердия” – лишь одно из звеньев кампании за снисходительный мир, начатой гитлеровцами и кое-какими кругами, поддерживающими их. Поэтому проповедь милосердия к палачам – это проповедь компромиссного мира, проповедь сохранения в Германии очага будущих войн и злодейства».

В Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства, принятая руководителями СССР, США и Великобритании 2 ноября 1943 г., говорится, что виновные в злодеяниях «будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы»¹²⁷. Это обстоятельство недвусмысленно определило процессуальные аспекты суда над военными преступниками, в частности подсудности уголовных дел, но оставался ряд материально-правовых проблем, которые активно использовались защитниками лиц, совершивших сотни страшных злодействий¹²⁸. Например, встал вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности военнопленных, совершивших преступления во время войны. Довод противников, по сути, сводился

¹²⁷ Внешняя политика СССР / отв. ред. С.А. Лозовский. М., 1947. Т. V. С. 321.

¹²⁸ Кстати, в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» (см.: СПС «КонсультантПлюс») проблема ответственности военнопленных была разрешена; за совершенные преступления они несли ответственность на общих основаниях, как и другие военные преступники.

Судебная практика, как зарубежная, так и российская, признавала военнопленных субъектами военных преступлений. В частности, в этом отношении показателен Харьковский процесс 15–18 декабря 1943 г. (см. подр.: Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. С. 367–374).

к одному: военнослужащие выполняли приказы своего начальства.

В статье «Об уголовной ответственности гитлеровских преступников»¹²⁹ А. Н. Трайнин дает им гневную отповедь. «Приказ – это спасительный “дзот”, который должен укрыть преступника в суровый час возмездия. Таким образом, оказывается, можно потерять счет замученным и убитым, можно расстреливать, как дичь, людей, можно сжигать госпитали с ранеными, совершать тысячи других злодействий и не бояться ответственности, не страшится кары – был бы в кармане приказ! Такова “линия” обороны пойманных гитлеровских преступников. Но международному праву и советскому закону одинаково претят эти трусливые попытки бумажкой приказа прикрыть горы истерзанных жертв».

В серии газетно-журнальных публикаций представляют интерес и такие статьи А. Н. Трайнина, как «Бесчеловечный гуманизм»¹³⁰, «Час настал»¹³¹ и др.

V

Особую серию образуют статьи А. Н. Трайнина 1945–1946 гг., объединенные в литературе под общим названием «Нюрнбергский процесс»¹³². «Советский ученый был глубоко убежден в том, что успех Нюрнбергского процесса в немалой степени будет зависеть и от того, насколько широко удастся информировать народы о его материалах, о деятельности Трибунала. Поэтому, находясь в Нюрнберге, А. Н. Трайнин пишет в советские газеты и журналы серию статей о процессе. Политическая страсть, глубокая ненависть к фашизму и любовь к своей Родине и миру, выраженные ярким и образным языком, – вот что характеризует публицистические выступления А. Н. Трайнина о Нюрнбергском процессе. Он был пионером в разработке важнейших научных проблем ответственности за международные преступления, он был и в первых рядах тех, кто сумел в популярной для широких народных масс форме донести всю важность этих проблем»¹³³.

Открывает указанный цикл статья «В Нюрнберге», содержащая описание города накануне судебного процесса, в котором с 1927 г. проводились Имперские партийные съезды (съезды НСДАП),

¹²⁹ Трайнин А.Н. Об уголовной ответственности гитлеровских преступников // Война и рабочий класс. 1944. № 1. С. 19–21.

¹³⁰ Трайнин А.Н. Бесчеловечный гуманизм // Там же. № 9. С. 16–18.

¹³¹ Трайнин А. Час настал // Красная звезда. 1945. 17 мая.

¹³² Трайнин А.Н. Нюрнбергский процесс: сб. ст. М., 1946.

¹³³ Арон Наумович Трайнин // Трайнин А.Н. Избр. произв. Защита мира и уголовный закон / под общ. ред. Р.А. Руденко. С. 12.

призванные продемонстрировать всему миру величие германской нации. В 1945 г. Нюрнберг представлял собой полутемный, полуразрушенный город побежденных.

Автор подробно описывает организационные аспекты деятельности Международного военного трибунала, библиотеку, в трех больших комнатах которой была собрана вся законодательная и «литературная» продукция гитлеровской Германии, каждая страница которой изображает военных преступников, призванных к ответу за свои злодеяния¹³⁴.

Характеристике структуры, состава и деятельности Нюрнбергского трибунала посвящены также статьи А.Н. Трайнина «Международный военный трибунал», «На Нюрнбергском процессе» и «Этапы Нюрнбергского процесса». В первой из них автором подробно освещен Устав МВТ; во второй – Трибунал представлен не просто как суд в международном масштабе, но и как своеобразно построенный суд. Это своеобразие многогранно, оно проявляется, пожалуй, в каждом процессуальном действии Трибунала, например даче свидетелем показаний по опросному листу, составленному, как правило, защитником; участие в процессе защитников организаций и др. В третьей статье говорится о процессуальной регламентации деятельности Трибунала.

Два принципиальных вопроса ставит ученый в статье «Преступники войны будут наказаны»: определение круга «преступлений войны» и субъекта их совершения.

В.П. фон Эгерт, характеризуя преступные действия немцев и австрийцев во время войны 1914–1918 гг., пишет: «Весь мир поражен тем способом ведения войны, с которым выступила и которого продолжает придерживаться Германия, потянувшая за собой в том же направлении... и Австрию»¹³⁵. При определении круга военных преступлений автор предлагает исходить из перечня деяний, установленных в Женевской конвенции 1864 г., Санкт-Петербургской декларации 1868 г.,

¹³⁴ «Нюрнберг, – пишет А.Н. Трайнин, – старинный город. У него большое историческое прошлое... Но Нюрнберг “Третьей империи”... – это центр, в котором методически подготовлялся кровавый заговор против всего человечества. Самые отвратительные законы, изданные гитлеровской Германией, носят название нюрнбергских законов» (см.: Трайнин А.Н. Нюрнбергский процесс: сб. ст.).

¹³⁵ Эгерт В.П. фон Чрезвычайная следственная комиссия о преступных действиях неприятеля в войну 1914 – ... гг. Пг., 1914. С. 5.

О злодеяниях немцев во время Первой мировой войны подробно см.: Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. М., 1942.

Гаагской конвенции 1907 г. и Лондонской декларации 1909 г.¹³⁶

Злодеяния гитлеровцев в годы Великой Отечественной войны, по мнению А.Н. Трайнина, охватывают две группы преступлений: в первую входят посягательства на мирные отношения между народами – агрессия, организация «пятых колонн», террористические акты с целью провокации международных конфликтов и др. Вторую группу образуют деяния, нарушающие законы и обычаи войны: убийство мирных граждан, военнопленных, организация рабского-крепостнического труда и т.д.

«Уголовное правосудие, – пишет А.Н. Трайнин, – проникнуто принципом индивидуальной ответственности. Такой принцип обязывает и среди обширной массы преступников войны различать отдельные группы по степени их социальной опасности и масштабам совершенных ими злодеяний». Исходя из этого, автор выделяет две категории преступников:

1) основная группа: лица, начавшую войну и превратившие ее в орудие истребления и ограбления народов (Гитлер, Гиммлер, Гебельс, Геринг, Риббентроп, Папен и др.); ставленники Гитлера на местах (гауляйтеры, руководители фашистских партий, высшее военное командование, гестаповцы и эсэсовцы).

К этой же группе ученый предлагал отнести финансовых и промышленных магнатов, которые в течение ряда лет участвовали в подготовке военной агрессии, в организации разрушений и ограблений временно оккупированных стран;

2) центральная группа: лица, возглавлявшие и определявшие политику стран-сателлитов (Антонеску и др.).

В статье «Искатели “юридических щелей”» А.Н. Трайнин дает ответ защитнику Геринга Штаммеру¹³⁷, обратившемуся от имени всех адвокатов, участвующих в процессе, с письменным заявлением о том, что на момент судебного разбирательства не существует закона, на основании которого Трибунал мог бы судить главных военных преступников.

В связи с этим А.Н. Трайнин отмечает: «В сфере международных отношений не существовало, да и не может существовать законодательных инстанций, компетентных издавать законы для всех

¹³⁶ См.: Эгерт В.П. фон Указ. соч. С. 11–14.

Комиссия 1919 г., образованная для изучения преступлений, совершенных немцами в войне 1914–1918 гг., выделяла 32 вида «преступлений войны» (см. подр.: Трайнин А.Н. Избр. труды. С. 607).

¹³⁷ Выступление Штаммера см.: Нюрнбергский процесс: сб. документов: в 8 т. М., 1999. Т. 8. С. 49.

государств. Режим международных отношений по-коится на совершенно иных политических и правовых отношениях. В международной сфере основным источником права служит договор. Именно поэтому соглашение об учреждении Международного военного трибунала и его устав приобретают особое значение: здесь впервые в международном акте определены порядок международного суда и составы международных преступлений».

Второй довод, использовавшийся защитниками подсудимых на Нюрнбергском процессе, относился к составу Трибунала. По их мнению, следовало организовать суд из представителей нейтральных стран, а не государств, представляющих лишь одну из воюющих сторон. Государства-победители создали юридическую организацию и нормы уголовного закона и сами же выступают в качестве прокуроров и судей.

Предложение пригласить во имя справедливости судьями нейтральные страны, с точки зрения А. Н. Трайнина, нелепо и цинично. По сути, оновольно или невольно создает впечатление о том, что среди граждан СССР, Америки, Англии и Франции нет заслуживающих доверия судей. Таким образом Советскому Союзу, ценой огромных жертв обеспечившему победу над фашистской Германией и ее сателлитами, пытались воспрепятствовать в осуществлении правосудия над военными преступниками, творившими злодеяния на временно оккупированных территориях.

Вопросам защиты посвящена и статья ученого «Защита, ее свидетели и документы». Заметим, что адвокаты были наделены достаточно широкими полномочиями в процессе. Во-первых, Устав МВТ содержит специальный разд. IV, посвященный процессуальным гарантиям подсудимых. Во-вторых, Трибунал принимал все меры, чтобы уставные положения нашли полное воплощение в ходе рассмотрения дела о главных военных преступниках. Однако защита достаточно часто нарушала Устав. Особенно наглядно проявилось это на стадии представления ею доказательств. А. Н. Трайнин приводит пример с допросом свидетеля Боденшатца, вызванного в суд по ходатайству защитника Геринга Штаммером. Во время перекрестного допроса, который вел главный обвинитель от США Джексон, выяснилось, что перед этим адвокат его несколько раз консультировал. Более того, он составил перечень вопросов, которые будут заданы Боденшатцу на судебном заседании. У последнего, как он подтвердил в суде, были время и возможность подготовиться к ним¹³⁸. «Таким образом... была проведена своеобразная генеральная репетиция

¹³⁸ См.: Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 8 марта 1946 г. // Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. М., 1989. Т. 3. С. 115.

судебного допроса, — пишет А. Н. Трайнин, — защитник до суда ставил Боденшатцу вопросы, свидетель заготовил письменные ответы и пользовался ими на суде при ответах защитнику».

Другой пример поражает цинизмом защитника СС, ходатайствовавшего о приобщении к делу еженедельника «Черные корпуса». «Требуемый документ, — утверждал адвокат, — необходим для того, чтобы доказать, что организация СС проводила последовательную и систематическую пропаганду идеализма». Как согласуется подобное утверждение с миллионами замученных жертв, защитник, разумеется, обошел стороной¹³⁹.

Вопросам защиты посвящена и статья ученого «Речи защитников». Выступления адвокатов, вероятно, можно свести в две группы. В одних речах проявилось понимание той кровавой трагедии, которая именем германского государства и силами немецкого народа была организована и осуществлена главными военными преступниками. Так, защитник Зейсс-Инквартра Штейнбаэр отмечал, что на Нюрнбергском процессе были вскрыты факты, свидетельствующие о такой бездне падения, что нормальному человеку невозможно представить, «при обсуждении о вине германского народа нельзя будет говорить о коллективной вине или соучастии германского народа в преступлениях, а речь может идти лишь о коллективном позоре, так как люди, под руководством которых совершились возмутительные преступления, были немцами»¹⁴⁰.

Адвокат Людингхаузен продемонстрировал понимание задач, стоящих перед международной уголовной юстицией.

Однако совершенно иными были речи защитников Штаммера, Серватиуса, Заутера и др., стремившихся оправдать своих подзащитных. Так, защитник Редера Зиммерс ничтоже сумняшеся

¹³⁹ Яркий пример позиции адвокатов на процессе — допрос 22 февраля 1946 г. директора Государственного Эрмитажа акад. И. А. Орбели, о котором ходатайствовал помощник главного обвинителя от СССР М. Ю. Рагинский. Предполагалось, что Орбели представит Трибуналу масштаб тех разрушений и разграблений культурных ценностей, которые осуществили фашисты за годы блокады Ленинграда. Против допроса свидетеля выступил адвокат Серватиус, защищавший подсудимого Заукеля. Его довод обескураживает: Ленинград не был оккупирован немецкой армией, поэтому нет смысла заслушивать свидетеля.

И. А. Орбели, находясь во время блокады в городе, лично наблюдал бомбардировки и артиллерийские обстрелы Эрмитажа, Зимнего дворца, Казанского собора, Петергофа и других памятников архитектуры. Все попытки защитников Латернзера и Серватиуса опорочить свидетеля провалились (см.: Стенограмма заседания Международного военного трибунала // Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. М., 1990. Т. 4. С. 76; см. об этом также: Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог. М., 1965).

¹⁴⁰ Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. М., 1991. Т. 5. С. 840.

заявил: «Человек, который верит в Бога, не может совершить преступление, а солдат, который верит в Бога, не может быть военным преступником»¹⁴¹.

А.Н. Трайнин делает однозначный вывод: «на приговор Международного военного трибунала не повлияют эти беспомощные потуги отвести правосудие в сторону от суровой правды. Но тем не менее речи защиты на Нюрнбергском процессе не могут не вызвать беспокойства. Нюрнбергские адвокаты – представители немецкой интеллигенции. Они знакомы со всеми документами. Перед ними прошла во всей полноте картина страшных преступлений, совершенных их подзащитными... И если они в своих речах выступают с нацистских позиций, если они не видят состава преступления в делах гитлеровских палачей – это плохой признак. Он свидетельствует о том, что в определенных кругах германской интеллигенции еще гнездятся остатки возврений, которые навлекли величайшие бедствия на весь мир, а саму Германию довели до катастрофы».

Речи главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко посвящена статья А.Н. Трайнина «Счет воли и совести народов». «Это была речь, подвевшая яркий и четкий итог содержательным выступлениям всех главных обвинителей. Все, что прошло перед Международным трибуналом в Нюрнберге: политические принципы, правовые проблемы и фактические материалы, – нашло отражение в речи...».

¹⁴¹ Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. Т. 8. С. 217.

Кстати, тактика защиты самих подсудимых была достаточно примитивной. Так, Геринг заявил: «Я не хотел войны и не способствовал ее развязыванию. Я делал все, чтобы предотвратить ее» (см.: там же. Т. 3. С. 265); Розенберг утверждал: «Я выступал не за то, чтобы уничтожать культуру и подавлять национальные чувства народов Восточной Европы, я боролся за улучшение физических и духовных условий их существования» (см.: там же. М., 1997. Т. 7. С. 278); Шахт высказывал претензии Трибуналу за то, что его не признали пацифистом: «Чувство справедливости во мне глубоко оскорблено...» (см.: там же. С. 284); Заукель пытался убедить Трибунал в том, что «в душе и мыслях своих я остался моряком и рабочим... Я не мог быть никем иным, как социалистом» (см.: там же. С. 290); Штрейхер настаивал на том, что он «требовал создания еврейского государства» (см.: там же. С. 300).

Другая группа подсудимых пыталась использовать более изощренные методы защиты. Например, Шпеер делал экскурсы в историю развития военной техники (см.: там же. С. 301); Риббентроп выступал с прогнозами: «Сегодня для Европы и мира осталась одна проблема – овладеет Азия Европой или западные державы смогут ликвидировать влияние Советов на Эльбе, на Адриатическом побережье и в районе Дарданелл. Другими словами, Великобритания и США сегодня практически стоят перед той же дилеммой, что и Германия...» (см.: там же. С. 270, 271).

Оценивая высказывания этих и других подсудимых, А.Н. Трайнин замечает: «Нюрнбергский процесс вскрыл политический механизм фашистского режима, режима террора и лжи. Последнее слово подсудимых завершило разоблачение».

Но не только это прозвучало в выступлении Р.А. Руденко¹⁴². Нюрнбергский процесс выдвинул ряд общих политических и правовых проблем. Во-первых, впервые в истории перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и само государство сделавшие орудием совершения преступлений. Во-вторых, в их лице Трибунал судит созданные ими преступные учреждения и организации, распространяемые ими человеконенавистнические теории и идеи.

В своей речи Р.А. Руденко ответил и на один из наиболее острых вопросов, к которому часто обращались защитники подсудимых, – компетенции Международного военного трибунала. «В сфере интернациональной заключенный между государствами договор есть безусловное достаточное законное основание для осуществления и деятельности созданных этими государствами органов международной юстиции...»¹⁴³.

А.Н. Трайнин считал, что речь советского обвинителя войдет в историю как призыв к борьбе с разрушительными силами фашистской реакции, как великий призыв к свободе и мирному сотрудничеству наций. Интуиция ученого не обманула его.

В соответствии со ст. 9 Устава в обвинительном акте был поставлен вопрос о признании Трибуналом преступными организациями, в которые входили главные военные преступники: правительство фашистской Германии, генеральный штаб и высшее командование германских вооруженных сил, руководящий состав германской национал-социалистической партии, государственную тайную полицию (гестапо), охранные отряды германской национал-социалистической партии (СС), отряды безопасности (СД) и штурмовые отряды. В статье «Преступные организации гитлеризма» А.Н. Трайнин затрагивает два взаимно увязанных вопроса: значение подобного решения Трибунала, в том числе и для международного уголовного права, и практические последствия признания ряда организаций преступными. «На Нюрнбергском процессе речь идет вовсе не об установлении уголовной ответственности организаций, – пишет автор, – вопросов о наказании организаций Трибунал не ставит и не решает... Трибунал вправе признать организацию преступной не для того, чтобы ее наказать, а лишь для того, чтобы обеспечить национальным судам право привлекать отдельных лиц за принадлежность к таким организациям, признанным преступными». Таким образом, Устав МВТ не затрагивает принцип, согласно которому уголовной ответственности подлежат конкретные руководители и участники преступных организаций.

¹⁴² См. об этом: там же. М., 1987. Т. 1. С. 459.

¹⁴³ Там же. С. 460.

В статье «Приговор истории»¹⁴⁴ А.Н. Трайнин отмечает, что воля народов нашла свое выражение в Уставе МВТ, воля Трибунала – в его Приговоре. Последний обращен не только к прошлому, он направлен и в будущее, выступая наглядным предостережением для тех, кто вынашивает идеи новой войны.

Следует сказать, что с большим интересом читаются и другие статьи из цикла «Нюрнбергский процесс»: «Тараканы», «Профессия палачей», «Заговорщики», «Неостывающие чувства», «Процесс замедленного действия», «Первые итоги», «Механизм фашистского заговора». Статьи «Поучительные цифры (Немцы о Нюрнбергском процессе)», «У последней черты» и «После приговора. Общее мнение» как бы подводят своеобразный итог публицистических выступлений А.Н. Трайнина.

VI

Во время Великой Отечественной войны А.Н. Трайнин активно исследует проблемы международной уголовно-правовой ответственности¹⁴⁵. Заметим, что международное уголовное право в это время переживало стадию становления, многие вопросы его предмета в литературе вообще не были представлены. Все проблемы сводились, по сути, к одной – подсудности уголовных дел. Причем такая ситуация складывалась не только в российском праве, но и за рубежом. Некоторые авторы к предмету международного права относили помимо подсудности экстрадицию¹⁴⁶, а также взаимную помощь в борьбе с общеуголовной преступностью¹⁴⁷.

К вопросам международного уголовного права в 1910 г. обращались две крупнейшие международные ассоциации того времени: Международный союз криминалистов в Брюсселе и Международный пенитенциарный конгресс в Вашингтоне. Однако и они ограничились лишь указанными

¹⁴⁴ Обстоятельную характеристику Приговора Международного военного трибунала см.: Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. С. 358–367.

¹⁴⁵ См.: Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. М., 1944.

¹⁴⁶ Когда в литературе утверждается, что «исторически международное уголовное право уходит своими корнями в далекие рабовладельческие цивилизации», то на самом деле имеется в виду возникновение и становление института выдачи преступника (см.: Курс уголовного права: в 5 т. Т. 5: Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2001. С. 340; см. об этом подр.: Панов В.П. Международное уголовное право. М., 1997).

¹⁴⁷ См. об этом подр.: Коркунов Н.М. Конструкция международного уголовного права // Журнал гражданского и уголовного права. 1889, янв.; Штиглиц А.Н. Исследование о выдаче преступников. СПб., 1882; и др.

вопросами, добавив к ним еще один процессуальный аспект – силу приговора¹⁴⁸.

Проблемы международного уголовного права затрагивались движением унификации уголовного законодательства, но они относились к частным моментам, например борьбе с терроризмом.

Основные же составляющие предмет международного уголовного права – понятие международного преступления и субъекта, наказуемости таких деяний и др. – в работах не рассматривались. Для А.Н. Трайнина исследование указанных проблем явилось своеобразным продолжением его предыдущих работ – «Уголовная интервенция. Движение по унификации уголовного законодательства капиталистических стран» и «Защита мира и уголовный закон». В монографии «Уголовная ответственность гитлеровцев», судя по ее названию, не претендующей на общетеоретическую разработку международного уголовного права, представлены хотя и взаимосвязанные, но относительно самостоятельные срезы проблемы: во-первых, разработка понятий международного преступления, системы этих деяний, субъекта международного преступления, соучастия в данных посягательствах и др.; во-вторых, глубокий анализ преступлений гитлеровцев против мира.

Характеризуя международное преступление, А.Н. Трайнин пишет: «Международное преступление... является посягательством на связь между государствами, между народами, на связь, составляющую основу отношений между нациями и странами... Международное преступление, следовательно, должно быть определено как посягательство на основы международного общения»¹⁴⁹.

Все международные преступления ученым интегрированы в две группы. Первая группа охватывает посягательства на мирные отношения между народами: 1) агрессивные действия; 2) пропаганда

¹⁴⁸ См.: Люблинский П.И. Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905–1915). М., 2014. С. 94, 226.

¹⁴⁹ Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. С. 30, 31.

В современной литературе утверждается, что международное преступление есть посягательство «на международную безопасность, мировой правопорядок и его отдельные сферы, признанное в результате согласования волеизъявлений суверенных государств противоправным, подлежащим уголовному наказанию» (см.: Спиридонов А.П., Бабурин В.В. Виды преступлений в международном уголовном праве // Науч. вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2 (45). С. 3); «преступление в международном уголовном праве можно определить как нарушающее мировой правопорядок, виновно совершенное лицом деяние, противоправность которого и ответственность за которое установлены в международном уголовном праве» (см.: Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. IX: Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право. Нюрнбергский и Токийский трибуналы / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2021. С. 232).

агрессии; 3) заключение соглашений с целью агрессии; 4) нарушение договоров, служащих делу мира; 5) провокация в целях нарушения мирных отношений между государствами; 6) терроризм; 7) поддержка вооруженных банд («пятых колонн»).

Ко второй группе отнесены деяния, нарушающие правила войны: 1) посягательства против военнопленных, раненых и больных воинов; 2) посягательства против жизни, здоровья, чести и имущества мирных граждан; 3) разрушение городов и других населенных пунктов; 4) разрушение и ограбление материальных и культурных ценностей¹⁵⁰.

Пожалуй, один из самых сложных – вопрос о субъекте преступления. В трех проектах международного уголовного кодекса, разработанных профессорами Левитом, Салданом и Пелла, в качестве субъекта названо государство. «Защищать такой тезис можно, игнорируя только основные принципы уголовного права и особую политическую природу государства», – замечает А.Н. Трайнин¹⁵¹.

Невозможность привлечения государства к уголовной ответственности, естественно, порождает другой вопрос – о признании субъектом рассматриваемых преступлений физическое лицо. По мнению ученого, за преступные действия, совершенные именем государства или по его уполномочию, должны нести ответственность лица, наделенные государственной властью, ее представители и агенты. В настоящее время это положение признается аксиомой международного уголовного права.

Однако в свое время оно вызывало возражение специалистов по международному праву. Так, отмечалось: «Интернациональным деликтом является всякое от государства исходящее, из международного права проистекающее действие, которое причиняет ущерб правам другого государства»; «действия, которые не государством совершены, международному праву безразличны»¹⁵².

А. Н. Трайнин, отвечая авторам подобных утверждений, эмоционален. Он пишет: «Можно детально не разбирать весьма своеобразную ситуацию, создающуюся в результате подобных рассуждений: государство не может нести уголовную ответственность за международные деликты, потому что только физические лица могут быть субъектами преступных действий, а физические лица не должны отвечать за международные деликты по той причине, что только государство – субъект международно-правовых отношений. Но если за тягчайшие преступления против

¹⁵⁰ См.: Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. С. 40.

¹⁵¹ Там же. С. 73.

¹⁵² Цит. по: там же. С. 75.

международного права и человечества, за вероломую агрессию, за истязание военнопленных, за насилия над мирными гражданами не ответственны ни государство, ни физические лица, то кто же... должен за все это отвечать?»¹⁵³.

По мнению ученого, юридическая и логическая ошибки в приведенных утверждениях, согласно которым только государство несет ответственность за нарушение международного права, заключаются в смешении двух не совпадающих понятий: субъекта международно-правовых отношений и субъекта посягательств на международно-правовые отношения¹⁵⁴.

В отличие от общеуголовных международные преступления совершаются в абсолютном большинстве случаев не одним, а многими лицами. И. П. Блищенко обосновано подчеркивает, что объективно международные преступления представляют собой «сложную и разветвленную деятельность многих лиц», осуществляющую на протяжении ряда лет и даже десятилетий¹⁵⁵.

Соучастники в международных преступлениях весьма своеобразны по социально-правовому статусу. В связи с этим между ними образуется чрезвычайно сложная связь, что обуславливает своеобразие конструкции соучастия в международном уголовном праве.

При характеристике рассматриваемого института А. Н. Трайнин выделяет исключительную правовую ситуацию: основной исполнитель международного преступления действует при помощи лиц, которые сами также выступают в роли исполнителей. «Это необычное... двухстепенное исполнение становится возможным вследствие того, что первый, основной исполнитель и использованные им лица являются исполнителями разных преступлений: один – исполнитель международного преступления.., другой – исполнитель общеуголовных преступлений»¹⁵⁶.

¹⁵³ Там же. С. 76.

¹⁵⁴ См.: там же. С. 77.

¹⁵⁵ См.: Международное уголовное право: учеб. пособие для вузов / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 69.

На Нюрнбергском процессе это обстоятельство было отмечено особо: подсудимые «захватили германское государство и превратили его в разбойничье государство, подчинив своим преступным намерениям всю исполнительную мощь государства... Этому содействовали все руководители всех прочих учреждений и оказывали этому поддержку... Ни одно из учреждений не хотело уклониться, так как газовые камеры и уничтожение в целях приобретения жизненного пространства являлись выражением высшей идеи режима, а этим режимом были они сами» (см.: Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. М., 1988. Т. 2. С. 600).

¹⁵⁶ Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. С. 81.

Соучастие в международных преступлениях, как отмечает ученый, имеет еще одну особенность – в сфере международного уголовного права возникает своеобразная форма идеальной совокупности: одними и теми же действиями совершается несколько преступлений в разных формах соучастия.

По уголовной ответственности гитлеровцев в работе рассматривается ряд вопросов: преступления немцев в Первую мировую войну и Версальский договор; преступления немцев против мира; преступления гитлеровцев, связанные с войной; подсудность дел о гитлеровских преступлениях и ответственность гитлеровцев.

Автором приводятся факты злодеяний фашистов, трудно воспринимаемых человеческим разумом, факты, которые, среди многих, вызывают и такой вопрос: «Неужели это творили люди?». Гитлеровцы для истязания военнопленных наряду с новыми «технологиями» пыток применяли и приемы инквизиции, в частности клеймение военнопленных, о чем наглядно свидетельствует приказ штаба верховного командования вооруженных сил¹⁵⁷.

А. Н. Трайнин приводит инструкцию германского командования об обращении с военнопленными № 1/3058, согласно которой «против малейших признаков непослушания действовать энергично и прямо, оружием пользоваться беспощадно. Употребление палок, тростей и хлыстов не должно иметь места. Мягкотелость даже перед послушным и трудолюбивым пленным доказывает лишь слабость и не должна иметь места»¹⁵⁸.

В работе представлены ужасающие картины преступлений против мирных граждан, разрушение городов, сел и деревень на временно оккупированных территориях.

Подытоживая изложенное, автор считает необходимым, чтобы в будущем международном акте, который определит основание и порядок суда над гитлеровцами, должны быть закреплены следующие положения:

1) безусловная обязанность выдачи виновных в совершении международных преступлений тому государству (либо международному или т.н. смешанному трибуналу), юрисдикции которого данное лицо подлежит, независимо от гражданства обвиняемого;

¹⁵⁷ «1. Советских военнопленных следует метить особым постоянным клеймом. <...>

3. Клеймение не является врачебным мероприятием. Поэтому, а также ввиду нехватки санитарного персонала, не следует нагружать его осуществлением немецкий санитарный персонал» (см.: Правда. 1943. 2 авг.).

¹⁵⁸ Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. С. 52.

2) предоставление права судить выданных лиц за все преступления, установленные следствием и судом, а не только за преступления, указанные в требовании о выдаче¹⁵⁹.

Складывавшаяся и современная ситуация с предследованием нацистских преступников доказывает правомерность предложений ученого.

Положения работы «Уголовная ответственность гитлеровцев» широко «использовались в Московской декларации об уголовной ответственности немецких фашистов и в Уставе Международного трибунала в Нюрнберге и Токио. Книга была оценена как крупный вклад советской науки в борьбе с фашизмом»¹⁶⁰.

Свообразным итогом двадцатилетних исследований проблем международного уголовного права стало издание в 1956 г. фундаментальной монографии А.Н. Трайнина «Защита мира и борьба с преступлениями против человечества»¹⁶¹, вошедшей в сокровищницу не только российской, но и мировой правовой и политологической литературы.

Монография состоит из двух частей. В первой части рассмотрены общие вопросы преступлений против человечества, представлена дефиниция их понятия. Вторая часть содержит характеристику преступлений, относимых к посягательствам против человечества. «Научная ценность и политическая актуальность второй части работы, как, впрочем, и всей монографии в целом, особенно возрастает сейчас, когда англо-французский империализм совершил агрессию против народов Египта, когда боннские реваншистские круги при прямой поддержке американских реакционеров усиленно восстанавливают вермахт, подавляя элементарные гражданские свободы в стране»¹⁶².

А. Н. Трайнин предпринял успешную попытку ответить на два основных вопроса исследуемой темы: существа и круга международных преступлений, направленных против человечества. При этом он исходил из того, что «понятие преступления против человечества должно быть определено, во-первых, с учетом конкретных исторических фактов, и, во-вторых, оно должно охватить весь круг преступных действий, посягающих на мир и безопасность народов»¹⁶³. В соответствии с этим преступления против человечества им трактуются

¹⁵⁹ См.: там же. С. 102.

¹⁶⁰ Кузнецова Н.Ф. Арон Наумович Трайнин. С. 10.

¹⁶¹ Трайнин А.Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1956.

¹⁶² Пирадов А.С. Книга о защите мира и борьбе с агрессией // Сов. государство и право. 1957. № 2. С. 129.

¹⁶³ Трайнин А.Н. Избр. труды. С. 701.

как посягательства на основы существования и прогрессивного развития народов.

Рассматриваемые деяния, с одной стороны, имеют много общего с иными посягательствами, с другой – обладают существенной спецификой, составляющей особенность преступлений против человечества. В последних (наиболее рельефно проявляются при агрессии или нарушении законов и обычаях войны) выделяется значительная и разнородная группа деяний, объединенных в едином понятии, едином составе преступлений против человечества.

В первый период после окончания Второй мировой войны, отмечает А.Н. Трайнин, классификация Нюрнбергского и Токийского трибуналов, выделявших три группы преступлений против человечества без четкого обозначения отдельных форм деяний против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, в известной мере отвечала задаче быстрой организации суда над главными военными преступниками. Однако наука должна устраниТЬ имеющиеся недостатки, определив систему преступлений против человечества в полном соответствии с их значением для борьбы за мир на современном историческом этапе.

По мнению ученого, указанная система может быть представлена из трех блоков составляющих ее посягательства. В первый блок включаются преступления против мира – агрессия и ее виды: прямая, косвенная экономическая и идеологическая агрессия. Второй блок охватывает преступления против законов и обычаях войны. В третий блок интегрируются разнородные деяния, направленные на физическое уничтожение целых групп населения по расовым, национальным, религиозным признакам, объединенные общим понятием геноцида¹⁶⁴.

В монографии А.Н. Трайнин вновь возвращается к проблеме субъекта преступлений против человечества. Как и прежде, автор категорически возражает против признания таковым государство. «И теоретические соображения, и опыт Нюрнбергского процесса убедительно свидетельствуют о том, что не только государство, но и другие юридические лица нести уголовную ответственность, быть субъектом преступлений не могут»¹⁶⁵.

Среди ответственных за преступления против человечества он выделяет главных военных преступников и офицеров, солдат, а также членов нацистской партии. В рекомендациях Комиссии ООН по военным преступлениям (просуществовавшей до 1948 г.) к первым отнесены лица, виновные

¹⁶⁴ Эти три группы деяний выделены и в Приговоре Нюрнбергского трибунала (см.: Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. С. 433).

¹⁶⁵ Трайнин А.Н. Избр. труды. С. 724.

в организации преступных сообществ, систематического террора и планового ограбления. Н.Н. Полянский указывал, что «в эпилете “главный” содержится двойное ограничение подсудных Трибуналу преступлений: и по объекту, и по субъекту»¹⁶⁶.

Указанные лица между собой отличаются не только уголовно-правовым, но и уголовно-процессуальным статусом. Главные военные преступники подлежали суду Международного военного трибунала, остальные же – национальным судам по месту совершения преступлений.

В работе автор еще раз обращается к проблеме ответственности военнопленных. Отмечая, что Гагская (1907) и Женевская (1929) конвенции содержат ряд постановлений, определяющих положение военнопленных, ученый пишет: «За участие в войне, за борьбу на поле брани военнопленный, естественно, не несет, не может и не должен нести ответственности, но за нарушение законов и обычаях войны, за истязания и убийства мирных граждан военнопленный несет полную ответственность»¹⁶⁷. Таким образом, делает вывод А.Н. Трайнин, военнопленный может быть признан субъектом преступлений против человечества.

Помимо соучастия (позиция автора осталась неизменной) ученый обращается и к иным специальным вопросам учения о преступлениях против человечества, в частности к стадиям их совершения. Предварительная преступная деятельность применительно к указанным деяниям в юридической литературе представляла, по сути, *tabula rasa*. Между тем «одна из особенностей преступлений против человечества заключается в том, что состав их предполагает не изолированный акт, а систему действий – деятельность, направленную против мира и безопасности человечества. В соответствии с этими особенностями преступлений против человечества по-особому должен решаться вопрос об ответственности за приготовление и покушение на преступление против человечества»¹⁶⁸.

В особых разделах Приговора Нюрнбергского трибунала говорится о подготовке агрессии и планировании агрессии¹⁶⁹. Таким образом, Трибунал

¹⁶⁶ Полянский Н.Н. Международный военный трибунал / под ред. Н.М. Рычкова. М., 1946. С. 16.

¹⁶⁷ Трайнин А.Н. Избр. труды. С. 739.

¹⁶⁸ Там же. С. 745.

¹⁶⁹ Например, в отношении Геринга в Приговоре сказано: «Геринг был часто – почти всегда – движущей силой событий, уступая первое место в этом только фюреру. Он был главным подстрекателем агрессивной войны как в качестве политического, так и военного руководителя»; «он разработал планы разграбления советской территории задолго до начала войны с Советским Союзом» (см.: Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. С. 555, 556).

признал наказуемость предварительной преступной деятельности.

Вторая часть монографии, как отмечалось ранее, содержит учение о видах посягательств против человечества, в ней дана характеристика преступлений против основ мирного сосуществования народов, преступлений против законов и обычаяй войны, геноцида. Особое внимание уделено характеристике преступной агрессии, понятие о которой введено в международное право А.Н. Трайниным.

В последней главе этой части показана роль уголовного закона в борьбе с преступлениями против человечества. «То, что ранее еще выступало лишь в качестве политической тенденции, ныне становится историческим фактом: уголовный закон мобилизован для защиты народов от преступлений против человечества», – делает вывод А.Н. Трайнин¹⁷⁰.

* * *

Путь к признанию никогда не бывает легким по определению. Научная и общественная деятельность А.Н. Трайнина еще раз убеждает в этом. Видный теоретик уголовного права, он снискал глубокое уважение не только советской юридической общественности, но и зарубежных коллег. Монография ученого «Защита мира и борьба с преступлениями против человечества» удостоена премии Президиума Академии наук СССР. Современная уголовно-правовая наука в его трудах черпает новые идеи и направления исследований. Следственная и судебная практика в работах А.Н. Трайнина находит ответы на сложные вопросы уголовной ответственности.

Получила признание его общественная деятельность как в СССР, так и в международных юридических сообществах, о чем свидетельствуют многочисленные поощрения, в том числе благодарность Нюрнбергского международного трибунала.

За бескомпромиссное служение науке, вклад ученого в борьбу за мир А.Н. Трайнин удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.Г. А.Н. Трайнин. Уголовное право. Общая часть. Изд-во 1 МГУ. М., 1929. 511 с. // Сов. государство и революция права. 1930. № 1. С. 189, 192.
2. Арон Наумович Трайнин // Трайнин А.Н. Избр. произв. Защита мира и уголовный закон / под общ. ред. Р.А. Руденко. М., 1969. С. 9, 11, 12.
3. Бабий Н.А. Множественность лиц в преступлении и проблемы учения о соучастии. М., 2013. С. 577.
4. Баршев С.И. К учению о покушении. М., 1865.
5. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 205.
6. Белокобыльский Н.Н., Чучаев А.И. Механизм транспортного преступления. Саратов, 1991.
7. Борисов Д. Санкции. М. – Л., 1936. С. 41.
8. Брайнин Я.М. Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве // Юридический сборник. Киев, 1950. Вып. 4. С. 53.
9. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 80, 134.
10. Великая Отечественная война. 1941–1945: энциклопедия. М., 1985. С. 511.
11. Власьев Н. О вменении по началам теории и древнего русского права. М., 1860. С. 67.
12. Внешняя политика СССР / отв. ред. С.А. Лозовский. М., 1947. Т. V. С. 321.
13. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С. 16.
14. Гольдинер В. К вопросу о соучастии в советском уголовном праве // Соц. законность. 1939. № 1.
15. Гонтарь И.Я. Преступление и состав преступления как явления и как понятия в уголовном праве. Владивосток, 1997. С. 97.
16. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по советскому уголовному праву. М., 1959.
17. Дети-преступники / под ред. М.Н. Гернета. М., 1912. С. 545.
18. Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. М., 1942.
19. Жиряев А.С. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850. С. 36.
20. Иванов А.Е., Кулагина И.П. Русская профессура на рубеже XIX–XX веков // Русская история. 2013. № 2. С. 52.
21. Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов, 1991.
22. Иванов Ю.Ф. Московский университет в 1911 г. // Российские университеты в XVIII – начале XX века. Воронеж, 2002. Вып. 6. С. 167.
23. Игнатов А.Н., Костарева Т.А. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1966. С. 26, 27.
24. Императорский Московский университет. 1755–1917: энциклопедический словарь. М., 2010. С. 666.
25. Исаев М.М. Уголовное право. Особенная часть. М., 1929. С. 279.
26. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: в 6 т. М., 1960. Т. 1. С. 360.
27. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении // Ученые труды Свердловского юрид. ин-та. Свердловск, 1962. Вып. 2.
28. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 68.
29. Колоколов Г.Е. О соучастии в преступлении (о соучастии вообще и подстрекательстве в частности). М., 1881. С. 50, 51.
30. Колоколов Г.Е. К учению о покушении. М., 1884.

¹⁷⁰ Трайнин А.Н. Избр. труды. С. 888.

31. *Коркунов Н.М.* Конструкция международного уголовного права // Журнал гражданского и уголовного права. 1889, янв.
32. *Коробеев А.И., Лун Чанхай.* Философские основы учения о четырехэлементном составе преступления // Современное право. 2010. № 2.
33. *Крылова Н.Е.* Дискуссионные вопросы учения о составе преступления // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2012. № 4. С. 31, 33, 36.
34. *Кудрявцев В.Н.* Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 75, 76.
35. *Кузнецова Н.Ф.* Арон Наумович Трайнин // Трайнин А.Н. Избр. труды. СПб., 2004. С. 9, 10, 12.
36. *Кузнецова Н.Ф., Вельцель Л.* Уголовное право ФРГ. М., 1984.
37. Курс советского уголовного права: в 5 т. Т. 1: Часть Общая / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1968. С. 262.
38. Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 168–177.
39. Курс уголовного права: в 5 т. Т. 5: Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2001. С. 340.
40. *Лаптев А.В.* Состав преступления и квалификация уголовных дел. М., 1939.
41. *Лаптев А.* Соучастие по советскому уголовному праву // Сов. юстиция. 1938. № 23–24. С. 13.
42. *Люблинский П.И.* Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905–1915). М., 2014. С. 94, 226.
43. *Марцев А.И.* Состав преступления: структура и виды // Уголовное право. 2005. № 2. С. 47.
44. Международное уголовное право: учеб. пособие для вузов / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 69.
45. *Немировский Э.Я.* Учебник уголовного права. Общая часть. Одесса, 1919. С. 68.
46. *Нерсесян В.А.* Ответственность за неосторожные преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 214.
47. Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. М., 1987. Т. 1. С. 459, 460; 1988. Т. 2. С. 600; 1989. Т. 3. С. 115, 265; 1990. Т. 4. С. 76; 1991. Т. 5. С. 840; 1997. Т. 7. С. 270, 271, 278, 284, 290, 300, 301; 1999. Т. 8. С. 49, 217.
48. *Орлов А.Н.* О покушении на преступление по началам науки и современным законодательствам. М., 1868.
49. *Панов В.П.* Международное уголовное право. М., 1997.
50. *Пионтковский А.А.* Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1928. С. 279.
51. *Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д., Чхиквадзе В.М.* Курс советского уголовного права: в 3 т. Т. 2. Особенная часть. М., 1959. С. 455.
52. *Пирадов А.С.* Книга о защите мира и борьбе с агрессией // Сов. государство и право. 1957. № 2. С. 129.
53. Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. III: Уголовная ответственность. Преступление / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2021. С. 525; Т. IX: Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право. Нюрнбергский и Токийский трибуналы / под ред. А.И. Коробеева. С. 232.
54. *Полторак А.И.* Нюрнбергский эпилог. М., 1965.
55. *Полянский Н.Н.* Международный военный трибунал / под ред. Н.М. Рычкова. М., 1946. С. 16.
56. *Пудовочкин Ю.Е.* Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления // Журнал росс. права. 2018. № 8.
57. *Пусторослев П.П.* Русское уголовное право. Юрьев, 1912. С. 431.
58. *Сабашников М.В.* Записки. Письма. М., 2011.
59. *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021. С. 358–374, 555, 556.
60. *Савенков А.Н.* Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции. М., 2022.
61. Сборник документов по международной политике и международному праву. М., 1934.
62. *Ситникова А.И.* Приготовление к преступлению и покушение на преступление. М., 2006.
63. *Спасович В.Д.* Учебник уголовного права: в 2 т. СПб., 1863. Т. 1. С. 89.
64. *Сперанский М.В.* Возникновение Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского. Историческая справка. М., 1913.
65. *Спиридовон А.П., Бабурин В.В.* Виды преступлений в международном уголовном праве // Науч. вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2 (45). С. 3.
66. *Таганцев Н.С.* Курс русского уголовного права. Часть Общая. СПб., 1880. Кн. 1. С. 5; кн. 2. С. 382.
67. *Тельнов П.Ф.* Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974.
68. *Трайнин А.Н.* Бесчеловечный гуманизм // Война и рабочий класс. 1944. № 9. С. 16–18.
69. *Трайнин А.Н.* Воспоминания о Московском университете // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 1991. № 2. С. 43–45, 58, 59.
70. *Трайнин А.* Движение преступности в Московской губернии за период 1884–1897 гг. Гуревич С. Движение преступности против собственности в Нижегородской губернии в 1891–1904 гг. в связи с экономическим положением губернии. М., 1908 (Семинарий по уголовному праву приват-доцента М.Н. Гернета; 1908 г. Вып. 1). С. 3, 13.
71. *Трайнин А.Н.* Детский суд // Провинция. Витебск, 1912. № 14.
72. *Трайнин А.Н.* Должностные и хозяйственные преступления. М., 1938 (Уголовное право. Особенная часть / Всес. ин-т юрид. наук).
73. *Трайнин А.Н.* Дорога злодейства // Октябрь. 1943. № 6–7. С. 170–175.
74. *Трайнин А.Н.* Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1956.
75. *Трайнин А.Н.* Защита мира и уголовный закон / под ред. и с предисл. А.Я. Вышинского. М., 1937. С. 90, 94, 136.
76. *Трайнин А.Н.* Избр. произв. Защита мира и уголовный закон / под общ. ред. Р.А. Руденко. М., 1969. С. 5, 11, 148–190.

77. Трайнин А.Н. Избр. труды. СПб., 2004. С. 416, 420, 552–564, 607, 701, 739, 745, 888.
78. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления // Трайнин А.Н. Избр. труды. СПб., 2004. С. 51, 185.
79. Трайнин А.Н. К вопросу о классовом правосудии // Революционная законность. М., 1926. № 7–8. С. 1–3.
80. Трайнин А.Н. К характеристике женской преступности // Вестник права и нотариата. 1910. 14 апр.
81. Трайнин А. Кризис науки уголовного права. Борьба школ вокруг германского проекта угол. кодекса 1925 г. М., 1926.
82. Трайнин А.Н. Несостоятельность и банкротство // Трайнин А.Н. Избр. труды. СПб., 2004. С. 386, 410, 411.
83. Трайнин А. Новейшие течения в классической школе уголовного права // Право. Еженедельная юрид. газ. СПб., 1910. 18 июля.
84. Трайнин А.Н. Нюрнбергский процесс: сб. ст. М., 1946.
85. Трайнин А.Н. Об уголовной ответственности гитлеровских преступников // Война и рабочий класс. 1944. № 1. С. 19–21.
86. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957 (гл. 4 «Состав преступления и соучастие»).
87. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления // Трайнин А.Н. Избр. труды. СПб., 2004. С. 51, 185.
88. Трайнин А.Н. Подсудность суду военного времени по закону 30 июля 1914 г. // Вестник права и нотариата. Год 7. № 40 (5 октября 1914 г.).
89. Трайнин А. Позитивное направление в уголовном праве // Право. Еженедельная юрид. газ. СПб., 1910. 28 марта.
90. Трайнин А.Н. Понятие и система преступлений против порядка управления. Самоуправство // Право и жизнь. 1925. Кн. 4–5. С. 64–74.
91. Трайнин А.Н. Преступность города и деревни. М., 1909.
92. Трайнин А.Н. Преступность столиц и городов // Право. Еженедельная юрид. газ. СПб., 1908. 30 марта.
93. Трайнин А.Н. Система дисциплинарного процесса присяжных поверенных и их помощников. М., 1918.
94. Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву М., 1951. С. 171, 172.
95. Трайнин А.Н. Союзное положение о государственных преступлениях // Вестник сов. юстиции. Харьков, 1927. № 9–10.
96. Трайнин А. Спор классической и социологической школ о целях наказания // Новые идеи в правоведении / под ред. Л.И. Петражицкого. Сб. 1. Цели наказания / сост. П.И. Люблинским. СПб., 1914.
97. Трайнин А.Н. Стратегия «милосердия» // Война и рабочий класс. 1944. № 19. С. 14–17.
98. Трайнин А.Н. Стратегия террора (Разрушение гитлеровцами международного правопорядка) // Известия. 1945. 17 янв.
99. Трайнин А.Н. Суд коронный и суд присяжных // Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Харьков, 1911. Т. XI, п/т. I.
100. Трайнин А. Тресты и картели и уголовный закон // Право. Еженедельная юрид. газ. СПб., 1908. 14 сент.
101. Трайнин А.Н. Уголовная интервенция. Движение по унификации уголовного законодательства капиталистических стран. М., 1935.
102. Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. М., 1944. С. 30, 31, 40, 52, 73, 75–77, 81, 102.
103. Трайнин А.Н. Уголовное право. Общая часть. М., 1929.
104. Трайнин А.Н. Уголовное право РСФСР. Часть Особенная. Преступления против государства и социального порядка / под общ. ред. Д.А. Магеровского. Л., 1925. С. 63; 2-е изд., доп. и перераб. в соответствии с УК ред. 1926 г. и союзным «Положением» 1927 г. М., 1927. С. 104, 105.
105. Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. М., 1946. С. 5, 43–46, 83.
106. Трайнин А.Н. Учение о соучастии. М., 1941. С. 70, 73, 77, 78, 111, 114.
107. Трайнин А.Н. Хозяйственные преступления. Текст и комментарий к ст. ст. 126–141 Уголовного кодекса. М., 1925.
108. Трайнин А. Час настал // Красная звезда. 1945. 17 мая.
109. Уголовное право: в 3 т. Т. 1: Общая часть / под общ. ред. А.Э. Жалинского. М., 2011. С. 349.
110. Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1978. С. 17.
111. Уголовное право. Общая часть / под ред. А.И. Чучаева. М., 2015. С. 191–195.
112. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 380.
113. Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2008. С. 218–220.
114. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., 2012. С. 79, 426.
115. Уголовное право. Часть Общая. М., 1938. С. 314.
116. Филиппов П.А. Научный вклад членов кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ в развитие ответственности за преступления против порядка управления // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2016. № 6. С. 68, 69.
117. Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. С. 471.
118. Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы общего учения о соучастии // Правоведение. 1960. № 1.
119. Шаргородский М.Д., Красильников М.В. Рецензия на работу А.Н. Трайнина «Должностные и хозяйствственные преступления». Всесоюзный институт юридических наук. Москва, 1938 г. // Проблемы социалистического права. Сб. 6. М., 1938. С. 107.
120. Швеков Г.В. Преемственность в праве. М., 1983.
121. Шнейдер М.А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному законодательству. М., 1958; 2-е изд. 1963.
122. Штиглиц А.Н. Исследование о выдаче преступников. СПб., 1882.
123. Эгерт В.П. фон Чрезвычайная следственная комиссия о преступных действиях неприятеля в войну 1914 – ... гг. Пг., 1914. С. 5, 11–14.
124. Энциклопедия уголовного права. СПб., 2007. Т. 6. С. 19.

REFERENCES

1. *A.G. A.N. Trainin. Criminal Law. The General part.* Publishing House of 1 Moscow State University. M., 1929. 511 pp. // Soviet State and the Revolution of Law. 1930. No. 1. Pp. 189, 192 (in Russ.).
2. Aron Naumovich Trainin // Trainin A.N. Selected works: Protection of peace and Criminal Law / under the general editorship of R.A. Rudenko. M., 1969. Pp. 9, 11, 12 (in Russ.).
3. *Babiy N.A.* Plurality of persons in crime and the problems of the doctrine of complicity. M., 2013. P. 577 (in Russ.).
4. *Barshev S.I.* To the doctrine of assassination. M., 1865 (in Russ.).
5. *Belogrits-Kotlyarevsky L.S.* Textbook of Russian Criminal Law. General and Special parts. Kiev, 1903. P. 205 (in Russ.).
6. *Belokobylsky N.N., Chuchaev A.I.* The mechanism of transport crime. Saratov, 1991 (in Russ.).
7. *Borisov D.* Sanctions. M. – L., 1936. P. 41 (in Russ.).
8. *Brainin Ya. M.* Some questions of the doctrine of the composition of a crime in Soviet Criminal Law // Legal collection. Kiev, 1950. Iss. 4. P. 53 (in Russ.).
9. *Brainin Ya. M.* Criminal liability and its foundation in Soviet Criminal Law. M., 1963. Pp. 80, 134 (in Russ.).
10. The Great Patriotic War. 1941–1945: Encyclopedia. M., 1985. P. 511 (in Russ.).
11. *Vlasev N.* On imputation according to the principles of theory and ancient Russian law. M., 1860. P. 67 (in Russ.).
12. Foreign policy of the USSR / res. ed. S.A. Lozovsky. M., 1947. Vol. V. P. 321 (in Russ.).
13. *Galiakbarov R. R.* The fight against group crimes. Qualification issues. Krasnodar, 2000. P. 16 (in Russ.).
14. *Goldiner V.* On the question of complicity in Soviet Criminal Law // Social legality. 1939. No. 1 (in Russ.).
15. *Gontar I. Ya.* Crime and the corpus delicti as phenomena and as concepts in Criminal Law. Vladivostok, 1997. P. 97 (in Russ.).
16. *Grishaev P.I., Krieger G.A.* Complicity in Soviet Criminal Law. M., 1959 (in Russ.).
17. Child criminals / ed. by M. N. Gernet. M., 1912. P. 545 (in Russ.).
18. Documents on German atrocities in 1914–1918. M., 1942 (in Russ.).
19. *Zhiryaev A.S.* On the confluence of several criminals in the same crime. Dorpat, 1850. P. 36 (in Russ.).
20. *Ivanov A.E., Kulagina I.P.* Russian professorship at the turn of the XIX–XX centuries // Russian History. 2013. No. 2. P. 52 (in Russ.).
21. *Ivanov N.G.* The concept and forms of complicity in Soviet Criminal Law. Saratov, 1991 (in Russ.).
22. *Ivanov Yu. F.* Moscow University in 1911 // Russian universities in the XVIII – early XX centuries. Voronezh, 2002. Iss. 6. P. 167 (in Russ.).
23. *Ignatov A.N., Kostareva T.A.* Criminal liability and corpus delicti. M., 1966. Pp. 26, 27 (in Russ.).
24. Imperial Moscow University. 1755–1917: Encyclopedic Dictionary. M., 2010. P. 666 (in Russ.).
25. *Isaev M.M.* Criminal Law. A Special part. M., 1929. P. 279 (in Russ.).
26. History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945: in 6 vols. M., 1960. Vol. 1. P. 360 (in Russ.).
27. *Kovalev M.I.* Complicity in crime // Scientific works of the Sverdlovsk Legal institute. Sverdlovsk, 1962. Iss. 2 (in Russ.).
28. *Kozlov A.P.* Complicity: traditions and reality. SPb., 2001. P. 68 (in Russ.).
29. *Kolokolov G.E.* About complicity in a crime (about complicity in general and incitement in particular). M., 1881. Pp. 50, 51 (in Russ.).
30. *Kolokolov G.E.* To the doctrine of assassination. M., 1884 (in Russ.).
31. *Korkunov N.M.* The construction of International Criminal Law // Journal of Civil and Corner Law. 1889, Jan. (in Russ.).
32. *Korobeev A.I., Lung Chanhai.* Philosophical foundations of the doctrine of the four-element composition of crime // Modern law. 2010. No. 2 (in Russ.).
33. *Krylova N.E.* Controversial issues of the doctrine of the composition of the crime // Herald of the Moscow University. Ser. 11. Law. 2012. No. 4. Pp. 31, 33, 36 (in Russ.).
34. *Kudryavtsev V.N.* Theoretical foundations of the qualification of crimes. M., 1963. Pp. 75, 76 (in Russ.).
35. *Kuznetsova N.F. Aron Naumovich Trainin // Trainin A.N.* Selected works. SPb., 2004. Pp. 9, 10, 12 (in Russ.).
36. *Kuznetsova N.F., Velzel L.* Criminal Law of Germany. M., 1984 (in Russ.).
37. The course of Soviet Criminal Law: in 5 vols. Vol. 1: Part General / res. eds N.A. Belyaev, M.D. Shargorodsky. L., 1968. P. 262 (in Russ.).
38. The course of Criminal Law: in 5 vols. Vol. 1: The doctrine of crime / ed. by N.F. Kuznetsova, I.M. Tyazhkov. M., 1999. Pp. 168–177 (in Russ.).
39. The course of Criminal Law: in 5 vols. Vol. 5: A Special part / ed. by G.N. Borzenkov, V.S. Komissarov. M., 2001. P. 340 (in Russ.).
40. *Laptev A. V.* The composition of the crime and the qualification of criminal cases. M., 1939 (in Russ.).
41. *Laptev A.* Complicity in Soviet Criminal Law // Sov. Justice. 1938. No. 23–24. P. 13 (in Russ.).
42. *Lublinsky P.I.* International congresses on Criminal Law for ten years (1905–1915). M., 2014. Pp. 94, 226 (in Russ.).
43. *Martsev A.I.* Corpus delicti: structure and types // Criminal Law. 2005. No. 2. P. 47 (in Russ.).
44. International Criminal Law: textbook for universities / res. ed. V.N Kudryavtsev. 2nd ed., rev. and expanded. M., 1999. P. 69 (in Russ.).
45. *Nemirovsky E. Ya.* Textbook of Criminal Law. The General part. Odessa, 1919. P. 68 (in Russ.).
46. *Nersesyan V.A.* Responsibility for reckless crimes: dis. ... Doctor of Law. M., 2006. P. 214 (in Russ.).

47. The Nuremberg Process: collection of materials: in 8 vols. M., 1987. Vol. 1. Pp. 459, 460; 1988. Vol. 2. P. 600; 1989. Vol. 3. Pp. 115, 265; 1990. Vol. 4. P. 76; 1991. Vol. 5. P. 840; 1997. Vol. 7. Pp. 270, 271, 278, 284, 290, 300, 301; 1999. Vol. 8. Pp. 49, 217 (in Russ.).
48. *Orlov A.N.* On attempted crime according to the principles of science and modern legislation. M., 1868 (in Russ.).
49. *Panov V.P.* International Criminal Law. M., 1997 (in Russ.).
50. *Piontkovsky A.A.* Soviet Criminal Law. A Special part. M., 1928. P. 279 (in Russ.).
51. *Piontkovsky A.A., Menshagin V.D., Chkhikvadze V.M.* The course of Soviet Criminal Law: in 3 vols. Vol. 2. Special part. M., 1959. P. 455 (in Russ.).
52. *Piradov A.S.* The book on the protection of peace and the fight against aggression // Soviet State and Law. 1957. No. 2. P. 129 (in Russ.).
53. The complete course of Criminal Law: in 10 vols. Vol. III: Criminal liability. Crime / ed. by A.I. Korobeev. SPb., 2021. P. 525; Vol. IX: Crimes against peace and security of mankind. International Criminal Law. Nuremberg and Tokyo Tribunals / ed. by A.I. Korobeev. P. 232 (in Russ.).
54. *Poltorak A.I.* Nuremberg epilogue. M., 1965 (in Russ.).
55. *Polyansky N.N.* International Military Tribunal / ed. by N.M. Rychkov. M., 1946. P. 16 (in Russ.).
56. *Pudovochkin Yu.E.* The concept of complicity: the experience of theoretical development and normative consolidation // Journal of Russ. law. 2018. No. 8 (in Russ.).
57. *Pustoroslev P.P.* Russian Criminal Law. Yuryev, 1912. P. 431 (in Russ.).
58. *Sabashnikov M.V.* Notes. Letters. M., 2011 (in Russ.).
59. *Savenkov A.N.* Nuremberg: Verdict for name of Peace. M., 2021. Pp. 358–374, 555, 556 (in Russ.).
60. *Savenkov A.N.* The Nuremberg trial and the development of International Criminal Justice. M., 2022 (in Russ.).
61. Collection of documents on international politics and International Law. M., 1934 (in Russ.).
62. *Sitnikova A.I.* Preparation for a crime and an attempt at a crime. M., 2006 (in Russ.).
63. *Spasovich V.D.* Textbook of Criminal Law: in 2 vols. St. Petersburg, 1863. Vol. 1. P. 89 (in Russ.).
64. *Speransky M.V.* The emergence of Shanyavsky Moscow City People's University. Historical information. M., 1913 (in Russ.).
65. *Spiridonov A.P., Baburin V.V.* Types of crimes in International Criminal Law // Scientific Herald of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 2 (45). P. 3 (in Russ.).
66. *Tagantsev N.S.* The course of Russian Criminal Law. The General part. St. Petersburg, 1880. Book 1. P. 5; book 2. P. 382 (in Russ.).
67. *Telnov P.F.* Responsibility for complicity in a crime. M., 1974 (in Russ.).
68. *Trainin A.N.* Inhuman humanism // War and the working class. 1944. No. 9. Pp. 16–18 (in Russ.).
69. *Trainin A.N.* Memoirs of the Moscow University // Herald of the Moscow University. Ser. 11. Law. 1991. No. 2. Pp. 43–45, 58, 59 (in Russ.).
70. *Trainin A.* The movement of crime in the Moscow province for the period 1884–1897. *Gurevich S.* The movement of crime against property in the Nizhny Novgorod province in 1891–1904 in connection with the economic situation of the province. M., 1908 (Seminary on criminal law of private Associate Professor M.N. Gernet; 1908. Issue 1). Pp. 3, 13 (in Russ.).
71. *Trainin A.N.* Children's court // Province. Vitebsk, 1912. No. 14 (in Russ.).
72. *Trainin A.N.* Official and economic crimes. M., 1938 (Criminal Law. A Special part / All-in-law sciences) (in Russ.).
73. *Trainin A.N.* The road of villainy // October. 1943. No. 6–7. Pp. 170–175 (in Russ.).
74. *Trainin A.N.* Protection of peace and the fight against crimes against humanity. M., 1956 (in Russ.).
75. *Trainin A.N.* Protection of peace and Criminal Law / ed. and with a preface by A. Ya. Vyshinsky. M., 1937. Pp. 90, 94, 136 (in Russ.).
76. *Trainin A.N.* Selected works. Protection of peace and criminal law / under the general editorship of R.A. Rudenko. M., 1969. Pp. 5, 11, 148–190 (in Russ.).
77. *Trainin A.N.* Selected works. SPb., 2004. Pp. 416, 420, 552–564, 607, 701, 739, 745, 888 (in Russ.).
78. *Trainin A.N.* The general doctrine of the composition of the crime // Trainin A.N. Selected works. SPb., 2004. Pp. 51, 185 (in Russ.).
79. *Trainin A.N.* On the question of class justice // Revolutionary legality. M., 1926. No. 7–8. Pp. 1–3 (in Russ.).
80. *Trainin A.N.* On the characteristics of female crime // Herald of Law and Notary. 1910. 14 Apr. (in Russ.).
81. *Trainin A.* The crisis of the science of Criminal Law. The struggle of schools around the German angle project. The Code of 1925. M., 1926 (in Russ.).
82. *Trainin A.N.* Insolvency and bankruptcy // Trainin A.N. Selected works. SPb., 2004. Pp. 386, 410, 411 (in Russ.).
83. *Trainin A.* The latest trends in the classical school of Criminal Law // Law. Weekly legal newspaper. St. Petersburg, 1910. July 18th (in Russ.).
84. *Trainin A.N.* The Nuremberg Trial: collection of art. M., 1946 (in Russ.).
85. *Trainin A.N.* On the criminal responsibility of Hitler's criminals // War and the working class. 1944. No. 1. Pp. 19–21 (in Russ.).
86. *Trainin A.N.* The general doctrine of the composition of the crime. M., 1957 (part 4 “The composition of the crime and the participation”) (in Russ.).
87. *Trainin A.N.* The general doctrine of the composition of the crime // Trainin A.N. Selected works. SPb., 2004. Pp. 51, 185 (in Russ.).
88. *Trainin A.N.* Jurisdiction of the court of wartime according to the law of July 30, 1914 // Herald of Law and Legislation. Year 7. No. 40 (October 5, 1914) (in Russ.).
89. *Trainin A.* The positive direction in Criminal Law // Law. Weekly legal newspaper. St. Petersburg, 1910. March 28 (in Russ.).

90. *Trainin A.N.* The concept and system of crimes against the management order. Self-management // Law and life. 1925. Books 4–5. Pp. 64–74 (in Russ.).
91. *Trainin A.N.* Crime of the city and the village. M., 1909 (in Russ.).
92. *Trainin A.N.* Crime of capitals and cities // Law. Weekly legal newspaper. St. Petersburg, 1908. 30 March (in Russ.).
93. *Trainin A.N.* The system of disciplinary process of sworn attorneys and their assistants. M., 1918 (in Russ.).
94. *Trainin A.N.* The composition of a crime under Soviet Criminal Law M., 1951. Pp. 171, 172 (in Russ.).
95. *Trainin A.N.* The Union regulation on state crimes // Herald of Owls justice. Kharkov, 1927. No. 9–10 (in Russ.).
96. *Trainin A.* The dispute of classical and sociological schools about the goals of punishment // New ideas in law / ed. by L.I. Petrazhitsky. Collection 1. The goals of punishment / comp. P.I. Lyublinsky. St. Petersburg., 1914 (in Russ.).
97. *Trainin A.N.* Strategy of “mercy” // War and the working class. 1944. No. 19. Pp. 14–17 (in Russ.).
98. *Trainin A.N.* The strategy of terror (The destruction of International Law and order by the Nazis) // Izvestia. 1945. 17 Jan. (in Russ.).
99. *Trainin A.N.* Koronny court and jury trial // National Encyclopedia of scientific and applied knowledge. Kharkov, 1911. Vol. XI, half vol. I (in Russ.).
100. *Trainin A.* Trusts and cartels and Criminal Law // Law. Weekly legal newspaper. St. Petersburg, 1908. September 14 (in Russ.).
101. *Trainin A.N.* Criminal intervention. The movement to unify the criminal legislation of capitalist countries. M., 1935 (in Russ.).
102. *Trainin A.N.* Criminal responsibility of the Nazis. M., 1944. Pp. 30, 31, 40, 52, 73, 75–77, 81, 102 (in Russ.).
103. *Trainin A.N.* Criminal Law. General part. M., 1929 (in Russ.).
104. *Trainin A.N.* Criminal Law of the RSFSR. The Part Is Special. Crimes against the state and social order / under the general editorship of D.A. Magerovsky. L., 1925. P. 63; 2nd ed., supplement and rev. in accordance with the Criminal Code of 1926 and the Union “Regulation” of 1927, M., 1927. Pp. 104, 105 (in Russ.).
105. *Trainin A.N.* The doctrine of the composition of the crime. M., 1946. Pp. 5, 43–46, 83 (in Russ.).
106. *Trainin A.N.* The doctrine of complicity. M., 1941. Pp. 70, 73, 77, 78, 111, 114 (in Russ.).
107. *Trainin A.N.* Economic crimes. The text and commentary to Articles 126–141 of the Criminal Code. M., 1925 (in Russ.).
108. *Trainin A.* The hour has come // Krasnaya Zvezda. 1945. May 17 (in Russ.).
109. Criminal Law: in 3 vols. Vol. 1: The General part / under the general editorship of A.E. Zhalinsky. M., 2011. P. 349 (in Russ.).
110. Criminal Law. The History of Legal Science / res. ed. V.N. Kudryavtsev. M., 1978. P. 17 (in Russ.).
111. Criminal Law. The General part / ed. by A.I. Chuchaev. M., 2015. Pp. 191–195 (in Russ.).
112. Criminal Law of Russia. The General part / ed. by N.M. Kropachev, B.V. Volzhenkin, V.V. Orekhov. SPb., 2006. P. 380 (in Russ.).
113. Criminal Law of Russia. The General part / ed. by A.I. Rarog. M., 2008. Pp. 218–220 (in Russ.).
114. Criminal Law of the Russian Federation. The General part: textbook for universities / ed. by V.S. Komissarov, N.E. Krylova, I.M. Tyazhkova. M., 2012. Pp. 79, 426 (in Russ.).
115. Criminal Law. The General Part. M., 1938. P. 314 (in Russ.).
116. *Filippov P.A.* Scientific contribution of members of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Moscow State University to the development of responsibility for crimes against the order of management // Herald of the Moscow University. Ser. 11. Law. 2016. No. 6. Pp. 68, 69 (in Russ.).
117. *Fletcher J., Naumov A.V.* Basic concepts of modern Criminal Law. M., 1998. P. 471 (in Russ.).
118. *Shargorodsky M.D.* Some questions of the general doctrine of complicity // Pravovedenie. 1960. No. 1 (in Russ.).
119. *Shargorodsky M.D., Krasilnikov M.V.* Review of the work of A.N. Trainin “Official and economic crimes”. All-Union Institute of Legal Sciences. Moscow, 1938 // Problems of socialist law. Sat. 6. M., 1938. P. 107 (in Russ.).
120. *Shvekov G.V.* Continuity in law. M., 1983 (in Russ.).
121. *Schneider M.A.* Complicity in a crime under Soviet Criminal Law. M., 1958; 2nd ed. 1963 (in Russ.).
122. *Shtiglits A.N.* Research on the extradition of criminals. St. Petersburg, 1882 (in Russ.).
123. *Egert V.P. von* Extraordinary Commission of Inquiry on criminal actions of the enemy in the war of 1914 – ... Petrograd, 1914. Pp. 5, 11–14 (in Russ.).
124. Encyclopedia of Criminal Law. SPb., 2007. Vol. 6. P. 19 (in Russ.).

Сведения об авторе

САВЕНКОВ Александр Николаевич –
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
директор Института государства и права
Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. –
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Director of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-Chief of the Journal “State and Law”
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 342.4

РЕАЛЬНОСТЬ, СТАБИЛЬНОСТЬ, ДИНАМИЗМ, ЖЕСТКОСТЬ, ГИБКОСТЬ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2024 г. Ю. Л. Шульженко

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: constitution@igpran.ru

Поступила в редакцию 29.01.2024 г.

Аннотация. В статье прежде всего подчеркивается, что реальная действительность ставит на повестку дня вопрос о судьбе ныне действующей Конституции РФ. Автор данной статьи является сторонником разработки и принятия нового Основного Закона нашей страны. В пользу этого говорят два важнейших фактора. Во-первых, Россия вступает в новый этап развития общества, государства. Он требует новой Конституции, которая отразила бы все новое, что связано с ним, наметила, определила перспективы дальнейшего развития. Во-вторых, с момента принятия в 1993 г. Конституции РФ в нее неоднократно вносились изменения. Особо отметим поправки 2020 года. Их содержание, объем, с точки зрения автора, – свидетельство фактически новой редакции Конституции РФ. В статье обращено внимание и на то, что имеет место нарушение последовательности, логичности изложения конституционной материи. Это целесообразно исправить. Подчеркивается, что при подготовке новой Конституции следует исходить из ее основных черт, определяющих ее связь с развитием общества, роль и место в жизни страны. Таковыми являются реальность, стабильность, динамизм, жесткость, гибкость. Сегодня как никогда актуален вопрос об идеологическом свойстве, идеологической сущности Конституции. Отсюда важнейшее значение приобретает в первую очередь определение того, что представляет собой современная отечественная идеология российского народа, общества, Российского государства. При этом обоснованно звучит настоятельное требование, чтобы в целях повышения реальности Конституции включить в ее текст соответствующие положения идеологического характера. Это требует его обязательного учета при подготовке нового Основного Закона России.

Ключевые слова: Государственная Дума, идеология, Конституционный Суд РФ, Конституция РФ, парламент, Президент РФ, Совет Федерации, референдум, черты конституции.

Цитирование: Шульженко Ю.Л. Реальность, стабильность, динамизм, жесткость, гибкость Конституции Российской Федерации // Государство и право. 2024. № 4. С. 39–55.

DOI: 10.31857/S1026945224040029

REALITY, STABILITY, DYNAMISM, RIGIDITY, FLEXIBILITY OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2024 Yu. L. Shulzhenko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: constitution@igpran.ru

Received 29.01.2024

Abstract. The article first of all, it is emphasized that reality puts on the agenda the question of the fate of the current Constitution of the Russian Federation. The author of the article is a supporter of the development and adoption of a new Basic Law of our country. There are two major factors in favor of this. Firstly, Russia is entering a new stage in the development of society and the state. It demands a new Constitution that would reflect everything new that is connected with him, outline, and determine the prospects for further development. Secondly, since the adoption of the Constitution of the Russian Federation in 1993, changes have been made several times. We especially note the amendments of 2020. Their content and volume, from our point of view, are evidence of a virtually new edition of the Constitution of the Russian Federation. Let us also draw attention to the fact that there is a violation of the consistency and logic of the presentation of constitutional matter. It makes sense to fix this. It is emphasized that when preparing a new Constitution, one should proceed from its main features, which determine its connection with the development of society, its role and place in the life of the country. Those are reality, stability, dynamism, rigidity, flexibility. Today, more than ever, the question of the ideological property, the ideological essence of the Constitution is relevant. So, the most important thing first of all is to determine what the modern, domestic ideology of the Russian people, society, and the Russian state is. At the same time, there is a reasonable demand that, in order to increase the reality of the Constitution, relevant provisions of an ideological nature should be included in its text. This requires its mandatory consideration when preparing the new Basic Law of Russia.

Key words: State Duma, ideology, Constitutional Court of the Russian Federation, Constitution of the Russian Federation, Parliament, President of the Russian Federation, Federation Council, referendum, features of the Constitution.

For citation: Shulzhenko, Yu. L. (2024). Reality, stability, dynamism, rigidity, flexibility of the Constitution of the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 39–55.

В условиях современности в России решается наименеесложнейшая, важнейшая задача по проведению специальной военной операции на Украине. Она для нас имеет поистине судьбоносное значение. Против объединились десятки стран во главе с США. Их зловещая цель – уничтожить Россию, российскую государственность, всё русское, все народы, проживающие на ее территории. Мощнейшее наступление ведется по всем сферам – экономической, политической, военной, идеологической, информационной и др. Не дать этому осуществиться, защитить все отечественные ценности, русскую специфику, российский гуманистический менталитет, одержать победу – вот то, на чем сосредоточены сегодня граждане Российской Федерации.

Реальная действительность ставит на повестку дня и иные важные вопросы. Это касается и судьбы Конституции РФ. Мы сторонники ее изменений. Но при всем этом излишняя спешка здесь недопустима и во многом опасна. В наши дни данную работу целесообразно проводить после

завершения специальной военной операции. Это связано с тем, что в такое сложное время принимаются, осуществляются на практике важнейшие, во многом судьбоносные, новаторские решения правового, политического, экономического, социального, идеологического и т.д. характера. Многие из них уже сейчас демонстрируют (или будут демонстрировать) свою работоспособность, востребованность. И именно это должно найти свое отражение в новом Основном Законе нашей страны.

Мировая конституционная практика здесь весьма обширна, разнообразна. Есть страны, в которых принималось множество основных законов, вносились сотни поправок, есть и те, в которых не было ни одной поправки¹. Обратим внимание и на отечественную практику. Например, в Конституцию РСФСР 1978 г. за несколько лет т.н. перестройки

¹ Так, в Венесуэле с 1811 г. принято четыре десятка конституций, в Конституцию Мексики 1917 г. внесено 600 поправок, в Конституцию ФРГ – 100, в Конституцию США – 27 поправок. В то же время в Конституцию Японии 1946 г. – ни одной поправки.

было внесено более 350 поправок. Немаловажное значение здесь имеют и причины появления новых конституций. В связи с этим укажем на представленную в отечественной научной литературе одну из наиболее удачных их классификаций. Это – возникновение нового государства; оформление нового социально-экономического, политического строя; изменение формы государства, формы правления, политического режима; факторы эволюционного свойства и окончание периода действия конституции².

Дискутируется и вопрос: вносить ли в Конституцию РФ частичные изменения или разработать и принять новую Конституцию страны? С нашей точки зрения, более целесообразен новый Основной Закон России. Ее придерживаются ряд отечественных ученых³. Еще раз особо подчеркнем, что в пользу этого говорят следующие факторы. Накопленный более чем 30-летний опыт действия Конституции РФ и, что особенно важно, происходящие сегодня события, принимаемые в практическом плане решения в социально-экономической, политической областях внутри нашей страны и на международной арене, появляющиеся новые институты, сама ситуация в мире свидетельствуют о том, что Россия вступает в новый этап развития общества и государства. Он требует и новой Конституции, которая должна отразить, закрепить все то новое, что связано с ним. Основная суть его, сущность достаточно четко определена Президентом РФ В. В. Путиным⁴.

Далее. С момента принятия в 1993 г. в Конституцию РФ неоднократно вносились изменения, поправки. Особо отметим поправки 2020 года⁵. Они закрепили весьма объемно прежде всего то новое, что произошло в связи с быстро изменяющейся ситуацией как внутри страны, так и за ее пределами. На встрече с судьями Конституционного Суда РФ, состоявшейся 12 декабря 2023 г., Президент РФ В. В. Путин подчеркнул, что данные поправки «были и являются существенными,

² См.: Авакян С.А. Конституционное право России: учеб. курс. 4-е изд. М., 2010. Т. 1. С. 167–171.

³ См., напр.: Клеандров М.И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7–17; № 3. С. 8–17; Бабурин С.Н. Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. 2021 № 1. С. 6.

⁴ Выступая на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ 15.03.2023 г., Президент РФ подчеркнул: «Мы находимся с вами на этапе масштабных позитивных перемен, направленных на укрепление суверенитета страны, ее независимости, будущего России и создания условий для ее уверенного развития» (см.: URL: <http://prezident.org/tekst...kolltii...prokuraturu...2023.html>).

⁵ См.: СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

связаны с усилением вектора, направленного на подтверждение наших традиционных ценностей, на историческую преемственность поколений... Все это говорит о том, что Основной закон нашей страны работает, живет, помогает государству, стабилизирует государство, помогает людям»⁶. Поправки 2020 года свидетельствуют фактически о новой редакции Конституции РФ 1993 г. На это указывают два основных фактора. Первый – поправки коснулись реально всех основных государственно-правовых институтов, внесли существенные новшества в их организацию, деятельность. Второй – значительный объем изменений самого текста Основного Закона: изменена 41 статья из 137, пять новых статей, одна статья отменена. Все это в определенной степени привело и к нарушению последовательности, логичности изложения, закрепления конституционной материи. Это было связано, с нашей точки зрения, в определенной мере и со сложностью, фактической невозможностью внесения изменений в гл. 1, 2, 9 Конституции РФ. Не устраниены также и противоречия, несоответствия ряда положений Конституции, имеющих место еще с момента ее принятия в 1993 г. Все это требует учета при подготовке нового Основного Закона.

При этом особое внимание следует уделить основным чертам, которые определяют ее связь с развитием общества, роль и место в жизни страны. Особый интерес для нас представляют такие черты, как реальность, стабильность, динамичность, их теснейшая взаимосвязь. Прежде всего конституция должна быть реальной, т.е. находиться в полном соответствии с имеющимися общественными отношениями и тем самым отвечать общественным потребностям, интересам населения государства. Она должна быть также стабильной, т.е. действовать длительно без существенных изменений. Данная черта конституции основывается на незыблемости реально существующего строя, который она закрепляет. В то же время конституция должна быть и динамичной, т.е. отражать, закреплять все важнейшие изменения, которые происходят в социально-экономической, политической сферах. Ее не избежать. Она имеет место фактически в любых странах.

Всякого рода сдерживание внесения необходимых, обоснованных изменений в конституцию бесперспективно и влечет за собой нежелательные, во многом опасные последствия. На это указывал известный русский дореволюционный ученый Н.М. Коркунов: «Всякая попытка искусственно устанавливаемыми формами и сроками задержать изменение государственного строя должна быть признана совершенно несостоятельной.

⁶ URL: <http://prezident.org/Стенограммы/putina-s-sudjami...>

Изменение государственного строя не есть дело чьего-либо личного произвола, а производится действием изменяющихся условий общественной жизни. Новые, сильные запросы развивающегося общества всегда преодолеют противящуюся им букву закона, и сложные, медленные формы изменения конституции в практическом результате только умножают случаи насилистенных государственных переворотов⁷. Такого же плана позиция и у известного отечественного ученого С.А. Корфа. В 1915 г. он писал, что если будет отсутствовать какая-либо даже самая маленькая лазейка изменения конституции, «то рано или поздно должен неизбежно наступить момент, когда подобную конституцию, которую народ не будет в состоянии приспособить к своим новым нуждам, придется ломать силой, посредством государственного переворота»⁸. Из современных высказываний: «Излишняя консервация основного закона способна вызвать значительное общественное напряжение и привести к нарушению эволюции государственности»⁹.

Обратим внимание на существенные изменения, происходящие с формой конституции, которые связаны прежде всего с тем, какие сферы жизни общества, государства она регулирует. Первоначально ее трактовали как документ государства – правовой, юридический документ (употреблялся и термин «юридическая конституция») и как документ общества, государства – политический документ или, объединяя оба эти понятия, – как политико-юридический документ¹⁰. Содержание конституций сводилось к нормам, которые регулировали вопросы организации государственной власти, правового статуса личности. При этом включались исключительно политические и гражданские права. Термин «юридическая» конституция имел двоякое значение. Во-первых, в формальном смысле – это особого рода правовой акт, официально провозглашенный конституцией. Во-вторых, в материальном – это система различных актов, норм, регулирующих вопросы конституционного значения. Иногда в названии конституции содержится прилагательное «политическая» (например, Политическая конституция Мексики 1917 г., Политическая конституция Венесуэлы

⁷ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. II. Часть особенная. 4-е изд. СПб., 1903. С. 47.

⁸ Корф С.А. Русское государственное право. Ч. 1. Постоялый двор Его величества. Гельсингфорс, 1915. С. 276.

⁹ Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2022. С. 18.

¹⁰ См.: Авакян С.А. Указ. соч. С. 155, 186, 190.

1999 г.). Это делается прежде всего для того, чтобы повысить значение такого правового акта, решающего не только юридические, но и политические вопросы.

После Первой мировой войны стали появляться конституции, которые в незначительной мере начали регламентировать социально-экономические вопросы. Первыми зарубежными здесь были, например, Конституция Мексики 1917 г., Веймарская конституция 1919 г. в Германии, Конституция Чехословакии 1920 г., Конституция Югославии 1921 г.¹¹ Между тем еще до Веймарской конституции принимается первая советская Конституция – Конституция РСФСР 1918 г. Она обладала более высокой степенью регулирования социально-экономических вопросов. Это было воспринято, получило широкое распространение и в дальнейшем, прежде всего в последующих советских основных законах, в конституциях зарубежных социалистических стран. После Второй мировой войны также многие государства Европы, Азии, Африки, Латинской Америки активно включали социально-экономические положения в свои конституции. Это было важным шагом в развитии конституционализма, находилось в полном соответствии с общемировой тенденцией возрастания роли государства, его активного вмешательства в функционирование гражданского общества. Таким образом, основной закон стал трактоваться и как социально-экономический документ.

Сегодня весьма активно дискутируется вопрос об идеологическом свойстве конституции. При этом следует отметить, что в прошлом на Западе оно предписывалось исключительно социалистическим основным законам. Выделялась и их особая группа под названием «идеологических». Считалось, что конституции стран социализма и ряда развивающихся государств чрезмерно идеологизированы и представляют собой «идеологический документ пропагандистского характера»¹². Это проявлялось главным образом в том, что в основных законах напрямую закреплялась в качестве официальной, государственной идеологии определенная политическая доктрина¹³. Идеологизация проявлялась и в определении природы тех или иных институтов, принципов внешней политики – народно-демократическое

¹¹ Так, Конституция Мексики говорит о государственной собственности, принципе планирования национального развития; Веймарская конституция содержала разделы под наименованием «Общественная жизнь», «Хозяйственная жизнь», «Религия и религиозные общества», «Просвещение и школа».

¹² Сравнительное конституционное право / отв. ред. В.Е. Чиркин. М., 1996. С. 121.

¹³ Это, например, в СССР – марксистско-ленинское учение, во Вьетнаме – идеи Хошимина, в Заире – мобутуизм, в Индонезии – панча сила.

государство, социалистическая собственность, борьба против империализма и неоколониализма и др. В 80–90-е годы прошлого века мы наблюдаем своего рода процесс определенного освобождения от такого рода идеологической нагрузки. Это осуществляется прежде всего через закрепление принципа идеологического плюрализма, запрета признания какой-либо идеологии официальной.

В наши дни такой подход претерпел изменения. Фактически общепризнанным стало то, что каждый основной закон несет в себе определенную идеологию, которая выражена главным образом в его тексте, в принципах конституции, нормах-целях, в положениях программного характера, отношении общества к тем или иным идеологиям. В зарубежной научной литературе в связи с этим отмечается, что «идеологии лежат в основе многих, если не вообще всех политических систем и конституций»¹⁴. Российские ученые подчеркивают, что «любая конституция несет на себе отпечаток взглядов своей эпохи и ее создателей. В свою очередь, она оказывает огромное влияние на умы своего, а зачастую последующих поколений. В этом тоже выражается ее идеологический характер»¹⁵. Указывалось на то, что конституции, принятые после Второй мировой войны, т.н. второй волны, нового поколения, по своим свойствам «были не сколько основным законом, обладающим высшей юридической силой (в некоторых странах последняя даже официально не признавалась за ними), сколько политическим и идеологическим документом»¹⁶. Но при этом еще звучит тезис о том, что определенная идеологизация конституций, принятых после Второй мировой войны, на Западе была в значительной степени более умеренной по сравнению с основными законами социалистических и развивающихся стран.

Все это как никогда актуально для нашей страны, где на повестке дня стоит вопрос о том, что собой представляет отечественная, современная идеология российского народа, общества, Российского государства. При этом звучит вполне обоснованное настоятельное требование о том, чтобы в целях повышения реальности Конституции РФ включить в ее текст соответствующие положения идеологического характера. Это в обязательном порядке следует учесть при подготовке нового Основного Закона страны. Таким образом, конституция становится и идеологическим документом. Проведенный анализ дает возможность,

¹⁴ The Role of the Constitution in Changing Society. Oslo, 1991. P. 24.

¹⁵ Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2005. С. 59.

¹⁶ Сравнительное конституционное право / отв. ред. В.Е. Чиркин. С. 78.

исходя из широкого подхода к понятию «закон», определить конституцию как основной политико-юридический, социально-экономический, идеологический закон. Укажем здесь и на то, что не утихают в научном мире дискуссии о том, является ли конституция основным законом государства, или общества, или общества и государства в целом¹⁷.

Особого внимания требует и такая тенденция мирового конституционного развития, как усиление, закрепление в основных законах положений, касающихся культурно-исторических особенностей, ценностей той или иной страны. При этом отметим, что это нашло свое реальное воплощение уже в ходе конституционных реформ XXI в., например, в таких государствах, как Азербайджан, Венгрия, Египет, Испания, Тунис. Что касается России, то здесь в 80–90-е годы прошлого века предпочтение в большей степени было отдано зарубежному опыту. Свидетельство чему – Конституция РФ 1993 г. В ней в значительной мере, подчас без должного анализа, проработки, учета отечественной специфики, был закреплен статус различного рода институтов, функционировавших за рубежом. При этом своеобразие нашей страны, ее история фактически не нашли своего отражения, должного места, отошли на второй план. Что же в результате? Многие заимствования не прижились в реальной действительности России, показали свою неэффективность, невостребованность и в ряде случаев ограничивали, подрывали суверенитет страны.

Сегодня взят курс на исправление такого рода недостатков. Яркое свидетельство чему – поправки 2020 года к Конституции РФ. Они прежде всего расширили круг ценностей Конституции РФ, в которых полно, всесторонне отражены отечественные, исторические начала, традиции, идеалы, специфика российского общества. На повестке дня вопрос о разработке своей, сугубо отечественной модели Основного Закона. Один из наиглавнейших критерии ее – это наиболее полное соответствие российскому менталитету. Данная модель должна отражать государственно-гражданскую идентичность нашей страны, ее социально-культурные коды, политico-правовые идеалы¹⁸.

Важное значение имеет порядок подготовки, принятия конституции, ее изменения. В связи с этим они классифицируются на гибкие (Англия, Новая Зеландия) и жесткие (Испания, Казахстан).

¹⁷ См., напр.: Ten Years of Democratic Constitutionalism in Central and Eastern Europe. Lublin, 2001. Pp. 22–24.

¹⁸ «Такая ценностная, а точнее, социально-ценностная модель, это одно из основных направлений изменений Конституции России учитывает накопленный исторический опыт, проверенные эволюцией практики и приоритеты, осознанные не только властью, но и широкими слоями общества» (см.: Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Указ. соч. С. 19, 20).

В последних предлагается также выделение двух видов – жесткие, менее жесткие (Пакистан) и особо жесткие, очень жесткие (Россия, США)¹⁹. С гибкими конституциями в принципе все просто, четко, достаточно ясно. Их изменение осуществляется путем принятия обычных законов. Такой закон изменяет, замещает прежнюю конституционную норму или вводит новую конституционную норму. Иные составные гибких конституций – судебные precedents, обычай, правовые доктрины – изменяются соответствующими новыми precedентами, обычаями, доктринами. Жесткие конституции изменяются в более сложном порядке по сравнению с изданием обычных законов.

В нашей стране порядку изменения действующей, принятию новой конституции посвящена специальная гл. 9 Конституции РФ. Она включает в себя четыре статьи. Прежние, советские основные законы регулировали данные вопросы в весьма общем плане. Так, в Конституции СССР 1936 г. им была посвящена одна небольшая статья, в Конституции СССР 1977 г. – две небольшие статьи. Устанавливалось, что изменение Основного Закона СССР производится Верховным Советом СССР. Такое решение принимается большинством не менее $\frac{2}{3}$ от общего числа депутатов каждой его палаты. Таким образом, в реальности отсутствовало правовое регулирование такого жизненно важного вопроса, как процедура изменения конституции, и в первую очередь процедура принятия новой конституции. В целом действовавший в годы социализма порядок изменения, дополнения Конституции СССР носил в общем плане весьма мягкий характер. Отметим здесь также, «что вопросы, связанные с процедурой изменения Конституции, стали предметом острой разногласий, борьбы различных политических сил России в 1990–1993 гг.»²⁰.

В целом следует констатировать, что Основной Закон России 1993 г. установил весьма жесткую процедуру его изменения. Обратим здесь внимание и на то, что использована иная терминология по сравнению с прошлым, касающаяся различных процедур его изменения. Прежде всего это относится к введению двух понятий – «конституционные поправки» и «пересмотр конституции». Здесь, по нашему мнению, не всегда отражены полно реально определенные Конституцией действия. Так, установленная ст. 135 Конституции РФ процедура

¹⁹ См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб. Общая часть: конституционное (государственное) право и его основные институты / рук. авт. кол. и отв. ред. Б.А. Страшун. 3-е изд. М., 1999. Т. 1–2. С. 73.

²⁰ Шульженко Ю.Л. Комментарий к статье 134 Конституции РФ 1993 г. // Конституция Российской Федерации: науч.-практ. комм. 3-е изд. М., 2003. С. 783.

пересмотра положений Конституции в действительности не что иное, как принятие новой Конституции. Установленные в ст. 136 поправки к Основному Закону являются частичными ее изменениями. Статья 137 регулирует и такие вопросы, как внесение изменений, включение изменений. Обращает на себя внимание и название гл. 9, где отражены исключительно две основные формы изменения Основного Закона: это его пересмотр и конституционные поправки.

Глава 9 Конституции РФ начинается с определения круга субъектов, которые имеют право вносить предложения о поправках и пересмотре ее положений. Сам факт закрепления такого рода положений в Основном Законе нашей страны – яркое свидетельство усиления его жесткости. До 1993 г. конституционно такие вопросы не регламентировались. Сегодня право вносить предложения о поправках, пересмотре положений Основного Закона предоставлено Президенту РФ, Совету Федерации, Государственной Думе, Правительству РФ, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации, группе численностью не менее $\frac{1}{5}$ сенаторов или депутатов Государственной Думы. Основной Закон идет по пути ограничения круга субъектов, имеющих право инициировать конституционный пересмотр, по сравнению с теми, кто обладает правом законодательной инициативы. Не обладают правом конституционного пересмотра высшие судебные органы Российской Федерации. Один сенатор, один депутат Государственной Думы могут быть субъектом законодательной инициативы, а субъектом инициативы конституционного пересмотра нет. Такое право предоставлено группе численностью не менее $\frac{1}{5}$ общего числа членов каждой из палат парламента нашей страны. Обратим внимание еще на одну особенность. Не имеет права внесения предложений о поправках, пересмотре положений Конституции РФ исполняющий обязанности Президента РФ. Все это поднимает на более высокий ранг нормы о поправках и пересмотре положений Конституции по сравнению с обычными законами. Такие решения, и прежде всего четкое определение субъектов, наделенных правом инициировать конституционный пересмотр, следует рассматривать и трактовать также в качестве показателя усиления жесткости Конституции РФ.

Конституцией РФ 1993 г. определены три процедуры ее изменения. В основу заложен такой критерий, как значимость норм Конституции. Данного подхода в прежних основных законах нашей страны не было. Заметим, что такого рода решение все чаще применяется в мировой практике. Различные процедуры изменения конституции в зависимости от их значимости, выделение т.н. вечных положений, запрета их изменения предусмотрено,

использовалось и используется многими государствами (например, Испания, Индия). Это рассматривается и трактуется как одно из важнейших и эффективных средств обеспечения стабильности конституции. К таким значимым нормам отнесены те из них, которые касаются важнейших принципов, устанавливающих основы общественного, государственного строя, правового статуса человека, гражданина, процедуры, порядка изменения конституции²¹. Обратим внимание на представленную в отечественной научной юридической литературе позицию о том, что такие не подлежащие изменению нормы свидетельствуют об их особом качестве, которое можно определить как надконституционность²².

Первая процедура, которая установлена ст. 135 Конституции РФ, связана с подготовкой, принятием новой Конституции РФ. Ее применение возможно лишь в том случае, когда поступает предложение о пересмотре гл. 1, 2, 9 Конституции РФ. Особая значимость, уровень положений, содержащихся в них, очевидна. Глава 1 устанавливает основы конституционного строя России. Она – база для всех иных норм Конституции, которые не могут противоречить основам конституционного строя (ч. 2 ст. 16). Глава 2 закрепляет права, свободы человека и гражданина. Именно они определяют смысл, содержание, применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечения правосудия (ст. 18). Глава 9 регулирует порядок внесения конституционных поправок и пересмотра Конституции. Именно ей принадлежит главная роль в обеспечении стабильности последней. Все это – яркое свидетельство того, что гл. 1, 2, 9 являются важнейшими, отправными для всех иных норм Конституции. И это основной критерий их особого порядка пересмотра.

Такая конструкция вызывает в научных кругах определенные возражения. При этом указывается на то, что вечными, неизменными положениями в зарубежных конституциях провозглашаются, как правило, лишь отдельные, немногие статьи. В России этот объем весьма и весьма значителен. Из 137 статей Конституции РФ (реально из 136 статей, так как ст. 127 была исключена из Конституции РФ Законом

²¹ Количество таких запретов различно: во Франции – один, в Бразилии – пять, в Португалии – 15. В ряде государств установлены определенные временные пределы, в течение которых запрещено вносить изменения в конституцию. Так, в Конституцию Греции 1975 г., Конституцию Бразилии 1988 г. – пять лет. В ряде основных законов установлены и запреты на их изменение ситуационного характера, связанные, как правило, с чрезвычайными ситуациями в стране (Гвинея, Румыния и др.).

²² См.: Богданова Н.А. Надконституционность и наднормативность в системе характеристик конституции // Конституция как символ эпохи / под ред. С.А. Авакьяна. М., 2004. Т. 1. С. 44.

РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 05.02.2014 № 2) таких статей 68, т.е. почти половина. В результате в гл. 1, 2, 9 нет возможности внесения ни одного слова уточнения, знака препинания без принятия нового Основного Закона. Вывод – это значительное превышение пределов жесткости, делающее его супержестким.

Установлена прежде всего достаточно жесткая процедура рассмотрения предложений о пересмотре гл. 1, 2, 9 Конституции РФ, их дальнейшей судьбы. Органом, осуществляющим данную деятельность, является Федеральное Собрание, а точнее – его палаты. Предложение о пересмотре гл. 1, 2, 9 Конституции РФ направляется в Государственную Думу. Ее Совет передает их в Комитет по государственному строительству и законодательству, который готовит заключение по данному вопросу. Далее на заседании Думы рассматривается данное предложение, заключение по нему Комитета и принимается соответствующее постановление. В этом документе должно содержаться одно из двух решений – одобрить предложение о пересмотре положений гл. 1, 2, 9 и тем самым инициировать разработку, принятие новой Конституции; или отклонить указанное предложение, подтвердив тем самым неизменность Конституции РФ. Предложение о пересмотре положений гл. 1, 2, 9 Конституции будет одобрено в том случае, когда за его одобрение проголосует не менее $\frac{3}{5}$ от общего числа депутатов Государственной Думы. Если такое решение принято, то в пятидневный срок постановление с законопроектом направляется в Совет Федерации. Здесь рассмотрение предложения о пересмотре гл. 1, 2, 9 Конституции РФ осуществляется главным образом аналогично, как и в Государственной Думе. Такое предложение считается одобренным, если за его одобрение проголосовало не менее $\frac{3}{5}$ общего количества сенаторов. Обратим внимание на позиции о том, что предложение о пересмотре гл. 1, 2, 9 Конституции РФ должно быть признано одобренным, когда за такое одобрение подано именно квалифицированное большинство голосов каждой из палат парламента, направлено на усиление жесткости Конституции РФ. При принятии раздельно каждой палатой парламента постановления, одобряющего предложение о пересмотре гл. 1, 2, 9 Конституции РФ в соответствии с федеральным конституционным законом, созывается Конституционное Собрание.

Следует отметить, что Федеральному Собранию не предоставлено право пересмотра положений гл. 1, 2, 9 Конституции РФ, т.е. принятия нового Основного Закона. В прошлом парламент таким правом обладал. Вместе с тем Федеральное Собрание обладает двумя важнейшими полномочиями в данной области, которые являются показателем его значительной роли в деле подготовки,

принятия новой Конституции РФ. Этот орган, во-первых, рассматривает предложение о пересмотре положений гл. 1, 2, 9 Конституции РФ и одобряет или не одобряет их; во-вторых, в лице Совета Федерации, Государственной Думы является субъектом инициативы внесения предложения о пересмотре положений Конституции.

Конституционное Собрание – новый учредительный орган. Именно ему отведена основная роль в деле решения вопроса о подготовке, принятии новой Конституции РФ. Мировой практике давно известны такого рода органы²³. Имеет здесь в определенной мере свой опыт и Россия. Вопрос об Учредительном собрании был поставлен фактически в первые дни Февральской революции 1917 г. Одной из важнейших задач этого органа было принятие новых Основных законов (Конституции России), которые обеспечили бы стране незыблемые основы права, равенства и свободы. Но вопрос этот затягивался в связи с различными взглядами партий в отношении данного органа. Лишь в марте 1917 г. было принято решение о подготовке к выборам в Учредительное собрание. В сентябре 1917 г. завершается работа над Положением о выборах в Учредительное собрание и рядом иных документов по данному вопросу, которые утверждаются Временным правительством. В Положении нашли свое отражение важнейшие достижения мировой науки, науки русского государственного права. В значительной мере оно было более демократично, чем аналогичные избирательные законы зарубежных государств²⁴. Еще ранее, в августе 1917 г., днем выборов в Учредительное собрание определяется 12 ноября 1917 г., а днем его созыва 28 ноября 1917 г. В дальнейшем созванное 18 января Учредительное собрание было в ночь на 20 января 1918 г. распущено декретом ВЦИК. Причина – отказ обсуждения Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа; неодобрение декретов советской власти, принятых после ее установления в ноябре 1917 г. В России фактически функции учредительного собрания выполняло и Конституционное совещание 1993 г. Оно подготовило окончательный проект ныне действующей Конституции РФ.

Основы деятельности, компетенции Конституционного Собрания на сегодняшний день определены ч. 3 ст. 135 Конституции РФ. Исходя из нее, оно рассматривает сам вопрос о пересмотре положений

²³ Наиболее распространенное их название – учредительное собрание. Первое из них – филадельфийский конвент в США, принявший Конституцию США 1787 г. Учредительными собраниями разрабатывались и принимались конституции Италии 1947 г., Индии 1949 г., Камбоджи 1993 г. и др.

²⁴ См. подр.: Шульженко Ю.Л. Отечественная наука государственного права периодов конституционной монархии, буржуазной республики в России (1905 – октябрь 1917 г.). М., 2012. С. 83 и сл.

гл. 1, 2, 9 Основного Закона. Далее принимает одно из двух решений. Первое – подтверждает неизменность Конституции РФ. Это означает прекращение деятельности Конституционного Собрания. Второе – разрабатывает проект новой Конституции РФ. Следующая стадия – рассмотрение Конституционным Собранием такого проекта. Предусмотрено два варианта принятия нового Основного Закона. Первый – квалифицированным большинством ($\frac{2}{3}$ голосов от общего количества своих членов) самого Конституционного Собрания. С принятием такого решения полномочия данного органа прекращаются. Второй – всенародным голосованием. Порядок его организации и проведения подробно урегулирован Федеральным конституционным законом от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации»²⁵. При этом в соответствии с Конституцией РФ решение о вынесении проекта Основного Закона на референдум принимается исключительно Конституционным Собранием, $\frac{2}{3}$ голосов от общего количества его членов. Принятие Конституционным Собранием соответствующего решения свидетельствует об обязательности вынесения вопроса о принятии новой Конституции на всенародное голосование. В остальном процедура проведения конституционного референдума такая же, как по референдумам по иным вопросам. Основной Закон будет считаться принятым в том случае, когда на референдуме за него проголосовали более половины избирателей. При этом в нем должны принять участие более половины избирателей. В обоих вариантах усиление жесткости Конституции РФ. Это выражено в установлении квалифицированного большинства при принятии ее самим Конституционным Собранием; в возможности принятия новой Конституции РФ путем референдума.

Конституция РФ установила лишь основы организации и деятельности Конституционного Собрания. Подробно данные вопросы должен урегулировать специальный федеральный закон о данном органе. Вокруг него в течение ряда лет в политических и научных кругах ведется дискуссия. В центре внимания такие проблемы, как состав, порядок формирования Конституционного Собрания, статус его членов, процедура им разработки проекта Конституции, взаимоотношения Конституционного Собрания и иных государственных органов и др. Высказывается большое количество интересных предложений²⁶. Не вдаваясь в их ана-

²⁵ См.: СЗ РФ. 2004. № 27, ст. 2710.

²⁶ См., напр.: Авакьян С.А. Конституционное Собрание: концепция и проект федерального конституционного закона // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2005. № 2; Белкин А.А. Пересмотр конституции (теоретические аспекты) // Правоведение. 1995. № 1; Киреев В.В. Теоретические проблемы реформирования Конституции Российской Федерации. Челябинск, 2008.

лиз, рассмотрение имеющих здесь место споров, так как этот вопрос достаточно широко освещен в научной правовой литературе, представим лишь одно свое предложение. Для того чтобы наилучшим образом выполнить свою ответственную задачу, состав Конституционного Собрания должен в наибольшей мере учитывать, соответствовать конкретной ситуации, расстановке политических сил в стране. Эти две составные достаточно подвижны, находятся в зависимости от различного рода факторов. В связи с этим целесообразно принимать соответствующий закон о Конституционном Собрании каждый раз, когда реально ставится вопрос об изменении гл. 1, 2, 9 Конституции РФ, т.е. о принятии новой Конституции РФ.

Вторая, частичная процедура изменения Конституции РФ относится к гл. 3–8, нормы которых занимают второе место в конституционной иерархии. Эти вопросы регулируются главным образом ст. 136 Конституции РФ. Она имеет весьма общую, лаконичную форму. На практике ее применение вызвало некоторые сложности, споры. Был принят ряд правовых актов в целях их устранения. Особое значение имеют Постановление Конституционного Суд РФ от 31 октября 1995 г. по делу о толковании ст. 136 Конституции РФ, Федеральный закон от 4 марта 1998 г. «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации»²⁷.

Пересмотр гл. 3–8 Конституции РФ осуществляется через принятие поправок, трактующихся как любое изменение текста данных глав. Форма правового акта – закон о поправке к Конституции РФ. Он должен охватывать взаимосвязанные изменения текста. Его наименование должно соответствовать сути поправки. Весьма жесткий характер носят процедуры подготовки, рассмотрения, принятия поправок. Предложения о них направляются в Государственную Думу. Правом инициативы данных предложений обладают те же субъекты, что и при инициативе изменения гл. 1, 2, 9 Конституции РФ. Формой акта является проект закона о поправке к Конституции РФ, к тексту которого предъявляются также достаточно жесткие требования. К нему прилагаются еще два документа: обоснование необходимости принятия поправки; перечень законов, которые при принятии данной поправки потребуется отменить, изменить, дополнить.

При получении проекта закона о поправках Совет Государственной Думы передает его в Комитет по государственному строительству и законодательству в целях подготовки заключения. Основная задача – проверка соблюдения требований Конституции РФ и Федерального закона об условиях и порядке внесения предложений о поправке

к Конституции РФ. По результатам этого Комитет по государственному строительству и законодательству принимает решение. Если он вносит предложение о принятии к рассмотрению Государственной Думой проекта закона о поправке, то заключение, подготовленный к рассмотрению проект закона о поправке направляются в Совет Государственной Думы для включения такого законопроекта в календарь рассмотрения вопросов Государственной Думой. Комитет может предложить возвратить проект его инициатору. При этом такого рода решение может быть связано исключительно с несоблюдением требований Конституции РФ, Федерального закона об условиях и порядке внесения предложения о поправке к Конституции РФ.

Рассмотрение проекта о конституционной поправке в Государственной Думе осуществляется в трех чтениях. Она заслушивает доклад инициатора каждой конституционной поправки, содоклад представителя Комитета, готовившего заключение по проекту, полномочного представителя Президента РФ в Государственной Думе или уполномоченных им лиц, полномочного представителя Правительства РФ в Государственной Думе, представителей депутатских объединений, экспертов, других лиц, которые по решению палаты были приглашены для участия в обсуждении. Поправки к гл. 3–8 Конституции РФ обсуждаются и голосуются по каждой поправке в отдельности. Поправка считается одобренной при одобрении ее путем голосования не менее чем $\frac{2}{3}$ от общего количества депутатов Государственной Думы. После постатейного обсуждения, голосования поправок они принимаются в целом. Проект закона о поправке считается принятым в том случае, когда за его одобрение проголосовало не менее $\frac{2}{3}$ от общего числа депутатов Государственной Думы. Жесткость здесь проявляется главным образом в установлении необходимости квалифицированного большинства при процедурах голосования.

Следующая стадия начинается с направления в течение пяти дней со дня одобрения закона-проекта Государственной Думой в Совет Федерации. Последний обязан его рассмотреть. Закон о поправке считается принятым в том случае, когда за его одобрение проголосовало не менее $\frac{3}{4}$ от общего числа сенаторов. В ситуации, когда такой закон отклоняется Советом Федерации, последний имеет право внесения в Государственную Думу предложения о создании согласительной комиссии. После принятия закона о поправке Председатель Совета Федерации не позднее пяти дней со дня принятия обязан осуществить ряд действий. Во-первых, опубликовать для всеобщего сведения уведомление, включающее текст закона о поправке с указанием даты его одобрения Государственной Думой и Советом Федерации. Во-вторых,

²⁷ См.: СЗ РФ. 1995. № 45, ст. 4408; 1998. № 10, ст. 1146.

направить закон о поправке в законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации для рассмотрения.

Обязанностью последних является рассмотрение закона о поправке к Конституции РФ в том порядке, который установлен самостоятельно данным органом в срок не позднее одного года со дня принятия закона. В течение 14 дней со дня принятия постановления о законе о поправке к Конституции РФ законодательный (представительный) орган субъекта Российской Федерации направляет его в Совет Федерации. На него возложен учет данных о рассмотрении закона о поправке к Конституции РФ соответствующими органами субъектов Российской Федерации со дня его направления им. Совет Федерации на очередном заседании, следующем за днем истечения срока рассмотрения законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации закона о поправке, устанавливает результаты данного рассмотрения. Президенту РФ, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации предоставлено право в течение семи дней со дня принятия такого постановления обжаловать его в Верховный Суд РФ. Обязательным является извещение об этом Совета Федерации, Президента РФ, заявителя жалобы. В такой ситуации Председатель Совета Федерации не направляет Президенту РФ закон о поправке для подписания и официального опубликования до момента вступления в законную силу решения Верховного Суда РФ. В ситуации, когда вступило в законную силу решение Верховного Суда РФ, которое требует пересмотреть постановление Совета Федерации об установлении результатов рассмотрения законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации закона о поправке к Конституции РФ, Совет Федерации на своем очередном заседании рассматривает повторно данный вопрос.

Одобренным законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации считается такой закон о поправке к Конституции РФ, который одобрен не менее чем $\frac{2}{3}$ таких органов. Данное положение в наибольшей степени учитывает интересы субъектов Российской Федерации. Оно служит делу обеспечения реального действия принципа федерализма. Далее одобренный закон в течение семи дней со дня установления результатов его рассмотрения органами субъектов Российской Федерации направляется Председателем Совета Федерации Президенту РФ для подписания и официального опубликования. Последний в срок не позднее 14 дней со дня получения закона подписывает его и осуществляет официальное опубликование. Такой закон вступает в силу со дня его официального опубликования, если в нем не установлена иная дата вступления в силу.

Таким образом, и здесь налицо усиление жесткости Конституции РФ. Она выражена прежде всего в установлении квалифицированного большинства при всех голосованиях, в обязательном рассмотрении субъектами Российской Федерации в лице их законодательных (представительных) органов закона о поправке к Конституции РФ. Важное значение имеет и тот факт, что порядок принятия закона о поправке к Конституции РФ существенно отличает его как от федеральных законов, так и от федеральных конституционных законов. Круг субъектов законодательной инициативы по поводу внесения поправок уже круга субъектов законодательной инициативы по принятию конституционных и обычных законов. Наряду с этим порядок принятия законов о внесении поправок совпадает с порядком принятия федеральных конституционных законов. Вместе с тем закон о поправке в отличие от вышеупомянутых требует одобрения законодательными (представительными) органами не менее чем $\frac{2}{3}$ субъектов Российской Федерации. В связи с этим в научной литературе высказана точка зрения о том, что Постановлением Конституционного Суда РФ от 31 октября 1995 г. был введен в систему российского законодательства третий вид законов федерального уровня – закон РФ о поправке к Конституции РФ.

Важное значение имеет и то, что законодательство определяет и способ внесения поправок в Конституцию РФ. Установлено, что они вносятся Президентом РФ в текст Основного Закона. Он же в месячный срок со дня вступления в силу закона о поправке осуществляет официальное опубликование Конституции РФ с внесенными в нее поправками, а также указывает даты вступления соответствующих поправок в силу. Таким образом, впервые в российском законодательстве на общегосударственном уровне четко закреплено имевшее долгие годы на практике положение об обязательном включении поправок, изменений к Конституции в сам ее текст. Имеет решение и вопрос о возможности повторного внесения предложения о поправке к Конституции. В том случае, когда закон о поправке не получил одобрения законодательных (представительных) органов $\frac{2}{3}$ субъектов Российской Федерации, возможно к нему обращение не ранее чем через год со дня установления результатов рассмотрения законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации закона о поправке к Конституции РФ.

В соответствии с рассмотренным порядком со времени принятия Конституции РФ в 1993 г. в нее было внесено четыре поправки²⁸.

²⁸ См., напр.: Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации

Последние внесенные Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», инициатором которых был Президент РФ В. В. Путин, принимались в соответствии с рядом новшеств. Прежде всего сами они были установлены, закреплены в самом этом Законе, а не внесены в текст действующих актов в этой области. Данный Закон включает в отличие от аналогичных не одну, а большое количество поправок к Основному Закону, содержит и положения, направленные на обеспечение вступления поправок в силу. При этом процедура усложнена по сравнению с существующей. Конституция РФ в результате стала еще более жесткой.

В процессе подготовки, принятия Закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации 2020 г. имела место новая стадия, новый институт – общероссийское голосование. Оно проводилось по поводу одобрения изменений в Конституцию РФ и являлось обязательным условием вступления поправок в силу. Это общероссийское голосование – эффективное дополнительное обеспечение легитимации, показатель поддержки народа изменений Конституции РФ. Следует отметить, что это не референдум, не обсуждение федерального закона, хотя и имеет место много общего с демократическими институтами, связанными с учетом, выявлением мнения граждан.

Порядок проведения такого голосования определила ст. 2 Закона о поправке. Инициатором проведения такого голосования был Президент РФ, который назначил его своим Указом от 17 марта 2020 г. № 187²⁹. В нем был определен и вопрос, который выносился на голосование: «Вы одобряете изменения в Конституцию Российской Федерации?». Первоначально голосование планировалось на 22 апреля 2020 г. Но в связи со сложной эпидемиологической ситуацией, связанной с пандемией COVID-19, было перенесено на более поздний срок – на 1 июля 2020 г. В голосовании приняло участие 67.97% и поддержали изменения 77.92% принявших участие в голосовании.

В этом голосовании имели право принять участие граждане Российской Федерации, достигшие на день голосования 18 лет. Исключение – граждане, которые были признаны судом недееспособными; содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Голосование осуществлялось на основе всеобщего равного прямого

и Государственной Думы» // СЗ РФ. 2009. № 1, ст. 1; Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30, ст. 4202.

²⁹ См.: СЗ РФ. 2020. № 12, ст. 1743.

вотеизъявления при тайном голосовании. Участие в голосовании было свободным и добровольным. Подготовку и проведение голосования осуществили ЦИК, избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, территориальные избирательные комиссии, участковые избирательные комиссии. Соблюдение демократических стандартов проведения общероссийского голосования обеспечивали независимые наблюдатели, которые назначались Общественной палатой РФ, общественными палатами субъектов Российской Федерации. При проведении голосования была применена технология дистанционного электронного голосования.

Следующее новшество было связано с порядком вступления в силу отдельных положений Закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. Это выражалось главным образом во включении в данный процесс новых условий, этапов, не имевших места ранее. Указанные вопросы урегулировала ст. 3 Закона о поправке. Установлено, что он вступает в силу со дня опубликования после одобрения законодательными органами субъектов Российской Федерации, за исключением его ст. 1, 2. Далее Президент РФ направляет в Конституционный Суд РФ запрос, касающийся определения соответствия положениям гл. 1, 2, 9 Конституции РФ не вступивших в силу положений Закона о поправке; соответствия Конституции РФ порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона. Конституционный Суд РФ не позднее семи дней со дня направления Президентом РФ запроса обязан представить заключение. В том случае, когда Конституционный Суд РФ выявляет несоответствия, Закон не вступает в силу, а общероссийское голосование не проводится. Если же Конституционный Суд РФ дает заключение о наличии такого соответствия, то налицо основание для вступления в силу ст. 2 Закона, касающейся проведения общероссийского голосования. Заметим, что вопрос об участии Конституционного Суда РФ в процессе внесения поправок в Основной Закон был значительное время предметом обсуждения, споров. В настоящее время такое право за данным органом закреплено в Конституции РФ. Ее положение ст. 125 гласит: Конституционный Суд РФ «по запросу Президента Российской Федерации проверяет конституционность проектов законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации...». Установлены и количественные показатели результатов общероссийского голосования об изменении Конституции РФ, которые позволяют считать их одобренными – если за них проголосовало более половины граждан, принявших участие в голосовании. В ситуации, когда данное число меньше половины, такие изменения считаются неодобренными

и ст. 1 Закона о поправке не вступает в силу. Еще раз подчеркнем, что налицо усиление жесткости Конституции РФ, выраженное прежде всего в новых дополнительных условиях, новых этапах в деле подготовки и принятия поправок к Основному Закону нашей страны.

Несколько слов о зарубежном опыте. Он свидетельствует о том, что институт поправок к основным законам в мировой практике известен уже давно. Так, в США все поправки к Конституции прилагаются к ее тексту. В Индии поправки большого размера не включаются в текст Конституции. Они прилагаются к нему при переиздании. В этих странах поправки имеют равную силу с конституцией.

Статья 137 Конституции РФ устанавливает третью, наиболее упрощенную, процедуру внесения изменений в Основной Закон и касается ее ст. 65, определяющей состав Российской Федерации. На практике в теории возникли сложности с ее толкованием. Многие вопросы здесь были решены Федеральным конституционным законом от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»³⁰. Реально ст. 137 Конституции РФ определила несколько таких упрощенных процедур. Первая определяет процедуру внесения изменений в ст. 65 Конституции РФ в связи с решением вопроса о принятии в Российскую Федерацию и образовании в ее составе нового субъекта Российской Федерации, изменения конституционно-правового статуса субъекта Федерации. Определено основание для внесения такого изменения. Это – Федеральный конституционный закон о принятии в Российскую Федерацию и образовании в ее составе нового субъекта Российской Федерации, об изменении конституционно-правового статуса субъекта Федерации.

Законодательство трактует такое принятие в состав Российской Федерации нового субъекта как присоединение к ней иностранного государства или его части. Такое принятие осуществляется на основе их взаимного согласия в соответствии с международным договором Российской Федерации с иным государством. Инициатор здесь – соответствующее государство, а не его часть. При получении надлежащего предложения Президент РФ уведомляет об этом Совет Федерации, Государственную Думу, Правительство РФ, может провести при необходимости с ними соответствующие консультации. С учетом особой значимости данного решения предусмотрено направление Президентом РФ подписанных международного договора в Конституционный Суд РФ на проверку его соответствия

³⁰ См.: СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4916.

Конституции РФ. При положительном решении Конституционного Суда РФ международный договор вносится в Государственную Думу на ратификацию. Одновременно вместе с ним вносится и проект федерального конституционного закона о принятии в состав Российской Федерации нового субъекта. Ратификация международного договора, принятие указанного закона входят в компетенцию палат Федерального Собрания РФ³¹.

Следующая процедура внесения изменений в ст. 65 Конституции РФ также связана с образованием в составе Российской Федерации нового субъекта. Но это не касается принятия в состав Российской Федерации иностранного государства или его части. Закон здесь предусматривает лишь один вариант – объединение двух или более граничащих между собой субъектов. В результате образования в составе Российской Федерации нового субъекта может иметь место прекращение существования субъектов Российской Федерации, территории которых объединяются. Инициатива здесь принадлежит субъектам Российской Федерации, которые образуют новый субъект. Форма выражения – совместное предложение законодательных (представительных) органов государственной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) заинтересованных субъектов Российской Федерации. Оно направляется Президенту РФ, который уведомляет об этом Совет Федерации, Государственную Думу, Правительство РФ и может провести с ними консультации. При поддержке такой инициативы вопрос об образовании нового субъекта Российской Федерации в обязательном порядке выносится на референдумы заинтересованных субъектов. Официальные данные о результатах референдумов представляются Президенту РФ. В том случае, когда на референдумах приняты соответствующие решения, Президент РФ может внести в Государственную Думу проект федерального конституционного закона об образовании нового субъекта Российской Федерации. Сам закон принимается палатами Федерального Собрания³².

Конституционно-правовая практика, в значительной части и теория не относят образование нового субъекта Российской Федерации через выделение из другого субъекта Федерации. Это напрямую связано с учетом статуса краев,

³¹ Пример тому – вхождение в состав Российской Федерации в 2014 г. двух новых субъектов: Республики Крым, города федерального значения Севастополя.

³² Следует отметить, что процесс укрепления субъектов Российской Федерации идет постоянно, одним из направлений стало их объединение. Первое из них произошло в 2004 г.: Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ объединились в Пермский край.

областей, в составе которых автономные округа. При выходе последних из состава края, области не образуется новый субъект. Изменяется лишь их конституционно-правовой статус. Здесь требуется процедура, которая предусмотрена ч. 5 ст. 66 Конституции РФ, которая устанавливает, что статус субъекта Российской Федерации может быть изменен по взаимному согласию Российской Федерации и субъекта Федерации в соответствии с федеральным конституционным законом.

Третья упрощенная процедура внесения изменений в ст. 65 Конституции РФ связана с изменением официального наименования республики, края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа. Согласно ст. 71–73 Конституции РФ, изменение наименования субъекта Российской Федерации относится к исключительной компетенции законодательной власти субъекта Федерации. Законодательство субъекта Российской Федерации устанавливает порядок принятия решения об изменении такого названия. Именно законодательный орган субъекта Российской Федерации принимает соответствующий правовой акт, в котором содержится новое наименование. Данный акт является юридическим основанием для вступления в действие ч. 2 ст. 137 Конституции РФ. В соответствии с ней новое название республики, края, области, города федерального значения, автономной области, автономного края подлежит включению в ст. 65 Конституции РФ.

Последняя формула носит весьма общий характер и не дает ответа на многие вопросы. Ответы на них были даны в постановлении Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1995 г. по делу о толковании ч. 2 ст. 137 Конституции РФ³³. Конституционный Суд РФ отметил, что изменение наименования республики, края, области, города федерального значения, автономной области, автономного края согласно ч. 2 ст. 137 Конституции РФ включается в текст ст. 65 Конституции РФ Указом Президента РФ на основании решения субъекта Российской Федерации, которое принято в соответствии с установленным им порядком. В спорных случаях Президент РФ использует полномочия, предусмотренные ч. 1 ст. 85 Конституции РФ. Это согласительные процедуры, передача спора в случае недостижения согласованного решения на рассмотрение соответствующего суда.

Такая упрощенная процедура возможна лишь в той ситуации, когда изменение наименования субъекта Российской Федерации не приводит к отступлению, отходу от смысла, содержания других конституционных норм. Важно подчеркнуть, что изменение наименования субъекта Российской Федерации может иметь не просто формальный характер.

³³ См.: СЗ РФ. 1995. № 49, ст. 4868.

Оно может коснуться важнейших государственно-правовых вопросов. В связи с этим в указанном постановлении Конституционного Суда РФ отмечено, что не является изменением наименования субъекта Российской Федерации в смысле ч. 2 ст. 137 Конституции РФ и, следовательно, не может быть проведено в указанном порядке такое переименование, которое затрагивает основы конституционного строя, права и свободы человека, гражданина, интересы других субъектов Федерации, Российской Федерации в целом либо интересы других государств, а также предполагающее изменение состава Российской Федерации или конституционно-правового статуса ее субъекта. Президент РФ неоднократно принимал указы, касающиеся включения нового наименования субъекта Российской Федерации в Конституцию нашей страны³⁴. Отметим и то, что рассмотренные процедуры хотя и характеризуются как упрощенные, но реально достаточно жесткие. Это находит свое выражение в многоэтапности таких процедур, установлении квалифицированного большинства при голосовании, референдумах в ходе их проведения.

Обратим внимание и на иные способы, механизмы, оказывающие влияние на степень жесткости Конституции. Это касается прежде всего тех из них, которые изменяют Основной Закон без изменения его текста. Они определяются в научной правовой литературе как «преобразование Конституции»³⁵. Важнейшим, основным из таких способов является толкование Конституции. При этом, по мнению ряда отечественных ученых, здесь имеется в виду не изменение Конституции, а ее развитие. Обосновывается это тем, что Конституция РФ может изменяться исключительно в установленном им порядке³⁶. Данный способ ведет свое начало от старейшей Конституции США 1787 г. Не случайно связано с ней и употребляемое в научной литературе понятие «живая конституция»³⁷.

³⁴ См., напр.: Указ от 09.01.1996 г. о новых названиях двух субъектов Российской Федерации: вместо Ингушская Республика – Республика Ингушетия, вместо Республика Северная Осетия – Республика Северная Осетия – Алания (см.: СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 152); от 25.07.2003 г.: вместо Ханты-Мансийский автономный округ – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (см.: СЗ РФ. 2003. № 30, ст. 3051).

³⁵ Митюков М.А. О преобразовании Конституции Российской Федерации // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2003. Вып. 4. С. 30–39.

³⁶ См.: Хабриева Т.Я. Развитие правового потенциала Конституции и деятельность Конституционного Суда Российской Федерации по ее толкованию // Российский конституционализм: проблемы и решения (материалы международной конференции). М., 1999. С. 185–195; Митюков М.А. Модернизация Конституции: необходимость или очередные иллюзии? // Там же. С. 42, 43.

³⁷ Под этим понимается толкование Верховным судом США положений Основного Закона страны – совокупность таких толкований, которые составляют многие сотни томов и образуют «живую Конституцию США».

В нашей стране впервые институт толкования Конституции вводится Основным Законом 1993 г. Правом такого официального, общеобязательного толкования, обладающего высшей юридической силой для всех, кто применяет право, наделен Конституционный Суд РФ. Это его полномочие закреплено в ч. 5 ст. 125 Конституции РФ. Укажем и положения ч. 6 ст. 125: «Акты и отдельные положения, признанные конституционными в истолковании, данном Конституционным Судом Российской Федерации, не подлежат применению в ином истолковании». Здесь еще раз подчеркнуто верховенство такого толкования.

Сущность толкования и в связи с этим определенное смягчение жесткости конституции состоит в разъяснении, уяснении, уточнении смысла ее положений в соответствии со всем тем новым, что происходит в развитии общества, государства. Конкретные основания рассмотрения дел о толковании конституции заключаются в выявлении неясности, неопределенности понимания ее положений, которые имеют место в правотворчестве, в процессе ее реализации, в связи с реальными, конкретными правовыми ситуациями, делами. Главная цель состоит в том, чтобы юридически точно ответить на вопрос: как понимать норму конституции? Одним из основополагающих теоретических положений права является то, что такое толкование не должно создавать новый основной закон, не заменять, не подменять его. Вместе с тем вполне обоснованно отмечается, что пределы такого толкования в реальности трудно определить, да и практически невозможно, а также исчерпывающее нормативно закрепить, регулировать данный вопрос. Выход, например, видится в том, что «они должны быть выработаны практикой и стать традицией при осуществлении конституционного правосудия»³⁸. Заманчиво, но верится с трудом.

Важное значение имеет вопрос о месте актов Конституционного Суда РФ по толкованию Основного Закона в правовой иерархии. В связи с этим обратим в первую очередь внимание на имеющуюся в научной литературе, поддерживаемую и нами точку зрения о том, что решения, precedents Конституционного Суда РФ по конкретным делам приравниваются к его актам собственного толкования. Исходя из этого, «precedents, создаваемые Судом, как и акты собственно толкования, имеют нормативно-регулирующее значение, и в этом смысле они также являются высшими по своей юридической силе правовыми нормами, распространяющимися на неопределенный круг случаев и субъектов конституционно-правовых отношений. Указание на это можно вывести из ст. 6 Закона, согласно которой решения Суда

обязательны не только для участников конституционного спора, но и иных субъектов права»³⁹.

Обратим внимание и на иной подход, который основывается на разделении понятий «толкование Конституции» и «конституционное истолкование». Под последним понимается «придание закону или иному проверяемому нормативному правовому акту смысла, соответствующего требованиям Конституции РФ, имея при этом в виду, что такая интерпретация соответствующего нормативного акта становится обязательной для судов и иных право-применителей вопреки их практике. Только в такой интерпретации содержание закона или иного нормативного правового акта гармонизируется с Конституцией РФ»⁴⁰. Это связывается с казуальным толкованием Конституционного Суда РФ, которое проводится по правилам абстрактного, конкретного нормоконтроля. Особо подчеркивается, что это находит свое выражение в итоговых решениях данного органа.

Автор данной статьи придерживается также позиции о том, что решения Конституционного Суда РФ по толкованию конституционных норм «по существу становятся частью Конституции. В этом смысле Суд является не только «негативным», но и «позитивным» законодателем, акты которого по своей юридической силе не уступают Конституции»⁴¹. Яркий показатель тому – практика, которая свидетельствует о том, «что нормы Конституции и акты по ее толкованию в реальности фактически применяются в единстве, наравне. Таким образом, конституционные нормы и решения по их толкованию приобрели в своем роде равную силу. По-видимому, такую ситуацию целесообразно закрепить в законодательстве»⁴².

* * *

Проведенный анализ, и в первую очередь положений, касающихся порядка подготовки, принятия новой Конституции нашей страны, внесения в нее изменений, свидетельствует, с нашей точки зрения, о настоятельной необходимости существенных изменений в данной области, которые должны найти свое отражение, закрепление в ходе разработки нового Основного Закона. Это в полной мере отвечает потребностям реальности, обеспечивает предотвращение, снятие в значительной мере возможных

³⁸ Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России. М., 2013. С. 98.

⁴⁰ Конституционное право Российской Федерации: учеб. / под ред. Н.В. Витрука. М., 2010. С. 110; см. также: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учеб. 4-е изд. М., 2010. С. 78.

⁴¹ Эбзеев Б. С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 12.

⁴² Шульженко Ю.Л. Правовая охрана Конституции Российской Федерации // Государство и право. 2021. № 5. С. 14.

³⁸ Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 306.

опасных социально-политических барьеров, ситуаций. Это касается прежде всего устранения чрезмерной жесткости ныне действующей Конституции России, своего рода ее смягчение.

Существующая в настоящее время ситуация, как отмечалось ранее, когда три главы Конституции РФ, т.е. почти половина статей, объявлены неприкосновенными, привела к тому, что они могут измениться даже незначительно, стилистически, грамматически исключительно путем принятия нового Основного Закона страны. Такая конструкция, с одной стороны, служит делу обеспечения стабильности государственного строя, а с другой – может иметь обратные последствия, и в первую очередь расхождение между конституцией как юридическим документом и реальной практикой. Яркое свидетельство чему – ряд объявленных вечных, ценностных положений Конституции РФ, которые претерпели в реальности за последние 30 лет существенные изменения и в своем роде снизили свою ценность. Это касается, например, положений о разделении органов государственной власти и местного самоуправления; соотношения норм международного права и внутреннего отечественного права; отношения к двойному гражданству.

В связи с этим целесообразно, на наш взгляд, сокращение количества неприкосновенных, вечных положений в Основном Законе страны. При этом не должны быть неприкосновенными ценные главы. Наиболее приемлемо – три-пять статей. Они должны касаться основополагающих, наиглавнейших, наиважнейших, принципиальных положений, институтов общественного и государственного строя (это, например, форма правления, государственное устройство, идеология, самоуправление). Заслуживает особого внимания и предложение о том, что положения, объявляемые неизменяемыми, не должны вообще относиться к номерам глав или статей, «а иметь содержательную характеристику»⁴³. Не следует относить к неизменяемым положения, связанные с порядком принятия новой конституции, внесения в нее поправок, изменений. Согласимся здесь с аргументацией, высказанной в отечественной научной, юридической литературе. Суть ее состоит в том, что существующая сегодня конструкция «теоретически означает перевод одного варианта решения в значительной мере процессуальных вопросов в категорию “вечных” ценностей. Разумеется, такой подход не имеет и едва ли может иметь серьезное теоретическое обоснование»⁴⁴.

⁴³ Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 111.

⁴⁴ Колюшин Е.И. Конституционное право России: курс лекций. М., 2015. С. 78.

Возникает также вопрос: что делать с незначительными редакционными, стилистическими неточностями? Ответ на него весьма важен. Понятно стремление создать идеальную во всех отношениях конституцию. Но при всем этом в реальности, на практике формулировки ее статей не всегда удачны⁴⁵. Выход, полагаем, может состоять в том, чтобы право внесения такого рода изменений в Конституцию предоставить парламенту, который принимал бы такого рода решения в форме закона квалифицированным большинством сенаторов, депутатов Государственной Думы. Таким образом, с одной стороны, обеспечивается упрощение принятия такого рода изменений, а с другой – подчеркивается их важная роль и значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакян С.А. Конституционное право России: учеб. курс. 4-е изд. М., 2010. Т. 1. С. 155, 167–171, 186, 190.
2. Авакян С.А. Конституционное Собрание: концепция и проект федерального конституционного закона // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2005. № 2.
3. Бабурин С.Н. Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. 2021 № 1. С. 6.
4. Белкин А.А. Пересмотр конституции (теоретические аспекты) // Правоведение. 1995. № 1.
5. Богданова Н.А. Надконституционность и наднормативность в системе характеристик конституции // Конституция как символ эпохи / под ред. С.А. Авакяна. М., 2004. Т. 1. С. 44.
6. Киреев В.В. Теоретические проблемы реформирования Конституции Российской Федерации. Челябинск, 2008.
7. Клеандров М.И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7–17; № 3. С. 8–17.
8. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учеб. 4-е изд. М., 2010. С. 78.
9. Колюшин Е.И. Конституционное право России: курс лекций. М., 2015. С. 78.
10. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб. Общая часть: конституционное (государственное) право и его основные институты / рук. авт. кол. и отв. ред. Б.А. Страшун. 3-е изд. М., 1999. Т. 1–2. С. 73.

⁴⁵ «Лишь со временем мы замечаем, что верные сами по себе положения выражены редакционно неудачно, и это вызывает сложности при издании законов в развитие конституции и в правоприменительной практике. Редакционно неудачные формулировки есть и в “неприкосновенных” главах российской Конституции. Запрет даже стилистической правки приводит к отрицательным последствиям» (см.: Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 97).

11. Конституционное право Российской Федерации: учеб. / под ред. Н.В. Витрука. М., 2010. С. 110.
12. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. II. Часть особенная. 4-е изд. СПб., 1903. С. 47.
13. Корф С.А. Русское государственное право. Ч. I. Постоялый двор Его величества. Гельсингфорс, 1915. С. 276.
14. Митюков М.А. Модернизация Конституции: необходимость или очередные иллюзии? // Российский конституционализм: проблемы и решения (материалы международной конференции). М., 1999. С. 42, 43.
15. Митюков М.А. О преобразовании Конституции Российской Федерации // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2003. Вып. 4. С. 30–39.
16. Сравнительное конституционное право / отв. ред. В.Е. Чиркин. М., 1996. С. 78, 121.
17. Хабриева Т.Я. Развитие правового потенциала Конституции и деятельность Конституционного Суда Российской Федерации по ее толкованию // Российский конституционализм: проблемы и решения (материалы международной конференции). М., 1999. С. 185–195.
18. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2022. С. 18–20.
19. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2005. С. 59, 97, 111, 306.
20. Шульженко Ю.Л. Комментарий к статье 134 Конституции РФ 1993 г. // Конституция Российской Федерации: науч.-практ. комм. 3-е изд. М., 2003. С. 783.
21. Шульженко Ю.Л. Отечественная наука государственного права периодов конституционной монархии, буржуазной республики в России (1905 – октябрь 1917 г.). М., 2012. С. 83.
22. Шульженко Ю.Л. Правовая охрана Конституции Российской Федерации // Государство и право. 2021. № 5. С. 14.
23. Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России. М., 2013. С. 98.
24. Эбзеев Б.С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 12.
25. Ten Years of Democratic Constitutionalism in Central and Eastern Europe. Lublin, 2001. Pp. 22–24.
26. The Role of the Constitution in Changing Society. Oslo, 1991. P. 24.
3. Baburin S.N. Constitutional reform of 2020 in the Russian Federation as a way to strengthen the nation // Constitutional and Municipal Law. 2021 No. 1. P. 6 (in Russ.).
4. Belkin A.A. Revision of the Constitution (theoretical aspects) // Jurisprudence. 1995. No. 1 (in Russ.).
5. Bogdanova N.A. Supra-constitutionality and supranormativity in the system of characteristics of the constitution // Constitution as a symbol of the epoch / ed. by S.A. Avakyan. M., 2004. Vol. 1. P. 44 (in Russ.).
6. Kireev V.V. Theoretical problems of reforming the Constitution of the Russian Federation. Chelyabinsk, 2008 (in Russ.).
7. Kleandrov M.I. On the inevitability of the development and adoption of a new Constitution of the Russian Federation and what it should contain // State and Law. 2022. No. 1. Pp. 7–17; No. 3. Pp. 8–17 (in Russ.).
8. Kozlova E.I., Kutafin O.E. Constitutional Law of Russia: textbook. 4th ed. M., 2010. P. 78 (in Russ.).
9. Kolyushin E.I. Constitutional Law of Russia: course of lectures. M., 2015. P. 78 (in Russ.).
10. Constitutional (State) Law of foreign countries: studies. General part: Constitutional (State) Law and its main institutions / author's note and ed. by B.A. Strashun. 3rd ed. M., 1999. Vol. 1–2. P. 73 (in Russ.).
11. Constitutional Law of the Russian Federation: textbook / ed. by N.V. Vitruk. M., 2010. P. 110 (in Russ.).
12. Korkunov N.M. Russian State Law. Vol. II. Special part. 4th ed. St. Petersburg, 1903. P. 47 (in Russ.).
13. Korf S.A. Russian State Law. Part 1. His Majesty's Inn. Helsingfors, 1915. P. 276 (in Russ.).
14. Mityukov M.A. Modernization of the Constitution: necessity or another illusion? // Russian constitutionalism: problems and solutions (materials of the international conference). M., 1999. Pp. 42, 43 (in Russ.).
15. Mityukov M.A. On the transformation of the Constitution of the Russian Federation // Constitutional development of Russia: Interuniversity collection of scientific articles. Saratov, 2003. Iss. 4. Pp. 30–39 (in Russ.).
16. Comparative Constitutional Law / res. ed. V.E. Chirkin. M., 1996. Pp. 78, 121 (in Russ.).
17. Khabrieva T. Ya. Development of the legal potential of the Constitution and the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation on its interpretation // Russian Constitutionalism: problems and solutions (materials of the International Conference). M., 1999. Pp. 185–195 (in Russ.).
18. Khabrieva T. Ya., Klishas A.A. Thematic commentary on the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power”. M., 2022. Pp. 18–20 (in Russ.).
19. Khabrieva T. Ya., Chirkin V.E. Theory of the modern constitution. M., 2005. Pp. 59, 97, 111, 306 (in Russ.).
20. Shulzhenko Yu. L. Commentary on Article 134 of the Constitution of the Russian Federation of 1993 // Constitution of the Russian Federation: scientific and practical comm. 3rd ed. M., 2003. P. 783 (in Russ.).

REFERENCES

1. Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: studies course. 4th ed. M., 2010. Vol. 1. Pp. 155, 167–171, 186, 190 (in Russ.).
2. Avakyan S.A. Constitutional Assembly: concept and draft of the Federal Constitutional Law // Herald of the Moscow University. Ser. 11. Law. 2005. No. 2 (in Russ.).

21. *Shulzhenko Yu. L.* The domestic science of state law of the periods of the constitutional monarchy, the bourgeois republic in Russia (1905 – October 1917). M., 2012. P. 83 (in Russ.).
22. *Shulzhenko Yu. L.* Legal protection of the Constitution of the Russian Federation // State and Law. 2021. No. 5. P. 14 (in Russ.).
23. *Ebzeev B.S.* Introduction to the Constitution of Russia. M., 2013. P. 98 (in Russ.).
24. *Ebzeev B.S.* Interpretation of the Constitution by the Constitutional Court of the Russian Federation: theoretical and practical problems // State and Law. 1998. No. 5. P. 12 (in Russ.).
25. Ten Years of Democratic Constitutionalism in Central and Eastern Europe. Lublin, 2001. Pp. 22–24.
26. The Role of the Constitution in Changing Society. Oslo, 1991. P. 24.

Сведения об авторе

ШУЛЬЖЕНКО Юрий Леонидович –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
главный научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SHULZHENKO Yuri L. –
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Chief Researcher, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ИСТОРИОСОФИЯ ПРАВА: СИНТЕЗ ДИСЦИПЛИН ИЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ВОПРОШАНИЕ?

© 2024 г. С. А. Бочкарев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.03.2024 г.

Аннотация. В статье исследован вопрос о сущности историософии как познавательной дисциплины. По итогам выяснено, что ее возможности реализуются не путем синтезирования предметов разных наук (истории, философии и права), а через автономный и самодостаточный круг вопросов, имеющих метафизическое происхождение и ноосферное наполнение. Речь идет о смысловой области, где право рассматривается с позиции «было», а не «вчера». В этой связи спрашивают: а было ли в праве «было» и способно ли это «было» еще быть? Найденное ему в жизни подобие оценивают на предмет того, являлось ли оно мгновением, преходящей иллюзией, а возможно, и вовсе «ничем»? Либо ухваченное «было» являлось самим бытием, которое взяло начало в прошлом, но никуда не ушло и имеет продолжение в сущем? В результате выясняется, что в праве ведет его к «исторической скоротечности», а что в нем обеспечивает его «внеисторическое присутствие» в бытии. Исследование также показало, что основной и структурообразующей категорией историософии является время, о котором в современном правоведении задумываются нечасто. Юриспруденция в основном увлечена периодами, промежутками и сроками, а не временем как таковым. Упщение времени и знаний о нем оставило правоведение стоять на абсолютистской и отвлеченной концепции Ньютона, которая никогда не воспроизводила представления о времени, основанные на реальности. Теория засыпалась с физической стороной времени и упустила его социально-психологическое измерение, то есть то, что жизнь есть главный сосуд времени, единственный источник его наполнения и ключевое средство истощения. Жизнь атомов, так же как и жизнь правовых благ, является не только источником их бытия, но и продолжительности этого бытия. В свою очередь, время есть основополагающий критерий жизнеспособности правовых благ.

Ключевые слова: история, философия, право, математика, метафизика, историософия права, время, вечность, бытие, событие, смысл, целое.

Цитирование: Бочкарев С.А. Историософия права: синтез дисциплин или самостоятельное вопрошение? // Государство и право. 2024. № 4. С. 56–66.

DOI: 10.31857/S1026945224040036

HISTORIOSOPHY OF LAW: SYNTHESIS OF DISCIPLINES OR INDEPENDENT QUESTIONING?

© 2024 S. A. Bochkarev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Received 25.03.2024

Abstract. The article examines the question of the essence of historiosophy as a cognitive discipline. As a result, it was found out that its capabilities are realized not by synthesizing subjects of different sciences (history, philosophy and law), but through an autonomous and self-sufficient range of issues with metaphysical origin and noospheric content. We are talking about a semantic area where the law is considered from the position of "was", and not "yesterday". In this regard, they ask: was there a right to "was" and is it still capable of being "was"? The likeness found in his life is evaluated on the subject of whether it was a moment, a passing illusion, or perhaps even "nothing" at all? Or was the grasped "was" itself a being that originated in the past, but has not gone anywhere and has a continuation in existence? As a result, it turns out that in law it leads to "historical transience", and what in it ensures its "non-historical presence" in being.

The study also showed that the main and structurally forming category of historiosophy is time, which is rarely thought about in modern jurisprudence. Jurisprudence is mainly concerned with periods, gaps and deadlines, rather than time per se. The omission of time and knowledge about it left jurisprudence standing on the absolutist and abstract concept of Newton, which never reproduced ideas about time based on reality. The theory played with the physical side of time and missed its socio-psychological dimension, that is, that life is the main vessel of time, the only source of its filling and the key means of exhaustion. The life of atoms, as well as the life of legal goods, is not only the source of their existence, but also the duration of this existence. In turn, time is a fundamental criterion for the viability of legal benefits.

Key words: history, philosophy, law, mathematics, metaphysics, historiosophy of law, time, eternity, being, event, meaning, whole.

For citation: Bochkarev, S.A. (2024). Historiosophy of law: synthesis of disciplines or independent questioning? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 56–66.

Введение

Предлагаемые читателю размышления об историософии являются не первыми и не последними. Их транзитивный и ординарный характер обусловлен отсутствием стремления разрешить стоящие перед дисциплиной проблемы догматического и методологического порядка. Суждения отличает желание не увлекаться спором различных философских школ о том, что есть историософия. Не примыкать к тому или иному течению, относящему предмет к идеалистическим или материалистическим дисциплинам. Не синтезировать противоречивые знания, а найти в их многообразии то, что позволяет составить о дисциплине целостное представление. Поиск целостного облика, как известно, – одна из ключевых гносеологических задач философии.

На размышления о сути историософии права автора натолкнуло знакомство с сочинением К. Труммера «О философии права и особенно уголовного права»¹, которому с момента выхода в свет скоро исполнится двести лет. Междисциплинарный характер книги и немалые годы, сквозь которые она прошла, первым делом ставят перед любым исследователем вопрос о методе ее познания. Века, ушедшие в прошлое, обязывают специалистов подходить к трактату не только с позиции современной юридической науки, но и с исторической. Последняя, в свою очередь, наставляет исследователя рассматривать книгу и как научный труд, отражающий взгляды автора на избранный предмет исследования, и как артефакт,

т.е. во избежание допущения ошибочных суждений об идеях мыслителя и причинах их генезиса история задает дополнительный – ретроспективный угол обзора.

История и математика

Ретроспекция предлагает посмотреть на сочинение как на «осколок прошлого», изучить его с номотетической и идеографической точек зрения², найти в нем типичные и индивидуальные признаки. Наиболеезвешенные направления исторической науки называют далее синтезировать извлеченные знания и получить целостный облик исследуемого фрагмента. Как писал по этому поводу Э. Ренан, «талант историка состоит в том, чтобы создать верное целое из частей, которые верны лишь наполовину»³. Историку, дополнял М. Бертело, нужно прибегнуть к необыкновенным ухищрениям и догадкам, основанным на самых разнообразных признаках, чтобы воспроизвести мир, которого никогда больше не увидим⁴. Иными словами, специалистам нужно познать не только текст, но и контекст сочинения. С его помощью пройти по пути от фрагмента реальности к целому культуры, соответствующей времени издания произведения. Либо, наоборот, проследовать по дороге от окружающей книгу обстановки к ее сюжету и конкретным иллюстрациям.

² См.: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 178, 233.

³ Ренан Э. Собр. соч.: в 12 т. / пер. с франц. под ред. В.Н. Михайлова. Киев, 1902. Т. VII. С. 189.

⁴ См.: там же. С. 215.

Безусловно, ко всей обозначенной методологии придется прибегнуть для познания артефакта. Иначе его хронометрическая раскодировка или извлечение из-под груд вековых наслоений окажется проблематичной и приведет к получению искаженных результатов. Но содержание произведения, посвященного раскрытию онтологических основ уголовного права, обращает внимание на недопустимость игнорирования еще одного угла обзора – философского. Он изначально вживлен в основу сочинения и избран в качестве путеводного метода препарирования уголовного права, под которым К. Труммер понимал «одно из важнейших человеческих отношений».

Совокупность обозначенных обстоятельств предопределяет и одновременно обуславливает формат погружения в произведение. Симбиоз исторического и философского аспектов ведет к необходимости использования историософского подхода, о сущности которого много сказано его основоположниками (Вольтером, И. Гердером, М. де Кондорсе, А. Тюрго, О. Контом, Г. Гегелем и др.). Здесь нет необходимости вдаваться в подробности обсуждения разности высказанных об этом подходе точек зрения. Достаточно признать наличие между ними отличий, ни одно из которых, впрочем, не препятствует обнаружению того, что историософский метод не есть способ или результат сложения, скрещивания либо синтезирования истории и философии – двух связанных, но разных дисциплин, имеющих собственные парадигмы оценки мироустройства. Сложение фрагментов, как известно, не отменяет фрагментарность собранной мозаики. Их сбором и обобщением занимается историческая наука в ее позитивистском понимании. В подходе к реальности она напоминает элементарную математику, призванную решать, как правило, простейшие вопросы о площадях, объемах, свойствах некоторых линий и равновесии тел, т.е. работать с постоянными величинами, доминирующими в бытовом мировоззрении и явствующими в будничной среде, но почти отсутствующими в природе, где с большею или меньшою скоростью все непрерывно меняется.

Историософия не оперирует фрагментами или, иначе, голыми фактами, случаями либо, как выражался В.В. Бибихин, «ближайшими реалиями»⁵. Она работает с событиями. Этимология этого термина (со-бытие) прямо, недвусмысленно и наилучшим способом указывает на то, что рассматриваемой дисциплине не интересен сам по себе факт или эмпиризм, если говорить более обобщенным образом. «В эмпирии, – как отмечал М. Мамардашвили, – все уходит в бесконечность, в дурной регресс объяснений»⁶. Историософия интересуется эпизода-

⁵ Бибихин В.В. Собр. соч. Т. 2: Введению в философию права. М., 2013. С. 64.

⁶ Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии (Опыт физической метафизики). СПб., 2012. С. 29.

ми исключительно в их соотношении с бытием как смыслообразующей областью. В ней не используют простые приемы сложения или вычитания при хронометраже различного рода происшествий, которыми оперирует «элементарная история», действуя в этом случае по образу и подобию элементарной математики.

Изучая преимущественно неизменно-переменные параметры, отличающиеся от элементарных величин сложностью, познавая законы их функционирования, историософия скорее напоминает собой высшую математику, занимающуюся исследованием комплексных чисел, последовательных тенденций, непрерывных и переменных функций, неопределенных интегралов и линейных уравнений. Но проблемное поле историософии все же глубже, чем у высшей математики, ибо ей не чуждо ни высшее, ни низшее, ни простое, ни сложное. Она взаимодействует не только с физической средой, но и с социальной природой человека, которая по своей структуре, если выражаться по С.А. Левицкому, многослойна и многоэтажна. В ней одновременно «действуют, в различной степени и в различных отношениях, материальные, биоорганические, индивидуально- и коллективно-психические, социальные и духовные факторы»⁷. За счет сферы охвата историософия шире обеих математик, что в итоге роднит ее с метафизикой, занимающейся поиском причины причин и установлением начала началь.

История и София

Если говорить точнее, то историо-софия работает над поиском Софии. Под ней русская философия XIX – начала XX в. понимала целое или «единство истинное, не противополагающее себя множественности, не исключающее ее, но... господствующее над своей противоположностью и подчиняющее ее своим законам»⁸. Сложность разузнавания Софии обусловлена тем, что целостный образ мира, именуемый иначе бытием, переполнен в повседневной жизни необозримым и хаотичным множеством частностей. Тем более целое само по себе в предуготовленном качестве сознанию человека не дано. Оно существует, но каждый раз должно выявляться им с помощью интеллектуально-волевых усилий сознания, за счет чего обеспечивается взаимосоотносимость сознания и целого, их актуализированность друг для друга. Верным признаком и верифицированным доказательством сознания искомого целого служит появление смысла в многообразии противоречивого и несводимого, единого и неделимого мира, перманентно живущего сразу в трех измерениях, а не между прошлым

⁷ Левицкий С.А. Метафизика временного процесса // Трагедия свободы: избр. произведения; вступ. ст., сост. и comment. В.В. Сапова. М., 2008. С. 154.

⁸ Соловьев В.С. Россия и вселенская церковь // Соловьев В.С. Собр. соч. М., 1911. С. 303, 304.

и будущим, как традиционно утверждают некоторые историки. Здесь целое и смысл не случайно совпадают, поскольку, как справедливо отметил еще Гегель, «только целое имеет смысл».

Идею о целом как о первопредмете историософии, ее воплощении в жизни через смысловое поле чуть позже поддержал А. Бергсон. У него появление единой и цельной науки как высокоорганизованной мысли достигается через уплотнение всех понятий в одно. «Они, таким образом, с необходимостью приходили к бытию, которое можно было, без сомнения, назвать Мыслью», — писал философ. Именно разум через производимую им мысль обеспечивает единство природы и реализует объединительную функцию для всех ее проявлений. Собирание в целое понятий и проявлений природы несет за собой не толькоfigуральное, но и аксиологическое значение. Главная роль объединительной функции разума, отмечал Кант, состоит в придании совокупной науке человеческого характера. Даже П.Н. Милюков, выступавший за прекращение существования «философии истории», признавал за ней предназначение по поиску смысла истории. Для достижения этой цели «философия истории спешит отделить свое дело от дела науки и требует для себя, во имя идеала, априорного права прикидывать к истории идеальную мерку и судить исторические явления нравственным судом»⁹.

Поиск целого практически у каждого мыслителя реализуется через автономную совокупность самодостаточных вопросов, воплощающих в себе суть историософского подхода и максимально поглощающих все то, что называется бытием. В его глубинах эти вопросы призваны отыскать не только судьбу народа или всего мира, но и слезинку замученного ребенка, о которой вещал Ф.М. Достоевский в «Братьях Карамазовых». Только с позиции историософского подхода можно рассмотреть, что слезинка пролита и для мира, и для самого ребенка, для свершения их судьбы, т.е. метод предназначен не для разбирательства с микро- и макромасштабами мироустройства, а для обнаружения его целостной картины. Он направлен не на очищение исторического облика от субъективных изъятий, объективных вменений и ошибочных исключений, а на их обнаружение и учета в качестве составной части распознаваемого образа. Ибо подлинная философия истории, как отмечал С.Л. Франк, состоит в понимании многообразия истории во всей ее полноте через познание сверхвременного единства духовной жизни человечества¹⁰. В отличие от истории, составляющей биографию человека, историософия занимается постижением «единого образа человеческой личности во всей полноте ее проявлений от младенчества до самой смерти».

⁹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 52.

¹⁰ См.: Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 30.

Если говорить о человечестве в целом, то миссия дисциплины состоит в изучении «разных эпох жизни человечества как многообразного выражения единого духовного существа человечества»¹¹. Вне историософской парадигмы слезинка ребенка, как указывал Н.А. Бердяев, не может быть объяснена и тем более оправдана. «Замученный ребенок предстает как бесмысленная жертва, вызывающая протест против мира, а в конце концов, и против Бога»¹².

Здесь важно подчеркнуть, что нужда в целом не есть сугубо терминологическая или гносеологическая потребность философии или истории как познавательных дисциплин. О востребованности целого в самой жизни свидетельствовал А. Тойнби. Необходимость в нем испытывают «от самых больших до самых малых наций», — писал историк. Требование «цельности» выдвигалось ими столь настойчиво, что существование и единство мира оказывалось под сомнением. Желание «ощутить Жизнь как цельность, противоположную видимой повседневной изменчивости», мыслитель называл их «глубинной внутренней потребностью»¹³.

Рефлексия к целостному восприятию, обращая внимание А. Бергсон, имеет антропологическое происхождение. Философ увидел ее детерминанты в человеческом мышлении. Оно обладает не только свойством схватывать отдельные проявления физической природы, но и способностью смотреть на мир как на целое, с острым ощущением присутствия или отсутствия в нем жизни¹⁴. Выводы А. Тойнби и А. Бергсона подтвердил И.А. Ильин. В его наследии находим свидетельства об испытании антропологической потребности в целом не только малыми и большими обществами, но и отдельными индивидами. Человек, душевно не цельный, не способен к достоверному знанию. Расколотый человек, по убеждению философа, теряет связь с временем и предается настроению, руководствуясь соображениями о пользе и в поведении следует за сиюминутными капризами. Его разум утрачивает созерцательность и деградирует в отвлеченный рассудок. Не имея в себе единого, единственного и всеобъединяющего центра жизни, человек воспроизводит только условное, относительное, срочное, неокончательное и недостоверное. Общество, не располагая в своей основе целостным и исцеленным человеком, разлагается и распадается, ведет выродившийся образ жизни¹⁵.

¹¹ Там же.

¹² Бердяев Н.А. Философия свободы / сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. М., 2004. С. 445, 446.

¹³ Тойнби А. Дж. Постижение истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М., 2010. С. 22.

¹⁴ Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2001.

¹⁵ См.: Ильин И.А. Спасение в цельности // Почему мы верим в Россию: соч. М., 2006. С. 767–774.

А.С. Лаппо-Данилевский как основоположник исторической науки в России пытался защитить понятие «целое» и не допустить его узурпации другими дисциплинами. В связи с этим он возражал Боссюэ, Лессингу, Гегелю, Марксу, Бернгейму и Карапетову, попытавшись отвергнуть их мысль о принадлежности «целого» к дефинициарному аппарату только философии истории. Утверждал о наличии у исторического синтеза конечной задачи в виде построения исторического целого. Однако при более детальном разборе взглядов ученого обнаруживается, что получение «целого» у него не требует какого-либо особенного вопрошания. Оно достигается через элементарное обобщение опыта путем конструирования понятий, «которые могли бы объединять все многообразие эмпирически данной действительности»¹⁶. «Теория целого» ученого полностью подчинена «теории отдельного» и стоит у него на службе. Понятия о некоем целом должны создаваться историком не исходя из существования этого целого, а на основе отдельных фактов и их некоторой общности. А.С. Лаппо-Данилевский не смог включить самосознание и понять, что вещи проявляют на поверхности лишь те глубокие перемены, которые совершаются в недрах целого¹⁷.

«Время» и его место в составе истории, философии и права

В весьма лаконичном и образном описании сути историософского подхода в основном высвечена и объяснена его философская составляющая. Она объединяет вопросы, имеющие метафизическое происхождение и ноосферное наполнение¹⁸. Роль философии здесь предсказуема, в той или иной мере понятна и принципиально не нова. Но так ли все однозначно с историей? В каком качестве она предстает в историософском подходе и какую функцию для него выполняет? История вновь выступает банальным прошлым и тривиальным объектом онтологического интереса?

Односложного ответа на поставленный вопрос наука не дает. В потенциальном ответе есть и «да», и «нет». Здесь «да» означает, что история как была прошлым, так и останется им. В свою очередь, «нет» означает, что от истории для историософского подхода взято немногое. История в ее традиционном понимании оставлена за скобками с собственным узкоотраслевым пониманием прошлого. От нее востребовано только время, т.е. то, в чем измеряется не только прошлое, но и настоящее с будущим. Вне зависимости от того или иного исторического контекста время

¹⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2010. Т. 2. С. 536.

¹⁷ См.: Бергсон А. Творческая эволюция. С. 290.

¹⁸ См.: Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 132–134.

во все века остается главным, постоянным и неизменным жизнеориентиром. Но в этом качестве оно в самой истории не оценивается и не исследуется. Не случайно в истории востребовано не столько время, сколько интервалы и промежутки. В ней время рассматривается, говоря словами С.Л. Франка, «как временный процесс, как внешняя совокупность и смена разных периодов, как временная линия, уходящая в необозримую даль»¹⁹.

Таково понимание времени в истории. С его издержками и пределами первым сталкивается сознание человека. Если говорить точнее, то у него процессы познания останавливаются и становятся невозможными, ибо история делается бесцельной и превращается в механический хронограф, трансформируясь в «“дурную” и бессмысленную бесконечность». Для выхода из необозримого тупика многочисленных и бессвязных событий сознание человека нуждается в переходе на историософский уровень, где однократная дисциплина обеспечивает средоточие взгляда и цельное восприятие жизни.

Здесь нельзя согласиться с С.Л. Франком. С одной стороны, он вполне обосновано приписал философии истории функцию поиска сверхисторического знания. С другой – совершенно неуместно заключил, что сверхисторическое знание есть «история как символ и выражение сверхвременного, цельного существа человеческого духа». По сути, философ дал два определения истории. При этом одно из них он оставил обычайству, а другое возвысили в итоге отождествил с самой философией истории.

На самом деле история не сверхвременна, а вот время, используемое историей, сверхвременно. Поэтому история с временем не работает, а только его касается. Она оперирует с его производными – временными параметрами. Временем занимается историософия. Для историософского подхода время служит «фонарем Диогена» или, иначе, оптическим фокусом при поиске целостного образа того или иного явления, в том числе права, его места и значения в составе всего бытия. Остается только понять, что или кто есть время? В чем или в ком скрыты его основания? И есть ли время вообще? К бытию или к небытию оно относится? Предназначено ли время для поиска бытия и для проверки права на предмет бытийственности?

Мыслителей, изыскивающих ответы на поставленные вопросы, посещали разные и порой радикально противоположные соображения. Из-за неуловимости времени нередко им казалось, что его не существует или оно есть не более чем психологическое ощущение. На парадоксальные свойства времени и на вероятность принадлежности его к небытию обратил внимание еще Аристотель. «Одна часть

¹⁹ Франк С.Л. Духовные основы общества. С. 30.

его была, и ее уже нет, другая – будет, и ее еще нет; из этих частей слагается и бесконечное время, и каждый раз выделяемый [промежуток] времени. А то, что слагается из несуществующего, не может, как кажется, быть причастным существованию»²⁰.

В отличие от философии современное правоведение не мучают столь глубокие сомнения. В нем не часто поднимают вопрос о времени. Так происходит, вероятно, из-за его физической природы, которой правоведение придает приоритетное значение. В силу константности этой природы право убеждено, что не в силах на нее влиять, а может только ее учитывать. Поскольку теория права мало что знает о социальной природе времени, то она в основном увлечена временами и производными от них проявлениями – сроками, т.е. не временем как таковым, а определенными периодами и промежутками. Изучая эти интервалы, ученые двигаются в двух направлениях: либо исследуют право различных времен и конструируют картину его генезиса²¹, либо пытаются зафиксировать проявление времени в различных правовых институтах. Здесь специалисты с конкретно-отраслевых позиций изучают «сроки давности», «сроки действия договора», «рабочее время и время отдыха», «действие закона во времени», «время совершения преступления» и т.д.

Частое и не всегда осмотрительное оперирование понятием «времени» сыграло с исследователями «злую шутку». Породило у них убежденность в овладении темой и природой познаваемого феномена. Привело к обольщению и к производному от него выводу о том, что «в юридической сфере мы способны играть со временем, возвращаясь к уже состоявшимся событиям и действиям, приобретающим значение в действительности и будущем»²², т.е. возникла иллюзия, что можно ограничиться от физического времени и изобрести «правовое время», обусловленное от первого. На самом деле в таких измышлениях исследователи допускают и терминологическую, и методологическую неточность, лишающую их выводы достоверности.

Во всех обозначенных направлениях правоведы работали со сроками, т.е. не со временем, а с т.н. временными параметрами. В тех редких случаях, когда речь заходила о времени, дискуссия сводилась,

²⁰ Аристотель. Соч.: в 4 т. М., 1988. Т. 3. С. 145.

²¹ См., напр.: Крашенинников П. Времена и право. М., 2016 (в этой монографии автор исследовал источники разного времени и стран: Месопотамии, Египта, Греции, Римской империи и далее до Российской Империи, пытаясь ответить на вопросы об обстоятельствах зарождения, возникновения и развития права как важнейшей системы регулирования общественных отношений).

²² Кочеткова Е.А. Соотношение категорий право и время // Труды Оренбургского ин-та (филиала) МГЮА. 2022. № 1 (51). С. 42–46.

как правило, к общеправовой риторике и к поиску «времени в праве»²³. Хотя онтология подсказывает, что по всем канонам мироздания время является безусловной константой бытия, а право – условной, поскольку оно возникло по итогам эволюции конкретно-исторических условий. С таким же успехом человек может прекратить существование учрежденных им правовых систем, как это уже не раз происходило в критические периоды жизни разных народов, либо с тем или иным успехом возродить их бытие. Но от времени он отказаться не в силах. Поэтому по всем правилам гносеологии необходимо сначала найти право во времени как частное в общем, а затем уже искать «время в праве», т.е. то, как общее проявляется и реализуется в частном. Нарушение такой последовательности приводит специалистов, когда они рассуждают о каких-либо сроках, к ошибочному убеждению о сопричастности права ко времени. Программы изучения действия «времени в праве» и «права во времени» существенным образом у них не отличаются, а сами эти феномены употребляются как синонимы.

Перестановка местами ключевых слагаемых в указанных словосочетаниях либо остается незамеченной, либо не приводит к изменению результата. Под правовым временем как «особой функциональной категорией юридической науки» понимается не время, а конкретный момент его бытия, длительность отдельных правовых явлений, момент возникновения и фиксирования юридических фактов и иных обстоятельств, период течения юридических сроков²⁴, т.е. разные вариации и эквиваленты временного измерения, зачастую не связанные с самим временем.

Без обращения к философии и к естественным наукам с обоснованностью сформировавшихся в правоведении представлений о времени не разобраться. Философский опыт показывает, что, несмотря на сомнения в существовании времени, мыслители все же признавали факт его присутствия в жизни. Отмеченная Аристотелем и Аврелием Августином парадоксальность времени лишь указывает на его непрерывность, необратимость и неуловимость. Наличествование времени можно зафиксировать лишь в тех сосудах, в которых оно отражается, накапливается, содержится и из которых оно истекает. Легче всего с механическим мировосприятием, ибо классическим и наиболее наглядным примером существования времени являются часы или движение Земли вокруг Солнца. Здесь время предстает как ось, которая протянута из прошлого в будущее и касается всех. В качестве единственно незыблевой, обезличенной и бескомпромиссной оси время не дает возможность миру выйти за пределы его системы координат,

²³ Тенилова Т.Л. Время в праве. Н. Новгород, 2001.

²⁴ См., напр.: Волк И.В. Право, время и пространство: теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

поскольку время есть не стрелка часов, а измерение, как отмечали Г.Т. Фехнер и Ф. Бернтано²⁵. Координатами этого измерения служат не прошлое и будущее, а вечность и бесконечность, на что обратил внимание А. Тюрго. Человек, по убеждению мыслителя, помещен творцом среди этих координат и занимает только точку, имеющую отношения со множеством вещей и существ. В этом качестве каждый человек есть часть бесконечного целого – истории человечества, имеющей и свое младенчество, и свой прогресс²⁶.

Время как измерение препятствует распаду человека и всего человеческого общества, их необратимому дроблению. С одной стороны, оно не позволяет каждому уйти вслед за собственной кривой и сорваться в бездну хаоса под накалом личных эмоций. С другой – время не дает человеку сбиться со счета грехопадений под прессом своего высокомерного рационализма. В обозначенном статусе, по Ш. Кэрроллу, ось времени помогает найти у событий «верх» и «низ», отличить их движение между «назад» и «вперед».

О вышеописанных и универсальных свойствах времени мы узнаем в основном из абсолютистской и отвлеченной концепции Ньютона. Но в механике эти свойства только отражаются. Механика не является источником времени. Технические устройства не накапливают и сами по себе не воспроизводят время. Оно из них не истекает. Как отмечал Плотин, круговорот неба лишь является собой время, в котором оно есть. Но само время не есть то, чем и в чем оно является. «Оно не могло возникнуть ни благодаря покоящимся, ни благодаря движущимся вещам...»²⁷. Аналогичное суждение задолго до Плотина высказал Аристотель, когда отметил, что хотя часть круговорота [Неба] есть какое-то время, но [само время] ни в коем случае не круговорот... <...> Изменение и движение каждого [тела] происходят только в нем самом или там, где случится быть самому движущемуся и изменяющемуся; время же равномерно везде и при всем»²⁸.

Жизнь как источник времени, а время как критерий жизнеспособности правовых благ

Для устранения всех сомнений в существовании времени и формирования полноценного о нем представления ученые предлагали не ограничиваться идеалистическими взглядами Ньютона, которые являлись лишь логическим построением и никогда не воспроизводили знание о времени, основанном на реальности. Ньютоновская формула времени не поддавалась научному изучению и не отражалась в фактах,

изучаемых наукой. Специалисты наставляли обращаться ко всей полноте жизни, которой законы механики искусственно подражают и на деле выступают лишь ее статическим эквивалентом. «Время, – отмечал Г. Зиммель, – есть жизнь, если оставить в стороне ее содержание»²⁹. Фактические свойства времени, подтверждал В.И. Вернадский, обнаруживаются в жизненных явлениях. Только через жизненную область можно подойти к более глубокому, чем в других процессах природы, проникновению в реальность и к пониманию времени. Время и жизнь, по убеждению ученого, неразделимы, т.к. «брэнность жизни нами переживается как время, отличное от обычного времени физика»³⁰. Жизнь, иными словами, есть главный сосуд времени, единственный источник его наполнения и ключевое средство истощения.

Изотропная обусловленность жизни и времени первым делом указывает на то, что время, как и жизнь, имеет не только механическое выражение. Осознание этого факта в конце XIX – начале XX в. привело научную мысль к пониманию, что время также обладает физическим, геологическим, химическим, биологическим, психологическим и космическим воплощением. Для некоторых философских школ, прежде всего идеалистической направленности, обозначенное научное открытие не стало чем-то новым. Оно было квалифицировано как прозрение естественно-научных дисциплин, поскольку с учетом их позитивного опыта мыслители за тысячу лет до XX в. диагностировали не мифическую, а практическую связь жизни и времени. Сначала Платон, а затем его последователь Плотин отмечали, что «одна и та же жизнь создает небо и время». Время есть протяженность жизни, «обладающей непрерывной деятельностью». Одно не пребывает без другого, поскольку время и жизнь не только сопутствуют, но и совпадают друг с другом. Если жизненный процесс превращается в пустую схему единства, – тогда прекращают свое существование и время, заключенное в этом жизненном процессе, писал Плотин³¹.

Включение в процесс изучения времени других сред жизни позволило обнаружить, например, отсутствие в молекулярной сфере следов из мира всемирного тяготения. В ней не царят механические каноны движения, что, безусловно, существенно изменило и дополнило ньютоновскую картину времени. Физика и биология как наиболее выразительные науки о жизни дали наглядные знания о ее взаимообусловленности со временем. Физика, в частности, показала, что «для каждого рода атомов, – как писал

²⁵ Цит. по: Kras O. Franz Brentano. München, 1919. Ss. 49, 50.

²⁶ Тюрго А. Избр. произв. М., 1937. С. 77, 78.

²⁷ Плотин. Третья эннеада / пер. с древнегреч. Т.Г. Сидаша. СПб., 2004. С. 392, 393.

²⁸ Аристотель. Соч. Т. 3. С. 146, 147.

²⁹ „Die Zeit ist das Leben unter Absehen von seinem Inhalt“ (см.: Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. München; Leipzig, 1922. S. 11).

³⁰ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. С. 248.

³¹ Плотин. Третья эннеада / пер. с древнегреч. Т.Г. Сидаша. С. 393, 394.

В.И. Вернадский, – есть определенное время их бытия»³². И это время содергится в самом атоме. Он способен существовать такое время, в течение которого может сохранять свое строение. В биологической среде время измеряется не часами и минутами, а поколениями. Несмотря на генетическую смену поколений, изменение в их признаках «совершалось скачками через большие промежутки времени, или, наоборот, накапливалось от поколения к поколению незаметно, становясь видным только через большие числа поколений», – отмечал В.И. Вернадский³³. «Смена поколений организмов – самый основной и первоначальный метод измерения времени в человеческом обществе и в мире живых организмов», – констатировал ученый³⁴.

Еще более утвердительный, развернутый и поворотный ответ для всей науки дал А. Бергсон, заявивший о времени как о наиболее прочной и субстанциальной ткани жизни³⁵. Философ начал с развития идеи Дж. Локка о наличии неразделимой связи между длительностью и умственным процессом³⁶, а завершил открытием психологического времени³⁷, т.е. того дления, которое, как утверждал В.И. Вернадский, «характеризует жизнь, живые организмы в их научном понимании»³⁸. Виной всему сознание. В нем А. Бергсон решил отыскать следы времени, а нашел его «сердце». Изучение многочисленных процессов психики привело мыслителя к пониманию необходимости деления времени на физическое и психологическое. Но на этом философ не остановился. В отличие от предшественников он изменил подход к оценке выделенных времен. При выявлении их характеристик ученый принимал во внимание не степень универсальности и автономности каждого времени от окружающих сред обитания, а степень их влияния на эти среды и жизнь в целом.

На основании выбранного критерия «физическую длительность» А. Бергсон назвал относительной величиной. Она соотносима с любым объектом и в то же время абсолютно безразлична к их бытию. «Физическое время» внешне по отношению ко всему миру, не касается биологической и социальной жизни, исчисляется независимо от проходящих в ней процессов. «Психологическая длительность» имеет внутреннее, а не внешнее присутствие. Она пребывает

³² Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. С. 229.

³³ Там же. С. 226.

³⁴ Там же. С. 361.

³⁵ См.: Бергсон А. Творческая эволюция. С. 41, 42.

³⁶ См.: Locke J. An essay concerning human understanding. London, 1825.

³⁷ См.: Bergson H. Essai sur les données immédiates de la conscience. Paris, 1909.

³⁸ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. С. 328.

в сознании, которое служит ей абсолютной реальностью. Это время не является числом, а измеряется степенью терпения и нетерпения. Именно терпение как строго определенная и вмененная человеку константа «обязывает меня ожидать, и ожидать в течение известного промежутка психологической длительности...». Она предписана ему и вживлена в его сознание. По отношению к ней «я бессилен», – писал А. Бергсон.

Течение «психологического времени» философ уравнял с течением жизненного процесса. Оно «уже не то математическое время, которое могло бы быть приложено ко всей истории материального мира...». «Психологическое время совпадает с моим нетерпением, то есть с известной частью моей длительности, которую нельзя произвольно удлинить или сократить». Это уже не область мысли или отношения. «Моя длительность» есть область переживания. Она принадлежит к абсолютному, поскольку составляет и выражает само существо человека. Не любое проявление этого существа, а именно то, которое заключает в себе и образует из себя Целое человека и человечества. В нем содействуют «мои чувства с моим разумом», в совместном труде создают образы и подобия. Они развиваются тем же способом, что и сознание. Здесь «становится видным», – отмечал А. Бергсон, – как материя и форма интеллектуального познания порождают друг друга путем взаимного приспособления, так как интеллект формируется, ориентируясь на телесность, а телесность – на интеллект»³⁹.

Если обратиться к праву, то законодатель о психологическим или «внутреннем времени» ничего напрямую не молвит. Гражданский кодекс РФ, например, дает нормативное определение праву собственности и обходится без упоминания времени в его контексте. Раскрывая содержание этого права, нормотворец заявляет лишь о принадлежности собственнику прав владения, пользования и распоряжения своим имуществом. На этой триаде законодатель исчерпывает значение соответствующего термина и ни слова не употребляет о времени.

Вместе с тем изучение практики Конституционного Суда РФ наглядно показывает, что собственность имеет свое временное измерение, а само время в жизни собственности играет определяющее значение. Суд не сразу подошел к этим наблюдениям, обнаружив их только на изломе сложных для собственника обстоятельств. Сначала он обратил внимание на сопряженность прав владения, пользования и распоряжения не столько с собственностью, сколько с имуществом. Собственность есть продукт воли собственника и его личности. В подтверждение этого Конституционный Суд РФ указал на то, что ограничение правомочий триады еще не может расцениваться как нарушение

³⁹ Бергсон А. Творческая эволюция. С. 46.

собственности. О прекращении этого права не свидетельствует и само по себе изъятие имущества, совершенное против воли собственника, как это происходит при аресте вещей. Суд не усматривает оснований утверждать, что эти факты повлекли прекращение права собственности, т.к. по своему характеру они носят временный характер.

Временной фактор, как оказывается, незримо присутствует и сопровождает собственность. Более того, он выступает критерием ее жизнеспособности. Время обладает столь высоким значением, поскольку собственность отличается от других прав своей безвременной принадлежностью человеку. Защищая собственника от тайного, открытого и неосознанного изъятия у него имущества, уголовное право по своей сути обеспечивает не численное выражение полномочий, с которым в гражданском праве связывают право собственности, а правомочность собственника находится в отношении с вещью на всем протяжении своего и ее бытия.

В отличие от ареста, схожие меры по принудительному лишению лица имущества, отнесенного п/п. «в» п. 1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ к определенному виду вещественных доказательств, признаны Конституционным Судом РФ не соответствующими ч. 1, 3 ст. 35, ст. 46, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, т.к. в данном случае лишение собственника его имущества не представляет собой процессуальной меры временного и обеспечительного характера, а влечет за собой возможность органа государственной власти окончательно определять судьбу вещественных доказательств еще до завершения производства по уголовному делу.

Не иначе картина времени представлена нормотворцем в иных отраслях права. Уголовный закон, например, переполнен упоминанием различных сроков. Но в его содержании ничего не сказано о времени, тем более о жизни как его источнике. Все значение времени как феномена бытия в основном сведено до протяженности исправительного процесса. Среди правовых благ, охраняемых средствами юстиции, время не отыскивается, их временной потенциал не изучается. Вместе с тем эти блага по своей сути являются тем же атомами, в жизни которых физика отыскала время их бытия. Блага, как «молекулы», образуют собой уголовно-правовую материю социального бытия, где каждая из них имеет собственный временной резерв.

Например, Уголовный кодекс заявляет о защите человека от убийства. При этом значение убийства раскрывается через указание на умышленные действия, в результате совершения которых причиняется смерть другому человеку. Но в действительности самим по себе способам убийств закон не придает принципиального значения. Закону безразлично, каким образом жертва будет лишена жизни. Он отмечает лишь откровенно кощунственные

акты посягательства. Но и в этом случае подобные акты не упомянуты в законе. В нем в самом общем виде отражена лишь особая жестокость деяния. Тем самым признается, что «в мускульной силе самой по себе, – как отмечал В. Соловьев, изучая уголовный вопрос с нравственной точки зрения, – нет ничего дурного»⁴⁰. Критерий преступности состоит в другом.

В чем? Использованные законодателем дефиниции не дают ответ на поставленный вопрос. Они не погружают в контекст того, что есть жизнь, и не приводят то ключевое обстоятельство, при котором посягательство на нее может считаться преступным. Эта часть знаний остается подразумеваемой. Их раскрытие высвечивает то, что право защищает личность от наступления не всякой смерти, а только той, что наступила преждевременно, т.е. не в результате эволюции, а по итогам вмешательства в природный ход ее процессов и их неестественного прекращения.

Фактор времени вновь оказывается и основополагающим, и скрытым. Отсутствие упоминания о нем в нормативных определениях можно отнести к недостаткам юридической техники. Но было бы вернее увидеть в обозначенном упущении знак того, что и у собственности, и у жизни как у физических атомов имеется собственное время. И это время составляет существо охраняемых благ, неотличимое от них самих. Жизнь, например, остается жизнью до тех пор, пока составляющие ее основу физиологические процессы подчинены собственной логике, т.е. протекают по анатомическим канонам и в пределах своих генетических возможностей.

Историософия как трансцендентное вопрошение о праве

С учетом обозначенной специфики историософский подход не задается вопросом о том, «что было вчера», которым традиционно занимается обычная ретроспекция. Историософию не интересует «вчера», поскольку это «вчера» уже вчера, как писал Г. Уэллс, растворилось «в миллионах подобных вчерашних дней»⁴¹. В фокусе метаисторического внимания остается только «было». По этой причине ставятся совершенно другие вопросы. Спрашивают: а было ли «было», есть ли «было» и способно ли это «было» еще быть? То есть «было» рассматривается через само «было», а не через «вчерашние дни и ночи». Для диагностирования «было» найденное ему подобие оценивают на предмет того, являлось ли оно мгновением, преходящей иллюзией, а возможно, и вовсе «ничем»? Либо ухваченное «было» являлось самим бытием, которое взяло начало в прошлом, но никуда не ушло и имеет продолжение в сущем? Иными словами, в каждом случае предметом

⁴⁰ Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия / вступ. ст. А.Н. Голубева, Л.В. Коноваловой. М., 1996. С. 313.

⁴¹ Уэллс Г. Очерки истории цивилизации. М., 2004. С. 9.

отыскания остается феномен бытия, т.е. те смыслы, которые являются неизменными и сквозными во всех «бытиях» и «небытиях», «далях» и «библейских скрижалях». Историософский подход, таким образом, представляет собой трансцендентное вопрошение, а оно — смысловую цельность, состоящую из ответов о «внеисторическом присутствии» в истории и об исторической скоротечности во «внеисторическом измерении».

При этом важно подчеркнуть, что вышеупомянутые вопросы о былом продиктованы не «игрой ума», а жизненной практикой. Из нее следует достаточно примеров существования в разных и весьма отдаленных временах единых, неделимых и связывающих их друг с другом ценностных и смысловых универсалий. Из предложенного К. Ясперсом опыта сравнения и соприкосновения эпох, в частности, следует, что «в каждой из них речь идет об одном и том же», а «человечество имеет единые истоки и общую цель»⁴².

Остается только историософии как специальному пред назначенному дисциплине разобраться в том, что есть «одно и то же», каковы его обличия в разные времена и почему «одно и то же» не всегда очевидно, в чем или в ком состоит «общая цель»? По каким причинам человечество периодически утрачивает связь с «едиными истоками», заменяет или подменяет «общую цель»? Какие силы в человеке и человечестве отвечают за мобилизацию их сознания и его способность думать в масштабе планеты?

Аналогичными вопросами разумно задаться юристам. Например, найти в уголовном праве то, что в нем является «одним и тем же» и неизменно переходит из эпохи в эпоху, образуя тем самым не только прошлое, но и будущее этой отрасли права, его внеисторический или, иначе, онтологический базис? Что в праве образует «общую цель» и как оно через эту цель связывается с «истоками человечества»? Образует ли в конечном счете право с этими истоками единство? Не менее важно понимать, что в рассматриваемой отрасли законодательства не является «одним и тем же»? Как оно появляется в уголовных уложениях? Надолго ли задерживается в них, какой след оставляет и каким образом исключается из нормативных актов? Какое влияние «не одно и то же» оказывает на соответствующие правоотношения? Какую цель в них преследует и достигает ли ее?

Поиск ответов на поставленные вопросы требует рассмотрения правовой жизни с позиции «временного», «безвременного» и «вневременного». То есть правовое бытие должно браться и исследоваться не само по себе, а с помощью и с позиции «эпохальных парадигм». Этим же свойством историософия отличается от истории, которая целостным восприятием

и познанием жизни, поиском у нее единого смысла не увлекается. История, как верно отметил Г. Риккерт, представляет собой идеографию, «ориентированную на фиксирование уникального и... игнорирование законов развития мира в целом»⁴³. «Историк, — убежден П. Сорокин, — заинтересован в точном описании данного исторического явления как такового, во всей его конкретной индивидуальности и неповторимой единичности»⁴⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Соч.: в 4 т. М., 1988. Т. 3. С. 145–147.
2. Бересон А. Творческая эволюция. М., 2001. С. 41, 42, 46, 290.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы / сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. М., 2004. С. 445, 446.
4. Бибихин В.В. Собр. соч. Т. 2: Введению в философию права. М., 2013. С. 64.
5. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 132–134, 226, 229, 248, 328, 361.
6. Волк И.В. Право, время и пространство: теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
7. Ильин И.А. Спасение в цельности // Почему мы верим в Россию: соч. М., 2006. С. 767–774.
8. Кочеткова Е.А. Соотношение категорий право и время // Труды Оренбургского ин-та (филиала) МГЮА. 2022. № 1 (51). С. 42–46.
9. Крашенников П. Времена и право. М., 2016.
10. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 178, 233; т. 2. С. 536.
11. Левицкий С.А. Метафизика временного процесса // Трагедия свободы: избр. произведения; вступ. ст., сост. и коммент. В.В. Сапова. М., 2008. С. 154.
12. Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии (Опыт физической метафизики). СПб., 2012. С. 29.
13. Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 52.
14. Плотин. Третья эннеада / пер. с древнегреч. Т.Г. Сидаша. СПб., 2004. С. 392–394.
15. Ренан Э. Собр. соч.: в 12 т. / пер. с франц. под ред. В.Н. Михайлова. Киев, 1902. Т. VII. С. 189, 215.
16. Риккерт Г. Философия жизни. Киев, 1998. С. 271.
17. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия / вступ. ст. А.Н. Голубева, Л.В. Коноваловой. М., 1996. С. 313.
18. Соловьев В.С. Россия и вселенская церковь // Соловьев В.С. Собр. соч. М., 1911. С. 303, 304.
19. Сорокин П.А. Социология революции. М., 2008. С. 26.
20. Тенилова Т.Л. Время в праве. Н. Новгород, 2001.

⁴³ Риккерт Г. Философия жизни. Киев, 1998. С. 271.

⁴⁴ Сорокин П.А. Социология революции. М., 2008. С. 26.

21. Тойнби А.Дж. Постижение истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М., 2010. С. 22.
22. Турго А. Избр. произведения. М., 1937. С. 77, 78.
23. Уэллс Г. Очерки истории цивилизации. М., 2004. С. 9.
24. Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 30.
25. Ясперс К. Истоки и ее цель // Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 31.
26. Bergson H. Essai sur les données immédiates de la conscience. Paris, 1909.
27. Kras O. Franz Brentano. München, 1919. Ss. 49, 50.
28. Locke J. An essay concerning human understanding. London, 1825.
29. Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. München; Leipzig, 1922. S. 11.
30. Trummer C. Zur Philosophie des Rechts und insbesondere des Strafrechts: besonders aus den crimenistischen Beiträgen abgedruckt. Hamburg, 1827.
11. Levitsky S.A. Metaphysics of the temporal process // The tragedy of freedom: election works; introductory article, comp. and comment. V.V. Sapov. M., 2008. P. 154 (in Russ.).
12. Mamardashvili M. Vilnius lectures on social philosophy (Experience of physical metaphysics). SPb., 2012. P. 29 (in Russ.).
13. Milyukov P.N. Essays on the history of Russian culture: in 2 vols. M., 2010. Vol. 1. P. 52 (in Russ.).
14. Plotin. The Third Ennead / translated from Ancient Greek by T.G. Sidasha. SPb., 2004. Pp. 392–394 (in Russ.).
15. Renan E. Collected works: in 12 vols / transl. from French ed. by V.N. Mikhailov. Kiev, 1902. Vol. VII. Pp. 189, 215 (in Russ.).
16. Rickert G. Philosophy of life. Kiev, 1998. P. 271 (in Russ.).
17. Solovyov V.S. Justification of goodness. Moral philosophy / introductory articles by A.N. Golubev, L.V. Konovalova. M., 1996. P. 313 (in Russ.).
18. Solovyov V.S. Russia and the Universal Church // Solovyov V.S. Collected works. M., 1911. Pp. 303, 304 (in Russ.).
19. Sorokin P.A. Sociology of revolution. M., 2008. P. 26 (in Russ.).
20. Tenilova T.L. Time in law. N. Novgorod, 2001 (in Russ.).
21. Toynbee A.J. Comprehension of history / transl. from English by E.D. Zharkov. M., 2010. P. 22 (in Russ.).
22. Turgo A. Selected works. M., 1937. Pp. 77, 78 (in Russ.).
23. Wells G. Essays on the history of civilization. M., 2004. P. 9 (in Russ.).
24. Frank S.L. The spiritual foundations of society. M., 1992. P. 30 (in Russ.).
25. Jaspers K. The origins and its purpose // The meaning and purpose of history. M., 1994. P. 31 (in Russ.).
26. Bergson H. Essai sur les données immédiates de la conscience. Paris, 1909.
27. Kras O. Franz Brentano. München, 1919. Ss. 49, 50.
28. Locke J. An essay concerning human understanding. London, 1825.
29. Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. München; Leipzig, 1922. S. 11.
30. Trummer C. Zur Philosophie des Rechts und insbesondere des Strafrechts: besonders aus den crimenistischen Beiträgen abgedruckt. Hamburg, 1827.

REFERENCES

1. Aristotle. Essays: in 4 vols. M., 1988. Vol. 3. Pp. 145–147 (in Russ.).
2. Bergson A. Creative evolution. M., 2001. Pp. 41, 42, 46, 290 (in Russ.).
3. Berdyaev N.A. Philosophy of freedom / comp., intro art. and comment. V.V. Shkody. M., 2004. Pp. 445, 446 (in Russ.).
4. Bibikhin V.V. Collected works. Vol. 2: Introduction in the Philosophy of Law. M., 2013. P. 64 (in Russ.).
5. Vernadsky V.I. Philosophical thoughts of a naturalist. M., 1988. Pp. 132–134, 226, 229, 248, 328, 361 (in Russ.).
6. Volk I.V. Law, time and space: theoretical aspect: dis. ... PhD in Law. M., 2004 (in Russ.).
7. Ilyin I.A. Salvation in wholeness // Why we believe in Russia: essays. M., 2006. Pp. 767–774 (in Russ.).
8. Kochetkova E.A. Correlation of the categories law and time // Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) MSLA. 2022. No. 1 (51). Pp. 42–46 (in Russ.).
9. Krasheninnikov P. Times and Law. M., 2016 (in Russ.).
10. Lappo-Danilevsky A.S. Methodology of history: in 2 vols. M., 2010. Vol. 1. Pp. 178, 233; vol. 2. P. 536 (in Russ.).

Сведения об авторе

БОЧКАРЁВ Сергей Александрович –
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

BOCHKAREV Sergey A. –
Doctor of Law,
Chief Researcher, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕХАНИЗМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ ЗА ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРОСТУПОК: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА, ОБЩИЕ ПОДХОДЫ

Часть 2. О ПРОБЛЕМАХ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СУДОВ (разд. 1)¹

© 2024 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mklean@bk.ru

Поступила в редакцию 05.03.2024 г.

Аннотация. В части первой настоящей статьи («Прекращение полномочий судьи за тяжкое правонарушение после конституционных нововведений 2020 г. – конституционная или дисциплинарная ответственность?») были рассмотрены современные проблемы механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок. Во второй части этой статьи рассматриваются современные проблемы организационно-правового механизма дисциплинарной ответственности руководителей (председателей и заместителей председателей) судов. Обращается внимание, что статус руководителей судов двойственный: с одной – главной – стороны, они – судьи, непосредственно осуществляющие правосудие, с другой – руководители судебного органа, наделенные полномочиями и обязанностями по организации работы суда (по обеспечению в пределах своих полномочий финансовых, материально-ресурсных, информационных и иных сторон), осуществлению общего руководства деятельностью аппарата суда, а главное, по обеспечению правосудной эффективной деятельности суда на принципах справедливости. Обращается внимание, что действующим законодательством (и даже отчасти Конституцией РФ) предусмотрена ответственность руководителей судов за грубый проступок, который не квалифицируется как дисциплинарный, да и взыскание за него одно – досрочное прекращение полномочий руководителя суда, а в отдельных случаях и полномочий судьи, без возможности применения иных, менее

¹ Часть 1 настоящей статьи см.: Государство и право. 2024. № 3. С. 39–59.

тяжких, мер наказания (взысканий). Предлагается официализировать некоторые новые, реально существующие функции руководителей судов с установлением механизма ответственности за их неисполнение. Предлагается ввести институт присяги руководителя суда (отдельный от присяги судьи) с введением ответственности за нарушение этой присяги, в частности за вмешательство в правосудную деятельность судей суда, возглавляемого этим руководителем. Вносятся и иные предложения.

Ключевые слова: руководители судов, дисциплинарная ответственность, адекватность наказания совершенному проступку, совершенствование механизма дисциплинарной ответственности руководителей судов.

Цитирование: Клеандров М.И. О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы. Часть 2. О проблемах дисциплинарной ответственности руководителей судов (разд. 1) // Государство и право. 2024. № 4. С. 67–76.

DOI: 10.31857/S1026945224040044

ON MODERN PROBLEMS OF THE MECHANISM OF JUDGES' RESPONSIBILITY FOR DISCIPLINARY MISCONDUCT: LAW ENFORCEMENT PRACTICE, GENERAL APPROACHES

Part 2. ON THE PROBLEMS OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF HEADS OF COURTS (section 1)²

© 2024 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mklean@bk.ru

Received 05.03.2024

Abstract. In the first part of this article (“Termination of the powers of a judge for a serious offense after the constitutional innovations of 2020 – constitutional or disciplinary liability?”) the modern problems of the mechanism of judges’ responsibility for disciplinary misconduct were considered. This second part of this article examines the current problems of the organizational and legal mechanism of disciplinary responsibility of heads (chairmen and deputy chairmen) of courts. Attention is drawn to the fact that the status of heads of courts is twofold: on the one hand, they are judges who directly administer justice, on the other hand, heads of a judicial body with powers and responsibilities to organize the work of the court (to ensure, within their powers, financial, material, resource, information and other parties), the implementation of general management of the activities of the court’s staff, and most importantly, to ensure the judicial and effective operation of the court on the principles of justice. Attention is drawn to the fact that the current legislation (and even partly the Constitution of the Russian Federation) provides for the responsibility of heads of courts for gross misconduct, which does not qualify as disciplinary, and the penalty for it is one – early termination of the powers of the head of the court, and in some cases the powers of a judge, without the possibility of applying other, less severe, penalties (penalties). It is proposed to formalize some new, real-life functions of the heads of courts with the establishment of a mechanism for their non-fulfillment. It is proposed to introduce the institution of the oath of the head of the court (separate from the oath of the judge) with the introduction of liability for violation of this oath, in particular for interference in the judicial activities of judges of the court headed by this head. Other proposals are also being made.

Key words: heads of courts, disciplinary responsibility, adequacy of punishment for a committed offense, improvement of the mechanism of disciplinary responsibility of heads of courts.

For citation: Kleandrov, M.I. (2024). On modern problems of the mechanism of judges’ responsibility for disciplinary misconduct: law enforcement practice, general approaches. Part 2. On the problems of disciplinary responsibility of heads of courts (section 1) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 67–76.

---

² See part 1 of this article: Gosudarstvo i pravo=State and Law. 2024. No. 3, pp. 39–59.

Член Высшей квалификационной коллегии судей РФ, д-р юрид. наук, проф. Л. В. Туманова разумно указывает: «Печально, когда судья совершает грубый дисциплинарный проступок, но не менее отрицательно влияет на авторитет судебной власти необоснованное привлечение к дисциплинарной ответственности или назначение несоразмерного наказания»³. И далее она вполне справедливо отмечает: «Дисциплинарная ответственность судей является уникальным видом ответственности по целому ряду признаков. Прежде всего это касается самого понятия дисциплинарного проступка, формулировка которого полностью состоит из оценочных категорий, сформулированного состава дисциплинарного проступка нет ни в одном законе»⁴.

Еще более сложна ситуация с содержанием организационно-правового механизма дисциплинарной ответственности руководителей судов, у которых одновременно два функционала. Они и руководители судов (организаций с трудовыми коллективами, ядром которых являются судьи, коих в ряде судов – многие десятки, и все они обладают особым – судейским – статусом с соответствующими судейскими полномочиями, правами, обязанностями и ответственностью. Можно ли, в принципе, рассматривать дисциплинарную ответственность руководителей судов за совершение дисциплинарных проступков, выходящих за пределы, установленные Законом РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»⁵ (более чем с 50 изм. и доп.) (далее – Закон о статусе судей) и Кодексом судейской этики? Точнее – можно ли в этих случаях руководствоваться ст. 22 Закона о статусе судей, в соответствии с которой «законодательство Российской Федерации о труде распространяется на судей в части, не урегулированной настоящим законом»?

Ответ на этот вопрос вряд ли может быть однозначным, ибо четко разграничить полномочия, обязанности и ответственность руководителя суда, урегулированные Законом о статусе судей суда от полномочий обязанностей и ответственностью руководителя суда, урегулированные законодательством о труде, вряд ли возможно в принципе – в обоих случаях эти нормы в немалой мере – оценочные.

Но вот пример из судебной практики Конституционного Суда РФ, где такая дилемма рассмотрена,

³ Туманова Л. В. Обеспечение авторитета судебной власти и защита прав и законных интересов судей как двуединая задача Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации // Вестник ВККС РФ. 2022. № 6 (86). С. 10

⁴ Там же.

⁵ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792.

но, правда, не в отношении руководителя суда, а – мирового судьи.

ККС одного из субъектов Российской Федерации своим решением от 17 июня 2009 г. досрочно прекратила полномочия мирового судьи К. за совершение дисциплинарного проступка, выразившегося в систематическом грубом нарушении норм процессуального закона (передача секретарю судебного заседания своих полномочий по рассмотрению гражданских, уголовных и административных дел). Не согласившись с этим решением, К. обратилась в Верховный Суд РФ с заявлением о его отмене, указав, в числе прочего, что на момент применения к ней дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи она имела малолетнего сына (двухлетнего), была беременна (24 недели), и, по ее мнению, в отношении нее были нарушены требования ст. 261 ТК РФ.

Верховный Суд РФ своим Решением от 3 сентября 2009 г. оставил заявление К. без удовлетворения, и данное решение Определением Кассационной коллегии Верховного Суда РФ от 10 ноября 2009 г. было оставлено без изменения. После чего К. обратилась с жалобой на нарушение названными судебными постановлениями ее конституционных прав на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, обращения которого в Верховный Суд РФ также оставлены без удовлетворения.

В своей жалобе в Конституционный Суд РФ Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации указывает, что основанием для его обращения послужила имеющая место, на его взгляд, правовая неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли ст. 38 (ч. 1) Конституции РФ находящиеся в нормативном единстве положения п. 1 ст. 12¹ и ст. 22 Закона РФ О статусе судей, допускающие наложение на судью дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий без учета запрета на расторжение трудового договора по инициативе работодателя с беременными женщинами, установленного частью первой ст. 261 ТК РФ.

К., в интересах которой подана жалоба Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, также обратилась в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 12¹ и ст. 22 Закона О статусе судей. По мнению заявительницы, названные нормы не соответствуют ст. 7, 18, 19, 38, 45, 55 (ч. 3) Конституции РФ, поскольку позволяют ККС при принятии решения о наложении на судью такого дисциплинарного взыскания, как досрочное прекращение полномочий судьи, не учитывать требования статьи 261 ТК РФ, закрепляющей гарантии

для беременных женщин и женщин, имеющих детей, при расторжении трудового договора.

В обоснование своей жалобы в Конституционный Суд РФ К. указывала, что назначение на должность судьи является основанием для возникновения трудовых отношений в силу ст. 19 ТК РФ; соответственно, прекращение полномочий судьи влечет прекращение трудовых отношений, поэтому в отношении беременных женщин-судей, а также женщин-судей, имеющих детей в возрасте до трех лет, в силу требований ст. 22 Закона о статусе судей должны действовать гарантии, установленные ст. 261 ТК РФ.

Своим Определением от 7 июня 2011 г. № 844-О-О Конституционный Суд РФ, объединив оба обращения в одно производство, отказал в принятии к рассмотрению этих обращений как не отвечающих требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд РФ признается допустимой.

Тем не менее данным Определением Конституционный Суд РФ сформулировал важную правовую позицию о соотношении рассмотренных норм Закона о статусе судей и Трудового кодекса РФ. Было сказано следующее.

Федеральный законодатель, закрепив в ст. 22 Закона о статусе судей правило о том, что законодательство Российской Федерации о труде распространяется на судей в части, не урегулированной данным законом, исходил из особых конституционно-правового статуса судей, предопределенного тем, что они осуществляют публично-правовые задачи судебной власти, и к ним, соответственно, предъявляются особые требования и для них устанавливаются специальные правила назначения на должность и прекращения полномочий. Такое правовое регулирование учитывает, с одной стороны, особенности статуса судей, а с другой стороны, позволяет судьям воспользоваться в пределах, установленных законом, правами и гарантиями, предусмотренными для лиц, реализующих свое право на труд в иной форме (работа по трудовому договору). Вместе с тем это не означает, что все гарантии, предоставляемые работникам, должны распространяться на судей. В противном случае ставился бы под сомнение особый правовой статус судьи как лица, осуществляющего публично-правовые задачи судебной власти. Таким образом, как по своему буквальному смыслу, так и системе действующего правового регулирования норма ст. 22 Закона о статусе судей не предполагает применение гарантий, предусмотренных для лиц, работающих по трудовому договору, без учета конституционно-правового статуса судьи и необходимости обеспечения конституционного права граждан на судебную защиту путем

своевременного и правильного рассмотрения дел независимым и беспристрастным судом.

Из этого вытекает: Трудовой кодекс РФ в части, регулирующей правомочия руководителей организаций по отношению к подчиненным работникам, на руководителей судов и судей не распространяется.

Отдельного федерального закона о руководителях судов в нашей стране нет, о них сказано в ст. 6¹ «Порядок наделения полномочиями и прекращения полномочий председателей и заместителей председателей судов» и в ст. 6² «Полномочия председателей и заместителей председателей судов» Закона о статусе судей (обе статьи введены в названный Закон Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ) и в ряде иных статей этого Закона. Разумеется, регулируются эти отношения и в некоторых иных законодательных актах, в том числе в Федеральных конституционных законах: от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»⁶ и от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁷, но в Федеральном конституционном законе о судебной системе – в общей форме, а о Конституционном Суде РФ в данной работе речь вообще не идет.

Вместе с тем следует учитывать, что статусные характеристики руководителей судов включают в себя и этический сегмент. Он провозглашен в Кодексе судейской этики, утвержденном VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. (с изм. и доп., внесенными IX и X Всероссийскими съездами судей, не затрагивающими первоначальную редакцию, относящуюся к руководителям судов).

В ст. 12 данного Кодекса провозглашена базовая установка, согласно которой профессиональная деятельность судьи включает в себя не только исполнение обязанностей по судебному разбирательству дела и принятию решения, но и выполнению других задач и полномочий, в том числе организационно-распорядительного характера, имеющих отношение к деятельности суда, и при этом осуществление судебных функций имеет приоритетный характер по отношению к другим видам деятельности. Таким образом, Кодекс судейской этики однозначно указывает: руководитель суда прежде всего судья, а уж потом руководитель суда. Вместе с тем в этом Кодексе провозглашено: руководитель суда в своей профессиональной деятельности должен не только исполнять обязанности по отправлению правосудия, но и добросовестно выполнять возложенные на него административные полномочия, поддерживать высокий уровень профессиональной квалификации в сфере судебного

⁶ См.: СЗ РФ. 1997. № 1, ст. 1.

⁷ См.: СЗ РФ. 1994. № 13, ст. 1447.

администрирования и способствовать повышению эффективности исполнения служебных обязанностей другими судьями и работниками аппарата суда.

При этом он при осуществлении организационно-распорядительных полномочий не вправе допускать действия (бездействие), ограничивающие независимость судей, оказывать давление на них, а также использовать иные методы административного воздействия, имеющие целью повлиять на деятельность судей по отправлению правосудия.

В этом Кодексе подчеркивается, что поскольку отправление правосудия невозможно без четкой организации работы аппарата суда, ненадлежащая организация работы суда и его аппарата подрывает доверие к суду, умаляет авторитет судебной власти. Руководитель суда обязан предпринимать все необходимые меры для обеспечения своевременного и эффективного исполнения судьями своих обязанностей, в том числе меры организационного, финансового, материального, социально-бытового характера. В частности, председатель суда должен обеспечивать равномерное распределение служебной нагрузки среди судей и работников аппарата суда; должен добросовестно использовать свое право решать кадровые вопросы, избегая необоснованных назначений, покровительства, семейственности. При осуществлении организационно-распорядительных полномочий он должен быть корректным, сдержанным по отношению к судьям и к иным лицам, находящимся в его подчинении, терпимо относиться к критике своих действий, не допускать прямого или косвенного преследования за критическое отношение к себе. Недопустимы как противоправное покровительство по службе (незаслуженное поощрение, внеочередное необоснованное повышение в должности, совершение других действий, не вызываемых служебной необходимостью), так и попустительство по службе (не принятие мер за упущения или нарушения, допущенные в служебной деятельности, нереагирование на неправомерные действия).

Вопросы дисциплинарной (или конституционной?) ответственности судей были автором этих строк рассмотрены в части 1 настоящей статьи, регулируются они сейчас в основном ст. 12¹ «Дисциплинарная ответственность судей» (в ред. от 02.07.2013 № 179-ФЗ). В этой статье руководители судов не названы.

Они названы: а) в п. 11 ст. 6¹ Закона о статусе судей (в изначальной редакции, где, в частности, провозглашено, что полномочия руководителей судов могут быть досрочно прекращены решением соответствующей ККС «в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением председателями, заместителями председателей судов своих должностных обязанностей, предусмотренных

федеральными конституционными законами и настоящим Законом», при этом отмечено, что по прекращению этих полномочий «за ними сохраняются полномочия судьи суда, в котором они замещали должность председателя, заместителя председателя суда»;

б) в п. 11¹ этой статьи Закона (в ред. Федерального закона от 08.12.2020 № 426-ФЗ), в которой указано: полномочия Председателя Конституционного Суда РФ и заместителя Председателя Конституционного Суда РФ, Председателя Верховного Суда РФ и заместителей Председателя Верховного Суда РФ, председателей и заместителей председателей кассационных судов общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции, кассационного военного суда, апелляционного военного суда, арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, Суда по интеллектуальным правам могут быть также прекращены Советом Федерации по представлению Президента РФ в случаях, предусмотренных федеральными конституционными законами и настоящим Законом. При этом прекращаются полномочия указанных лиц в качестве судей соответствующих судов;

в) в ст. 14¹ Закона о статусе судей «Прекращение полномочий отдельных категорий судей Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (введенной Федеральным законом от 08.12.2020 № 426-ФЗ) перечислены случаи (и не все), когда полномочия прекращаются: 1) совершение поступка, порочащего честь и достоинство судей; 2) несоблюдение требований, ограничений и запретов, установленных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»; 3) прекращение гражданства Российской Федерации, приобретение гражданства (подданства) иностранного государства либо получение вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства; 4) нарушение судьей, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами; 5) занятие деятельностью, несогласимой с должностью судьи; 6) в иных случаях, предусмотренных федеральными конституционными законами. Пункты «б» и «в» появились в результате конституционных нововведений 2020 года. На сколько они работают? Похоже, не работают.

Вот совсем свежий пример совершения дисциплинарного проступка, повлекшего дисциплинарную ответственность председателя суда в виде

досрочного прекращения его полномочий. Здесь – определяюще важно в плане рассматриваемой в настоящей статье проблемы – что: 1) речь идет о грубом дисциплинарном проступке именно в сфере полномочий именно председателя суда, а не судебных; 2) речь идет о проступке, совершенном председателем одного из апелляционных судов, т.е. подпадающих под юрисдикцию Совета Федерации (как это предусмотрено конституционными нововведениями 2020 года); 3) в значительной своей части данный проступок этого председателя суда находится в сфере этической ответственности.

Итак: 4 апреля 2023 г. ВККС РФ, рассмотрев обращение Президиума Совета судей РФ от 9 февраля 2023 г., приняла Решение о признании в действиях председателя арбитражного апелляционного суда *В.* дисциплинарного проступка, за совершение которого возложила дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи с лишением первого квалификационного класса. Данное Решение ВККС РФ было *В.* обжаловано в Дисциплинарную коллегию Верховного суда РФ, а затем – в Апелляционную коллегию Верховного Суда РФ, которые соответственно Решением от 25 мая 2023 г. № ДК23-43 и Апелляционным Определением от 8 августа 2023 г. № АПЛ23-7Д в удовлетворении жалоб отказали.

В чем состоял дисциплинарный проступок председателя суда *В.*? В покровительстве (иначе сложно это назвать) судье этого суда *Х.*, который в соответствии с приказами *В.* находился с 18 мая 2020 г. по 29 июля 2022 г. в отпусках без сохранения содержания 240 дней (и за это же время в ежегодном оплачиваемом отпуске – 138 дней).

Материалами дисциплинарного производства подтверждается, что судья *Х.* длительное время был освобожден председателем суда *В.* от участия в рассмотрении дел в качестве судьи-докладчика (председательствующего). Согласно отчетам о работе судьи *Х.* в четвертом судебном составе по рассмотрению споров, возникающих из административных правоотношений, в 2020–2022 гг. (до исключения *В.* из штата арбитражного апелляционного суда) он в качестве судьи-докладчика (председательствующего) дела не рассматривал. В коллегиальном составе в 2020 г. участвовал в рассмотрении 482 дел, в 2021 г. – 1422 дел, в 2022 г. – в качестве судьи-докладчика (председательствующего) им рассмотрено 144 дела (после исключения *В.* из штата суда). При этом средняя нагрузка на судью данного арбитражного апелляционного суда в качестве судьи-докладчика (председательствующего) составила: в 2020 г. – 789.7 дела, в 2021 г. – 891.7 дела, в 2022 г. – 886 дел. Следовательно, служебная нагрузка на судью *Х.* на протяжении длительного периода времени не являлась значительной. В результате этого существенно выросла нагрузка на других

судей суда, вызвав с их стороны негативную реакцию, о чем свидетельствуют их объяснения, данные Дисциплинарной комиссии Совета судей РФ.

Распределение дел в данном арбитражном апелляционном суде осуществляется с использованием автоматизированной информационной системы «Судопроизводство». Данной системой предусмотрена возможность закрытия отдела судьи, при котором дела не распределяются конкретному судье на определенный промежуток времени, в связи с уходом судьи в ежегодный оплачиваемый отпуск или по иным причинам. Решение о прекращении распределения дел судье в АИС «Судопроизводство» принимается на основании приказа о предоставлении отпуска, иного устного или письменного распоряжения председателя суда или его заместителя. По утверждению судей указанного арбитражного апелляционного суда, дававших пояснения по этому вопросу Дисциплинарной комиссии Совета судей РФ, такие решения в отношении *Х.* принимались на протяжении нескольких лет руководством суда, в то время как остальным судьям дела распределялись на общих основаниях по установленным в суде правилам.

Таким образом, *В.*, являясь председателем арбитражного апелляционного суда, не обеспечила справедливое и равномерное распределение служебной нагрузки между судьями, допустила ситуацию, при которой судья *Х.* на протяжении длительного периода (в течение 2020–2021 г., частично в 2022 г.) фактически не исполнял свои основные обязанности по рассмотрению дел в качестве судьи-докладчика (председательствующего), что привело к росту нагрузки на остальных судей и негативной реакции со стороны коллектива суда.

Доводы жалоб о том, что снижение судебной нагрузки судьи *Х.* в качестве председательствующего связано с его тяжелым заболеванием и необходимостью прохождения курса лечения, а отсутствие каких-либо распорядительных документов, обосновывающих такое решение, обусловлено требованием соблюдения врачебной тайны, опровергаются материалами дисциплинарного производства, в которых не имеется документов, подтверждающих данные сведения. Из материалов дела также усматривается, что при обращении в марте 2022 г. в ВККС РФ с заявлением о рекомендации для назначения на вышестоящую руководящую должность судья *Х.* сообщил об отсутствии у него заболеваний, препятствующих осуществлению им судебной деятельности.

А утверждение *В.* о том, что ее действия, связанные с предоставлением *Х.* длительных отпусков без сохранения заработной платы и со снижением его судебной нагрузки, объясняются проявлением милосердия, является несостоятельным. Проявление

милосердия председателем суда, обладающим организационно-властными полномочиями по отношению к судьям вверенного ему дела, должно быть обоснованным и разумным, не должно нарушать нормы действующего законодательства, способствовать неисполнению судьями своих служебных обязанностей и являться инструментом для манипулирования, тем самым ставя под сомнение авторитет председателя суда и уважение коллектива. Выявлено также, что 22 марта 2022 г. *Б.* были подписаны учетно-характеризующие и статистические материалы в отношении судьи *Х.*, содержащие недостоверные сведения в части, касающейся его стажа и результатов работы. Впоследствии эти материалы были представлены им в ВККС РФ для участия в конкурсе на замещение вакантной должности председателя данного арбитражного апелляционного суда.

Может быть, эти пункты не работают потому, что речь идет о совершении грубых проступков руководителями суда, но эти проступки не квалифицируются как дисциплинарные?

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» жестко и однозначно провозгласил (в п. 10): досрочное прекращение полномочий руководителя суда решением соответствующей ККС по основаниям, указанным в п. 11 ст. 6.1 Закона о статусе судей, не является дисциплинарным проступком и не влечет дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи. А в названном п. 11 ст. 6¹ Закона о статусе судей установлено: полномочия руководителей суда могут быть досрочно прекращены решением соответствующей ККС в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением ими своих должностных обязанностей, предусмотренных федеральными конституционными законами и настоящим законом.

То есть Закон о статусе судей в связи с названным постановлением Пленума Верховного Суда РФ неисполнение или ненадлежащее исполнение руководителями суда своих обязанностей расценивают как не дисциплинарный поступок, а прекращение их полномочий за это – не как дисциплинарное взыскание. Но – почему?

Однако это – действует. Так, ККС одного из субъектов Российской Федерации своим решением от 24 января 2020 г. прекратила полномочия председателя районного суда *Б.* с оставлением того в должности судьи этого суда. Основанием рассмотрения данного дела в ККС послужило обращение Совета судей этого субъекта Федерации и представление и.о. председателя Верховного суда данного субъекта Российской Федерации о привлечении

названного председателя суда к дисциплинарной ответственности за совершение дисциплинарного проступка, поскольку тот самоустранился от исполнения должностных обязанностей в части обеспечения организации работы суда. В частности, *Б.* не обеспечил своего заместителя рабочим кабинетом, не создал надлежащих условий соблюдения секретности в суде, допустил распространение служебной информации, отстранился от выполнения административных вопросов, в результате в коллективе возникла конфликтная ситуация, негативно отражающаяся на эффективности и качестве отправления правосудия в суде.

ККС субъекта Российской Федерации пришла к выводу о подтверждении фактов в обращении и представлении и пришла к выводу, что в действиях *Б.* установлено нарушение норм Кодекса судейской этики и Закона о статусе судей; наличествует проступок, порочащий честь судьи, что влечет дисциплинарную ответственность. Принимая это решение, региональная ККС учитывала данные, характеризующие личность и профессиональную деятельность *Б.*, обстоятельства дисциплинарного проступка, степень тяжести нарушения закона, ущерб, причиненный авторитету судебной власти и званию судьи, а также отношение к выявленным нарушениям самого *Б.*, не желающего, как указано в Решении, устранить возникший в коллективе конфликт, его самоустраниние от исполнения прямых обязанностей. Это решение ККС приняла, руководствуясь п. 11 ст. 6¹ и п. 6 ст. 12¹ Закона о статусе судей. *Б.*, уже в качестве судьи, обратился в ВККС РФ с жалобой на данное решение региональной ККС, указав, что им надлежащим образом исполнялись обязанности председателя суда. То есть ККС этого субъекта Федерации расценила действия председателя суда *Б.* в качестве дисциплинарного проступка.

20 марта 2020 г. ВККС РФ своим Решением⁸ отменила названное Решение региональной ККС, указав, что в вышеназванном постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 г. (п. 10) указано, что досрочное прекращение полномочий председателя суда, заместителя председателя суда решением соответствующей ККС по основаниям, указанным в п. 11 ст. 6¹ Закона о статусе судей, не является дисциплинарным проступком и не влечет дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи. Таким образом, как подчеркнуто указанным Решением ВККС РФ, ККС субъекта Российской Федерации применила меру дисциплинарного взыскания (досрочное прекращение полномочий председателя суда), не предусмотренную законом.

⁸ См.: Вестник ВККС РФ. 2021. № 1 (75). С. 40–41.

Вместе с тем в том же номере Вестника ВККС РФ (на с. 43–44) опубликовано Решение ВККС РФ от 14 июля 2020 г. с иным, противоположным по форме, но не по существу подходом к данному вопросу. Здесь суть дела такова. ККС одного из субъектов Российской Федерации своим Решением от 30 апреля 2020 г. прекратила полномочия председателя суда *M.* с оставлением того в должности судьи. Основанием рассмотрения материалов дела в ККС послужило Постановление Совета судей данного субъекта Российской Федерации.

ККС этого субъекта Федерации установила, что открытый и затяжной конфликт, разделивший коллектив суда, действия председателя суда *M.*, посягающие на независимость и беспристрастность судей в принятии судебных решений, его некорректные высказывания в адрес судей и иных лиц, нетерпимость к критике своих действий препятствуют осуществлению им руководства судом, приводят к созданию нерабочей психологической обстановки, умаляют авторитет судебной власти, что при сохранении существующей ситуации, вызванной действиями председателя суда, может повлечь негативные последствия при отправлении правосудия.

Эти обязательства послужили основанием поставить под сомнение возможность дальнейшего добросовестного и профессионального выполнения *M.* служебных обязанностей в должности председателя суда. ККС при принятии решения о досрочном прекращении полномочий председателя суда *M.* с оставлением его в должности судьи учла его профессиональные качества, стаж работы, наличие частного постановления (так в тексте), конкретные обстоятельства, в том числе непринятие мер по выходу из сложившейся ситуации. ККС приняла во внимание, что конфликт в суде обусловлен в основном действиями *M.*, стилем его руководства, методами его общения с сотрудниками суда, и, оценив в совокупности материалы, обоснованно признала необходимым прекратить его полномочия представителя суда с оставлением в должности судьи. А ВККС РФ, как сказано выше, руководствуясь п/п. 10¹ п. 2 ст. 17, абз. 2 п. 1 ст. 23 «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» решение ККС от 30 апреля 2020 г. о прекращении полномочий председателя суда *M.* с оставлением в должности судьи оставила без изменения, а жалобу *M.* – без удовлетворения.

Разница между этими двумя решениями ВККС РФ относительно проступков двух председателей судов (предрешения которых по сути однотипны) состоит в том, что в первом случае региональная ККС квалифицировала действия (и бездействие) председателя суда *B.* как дисциплинарный проступок, влекущий досрочное прекращение полномочий председателя суда в соответствии с п. 11 ст. 6¹

Закона о статусе судей в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением им своих должностных обязанностей. А во втором случае, относительно председателя суда *M.*, в решении региональной ККС не содержалось квалификации его действий (бездействия) в качестве дисциплинарного проступка, и, соответственно, досрочное прекращение его полномочий как председателя суда не квалифицировалось в качестве дисциплинарного взыскания по абз. 2 п. 11 ст. 6¹ Закона о статусе судей.

Сказанное – относительно сходных по существу правонарушающих действий (бездействия) председателей суда *B.* и *M.* вкупе с нарушениями ими норм судебной этики, повлекших принципиально различающие последствия в виде их ответственности, однозначно свидетельствуют о серьезном несовершенстве организационно-правового механизма ответственности руководителей судов за совершение ими тяжких дисциплинарных поступков, влекущих их досрочное прекращение полномочий руководителей суда.

Вот иные примеры в сфере квалификации дисциплинарного или недисциплинарного проступка в судейском корпусе. Региональная ККС Решением от 22 декабря 2021 г. прекратила досрочно полномочия судьи *F.* по п/п. 6¹ п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей по причине наличия у неё по несколько десятков акций ряда зарубежных (США) акционерных обществ, чем нарушила запрет владеть и пользоваться иностранными финансовыми инструментами. Судья *F.* обжаловала данное Решение ККС в Верховный Суд РФ, но Дисциплинарная коллегия Верховного Суда РФ своим Решением от 10 марта 2022 г. № АКПИ22-67 в удовлетворении административного искового заявления *F.* об отмене названного Решения ККС отказалась. Примечателен (и весьма значим в плане рассматриваемой в настоящей работе проблемы) довод Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ, которым был отклонен этот административный иск судьи *F.* В этом решении Дисциплинарной коллегии указано: ссылка административного истца на ст. 12¹ Закона о статусе судей о дисциплинарной ответственности судей является ошибочной, поскольку основанием прекращения ее полномочий судьи в данном случае является не факт дисциплинарного проступка, указанного в п. 5 этой статьи, за совершение которого на судью может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи, а выявленный факт несоблюдения судьей и ее супругом запретов и ограничений, а именно владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами. Данное обстоятельство является санкцией за совершение коррупционного правонарушения и самостоятельным основанием

для прекращения полномочий судьи на основании п/п. 6 п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей⁹.

Пленум Верховного Суда РФ своим постановлением от 31 мая 2007 г. № 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» (ныне – не действующим) указывал: «Отправление правосудия невозможно без четкой организации работы аппаратов судов. Неправильная организация руководителями суда работы суда и его аппарата умаляет авторитет судебной власти. Учитывая это, руководители верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов, районных судов, военных судов, мировые судьи должны следить за движением дел в судах, за выдачей гражданам предусмотренных законом справок и копий судебных документов, за своевременным рассмотрением и правильным, в соответствии с законом, разрешением жалоб и заявлений, с тем, чтобы граждане, обращающиеся в суд, затрачивали минимум времени на разрешение возникших у них вопросов. В работе судов не должно быть случаев волокиты, грубости и невнимательного отношения к гражданам. Председатели судов и их заместители обязаны обеспечивать равномерное распределение служебной нагрузки среди судей и работников аппарата суда».

Постановлением от 20 мая 2010 г. № 11 Пленум это положение дополнил: «Вместе с тем следует учитывать, что по прекращении полномочий председателя, заместителя председателя суда, в том числе в случае досрочного их прекращения решением соответствующей квалификационной коллегии судей в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением указанными лицами своих должностных обязанностей, за ними сохраняются полномочия судьи суда, в котором они замещали должность председателя, заместителя председателя суда (абзацы второй и третий пункта 11 статьи 6¹ Закона Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации”»).

А в действующем в настоящее время постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» прописано: досрочное прекращение полномочий председателя суда, заместителя председателя суда решением соответствующей ККС по основаниям, указанным в п. 11 ст. 6¹ Закона о статусе судей, не является дисциплинарным проступком и не влечет

дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2008 г. № 3 сформулирована (в п. 4) следующая правовая позиция. В силу п. 11 ст. 6¹ Закона о статусе судей допускается возможность досрочного прекращения полномочий председателя суда решением соответствующей ККС в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением председателем суда своих должностных обязанностей, предусмотренных федеральными конституционными законами и данным Законом. Однако неисполнение или ненадлежащее исполнение председателем суда своих должностных обязанностей, будучи основанием для досрочного прекращения полномочий председателя суда, само по себе не является основанием для досрочного прекращения его полномочий судьи. Как следует из другого положения п. 11 ст. 6 Закона о статусе судей, по прекращении полномочий председателя суда за ним сохраняются полномочия судьи суда, в котором он замещал должность председателя. Соответственно, досрочное прекращение полномочий председателя суда не может рассматриваться в качестве дисциплинарного взыскания и влечь для него правовые последствия, наступающие при прекращении полномочий судьи в связи с совершением им дисциплинарного проступка по основаниям, предусмотренным п. 1 ст. 12¹. Таким образом, положение п. 11 ст. 6 Закона о статусе судей о возможности досрочного прекращения полномочий председателя суда в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением им своих должностных обязанностей по своему смыслу в системе действующих норм не может служить самостоятельным основанием для досрочного прекращения его полномочий судьи и как таковое не противоречит Конституции РФ.

А далее Конституционный Суд РФ высказался по процедурному вопросу (точнее – по его изменению) относительно ответственности руководителей суда: «Исходя из особой роли председателей судов в процедуре привлечения судей к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий и с учетом их участия в формировании ККС и наличия у них организационно-распорядительных полномочий в отношении других судей, т.е. значительно больших возможностей для воздействия на поведение членов ККС, чем у привлекаемого к ответственности судьи, – в качестве дополнительной гарантии независимости, несменяемости и неприкосновенности судьи в процедурах досрочного прекращения полномочий судьи органом судейского сообщества на основе принципов состязательности и равноправия по сравнению с действующими правилами дисциплинарного производства явилось бы

⁹ См.: Вестник ВККС РФ. 2022. № 4 (84). С. 42–45.

законодательно закрепленное требование о проведении тайного голосования членов ККС и составлении по существу рассматриваемого вопроса мотивированного решения, с тем чтобы в случае обжалования этого решения была обеспечена возможность надлежащего судебного контроля». Соответствующие изменения были позже введены в процедурные нормы механизма дисциплинарной ответственности руководителей судов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клеандров М.И. О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы. Часть 1. Прекращение полномочий судьи за тяжкое правонарушение после конституционных нововведений 2020 года – конституционная или дисциплинарная ответственность? // Государство и право. 2024. № 3.

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович –
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

2. Туманова Л.В. Обеспечение авторитета судебной власти и защита прав и законных интересов судей как двуединая задача Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации // Вестник ВККС РФ. 2022. № 6 (86). С. 10.

REFERENCES

1. Kleandrov M.I. On modern problems of the mechanism of judges' responsibility for disciplinary misconduct: law enforcement practice, general approaches. Part 1. Termination of the powers of a judge for a serious offense after the constitutional innovations of 2020 – constitutional or disciplinary responsibility? // State and Law. 2024. No. 3 (in Russ.).
2. Tumanova L.V. Ensuring the authority of the judiciary and protecting the rights and legitimate interests of judges as a two-pronged task by the Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation // Bulletin of the Supreme Judicial Council of the Russian Federation. 2022. No. 6 (86). P. 10 (in Russ.).

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. –
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 34 (075.8)

ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ О БАНКРОТСТВЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

© 2024 г. А. В. Коваль

Арбитражный суд Московского округа

E-mail: lowyer_AVK@mail.ru

Поступила в редакцию 05.02.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена научному осмыслению современного состояния и перспективам развития в нашей стране правового института банкротства стратегических предприятий с точки зрения необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов в указанной сфере. Автором проводится ретроспективный анализ развития правовых подходов к ключевым вопросам, возникающим при банкротстве стратегических организаций, анализируются положительные и негативные тенденции правоприменительной практики в указанной сфере. На основании указанного анализа автором предлагаются направления по совершенствованию действующего законодательства в сфере банкротства стратегических предприятий, обосновывается необходимость ужесточения квалификационных требований к назначаемым судом кандидатурам арбитражных управляющих стратегических предприятий и организаций.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, реструктуризация задолженности, банкротство стратегических предприятий, финансовое оздоровление стратегических предприятий.

Цитирование: Коваль А.В. Вопросы защиты публичных интересов в правоприменительной практике о банкротстве стратегических предприятий // Государство и право. 2024. № 4. С. 77–85.

DOI: 10.31857/S1026945224040054

ISSUES OF PROTECTION OF PUBLIC INTERESTS IN THE LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF BANKRUPTCY OF STRATEGIC ENTERPRISES

© 2024 А. В. Koval

Arbitration Court of the Moscow District

E-mail: lowyer_AVK@mail.ru

Received 05.02.2024

Abstract. The article is devoted to the scientific understanding of the current state and prospects for the development of the legal institution of bankruptcy of strategic enterprises in our country from the point of view of the need to ensure a balance of private and public interests in this area. The author conducts a retroactive analysis of the development of legal approaches to key issues arising in the bankruptcy of strategic organizations, analyzes positive and negative trends in law enforcement practice in this area. Based on this analysis, the author makes specific proposals for improving the current legislation in the field of bankruptcy of strategic enterprises, justifies the need to tighten the qualification requirements for court-appointed candidates for arbitration managers of strategic enterprises and organizations.

Key words: insolvency, bankruptcy, debt restructuring, bankruptcy of strategic enterprises, financial recovery of strategic enterprises.

For citation: Koval, A.V. (2024). Issues of protection of public interests in the law enforcement practice of bankruptcy of strategic enterprises // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 77–85.

Введение

Каждая правовая норма есть продукт государственной деятельности, поэтому именно государство определяет границы личной свободы всех субъектов права, пределы осуществления ими своих гражданских (диспозитивных по природе) прав, порядок их реализации и правовой статус (права и обязанности) их участников¹.

Федеральный законодатель, в соответствии со ст. 71 Конституции РФ осуществляя регулирование для защиты общих (общественных) интересов, вправе применить публично-правовой тип регулирования рыночных отношений, которое в силу взаимодействия частноправовых и публично-правовых интересов предполагает в то же время сочетание частноправовых и публично-правовых элементов. При этом он, располагая широкой свободой усмотрения в выборе правовых средств, вместе с тем связан конституционно-правовыми пределами использования публично-правовых начал (ст. 7, 8, ч. 2, 3 ст. 55 Конституции РФ).

Одним из таких средств, направленных на защиту как частных, так и публичных интересов, является институт банкротства. Согласно ст. 65 ГК РФ, юридическое лицо, за исключением казенного предприятия, учреждения, политической партии и религиозной организации, по решению суда может быть признано несостоятельным (банкротом); признание судом юридического лица банкротом влечет его ликвидацию (п. 1).

В законодательстве о банкротстве проявление государственного вмешательства в обозначенные отношения выражается: во-первых, в применении механизма судебного контроля; во-вторых, в применении судейского усмотрения; в-третьих, в непосредственном участии государства в выборе процедур несостоятельности (банкротства), в управлении делами должника и определении его судьбы; в-четвертых, в участии в конкурсном процессе специальных органов – арбитражного управляющего, уполномоченного органа, регулирующего органа².

Российское законодательство о банкротстве не дает четкого ответа на вопрос, в чем заключаются интересы государства при банкротстве, какие из своих интересов государство считает приоритетными, а также какими методами осуществляется их защита.

Полагаем, что государство всегда имеет публичный интерес в сфере банкротства в отношении всех граждан и организаций, заключающийся в погашении задолженности по обязательным платежам, сохранении действующих предприятий для сбора налогов и обеспечения населения рабочими местами. Прежде всего интерес государства при банкротстве заключается в неуклонном соблюдении законности при проведении процедур банкротства. Обществу и государству выгодно, чтобы предприниматели, с одной стороны, платили налоги, а с другой – развивали производство товаров и работ, оказания услуг.

Отсюда вытекают следующие публичные интересы государства: государственный интерес, заключающийся во взыскании с должника задолженности по обязательным платежам в бюджет и внебюджетные фонды; и общественный интерес, заключающийся в сохранении производства, рабочих мест, росте благосостояния как предприятий, так и занятого

в производстве населения. Кроме того, существует и частный интерес государства – это его интерес собственника, заключающийся в сохранении и приращении принадлежащего ему имущества, а также интерес государства как конкурсного кредитора по взысканию задолженности по гражданско-правовым обязательствам. Представляется, что перечисленные интересы государства в ходе процедур банкротства, особенно банкротства стратегических предприятий и организаций, должны быть осознаны государством в качестве целей, которые подлежат защите и которые необходимо достигнуть в процессе банкротства.

Реализуя свои властные полномочия, государство в первую очередь выступает в качестве законодателя, устанавливая обязательные для всех участников отношений в сфере банкротства правила. С этой функции и начинает проявляться превосходство государства над участниками отношений банкротства³.

Следующей функцией государства в делах и в процедурах банкротства является осуществление контроля за выполнением участниками отношений в сфере несостоятельности (банкротства) установленных общеобязательных правовых норм, при котором государство также реализует свои властные полномочия.

Законодательно установлена исключительная подведомственность арбитражным судам рассмотрения дел о банкротстве, в том числе стратегических предприятий и организаций.

От имени государства в процессе и в процедурах банкротства выступают судебные органы, а точнее – система арбитражных судов Российской Федерации, которые осуществляют властные полномочия, направленные на справедливое рассмотрение дел о банкротстве. Особенностью правового положения арбитражного суда в деле о банкротстве является выполнение им не только полномочий по организации судебного процесса, как это имеет место в дела искового производства, но и осуществление несвойственных ему функций по проведению процедур банкротства.

Так, арбитражный суд утверждает арбитражных управляющих и отстраняет их от должности, назначает лиц, исполняющих обязанности руководителя должника, рассматривает отчеты арбитражных управляющих о результатах проведения процедур банкротства и получает от них все сведения, касающиеся дела о банкротстве. Осуществляя общее руководство конкурсным процессом, арбитражный суд выполняет и чисто судебные функции. Он устанавливает признаки банкротства, обоснованность и размер требований кредиторов, рассматривает заявления, жалобы и ходатайства лиц, участвующих в деле о банкротстве⁴.

Судебная власть играет важную роль в правоотношениях несостоятельности (банкротства) еще и потому, что в силу особого характера конкурсных правоотношений существует настоятельная необходимость судейского усмотрения в делах о банкротстве. «В производстве по делам о несостоятельности, – отмечает В. Степанов, – участвуют стороны с противоположными интересами. Например, кредиторы, которые противостоят друг другу, кредиторам с более защищенными позициями, акционерам и должнику, управляющему, наемным работникам и государству».

¹ См.: Михайлова Е.В. Юридическая заинтересованность в делах с участием государства // Государство и право. 2023. № 12. С. 80–86.

² См.: Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М., 2008.

³ См.: Брежко М.А. Защита интересов государства при банкротстве унитарных предприятий и иных коммерческих организаций с долей государственного участия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

⁴ Там же. С. 15, 16.

Самые испытанные указания практики, самые глубокие исследования теории не в состоянии устраниить в области банкротства трудности, которые коренятся в самой природе этого института⁵. Поэтому можно сказать, что в делах о банкротстве потребность в широких дискреционных полномочиях суда может возникнуть даже при самом, казалось бы, совершенном законодательстве.

Конституционный Суд РФ отмечал, что главная цель процедуры банкротства – соразмерное удовлетворение требований кредиторов.

Именно поэтому законодателем избран судебный порядок рассмотрения дел о банкротстве, поскольку судебная защита является основным и универсальным способом защиты права, в том числе и по делам о банкротстве, где требуется обеспечивать публичные интересы, интересы широкого круга лиц и государства.

Развитие идей и правовых подходов к вопросам банкротства и несостоятельности стратегических предприятий и организаций

Банкротство хозяйствующих субъектов – это действенный, а потому широко распространенный способ борьбы с неплатежеспособностью в странах с рыночной экономикой. Однако в России восстановление платежеспособности и производственно-хозяйственной деятельности организаций в процессе банкротства происходит только в незначительном количестве случаев.

В результате банкротства организации, обладающей имуществом (материально-технической базой) и штатом сотрудников, участвующих в производстве товаров (работ, услуг), создается неблагоприятная социально-экономическая ситуация, которая хотя и имеет локальный характер, но производит негативный эффект на определенной территории⁶.

По мнению ученых, отстаивающих идеи теории либерализма, применение восстановительных процедур не всегда является экономически разумным. Аргументация в этом случае сводится к тому, что, ослабляя кредиторов поддержкой неплатежеспособных должников, можно дестабилизировать экономическую систему в целом. Экономисты монетаристской научной школы еще более категоричны. Они утверждают, что использование реабилитационных процедур не позволяет банкротству выполнить свою очищающую функцию – освободить экономику от хозяйственных диспропорций, ненужных производств.

Противоположной точки зрения придерживаются представители умеренно эгатистских теорий, отстаивающих необходимость государственного регулирования в целях предотвращения экономических кризисов, исправления пороков саморегулирования⁷.

Период конца XX в. и т.н. нулевых в нашей стране связан в основном с господством в экономических и правящих кругах приверженцев либеральных взглядов, что накладывало отпечаток и на правовое регулирование механизмов банкротства. Популяризация и массовое заимствование либеральных форм регулирования произошло без осознания того, что западная либеральная модель основывалась на больших открытых экономиках с емким внутренним рынком капитала

⁵ Степанов В.В. Несостоятельность (банкротство) в России, Франции, Англии, Германии. М., 1999. С. 21.

⁶ См.: Андреев С.В. Управление процессом финансового оздоровления предприятия (на примере стратегических предприятий): дис. ...канд. экон. наук. М., 2007.

⁷ См.: Карелина С.А. Указ. соч.

и высококонкурентными производителями, которая ориентировалась на сильного производителя, не нуждающегося в государственной поддержке.

Между тем события конца 2008 г., а именно банкротство ряда известных зарубежных инвестиционных компаний, последовавшая срочная финансовая помощь финансовым корпорациям со стороны национальных государств наглядно продемонстрировали осознание и за рубежом того факта, что «рынки никогда не достигают равновесия, о котором говорит экономическая теория».

По мнению члена-корр. РАН, проф. А.Н. Савенкова, в 90-е – начале 2000-х годов роль национальных государств не только не снизилась, но даже возросла. Стало понятно, что снижение роли государства может привести вовсе не к процветанию общества, а к нарастанию его энтропии⁸.

В России же и странах постсоветского пространства такого зрелого экономического пространства не имелось вовсе, а основной задачей отечественной экономики в этот период являлось формирование рынков и конкурентной среды, поэтому использование принципов либеральной модели для регулирования рынка на деле влекло системные банкротства, в том числе стратегических предприятий.

Характеризуя развитие отечественного законодательства о банкротстве, М. В. Телюкина указывает, что первый российский Закон 1992 г. «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» содержал множество неточностей, противоречий, ошибок, что делало его «условно применимым».

Поскольку Закон 1992 г. был принят в ответ на злоупотребления должников, которые в условиях правового вакуума уводили свои активы от взыскания, то в этом Законе содержались некоторые прокредиторские элементы.

Закон 1998 г. какой-либо четкой теоретической основы под собой не имел. Более того, его разработчики задались целью создать новую, наряду с продолжниковой и прокредиторской, систему конкурсного законодательства – нейтральную. То есть Закон 1998 г. хотел сбалансировать интересы должника и кредиторов.

Дальнейшее развитие показало, что быстрее и активнее, чем должники, злоупотреблять своими правами начали кредиторы. Итог – массовые захваты бизнеса, переделы собственности, использование института банкротства для достижения целей, абсолютно с банкротством не связанных.

После того как Президент РФ публично раскритиковал сложившуюся с переделами собственности ситуацию, законодатель в течение кратчайшего срока принял и ввел в действие Закон 2002 г., действующий и поныне. Но изменения, внесенные в этот акт, по объему уже превысили первоначальный текст⁹.

Предпринятые законодателем попытки принятия специального законодательства, в том числе, об особенностях банкротства организаций оборонно-промышленного комплекса, также не имели положительного результата.

Так, в 1998–1999 гг. соответствующий законопроект № 99010896-2 «Об особенностях несостоятельности

⁸ См.: Савенков А.Н. Глобальный кризис современности // Государство и право. 2022. № 2. С. 104.

⁹ См.: Телюкина М.В. Концептуальная основа реформирования конкурсного законодательства и последствия ее отсутствия // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2011. № 3. С. 9–11.

(банкротства) организаций оборонной промышленности» был принят Государственной Думой в трех чтениях.

Однако сначала его не одобрил Совет Федерации, а после доработки в согласительной комиссии отклонил Президент РФ.

В рамках названного законопроекта впервые была предпринята попытка связать признаки несостоятельности (банкротства) в виде неспособности должника удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам с балансовой стоимостью имущества должника, если сумма кредиторской задолженности превышает балансовую стоимость имущества, в том числе и дебиторскую задолженность. Однако специальное законодательство об особенностях банкротства организаций оборонно-промышленного комплекса в тот период так и не вступило в силу.

К сожалению, не всегда находил отражение государственный подход к банкротству стратегических предприятий и в практике действовавшего в качестве высшей судебной инстанции по разрешению экономических споров – Высшего Арбитражного Суда РФ.

Показателен пример, когда Постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 сентября 2011 г. № 9899/09 были отменены судебные акты всех трех инстанций, признано и приведено в исполнение на территории Российской Федерации решение иностранного арбитража (г. Стокгольм) о взыскании в пользу иностранной компании более 20 млн евро убытков со стратегического предприятия ОАО «Балтийский завод».

В последующем указанное решение было использовано для инициирования процедуры несостоятельности и получения контроля над процедурой банкротства указанного уникального стратегического предприятия¹⁰, производящего морские суда для нужд обороны страны и всей экономики.

В процессе производства по делу о банкротстве заинтересованными кредиторами предпринимались меры к переходу в конкурсное производство и продаже имущественного комплекса предприятия. И только вмешательство Правительства РФ и уполномоченных органов позволило избежать продажи имущественного комплекса, ликвидации предприятия и заключить мировое соглашение по делу о банкротстве.

Несовершенство процедур банкротства стратегических предприятий и организаций часто приводит к их ликвидации в ходе конкурсного производства, что при определенных условиях может нанести ущерб обороноспособности и безопасности страны, поставить под угрозу здоровье, права и законные интересы граждан России. Некоторые из них являются градообразующими, исчезновение одного такого предприятия означает однократное падение уровня жизни населения и, как следствие, рост социально-политической напряженности на значительной территории.

Как итог – системные банкротства в нашей стране стратегических организаций влекут частичную утрату экономической независимости ряда стратегических отраслей экономики и необходимость закупать продукцию стратегического назначения за рубежом, что является совершенно недопустимым в условиях нарастающей международной конфронтации. Поэтому применение процедур банкротства к российским стратегическим предприятиям и организациям требует особой осторожности, а выявление всего комплекса причин неплатежеспособности указанных организаций требуется для

совершенствования системы государственного регулирования вопросов их финансового оздоровления, анализа финансово-государственного состояния, прогнозирования несостоятельности и планирования процесса финансового оздоровления стратегических предприятий на микроуровне.

Полагаем, что в сфере банкротства стратегических предприятий публичный интерес сохранения уставной деятельности и имущественного комплекса стратегического предприятия всегда должен превалировать над частными интересами кредиторов получить свое удовлетворение за счет имущества конкурсной массы.

В то же время дискредитация института банкротства недопустима. Требуется взаимное согласование макро- и микроэкономических преобразований, совершенствование правовых механизмов несостоятельности (банкротства) стратегических организаций, в результате которых центр тяжести будет смещаться с процедур ликвидации несостоятельных стратегических предприятий и организаций к мероприятиям по их финансовому оздоровлению¹¹. По мнению П.А. Маркова, разумной могла бы стать ситуация, при которой банкротство стратегического предприятия, обеспечивающего безопасность государства, исключалось бы вообще¹².

Такая ситуация представляется более чем возможной, учитывая современные положения действующего гражданского законодательства (п. 1 ст. 65 ГК РФ) и возможность создания (преобразования) таких стратегических предприятий в организационно-правовой форме казенных предприятий. В иных случаях решения судов о введении в отношении стратегического предприятия конкурсного производства и реализации их имущественного комплекса на торгах всегда должны носить единичный и исключительный характер.

Представляется, что в законодательстве необходимо предусмотреть специальный порядок, когда такое решение может приниматься только на основании заключения специальной правительственной комиссии о нецелесообразности принятия дальнейших мер по финансовому оздоровлению и сохранению стратегического предприятия. Принятие такого решения должно быть возможным, если это не повлечет ликвидацию единственного производства определенного вида продукции стратегического назначения и не причинит вред обороноспособности страны.

Ухудшение внешнеполитической обстановки, санкционная политика западных государств, а также необходимость поддержания экономического суверенитета в стратегических отраслях экономики послужили отправной точкой к осознанию вышеизложенных фактов и определенному переосмыслению существующих в правоприменительной практике подходов к банкротству стратегических организаций.

Согласно статистическим сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, с 2015–2016 гг. наблюдается кратное снижение как общего количества поступающих в арбитражные суды заявлений о признании банкротами стратегических предприятий и организаций, так и количества выносимых арбитражными судами решений о признании таких должников банкротами.

Так, в 2017 г. в арбитражные суды поступило 32 таких заявления, признаны банкротами пять организаций, в 2018 г. – 14 заявлений, признаны банкротами три стратегических

¹¹ См.: Андреев С.В. Указ. соч.

¹² См.: Марков П.А. Особенности банкротства стратегических предприятий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 50.

¹⁰ См.: Дело Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области № А56-47238/2011.

предприятия, в 2019 г. – поступило семь заявлений, два стратегических предприятия признаны банкротами.

С 2020 г. в связи с вводимыми Правительством РФ мораторными ограничениями на возбуждение дел о банкротстве и по иным причинам, количество поступлений таких заявлений и выносимых решений о признания стратегических предприятий банкротами вовсе стало носить единичный характер.

Указанные статистические данные показывают, что проводимая в последнее десятилетие политика по мониторингу состояния и финансовому оздоровлению стратегических предприятий, изменение в практике судов акцента с ликвидационного на «оздоровительный» стали приносить определенные результаты.

В судебной практике арбитражных судов также стало наблюдаться определенное понимание того, что к стратегическим предприятиям, являющимися плодами многолетней деятельности большого количества ученых, инженеров и трудовых коллективов не могут применяться только формально-монетаристские подходы банкротного процесса.

Уже стали нередкими случаи, когда Верховным Судом РФ по делам о банкротстве отменяются судебные акты с указанием на необходимость проверки документов оснований, послуживших поводом для возбуждения дела о банкротстве (третейских решений, решений судов между «взаимозависимыми» лицами), на предмет возможного злоупотребления правом и наличия намерения провести «контролируемое» банкротство.

В целом и в процессе ведения судами конкретных дел о банкротстве стратегических предприятий также имеет место смешение приоритетов с ликвидационного процесса банкротства на процесс оздоровительный и восстановительный.

В качестве примера можно привести дело № А41-87169/2019, в рамках которого суды пришли к выводу, что до завершения реорганизации должника – стратегического предприятия невозможно надлежащим образом обеспечить соблюдение прав и законных интересов собственника и учредителей должника, в связи с чем приостановили производство по делу. Суды указали, что реорганизация – следствие наличия у должника статуса стратегического предприятия, утвержденного Правительством РФ, соответственно, дальнейшее рассмотрение дела о банкротстве с введением в отношении должника процедур противоречит экономическим интересам государства и перспективам его развития¹³.

Благодаря таким актам и деятельности судов по обобщению подобной правоприменительной практики, выраженной в соответствующих разъяснениях (обзорах), судами, с одной стороны, воспринимаются на концептуальном уровне правильные подходы к вопросам банкротства стратегических предприятий, а с другой – суды оказываются должным образом «вооружены» против используемых недобросовестными лицами завуалированных и сложных правовых схем по выводу имущества из имущественного комплекса стратегических организаций.

Проблемы современного правового регулирования процедур несостоятельности (банкротства) стратегических предприятий и организаций

В настоящее время под стратегическими предприятиями и организациями понимается: федеральные государственные унитарные предприятия и открытые акционерные общества,

акции которых находятся в федеральной собственности и которые осуществляют производство продукции (работ, услуг), имеющей стратегическое значение для обеспечения обороноспособности и безопасности государства, защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан Российской Федерации, а также иные организации в случаях, предусмотренных федеральным законом; организации оборонно-промышленного комплекса – производственные, научно-производственные, научно-исследовательские, проектно-конструкторские, испытательные и другие организации, осуществляющие работы по обеспечению выполнения государственного оборонного заказа (ст. 190 Закона о банкротстве).

Разрешение вопроса об отнесении конкретной организации к стратегическому предприятию является отправной точкой применения в деле о банкротстве специальных процедур. От данного вопроса зависит, в частности, определение называемой пороговой суммы неисполненных обязательств, являющейся основанием для возбуждения в отношении такого должника дела о банкротстве.

В текущий момент для возбуждения производства по делу о банкротстве стратегического предприятия или организации принимаются во внимание требования, составляющие в совокупности не менее чем 1 млн руб. (п. 4 ст. 190 Федерального закона).

Данные законодательные положения неоднократно подвергались систематической критике ученых и практикующих юристов, поскольку позволяли любым кредиторам по незначительным просроченным обязательствам ставить вопрос о банкротстве стратегических организаций, от которых зависят обороноспособность страны и нормальная жизнедеятельность целых регионов.

В конечном счете мнения ученых и практиков о необходимости повышения данного порога до трех миллионов рублей – суммы неисполненных обязательств как признака банкротства стратегических предприятий нашли отражение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2023 г. № 48 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и АПК РФ».

Часть необходимых изменений также предусмотрена в проекте федерального закона № 1263425-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который находится на рассмотрении в Государственной Думе в первом чтении.

В частности, законопроектом предлагается § 5 гл. IX Закона о банкротстве дополнить ст. 195¹ «Реструктуризация долгов стратегических предприятия и организации» и ст. 196¹ «Особенности замещения активов в деле о банкротстве стратегических предприятия или организации».

Частью 8 ст. 195¹ законопроекта предусматривается, что при продаже предприятия должника – стратегических предприятий или организаций, которое предназначено для осуществления деятельности, связанной с выполнением государственного оборонного заказа, обеспечением федеральных государственных нужд в области поддержания обороноспособности и безопасности Российской Федерации, Российская Федерация имеет право преимущественного приобретения этого предприятия.

Полагаем, что данные меры, в особенности предоставление Российской Федерации преимущественного права

¹³ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.10.2022 г. по делу № А41-87169/2019.

приобретения стратегических предприятий, будут способствовать достижению в определенной мере целей сохранения стратегических предприятий и организаций.

Происшедшие изменения в законодательстве привели к появлению новых требований к перечням стратегических предприятий и организаций. Перечень стратегических предприятий и организаций, в том числе организаций оборонно-промышленного комплекса, к которым применяются правила о банкротстве стратегических предприятий, утверждается Правительством РФ и подлежит обязательному опубликованию.

Распоряжением Правительства РФ от 20 августа 2009 г. № 1226-р утвержден Перечень стратегических организаций, а также органов власти, обеспечивающих реализацию соответствующей государственной политики (далее – Перечень № 1226).

В судебно-арбитражной практике выработан правовой подход, когда к стратегическим предприятиям могут относиться и иные организации, не включенные в указанный перечень.

Так, Верховный Суд РФ в Определении от 24 декабря 2015 г. № 309-ЭС15-13162 указал, что Постановлением Правительства РФ от 17 ноября 2005 г. № 684 установлено, что такой порядок применяется также и к юридическим лицам, включенным в Перечень, утвержденный Указом Президента РФ от 4 августа 2004 № 1009.

Таким образом, нахождение юридического лица только в одном из двух указанных выше перечней является достаточным основанием для применения к нему правил о банкротстве стратегических предприятий и организаций.

Следует особо подчеркнуть, что банкротство стратегических предприятий не может быть похоже на банкротство обычных предприятий.

Как отмечает В.В. Витрянский, общие критерии, внешние признаки несостоятельности и правила проведения процедур банкротства, предназначенные для всех юридических лиц (хозяйственных товариществ и обществ, производственных и потребительских кооперативов и т.п.), совершенно непригодны для регулирования банкротства организаций оборонно-промышленного комплекса, субъектов естественных монополий и иных организаций, имеющих важное социально-экономическое значение. Ведь речь идет об обороноспособности и безопасности государства, а также о тех категориях юридических лиц, без которых не могут существовать ни экономика, ни российское общество.

Тем не менее действующее законодательство содержит в основном только общие положения и краткое изложение особенностей каждой из процедур, применяемых в деле о банкротстве таких должников, а также особенности продажи имущественного комплекса.

Данным вопросам посвящены всего семь статей § 5 гл. IX Закона о банкротстве. Статьей 168 данного Закона также установлено, что к отношениям, связанным с банкротством стратегических предприятий и организаций, применяются положения настоящего Закона, регулирующие банкротство должников – юридических лиц, если иное не предусмотрено настоящей главой.

Изложенное показывает, что законодатель в сфере правового регулирования банкротства стратегических предприятий предпочитает придерживаться классических пандектных принципов кодификации законодательства, содержащих

общую часть о банкротстве юридических лиц и специальную главу, посвященную банкротству стратегических предприятий.

Вопрос, насколько оправдан подобный принцип кодификации законодательства применительно к банкротству стратегических предприятий, остается открытым, поскольку такое ограниченное правовое регулирование не может в полном объеме учитывать всю специфику и отдельные материальные и процессуальные аспекты их банкротства.

Является правильным мнение, что Закон о банкротстве регламентирует отношения неплатежеспособного должника с его кредиторами целым комплексом специальных материальных и процессуальных норм, характеризующих Закон о банкротстве как комплексный, по отношению к которому нормы гражданского и арбитражного процессуального права носят общий характер и применяются субсидиарно¹⁴.

То есть действующее законодательство о банкротственосит комплексный характер, будучи источником как материального, так и процессуального права.

Как полагает В.В. Витрянский, то обстоятельство, что Закон о банкротстве исключил из сферы своего непосредственного правового регулирования целый ряд важнейших групп правоотношений в области несостоятельности (банкротства), переадресовав решение соответствующих вопросов подзаконным нормативным правовым актам Правительства РФ, не делает чести законодателю и может создать большое число проблем в правоприменительной деятельности.

Процедуры при производстве дел о несостоятельности (банкротстве) стратегических предприятий также представляют собой классические предусмотренные законодательством о банкротстве стадии материально-процессуального правоотношения, имеющие своей целью возможности восстановления платежеспособности должника, а при невозможности такового – его ликвидацию.

На наш взгляд, кроме самой процедуры антикризисного управления и механизма принятия кредиторами решений, предметом такого регулирования должны выступать также основные принципы и механизмы реализации единой государственной политики в сфере предупреждения банкротства стратегических предприятий, в том числе, посредством установления особых досудебных процедур и порядка реструктуризации задолженности.

Законом о банкротстве (ст. 191) обязанность по предупреждению банкротства стратегических предприятий возложена на Правительство РФ.

Правительство РФ обязано, согласно абз. 5 п. 1 ст. 29 Закона о банкротстве, определять порядок проведения учета и анализа платежеспособности стратегических предприятий и организаций. Эта работа необходима прежде всего для того, чтобы, имея информацию о финансовом состоянии должника и его платежеспособности, принимать на ранних стадиях неблагополучия меры, предусмотренные данной статьей; одной из таких мер является реорганизация стратегических предприятий и организаций. Она осуществляется в целях рационализации производства и избежания излишних затрат; другие меры направлены на стабилизацию финансового состояния организации:

Правительство РФ принимает меры по погашению образовавшейся в результате несвоевременной оплаты государственного оборонного заказа задолженности федерального

¹⁴ См.: Попондупло В.Ф. Конкурсное право. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учеб. пособие. М., 2001. С. 54, 55.

бюджета перед стратегическими предприятиями и организациями, являющимися исполнителями работ по государственному оборонному заказу.

Практика банкротств многих предприятий оборонного комплекса неоднократно показывала, что причиной их банкротства было неисполнение обязательств по государственным обязательствам, поэтому Правительству РФ предоставлено право проведения реструктуризации задолженности (основного долга и процентов, пеней и штрафов) стратегических предприятий и организаций, являющихся исполнителями работ по государственному оборонному заказу, перед федеральным бюджетом и государственными внебюджетными фондами.

Правительство РФ также вправе предоставлять государственные гарантии при заключении соглашений стратегических предприятий и организаций с кредиторами о реструктуризации их кредиторской задолженности. Вместе с тем в соответствии с законодательством Правительство РФ ограничено в возможности предоставления таких гарантий, не связанных с законодательством о банкротстве. Предоставление этих гарантий способствует достижению указанных договоренностей, гарантирует кредиторам их исполнение, а должнику позволяет избежать судебной процедуры банкротства.

В целях предупреждения банкротства Правительству РФ также предоставлена возможность прямой финансовой помощи в размере, достаточном для погашения денежных обязательств и обязательных платежей и восстановления платежеспособности должника (досудебная санация). В этом случае Правительство РФ должно определить, в какой форме должник примет на себя обязательства по погашению предоставленной финансовой помощи (ст. 31 Закона).

Право участия в деле о банкротстве стратегических предприятий, помимо лиц, участвующих в деле (ст. 34 Закона), предоставлено представителю федерального органа исполнительной власти, обеспечивающего государственную политику в отрасли экономики, в которой действует стратегическое предприятие или организация.

Закон о банкротстве 1998 г., определяя особенности банкротства отдельных категорий должников, предоставлял соответствующим органам только право участия в арбитражном процессе, что не позволяло им пользоваться правами, предусмотренными ст. 41 АПК РФ.

Действующим Законом о банкротстве повышена роль указанного органа, он теперь полноправный участник процесса о банкротстве наряду с должником и конкурсными кредиторами.

По мнению Е. В. Михайловой, также следует законодательно закрепить обязательное участие прокурора во всех делах, стороной или третьим лицом которых выступает государство. Задачей прокурора будет дача суду заключения по вопросу о том, соответствует ли закону и (что важно) публичному интересу совершение того или иного распорядительного действия¹⁵.

Анализ судебно-арбитражной практики показывает, что суды нередко самостоятельно привлекают по делам о банкротстве стратегических предприятий прокурора¹⁶. Однако, поскольку указанные дела всегда сопряжены с необходимостью

защиты публичных интересов, полагаем, что в данной сфере следует согласиться с мнением Е. В. Михайловой и законодательно закрепить обязательное участие прокурора по всем делам, связанным с банкротством стратегических предприятий¹⁷.

Правительству РФ предоставлено право устанавливать перечень дополнительных требований, являющихся обязательными при утверждении арбитражным судом кандидатуры арбитражного управляющего в деле о банкротстве стратегических предприятий и организаций. Однако считаем, что само законодательство о банкротстве, помимо прочего, должно содержать как специальную процедуру назначения арбитражных управляющих, так и особые повышенные требования к кандидатурам арбитражных управляющих, которые, по нашему мнению, должны содержаться в специальном реестре.

Как представляется, в законодательстве о банкротстве давно назрела необходимость введения института аккредитации при правительственный органе арбитражных управляющих при банкротстве стратегических предприятий.

Очевидно, что даже при самом совершенном законодательстве, необходимость обеспечения публичных интересов может сталкиваться с недобросовестными намерениями конкретных исполнителей – арбитражных управляющих, что обусловлено значительным имущественным комплексом и большим объемом денежных средств, имеющихся в наличии у стратегических предприятий. Возможность под видом внешне законных актов получения контроля над такими средствами нередко представляет собой «лакомый» кусок для ряда профессиональных арбитражных управляющих, специализирующихся на процедурах недружественного поглощения.

В связи с этим вопросы установления определенного порога входления в процедуру и публичных требований к кандидатурам арбитражных управляющих стратегических предприятий являются актуальными уже в течение длительного времени и требуют совершенствования правового регулирования в этой части.

Положения же Постановления Правительства РФ от 19 сентября 2003 г. № 586, установившего отдельные дополнительные требования к арбитражным управляющим, в настоящее время носят минимальный характер и не всегда могут обеспечивать соответствие кандидатур арбитражных управляющих существующим реалиям.

При этом вызывает определенное недоумение, почему в сфере банкротства кредитных и страховых организаций, а также банкротства застройщиков законодателем предусмотрена процедура назначения специализированных управляющих либо их аккредитации, а при банкротстве стратегических предприятий, где подобные требования объективно необходимы, такие положения отсутствуют.

Об имеющихся проблемах в этом вопросе также свидетельствует и практика арбитражных судов, когда отсутствие специального реестра и аккредитации, а также несовершенство процедуры назначения арбитражных управляющих стратегических организаций нередко приводит к назначению

¹⁵ См.: Михайлова Е. В. Функции прокурора в сфере гражданской юрисдикции нужно усилить // Законность. 2021. № 8 (1042). С. 27–34.

¹⁶ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.11.2023 г. по делу № А40-199117/2017.

¹⁷ Во-первых, прокурор не поддерживает какую-либо из сторон в деле о банкротстве. Во-вторых, прокурор всегда действует исключительно в защиту публичных интересов, в целях соблюдения законности и правопорядка. Прокурор не является участником спорного материального правоотношения и в силу этого не связан материально-правовым интересом, т.е. ожиданием вынесения судебного решения в свою пользу. Заключение прокурора при этом не может быть сфальсифицировано, направлено на введение суда в заблуждение и т.д. (см.: Михайлова Е. В. Правовое положение прокурора в арбитражном судопроизводстве // Государство и право. 2023. № 6. С. 36–44).

судами кандидатур управляющих, не отвечающих установленным требованиям. Вопросы об отстранении таких кандидатур судам приходится решать уже в ходе процедур несостоятельности, что негативно сказывается на всем процессе банкротства стратегической организации, а также возможности реструктуризации задолженности и финансового оздоровления¹⁸.

Что касается процессуальных особенностей рассмотрения требований кредиторов в деле о банкротстве стратегических предприятий, то необходимо остановиться на следующих их особенностях применительно к особому статусу таких должников. Законом о банкротстве предусмотрено, что в случае, если требование не было оспорено, оно считается установленным. Когда же требование оспаривается, спор о размере и основаниях требований рассматривается в общем порядке. Решение суда, установившее размер требования, фиксируется в реестре кредиторов.

Объем процессуальных прав, предоставляемых кредитору и должнику при рассмотрении между ними спора об обоснованности требований в порядке ст. 71 Закона о банкротстве, безусловно, меньше, чем у лиц, участвующих в деле при рассмотрении требований к должнику в рамках отдельного производства. Поэтому представляется логичным и правильным, когда в деле о банкротстве стратегических предприятий будет предусмотрено требование об обязательном представлении должником правовой позиции по каждому заявлению и требованию кредитора о включении в реестр требований кредиторов, заявляемому в таком деле о банкротстве. Особенно это важно по значительным денежным требованиям, которые могут повлиять на принятие решений собранием кредиторов.

Относительно же документов (решений судов, решений арбитражных судов, третейских решений), представленных в обоснование заявления кредитора о признании должника банкротом и послуживших основанием для возбуждения дела о банкротстве стратегического предприятия, необходимо ввести процедуру обязательного представления по таким документам заключения прокурора и уполномоченного органа.

Отдельно следует остановиться на особенностях заключения мирового соглашения по делам о банкротстве стратегических предприятий.

В публично-правовых делах универсальным критерием определения допустимости заключения мирового соглашения является характер спорного материального правоотношения (частный или публичный), а также, в случае наличия правоотношения публично-правовой природы, абстрактный или конкретный характер публичного правоприменения. Под видом мирового соглашения могут совершаться и злоупотребления – более сильная сторона может принудить более слабую к подписанию заведомо невыгодных для нее условий¹⁹.

В полной мере справедливым является данное утверждение и для заключения мировых соглашений по делам о банкротстве стратегических предприятий. С одной стороны, институт мирового соглашения в деле о банкротстве позволяет такому должнику с наименьшим ущербом выйти из процедур несостоятельности на взаимовыгодных с кредиторами условиях. А с другой – мировое соглашение может использоваться в целях обхода закона и публичных процедур,

¹⁸ См.: Определение ВС РФ от 30.09.2021 № 308-ЭС21-8991 по делу № А32-4783/2016; Определение ВС РФ от 28.01.2022 № 440-ПЭК21 по делу № А32-4783/2016.

¹⁹ См.: Михайлова Е. В. Мировое соглашение (соглашение о примирении) в публично-правовых делах // Закон. 2023. № 4. С. 64–71.

например, для вывода имущества из имущественного комплекса стратегического предприятия.

Поэтому заключение мирового соглашения по делам о банкротстве стратегических предприятий должно осуществляться с учетом законодательно установленных публичных ограничений, в том числе относительно распоряжения имущественным комплексом стратегического предприятия.

Текущие правовые реалии также показывают, что при имеющихся положительных тенденциях в развитии процессуальных основ и порядка разрешения дел о банкротстве, системные проблемы именно предупреждения и финансового оздоровления банкротства стратегических предприятий остаются не решенными.

Предусмотренный действующим законодательством комплекс мер по предупреждению банкротства стратегических предприятий и организаций, предпринимаемых как в ходе процедур наблюдения и внешнего управления, так и до введения конкурсных процедур, носит общий характер и представляется недостаточным.

Об этом нередко свидетельствует практика арбитражных судов, когда после проведения процедур банкротства, после которых стратегическое предприятие либо лишается основных производственных мощностей, либо ликвидируется. Примеры, когда такие предприятия, как ОАО «Улан-Удэнский авиаремонтный завод», АО «Концерн радиостроения “Вега”», АО «Специальное конструкторское бюро вычислительной техники» и др., производящие либо осуществляющие ремонт продукции оборонного назначения, становятся участниками банкротства либо находятся под угрозой несостоятельности, свидетельствуют о несовершенстве всей существующей системы предупреждения банкротства стратегических предприятий.

Анализ рассматриваемых арбитражными судами дел о банкротстве стратегических предприятий показывает, что, как правило, значительную часть от общего объема задолженности стратегических предприятий составляет задолженность по налогам и сборам, а также начисленным пеням и штрафам перед бюджетом.

Однако и имущество государства, и взысканные с должника налоги нужны всему обществу для удовлетворения его потребностей. Значит, и фискальный интерес, и интерес государства-собственника в большей части носят и социальный характер.

Поэтому, безусловно, социальный интерес должен иметь приоритет при выборе методов защиты интересов государства, при выборе процедур банкротства, при определении позиции государства и как кредитора, и как собственника. Следовательно, осуществляя защиту интересов казны, государство обязано учитывать интересы всех участников отношений несостоятельности.

Баланс частных и публичных интересов в указанном случае должен обеспечиваться не погашением незначительной части таких требований за счет распродаваемого имущества конкурсной массы, а путем применения института реструктуризации такой задолженности, который является одним из важнейших инструментов восстановления платежеспособности стратегических предприятий.

Именно в достижении сочетания интересов государства и погашении конфликтов сторон отношений банкротства и заключается интерес государства, поэтому в этом направлении и должны проводиться дальнейшие действия в области

защиты интересов государства при банкротстве стратегических предприятий²⁰.

Выводы

Подводя итог изложенному, необходимо еще раз подчеркнуть, что развитие законодательства о банкротстве стратегических предприятий должно осуществляться, исходя из осознания того факта, что институт банкротства – важнейший и необходимый правовой институт существования рыночной экономики, без которого невозможна деятельность полноценного правового государства в указанной сфере. Однако в сфере банкротства стратегических предприятий и организаций публичный интерес сохранения нормальной уставной деятельности стратегических предприятий и их имущественных комплексов всегда должен превалировать над частными интересами кредиторов.

Несмотря на ряд имеющихся положительных тенденций в развитии правовых подходов к банкротству стратегических предприятий, кардинального решения проблем предупреждения их банкротства пока не находится, что ведет к разрушению производств, в том числе жизненно важных для страны.

Следовательно, основным вектором дальнейшего развития законодательства о банкротстве стратегических предприятий должно быть полное смещение акцента с применения монетаристских подходов и ликвидации стратегических предприятий к мероприятиям по их финансовому оздоровлению, введению в законодательство комплексных механизмов реализации государственной политики по мониторингу, предупреждению банкротства и финансовому оздоровлению стратегических предприятий.

Сохранение предприятий, реструктуризация задолженности и их финансовое оздоровление должно стать основной и приоритетной целью построения законодательства и всей процедуры банкротства стратегических организаций, все разделы законодательства о банкротстве стратегических предприятий должны быть подчинены указанным целям и логике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев С.В. Управление процессом финансового оздоровления предприятия (на примере стратегических предприятий): дис. ... канд. экон. наук. М., 2007.
2. Брежо М.А. Защита интересов государства при банкротстве единичных предприятий и иных коммерческих организаций с долей государственного участия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 15, 16, 163.
3. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М., 2008.
4. Марков П.А. Особенности банкротства стратегических предприятий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 50.
5. Михайлова Е.В. Мировое соглашение (соглашение о примирении) в публично-правовых делах // Закон. 2023. № 4. С. 64–71.

Сведения об авторе

КОВАЛЬ Алексей Витальевич –
судья Арбитражного суда Московского округа;
127994 г. Москва, ул. Селезневская, д. 9

²⁰ См.: Брежо М.А. Указ. соч. С. 163.

6. Михайлова Е.В. Правовое положение прокурора в арбитражном судопроизводстве // Государство и право. 2023. № 6. С. 36–44.
7. Михайлова Е.В. Функции прокурора в сфере гражданской юрисдикции нужно усилить // Законность. 2021. № 8 (1042). С. 27–34.
8. Михайлова Е.В. Юридическая заинтересованность в делах с участием государства // Государство и право. 2023. № 12. С. 80–86.
9. Попондопуло В.Ф. Конкурсное право. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учеб. пособие. М., 2001. С. 54, 55.
10. Савенков А.Н. Глобальный кризис современности // Государство и право. 2022. № 2. С. 104.
11. Степанов В.В. Несостоятельность (банкротство) в России, Франции, Англии, Германии. М., 1999. С. 21.
12. Тельюкина М.В. Концептуальная основа реформирования конкурсного законодательства и последствия ее отсутствия // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2011. № 3. С. 9–11.

REFERENCES

1. Andreev S.V. Managing the process of financial recovery of an enterprise (on the example of strategic enterprises): dis. ... Candidate of Economic Sciences. M., 2007 (in Russ.).
2. Brezho M.A. Protection of the interests of the state in the bankruptcy of unitary enterprises and other commercial organizations with a share of state participation: dis. ... PhD in Law. M., 2005. Pp. 15, 16, 163 (in Russ.).
3. Karelina S.A. Mechanism of legal regulation of insolvency relations. M., 2008 (in Russ.).
4. Markov P.A. Features of bankruptcy of strategic enterprises: dis. ... PhD in Law. M., 2004. P. 50 (in Russ.).
5. Mikhailova E.V. Settlement agreement (reconciliation agreement) in public law cases // Zakon. 2023. No. 4. Pp. 64–71 (in Russ.).
6. Mikhailova E.V. The legal position of the prosecutor in arbitration proceedings // State and Law. 2023. No. 6. Pp. 36–44 (in Russ.).
7. Mikhailova E.V. The functions of the prosecutor in the field of civil jurisdiction need to be strengthened // Legality. 2021. No. 8 (1042). Pp. 27–34 (in Russ.).
8. Mikhailova E.V. Legal interest in cases involving the state // State and Law. 2023. No. 12. Pp. 80–86 (in Russ.).
9. Popondopulo V.F. Competition law. Legal regulation of insolvency (bankruptcy): textbook. M., 2001. Pp. 54, 55 (in Russ.).
10. Savenkov A.N. The global crisis of modernity // State and Law. 2022. No. 2. P. 104 (in Russ.).
11. Stepanov V.V. Insolvency (bankruptcy) in Russia, France, England, Germany. M., 1999. P. 21 (in Russ.).
12. Telyukina M.V. The conceptual basis for reforming competition legislation and the consequences of its absence // Business Law. The application “Business and law in Russia and abroad”. 2011. No. 3. Pp. 9–11 (in Russ.).

Authors' information

KOVAL Alexey V. –
Judge of the Arbitration Court of the Moscow District;
9 Seleznevskaia str., 127994 Moscow, Russia

НА ПУТИ К СУВЕРЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА РОССИИ

**А.И. Бастрыкин, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников. ИДЕЯ ДОБРА
В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФИИ ПРАВА
(к 200-летию Ф.М. Достоевского) / вступ. слово**

**А.И. Александрова. СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 380 с.
(Серия «Наука и общество»);**

**С.И. Захарцев, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. ЛОГОС ПРАВА:
ПАРМЕНИД – ГЕГЕЛЬ – ДОСТОЕВСКИЙ. К ВОПРОСУ
О СПЕКУЛЯТИВНО-ЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ МЕТАФИЗИКИ
ПРАВА. М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с.**

© 2024 г. С. В. Степашин

Ассоциация юристов России, г. Москва

E-mail: pravo@alrf.ru

Поступила в редакцию 07.11.2023 г.

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на монографии А.И. Бастрыкина, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского)» (2021)¹ и С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права» (2019)² и посвящена вопросам становления философских оснований теории права, которые рассматриваются в общем контексте коллективной работы петербургских философов и юристов по разработке суверенной философии права под руководством проф. В.П. Сальникова.

Ключевые слова: философия права, Достоевский, абсолют, ценность, добро, свобода, Церковь, Бог, государство, право.

Цитирование: Степашин С.В. На пути к суверенной философии права России // Государство и право. 2024. № 4. С. 86–93.

DOI: 10.31857/S1026945224040062

¹ Далее по тексту – Логос права...

² Далее по тексту – Идея Добра...

ON THE WAY TO A SOVEREIGN PHILOSOPHY OF RUSSIAN LAW

A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov. THE IDEA OF GOODNESS IN THE WORKS OF F.M. DOSTOEVSKY AND ITS INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF THE PHILOSOPHY OF LAW (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky) / intro.
by A.I. Aleksandrov. St. Petersburg: University Foundation, 2021. – 380 pp.
(Series “Science and Society”);

S.I. Zakhartsev, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov. THE LOGOS OF LAW: PARMENIDES – HEGEL – DOSTOEVSKY. TO THE QUESTION OF THE SPECULATIVE-LOGICAL FOUNDATIONS OF THE METAPHYSICS OF LAW. Moscow: Yurlitinform, 2019. – 376 pp.

© 2024 S. V. Stepashin

Association of Lawyers of Russia, Moscow

E-mail: pravo@alrf.ru

Received 07.11.2023

Abstract. The article is a review of the monographs by A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov “The idea of Goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the Philosophy of Law (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky)” (2021) and by S.I. Zakhartsev, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov “The logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the question of the speculative-logical foundations of the metaphysics of law” (2019) and is devoted to the formation of the philosophical foundations of the theory of law, which are considered in the general context of the collective work of St. Petersburg philosophers and lawyers to develop a sovereign Philosophy of Law under the leadership of Professor V.P. Salnikov.

Key words: Philosophy of Law, Dostoevsky, absolute, value, goodness, freedom, Church, God, state, law.

For citation: Stepashin, S.V. (2024). On the way to a sovereign Philosophy of Russian Law A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov. The idea of Goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the Philosophy of Law (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky) / intro. by A.I. Aleksandrov; S.I. Zakhartsev, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov. The logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. To the question of the speculative-logical foundations of the metaphysics of law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 86–93.

В среде петербургских ученых – философов и юристов – в течение последних лет активно обсуждается вопрос о путях разработки суверенной философии права, ее теоретических источниках и возможном содержании. В самом деле, подлинный суверенитет государства проблематичен, если его правовая идеология зависит от чужих идей: «действительный суверенитет государства имеет место лишь тогда, когда государство является субъектом мировой истории. Но это невозможно, если правовая система суверенного государства основана на принципах заимствованной философии права» (Логос права... с. 334). В этом контексте А.Д. Керимов и Д.В. Масленников справедливо обращали внимание на советский опыт, когда независимой «философско-правовой “матрицей” в нашей стране был марксизм. Это была теоретическая платформа, в своих основах совершенно независимая от либеральных идеологем Запада. Поэтому западная критика

нашей демократии или нашего понимания прав человека гасилась уже на уровне идеологического противоборства, имела какое-то содержание лишь в конкуренции пропагандистских аппаратов. А значит, реальная правовая политика могла вырабатываться и осуществляться совершенно независимо от внешнего теоретико-правового дискурса, задаваемого научными идеями и самой семантикой чужой научной речи³. Но, разумеется, это – только аналогия. В настоящее время речь должна идти о философии права, базирующейся на гораздо более широких теоретических основаниях.

На этапе острого противостояния с блоком стран Запада, начавшемся в 2022 г., необходимость суверенной философии

³ Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4 (33). С. 14.

права, о которой ученые говорят уже более десяти лет, стала тем более очевидной. Эта философия должна опираться на многовековые духовные ценности народов России и в то же время должна быть соразмерна принципам и нормам международного права и в целом – мировым тенденциям развития права и правосознания.

Поэтому теоретическим основанием суверенной философии права петербургские авторы видели весь опыт развития классической философии от Платона до Канта и Гегеля, которая сегодня значима не столько интеллектуальным преломлением содержания различных локальных культур и эпох, к которым принадлежали создатели классической философии, сколько выражением смыслов права, имеющих всеобщее значение и в равной мере актуальных для всех народов многополярного мира. В то же время подчеркивалось значение русской традиции философско-правовой мысли, обращение к которой позволяет интерпретировать содержания классического наследия в свете национальных нравственно-правовых ценностей.

Теоретические и методологические условия реализации такого подхода связывались авторами рецензируемых монографий с идеей диалектического единства исторического и логического в развитии философии, когда результат этого развития, воплощенный прежде всего в учениях классиков немецкого идеализма, позволяет выявить, осмысльить и соединить воедино внутреннюю логику всего историко-философского процесса. Тем самым мы не связываем себя однозначно ни с одним конкретным учением, не становимся его апологетами и в то же время актуализируем основное содержание каждого философского учения, очищенное от исторической формы случайности. А значит, в этом понятийном дискурсе, возникающем на стыке логического и исторического, мы выявляем и принимаем истинный смысл всего философско-правового мышления, стыкающегося с классической философией.

О том, что в этом направлении петербургские ученые под руководством проф. В.П. Сальникова работают уже достаточно давно, свидетельствуют их работы, выпущенные в конце 1990-х годов⁴. Позже были опубликованы философско-правовые исследования А.И. Александрова, С.И. Захарцева, Р.Ф. Исмагилова, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова⁵, которые привлекли к себе внимание научной общественности⁶.

⁴ См.: Русская философия права: философия веры и нравственности: антология / сост.: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; предисл. А.А. Королькова. СПб., 1997; История философии права / отв. ред.: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. СПб., 1998.

⁵ См.: Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). 2-е изд., перераб. и доп. / вступ. слово к 1-му изд. Д.А. Керимова. СПб., 2020; Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015; Их же. Философия и юридическая наука. М., 2019; Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX–XXI вв.). СПб., 2017; Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne, 2018.

⁶ См.: Керимов А.Д., Масленников Д.В. Указ. соч. С. 14–18; Покровский И.Ф., Степашин С.В., Масленников Д.В. Идея справедливости как онтологическое основание права: новые исследования петербургских правоведов. Рец. на монографию: Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников «Право и справедливость: исторические традиции и современные модели» (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX–XXI вв.). – СПб.: Фонд «Университет», 2017. 324 с.

Итогом авторских размышлений стала фундаментальная монография С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права»⁷, которая вскоре была переведена на английский язык и издана также в Лондоне⁸. В 2024 г. вышло ее второе, значительно расширенное, издание⁹.

В этой монографии авторы прежде всего четко обозначили свое понимание предмета философии права (или, как они предпочитали говорить в данном издании, метафизики права), опосредующего связь философского учения о всеобщем единстве мышления и бытия с правовой мыслью: «содержание философии права включает в себя дискурс перехода от *philosophia prima* (первой философии), изучающей всеобщие начала, к позитивной теории права» (Логос права... с. 4). Содержание этого философского «учения о началах», являющегося всеобщим основанием метафизики права, авторы раскрывают, обращаясь к наследию первых греческих философов, Платона и Аристотеля, а затем – к трудам Декарта, Канта, Фихте и Гегеля. При этом актуализируется и интерпретируется применительно к правовой проблематике та диалектика исторического и логического в философии, на которую мы указали выше.

Это выявление целостности, внутренней логики и смысла историко-философского процесса дало авторам возможность раскрыть фундаментальные основания главных парадигм философско-правовой мысли: парадигмы естественного права, парадигмы общественного договора и парадигмы абсолютной свободы как сущности бытия человека, связывающей его со всеобщими смыслами мироздания. Формирование последней парадигмы авторы монографии видят в творчестве Канта, Фихте и Гегеля, которые на основе новоевропейской идеи субъективности восстанавливают христианское понимание мира и смысла существования в нем человека, общества, государства.

В рамках естественно-правовой парадигмы право понималось как форма данности человеку идеи абсолютного добра, как форма причастности человека этой идеи. Идея абсолютного добра трактуется авторами в платоновском смысле: как одна из ипостасей абсолютной идеи бытия. Понятая таким образом эта идея может рассматриваться как «порождающая модель» права. Тем самым авторы апеллируют к идеи абсолютного в праве, от которой, кстати, решительно отказывается современная западная философия. Но здесь, как раз, авторы могут опереться на традиции русской философии права, например на позицию ее выдающегося представителя И.В. Михайловского: «Как общая философия стремится познать не только абсолютные первоосновы мира, но и тот порядок, в котором эти первоосновы проявляются, способ реализации их в мире, так и философия права должна показать

(Серия: «Наука и общество») // Юрид. наука: история и современность. 2017. № 3. С. 186–192; Степашин С.В., Масленников Д.В. Философия права и компрехендная теория права. Рец. на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юрид. наука. 2016. № 4. С. 177–179.

⁷ См.: Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М., 2019.

⁸ См.: Zakhartsev S.I., Maslenников D.V., Salnikov V.P. The logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The speculative and logical foundations of the metaphysics of law. London, 2021.

⁹ См.: Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях суверенной метафизики права. 2-е изд., испр. и доп. М., 2024.

те общие пути, те принципы, при помощи которых абсолютная идея права как часть общемирового этического порядка реализуется в окружающей нас среде и в истории культуры»¹⁰.

Отношение права к этим «абсолютным первоосновам мира» опосредуется авторами через понятие ценностей, в свою очередь, отсылающих к идеи блага, или иначе – к идеи абсолютного добра. В самом деле, право лишь тогда может выступать как система регулирующих норм, когда оно коррелируется с традиционными нравственными ценностями и потому само признается человеком в качестве ценности. Тогда нет нужды прибегать к внешним по отношению к самому праву средствам обеспечения действенности его норм: к насилию или к манипулированию сознанием, т.е. к тому, что ограничивает свободу человека. Подчинение нормам права, а равно и нормам морали, человек должен признать благом самим по себе, следование этим нормам должно считаться человеком священным долгом и одновременно способом его собственной социальной самореализации.

Авторы монографии постоянно подчеркивают, что истинные ценности права могут иметь только абсолютный характер: «Ведь, подчиняясь чему-то неабсолютному, а значит, обусловленному чем-либо, человек сам неизбежно обуславливается какими-то внешними ему обстоятельствами: волей государства, социальными условиями, общественной или собственной психологией, деятельностью практического или «коммуникативного» разума и т.п. В таком случае невозможно различение добра и зла, которое может быть лишь свободным процессом, а значит невозможна нравственность (как содержание этого различия) и невозможна право (как форма этого различия)» (Логос права... с. 17).

Отсюда вполне логично следует переход авторов к проблеме конкретизация идеи абсолютного добра. Абсолютное бытие концентрируется в бытии человека, а бытие как абсолютное добро – в свободе как высшем даре Бога человеку. Исторически толчок к такой конкретизации дала полемика Отцов Церкви с гностическими ересями первых веков христианства. Отрицая дуализм гностиков, утверждавших равнозначность бытия и небытия, добра и зла, св. Василий Великий, св. Григорий Богослов, св. Иоанн Дамаскин, о которых идет речь в монографии (Логос права... с. 67, 72–74), говорили о единстве мироздания, воплощающем благую волю Бога, а значит, и об онтологической несостоительности зла. Но если признать, что в бытии мира зла, по сути, нет, то это ставит перед философией особый вызов в познании сущности свободы человека, в силу этой своей свободы ответственного за появление в мире зла. Именно в рецензируемой монографии впервые в истории философии столь последовательно проводится линия от аргументов Парменида о немыслимости небытия к аргументам Отцов Церкви о небытии зла и, соответственно, к проблематике субъективности и свободы, формирующих высшую парадигму права¹¹.

Как итог, следует промежуточный авторский вывод: для обоснования высшего результата развития классической философии права, апеллирующей к идеи «бытия как абсолютной свободы», философская мысль должна раскрыть не только внутреннее единство всеобщего бытия и абсолютного добра, которая знала уже античная философия, но она должна раскрыть значение этого единства для самого человека, его смысл, его ценность для человеческого бытия. Этот шаг в развитии философской мысли авторы связывают с именем

Ф.М. Достоевского. В этом они следуют указанию П.И. Новгородцева, одного из крупнейших русских правоведов: «Освободить здоровую основу славянофильской идеологии от чужеродных примесей и представить русскую идею в ее подлинной сущности выпало на долю величайшему представителю русского духа – Достоевскому... В произведениях Достоевского мы находим отчетливейшее выражение русского мировоззрения, у него мы находим и глубочайшие основы русской философии права»¹².

Именно в творчестве Ф.М. Достоевского авторы рецензируемой монографии усматривают первую связь синтеза классической метафизики права и русской философской традиции, интерпретирующей классическое философско-правовое наследие в духе христианских ценностей. Этой теме была посвящена специальная глава в «Логосе права...», в других публикациях последних лет, подготовленных петербургскими учеными школы В.П. Сальникова. В особенности здесь необходимо указать на опубликованный под редакцией проф. В.П. Сальникова цикл лекций Р.Ф. Исмагилова «Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права»¹³.

Своё развернутое обсуждение тема творчества Достоевского как связующего моста классической и русской философии права, а значит, как действительной «точки сборки» суверенной философии права России получила в монографии А.И. Баstryкина, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (К 200-летию Ф.М. Достоевского)»¹⁴. Уже в 2023 г. после многочисленных положительных отзывов

¹² Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // История философии права / отв. ред.: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. С. 510.

¹³ Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: курс лекций / вступ. ст. В.П. Сальникова и Д.В. Масленникова. СПб., 2017 (Сер. «Наука и общество»).

¹⁴ Баstrykin A.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / вступ. слово А.И. Александрова. СПб., 2021 (Сер. «Наука и общество»).

¹⁵ См.: Алиев Я.Л., Воронков К.И., Числов А.И. Идея добра в интерпретации Ф.М. Достоевского и в контексте философии права: презентация-рецензия монографии А.И. Баstryкина, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права». – СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 380 с. – (Серия: «Наука и общество») // Юрид. наука: история и современность. 2022. № 1. С. 186–193; Антонов И.А. Идеи добра и свободы, нравственности и права: рецензия на книгу А.И. Баstryкина, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права». – СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 380 с. // Правда и закон. 2022. № 1 (19). С. 77–84; Денисова А.В., Гутман М.Ю., Игнатьева С.В. Принципиальное влияние идеиного содержания произведений Ф.М. Достоевского на философию права. Рецензия-презентация монографии А.И. Баstryкина, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права» (к 200-летию Ф.М. Достоевского) // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10 (214). С. 24–27; Захарцев С.И., Коваленко В.И., Старовойтова О.Э. Ф.М. Достоевский как философ права. Рецензия-размышление по поводу монографии: А.И. Баstrykin, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права» // Образование и право. 2022. № 10. С. 363–370; Заир Дж.М., Содики Н.Н., Советов Д.И. Рец. на книгу Баstryкина А.И., Исмагилова Р.Ф., Сальникова В.П. – Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) // Юрид. вестник (Российско-Таджикский (славянский) университет. Душанбе). 2022. № 3 (11). С. 85–93; Игнатьева С.В., Кузнецова Э.В., Советов Д.И. Философские взгляды и вклад Ф.М. Достоевского в развитие политico-правовой

¹⁰ Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1. С. 32.

¹¹ См.: Александров А.И., Богатырев Д.К. Истина философии и идея права: проблема единства // Государство и право. 2022. № 9. С. 22–39.

она вышла вторым дополненным изданием¹⁶. Здесь авторы на базе ранее опубликованных статей¹⁷ систематически развивают тот вывод, к которому они пришли в своих более ранних произведениях: «традицию понимания гармонии мира как абсолютного добра – традицию, связующую между собой наследие античности с его идеей абсолютного добра, патристикой с ее опытом теодицеи и философию субъективности Нового времени – как раз и продолжает великий русский писатель. При этом он заостряет ее до последнего возможного предела, ставя вопрос о значении и смысле гармонии абсолютного добра для каждого отдельного человека, для его субъективности и для утверждения его свободы» (Идея Добра... с. 322).

Понятие «абсолютного добра», как оно трактуется Достоевским, авторы монографий разрабатывают в пересечении таких фундаментальных категорий, как «бытие», «идея Бога», «свобода», «жизнь», «человек», «народ». Судя по полноте источников, приведенных в работе, авторы опираются буквально на весь корпус текстов Ф.М. Достоевского, включая «Дневник писателя», письма, записные книжки и подготовительные материалы. На этой базе они реконструируют понимание Достоевским сути и смысла

мысли России: прошлое и настоящее. Рец. на книгу Баstryкина А.И., Исмагилова Р.Ф., Сальникова В.П. «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права» (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / вступ. слово А.И. Александрова; Следственный комитет Российской Федерации. – СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 380 с. (Серия: «Наука и общество») // Юрид. наука: история и современность. 2022. № 5. С. 188–195; Кийко А.Ю., Крижановская Г.Н., Хабибулин А.Г. Философия права Ф.М. Достоевского. Рец. на монографию А.И. Баstryкина, Р.Ф. Исмагилова и В.П. Сальникова «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / вступ. ст. А.И. Александрова. – СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 388 с. // Юрид. наука: история и современность. 2022. № 2. С. 187–194; Кириленко В.П., Мишальченко Ю.В., Довбуш Т.Н. Рец. на монографию «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) // Управленческое консультирование. 2022. № 8 (164). С. 161–165; Масленников Д.В., Жданов Ю.Н. Достоевский и философия права в России: идея Бога и идея свободы в Царстве Абсолютного Добра. Размышления над одной книгой // Русская философия. 2022. Вып. 1 (3). С. 83–93.

¹⁶ См.: Баstryкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / вступ. слово А.И. Александрова. 2-е изд., исп., доп. СПб., 2023 (Сер.: «Наука и общество»).

¹⁷ См.: Баstryкин А.И., Сальников В.П. Идея человека в учении Ф.М. Достоевского о праве и государстве // Вестник Института права Башкирского гос. ун-та. 2021. № 4. С. 9–19; Баstryкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Взаимосвязь идеи абсолютного добра и свободы человека в философии права Ф.М. Достоевского // Юрид. наука: история и современность. 2021. № 6. С. 176–181; Их же. Идея абсолютного Добра в философии права Достоевского: ее актуальность в контексте конституционных реформ // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / отв. ред. Н. В. Ямалетдинова. Уфа, 2021. С. 67–76; Их же. Идея права нового времени и философское наследие Ф.М. Достоевского: мировоззренческая оппозиция двух моделей // Правовое государство в современном мире: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 18 мая 2021 г.) / отв. ред. Н. В. Ямалетдинова. Уфа, 2021. С. 74–85; Их же. Творческое наследие Ф.М. Достоевского в современной европейской философии: поиск путей преодоления духовного отчуждения человека // Юрид. наука: история и современность. 2020. № 6. С. 170–177; Их же. Философия права Ф.М. Достоевского и система нравственно-правовых ценностей народов России в XXI столетии // Юрид. наука: история и современность. 2020. № 9. С. 168–181; Их же. Человек и народ как высшие ценности в философии права Ф.М. Достоевского // Юрид. наука: история и современность. 2021. № 3. С. 165–172; Баstryкин А.И., Сальников В.П., Захарцев С.И. Система нравственно-правовых ценностей в наследии Ф.М. Достоевского // Юрид. орбита. 2021. № 1. С. 32–37.

абсолютного добра как высшей идеи бытия и одновременно как высшей идеи свободы¹⁸.

В своем исследовании А.И. Баstryкин, Р.Ф. Исмагилов и В.П. Сальников подводят читателя к пониманию того, что истину абсолютного добра философ связывал не с абстрактными рассуждениями, а с глубокой и искренней религиозной верой, ведущей человека ко Христу: «Вопрос о сущности и смысле бытия, по Достоевскому, не решается человеком вне отношения к Богу, отношения религиозного и аксиологического одновременно» (Идея Добра... с. 199). Здесь для Ф.М. Достоевского концентрируются важнейшие вопросы, на решении которых должна основываться и наша национальная философия права: о синтезе единого и многоного в онтологическом и в этическом плане, о личной ответственности человека перед Богом за всех людей, о сочетании моральной и правовой ответственности, о преступлении и возможности последующего покаяния. А также связанные с ними более частные, «специальные», вопросы, которым посвящено немало страниц в текстах писателя: вопросы взаимосвязи греха и преступления, вопросы нравственной ответственности судьи и адвоката, вопросы личной вины преступника и искупления этой вины в единстве с землей и с «миром».

Фундаментальное значение для их решения, как было показано в монографии, имела идея бессмертия души, актуализирующая связь вечного и земного. Именно посредством связи с идеей бессмертия души в творчестве Ф.М. Достоевского сопрягалась идея абсолютного добра, идея сущностной свободы человека и идея права (Идея Добра... с. 222–235). «А высшая идея на земле лишь одна, – цитируют авторы монографии Ф.М. Достоевского, – и именно – идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные “высшие” идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из нее одной вытекают»¹⁹. В трактовке авторов рецензируемой работы, опыт обоснования права, исходя из идеи бессмертия души и всеобщей взаимной ответственности людей, намеченный Ф.М. Достоевским, более глубок, перспективен и в конечном счете более истинен, чем социальный атомизм, лежащий в основе теории общественного договора Гоббса и ее последующих трансформаций в духе правового и политического либерализма.

Исходя из этих философских и в какой-то мере богословских предпосылок, в монографии было показано, что право и государство понимались Ф.М. Достоевским прежде всего как выражение высшей нравственной идеи, в конечном счете – все той же идеи абсолютного добра, истинный смысл которой, по мысли писателя, раскрывается только нравственным творчеством народа в течение его исторического бытия. Поэтому наследие Ф.М. Достоевского может составить исходную точку построения национальной суверенной философии права, с установкой на развитие понятия права из идеи абсолютного добра, сопряженной с идеей сущностной свободы человека: «именно идея блага, абсолютного добра, является тем, что опосредует связь абсолюта с личностью, правом и государством. Отныне любая философско-правовая и этическая теория, независимо от ее трактовки абсолюта, именно через идею блага вводит то абсолютное содержание, без которого невозможно помыслить право» (Идея Добра... с. 287).

Как представляется, авторы обеих рецензируемых работ выполнили ту задачу, которую они перед собой поставили. Не ошибусь, если скажу, что мы имеем дело с такими разработками философско-правовой проблематики, которые

¹⁸ См.: Масленников Д.В., Жданов Ю.Н. Указ. соч. С. 83–93.

¹⁹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 24. Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь–декабрь. Л., 1982. С. 48.

по своей глубине можно поставить в один ряд с трудами В.Н. Жукова, В.С. Нерсесянца, Д.А. Керимова, О.Э. Лейста, Е.А. Фроловой.

«Логос права...» и «Идея Добра...» по содержанию, по общетеоретическим и методологическим основаниям и самое главное – по своему композиционному единству являются единым философско-правовым трудом, результатом общей многолетней работы коллектива петербургских ученых, отраженной ранее в их многочисленных публикациях: книгах, учебниках, коллективных монографиях, лекционных курсах, статьях. Речь идет прежде всего о таких ученых, как С.И. Захарцев, Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, которые осуществляли эти разработки при активном участии и руководстве известного ученого, философа и теоретика права, крупного организатора науки В.П. Сальникова. Значительный вклад в осмысление нравственных оснований права при подготовке второй части дилогии и предшествовавших ее публикаций научных статей внес проф. А.И. Баstryкин, с которым проф. В.П. Сальников вел совместную научную работу еще в период его работы в Санкт-Петербургском государственном университете и в других вузах северной столицы.

* * *

Таким образом, обе рецензируемые книги должны рассматриваться и изучаться как своего рода научная дилогия: «Логос права...» устанавливает общие теоретико-методологические начала суверенной философии права, «Идея Добра...» развивает эти начала на основе традиции осмыслиения религиозно-нравственных ценностей народов России. Идейно работы объединяет общая трактовка предмета философии, понимание роли нравственных традиций, веры, Русской Православной Церкви в укреплении государственного суверенитета и в развитии права в России.

На наш взгляд, труд авторского коллектива под руководством проф. В.П. Сальникова должен быть по достоинству оценен не только научным сообществом, но и государством, которое должно увидеть в нем теоретическое основание для разработки суверенной правовой идеологии России. Поэтому можно пожелать настоящим и будущим читателям этих книг вдумчивого и заинтересованного изучения, а авторам – продолжения их научной работы, столь же успешной, сколь же актуальной в современных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). 2-е изд., перераб. и доп. / вступ. слово к 1-му изд. Д.А. Керимова. СПб., 2020.
2. Александров А.И., Богатырев Д.К. Истина философии и идея права: проблема единства // Государство и право. 2022. № 9. С. 22–39.
3. Алиев Я.Л., Воронков К.И., Числов А.И. Идея добра в интерпретации Ф.М. Достоевского и в контексте философии права: презентация-рецензия монографии А.И. Баstryкина, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права». – СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 380 с. – (Серия: «Наука и общество») // Юрид. наука: история и современность. 2022. № 1. С. 186–193.
4. Антонов И.А. Идеи добра и свободы, нравственности и права: рецензия на книгу А.И. Баstryкина, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права». – СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 380 с. // Правда и закон. 2022. № 1 (19). С. 77–84.
5. Баstryкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Взаимосвязь идеи абсолютного добра и свободы человека в философии права Ф.М. Достоевского // Юрид. наука: история и современность. 2021. № 6. С. 176–181.
6. Баstryкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея абсолютного Добра в философии права Достоевского: ее актуальность в контексте конституционных реформ // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. Уфа, 2021. С. 67–76.
7. Баstryкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / вступ. слово А.И. Александрова. СПб., 2021 (Сер.: «Наука и общество»). С. 199, 222–235, 287, 322.
8. Баstryкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / вступ. слово А.И. Александрова. 2-е изд., исп., доп. СПб., 2023 (Сер.: «Наука и общество»).
9. Баstryкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея права нового времени и философское наследие Ф.М. Достоевского: мировоззренческая оппозиция двух моделей // Правовое государство в современном мире: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 18 мая 2021 г.) / отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. Уфа, 2021. С 74–85.
10. Баstryкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Творческое наследие Ф.М. Достоевского в современной европейской философии: поиск путей преодоления духовного отчуждения человека // Юрид. наука: история и современность. 2020. № 6. С. 170–177.
11. Баstryкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия права Ф.М. Достоевского и система нравственно-правовых ценностей народов России в XXI столетии // Юрид. наука: история и современность. 2020. № 9. С. 168–181.
12. Баstryкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Человек и народ как высшие ценности в философии права Ф.М. Достоевского // Юрид. наука: история и современность. 2021. № 3. С. 165–172.
13. Баstryкин А.И., Сальников В.П. Идея человека в учении Ф.М. Достоевского о праве и государстве // Вестник Института права Башкирского гос. ун-та. 2021. № 4. С. 9–19.
14. Баstryкин А.И., Сальников В.П., Захарцев С.И. Система нравственно-правовых ценностей в наследии Ф.М. Достоевского // Юрид. орбита. 2021. № 1. С. 32–37.
15. Денисова А.В., Гутман М.Ю., Игнатьева С.В. Принципиальное влечение идеального содержания произведений Ф.М. Достоевского на философию права. Рецензия-презентация монографии А.И. Баstryкина, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права» (к 200-летию Ф.М. Достоевского) // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10 (214). С. 24–27.
16. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 24. Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь–декабрь. Л., 1982. С. 48.
17. Захарцев С.И., Коваленко В.И., Старовойтова О.Э. Ф.М. Достоевский как философ права. Рецензия-размышление по поводу монографии: А.И. Баstryкин, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права» // Образование и право. 2022. № 10. С. 363–370.
18. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М., 2019. С. 4, 17, 67, 72–74.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука. М., 2019.

20. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия права. Юридическая наука. М., 2015.
21. *Зоир Дж. М., Содики Н.Н., Советов Д.И.* Рец. на книгу Баstryкина А.И., Исмагилова Р.Ф., Сальникова В.П. – Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) // Юрид. вестник (Российско-Таджикский (славянский) университет. Душанбе). 2022. № 3 (11). С. 85–93.
22. *Игнатьева С.В., Кузнецов Э.В., Советов Д.И.* Философские взгляды и вклад Ф.М. Достоевского в развитие политico-правовой мысли России: прошлое и настоящее. Рец. на книгу Баstryкина А.И., Исмагилова Р.Ф., Сальникова В.П. «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права» (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / вступ. слово А.И. Александрова; Следственный комитет Российской Федерации. – СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 380 с. (Серия: «Наука и общество») // Юрид. наука: история и современность. 2022. № 5. С. 188–195.
23. *Исмагилов Р.Ф.* Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: курс лекций / вступ. ст. В.П. Сальникова и Д.В. Масленникова. СПб., 2017 (Сер.: «Наука и общество»).
24. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX–XXI вв.). СПб., 2017.
25. История философии права / отв. ред.: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. СПб., 1998.
26. *Керимов А.Д., Масленников Д.В.* Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4 (33). С. 14–18.
27. *Кийко А.Ю., Крижановская Г.Н., Хабибулин А.Г.* Философия права Ф.М. Достоевского. Рец. на монографию А.И. Баstryкина, Р.Ф. Исмагилова и В.П. Сальникова «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / вступ. ст. А.И. Александрова. – СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 388 с. // Юрид. наука: история и современность. 2022. № 2. С. 187–194.
28. *Кириленко В.П., Мишальченко Ю.В., Довбуш Т.Н.* Рец. на монографию «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского)» // Управленческое консультирование. 2022. № 8 (164). С. 161–165.
29. *Масленников Д.В., Жданов Ю.Н.* Достоевский и философия права в России: идея Бога и идея свободы в Царстве Абсолютного Добра. Размышления над одной книгой // Русская философия. 2022. Вып. 1 (3). С. 83–93.
30. *Михайловский И.В.* Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1. С. 32.
31. *Новгородцев П.И.* О своеобразных элементах русской философии права // История философии права / отв. ред.: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. СПб., 1998. С. 510.
32. *Покровский И.Ф., Степашин С.В., Масленников Д.В.* Идея справедливости как онтологическое основание права: новые исследования петербургских правоведов. Рец. на монографию: Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников «Право и справедливость: исторические традиции и современные модели» (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX–XXI вв.). – СПб.: Фонд «Университет», 2017. 324 с. (Серия: «Наука и общество») // Юрид. наука: история и современность. 2017. № 3. С. 186–192.
33. Русская философия права: философия веры и нравственности: антология / сост.: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; предисл. А.А. Королькова. СПб., 1997.
34. *Степашин С.В., Масленников Д.В.* Философия права и компрехендная теория права. Рец. на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юрид. наука. 2016. № 4. С. 177–179.
35. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* The logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The speculative and logical foundations of the metaphysics of law. London, 2021.
36. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne, 2018.

REFERENCES

1. *Aleksandrov A.I.* Philosophy of evil and philosophy of crime (issues of philosophy of law, criminal policy and criminal procedure). 2nd ed., reprint and add. / intro. the word to the 1st ed. of D.A. Kerimov. SPb., 2020 (in Russ.).
2. *Aleksandrov A.I., Bogatyrev D.K.* The truth of philosophy and the idea of law: the problem of unity // State and Law. 2022. No. 9. Pp. 22–39 (in Russ.).
3. *Aliyev Ya. L., Voronkov K.I., Chislov A.I.* The idea of Goodness in the interpretation of F.M. Dostoevsky and in the context of Philosophy of Law: presentation-review of the monograph by A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov “The idea of Goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of Philosophy of Law”. – St. Petersburg: The University Foundation, 2021. – 380 pp. – (Series: “Science and society”) // Legal science: history and modernity. 2022. No. 1. Pp. 186–193 (in Russ.).
4. *Antonov I.A.* Ideas of Goodness and freedom, morality and law: a review of the book by A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov “The idea of Goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the Philosophy of Law”. – St. Petersburg: The University Foundation, 2021. – 380 pp. // Pravda and the Law. 2022. No. 1 (19). Pp. 77–84 (in Russ.).
5. *Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* Interrelation of the idea of absolute Goodness and human freedom in the Philosophy of Law by F.M. Dostoevsky // Legal Science: history and modernity. 2021. No. 6. Pp. 176–181 (in Russ.).
6. *Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* The idea of absolute Goodness in Dostoevsky’s Philosophy of Law: its relevance in the context of constitutional reforms // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ufa, March 24, 2021) / ed. by N.V. Yamaletdinova. Ufa, 2021. Pp. 67–76 (in Russ.).
7. *Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* The idea of Goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the Philosophy of Law (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky) / intro. the word of A.I. Aleksandrov. SPb., 2021 (Series: “Science and Society”). Pp. 199, 222–235, 287, 322 (in Russ.).
8. *Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* The Idea of Goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the Philosophy of Law (to 200th the anniversary of F.M. Dostoevsky) / intro. by A.I. Aleksandrov. 2nd ed., rev. and exp. SPb., 2023 (Series: “Science and Society”) (in Russ.).
9. *Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* The idea of modern law and the philosophical legacy of F.M. Dostoevsky: the ideological opposition of two models // The Rule of Law in the modern world: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference (Ufa, May 18, 2021) / ed. by N.V. Yamaletdinova. Ufa, 2021. Pp. 74–85 (in Russ.).
10. *Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* The creative legacy of F.M. Dostoevsky in modern European philosophy: the search for ways to overcome spiritual alienation of man // Legal science: history and modernity. 2020. No. 6. Pp. 170–177 (in Russ.).

11. *Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* F.M. Dostoevsky's Philosophy of law and the system of moral and legal values of the peoples of Russia in the XXI century // Legal science: history and modernity. 2020. No. 9. Pp. 168–181 (in Russ.).
12. *Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* Man and the people as the highest values in the Philosophy of Law by F.M. Dostoevsky // Legal science: history and modernity. 2021. No. 3. Pp. 165–172 (in Russ.).
13. *Bastrykin A.I., Salnikov V.P.* The idea of man in the teachings of F.M. Dostoevsky on law and the state // Herald of the Institute of Law of the Bashkir State University. 2021. No. 4. Pp. 9–19 (in Russ.).
14. *Bastrykin A.I., Salnikov V.P., Zakhartsev S.I.* The system of moral and legal values in the legacy of F.M. Dostoevsky // Legal the orbit. 2021. No. 1. Pp. 32–37 (in Russ.).
15. *Denisova A.V., Gutman M.Yu., Ignatieva S.V.* The fundamental influence of the ideological content of F.M. Dostoevsky's works on the Philosophy of Law. Review-presentation of the monograph by A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov "The idea of Goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the Philosophy of Law" (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky) // Law and the State: Theory and Practice. 2022. No. 10 (214). Pp. 24–27 (in Russ.).
16. *Dostoevsky F.M.* Complete collection of works: in 30 vols. Vol. 24. The writer's diary for 1876. November–December. L., 1982. P. 48 (in Russ.).
17. *Zakhartsev S.I., Kovalenko V.I., Starovoitova O.E.* F.M. Dostoevsky as a philosopher of law. Review-reflections on the monograph: A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov "The idea of Goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the Philosophy of Law" // Education and Law. 2022. No. 10. Pp. 363–370 (in Russ.).
18. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. To the question of the speculative-logical foundations of the metaphysics of law. M., 2019. Pp. 4, 17, 67, 72–74 (in Russ.).
19. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Philosophy and legal science. M., 2019 (in Russ.).
20. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Philosophy. The Philosophy of Law. Legal science. M., 2015 (in Russ.).
21. *Zoir J.M., Sodiki N.N., Soviets D.I.* Review of the book by Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. – The Idea of Goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of Philosophy of Law (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky) // Legal herald (Russian-Tajik (Slavic) University. Dushanbe). 2022. No. 3 (11). Pp. 85–93 (in Russ.).
22. *Ignatieva S.V., Kuznetsov E.V., Svetov D.I.* Philosophical views and F.M. Dostoevsky's contribution to the development of political and legal thought in Russia: past and present. Review of the book by Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. "The idea of Goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on development Philosophy of Law" (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky) / intro. by A.I. Aleksandrov; The Investigative Committee of the Russian Federation. – St. Petersburg: University Foundation, 2021. – 380 pp. (Series "Science and Society") // Legal science: history and modernity. 2022. No. 5. Pp. 188–195 (in Russ.).
23. *Ismagilov R.F.* The philosophical legacy of F.M. Dostoevsky and his influence on the development of the Philosophy of Law: course of lectures / intro. articles by V.P. Salnikov and D.V. Maslennikov. SPb., 2017 (Series "Science and Society") (in Russ.).
24. *Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* Law and justice: historical traditions and modern models (Historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the XX–XXI centuries). SPb., 2017 (in Russ.).
25. History of Philosophy of Law / ed.: A.P. Albov, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov. SPb., 1998 (in Russ.).
26. *Kerimov A.D., Maslennikov D.V.* Scientific work of St. Petersburg jurists in the perspective of the sovereign Philosophy of Law // Monitoring of law enforcement. 2019. No. 4 (33). Pp. 14–18 (in Russ.).
27. *Kiiko A. Yu., Krizhanovskaya G.N., Khabibulin A.G.* Philosophy of Law by F.M. Dostoevsky. Reference to the monograph by A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov and V.P. Salnikov "The idea of Goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the Philosophy of Law (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky) / intro. by A.I. Aleksandrov. – St. Petersburg: The University Foundation, 2021. – 388 pp. // Legal science: history and modernity. 2022. No. 2. Pp. 187–194 (in Russ.).
28. *Kirilenko V.P., Mishalchenko Yu. V., Dovbush T.N.* Review of the monograph "The idea of Goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of Philosophy of Law (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky)" // Managerial consulting. 2022. No. 8 (164). Pp. 161–165 (in Russ.).
29. *Maslennikov D.V., Zhdanov Yu.N.* Dostoevsky and the Philosophy of Law in Russia: the idea of God and the idea of freedom in the Realm of Absolute Goodness. Reflections on a book // Russian Philosophy. 2022. Iss. 1 (3). Pp. 83–93 (in Russ.).
30. *Mikhailovsky I.V.* Essays on the Philosophy of Law. Tomsk, 1914. Vol. 1. P. 32 (in Russ.).
31. *Novgorodtsev P.I.* On the peculiar elements of the Russian Philosophy of Law // The History of Philosophy of Law / ed.: A.P. Albov, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov. SPb., 1998. P. 510 (in Russ.).
32. *Pokrovsky I.F., Stepashin S.V., Maslennikov D.V.* The idea of justice as the ontological basis of law: new research by St. Petersburg jurists. Reference to the monograph: R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov "Law and Justice: historical traditions and modern models" (Historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship of the idea of law and the ideas of justice in the XX–XXI centuries). – St. Petersburg: University Foundation, 2017. 324 p. (Series: "Science and Society") // Legal science: history and modernity. 2017. No. 3. Pp. 186–192 (in Russ.).
33. Russian Philosophy of Law: philosophy of faith and morality: an anthology / comp.: A.P. Albov, D.V. Maslennikov, A.I. Chislov, S.V. Filippova; preface by A.A. Korolkov. SPb., 1997 (in Russ.).
34. *Stepashin S.V., Maslennikov D.V.* Philosophy of Law and comprehensive theory of law. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. The Philosophy of Law. Legal science". Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 pp. // Legal Science. 2016. No. 4. Pp. 177–179 (in Russ.).
35. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* The logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The speculative and logical foundations of the metaphysics of law. London, 2021.
36. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne, 2018.

Сведения об авторе

СТЕПАШИН Сергей Вадимович –
доктор юридических наук, профессор,
Председатель Императорского Православного
Палестинского общества, Председатель
Ассоциации юристов России; 101000 г. Москва,
ул. Мясницкая, д. 24/7, стр. 1, под. 8

Authors' information

STEPASHIN Sergey V. –
Doctor of Law, Professor,
Chairman of the Imperial Orthodox the Palestinian
Society, Chairman of the Association of Lawyers
of Russia; 24/7, bld. 1, entrance 8,
Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

УДК 340

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ИДЕИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

А.И. Баstrykin, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников. ИДЕЯ ДОБРА
В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФИИ ПРАВА
(к 200-летию Ф.М. Достоевского) / вступ. слово А.И. Александрова.
2-е изд., испр. и доп. СПб.: Фонд «Университет», 2023. – 456 с.
(Серия «Наука и общество»)

© 2024 г. Н. И. Полищук^{1, *}, Р. В. Зелепукин^{2, **}, Н. В. Кроткова^{3, ***}

¹Академия ФСИН России, г. Рязань

²Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

³Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: nik-polishchuk@yandex.ru

**E-mail: lexcomlex@yandex.ru

***E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.04.2024 г.

Аннотация. В представленной рецензии авторами дается доктринальная содержательная характеристика актуальных идей и научных положений монографии А.И. Баstryкина, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского)». Отмечается, что данный научный труд посвящен комплексу актуальных сегодня философско-правовых проблем, связанных с пониманием добра и зла. До настоящего времени эта тема не нашла своего достойного философского и историко-правового обоснования, а также однозначного восприятия и толкования как среди ученых, так и различных социальных групп российского общества. Авторы рецензии отмечают позитивность появления второго издания монографии для науки и практики, а также то, что указанная работа вновь поднимает традиционные для отечественной интеллигенции вопросы в философско-правовом дискурсе.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, философия права, добро и справедливость, морально-нравственные вызовы, свобода личности, воздаяние.

Цитирование: Полищук Н.И., Зелепукин Р.В., Кроткова Н.В. Философско-правовые идеи Ф.М. Достоевского в современной правовой доктрине

А.И. Баstrykin, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников. Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / вступ. слово А.И. Александрова. 2-е изд., испр. и доп. // Государство и право. 2024. № 4. С. 94–101.

DOI: 10.31857/S1026945224040072

PHILOSOPHICAL AND LEGAL IDEAS OF F.M. DOSTOEVSKY IN MODERN LEGAL DOCTRINE

**A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov. THE IDEA OF GOODNESS
IN THE WORKS OF F.M. DOSTOEVSKY AND ITS INFLUENCE
ON THE DEVELOPMENT OF THE PHILOSOPHY OF LAW
(to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky) / opening speech
by A.I. Aleksandrov. 2nd, rev. and exp.
St. Petersburg: University Foundation, 2023. – 456 pp.
(Series “Science and Society”)**

© 2024 N. I. Polishchuk^{1, *}, R. V. Zelepukin^{2, **}, N. V. Krotkova^{3, ***}

¹*Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan*

²*Derzhavin Tambov State University*

³*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

*E-mail: nik-polishchuk@yandex.ru

**E-mail: lexcomlex@yandex.ru

***E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 02.04.2024

Abstract. In the presented review, the authors provide a doctrinal content characteristic of the current ideas and scientific provisions of the monograph by A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov “The idea of Goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the Philosophy of Law (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky)”. It is noted that this scientific work is devoted to a complex of currently relevant philosophical and legal problems, related to the understanding of goodness and evil. Until now has this topic not found its worthy philosophical and historical-legal justification, as well as unambiguous perception and interpretation both among scientists and among various social groups of Russian society. The authors of the review note that the appearance of the second edition of the monograph is positive for science and practice, and also the fact that this work once again raises questions traditional for the domestic intelligentsia in the philosophical and legal discourse.

Key words: F.M. Dostoevsky, Philosophy of Law, goodness and justice, moral challenges, personal freedom, retribution.

For citation: Polishchuk, N.I., Zelepukin, R.V., Krotkova, N.V. (2024). Philosophical and legal ideas of F.M. Dostoevsky in modern legal doctrine

A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov. The idea of Goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the Philosophy of Law (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky) / opening speech by A.I. Aleksandrov. 2nd, rev. and exp. // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 94–101.

Введение

Познание отечественной правовой идентичности, построение национальной философии права на основе трансляции традиционных духовно-нравственных ценностей – важная задача для сохранения культурного наследия и ценностного суверенитета России¹. Особую актуальность эта задача

и проблемы современного права. Обзор VII Междунар. науч.-практ. конф. «Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако» // Государство и право. 2023. № 10. С. 167–175. DOI: 10.31857/S102694520028159-5; Наумов П.Ю. Подходы к пониманию сущности ценностей и их систем: история и современность // В мире научных открытий. 2012. № 7 (31). С. 192–206; Наумов П.Ю., Новиков Н.С. Понятие ценности и формы ценностных систем // В мире научных открытий. 2015. № 9–4 (69). С. 1355–1360; Их же. Жизнь или смерть: ценностные константы и экзистенциальная миссия «Человека войны» // Там же. С. 1361–1375; Их же. Система ценностей воинской службы и их носители // Там же. С. 1375–1380; Наумов П.Ю., Повшенин Ф.В. Психологическая природа интеллигентности офицера // Вестник Мининского ун-та. 2020. Т. 8. № 2 (31). С. 12. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-2-12; Наумов П.Ю. Психологическая структура интеллигентности будущего офицера: системный подход и междисциплинарный анализ // Вестник Мининского ун-та. 2021. Т. 9. № 2 (35). DOI: 10.26795/2307-1281-2021-9-2-10

приобретает в условиях нарастания вызовов и угроз, а также беспрецедентного санкционного давления и фактического ведения в отношении нашей страны информационно-психологической борьбы, целью которой является подрыв устойчивости национального самосознания². В названных условиях продолжение изысканий в области аксиологической природы и содержания отечественного права есть один из культурно-исторических инструментов поддержки национального самосознания³.

Исследуя философско-правовое творческое наследие наших великих соотечественников, направленное на совершенствование и развитие российского общества и государства, можно сделать вывод, что они всегда стремились глубоко и всесторонне познать морально-нравственные вызовы личности, предъявляемые обществу и государству в контексте сохранения национальной идентичности и единства интересов, выражавшихся в конфликте добра и зла, установлении границ и последствий поступков, сочетании их нравственных, этических, духовных и правовых в их оценке как со стороны общества и государства, так и внутреннего отношения индивидуума к происходящему, в том числе к осмыслиемому, планируемому, сделанному. Каждый их труд приносил и продолжает приносить мировой цивилизации интеллектуально-ценностное наследие, передающееся из поколения в поколение.

Опубликованная Фондом поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет» в 2021 г. монография «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии

² См.: Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г. и др. Право в точке bifurcation: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2; Наумов П.Ю. Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации современного миропорядка // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2 (65). С. 207–218. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218; Холиков И. Распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний как глобальный вызов современности // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2 (59). С. 27–40. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-27-40; Холиков И.В., Милованович А., Наумов П.Ю. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал росс. права. 2022. Т. 26. № 11. С. 132–148. DOI: 10.12737/jrl.2022.122; Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Зелепукин Р.В. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Юирнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) // Государство и право. 2022. № 10. С. 51–62. DOI: 10.31857/S102694520021788-7; Холиков И.В., Шепель Р.Н., Николаев И.И. Вопросы нормативно-правового регулирования химической и биологической безопасности // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63. № 6. С. 406–416. DOI: 10.31089/1026-9428-2023-63-6-406-416

³ См.: Кроткова Н.В. Экспертный «круглый стол» «Идеи евразийства в российском праве: теоретико-философские основания и практика реализации» // Государство и право. 2023. № 1. С. 178–193. DOI: 10.31857/S102694520024145-0; Кроткова Н.В., Орехова Т.Р. Международная науч.-практ. конф. «Традиционные духовно-нравственные ценности как основа правового развития в XXI веке» // Государство и право. 2023. № 3. С. 188–200. DOI: 10.31857/S102694520024824-7; Наумов П.Ю., Захарцев С.И., Холиков И.В., Большакова В.М. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права») // Государство и право. 2023. № 9. С. 64–72. DOI: 10.31857/S102694520024304-5; Чукин С.Г., Наумов П.Ю. Справедливость сегодня: нелегкий выбор между распределением и признанием. Статья первая // Идеи и идеалы. 2015. Т. 1. № 2 (24). С. 46–58. DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.1-46-58; Их же. Указ. соч. Статья вторая // Идеи и идеалы. 2016. Т. 1. № 3 (29). С. 81–92. DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.1-81-92

права (к 200-летию Ф.М. Достоевского)» под авторством таких известных представителей юридического сообщества, как А.И. Бастрыкин, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников⁴, посвящена одной из самых актуальных проблем, которая до настоящего времени не нашла своего достойного освещения, а также однозначного восприятия и толкования как среди ученых, так и практических работников. Отрадно, что в 2023 г. появилось второе издание данного концептуального труда, которое было исправлено и дополнено⁵. Рецензированию второго издания и посвящена настоящая работа.

Злободневность и своевременность представленной монографии обусловлены обострившимися морально-нравственными вызовами личности, обществу и государству в контексте сохранения национальной идентичности и общности интересов, выражаящимся в конфликте добра и зла, установлении границ и последствий поступков личности в сочетании их этических, духовных и правовых аспектов. В необходимости оценки этого поведения как со стороны общества и государства, так и внутреннего отношения личности к происходящему, в том числе к планируемому, осмыслиемому, сделанному.

Основная часть

Современное Российское государство преодолевает сложный, исторический этап своего эволюционного развития. После нескольких десятилетий псевдодемократических преобразований страна постепенно возвращается в лоно национальных моральных ценностей, наполняются нравственным смыслом правовые нормы, утверждающие гражданский мир и социальное согласие. В этих условиях важное значение приобретают вопросы формирования и закрепления нового юридического мышления, общей и правовой культуры, высокого профессионализма, чувства законности и справедливости, демократии, сопряженных с ответственностью как личности, так и государства. Следует согласиться с авторами, что «сегодня мы вполне ясно видим, что без современной российской правовой идеологии и без ее научной и мировоззренческой основы – суверенной философии права – вся система суверенитета российского общества и государства будет уязвима для внешнего влияния».

Особо необходимо отметить бережное и уважительное отношение авторов к творческому наследию, содержащемуся в философско-правовых идеях Ф.М. Достоевского, отраженных в изысканиях об онтологических основаниях права в его философии⁶, о месте и значении представлений Ф.М. Достоевского о правосудии в русской философии XIX в.⁷, о свободе как конкретности идеи абсолют-

⁴ См.: Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / вступ. слово А.И. Александрова. СПб., 2021.

⁵ См.: Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / вступ. слово А.И. Александрова. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2023.

⁶ См.: Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф.М. Достоевского // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 157–170.

⁷ См.: Яшин А.Н. Идея правосудия Ф.М. Достоевского в основе русской философии права XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (56): в 2 ч. Ч. II. С. 216–219.

ногого добра⁸, нравственно-правовой самоорганизации личности и интуиции⁹. Это обстоятельство придает монографии особую ценность, поскольку, чтобы лучше понять происходящее сейчас, мы должны внимательно взглянуться в прошлое, еще раз оценить интеллектуальный багаж наших предшественников, заимствовать у них все лучшее, что было познано и выражено в отечественной философско-правовой мысли.

В работе рассмотрен обширный круг национальных и зарубежных доктринальных источников, анализ которых позволил авторам досконально исследовать круг проблемных вопросов, требующих самостоятельного теоретического осмысливания, а также предложить свое видение проблем. В этом ключе следует согласиться с мнением, высказанным в научной литературе, что «анализируя правовые явления, Ф. М. Достоевский рассматривает нормативную природу права и экзистенциональную сущность личности на предмет их соответствия, определяя при этом границы правового бытия личности, пытаясь разгадать и объяснить метафизические основания общественно опасных человеческих деяний»¹⁰. Это изначально расширяет и выводит за стандартные границы сугубо теоретико-правовой или узкоотраслевой концепции воззрения Ф. М. Достоевского, воплощающиеся в междисциплинарном доктринальном взаимодействии и осмысливании со стороны не только философии и юриспруденции, но и (что даже оказывается более очевидным) литературоведения, психологии и истории, передавая посредством художественных замыслов современность существовавшей тогда эпохи, включая психологическое состояние личности как части общества и самого общества, которое может быть противопоставлено ей.

На этом фоне в философско-правовом научном сообществе наблюдается существенное влияние рассматриваемой монографии на познание истинной ценности творческого наследия Ф. М. Достоевского. Как представляется, данный феномен объясняется предпринятой попыткой раскрыть его философско-правовые взгляды сквозь призму измерения права и идентификации его начал не через его нормативистскую сущность, а исходя из духовно-нравственных начал и функций права, характеризуя его системные связи с национальной идентичностью, включая исторический путь государственности и самоопределения, социальный опыт и личности, и общества и их взаимодействия в вопросах свободы и справедливости в целом, а также преступления и наказания в частности, осмысливания психологической роли воздействия за совершенное посредством способности к самопокаянию.

Влияние монографии наглядно прослеживается в большом отклике научного сообщества в виде изданных ранее

⁸ См.: Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского // Мониторинг правоприменения. 2020. № 1 (34). С. 4–7.

⁹ См.: Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Нравственно-правовая самоорганизация личности и интуиция // Юрид. наука: история и современность. 2017. № 2. С. 168–178.

¹⁰ Яшин А.Н. Указ. соч. Ч. II. С. 217.

рецензий как на первое издание¹¹, так и на второе¹². Более того, исследуемая работа является доктринальным продолжением курса лекций одного из соавторов монографии – Р.Ф. Исмагилова «Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права»¹³.

К позитивным моментам следует отнести и то, что в работе на основании детального анализа различных научных трудов и субъективных позиций иных исследователей происходит углубленное осмысливание взаимодействия права с духовно-нравственными началами общества. Это приводит авторов к одному из выводов, который уже отмечался в научной литературе – «попытка жить по законам rationalности не освобождает человека от необходимости подчиняться силе нравственных устоев человека и общества»¹⁴. Здесь можно проследить причину и следствие нравственности, в том числе исходя из правовых начал: «Нравственные или безнравственные всегда конкретные люди, а не общество, то есть нравственная атмосфера общества определяется тем, что есть в душах людей»¹⁵.

На страницах монографии авторы справедливо отмечают, что в «философии Достоевского мы видим четко проведенную мыслительную линию, соединяющую грехопадение с преступлением. И именно в этом контексте мыслитель решает вопрос о преодолении преступления». По его мнению, человек должен осознать свою греховность, понять негативное содержание своего преступления и полностью ответить за него (с. 228). Нигилистическим трактовкам преступления Достоевский противопоставляет положительное решение вопроса. Если в мировой гармонии заложена высшая идея нравственной справедливости, то нарушение свободным

¹¹ См., напр.: Алиев Я.Л., Воронков К.И., Числов А.И. Идея добра в интерпретации Ф.М. Достоевского и в контексте философии права: презентация-рецензия монографии А.И. Баstryкина, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права», – СПб.: Фонд «Университет», 2021. 380 с. (Серия: «Наука и общество») // Юрид. наука: история и современность. 2022. № 1. С. 186–193; Денисова А.В., Гутман М.Ю., Иванатцева С.В. Принципиальное влияние идейного содержания произведений Ф.М. Достоевского на философию права. Рецензия-презентация монографии А.И. Баstryкина, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права» (к 200-летию Ф.М. Достоевского) // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10 (214). С. 24–27; Захарцев С.И., Коваленко В.И., Старовойтова О.Э. Ф.М. Достоевский как философ права. Рецензия-размышление по поводу монографии: А.И. Баstryкин, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права» // Образование и право. 2022. № 10. С. 363–370.

¹² См.: Дахин А.В., Большакова В.М. Обобщение концептуальных оснований отечественной философии права. Рецензия на монографию «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / А.И. Баstryкин, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников. СПб.: 2023. 456 с.» // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12. № 7А. С. 152–161. DOI: 10.34670/AR.2023.45.63.013; Землин А.И., Баэр生生 Е.Г., Бальчугов С.Г. Актуальные направления развития отечественных правовых идей: заметки на полях монографии «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского)» // Военное право. 2023. № 5 (81). С. 159–163.

¹³ Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: курс лекций / вступ. ст. В.П. Сальникова и Д.В. Масленникова. СПб., 2017 (Сер. «Наука и общество»).

¹⁴ Захарцев С.И., Коваленко В.И., Старовойтова О.Э. Указ. соч. С. 366.

¹⁵ Там же.

и разумным человеком есть его преступление и грех, несущий в себе определенный «разрыв бытия» (с. 234).

Особый интерес представляет последовательная, аргументированная позиция авторов, просматривающаяся на страницах монографии, что «идея конкретного единства Абсолютного Добра и позитивной ценности абсолютной свободы, идея, в которой вера и философское мышление опосредуют друг друга и слиты воедино, является стержнем мировоззрения Достоевского» (с. 187), на что уже обращалось внимание в научной литературе¹⁶.

Выводы

Развитие и системно-логическое вкрапление философско-правовых идей Ф.М. Достоевского в юридическую науку и образование позволит обеспечить доктринальную основу, с одной стороны, для подготовки специалистов в области государства и права, с другой – для национальной политики, включающей право как ориентир и базовый элемент идеи Добра и национального единства исходя из духовных начал философии права Ф.М. Достоевского.

Все это подтверждает обоснованность и целесообразность создания ценностно-ориентированной современной правовой идеологии посредством перевода системы традиционных ценностей народов России на язык философского дискурса (с. 323), заданного пронизывающими идеями Добра в трудах Ф.М. Достоевского. Отсюда логично вытекает вывод о поиске основ и формировании суворенной философии права России, которая «должна заключать в себе развитие понятия права из идеи Абсолютного Добра». Осмысление и конкретизация этого заявлены как перспектива дальнейшего изучения авторами монографии тематики суворенной отечественной философии права, где системообразующее место занимает идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев Я.Л., Воронков К.И., Числов А.И. Идея добра в интерпретации Ф.М. Достоевского и в контексте философии права: презентация-рецензия монографии А. И. Баstryкина, Р.Ф. Исмагилова, В. П. Сальникова «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права». – СПб.: Фонд «Университет», 2021. 380 с. (Серия: «Наука и общество») // Юрид. наука: история и современность. 2022. № 1. С. 186–193.
2. Баstrykin A. I., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / вступ. слово А.И. Александрова. СПб., 2021.
3. Баstrykin A. I., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / вступ. слово А.И. Александрова. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2023. С. 187, 228, 234, 323.
4. Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г. и др. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2
5. Дахин А.В., Большакова В.М. Обобщение концептуальных оснований отечественной философии права. Рецензия на монографию «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права» / А.В. Денисова, М.Ю. Гутман, С.В. Игнатьева. Указ. соч. С. 25.
6. Денисова А.В., Гутман М.Ю., Игнатьева С.В. Принципиальное влияние идейного содержания произведений Ф.М. Достоевского на философию права. Рецензия-презентация монографии А.И. Баstryкина, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права» (к 200-летию Ф.М. Достоевского) // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10 (214). С. 24–27.
7. Захарцев С.И., Коваленко В.И., Старовойтова О.Э. Ф.М. Достоевский как философ права. Рецензия-размышление по поводу монографии: А.И. Баstryкин, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права» // Образование и право. 2022. № 10. С. 363–370.
8. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского // Мониторинг правоприменения. 2020. № 1 (34). С. 4–7.
9. Зелепукин Р.В., Холиков И.В., Кроткова Н.В., Землин А.И. Тенденции и проблемы современного права. Обзор VII Междунар. науч.-практ. конф. «Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако» // Государство и право. 2023. № 10. С. 167–175. DOI: 10.31857/S102694520028159-5
10. Землин А.И., Багреева Е.Г., Бальчугов С.Г. Актуальные направления развития отечественных правовых идей: заметки на полях монографии «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского)» // Военное право. 2023. № 5 (81). С. 159–163.
11. Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: курс лекций / вступ. ст. В.П. Сальникова и Д.В. Масленникова. СПб., 2017 (Сер. «Наука и общество»).
12. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Нравственно-правовая самоорганизация личности и интуиция // Юрид. наука: история и современность. 2017. № 2. С. 168–178.
13. Кроткова Н.В. Экспертный «круглый стол» «Идеи евразийства в российском праве: теоретико-философские основания и практика реализации» // Государство и право. 2023. № 1. С. 178–193. DOI: 10.31857/S102694520024145-0
14. Кроткова Н.В., Орехова Т.Р. Межвузовская науч.-практ. конф. «Традиционные духовно-нравственные ценности как основа правового развития в XXI веке» // Государство и право. 2023. № 3. С. 188–200. DOI: 10.31857/S102694520024824-7
15. Наумов П.Ю. Подходы к пониманию сущности ценностей и их систем: история и современность // В мире научных открытий. 2012. № 7 (31). С. 192–206.
16. Наумов П.Ю. Психологическая структура интеллигентности будущего офицера: системный подход и междисциплинарный анализ // Вестник Мининского ун-та. 2021. Т. 9. № 2 (35). DOI: 10.26795/2307-1281-2021-9-2-10
17. Наумов П.Ю. Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации современного миропорядка // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2 (65). С. 207–218. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218
18. Наумов П.Ю., Захарцев С.И., Холиков И.В., Большакова В.М. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права») // Государство и право. 2023. № 9. С. 64–72. DOI: 10.31857/S102694520024304-5

¹⁶ См.: Денисова А.В., Гутман М.Ю., Игнатьева С.В. Указ. соч. С. 25.

влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / А.И. Баstryкин, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников. СПб.: 2023. 456 с.» // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12. № 7А. С. 152–161. DOI: 10.34670/AR.2023.45.63.013

6. Денисова А.В., Гутман М.Ю., Игнатьева С.В. Принципиальное влияние идейного содержания произведений Ф.М. Достоевского на философию права. Рецензия-презентация монографии А.И. Баstryкина, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права» // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10 (214). С. 24–27.
7. Захарцев С.И., Коваленко В.И., Старовойтова О.Э. Ф.М. Достоевский как философ права. Рецензия-размышление по поводу монографии: А.И. Баstryкин, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права» // Образование и право. 2022. № 10. С. 363–370.
8. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского // Мониторинг правоприменения. 2020. № 1 (34). С. 4–7.
9. Зелепукин Р.В., Холиков И.В., Кроткова Н.В., Землин А.И. Тенденции и проблемы современного права. Обзор VII Междунар. науч.-практ. конф. «Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако» // Государство и право. 2023. № 10. С. 167–175. DOI: 10.31857/S102694520028159-5
10. Землин А.И., Багреева Е.Г., Бальчугов С.Г. Актуальные направления развития отечественных правовых идей: заметки на полях монографии «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского)» // Военное право. 2023. № 5 (81). С. 159–163.
11. Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: курс лекций / вступ. ст. В.П. Сальникова и Д.В. Масленникова. СПб., 2017 (Сер. «Наука и общество»).
12. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Нравственно-правовая самоорганизация личности и интуиция // Юрид. наука: история и современность. 2017. № 2. С. 168–178.
13. Кроткова Н.В. Экспертный «круглый стол» «Идеи евразийства в российском праве: теоретико-философские основания и практика реализации» // Государство и право. 2023. № 1. С. 178–193. DOI: 10.31857/S102694520024145-0
14. Кроткова Н.В., Орехова Т.Р. Межвузовская науч.-практ. конф. «Традиционные духовно-нравственные ценности как основа правового развития в XXI веке» // Государство и право. 2023. № 3. С. 188–200. DOI: 10.31857/S102694520024824-7
15. Наумов П.Ю. Подходы к пониманию сущности ценностей и их систем: история и современность // В мире научных открытий. 2012. № 7 (31). С. 192–206.
16. Наумов П.Ю. Психологическая структура интеллигентности будущего офицера: системный подход и междисциплинарный анализ // Вестник Мининского ун-та. 2021. Т. 9. № 2 (35). DOI: 10.26795/2307-1281-2021-9-2-10
17. Наумов П.Ю. Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации современного миропорядка // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2 (65). С. 207–218. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218
18. Наумов П.Ю., Захарцев С.И., Холиков И.В., Большакова В.М. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права») // Государство и право. 2023. № 9. С. 64–72. DOI: 10.31857/S102694520024304-5

19. Наумов П.Ю., Новиков Н.С. Жизнь или смерть: ценностные константы и экзистенциальная миссия «Человека войны» // В мире научных открытий. 2015. № 9–4 (69). С. 1361–1375.
20. Наумов П.Ю., Новиков Н.С. Понятие ценности и формы ценностных систем // В мире научных открытий. 2015. № 9–4 (69). С. 1355–1360.
21. Наумов П.Ю., Новиков Н.С. Система ценностей воинской службы и их носители // В мире научных открытий. 2015. № 9–4 (69). С. 1375–1380.
22. Наумов П.Ю., Повешенная Ф.В. Психологическая природа интеллигентности офицера // Вестник Мининского ун-та. 2020. Т. 8. № 2 (31). С. 12. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-2-12
23. Савенков А.Н. Русский взгляд на философию права И.Г. Фихте // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 3. С. 11–31. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-3-savenkov
24. Савенков А.Н. Философия права в России как идеино-теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. 2023. № 8. С. 7–23. DOI: 10.31857/S102694520027259-5
25. Савенков А.Н., Жуков В.Н. Русская идея в философии права // Государство и право. 2023. № 6. С. 7–23. DOI: 10.31857/S102694520026150-6
26. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф.М. Достоевского // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 157–170.
27. Холиков И. Распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний как глобальный вызов современности // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2 (59). С. 27–40. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-27-40
28. Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Зелепухин Р.В. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) // Государство и право. 2022. № 10. С. 51–62. DOI: 10.31857/S102694520021788-7
29. Холиков И.В., Милованович А., Наумов П.Ю. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал росс. права. 2022. Т. 26. № 11. С. 132–148. DOI: 10.12737/jrl.2022.122
30. Холиков И.В., Шепель Р.Н., Николаев И.И. Вопросы нормативно-правового регулирования обеспечения химической и биологической безопасности // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63. № 6. С. 406–416. DOI: 10.31089/1026-9428-2023-63-6-406-416
31. Чукин С.Г., Наумов П.Ю. Справедливость сегодня: нелегкий выбор между распределением и признанием. Статья первая // Идеи и идеалы. 2015. Т. 1. № 2 (24). С. 46–58. DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.1-46-58
32. Чукин С.Г., Наумов П.Ю. Справедливость сегодня: нелегкий выбор между распределением и признанием. Статья вторая // Идеи и идеалы. 2016. Т. 1. № 3 (29). С. 81–92. DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.1-81-92
33. Яшин А.Н. Идея правосудия Ф.М. Достоевского в основе русской философии права XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (56): в 2 ч. Ч. II. С. 216–219.
- Goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of Philosophy of Law". – St. Petersburg: University Foundation, 2021. 380 pp. (Series "Science and Society") // Legal science: history and modernity. 2022. No. 1. Pp. 186–193 (in Russ.).
2. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. The idea of Goodness in the works of F. M. Dostoevsky and its influence on the development of the Philosophy of Law (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky) / intro. the word of A.I. Aleksandrov. SPb., 2021 (Series "Science and Society") (in Russ.).
3. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. The Idea of Goodness in the works of F. M. Dostoevsky and its influence on the development of the Philosophy of Law (to 200th the anniversary of F.M. Dostoevsky) / intro. by A.I. Aleksandrov. 2nd ed., rev. and exp. SPb., 2023. Pp. 187, 228, 234, 323 (Series "Science and Society") (in Russ.).
4. Gavrilov S.O., Glebov I.N., Chukin S.G. et al. Law at the point of bifurcation: discussion of the conceptual study of military problems of International Law (Discussion in the format of the "Round Table" based on the materials of Chapter 6 "Military problems of International Law" vol. III of the monograph "Military Law") // State and Law. 2022. No. 12. Pp. 59–67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2 (in Russ.).
5. Dakhin A.V., Bolshakova V.M. Generalization of the conceptual foundations of the national Philosophy of Law. Review of the monograph "The idea of Goodness in the works of F. M. Dostoevsky and its influence on the development of Philosophy of Law (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky) / A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov. St. Petersburg: 2023. 456 pp." // Context and reflection: philosophy of the world and man. 2023. Vol. 12. No. 7A. Pp. 152–161. DOI: 10.34670/AR.2023.45.63.013 (in Russ.).
6. Denisova A.V., Gutman M.Yu., Ignatieva S.V. The fundamental influence of the ideological content of F.M. Dostoevsky's works on the Philosophy of Law. Review-presentation of the monograph by A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov "The idea of Goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the Philosophy of Law" (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky) // Law and the State: Theory and Practice. 2022. No. 10 (214). Pp. 24–27 (in Russ.).
7. Zakhartsev S.I., Kovalenko V.I., Starovoitova O.E. F.M. Dostoevsky as a philosopher of law. Review-reflections on the monograph: A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov "The idea of Goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the Philosophy of Law" // Education and Law. 2022. No. 10. Pp. 363–370 (in Russ.).
8. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Freedom as concreteness of the idea of absolute goodness in Dostoevsky's Philosophy of Law // Monitoring of law enforcement. 2020. No. 1 (34). Pp. 4–7 (in Russ.).
9. Zelepukin R.V., Kholikov I.V., Krotkova N.V., Zemlin A.I. Trends and problems of modern law. Review of the VII International Scientific and Practical Conference. "Tambov legal readings named after F.N. Plevako" // State and Law. 2023. No. 10. Pp. 167–175. DOI: 10.31857/S102694520028159-5 (in Russ.).
10. Zemlin A.I., Bagreeva E.G., Balchugov S.G. Actual directions of development of domestic legal ideas: notes in the margins of the monograph "The idea of Goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of Philosophy of Law (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky)" // Military Law. 2023. No. 5 (81). Pp. 159–163 (in Russ.).
11. Ismagilov R.F. The philosophical legacy of F. M. Dostoevsky and his influence on the development of the Philosophy of Law: course of lectures / introductory articles by V.P. Salnikov and D.V. Maslennikov. SPb., 2017 (Series "Science and Society") (in Russ.).
12. Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Moral and legal self-organization of personality and intuition // Legal science: history and modernity. 2017. No. 2. Pp. 168–178 (in Russ.).

REFERENCES

1. Aliyev Ya. L., Voronkov K.I., Chislov A.I. The idea of Goodness in the interpretation of F.M. Dostoevsky and in the context of Philosophy of Law: presentation-review of the monograph by A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov "The idea of

13. *Krotkova N.V.* Expert Round Table “Ideas of Eurasianism in Russian law: theoretical and philosophical foundations and practice of implementation” // State and Law. 2023. No. 1. Pp. 178–193. DOI: 10.31857/S102694520024145-0 (in Russ.).
14. *Krotkova N.V., Orehkova T.R.* Interuniversity scientific and practical conference “Traditional spiritual and moral values as the basis of legal development in the XXI century” // State and Law. 2023. No. 3. Pp. 188–200. DOI: 10.31857/S102694520024824-7 (in Russ.).
15. *Naumov P. Yu.* Approaches to understanding the essence of values and their systems: history and modernity // In the world of scientific discoveries. 2012. No. 7 (31). Pp. 192–206 (in Russ.).
16. *Naumov P. Yu.* The psychological structure of the intelligence of a future officer: a systematic approach and interdisciplinary analysis // Herald of the Mininsky University. 2021. Vol. 9. No. 2 (35). DOI: 10.26795/2307-1281-2021-9-2-10 (in Russ.).
17. *Naumov P. Yu.* Social functions of private military companies in the context of the transformation of the modern world order // Paths to peace and security. 2023. No. 2 (65). Pp. 207–218. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218 (in Russ.).
18. *Naumov P. Yu., Zakhartsev S.I., Kholikov I.V., Bolshakova V.M.* The value of law and legal values in a globalizing world (Axiological review of the book “State and law: human rights and the world order based on the Rule of Law”) // State and Law. 2023. No. 9. Pp. 64–72. DOI: 10.31857/S102694520024304-5 (in Russ.).
19. *Naumov P. Yu., Novikov N.S.* Life or death: value constants and the existential mission of the “Man of War” // In the world of scientific discoveries. 2015. No. 9–4 (69). Pp. 1361–1375 (in Russ.).
20. *Naumov P. Yu., Novikov N.S.* The concept of value and forms of value systems // In the world of scientific discoveries. 2015. No. 9–4 (69). Pp. 1355–1360 (in Russ.).
21. *Naumov P. Yu., Novikov N.S.* The value system of military service and their bearers // In the world of scientific discoveries. 2015. No. 9–4 (69). Pp. 1375–1380 (in Russ.).
22. *Naumov P. Yu., Povshednaya F.V.* The psychological nature of intelligence officer // Herald of the Mininsky University. 2020. Vol. 8. No. 2 (31). P. 12. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-2-12 (in Russ.).
23. *Savenkov A.N.* Russian view on the Philosophy of Law I.G. Fichte // Proceedings of the IGP RAS. 2023. Vol. 18. No. 3. Pp. 11–31. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-3-savenkov (in Russ.).
24. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law in Russia as an ideological and theoretical basis of national legal ideology: history, modernity and prospects // State and Law. 2023. No. 8. Pp. 7–23. DOI: 10.31857/S102694520027259-5 (in Russ.).
25. *Savenkov A.N., Zhukov V.N.* The Russian idea in the Philosophy of Law // State and Law. 2023. No. 6. Pp. 7–23. DOI: 10.31857/S102694520026150-6 (in Russ.).
26. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I.* Being and reflection: ontological foundations of law in the philosophy of F.M. Dostoevsky // The world of Politics and Sociology. 2018. No. 12. Pp. 157–170 (in Russ.).
27. *Kholikov I.* The spread of epidemics, pandemics and mass diseases as a global challenge of modernity // Paths to peace and security. 2020. No. 2 (59). Pp. 27–40. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-27-40 (in Russ.).
28. *Kholikov I.V., Bolshakova V.M., Naumov P. Yu., Zelepukin R.V.* Values and meanings of the main judicial act of the XX century: axiological concepts of the book by A.N. Savenkov “Nuremberg: Verdict for name of Peace” (Discussion materials) // State and Law. 2022. No. 10. Pp. 51–62. DOI: 10.31857/S102694520021788-7 (in Russ.).
29. *Kholikov I.V., Milovanovich A., Naumov P. Yu.* Dynamics of the functioning of International Law in the context of the transformation of the modern world order: a post-non-classical approach // Journal of Russ. law. 2022. Vol. 26. No. 11. Pp. 132–148. DOI: 10.12737/jrl.2022.122 (in Russ.).
30. *Kholikov I.V., Shepel R.N., Nikolaev I.I.* Issues of regulatory regulation of chemical and biological safety // Occupational medicine and industrial ecology. 2023. Vol. 63. No. 6. Pp. 406–416. DOI: 10.31089/1026-9428-2023-63-6-406-416 (in Russ.).
31. *Chukin S.G., Naumov P. Yu.* Justice today: a difficult choice between distribution and recognition. Article one // Ideas and ideals. 2015. Vol. 1. No. 2 (24). Pp. 46–58. DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.1-46-58 (in Russ.).
32. *Chukin S.G., Naumov P. Yu.* Justice today: a difficult choice between distribution and recognition. Article two // Ideas and ideals. 2016. Vol. 1. No. 3 (29). Pp. 81–92. DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.1-81-92 (in Russ.).
33. *Yashin A.N.* F.M. Dostoevsky's idea of justice at the heart of the Russian Philosophy of Law of the XIX century // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2015. No. 6 (56): in 2 parts. Part II. Pp. 216–219 (in Russ.).

Сведения об авторах

ПОЛИЩУК Николай Иванович –
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального
образования Российской Федерации,
профессор кафедры
теории государства и права,
международного и европейского права
Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний;
390000 г. Рязань, ул. Сенная, д. 1

Authors' information

POLISHCHUK Nikolay I. –
Doctor of Law, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional
Education of the Russian Federation,
Professor of the Department of Theory
of State and Law, International and European Law
of the Academy of Law and Management
of the Federal Penitentiary Service; 1 Sennaya str.,
390000 Ryazan, Russia

Сведения об авторах**Authors' information**

ЗЕЛЕПУКИН Роман Валерьевич –
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного
и международного права Института права
и национальной безопасности
Тамбовского государственного
университета им. Г.Р. Державина;
392036 г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
ScopusID: 57836319300
ORCID: 0000-0002-0307-4385

ZELEPUKIN Roman V. –
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Constitutional and International Law,
Institute of Law and National Security
“Derzhavin Tambov State University”;
33 Internatsionalnaya str., 392036 Tambov, Russia

КРОТКОВА Наталья Викторовна –
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник сектора
конституционного права
и конституционной юстиции
Института государства и права
Российской академии наук,
заместитель главного редактора
журнала «Государство и право»;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ScopusID: 57224806421
ORCID: 0000-0003-2853-1287

KROTKOVA Natalya V. –
PhD in Law,
Leading Researcher of the Sector
of Constitutional Law and Constitutional Justice,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Deputy Editor-in-Chief
of the journal “State and Law”;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 340

«ЦИВИЛИЗАЦИЯ»: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ И ПРАВОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

© 2024 г. В. И. Жуков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: 89260715525@mail.ru

Поступила в редакцию 31.01.2024 г.

Аннотация. В статье в парадигме истории государства и теории права анализируются существующие определения феномена «цивилизация», раскрывается понимание его содержания в различных областях знаний, в частности устанавливается соотношение понятий «фракция» и «цивилизация», прослеживается их генезис в формате возникновения и гибели. Особое внимание уделяется теоретическим основам таких понятий, как «суверенитет государства», «славяно-русская цивилизация», «государство-цивилизация», «русский мир», «цивилизационное пространство России». В связи с этим анализируются теоретико-правовые понятия, нашедшие отражение в выступлениях Президента РФ В. В. Путина и Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, других участников XXV Всемирного Русского Народного Собора. По ряду дискуссионных вопросов в формате истории и теории права излагается авторская позиция.

Ключевые слова: цивилизация, суверенитет, государство-цивилизация, славяно-русская цивилизация, цивилизационное пространство России, русский мир.

Цитирование: Жуков В.И. «Цивилизация»: терминологическое многообразие и правовая идентичность // Государство и право. 2024. № 4. С. 102–115.

DOI: 10.31857/S1026945224040082

“CIVILIZATION”: TERMINOLOGICAL DIVERSITY AND LEGAL IDENTITY

© 2024 V. I. Zhukov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: 89260715525@mail.ru

Received 31.01.2024

Abstract. In the article, in the paradigm of the history of the state and the theory of law, existing definitions of the phenomenon “civilization” are analyzed, an understanding of its content in various fields of knowledge is revealed, in particular, the relationship between the concepts of “faction” and “civilization” is established, their genesis is traced in the format of emergence and death. Particular attention is paid to the theoretical foundations of such concepts as “sovereignty of the state”, “Slavic-Russian civilization”, “state-civilization”, “Russian world”, “civilizational space of Russia”. In this regard, the theoretical and legal concepts reflected in the speeches of the President of the Russian Federation V.V. Putin and His Holiness Patriarch Kirill of Moscow and All Russia, other participants of the XXV World Russian People’s Council are analyzed. The author’s position is presented on a number of controversial issues in the format of history and theory of law.

Key words: civilization, sovereignty, state-civilization, Slavic-Russian civilization, civilizational space of Russia, Russian world.

For citation: Zhukov, V.I. (2024). “Civilization”: terminological diversity and legal identity // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 102–115.

Интерес к проблемам цивилизации масштабно выражен в различных отраслях знаний и относится к числу, во-первых, чрезмерно идеологизированных, во-вторых, дискуссионных. В значительной степени это объясняется тем, что поиск национальной идентичности публицисты и политики разных стран ведут в парадигме превосходства того типа организации общества, которое они представляют. Особенно часто к этой теме обращались обществоведы двух противоборствующих систем: социалистической и либерально-глобалистской.

Ни та ни другая из названных доктрин проверку на достоверность не прошли. Теперь противостояние развивается по линии русской цивилизации и ангlosаксонской конгломерации.

Поясним. В недавнем прошлом славяно-русская цивилизация противостояла западной. Первую погубило национальное предательство, вторую – колониальный паразитизм. При этом славянская солидарность (за исключением поляков) еще возможна; англосаксонское крыло, оставшееся от западной цивилизации потенциалом прогресса не обладает. Закат Европы в той парадигме, которую избрали правящие круги, прежде всего лидеры совета Европы и НАТО, действительно необратим, поскольку на протяжении XXI в. она лишилась конкурентоспособности и стала для США таким же донором, как и страны других континентов.

Славянская часть Европы сохраняет свою цивилизационную идентичность, тяготеет к консолидации русского мира и предпринимает шаги, необходимые для создания международных справедливых союзов суверенных республик, опираясь и на традиционный интеллектуальный потенциал, и на его обогащение в современном содержании. В свое время выдающийся русский мыслитель Н. Я. Данилевский писал: «Для всякого славянина: русского, чеха,

серба, хорвата, словенца, словаика, болгара (желал бы прибавить и поляка), – после Бога и Его святой Церкви, – идея славянства должна быть вышею идею, выше науки, выше свободы, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него недостижимо без ее осуществления...»¹.

Эти же мысли воплотились в достижениях славянской цивилизации, обогатились выдающимися достижениями советской цивилизации и получили теоретическое обоснование в трудах современных ученых. В определенной мере этому содействует успешное проведение специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины.

I

Авторский интерес к теме проявился в конце XX столетия и усиливался по мере роста актуальности исследования проблем цивилизационного прогресса².

Начавшийся в третьем десятилетии XXI в. процесс установления нового мирового порядка сопровождается обновлением всех отраслей права, прежде всего прав

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://citatus.ru/1750788-itak-dlya-vsyakogo-slavyanina-russkogo-cheha-serba-horvata-slovenca-slovak-a-bolgara-zhelal> (дата обращения: 27.10.2023).

² См., напр.: Основы современной цивилизации / под ред. Б. Я. Табачникова. Воронеж, 1991; Основы современной цивилизации: учеб.-метод. пособие. Воронеж, 1993; Основы современной цивилизации: учеб. пособие. Ч. IV. Человек и общество / под ред. Л. Н. Боголюбова, А. Ю. Лазебниковой. М., 1992; Жуков В. И. Уроки российской цивилизации. Российские реформы: итоги преобразований, потенциал и противоречия развития. Воронеж, 1995; Его же. Славяно-русско-российская цивилизация. 2-е изд., полиграф., перераб. и доп. М., 2021; Его же. Российская цивилизация: историко-правовой анализ феномена: в 2 т. М., 2022.

человека. Россия, Китай, Индия становятся центрами цивилизационного прогресса, и именно в этих странах формируются новые доктрины национального цивилизационного развития и получают мощный импульс правоведение и законотворчество.

В России идеологическую брешь, через которую проникали чуждые национальным традициям «общечеловеческие ценности», деформировали историческое сознание населения и распространялись через различные «неправительственные», «общественные» и другие организации, сейчас известные как «пятая колонна» (точнее их нужно было бы именовать «второй фронт»), закрыл Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³.

Политическое содержание Указа Президента РФ является теоретико-методологической основой восприятия накопившихся проблем, оценок, выводов, ожиданий, которые допущены всеми ветвями власти в процессе возрождения государственного суверенитета и укрепления цивилизационного пространства России. Это повлияло на актуальность историко-правового осмысливания всего комплекса проблем, без чего нельзя добиться «сохранения и укрепления традиционных ценностей в условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса, ведущего к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов».

Различным аспектам изучения цивилизации как исторического, философского, политического, культурологического, социологического и иного феномена посвящена обширная литература⁴. Страсти вокруг этого понятия не утихают с того времени, когда термин вошел в лексикон, вероятно, в середине XVIII в.⁵

Интерес к проблемам цивилизационного развития человечества в дальнейшем стремительно нарастал и четко проявился во второй половине XVIII столетия. Просветительские идеи равенства, справедливости и законности, предложенные взамен варварства и дикости, господствовавших якобы до наступления эпохи Просвещения, в XIX в. стали распадаться на локальные области. Появились

³ См.: СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

⁴ См., напр.: Леонтьев К.Н. Византия и славянство // Леонтьев К.Н. Собр. соч. М., 1912. Т. 5; Морган Д.Г. Древнее общество. Л., 1935; Бенвенист Э. Цивилизация. История слова: общая лингвистика. М., 1974; Баре М.А. Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического анализа // История СССР. 1990. № 5; Февр Л. Цивилизация: Эволюция слова и группы идей // Февр Л. Бои за историю. М., 1991; Амелина Е. Понятие «цивилизация» вчера и сегодня // Общественные науки и современность. 1992. № 2; Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992; Яковец Ю.В. История цивилизаций. М., 1995; Тихонов В. Будущее человеческой цивилизации и России. Закономерности развития человеческого общества. М., 1996; Жуков В.И. Уроки российской цивилизации. Российские реформы: итоги преобразований, потенциал и противоречия развития; Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации / сост. О.А. Платонов. М., 2000; Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия. М., 1998; Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: в 2 кн. М., 2001–2002; Кузык Б.Н. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. М., 2008; Никонов В.А. Российская цивилизация. М., 2021.

⁵ Считается, что впервые его использовал в работе «Наблюдение за человеком» английский философ Д. Хартли, опубликовавший свою книгу в 1749 г. В ней цивилизация противопоставляется варварству и невежеству (см. подр.: Никонов В.А. Указ. соч. С. 7), носителями которых были, по мысли философа, славяне, мадьяры (венгры), викинги, сарацины, арабы, татары и турки (см.: там же. С. 8).

описания истории цивилизации Франции (Ф. Гизо), Испании (А. Альтамире-и-Кревс), Англии (Г.Т. Бокль). При таком подходе подвергаются деформации принципы развития человечества, основанные на способе производства и формах присвоения произведенной продукции, а на первый план выходят нравственная и бытовая культура, образование, пропаганда, стиль и манеры поведения, определяемые общественной моралью и законностью.

Если большинство философов XIX и XX столетий отождествляли цивилизацию и культуру, то О. Шпенглер, например, выделял наличие «плодоносных» и «мощных» культур: египетскую, индийскую, вавилонскую, китайскую, греко-римскую, византийско-арабскую, западноевропейскую, культуру майя⁶. Но и в таком историко-географическом портрете не нашлось места для славяно-русской цивилизации. И это странно: славяно-русская цивилизация неоднократно спасала европейские страны, помогая им сохранить суверенитет; победила нацизм; вывела человека в космос, а о ней как одной из старейших цивилизаций в энциклопедиях нет ни слова.

В словаре В.И. Даля под цивилизацией понимается «общежитие, гражданственность, сознание прав и обязанностей человека и гражданина»⁷. Понятно, что это определение характеризует цивилизацию буржуазного типа, т.е. передает сложившиеся в XIX в. основные черты феномена, а сам процесс формирования цивилизации В.И. Даля представляет как превращение народа из «дикого, грубого быта в гражданственный»⁸. Для понимания сущности цивилизации в ее историко-культурно-правовом отношении определение В.И. Даля ничего не дает.

В «Словаре иностранных слов» заложены более глубокие идеи, необходимые для понимания содержания термина «цивилизация». Под ней понимается: «Уровень, ступень в развитии материальной и духовной культуры... следующая после варварства»⁹, из чего следует, что цивилизация существовала до варварства и наступила после него в формах античной, средневековой и современной¹⁰. Иными словами, развитие человечества – это процесс развития цивилизации.

«Краткая российская энциклопедия», среди составителей которой нет крупных ученых и известных оригинальных авторов, дает самое расплывчатое из всех известных определений: «Цивилизация (от лат. Civilis – гражданский, государственный), термин, близкий к понятию культура. Цивилизацией часто называется поздняя стадия развития культуры, отмеченная возникновением письменности, государства и др., либо локальные разновидности культуры – древнегреческая, китайская, европейская, др. цивилизации»¹¹. Аналогичные определения даются в других энциклопедиях¹².

Понятно, что культура – один из ведущих признаков цивилизации, но, во-первых, не единственный, во-вторых, исключительно достоверный и не вызывающий дискуссию.

⁶ См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 4. С. 333.

⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка. Современное написание: в 4 т. М., 2001. Т. 4. С. 952.

⁸ Там же.

⁹ Словарь иностранных слов: в 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 363.

¹⁰ См.: там же.

¹¹ Краткая российская энциклопедия: в 3 т. М., 2005. Т. 3. С. 1745.

¹² См., напр.: Большой энциклопедический словарь. М., 2005. С. 1745; Новый иллюстрированный словарь. М., 2003. С. 796.

Недостаток определения состоит не в том, что авторы ограничились рассмотрением феномена «цивилизация» через призму культуры, а в том, что среди перечисленных цивилизаций нет славяно-русской – более древней, чем египетская или европейская, и вполне сопоставимая с китайской, но не поздней, а ранней.

Естественно, по мере роста национального самосознания и развития науки стали появляться фундаментальные труды, обогащавшие теорию цивилизаций изучением уникальной истории народов мира и созданных ими цивилизаций. Вышел за европейские рамки и панславизм, крупнейшим идеологом которого был выдающийся русский мыслитель Н. Я. Данилевский, автор вышедшей в 1869 г. книги «Россия и Европа»¹³.

Н. Я. Данилевский выделял 10 исторически сложившихся типов цивилизации¹⁴, одним из первых прибавил к ним славянскую, но заметил, что она является «восходящим на арену мировой истории» типом, что обедняет представление о возникновении славяно-русской цивилизации и не соответствует ее вкладу в мировую историю.

В дальнейшем наличие славянской цивилизации в России не отрицали ни «западники», ни «славянофилы», но все писали о диких обычаях и нравах славянских народов, наблюдая иное только после принятия христианства. Общими как для Г. В. Плеханова, так и для В. И. Ленина было не только их представление о России как отсталой западной стране и слабом звене в системе империализма, но и осовременивание признаков цивилизации (наличие языка, науки, религии, философии, права, этики, литературы, живописи, определенного уровня развития материальной культуры и т.д.).

Формационный подход, характерный для изучения общественного развития тех лет, опирался на парадигму исторического материализма, а категориями оперировали советские философы, к пониманию сущности цивилизации не вели, хотя признавалось существование, например, античной буржуазной цивилизации¹⁵. Понятно, что античную и буржуазную цивилизацию, если она вообще есть, разделяют многие века.

Перспективы всех цивилизаций с теми признаками, которые полнее других изложил П. А. Сорокин¹⁶, вполне очевидны: они возникают, развиваются, угасают и умирают, как об этом аргументировано разъяснял О. Шпенглер в книге «Упадок Запада», известной в России под названием «Закат Европы». В. А. Никонов в связи с этим пишет: «Исторический процесс – последовательность уникальных цивилизаций»¹⁷. Вероятно, в таком случае уместнее говорить не о цивилизациях, а о государствах, которые действительно проходят отмеченные стадии.

Представление о цивилизации как определенной ступени развития общества пришло в современные энциклопедические словари из середины 1950-х годов¹⁸.

¹³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / сост., вступ. ст. и комм. А. А. Галактионова. СПб., 1995.

¹⁴ См. подр.: Никонов В. А. Указ. соч. С. 9.

¹⁵ См.: Популярный энциклопедический иллюстрированный словарь. Европедия. М., 2003. С. 582.

¹⁶ См.: Сорокин П. А. Указ. соч.

¹⁷ Никонов В. А. Указ. соч. С. 12.

¹⁸ В частности, под цивилизацией понимается «уровень общественного развития и материальной культуры, достигнутый данной

По мере нарастания интереса к проблемам цивилизационного развития стал проявляться интерес к описанию типов цивилизации, появились труды Г. Бокля «История цивилизации в Англии», Ф. Гизо «История цивилизации во Франции» (затем его же «История цивилизации в Европе»), Р. Альтамира-и-Кревеа «История Испании и Испанской цивилизации» и др.

Теория цивилизации носила европоцентрический характер, исключая восточных и других соседей из числа цивилизованных государств. Географическая граница была одновременно с этим границей теологической, географической и политической. «Цивилизованный» Запад защищал себя от «варваров», а цивилизационные доктрины оправдывали внутреннюю, имманентно присущую европейцам, дикость (инквизиция, внесудебные расправы с бродягами, ведьмами, колдунами и т.д.) и внешнюю агрессию, ведя потребительские колониальные войны под флагом приобщения «варваров» к европейской цивилизации.

В дальнейшем термин «цивилизация» в 1756 г. использовали маркиз В. де Мирабо, отец одного из лидеров Французской революции, а также Л. Морган, К. Маркс, М. Вебер, словом, все выдающиеся мыслители, прежде всего философы, историки, социологи и правоведы. Как правило, они видели в цивилизации социокультурный феномен, уровень культурного и интеллектуального развития населения стран.

В разные годы в концепции национальных философских школ, а также в парадигме философии истории в понятие «цивилизация» вкладывался разный смысл. Например, в «Популярном энциклопедическом иллюстрированном словаре „Европедия“» «цивилизация» определяется как уровень развития общества в данной исторической эпохе с особым учетом уровня материальной культуры (точных наук и техники) – показателем господства людей над силами природы и использование ее богатств для своих нужд»¹⁹.

Из всех определений это – наименее удачное. Во-первых, цивилизация имеет определенные стадии в развитии, но не начинается с определенного уровня «материальной культуры (точных наук и техники)». Это – одна из промежуточных стадий развития цивилизации. Во-вторых, цивилизация – не технологическое понятие, связанное с материальной культурой. Ее сущность включает в себя определенные временные рамки становления с наличием таких признаков и черт, как время появления, этнические характеристики сообщества людей, их язык, образ жизни и способы хозяйствования, письменность, государственность, духовную и материальную культуру, верований и так далее. В-третьих, цивилизация, в которой наблюдается господство людей над силами природы, характеризует цивилизацию, но цивилизацию варварскую, а не эволюционную.

«Советский энциклопедический словарь» составляли ведущие обществоведы СССР. Они дали определение «цивилизации», которое закрепили в своем труде авторы российского варианта энциклопедического словаря. В их представлении цивилизация – это «синоним 1) культуры, 2) уровень, ступень общественного развития, материальной и духовной культуры (антич. Ц, совр. Ц), 3) ступень общественного развития, следующая за варварством...»²⁰.

общественно-экономической формацией» (см.: Энциклопедический словарь: в 3 т. М., 1955. Т. 3. С. 581, 582).

¹⁹ Популярный энциклопедический иллюстрированный словарь. Европедия. С. 1077.

²⁰ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М., 1990. С. 14–91.

В красочной «Славянской энциклопедии» о термине «цивилизация» нет ни слова, но содержится идеологическая ересь: оказывается, «у восточных славян после принятия христианства появились две азбуки: глаголица и кириллица»²¹. Надежды составителей на то, что такая вольная интерпретация происхождения глаголицы и кириллицы, а также о времени их появления будут полезны «учителю и старшекласснику, студенту-гуманистарию, исследователю-историку и всякому человеку, который интересуется историей своей родины», оправдаться не должны: теперь на страже исторической достоверности стоит Конституция России. Составителям энциклопедий, чтобы впредь не попадать впросак, нужно читать солидную литературу, а не перепечатывать заметки публицистов: азбука у славян существовала до принятия христианства.

Эти и другие определения цивилизации, во-первых, отождествляют два феномена: культуру и цивилизованность. Между тем тот или иной уровень развития материальной и духовной культуры не подтверждает и не отменяет наличия у того или иного сообщества людей наличия цивилизации. Во-вторых, о цивилизации приходится судить по тем признакам, по которым судят о государственности (письменность, управление, компактность территории), отодвигая по времени формирование тех свойств, которые цивилизация приобрела до наступления того времени, когда возникло государство. В-третьих, практически все специалисты не рассматривают планетарную цивилизацию как единое целое, как феномен космического, но ограниченного рамками Земли, масштаба. Игнорируя общее и абсолютизируя особенное, ученые выделяют цивилизации по времени развития населения Земли. Ю. В. Яковец предлагает, например, семь исторических форм цивилизации: неолитическую, раннерабовладельческую, античную, раннефеодальную, позднефеодальную (прединдустриальную), индустриальную и постиндустриальную²².

В принципе Ю. В. Яковец, став социальным философом, в иной редакции излагает концепцию формационного развития, приверженцем которой был в советские времена. Но типология, предложенная им, привлекательна тем, что отходит от господствовавшего отождествления цивилизации и культуры и не начинает отсчет цивилизационного развития с той границы, где кончается варварство. К тому обстоятельству, что в 1990-х годах марксистские характеристики цивилизации уже не упоминаются и о способе производства как бытовавшем признаке превосходства социализма над капитализмом не говорится, следует отнести снисходительно: идеология радикального либерализма отличается крайней агрессивностью и выдавливает из науки все, что не связано с их политическими интересами и способами достижения поставленных целей. Главное, что отличает труды Ю. В. Яковца, – это **признание наличия цивилизации в догосударственный период истории человечества**.

Наиболее обстоятельные определения приводятся в «Новой философской энциклопедии»²³ и в «Социологической энциклопедии»²⁴. В составлении последней автору довелось принять личное участие.

Обе статьи для названных изданий написаны исключительно квалифицированным ученым В. И. Толстых

и заслуживают особого внимания. В. И. Толстых использует термин «цивилизация» не для характеристики социального процесса или уровня развития культуры, а как единицу измерения исторического прогресса, не требующую константных признаков на всех этапах развития общества. Цивилизация – это не совокупность характеристик, присущих развитой стадии общества, и тем более не черта, отделяющая народы от варварства.

На рубеже столетий увидело свет крупное исследование А. И. Уткина²⁵, одного из наиболее известных и авторитетных отечественных ученых, который предложил типичную для советско-российской истории периодизацию: он делит ее на три части.

Первый период тысячелетней истории Российского государства – расселение народов вокруг рек, впадающих в Балтийское и Черное моря, принятие христианства, освоение письменности, освоение восточной части Европы, преимущественно в долинах рек.

Второй период – иго победоносных кочевников, насилиственное отделение Руси от западных соседей и сопротивление этому.

Третий период, по мнению А. И. Уткина, начался 300 лет назад великим посольством Петра I в Западную Европу. Эти 300 лет преисполнены жертвенными усилиями наших предков с одной стороны сохранить свою самобытность, с другой – открыть источники обновления²⁶.

Типичны в этой концепции как подходы, так и упоминания. Во-первых, история российской цивилизации насчитывает не одну тысячу лет, а несколько тысячелетий; во-вторых, в указанное А. И. Уткиным время письменность не осваивалась, а была обычным явлением; наконец, Киев не был «первопрестольным», а Древняя Русь имела в качестве первопрестольных иные города, по сравнению с которыми Киев проигрывал по всем параметрам: город был малочисленным, слабо укрепленным, а отношение России к Западу и Запада к России нельзя воспринимать как заглавную тему нашего прошлого, тем более настоящего и будущего.

Тем не менее выход в свет фундаментального исследования А. И. Уткина явился значительным событием в исследовании проблем цивилизаций в контексте государственного суверенитета. С одной стороны, он подводил итоги много-вековой историографии вопроса, а с другой – выделил наиболее значительные, прогностического характера, сочинения авторов.

Не останавливаясь на всех, обратим внимание на наиболее актуальные с позиций XXI в. предположения. Пять великих, признанных научным сообществом авторитетов предложили собственные векторы развития мировой цивилизации²⁷:

О. А. Г. Шпенглер представлял цивилизацию как организм, обособленный и характеризуемый внутренним единством. Этот тип цивилизации является носителем культуры, но постепенно развивается по угасающей траектории, и ее ждет неизбежный распад, историческая смерть;

А. Дж. Тайнби полагал возможным слияние цивилизаций, но лишь в отдаленном будущем;

²¹ Славянская энциклопедия: в 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 635.

²² См.: там же.

²³ Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. С. 332–335.

²⁴ Социологическая энциклопедия: в 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 751–754.

²⁵ См.: Уткин А. И. Россия и Запад: история цивилизаций: учеб. пособие. М., 2000.

²⁶ См.: там же. С. 7, 8.

²⁷ См.: там же. С. 524, 525, 534, 535.

Ф. Бродель признавал многочисленность цивилизаций и наличие великих культурных конфликтов между ними, что при определенных условиях лишит их исторической перспективы;

И.М. Валлерстайн рассматривал цивилизацию как взаимосвязь возвретия на мир, обычая и культуры, которые образуют историческое целое и сосуществует с другими разновидностями цивилизаций;

С.Ф. Хантингтон, автор книги «Столкновение цивилизаций», в своих размышлениях приходил к выводу о неизбежности межцивилизационного конфликта, предотвратить который могут лидеры различных цивилизаций, если поддержат многоцивилизационный характер мировой политики.

Сам А.И. Уткин полагает, что «подлинными движущими силами истории являются две великие идеи, два типа мобилизации морального и этического чувства, две идеи... – идея красоты... и идея справедливости»²⁸.

В.А. Никонов понимает под цивилизацией «дляющуюся в истории социокультурную общность наций и государств, которую объединяет ряд общих или схожих параметров и характеристик»²⁹. К числу таких общих и схожих параметров и характеристик он отнес географический регион; особенности культуры, систему ценностей; языковую общность; религию; устойчивые черты экономической, общественно-политической цивилизации, взаимоотношения общества и государства; психологическое чувство общности, самоидентичность, раскрыв содержание каждой из указанных черт³⁰.

Такое толкование цивилизации представляется достаточно удачным. Оно не отождествляет, как это происходит в большинстве случаев, цивилизацию и культуру, содержит историко-ретроспективный сюжет и может стать основой для классификации типов цивилизаций и проведения сравнительного анализа (компаративистики) по сопоставимым параметрам. По этим направлениям можно сгруппировать как причины возникновения той или иной цивилизации, так и ее гибели.

В.А. Никонов – ученый и политик, один из немногих представителей политической элиты, уважающий страну, в которой живет, ее историю и историко-правовую науку³¹. Он прав в том, что славяно-российская цивилизация зарождалась в самом неблагоприятном для человека регионе – в центре Евразии. Ее закаляли природные климатические условия, испытывали на способность выживать и побеждать агрессивные соседи и племена кочевников.

Есть два замечания к рассуждениям В.А. Никонова. Во-первых, славяно-российской цивилизации, в отличие от древнерусского государства, «не тысяча с небольшим лет»³². Как цивилизация она насчитывает не одно тысячелетие. Разница большая: в недрах истории цивилизации прячется, например, волокуша, затем было изобретено колесо. Позже – двух- или четырехколесная повозка, а затем автомобиль. Между ними – не сотни, а тысячи лет.

Во-вторых, действительно, 500 лет тому назад в Европе не существовало большинства современных государств, а было только два: Англия и Россия. С этим можно

согласиться, если не считать государствами существующие более 500 лет Португалию, Францию, Испанию и др. Существенно иное: между Англией и Россией как крупнейшими государствами Европы всегда существовали не конкурентные, а враждебные отношения. Понятны и причины: Русь была православной и категорически отвергала любые попытки навязать ей иную веру, во-вторых, по сравнению с другими странами она была самой обширной и богатой.

Истоки российской цивилизации, русской народности В.А. Никонов видит в Киевской Руси. Он пишет: «Основанное Рюриковичами государство Киевская Русь стало тем первоначальным плавильным котлом, который создавал единую древне-русскую народность, российскую цивилизацию»³³. Очевидно, в этом утверждении есть определенная неточность: Рюриковичи основали династию, но не государство, в которое их пригласили править, а сам термин «Киевская Русь» был введен в научный оборот и лексикон историков первым ректором Киевского императорского университета М.А. Максимовичем, который использовал его в работе «Откуда идет Русская земля», опубликованной в 1837 г. По справедливому замечанию Е.Ю. Спицына, «термин “Киевская Русь” как синоним терминов “Древняя Русь” и “Империя Рюриковичей” закрепился в советской историографической науке только после выхода в свет знаменитых работ академика Б.Д. Грекова “Киевская Русь” (1939) и “Культура Киевской Руси” (1944), что после раз渲ла Советского Союза и сыграло на руку украинским националистам, попытавшимся “приватизировать” историю Древней Руси»³⁴.

Рюрик действительно основал династию, но его первым фактическим наследником стал Олег, прозванный Вещим, т.е. знающим, мудрым. Династия формировалась с участием женской линии: сыну Рюрика, малолетнему князю Игорю, Олег приходился дядей, будучи братом жены Рюрика. Династия Рюриковичей – понятие устойчивое, но зыбкое, не безупречное. Вряд ли можно признать случайным то, что имя «Рюрик» среди великих князей Киевских, Новгородских, Владимирских и других не встречается вообще. Оно упоминается лишь один раз в XIII в., а его носитель приходился летописному Рюрику очень дальним родственником.

Принятие христианства действительно сыграло выдающуюся роль, но не в создании государства, а в укреплении государственности, формировании русской нации как титульной, базовой нации славяно-русской цивилизации. В православии заложены главные признаки развитой цивилизации: от христианских монастырей шло знание, архитектура, музыка, пение, ремесло, просвещение и т.д. Вместе с единой верой в Древнерусское государство пришел один язык, поклонение единому Богу, признание власти князя-государя, единое войско (дружины), система дани (налогов). Но при этом сохранялись соборность, община, племенная, городская и государственная раннефеодальная демократия, языческие традиции в судопроизводстве. Бытовое право постепенно становилось писанным, судопроизводство – централизованным.

Что же касается самого понятия «российская цивилизация», то единства во взглядах на предмет нет не только среди историков, философов, социологов, политологов, но и среди правоведов. История и теория государства и права еще ждут своих исследователей. Пока можно согласиться с тем, что у каждой цивилизации – свои особенности.

²⁸ См.: Уткин А.И. Указ. соч. С. 555.

²⁹ Никонов В.А. Указ. соч. С. 14, 15.

³⁰ См.: там же. С. 15–17.

³¹ См.: там же.

³² Там же. С. 20.

³³ Там же. С. 37.

³⁴ См.: Спицын Е.Ю. Древняя и Средневековая Русь в IX–XVII вв.: полный курс истории России для учителей, преподав. и студ. М., 2019. Кн. I.

Во-первых, в отличии от империй они не имеют четко выраженной даты своего рождения. Обнаружив их по одним признакам, исследователи дополняют установленные особенности цивилизационного процесса новыми характеристиками.

Цивилизации не имеют даты рождения, но и не все из них гибнут, не оставив преемников. Например, погибла Римская империя, но жива итальянская цивилизация. Место рухнувшей православной империи заняла советская империя, но и то и другое – составные части единого цивилизационного процесса. Нацизм расколол европейскую цивилизацию, но не уничтожил ее. Наделавшие немало информационного шума труды С. Хантингтона, особенно его книга «Столкновение цивилизаций», поделили мир на два полюса и перенесли проблемы цивилизационного развития в плоскость противостояния сверхдержав и их союзников. Но в то время, когда он анализировал на примере СССР и США процессы противостояния и противодействия, набирала силу китайская цивилизация – самая древняя и ставшая в наше время самой перспективной для народов, ее представляющих.

II

Как термин «цивилизация» активно используется публицистами, журналистами, археологами, культурологами, представителями других отраслей знаний. В общей массе литературы можно встретить и размышления специалистов в области истории и теории права.

В авторском понимании цивилизация как историко-правовой феномен – это социально-политическое явление, отражающее форму доисторического и исторического устройства общества людей в динамике становления, развития и угасания. Цивилизация может быть представлена одним государством (в древние времена даже одним городом), центром влияния на различные категории населения, проживающие в других странах, но тяготеющие к государству-цивилизации, где сохраняются их родословные корни, а сами они сохраняют язык, обычаи, верования, родственные и другие цивилизационные связи.

«Цивилизационное пространство» представляет собою совокупность наций, национальностей и отдельных граждан, которые проживают в суверенных государствах, но считают себя носителями иных языков, культуры, нравов и т.д. Цивилизационное пространство – это сфера влияния государства-цивилизации на другие страны и общества людей, среди которых есть носители православных ценностей.

Контуры российского цивилизационного пространства не затрагивают суверенные права тех стран, где проживают выходцы из России, равно как государственные границы не являются препятствием для защиты соотечественников, если они в этом нуждаются. Ранее существовавшие нормы международного права позволяли это делать. Но для решения аналогичных задач в современных условиях необходимы уже иные по степени эффективности деятельности международные организации.

Таким образом, цивилизационное пространство России – это обширное, выходящее за пределы государственных границ, многофакторное историко-географическое явление, к составным частям которого можно отнести:

в политике – международные, общественные и другие организации, созданные с участием России и находящиеся под ее влиянием. Деятельность таких организаций

направлена на защиту прав человека, территориальной целостности и суверенитета дружественных России стран;

в экономической сфере – это зона взаимовыгодного сотрудничества путем формирования и укрепления торгово-экономических объединений, вовлечение государств, народов и отдельных граждан в сотрудничество (туристическое, производственное, исследовательское, торгово-экономическое и другое);

в сфере культуры – содействие созданию русской языковой сферы международных ассоциаций русского языка и культуры, открытия русских школ и филиалов вузов, обмен выставками национальных произведений скульптур, археологических и этнографических сокровищ, книжных выставок, галерей, образцов различного назначения технологии, техники, технологий и т.д.;

в военной сфере – отказ от решения межгосударственных противоречий с помощью военной силы; военно-техническая помощь дружественным России странам; гуманная помощь населению дружественных стран, оказавшихся в экстремальной ситуации, пострадавших от техногенных катастроф и иных явлений;

в области внешней политики – создание международных объединений, отвергающих однополюсное господство, блоковый характер международных отношений, возрождение авторитета Организации Объединенных Наций и других международных организаций с позиции сотрудничества, а не доминирования и диктатуры.

в сфере свободного движения трудовых ресурсов – рациональная миграционная политика, обеспечивающая беспрепятственное возвращение в Россию граждан бывшего СССР, если этому нет различного рода препятствий и показаний.

Такое государство-цивилизация, как Россия, направляет усилия российских органов власти, общественных и других организаций на установление различных форм международного сотрудничества, способного вылиться в создание справедливого союза суверенных республик.

Важнейшая задача цивилизационного российского пространства состоит в формировании позитивного представления о русском человеке, его роли и вкладе в развитие мировой цивилизации, достижениях во всех сферах жизни и деятельности: экономике, технологиях, науке, образовании, культуре, спорте и т.д.

Великая Отечественная война сплотила советский народ и консолидировала врагов советской цивилизации³⁵. Парадокс истории состоит в том, что Россия спасла мировое общество от гибели европейской цивилизации, но взамен получила не благодарность, а свирепую ненависть. Наивно полагать, что европейцы ненавидят Сталина или Берию: они ненавидят своих освободителей³⁶. Они привыкли повиноваться польско-литовскому кнуту, нацистским пыткам, но ни в грош не ставят благородство, проявленное победителями, презирают тех, кто восстанавливал их экономику и государственность.

³⁵ См.: Историография социальной политики советского государства в годы Великой Отечественной войны / В.И. Жуков, Н.В. Старostenков, В.В. Прилуцкий и др. М., 2011. С. 25.

³⁶ См.: Человеческий капитал в годы Великой Отечественной войны: особенности формирования и развития / В.И. Жуков и др. М., 2011. С. 97.

Для европейцев это – признаки слабости. На этой почве возрождаются их мифическое величие, превосходство над нами, славянами. Русское великолюбие является источником европейского высокомерия, но выводов из этой, веками существующей истины, они усвоить не могут.

Чествование в канадском парламенте в сентябре 2023 г. 98-летнего ветерана дивизии СС «Галичина» особого удивления не вызывает: сейчас Европой правят внуки нацистских преступников, прямые потомки тех, кто в июне 1941 г. пересек границу СССР. Это были граждане всех европейских национальностей, зараженные нацизмом. Свою ненависть они передали детям тех, кого пощадили советские солдаты. Отсюда – неонацизм европейцев, канадцев и т.д. и неонационализм украинцев. Как может относиться к России, например, Д. Туск, внук нацистского полковника, разъезжавшего в одной машине с Гиммлером?

Именно они, внуки нацистов, объединились в своей ярости против страны, не знавшей порабощения и разгромившей нацизм, национализм и реваншизм, носителями которого были их деды и отцы. Трусливое племя побежденных породило потомков, не знающих историю развития цивилизации, не усвоивших ее уроки. Им не ведом сакральный смысл многовековой истины: не будите русского медведя. Это – один из уроков цивилизационного процесса, а настоящая работа – напоминание о том, что происходит, когда он просыпается...

III

В свое время Ф. И. Буслаев, российский лингвист, фольклорист, историк литературы и искусства, глава русской мифологической школы, в речи «О народной поэзии в древнерусской литературе», произнесенной в университете в 1859 г., заявил: «Ясное и полное уразумение основных начал нашей народности есть едва ли не самый существенный вопрос и науки, и русской жизни»³⁷.

«Установить начало нашей народности», да еще и создать на этот счет «ясное и полное уразумение», как требовал выдающийся русский ученый, до сих пор никому не удалось. Об истоках славяно-русской цивилизации и говорить не приходится: достаточно полного представления о ней в историко-правовой науке нет. Ни у философов, ни у историков, ни у политиков, ни у правоведов.

Впервые Президент РФ В. В. Путин определил Россию как страну-цивилизацию на XXV Всемирном Русском Народном Соборе. Прозвучали и другие взаимосвязанные термины: суверенитет, справедливость, страна-цивилизация, русский мир. Причем каждый из них логически связан с другим, обогащая содержание через политическое сочетание и логическую связь.

Новый мир, новая система взаимоотношений и взаимодействия строятся с пониманием того, что Россия и Китай находятся сейчас в авангарде формирования более справедливого мироустройства. Без суверенной, сильной России никакой прочный, стабильный миропорядок невозможен. Возможно другое – создание на базе русской цивилизации справедливого союза суверенных государств.

Принципиальное значение имеет то, что Россия как страна, имеющая границы, наполнена многообразием

³⁷ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.icon-art.info/book_contents.php?book_id=128&chap=6&ch_l2=0 (дата обращения: 15.10.2023).

языков, верований, традиций, той самобытностью, которая на едином государственном пространстве через консолидацию развивается в цивилизационное многоплановое разнообразие.

Великие представители русской цивилизации не придавали особого значения национальности. Русскими считали себя немка Екатерина II, грузин И. В. Сталин, датчанин В. И. Даль – всех не перечислишь. В то же время рядовой боец, участвующий в специальной военной операции, говорит: «Я – пуштун, афганец, русский солдат». Русские солдаты, проживающие в обычном башкирском селе, говорят: «Мы – боевые башкиры, а башкиры не отступают». Точнее других ту мысль, которую автор постарался донести до сознания читателя, лучше других выразил величайший поэт и мыслитель Расул Гамзатов, который любил повторять: «В Дагестане – я аварец, в Москве – дагестанец, за рубежом – я русский».

Президент РФ В. В. Путин верно заметил: «В многообразии культур, традиций, обычаев – наша сила, огромное конкурентное преимущество и потенциал. Мы должны его постоянно укреплять, беречь это многообразное согласие, наше общее достояние»³⁸. Это – жесткий ответ всем, кто хотел внутри страны взять столько суверенитета, сколько давал Б. Н. Ельцин. Власть должна извлечь уроки из губительной идеи создания «Уральской республики», введения собственной валюты, «своей» налоговой и кадровой политики, получения иных полномочий. Кровавый опыт диктатуры Д. Дудаева дорого обошелся России.

В. В. Путин обращает внимание на одну из ключевых проблем, на неприемлемое для либералов понятие – «русский мир». В его понимании «русский мир» – это все поколения наших предков и наши потомки, которые будут жить после нас. Русский мир – это Древняя Русь, Московское царство, Российская Империя, Советский Союз, это современная Россия, которая возвращает, укрепляет и умножает свой суверенитет как мировая держава. Русский мир объединяет всех, кто чувствует духовную связь с нашей родиной, кто считает себя носителем русского языка, истории, культуры, независимо даже от национальной или религиозной принадлежности»³⁹. Это и есть цивилизационное пространство России, заполненное не только солидарностью, сплоченностью, но и ответственностью.

Русские исторически ответственны, во-первых, за сбережение России, достижение такого состояния, когда «сильная суверенная Россия способна гарантировать будущее и самобытное развитие и русского, и всех других народов, которые веками жили и живут в нашей стране, объединены общностью исторической судьбы»⁴⁰.

Во-вторых, это ответственность за свободное развитие русского мира, каждого, кто считает себя продолжателем русских национальных, цивилизационных традиций и ценностей, проживая в иных странах и будучи гражданами этих стран.

Россия должна обладать такой нравственной силой, чтобы никто не смел считать русского не гражданином, не поднимал руку на памятники русской культуры, безназаданно осквернял святые для русского человека места, памятники воинам-освободителям.

³⁸ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863> (дата обращения: 04.01.2024).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

На пути к достижению такого состояния России, стране-цивилизации, следует решить ряд важнейших задач.

Главная из них – очищение общественного сознания от всех негативных наслоений, которые через измененное сознание и фальсификацию отечественной истории заполнили лживые версии и догмы, которые деформировали представление русских о собственной идентичности.

Это в значительной степени сумели сделать, во-первых, отечественные либералы, прекратившие финансирование национальной науки, образования, культуры, СМИ, и тем самым создали финансовую основу для решения антирусских задач через энергичную деятельность различных фондов, задача которых – дискредитация цивилизационных основ России. Средствами достижения этой цели стали похабные спектакли, «голые» вечеринки с демонстрацией целлюлитных фигур, кощунственные браки с использованием катафалков, подлые статейки, в которых господствовала ложь, сочившаяся даже из стен академических институтов. В ход пошло все: и пасквили Солженицына, и сказки Радзинского, и русофобские спектакли, и даже балет.

Один из главных институтов привлекательности для граждан страны и цивилизационного русского пространства, для всего русского мира – культ справедливости. В представлении В. В. Путина «справедливость – это, прежде всего, достойные условия для жизни, современные объекты культуры, здравоохранения, спорта во всех регионах страны. Это квалифицированная, хорошо оплачиваемая работа. Высокий общественный престиж рабочего, инженера, учителя, врача, художника, деятеля культуры, предпринимателя, каждого добросовестного специалиста, мастера. Справедливость – это и равные, широкие возможности для учебы, для жизненного старта, для самореализации молодежи»⁴¹.

В социальном государстве справедливость – это политика выравнивания доходов, это справедливое социальное страхование, пенсионное обеспечение, составляющее не менее 40% от заработной платы вышедшего на пенсию работника, это рациональное соотношение между минимальным уровнем оплаты труда и окладами чиновников. Если вознаграждение американского конгрессмена лишь в 12 раз превышает МРОТ, то русский депутат получает в 35 раз больше, достичь социальной сплоченности общества и солидарной ответственности всех его членов невозможно.

Одна из наиболее регрессивных областей – российское пенсионное обеспечение. Если депутат проработал в Федеральном Собрании РФ только один срок, то его пенсия равна 50% заработной платы; если два срока – то 70%. По отношению к основной массе пенсионеров это – вопиющая социальная несправедливость, поскольку эта масса состоит из главных носителей цивилизационного прогресса – учителей, врачей, инженеров, словом, всех, кого презрительно именуют «бюджетниками».

Одна из самых обширных зон социальной несправедливости – высшая школа страны. В лучших вузах Российской Федерации профессор получает заработную плату на уровне курьера, развозящего пиццу. Ежемесячный оклад ректора измеряется шестизначными, а иногда еще большими цифрами.

Действительно, никто не сомневается в правоте слов В. В. Путина: «Нам нужна целостная сфера просвещения,

⁴¹ [Электронный ресурс]. – URL: Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863> (дата обращения: 04.01.2024).

в которой гармонично дополнят друг друга семья, система образования, национальная культура, работа детских, молодежных, спортивных, военно-патриотических организаций, широкое движение наставничества и... мудре слово духовных пастырей»⁴². Для достижения такого состояния нужна сильная социальная политика, достойные условия жизни и деятельности, которые создаются на базе одного источника – заработной платы. Ее размер в одних случаях – источник цивилизационного прогресса, в других – стимулятор вынужденного мздоимства, взяточничества, деформации отношений внутри профессионального сообщества.

О духовных пастырях Святейший Патриарх Московский и вся Руси Кирилл заботится неустанно. Как известно, белое духовенство в отличие от монашества отличается многодетными семьями. Об их социальном обеспечении неустанно заботится руководство РПЦ, а также пасты, которую священники окормляют. С православным населением работают священники-мужчины.

В школах господствует гендерное неравенство. Преобладает женская педагогика. Мужчина-педагог – большая редкость. И этот перекос начинает сказываться на воспитании мужских качеств, в частности: быть отцом, воином, опорой семьи, ответственным за ее благополучие и, особенно, за рождение и воспитание детей.

Ключевое значение для устойчивого демографического развития, улучшения качественных характеристик русского народонаселения, имеет семья. Семейная политика – сложнейшая сфера государственного управления, требующая специалистов высочайшего класса. Именно они способны гармонизировать все противоречия, которые возникают между членами семьи, семьей и обществом, обществом и государственными органами управления. Таких специалистов высшие учебные заведения России не готовят, а некогда сильный Российский государственный социальный университет уже второе десятилетие развивается по угасающей траектории.

Наряду с деньгами особую роль в семье играют такие качества, как любовь к родителям, старикам, детям, пример нравственного поведения. Русские семьи всегда отличались большим количеством детей. В первую очередь это диктовалось необходимостью вести сельское хозяйство и обеспечивать семейное пропитание. Многодетность в русских семьях была нормой, а семья воспринималась как социально-духовное явление. В своем выступлении Святейший Патриарх Московский и вся Руси Кирилл обратил внимание Правительства РФ и общества на то, что «поддержка семьи, материнства, детства должна охватывать работу всех без исключения сфер государственного управления, нашу экономическую, социальную, инфраструктурную политику, просвещение и образование, здравоохранение... Сбережение и приумножение народа России – наша задача на предстоящие десятилетия... Это будущее русского мира, тысячелетней, вечной России»⁴³.

Все перечисленное имеет исключительное значение, но наивно полагать, что любящие друг друга люди решатся заводить наследников, не имея жилья, достойной заработной платы и не будучи уверенными в способности дать детям образование. Пользоваться шалашом можно как

⁴² Там же.

⁴³ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://mosseparh.ru/doklad-svatejshego-patriarha-kirilla-na-plenarnom-zasedanii-xxv-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora.html> (дата обращения: 05.01.2024).

временным укрытием влюбленных от непогоды, но заводить в шалаше семью никому в голову не придет.

Создается такое впечатление, что участники Собора, сидящие в зале, не обратили внимание на призыв пастыря РПЦ: «Я думаю, что подводя итог этой истории, этой работы мы должны иметь честный разговор о том, что получилось, над чем предстоит еще поработать, что требует некой корректировки, когда речь идет в первую очередь о вопросах, имеющих большое стратегическое значение для жизни нашего общества и духовного развития народа, укрепления всех сторон жизни нашего общества»⁴⁴.

Патриарха в первую очередь беспокоили степень солидарности многонационального и многоконфессионального, социально и имущественно расслоенного населения. Вдумываясь в его слова, поневоле испытываешь тревогу по поводу того, что со временем проведения I Всемирного Русского Народного Собора по-прежнему актуально звучат слова Святейшего: «Драматизм вокруг темы Русского мира, будущего России был напряженным», и потому «возникла идея учреждения общественного форума, на котором все, кто ощущал свою причастность к русскому народу и русской культуре, кто неравнодушно воспринимал происходящее в обществе, могли бы обсуждать возникающие вопросы и делиться своими идеями. Важно было создать пространство свободного и честного диалога о судьбах Отечества для того, чтобы консолидировать здоровые общественные силы, готовые тружаться ради возрождения родины, формулируя ответы на не-простые вызовы времени, приемлемые в том числе и для граждан, которые по национальности не являются русскими. Это изначально была задача Всемирного русского народного собора – не отрекаясь от своей русскости и никак не умоляя русскость, делать все для того, чтобы служить всему многонациональному народу нашей страны»⁴⁵.

IV

Что изменилось за четверть века? Политическая элита, на которую опирается В. В. Путин, избавилась от наивного доверия к послужам западных «партнеров», позволила НАТО вплотную приблизиться к границам России, опутать себя санкциями и приступить к планомерному уничтожению русских на территории Крыма, Донецка, Луганска и других российских территориях.

И только сейчас, когда нависла угроза над суверенитетом страны-цивилизации, по-новому стали восприниматься слова, сказанные без малого 20 лет тому назад: «Русский мир включает в себя и все народы, принадлежащие к другим религиям, но разделяющие одни ценности общественной жизни вместе с русским народом. Именно Россия, осознающая себя православной, способна поддерживать в единстве различные культуры. В течении веков Россия выработала механизм сосуществования различных культур и религий, которые принимают одни общественные ценности, но сохраняют свою религиозную самобытность»⁴⁶.

Это емкое и точное определение, данное Патриархом, совпадает с тем, что автор монографии назвал «цивилизационным пространством России».

⁴⁴ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://moseparh.ru/doklad-svatejshego-patriarxa-kirilla-na-plenarnom-zasedanii-xxv-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora.html> (дата обращения: 05.01.2024).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

На осознание этой премудрости российскому обществу понадобилось два десятилетия, а сколько времени понадобится, чтобы понять, что не проживание на той или иной территории и даже не владение почти забытым в последних слоях миграции русским языком определяют истоки русского мира. Святейший говорил: «Определяющее значение имеет единство культуры, состоящее в осознании народом общности исторической судьбы и общности духовно-нравственных ценностей, отчего и происходит в свою очередь единство мировоззрения. Подчеркну: именно мировоззрения, а не идеологии, эти вещи ни в коем случае нельзя смешивать. Идеологии могут меняться в зависимости от политической ситуации, поэтому единство на такой основе неочно, не надежно и может рассыпаться при неблагоприятных условиях, и наша страна на печальном историческом опыте минувшего столетия хорошо это знает. Именно с учетом отрицательного, но все еще ценного опыта в действующей сегодня Российской Конституции закреплен запрет на установление общей государственной идеологии обязательной для всех...»

Все самое главное у нас... есть: богатейшая духовная культура, традиции православия, уникальный ценный опыт совместного мирного проживания и уважительного взаимодействия с представителями других национальностей и религий. Надо только быть достойными наследниками наших предков и жить в соответствии с убеждениями, чтобы дело со словами не расходилось»⁴⁷.

Безусловно, можно на множестве страниц прокомментировать сказанное Святейшим Патриархом Московским и всей Руси Кириллом, но нельзя эти мысли выразить короче и точнее. Господь Бог щедро наградил Патриарха и даром предвидения, и апостольским даром красноречия. В подтверждение этому приведем еще одно его определение: «Русский мир – это общность святынь. Используя это слово не только в религиозном значении, хотя и это изменение, несомненно, очень важно, общность мировоззренческих идей и нравственных ценностей объединяет людей разного этнического происхождения, разных вероисповеданий и культурных традиций...»

Ключевое понятие, общий знаменатель в формуле «Русского мира» – традиция. Традиция – это следует из самой внутренней формы слова, ибо в переводе с латыни оно буквально означает предание, передачу, – в первую очередь обеспечивает связь поколений, сохраняет и передает людям ценный духовный и культурный опыт. Без этого опыта невозможны ни существование народа, ни крепкая, устойчивая государственность, являющаяся, по сути, зерним выражением воли нации к общественной самоорганизации»⁴⁸.

Цивилизационная самобытность – это не приватизированное русское достоинство. Им обладали многие развитые цивилизации как древности, так и те, история которых завершилась таинственным образом. Самобытен арабский мир. Множеством цивилизаций представлены Африка, Южная Америка, Азия, Япония, Корея и Китай.

О цивилизационной самобытности России размышляли величайшие представители отечественной науки, писатели, философы, богословы. Однако с легкой руки русофобов русским в национальной идентичности, в культурном цивилизационном суверенном феномене зарубежные мыслители отказывали. Играло свою роль и то, что православной

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

и советской империи это не нужно было доказывать. Но сейчас время изменилось: Россия вновь заняла достойное место в содружестве наций.

Безусловно, проблемы цивилизационного развития суверенной России всегда привлекали внимание ученых. Особый интерес вызывает деятельность национальных центров по изучению проблем цивилизации⁴⁹; издаются серии книг под общим названием «История советской цивилизации»; много внимания различным аспектам истории славянской цивилизации уделяет Международная славянская академия, президентом которой является д-р юрид. наук, проф. С.Н. Бабурин⁵⁰. Как позитивный факт следует рассматривать создание В.В. Жириновским успешно действующего Института мировых цивилизаций, а также то, что в России сложилась солидная группа ученых, занимающихся разработкой глобальных и региональных проблем истории цивилизационного развития человечества⁵¹.

Особое значение для понимания процессов развития и становления цивилизации имеют фундаментальные труды, посвященные всемирной истории. Недостатка в трудах такого формата нет. Например, немецким ученым В. Онкеном в 1879–1893 гг. в 46 томах опубликована «Всемирная история в монографиях»; в Париже в течение 1893–1901 гг. вышла в свет 12-томная «Всемирная история» под редакцией Э. Лависса и А. Ромбо; под таким же названием опубликовал свой семитомный труд в Берлине в 1907–1925 гг. И. Пфлугк-Гартунг.

В 20–50-х годах XX в. наука обогатилась новыми исследованиями: в 1929–1933 гг. появилась 10-томная «Всемирная история» под редакцией В. Гетца; в 1925–1939 гг. – 10-томная «Всеобщая история» под редакцией Г. Глотца; в 1927–1952 гг. издан 20-томный фундаментальный труд «Народы и цивилизации» под редакцией А. Альфана и Ф. Саньяка и др.

Не остались в стороне от масштабных исследований и отечественные ученые, среди которых особое место занимает перевод на русский язык немецкого издания «История человечества. Всемирная история», выполненный в девяти томах под редакцией Г. Гельмольта с обширными дополнениями и комментариями российских ученых. Этот труд был опубликован Санкт-Петербургским издательством «Пропагандование» в 1904–1909 гг.

Эпохальным можно назвать проект, замысел которого охватывает изложение всемирной истории в 24 томах, первые из которых вышли в 1999–2000 гг. и ознаменовали собой претензию на объективное, не идеализированное, воссоздание истории цивилизаций. Авторам принадлежит и краткий историографический обзор с перечислением работ наиболее известных мыслителей, начиная с Демокрита, Геродота,

⁴⁹ Например, Центр по изучению Русско-турецкой Славянской Ведической цивилизации.

⁵⁰ Академия выпускает журнал «Славяне», создающий многоплановое представление о славянской цивилизации и русском мире.

⁵¹ См., напр.: Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов Российской академии наук / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019; Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020; Жуков В.И. Славяно-русская цивилизация: историко-правовой анализ феномена: в 2 т.; Кара-Мурза С.Г. Указ. соч.; Никонов В.А. Указ. соч.; Кузык Б.Н. Указ. соч.; Уткин А.И. Указ. соч.

Лукреция Кара и до Г. Лессинга и А. Тойнби⁵². В основу своего труда авторы положили «Всемирную историю» в 10 томах, издававшуюся под редакцией акад. Е.М. Жукова в 1955–1965 гг., скорректировав мировоззренческие оценки и исследовательские выводы, но сохранив богатейшую фактуру, основанную на достоверных источниках.

Не оставлены без внимания и работы зарубежных авторов. Наиболее существенным является то, что многотомный труд авторов освещает всемирную историю в формате становления и развития не истории стран, а в парадигме цивилизационного процесса и того пути, который прошли известные цивилизации.

Исключение в этом плане составляет история славяно-русской цивилизации, оставленная авторами практически без внимания.

По мнению авторов названного уникального труда, весь путь до появления классов человечество прошло «более чем за 600 тысячелетий»⁵³. Раскопки, проведенные на территории Испании и некоторых других современных стран, увеличивают эту дистанцию как минимум на 200 тыс. лет, но более или менее достоверные сведения о начале цивилизационных процессов относятся к истории египетской цивилизации и датируются концом IV – началом III тыс. до н.э.⁵⁴ Но это не единственная проблема, которая носит дискуссионный характер.

Изучение истории российской цивилизации актуализируется и тем, что она стала зоной нарастающего теоретического противоборства и составной частью «гибридной» войны, полыхающей в мире. Пример тому – выход в свет книги А. Абалова и В. Иноземцева, посвященной памяти Зб. Бжезинского⁵⁵.

Названная книга была бы корректной, если бы речь шла о бесконечной славяно-русской цивилизации, но само посвящение работы Зб. Бжезинскому свидетельствует об изначальной нацеленности на несоблюдение принципа историзма. Ее основной текст свидетельствует о предвзятом подходе к изложению истории Российской Империи, а не истории становления и развития русской цивилизации, которая приобрела имперские черты позднее многих государств, сложившихся в форме империй задолго до первой четверти XVIII в., когда появилась русская империя, и императором стал Петр I.

Существенное значение имеет и то, что созданные ранее империи были результатом колонизации и поглощения суверенных государств. Расположенные в Европе монополии «выкачивали из своих колоний» людские, материальные, природные, финансовые и другие ресурсы, блокировали развитие традиционных обычаяев, верований, ограничивали образование и науку, что не отвечало национальным интересам населения таких стран. Часть колониального мира рухнула после Первой мировой войны, еще больше стран обрели независимость после Второй мировой войны. Важно заметить, что ни одна империя, будь то английская, французская, голландская или германская, колониальными империями стали, а цивилизациями – нет.

⁵² См.: Всемирная история. У истоков цивилизации. Бронзовый век. Мн., М., 1999. С. 6–8.

⁵³ Там же. С. 10.

⁵⁴ См.: там же.

⁵⁵ См.: Абалов А., Иноземцев В. Бесконечная империя: Россия в поисках себя. М., 2021.

В отличие от них, Россия, создавая цивилизационное пространство, развивала национальное самосознание, сохраняла культуру, язык, обычай, верования, развивала экономику и т.д. Иными словами, Российская Империя кардинально отличалась от колониальных стран.

Входившие в состав цивилизационного пространства России государства добровольно утрачивали часть своего суверенитета, но их независимость и самобытность обеспечивалась центральными органами управления. В связи с этим следует напомнить о том, что даже в средние века Рим захватывал чужие страны, а Москва объединяла земли вокруг себя.

При очевидной ангажированности и заряженности на фальсификацию имперской сущности России А. Абалов и В. Иноземцев декларируют свою нацеленность на объективность изложения и, по их выражению, «не намерены выражать своего отношения к тому, хороша или плоха российская имперскость; ...чего больше принесла такая особенность стране и ее народу – славы или страдания»⁵⁶. Если авторы излагают «не свое отношение» к предмету исследования, то чье? Почему «славу или страдания» разделяет союз или, а не и? Какие империи развивались только в формате славы, не зная страданий?

Наконец, российскую или советскую империю населали народы или народ? При ответе на этот вопрос нужно понимать, что православная империя не ставила перед собой задачу сформировать из многонационального и поликонфессионально разобщенного населения единый народ. Процесс консолидации шел эволюционным путем, что и проявилось в годы Первой мировой войны.

Этот процесс развития российской цивилизации был прерван февральскими событиями 1917 года, спровоцированными и организованными британскими специальными службами. На другом этапе развития российской цивилизации шел ненасильственный процесс формирования новой этнической общности «советский народ». Но он был разрушен «прорабами», «мастерами» и «подмастерьями» «перестройки». В первом случае разрушительную роль сыграла взращенная Англией компрадорская буржуазия, либеральная профессура и введенные в заблуждение широкие народные массы. Во втором – советские вожди, возжелавшие превратить в личную собственность то, чем они управляли. Но до конца разрушить межэтнический и межконфессиональный российский потенциал солидарности не удалось ни «واشنطنскому обкому», ни «пятой колонне», ни олигархам. Россия отстояла свое цивилизационное пространство и продолжает его укреплять.

Но вернемся к работе А. Абалова и В. Иноземцева. Небрежность изложения замыслов в предисловии к книге не обещает читателю объективного взгляда на предмет. Сомнения в объективности авторского похода к изучению феномена «империя» усиливается, когда авторы называют имена множества ученых и специалистов, среди которых редко встречаются действительно авторитетные в России и за рубежом исследователи.

Содержание обширного труда подтверждает опасения в изначальном, далеко не исследовательском, а откровенно враждебном России понимании исторического процесса. С точки зрения описания места России в истории цивилизации с названной книгой не сравнятся ни одна другая. По мнению авторов, Россия – это империя, которая «не

мертва и сейчас, хотя экономически слаба, идеологически бесодержательна и geopolitically изолирована»⁵⁷.

Из трех «изъянов», указанных авторами, две (экономическая слабость и geopolitическая изоляция) далеки от объективности, а одна – наиболее опасная для развития российской цивилизации – частично справедлива. Можно в еще большей степени расширить круг союзников России, укрепить деловые, партнерские отношения с ними, изменить экономический курс и, заблокировав коррупцию и клановость, обеспечить рост экономического, промышленного, сельскохозяйственного и любого другого производства. Но в области мировоззрения и исторического сознания накопились серьезные и трудно преодолимые проблемы. В их числе – патриотизм как главная национальная идея. Сейчас он формируется школой и семьей. Но даже среди политических лидеров России лишь небольшая часть воспринимается настоящими патриотами, личный пример которых и содержание деятельности отвечает представлениям о патриотизме.

Необходимо радикально обновить кадровую политику и избавить страну от наиболее одиозных фигур, противодействующих возрождению патриотизма как цивилизационного явления.

В конечном счете, как об этом и писал Н. Я. Данилевский, все будет зависеть от того, сможет ли Россия вместе с прочими славянами «образовать особую, самостоятельную культурную единицу, или лишиться всякого культурно-исторического значения...»⁵⁸.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абалов А., Иноземцев В. Бесконечная империя: Россия в поисках себя. М., 2021. С. 7, 44.
2. Амелина Е. Понятие «цивилизация» вчера и сегодня // Общественные науки и современность. 1992. № 2.
3. Барг М.А. Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического анализа // История СССР. 1990. № 5.
4. Бенвенист Э. Цивилизация. История слова: общая лингвистика. М., 1974.
5. Большой энциклопедический словарь. М., 2005. С. 1745.
6. Всемирная история. У истоков цивилизации. Бронзовый век. Мн. – М., 1999. С. 6–8, 10.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка. Современное написание: в 4 т. М., 2001. Т. 4. С. 952.
8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / сост., вступ. ст. и комм. А.А. Галактионова. СПб., 1995.
9. Жуков В.И. Российская цивилизация: историко-правовой анализ феномена: в 2 т. М., 2022.
10. Жуков В.И. Славяно-русско-российская цивилизация. 2-е изд., полиграф., перераб. и доп. М., 2021.
11. Жуков В.И. Уроки российской цивилизации. Российские реформы: итоги преобразований, потенциал и противоречия развития. Воронеж, 1995.

⁵⁷ Там же. С. 44.

⁵⁸ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://dzen.ru/a/X0IMX4Sn8BS9Uu0f> (дата обращения: 20.10.2023).

⁵⁶ Абалов А., Иноземцев В. Указ. соч. С. 7.

12. Историография социальной политики советского государства в годы Великой Отечественной войны / В.И. Жуков, Н.В. Старostenков, В.В. Прилуцкий и др. М., 2011. С. 25.
13. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: в 2 кн. М., 2001–2002.
14. Краткая российская энциклопедия: в 3 т. М., 2005. Т. 3. С. 1745.
15. Кузык Б.Н. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. М., 2008.
16. Леонтьев К.Н. Византия и славянство // Леонтьев К.Н. Собр. соч. М., 1912. Т. 5.
17. Морган Д.Г. Древнее общество. Л., 1935.
18. Никонов В.А. Российская цивилизация. М., 2021. С. 7–9, 12, 14–17, 20, 37.
19. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 4. С. 332–335.
20. Новый иллюстрированный словарь. М., 2003. С. 796.
21. Основы современной цивилизации / под ред. Б.Я. Табачникова. Воронеж, 1991.
22. Основы современной цивилизации: учеб.-метод. пособие. Воронеж, 1993.
23. Основы современной цивилизации: учеб. пособие. Ч. IV. Человек и общество / под ред. Л.Н. Боголюбова, А.Ю. Лазебниковой. М., 1992.
24. Популярный энциклопедический иллюстрированный словарь. Европедия. М., 2003. С. 582, 1077.
25. Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020.
26. Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации / сост. О.А. Платонов. М., 2000.
27. Славянская энциклопедия: в 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 635.
28. Словарь иностранных слов: в 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 363.
29. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд., исп. и доп. М., 1990. С. 14–91.
30. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
31. Социологическая энциклопедия: в 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 751–754.
32. Спицын Е.Ю. Древняя и Средневековая Русь в IX–XVII вв.: полный курс истории России для учителей, преподав. и студ. М., 2019. Кн. I.
33. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия. М., 1998.
34. Тихонов В. Будущее человеческой цивилизации и России. Закономерности развития человеческого общества. М., 1996.
35. Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов Российской академии наук / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019.
36. Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций: учеб. пособие. М., 2000. С. 7, 8, 524, 525, 534, 535, 555.
37. ФеврЛ. Цивилизация: Эволюция слова и группы идей // ФеврЛ. Бой за историю. М., 1991.
38. Человеческий капитал в годы Великой Отечественной войны: особенности формирования и развития / В.И. Жуков и др. М., 2011. С. 97.
39. Энциклопедический словарь: в 3 т. М., 1955. Т. 3. С. 581, 582.
40. Яковец Ю.В. История цивилизаций. М., 1995.
2. Amelina E. The concept of “civilization” yesterday and today // Social Sciences and modernity. 1992. No. 2 (in Russ.).
3. Barg M.A. Category “civilization” as a method of comparative historical analysis // History of the USSR. 1990. No. 5 (in Russ.).
4. Benveniste E. Civilization. The history of the word: general linguistics. М., 1974 (in Russ.).
5. The Great Encyclopedic Dictionary. М., 2005. P. 1745 (in Russ.).
6. World history. At the origins of civilization. The Bronze Age. Minsk – М., 1999. Pp. 6–8, 10 (in Russ.).
7. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Russian language. Modern writing: in 4 vols. 2001. Vol. 4. P. 952 (in Russ.).
8. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe: a look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Roman / comp., intro. art. and comm. A.A. Galaktionov. SPb., 1995 (in Russ.).
9. Zhukov V.I. Russian civilization: historical and legal analysis of the phenomenon: in 2 vols. М., 2022 (in Russ.).
10. Zhukov V.I. Slavic-Russian-Russian civilization. 2nd ed., polygraph., reprint and add. М., 2021 (in Russ.).
11. Zhukov V.I. Lessons of Russian civilization. Russian reforms: the results of transformations, potential and contradictions of development. Voronezh, 1995 (in Russ.).
12. Historiography of the social policy of the Soviet state during the Great Patriotic War / V.I. Zhukov, N.V. Starostenkov, V.V. Prilutsky et al. М., 2011. P. 25 (in Russ.).
13. Kara-Murza S.G. Soviet civilization: in 2 books. М., 2001–2002 (in Russ.).
14. Brief the Russian Encyclopedia: in 3 vols. М., 2005. Vol. 3. P. 1745 (in Russ.).
15. Kuzyk B.N. Russia in the civilizational dimension: the fundamental foundations of the strategy of innovative development. М., 2008 (in Russ.).
16. Leontiev K.N. Byzantium and Slavonism // Leontiev K.N. Collected works. М., 1912. Vol. 5 (in Russ.).
17. Morgan D.G. Ancient society. L., 1935 (in Russ.).
18. Nikonor V.A. Russian civilization. М., 2021. Pp. 7–9, 12, 14–17, 20, 37 (in Russ.).
19. The New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols. М., 2001. Vol. 4. Pp. 332–335 (in Russ.).
20. The new illustrated dictionary. М., 2003. P. 796 (in Russ.).
21. Fundamentals of modern civilization / ed. by B. Ya. Tabachnikov. Voronezh, 1991 (in Russ.).
22. Fundamentals of modern civilization: textbook. Voronezh, 1993 (in Russ.).
23. Fundamentals of modern civilization: textbook. Part IV. Man and society / ed. by L.N. Bogolyubov, A. Yu. Lazebnikova. М., 1992 (in Russ.).
24. Popular encyclopedic illustrated dictionary. Европедия. М., 2003. Pp. 582, 1077 (in Russ.).
25. Savenkov A.N. State and law in the period of crisis of modern civilization. М., 2020 (in Russ.).
26. Holy Russia. Encyclopedic Dictionary of Russian civilization / comp. O.A. Platonov. М., 2000 (in Russ.).
27. Slavic Encyclopedia: in 2 vols. М., 2002. Vol. 2. P. 635 (in Russ.).
28. Dictionary of foreign words: in 2 vols. М., 2002. Vol. 2. P. 363 (in Russ.).
29. The Soviet Encyclopedic Dictionary / chief editor A.M. Prokhorov. 4th ed., rev. and add. М., 1990. Pp. 14–91 (in Russ.).
30. Sorokin P.A. Man. Civilization. The society. М., 1992 (in Russ.).

REFERENCES

1. Abalov A., Inozemtsev V. The Endless Empire: Russia in search of itself. М., 2021. Pp. 7, 44 (in Russ.).

31. The Sociological Encyclopedia: in 2 vols. M., 2003. Vol. 2. Pp. 751–754 (in Russ.).
32. *Spitsyn E. Yu.* Ancient and Medieval Russia in the IX–XVII centuries: a complete course in the history of Russia for teachers, having taught. and students. M., 2019. Book I (in Russ.).
33. Comparative study of civilizations: a textbook. M., 1998 (in Russ.).
34. *Tikhonov V.* The future of human civilization and Russia. Patterns of human society development. M., 1996 (in Russ.).
35. Transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind: reports of members of the Russian Academy of Sciences / under the general editorship of A.N. Savenkov. M., 2019 (in Russ.).
36. *Utkin A.I.* Russia and the West: the history of civilizations: textbook. M., 2000. Pp. 7, 8, 524, 525, 534, 535, 555 (in Russ.).
37. *Fevr L.* Civilization: The evolution of words and groups of ideas // *Fevr L.* Battles for history. M., 1991 (in Russ.).
38. Human capital during the Great Patriotic War: features of formation and development / V.I. Zhukov et al. M., 2011. P. 97 (in Russ.).
39. Encyclopedic Dictionary: in 3 vols. M., 1955. Vol. 3. Pp. 581, 582 (in Russ.).
40. *Yakovets Yu. V.* History of civilizations. M., 1995 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЖУКОВ Василий Иванович –
академик РАН,
главный научный сотрудник сектора
философии права,
истории и теории государства и права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

ZHUKOV Vasily I. –
Academician of the Russian Academy of Sciences,
Chief Researcher of the Sector
of Philosophy of Law,
History and Theory of State and Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УСЛОВИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В ЦЕЛЯХ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ

© 2024 г. А. В. Латынцев

*Научно-исследовательский институт правовых экспертиз
и комплексных исследований, г. Москва*

E-mail: info@niilex.ru

Поступила в редакцию 12.05.2023 г.

Аннотация. В статье рассмотрены и обоснованы условия, при которых возможно ограничение интеллектуальных прав, в первую очередь патентообладателей, в целях защиты конституционного права гражданина на охрану здоровья. Тема становится особенно актуальной в современных российских реалиях зарубежных санкций и необходимости обеспечения доступности, в частности, лекарственных препаратов и медицинских изделий. На основании анализа законодательства автором выделены связанные с охраной здоровья основные цели ограничения прав и возможные инициаторы данных ограничений. По результатам исследования позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ по вопросам ограничения прав, а также на основании анализа doctrinalных источников и буквального толкования норм отраслевого законодательства были конкретизированы, систематизированы и обоснованы основные условия и критерии ограничения интеллектуальных прав в целях защиты конституционного права граждан на охрану здоровья.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, исключительные права, право на охрану здоровья, условия ограничения исключительных прав.

Цитирование: Латынцев А. В. Условия ограничения интеллектуальных прав в целях защиты конституционного права граждан на охрану здоровья // Государство и право. 2024. № 4. С. 116–121.

DOI: 10.31857/S1026945224040091

CONDITIONS FOR THE RESTRICTION OF INTELLECTUAL RIGHTS IN THE PROTECTION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT OF CITIZENS TO HEALTH PROTECTION

© 2024 A. V. Latyntsev

Science and Research Institute of Legal and Integrated Studies, Moscow

E-mail: info@niilex.ru

Received 12.05.2023

Abstract. The article examines and substantiates the conditions under which it is possible to restrict intellectual rights, primarily patent holders, in order to protect the constitutional right of a citizen to health protection. The topic is becoming especially relevant in the modern Russian realities of foreign sanctions and the need to ensure the availability, in particular, of medicines and medical devices. Based on the analysis of legislation the author identifies the main goals of restricting rights related to health protection and possible initiators of these restrictions. Based on the results of the study of the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation on the restriction of rights, as well as on the basis of the analysis of doctrinal sources and the literal interpretation of the norms of sectoral legislation, the main conditions and criteria for restricting intellectual rights in the implementation of the constitutional right to health protection were specified, systematized and justified.

Key words: intellectual property law, intellectual rights, the right to health protection, conditions for limiting exclusive rights.

For citation: Latyntsev, A.V. (2024). Conditions for the restriction of intellectual rights in the protection of the constitutional right of citizens to health protection // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 116–121.

Связанные с охраной здоровья цели ограничения прав и возможные инициаторы данных ограничений

В контексте проводимых исследований необходимо выделить: 1) конституционное право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь (ч. 1 ст. 41 Конституции РФ); 2) непосредственно корреспондирующую с указанным выше конституционным правом одну из базовых конституционных обязанностей Российской Федерации, как социального государства, по охране здоровья (ч. 2 ст. 7 Конституции РФ).

Как отмечается Всемирной организацией здравоохранения, понимание здоровья в качестве одного из прав человека налагает на государства юридическое обязательство обеспечить доступ к своевременной, приемлемой и доступной по стоимости медицинской помощи надлежащего качества, а также соответствующие детерминанты здоровья, такие как безопасная питьевая вода, санитария, пищевые продукты, жилье, связанная со здоровьем информация и санитарное просвещение и гендерное равенство¹.

В силу ч. 1 ст. 15 Конституции РФ перечисленные выше конституционные нормы имеют высшую юридическую силу и прямое действие.

Р.И. Сидникова отмечает, что достижение справедливого баланса частных, общественных и публичных интересов в правоотношениях в сфере интеллектуальной собственности является необходимой составляющей построения гражданского общества и социально ориентированного государства, в котором малообеспеченные люди имеют возможность доступа, в частности, к произведениям науки для удовлетворения своих разумных потребностей, носящих некоммерческий характер. Закрепление в российском законодательстве соответствующих специальных принципов правового регулирования соответствует международным тенденциям и требованиям Соглашения ТРИПС².

По мнению Ю.Н. Андреева, ограничение прав должно происходить на основе гармоничного учета частных и публичных интересов, прав и законных интересов других лиц³.

Необходимость достижения справедливого баланса публичного и частного интересов при ограничении интеллектуальных прав признается подавляющим большинством исследователей права, но ими же отмечается практически полное отсутствии в российском законодательстве и судебной практике каких-либо четких правил для определения такого баланса⁴.

¹ См.: URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/human-rights-and-health> (дата обращения: 10.02.2023).

² См.: Сидникова Р.И. Обеспечение частных, общественных и публичных интересов авторским правом / науч. ред. М.Ю. Чельщев. М., 2013.

³ См.: Андреев Ю.Н. Ограничения в гражданском праве России. СПб., 2011.

⁴ См.: Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М., 2016.

Буквальное толкование ч. 3 ст. 55 Конституции РФ позволяет выделить, в частности, следующие цели, для достижения которых допускается ограничение прав, в том числе исключительных прав патентообладателей:

1) защита здоровья

Определение термина «здоровье» приведено в ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и имеет отношение к человеку, как отдельному субъекту права.

Соответственно, реализация данной цели предполагает, что инициатором ограничения прав может быть непосредственно сам гражданин, заинтересованный в защите своего здоровья;

2) защита прав и законных интересов других лиц, в том числе их права на охрану здоровья, гарантированного ч. 1 ст. 41 Конституции РФ

Данная цель заслуживает отдельного внимания, так как позволяет существенно расширить круг инициаторов ограничений прав. Так, с данной инициативой может выступить гражданин не только в целях защиты своего здоровья, но также здоровья других лиц. Право инициативы рассматриваемых ограничений также предоставляется иным субъектам гражданского права (организациям, государственным и муниципальным органам и др.);

3) обеспечение безопасности государства

Согласно ст. 4 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности определяет Президент РФ. Государственная политика в области обеспечения безопасности реализуется федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления на основе стратегии национальной безопасности Российской Федерации, иных концептуальных и доктринальных документов, разрабатываемых Советом Безопасности и утверждаемых Президентом РФ.

В п. 33 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400) среди задач обеспечения национальной безопасности, в частности, указаны: повышение качества и доступности медицинской помощи, включая вакцинацию и лекарственного обеспечения; обеспечение устойчивости системы здравоохранения, ее адаптации к новым вызовам и угрозам, в том числе связанным с распространением инфекционных заболеваний, создание резервов лекарственных препаратов и медицинских изделий.

Для достижения целей обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в п. 67 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указаны, в частности, следующие задачи: расширение производства лекарственных средств и медицинских изделий; создание и производство отечественных вакцин против актуальных инфекционных заболеваний.

Соответственно, инициаторами ограничений прав с целью обеспечения безопасности государства могут выступать

федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления на основе документов, разрабатываемых Советом Безопасности и утверждаемых Президентом РФ.

Решение указанных выше задач в сфере охраны здоровья граждан при достижении целей обеспечения безопасности государства соответствует реализации одной из базовых конституционных обязанностей Российской Федерации как социального государства, по охране здоровья людей (ч. 2 ст. 7 Конституции РФ). Таким образом, выступление с инициативами по охране здоровья, в частности, при недостаточной доступности лекарств и медицинских изделий по ограничению прав соответствующих патентообладателей, есть не только право, но и обязанность государственных, региональных и муниципальных органов власти на основании документов, разрабатываемых Советом Безопасности и утверждаемых Президентом РФ. Однако правовые механизмы данных ограничений в российском гражданском законодательстве в настоящее время регламентированы только для Правительства РФ, что требует дополнительной проработки правового инструментария.

С учетом различия выделенных выше целей может предусматриваться различный правовой инструментарий ограничения прав.

Например, в сфере патентного права для ограничения прав недобросовестных либо недостаточно эффективных патентообладателей в целях защиты прав других лиц на охрану здоровья может использоваться принудительное лицензирование. Правовые механизмы безлицензионного (бездоговорного) использования объектов патентной охраны, предусмотренные ст. 1360 ГК РФ, могут использоваться Правительством РФ как для достижения целей обеспечения национальной безопасности, так и с целью защиты права граждан на охрану здоровья.

Следует отметить, что указанная выше классификация условно соотносится с признаваемым многими правоведами разделением составляющих публичных интересов.

Так, А.Н. Варламова пришла к выводу, что существующие в юриспруденции взгляды на то, какие интересы называются публичными, условно можно объединить в несколько групп. Публичными одни ученые признают интересы государства, другие – общества. Третьи рассматривают в качестве публичных универсальные, общезначимые индивидуальные интересы⁵.

По мнению Т.С. Яценко, публичными в гражданском праве следует признавать: государственные интересы; общественные интересы; имеющие важное социальное значение интересы группы лиц; интересы отдельных субъектов, приобретающих при определенных условиях особый социальный статус⁶.

⁵ См.: Варламова А.Н. Принцип свободы договора в конкурентном праве // Конкурентное право. 2020. № 1. С. 6–9.

⁶ См.: Яценко Т.С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 102.

Многогранность понятия «здравые»

Пreamble Устава (Конституции) ВОЗ содержит следующее определение: «Здоровье является состоянием полно-го физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней или физических дефектов».⁷

Почти аналогичное определение понятия «здравые» закреплено в п. 1 ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: «Здоровье – состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма».

При этом, по мнению М.Н. Малеиной, вряд ли вообще возможно исходить из определения Всемирной организации здравоохранения, что здоровье – состояние полного физического, душевного и социального благополучия, ведь такого идеального состояния не имеют миллионы людей. Включение в определение компонента «социальное благополучие» вообще «размывает» представление о здоровье⁸.

Б. Тобес разделяет гражданские права, связанные с охраной здоровья на две группы: 1) права, непосредственно связанные с охраной здоровья (право на профилактическую охрану здоровья, первичную охрану здоровья, охрану здоровья детей, медицинскую помощь, в том числе в до- и послеродовые периоды, и др.); 2) права, направленные на сохранение здоровья (право на чистую питьевую воду; удовлетворительные санитарные условия; удовлетворительное питание; здоровую окружающую среду; борьбу с профессиональными заболеваниями; профилактическую и консультационную информацию, упразднение вредных обычаяев)⁹.

При этом медицинскую помощь он относит к элементам первой группы. Соответственно, право на охрану здоровья должно включать в себя как профилактическую (предпосылки здоровья), так и медицинскую помощь, оказываемую при выявлении болезни.

Общепринятым является мнение, что право на охрану здоровья нельзя отождествлять только с правом на медицинскую помощь, т. к. здоровье человека – это результат сложного взаимодействия социальных, средовых и биологических факторов¹⁰.

Соответственно, можно согласиться с выводом, сделанным Б. Тобесом о том, что «понятие охраны здоровья шире понятия медицинской помощи, поскольку оно включает в себя профилактическую медицинскую помощь»¹¹. Также в понятие охраны здоровья обычно включаются реабилитационные мероприятия.

По замечанию М. Н. Малеиной, здоровье человека как родовое понятие можно разложить на виды с учетом статуса гражданина, вида заболевания или травмы. Так, зачастую используются термины «репродуктивное

⁷ Сайт Всемирной организации здравоохранения // <https://www.who.int/ru/about/who-we-are/constitution> (дата обращения: 03.12.2022).

⁸ См.: Малеина М.Н. Юридическая характеристика здоровья как нематериального блага // Медицинское право. 2014. № 4. С. 12–16.

⁹ См.: Тобес Б. Право на здоровье: теория и практика. М., 2001. С. 221.

¹⁰ См., напр.: Право на бесплатную медицинскую помощь / под общ. ред. Э.Г. Тучковой, Т.С. Гусевой. М., 2019.

¹¹ Тобес Б. Указ. соч. С. 221.

здравье», «здравье детей», «здравье работника», «здравье военнослужащего»¹².

Как отмечают П. Г. Габай и Р. Ю. Карапетян, согласно действующему российскому законодательству профилактика в отличие от лечения не требует каких-либо специальных медицинских показаний¹³. К аналогичным выводам приходят С. В. Сидоров и Н. Ю. Чернусь¹⁴.

Также, по замечанию М. Н. Малеиной, следует проводить границу между понятиями «здравье человека» и «здравье населения», «санитарно-эпидемиологическое благополучие населения». Здоровье населения выявляется посредством проведения социально-гигиенического мониторинга и учитывает социальные, климатические, географические и метеорологические условия, в которых живет или временно находится группа людей (население региона или страны). Таким образом, «здравье населения» и «санитарно-эпидемиологическое благополучие населения» используются как обобщающие понятия, касающиеся неопределенного круга лиц, проживающих и временно находящихся на территории определенного региона или страны¹⁵.

Таким образом, закрепленное в п. 1 ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определение понятия «здравье» представляется излишне «широким» для применения на практике, в частности, при ограничении прав патентообладателей.

Для судебной и иной правоприменительной практики необходима конкретизация дополнительных критериев. Например, для ограничения прав патентообладателей в отношении результатов интеллектуальной деятельности, связанных с лекарствами или медицинскими изделиями, могут быть использованы критерии недостаточной доступности данных продуктов для пациентов или медицинских и иных организаций сферы здравоохранения.

Позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ по вопросам ограничения прав

Часть 1 ст. 55 Конституции РФ закрепляет требования о том, что перечисление в ней основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. При этом ч. 3 указанной статьи допускает ограничение прав и свобод, но только федеральным законом и исключительно в той мере, в какой это необходимо в целях защиты, в частности здоровья, прав и законных интересов других лиц.

Таким образом, для достижения целей охраны здоровья людей не допускается отрицание или умаление иных общепризнанных прав, однако возможно их ограничение при одновременном наличии следующих условий: 1) закрепление данных ограничений в федеральном законе; 2) применение их только в необходимой мере.

¹² Малеина М. Н. Указ. соч. С. 12–16.

¹³ См.: Габай П. Г., Карапетян Р. Ю. Профилактическая мастэктомия при мутации генов BRCA1 и BRCA2: правовые аспекты // Медицинское право. 2018. № 1. С. 41–47.

¹⁴ См.: Сидоров С. В., Чернусь Н. Ю. Выполнение профилактической мастэктомии в онкологических учреждениях здравоохранения: правовые аспекты // Медицинское право. 2016. № 6. С. 24–28.

¹⁵ Малеина М. Н. Указ. соч.

Данные конституционные нормы рассматриваются в судебной практике в основном в части административного либо уголовного судопроизводства.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, ограничения конституционных прав должны соответствовать, в частности, следующим критериям: 1) должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений; 2) при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; 3) публичные интересы, перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в т. ч. прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права, т. е. не ограничивают пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм; 4) чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения (Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П).

Как следует из правовой позиции Конституционного Суда РФ, в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он, имея целью воспрепятствовать злоупотреблению правом, должен использовать не чрезмерные, а только необходимые и обусловленные конституционно признаваемыми целями меры (постановления Конституционного Суда: от 13.07.2010 № 15-П, от 14 мая 1999 № 8-П; от 14.11.2005 № 10-П). Публичные интересы, перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату (Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2010 № 14-П). Возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина допускаются федеральным законом только при условии ясности и недвусмыслиности нормы права, ее единобразного понимания и толкования всеми правоприменителями (Постановление Конституционного Суда РФ от 24.06.2009 № 11-П).

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 января 2019 г. № 4-П указывается, что в целях защиты перечисленных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ публично значимых интересов допустимо использование не любых возможных, а наименее обременительных для субъектов правоотношений средств.

Важно отметить, что Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал невозможность ограничения права на судебную защиту, которое выступая гарантом всех иных прав и свобод, в том числе права собственности и свободы экономической деятельности, не подлежит ограничению по смыслу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ (постановления Конституционного Суда РФ от 25.07.2001 № 12-П; от 15.02.2016 № 3-П).

В соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами

общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» под ограничением прав и свобод человека понимаются любые решения, действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, а также иных лиц, вследствие принятия или осуществления (неосуществления) которых в отношении лица, заявляющего о предполагаемом нарушении его прав и свобод, созданы препятствия для реализации его прав и свобод. При этом любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе; преследовать социально значимую, законную цель; являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социальной значимой, законной цели).

Несоблюдение одного из этих критериев ограничения представляет собой нарушение прав и свобод человека, которые подлежат судебной защите в установленном законом порядке.

В п. 19 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.05.2018 г.), выделяются следующие требования к соразмерности ограничений прав заказчиков, вытекающие из смысла ч. 3 ст. 55 Конституции РФ: ограничения должны преследовать законную цель; быть пригодным и необходимым для ее достижения; не создавать ситуацию, когда исполнение предписанных мер приведет к наступлению существенных неблагоприятных последствий для заказчика.

В развитие положений ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ закреплена возможность ограничения гражданских прав на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в перечисленных в законе целях, в частности с целью защиты здоровья. Данные положения в полной мере распространяются на патентное право.

По мнению О.Н. Ермоловой, анализ положений законодательства позволяет выделить и сформулировать принцип, являющийся противоположным по содержанию принципу свободы предпринимательской деятельности, — принцип ограничения свободы предпринимательской деятельности в общегосударственных интересах (принцип приоритета общегосударственных интересов)¹⁶.

М.А. Егорова отмечает, что основная функция ограничений в гражданском праве состоит в обеспечении интересов определенных групп субъектов, нуждающихся в защите в силу особенностей их правового, экономического или социального положения, в целях выравнивания условий их деятельности в обороте и устранении возможностей злоупотребления правом со стороны контрагентов или государства¹⁷.

Как полагает М.А. Егорова, все основания публичного вмешательства в частноправовую сферу сводятся к трем основным группам: 1) экономические предпосылки; 2) наличие стратегического публичного

¹⁶ См.: Ермолова О.Н. Реализация принципов свободы и ограничения предпринимательской деятельности в нормативном регулировании и правоприменении // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 4. С. 42–44.

¹⁷ См.: Егорова М.А. Правовой режим зачета в гражданско-правовых обязательствах. М., 2012.

интереса; 3) патерналистские ограничения частноправовой свободы¹⁸.

А.Г. Карапетов и А.И. Савельев указывают, что ограничения могут быть предопределены и вполне утилитарными соображениями. Самое очевидное из них — локальная экономическая неэффективность, возникающая в силу «привалов рынка» (market failure), и, в частности, монополизма и наличия негативных внешних эффектов (экстерналий), а также связанная со сбоями в функционировании модели рационального выбора (например, в связи с информационной асимметрией и ограниченной рациональностью участников оборота)¹⁹.

Условия и критерии ограничения исключительных прав в целях охраны здоровья

С учетом вышеизложенного можно выделить следующие основные условия и критерии, позволяющие конкретизировать необходимую меру применения ограничения исключительных прав патентообладателей для достижения целей охраны здоровья людей.

Основными условиями применения ограничения исключительных прав патентообладателей для достижения целей охраны здоровья людей являются: 1) закрепление данных ограничений в федеральном законе (для патентных правоотношений только в Гражданском кодексе РФ); 2) соразмерность, пропорциональность, необходимость, адекватность, пригодность, справедливость и обусловленность ограничений параметрам задач, решаемым при достижении установленных целей, при обеспечении баланса конституционно защищаемых ценностей, законных интересов третьих лиц и интересов правообладателей; 3) отсутствие ограничений иных прав патентообладателей, не связанных с достижением целей охраны здоровья, и не ущемление их законных интересов необоснованным образом, в частности, отсутствие препятствий обычному использованию объектов интеллектуальной собственности; 4) выплата правообладателям справедливого вознаграждения (соразмерной компенсации); 5) возможность судебной защиты, которая не подлежит ограничению.

Для соблюдения указанных условий регламентация правоотношений, связанных с ограничением прав, должна быть ясной, точной, детально проработанной, недвусмысленной, обеспечивающей единообразное понимание и толкование всеми правоприменителями, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и предоставляемых прав.

Например, в качестве основных критериев, позволяющих конкретизировать необходимую меру применения ограничения исключительных прав патентообладателей в отношении результатов интеллектуальной деятельности, связанных с товарами в сфере здравоохранения, предлагается использовать соблюдение параметров доступности конкретных лекарств (первую очередь, включенных в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов) и медицинских изделий (в первую

¹⁸ См.: Егорова М.А. Основания государственного вмешательства в регулирование экономических отношений // Юрист. 2015. № 20. С. 17–21.

¹⁹ См.: Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. Т. 1: Теоретические, исторические и политico-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. М., 2012.

очередь наиболее критичных для развития национального здравоохранения).

Для эффективного функционирования предлагаемых правовых механизмов целесообразна унификация и государственное регулирование процедур определения параметров доступности, по крайней мере наиболее важных для отечественного здравоохранения лекарственных препаратов и медицинских изделий с последующей их фиксацией в соответствующих общедоступных программных и планово-статистических медицинских документах. При этом потребуется правовая регламентация процедур, необходимых для анализа и мониторинга рынков соответствующих лекарственных препаратов и медицинских изделий, расчета и обоснования параметров их доступности, порядков утверждения, обнародования, обеспечения доступности информации, периодического пересмотра и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреев Ю. Н.* Ограничения в гражданском праве России. СПб., 2011.
2. *Варламова А. Н.* Принцип свободы договора в конкурентном праве // Конкурентное право. 2020. № 1. С. 6–9.
3. *Габай П. Г., Карапетян Р.Ю.* Профилактическая мастэктомия при мутации генов BRCA1 и BRCA2: правовые аспекты // Медицинское право. 2018. № 1. С. 41–47.
4. *Егорова М. А.* Основания государственного вмешательства в регулирование экономических отношений // Юрист. 2015. № 20. С. 17–21.
5. *Егорова М. А.* Правовой режим зачета в гражданско-правовых обязательствах. М., 2012.
6. *Ермолова О. Н.* Реализация принципов свободы и ограничения предпринимательской деятельности в нормативном регулировании и правоприменении // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 4. С. 42–44.
7. *Карапетов А. Г., Савельев А. И.* Свобода договора и ее пределы: в 2 т. Т. 1: Теоретические, исторические и политico-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. М., 2012.
8. *Малеина М. Н.* Юридическая характеристика здоровья как нематериального блага // Медицинское право. 2014. № 4. С. 12–16.
9. Право на бесплатную медицинскую помощь / под общ. ред. Э.Г. Тучковой, Т.С. Гусевой. М., 2019.
10. Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М., 2016.
11. *Сидоров С. В., Чернусь Н. Ю.* Выполнение профилактической мастэктомии в онкологических учреждениях здравоохране-

ния: правовые аспекты // Медицинское право. 2016. № 6. С. 24–28.

12. *Ситдикова Р.И.* Обеспечение частных, общественных и публичных интересов авторским правом / науч. ред. М.Ю. Челышев. М., 2013.
13. *Тобес Б.* Право на здоровье: теория и практика. М., 2001. С. 221.
14. *Яценко Т. С.* Гражданско-правовая охрана публичных интересов: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 102.

REFERENCES

1. *Andreev Yu. N.* Restrictions in the Civil Law of Russia. SPb., 2011 (in Russ.).
2. *Varlamova A. N.* The principle of freedom of contract in Competition Law // Competition Law. 2020. No. 1. Pp. 6–9 (in Russ.).
3. *Gabay P. G., Karapetyan R. Yu.* Preventive mastectomy for BRCA1 and BRCA2 gene mutations: legal aspects // Medical Law. 2018. No. 1. Pp. 41–47 (in Russ.).
4. *Egorova M. A.* Grounds for state intervention in the regulation of economic relations // Lawyer. 2015. No. 20. Pp. 17–21 (in Russ.).
5. *Egorova M. A.* The legal regime of offset in civil obligations. M., 2012 (in Russ.).
6. *Ermolova O. N.* Implementation of the principles of freedom and restriction of entrepreneurial activity in regulatory regulation and law enforcement // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2016. No. 4. Pp. 42–44 (in Russ.).
7. *Karapetov A. G., Savelyev A. I.* Freedom of contract and its limits: in 2 vols. Vol. 1: Theoretical, historical and political-legal foundations of the principle of freedom of contract and its limitations. M., 2012 (in Russ.).
8. *Maleina M. N.* Legal characteristics of health as intangible benefits // Medical Law. 2014. No. 4. Pp. 12–16 (in Russ.).
9. The right to free medical care / under the general editorship of E.G. Tuchkova, T.S. Guseva. M., 2019 (in Russ.).
10. Problems of implementing the principles of law in entrepreneurial activity / res. eds V.A. Vaipan, M.A. Egorova. M., 2016 (in Russ.).
11. *Sidorov S. V., Chernus N. Yu.* Fulfillment preventive mastectomy in oncological healthcare institutions: legal aspects // Medical Law. 2016. No. 6. Pp. 24–28 (in Russ.).
12. *Sitdikova R. I.* Ensuring private, public and public interests by copyright / scientific ed. M. Yu. Chelyshev. M., 2013 (in Russ.).
13. *Tobes B.* The right to health: theory and practice. M., 2001. P. 221 (in Russ.).
14. *Yatsenko T.S.* Civil law protection of public interests: dis. ... Doctor of Law. M., 2016. P. 102 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛАТЫНЦЕВ Александр Викторович –
кандидат юридических наук,
директор Научно-исследовательского
института правовых экспертиз и комплексных
исследований; 125480 г. Москва,
ул. Героев Панфиловцев, д. 9, корп. 3

Authors' information

LATYNTSEV Alexander V. –
PhD in Law,
Director of the Science and Research Institute
of Legal and Integrated Studies;
9, bld. 3 Geroyev Panfilovtsev str.,
125480 Moscow, Russia

УДК 342

МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАРОДНОГО ДОВЕРИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

© 2024 г. А. Н. Гуторова

Юго-Западный государственный университет, г. Курск

E-mail: allagutorova@mail.ru

Поступила в редакцию 12.04.2023 г.

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее важные черты специфики механизма обеспечения народного доверия в деятельности муниципальных сообществ. К числу таких автор относит: муниципальные выборы с их особенностями организации, альтернативные формы прямого народовластия и эффективное взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления. Организация единой системы публичной власти, действующей результативно и эффективно, без доверия со стороны населения муниципальным органам власти невозможна. Но при этом муниципальные органы власти одновременно должны пользоваться и доверием компетентных властей субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: публичная власть, государственная власть, местное самоуправление, Европейская хартия местного самоуправления, мандат народного доверия, депутат, глава субъекта, выборы, собрание граждан, публичные мероприятия.

Цитирование: Гуторова А. Н. Механизм обеспечения народного доверия в деятельности муниципальных сообществ // Государство и право. 2024. № 4. С. 122–130.

DOI: 10.31857/S1026945224040108

A MECHANISM FOR ENSURING PEOPLE'S TRUST IN THE ACTIVITIES OF MUNICIPAL COMMUNITIES

© 2024 А. Н. Гуторова

Southwestern State University, Kursk

E-mail: allagutorova@mail.ru

Received 12.04.2023

Abstract. The article discusses the most important features of the specifics of the mechanism for ensuring people's trust in the activities of municipal communities. Among these, the author considers: municipal elections, with their peculiarities of organization, alternative forms of direct democracy and effective interaction between state authorities and local self-government. The organization of a unified system of public authority that operates effectively and efficiently, without the trust of the population in municipal authorities, is impossible. But at the same time, municipal authorities must simultaneously enjoy the trust of the competent authorities of the subject of the Russian Federation.

Key words: public authority, state authority, local self-government, European Charter of Local Self-Government, mandate of people's trust, deputy, head of the subject, elections, citizens' meeting, public events.

For citation: Gutorova, A.N. (2024). A mechanism for ensuring people's trust in the activities of municipal communities // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 122–130.

Народное доверие в той или иной степени проявляется в деятельности всех звеньев публичного аппарата власти, будь то государственные органы или органы местного самоуправления, политическая самоорганизация на федеральном, региональном или местном уровне. В данных явлениях много общего или схожего, однако наблюдается и адекватная этому дифференциация. Особенно это касается деятельности местного самоуправления, которое согласно ст. 12 Конституции РФ является самостоятельным и не входит в систему государственной власти (что, однако, образует некую единую систему «публичной власти» в соответствии с конституционными поправками 2020 года).

При исследовании проблемы обеспечения народного доверия в деятельности муниципальных сообществ прежде всего следует определиться с соответствующими теоретико-методологическими и нормативно-правовыми приоритетами и ориентирами. Если взять за основу советский опыт государственного строительства, никакой дифференциации государственной и муниципальной власти не было, все это мыслилось в качестве методологически единого инструмента обеспечения введенной в закон «воли господствующего класса»¹. Советы депутатов трудящихся организовывались на основе принципа демократического централизма, который методологически отрицал местное самоуправление в современном смысле данного словосочетания². Следовательно, доверие народа на федеральном уровне и «на местах» обеспечивалось тождественным образом, данные институты трактовались в качестве единых и неразрывных.

Несколько иную теоретико-методологическую основу для исследования дают, например, положения Европейской хартии местного самоуправления. В период времени, когда Россия являлась членом Совета Европы, нормы данного документа имели предопределяющее нормативно-правовое значение, учитывались законодателем и конституционным правосудием. В современных условиях, однако, ориентирующее и теоретико-методологическое значение Европейской хартии местного самоуправления также не следует преуменьшать. Речь идет в данном случае не столько об «идеалах и принципах», которые являются «общим достоянием» (пreamble Хартии), сколько о модели организации местного самоуправления, которая наиболее приемлема для Российской Федерации. Как представляется, нормы Европейской хартии местного самоуправления в значительной степени предопределяли и продолжают предопределять содержание Федерального закона от 16 сентября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»³. Это обусловлено не членством России в Совете Европы и не отсутствием такового, но объективными закономерностями развития государства и права в XXI в.

Европейская хартия местного самоуправления базируется на принципе необходимости «соглашений в области управления» («agreements in the administrative field»). Это – вопрос публичного доверия и доверительных отношений в механизме осуществления власти. Публичная власть должна быть организована таким образом, чтобы органы государственной власти и местного самоуправления

¹ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 131.

² См.: Тепляков И.И. Генезис и развитие государственного самоуправления в советской юридической науке // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 3. С. 32.

³ См.: СЗ РФ. 2003. № 40, ст. 3822.

доверяли друг другу, находились в состоянии партнерства и согласия, причем это не исключает возникновение между ними споров и судебных тяжб, конфликта интересов и других явлений «антисотрудничества»⁴. Условия современной России в рамках данной проблематики универсальны. Практически каждое государство, которое имеет обширную территорию и нуждается в территориальной организации публичной власти, вынуждено организовывать такой публично-властный механизм, который имел бы достаточный уровень внутренней согласованности управленческих решений, основанных на корпоративном методе публично-государственного сотрудничества⁵.

Существенным представляется вопрос приоритетов и иерархии в системе демократических институтов. Европейская хартия местного самоуправления квалифицирует муниципальную демократию «как одну из основных» в системе народовластия («one of the main foundations of any democratic regime»). Как это следует толковать с точки зрения конституционно-правовой доктрины? Подчеркнем, что позиция Хартии опирается на «любой» демократический режим (универсальность концепции местного самоуправления, ее применимость к любой демократии вне зависимости от ее национальных, культурных и исторических особенностей); приданье местному самоуправлению статуса «одной из основных» означает, что демократия на государственном уровне имеет важное значение, но без эффективной организации местного самоуправления демократический режим, по сути, не является полноценным возможным.

Полагаем, что применительно к Российской Федерации данные обстоятельства имеют признаки актуализации. На «волне» общего тренда построения единой системы публичной власти вертикально-иерархического типа, создаются угрозы отрицания местного самоуправления как одной из основ демократического режима и универсального средства демократического института доверия власти и общества⁶. Если граждане сами, без участия государственных властей, решают вопросы местного значения, проводя при этом выборы или отзывы, собрания или конференции и т.п. – публичное доверие повышается, что оказывает благоприятное воздействие и на общее доверие граждан к власти государства. Граждан одновременно интересуют и местные, и общегосударственные проблемы. Для разрешения каждой из соответствующих групп публично-правовой проблематики, требуется наличие обосновленных институционально-правовых демократических механизмов. Местное самоуправление, вне сомнения, является одним из них.

После конституционной реформы 1993 года, которая сопровождалась ростом политической активности различных общественных объединений, имеющих целью обеспечение самостоятельности местного самоуправления⁷, сложились институциональные условия для конституционной организации

⁴ Сивицкий В.А. Тенденции развития конституционного статуса местного самоуправления в свете решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 1. С. 10.

⁵ См.: Безруков А.В. Общественные формирования и органы публичной власти в обеспечении конституционного правопорядка: основные направления деятельности и формы сотрудничества // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 25.

⁶ См.: Ширяева В.А. Функциональный анализ категории доверия в системе «власть – общество» // Вестник современных исследований. 2018. № 12. С. 269.

⁷ См.: Кирпичников В.А. Союз российских городов и становление местного самоуправления в России // Эра городов. 1998. № 1. С. 4.

самостоятельного, ответственного и ограниченного в компетенции функционирования жизнедеятельности местных сообществ. Вслед за конституционными гарантами и рядом важных правовых позиций Конституционного Суда РФ⁸ принимались федеральные законодательные акты. В числе прочего, они разграничили ответственность органов местного самоуправления «перед населением» и «перед государством», что имело целью обеспечение публичного доверия, с одной стороны, граждан и муниципалитетов, с другой – муниципалитетов и государственных органов⁹. Полагаем, что данная теоретико-методологическая конструкция является в целом жизнеспособной и приемлемой для Российской Федерации. Граждане должны доверять органам местного самоуправления в той же мере, в какой они должны доверять государству. Местные сообщества и государственно-правовые образования (субъекты Российской Федерации), равно как и государство в целом (Российская Федерация) нуждаются в юридических гарантях взаимного доверия. При этом «доверительность» отношений не предполагает полной и исключительной гармонизации их публично-правовых интересов.

Специфика механизма обеспечения народного доверия в деятельности муниципальных сообществ, таким образом, весьма многогранна и многоаспектна. В связи с этим полагаем необходимым выделить его наиболее важные и существенные черты. В их числе, во-первых, особенности организации муниципальных выборов; во-вторых, развернутая структура гарантированных Конституцией и законом альтернативных (по отношению к представительной демократии) форм прямого, непосредственного народовластия; в-третьих, необходимость эффективной координации деятельности государственной власти и местного самоуправления, при которой возможны и отдельные компоненты субординационных отношений. Рассмотрим их подробно.

Исходя из конституционного смысла муниципально-правовых отношений, местные выборы являются не просто основным, но исключительным способом формирования коллегиальных представительных органов муниципальных образований. На этом делает акцент Европейская хартия местного самоуправления, согласно которой местное самоуправление – это «право и реальная способность» осуществлять «регламентацию и управление значительной частью публичных дел», причем «под свою ответственность» и в «интересах населения». Основную роль здесь, согласно концепции анализируемой Хартии, играют «выборные советы или собрания», которым «подотчетны исполнительные органы». И лишь «кроме этого» местное самоуправление может осуществляться в иных формах, включая «собрания граждан» и «референдумы» (ст. 3).

Если следовать теоретико-методологической конструкции ст. 3 Европейской хартии местного самоуправления, необходимо констатировать, что организация местного самоуправления в России после 1993 г. предпочла несколько иной путь. Вместо институционализации *полноправных, компетентностно-обеспеченных муниципальных органов народного представительства, которым исполнительные органы подотчетны и подконтрольны*, была апробирована модель

⁸ См., напр.: постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.1996 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 58 и пункта 2 статьи 59 Федерального закона от 28 августа 1995 года “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» // СЗ РФ. 1996. № 23, ст. 2811.

⁹ См.: Астафьев П.А. Разграничение ответственности органов местного самоуправления перед населением и государством // Юрид. наука: история и современность. 2017. № 9. С. 69.

выборности «первых лиц» муниципалитетов – глав муниципальных образований¹⁰. С течением времени стало очевидным, что указанная модель имеет ряд институциональных недостатков: представительные органы оттеснялись на периферию, в то время как главы муниципальных образований понимали свой мандат прямого народного доверия буквально, включая гипотетически мыслимую неподконтрольность и неподотчетность органам государственной власти.

Законодатель изначально допустил вариативный путь институционализации выборных органов местного самоуправления, согласно которому главы муниципальных образований могли избираться напрямую населением или «из числа депутатов» представительного органа муниципалитета; в свою очередь, глава муниципального образования мог возглавлять либо представительный орган, либо местную администрацию. В случае совмещения мандата главы муниципального образования с должностью председателя представительного органа, в муниципалитете должен был формироваться административно назначаемый «сити-менеджер», глава местной администрации¹¹. Выбор между указанными институциональными моделями организации местного самоуправления должен был осуществляться свободно, посредством уставного правотворчества, без какого-либо прямого или косвенного вмешательства публичных властей федерального уровня или органов субъектов Федерации.

На данном этапе новейшей государственно-правовой истории России в муниципалитетах складывалась довольно неоднозначная практика¹². На федеральном уровне Президент РФ является однозначно выборным должностным лицом, имеющим прямой мандат народного доверия. В субъектах Российской Федерации апробировался сначала прямой мандат народного доверия высшим должностным лицом, который затем сменился институционализацией доверия Президента РФ и законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации. Подобная практика дезориентировала муниципалитеты: должны ли главы муниципальных образований избираться напрямую населением или из числа депутатов представительного органа? Какая из указанных форм в большей мере соответствует демократической природе местного самоуправления? Юридическая наука и общественно-политическая практика, по сути, избегали однозначного ответа на данный вопрос¹³.

Полагаем, что основная проблема здесь заключалась в недооценке роли и значения представительных органов муниципальных образований как основного инструмента обеспечения мандата народного доверия на местах. В муниципалитетах не требуется полноценное «разделение властей», как это наблюдается на федеральном или региональном уровнях государственной публичной власти. Конечно, принцип разделения властей, в некоторой степени, применим

¹⁰ См.: Саломаткин А.С., Ястребова А.И. К вопросу о «модернизации» статуса главы муниципального образования и порядка его избрания // Проблемы права. 2016. № 4. С. 95.

¹¹ См.: Митячкина Е.С. Историко-правовое развитие правового статуса главы муниципального образования // Вестник Евразийской академии административных наук. 2019. № 1. С. 68.

¹² См., напр.: Игнатенко Д.Ю. Проблемные вопросы, связанные с определением конституционно-правового статуса главы муниципального образования // Политематический сетевой научный журнал Кубанского гос. аграрного ун-та. 2006. № 22. С. 292.

¹³ См.: Джалагарин Н.В. Представительные начала правового статуса главы муниципального образования // Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство, право и управление. 2010. № 4. С. 77.

к организации жизнедеятельности локальных сообществ (в той мере, в какой не допускается концентрация публичной власти и необходима система «сдержек и противовесов»)¹⁴. Но в муниципалитетах нет и ни может быть ни законодательной, ни судебной ветвей власти. В отличие от государственного аппарата, где исполнительная власть пользуется существенной самостоятельностью в реализации своих полномочий, муниципалитеты в силу объективных причин вынуждены следовать более простой модели подотчетности и подконтрольности исполнительных органов коллегиальному депутатскому корпусу¹⁵. Для этого глава муниципального образования не обязательно должен быть выборным должностным лицом. Не может быть, на наш взгляд, исключено и отсутствие данной должности как таковой. Основной инструмент представительной демократии на местном уровне – это *коллегиальная деятельность выборных депутатов*¹⁶.

Понимая спорность выдвинутого нами тезиса (который, однако, *полностью разделяется* положениями Европейской хартии местного самоуправления и лишь отчасти опровергается опытом современной России), высажем основные аргументы в его защиту. Прежде всего подчеркнем существенное различие между масштабами государственных и муниципальных публично-правовых функций и общественно-политических задач. Государство обязано заботиться об интересах национальной безопасности, учитывать геополитические обстоятельства, участвовать в международных отношениях, определять глобальные направления внутренней и внешней политики и т.п. Для этого требуется развернутый государственный аппарат, полноценное разделение единой публичной власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви, использование инструментария выборности не только федерального парламента, но и главы государства.

Задачи муниципалитетов, напротив, весьма локальны и достаточно просты для населения: это эффективное владение, пользование и распоряжение объектами муниципальной собственности, организация работы муниципальных предприятий и учреждений, направление муниципальных бюджетных средств, главным образом, на локально-общинные цели (благоустройство территории, жилищно-коммунальное хозяйство, местные школы и поликлиники, учреждения культуры и т.п.). При подобных обстоятельствах публично-властный аппарат не должен быть слишком развернутым. Напротив, он нуждается в компактности и эффективности. В свою очередь, мандат народного доверия определяется, главным образом, *взаимоотношениями избирателей и депутатов, которые представляют их в мажоритарных избирательных округах*.

Другой важный аргумент в обоснование выдвинутой нами научной позиции заключается в необходимости учета принципа *приближенности местной власти к населению*¹⁷. Если муниципальный избирательный округ включает лишь

¹⁴ См.: Еникеева Д.Р. Принцип разделения властей на уровне местного самоуправления (опыт России и США) // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 34. С. 122.

¹⁵ См.: Малыгина С. В. Взаимодействие представительных и исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления // Приволжский научный вестник. 2016. № 5. С. 137.

¹⁶ См.: Жулина Ю. В. Законодательное закрепление принципов местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Московского ун-та. Сер.: Государственный аудит. 2011. № 1. С. 33.

¹⁷ См.: Доронина О.Н. Местное самоуправление в системе обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2011. № 1. С. 17.

несколько тысяч избирателей, вполне возможны *персональные доверительные отношения между представителями и представляемыми* в механизме локальной публичной демократии. Депутат может организовывать встречи с избирателями настолько эффективно, чтобы обеспечить прием практически всех нуждающихся в соответствующей публично-правовой помощи и поддержке. Это сложно представить в масштабе всей страны и каждого из субъектов Федерации, поскольку численность населения современной России сравнительно велика. Публично-властный механизм депутатской деятельности в большей мере отвечает требованию приближенности к населению, чем институт выборного должностного лица – главы муниципального образования.

Наконец, третьим аргументом в обоснование нашей позиции может служить отсутствие в муниципалитетах (главным образом в сельской местности) развернутых институтов гражданского общества, особенно СМИ, которые могли бы эффективно «сдерживать» и «уравновешивать» компетенцию выборных должностных лиц, избегая таким образом произвольных действий с их стороны. Выборный Президент РФ, равно как и выборные высшие должностные лица субъектов Российской Федерации, находятся под перманентным и пристальным вниманием различных институтов гражданского общества. Их публичные действия анализируются, обсуждаются, подвергаются поддержке или критике. В отличие от этого в муниципалитетах имеется вероятность близкого к полному «полновластия» выборных должностных лиц. Эффективной альтернативой этому может служить деятельность коллегиальных представительных органов, которые состоят из депутатов (каждый из них подотнесен группе избирателей своего избирательного округа).

Полагаем, что именно эти обстоятельства послужили в качестве одной из причин пересмотра федерального законодательства об общих принципах организации местного самоуправления, согласно которому стала допустимой новая форма приобретения мандата главы муниципального образования – решением представительного органа на основе предложений конкурсной комиссии. Данную форму многие публицисты и политики критикуют как некое отступление от принципов конституционной демократии¹⁸. Вместе с тем, полагаем, что она может быть истолкована и в диаметрально противоположном ключе, как своего рода дополнительная гарантия демократичности организации местного самоуправления. Но это возможно при условии существенного пересмотра роли и значения депутатского корпуса в жизнедеятельности местных сообществ.

Институт муниципальных выборов с точки зрения механизма обеспечения мандата народного доверия может быть проанализирован и в некоторых других важных конституционно-правовых аспектах. Так, Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» с течением времени приобрел стандартизованные черты, которые недостаточным образом учитывают специфику местного самоуправления как особой формы осуществления публичной власти на местах. Полагаем, что при организации местных выборов можно было бы отказаться

¹⁸ См.: Вискулова В. В. О «конкурсном» порядке избрания глав муниципальных образований: некоторые обобщения двухлетней практики // Журнал росс. права. 2017. № 6. С. 26; Рыжова Е. С. К вопросу о выборах либо назначении глав муниципальных образований // Эпомен. 2018. № 11. С. 106; Макарев А. А. Избрание главы муниципального образования по результатам конкурса: проблемы реализации и политико-правовые последствия // Росс. академический журнал. 2017. № 4. С. 39.

от сбора подписей в поддержку выдвижения кандидатов¹⁹, разрешить использование избирательного залога²⁰, установить допустимость выдвижения кандидатов посредством проведения собраний граждан по месту работы, учебы и жительства, но под надзором окружных избирательных комиссий. В список избирателей на муниципальных выборах могли бы включаться не только граждане Российской Федерации, но и все физические лица, которые на законных основаниях проживают в муниципалитете (на основании разрешения на временное проживание, вида на жительство и т.д.). Такое не может допускаться в отношении выборов в органы государственной власти, но вполне возможно, когда речь идет о локально-общинной демократии на местном уровне.

Вызывает сомнения практика организации муниципальных выборов, при которой *избирательные округа входят в состав избирательных участков*, но не наоборот, как это характерно для большинства видов публичных выборов. Такая модель обусловлена императивной нормой федерального закона о единой системе избирательных участков для всех видов публичных выборов в России. Это, вне сомнения, создает определенное «удобство» для избирателей, однако порождает органические сложности в организации муниципальных выборов: окружные избирательные комиссии не являются «вышестоящими» по отношению к участковым избирательным комиссиям, лишены вследствие этого права контроля и надзора, отмены решения нижестоящих комиссий. Полагаем, что муниципальные выборы могли бы организовываться на основе принципиально иной методики по сравнению с федеральными и региональными выборами – например, с «двухзвенной» структурой избирательных органов (окружные избирательные комиссии и избирательная комиссия муниципального образования), которые действуют не на постоянной основе, *созываются и упраздняются в период очередной муниципальной избирательной кампании*.

В системе местного самоуправления возможна апробация системы *обязательного ветуза*, т.е. юридической обязанности граждан прибыть на избирательные участки²¹ под угрозой, например, административно-правовой санкции в виде штрафа. Предлагаемая идея, безусловно, может быть оценена критически. Она действительно имеет недостатки, но они, по нашему мнению, перекрываются весьма существенными достоинствами: во-первых, преодолевался бы абысентизм избирателей; во-вторых, одновременно с этим обеспечивалась бы легитимность местной выборной власти (что весьма актуально в условиях отсутствия федерального требования минимального порога явки избирателей)²². Анализ электоральной статистики показывает, что именно для местных выборов депутатского корпуса наблюдаются в наибольшей мере факты недостаточной явки избирателей.

¹⁹ См.: Субочев И.А. Развитие института сбора подписей избирателей в условиях цифровизации избирательного процесса // Новая реальность современного мира: вызовы и перспективы. Барнаул, 2021. С. 80.

²⁰ См.: Михеева В.И. Избирательный залог в современном российском законодательстве о выборах // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 3. С. 123.

²¹ См.: Боков Ю.А. Обязательный ветум // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 29. С. 65.

²² Альтернативную точку зрения см., напр.: Максименко А.В., Зейналбейева А.В. Добровольность участия в выборах как один из основополагающих принципов реализации конституционного права на протест // Вестник Сибирского юрид. ин-та МВД России. 2021. № 1. С. 67.

Важной особенностью обеспечения народного доверия в деятельности муниципальных сообществ является *развернутая структура гарантированных Конституцией и законом альтернативных* (по отношению к представительной демократии) форм *прямого, непосредственного народовластия*. В юридической науке убедительно доказано, что представительная и непосредственная демократия в равной мере имеют право на существование, не должны противопоставляться друг другу, действуют в комплексе и нуждаются в оптимальном сочетании²³. Однако именно на местном уровне публичной власти выглядит очевидной *применимость и эффективность* институтов прямой, непосредственной демократии.

Если в муниципалитете является сравнительно небольшой численность избирателей, граждане имеют более реальную возможность высказаться по актуальным вопросам местного самоуправления сами, причем более эффективно, чем это осуществляют представляющие их интересы депутаты и выборные должностные лица. Здесь наиболее ярким образом проявляется фактор конституционно-правового доверия. В условиях сравнительно «отдаленной от населения» федеральной и региональной публичной власти избиратели вынуждены ожидать, пока истечет срок полномочий утратившего доверие народного представителя. В локально-общинных условиях, напротив, активность населения может преодолевать институциональные недостатки представительного правления. Собрание граждан по месту работы, учебы или жительства может быть посвящено непосредственно участию в решении вопросов местного значения. Повестка дня соответствующего собрания может быть аналогичной заседанию представительного органа муниципалитета с выработкой рекомендаций и пожеланий, которые обязательны для рассмотрения депутатским корпусом.

В связи с этим представляется важным юридическое разграничение, с одной стороны, *собраний граждан по месту работы, учебы и жительства, которые направлены на участие в решении вопросов местного значения, с другой – митингов, демонстраций, шествий и пикетирования*. Это – принципиально разные формы политического участия избирателей в местной жизни, которые законодатель не всегда четко и последовательно разграничивает, что нередко приводит к противоречивой правоприменительной практике. Федеральная законодательная конструкция «публичного мероприятия», под признаки которого подпадают и собрания граждан, не учитывает в должной мере, на наш взгляд, поддерживающие власть²⁴ и протестные публичные мероприятия²⁵, но главное – их направленность на решение, соответственно, федеральных, региональных или местных общественно-политических проблем²⁶.

В случае с митингами, демонстрациями, шествиями и пикетированием с неизбежностью актуализируются проблемы обеспечения общественной безопасности

²³ См., напр.: Прудников А.С., Абазов А.С. Сочетание прямой и представительной демократии в системе местного самоуправления // Вестник Московского ун-та МВД России. 2016. № 4. С. 164.

²⁴ См.: Сальников Е.В. Совершенствование законодательного регулирования публичных акций солидарности в борьбе с терроризмом // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 2. С. 154.

²⁵ См.: Лимонцева В.А. Протестные формы выражения общественного мнения // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 2. С. 5.

²⁶ См.: Яковенко М.А. Право на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований в системе конституционных прав и свобод // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 3. С. 11.

и деструктивного влияния неорганизованной «толпы» на нормальное и законное функционирование публичных властей. В правоприменительной практике, на наш взгляд, следует более полно учитывать все обстоятельства конкретного юридического дела.

Предположим, в качестве примера, что жители небольшого муниципального поселения спонтанно и неорганизованно собрались у входа в здание местной администрации, чтобы высказать главе муниципального образования или депутатам представительного органа муниципалитета свое мнение по вопросу текущей муниципальной политики. Недифференцированная правоприменительная практика сочла бы такое собрание незаконным по формальным основаниям, ввиду несогласованности публичного мероприятия с местными властями, отсутствия организатора публичного мероприятия, ненадлежащего полицейского и медицинского сопровождения и т.п. Однако если граждане считают необходимым высказать конструктивное мнение, что не сопряжено с какими-либо существенными угрозами общественной безопасности, было бы целесообразнее выслушать граждан и принять необходимые меры, вместо того чтобы применять к ним административно-правовые санкции.

Совершенно иная картина складывается, например, если митинг, демонстрация, шествие или пикетирование имеют целью нарушение общественного порядка, не связанны с решением вопросов местного значения, фактически организованы нелегальными организациями (террористической, экстремистской, иной противоправной направленности). Здесь имеет значение не столько формальный, сколько сущностной критерий в правоприменительной практике. Публичные власти при подобных обстоятельствах должны действовать оперативно, эффективно и законно²⁷, исключая деструктивное влияние неорганизованной «толпы» на деятельность легитимных, законно и всенародно избранных органов местного самоуправления.

В связи с этим полагаем, что наиболее полно в деятельности местных сообществ следовало бы использовать институт собраний граждан по месту их работы, учебы и жительства, которые целесообразно проводить главным образом *в закрытых помещениях и с соблюдением установленного порядка обсуждения* поставленных на повестку дня вопросов. На таких собраниях могли бы присутствовать официальные лица муниципалитетов, чтобы оперативно реагировать на критику, объяснить гражданам приоритеты текущей муниципальной политики, организовать соблюдение регламентных требований (выступление докладчика, вопросы к докладчику, прения, итоговое голосование за рекомендательную резолюцию). Одна из задач муниципальных должностных лиц – *организация подобных мероприятий*, стимулирование творческой активности граждан на местах *вместо парадигмы административного сдерживания критики текущей муниципальной политики*. Именно таким образом должно, на наш взгляд, институционально обеспечиваться доверие граждан к деятельности местной публичной власти.

Завершая исследование проблематики обеспечения мандата народного доверия в деятельности муниципальных сообществ, обратим внимание на вопрос о необходимости эффективной координации деятельности государственной власти и местного самоуправления, при которой возможны отдельные компоненты координационных и субординационных

²⁷ См.: Нудненко Л.А. Правоприменительная практика Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в постановлениях Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека // Государство и право. 2021. № 1. С. 64.

отношений. Конституционные поправки 2020 года, на наш взгляд, не случайно ввели в нормативно-правовой оборот категорию «единая система публичной власти». Муниципалитеты не должны ощущать себя «оторванными» от государственных органов и их деятельности. Действующий Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» исходит из презумпции эффективного взаимодействия всех звеньев публично-правового аппарата, поэтому наряду с «органическими полномочиями» муниципалитетов, которые перечислены непосредственно в Конституции РФ (местный бюджет, муниципальные налоги и сборы, муниципальная собственность), наблюдается обширные перечень якобы «вопросов местного значения», большинство из которых представляет собой форму «участия» муниципалитетов в осуществлении государственной политики²⁸.

Данный подход федерального законодателя, конечно, можно критиковать с точки зрения отступления от конституционного принципа разграничения вопросов местного значения и отдельных государственных полномочий, которыми органы муниципальных образований лишь могут наделяться, причем в исключительно законодательной форме и с необходимостью передачи соразмерных этому финансовых средств и других материальных активов. Имеющиеся в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» *перечни* вопросов местного значения (они дифференцируются в зависимости от видов муниципальных образований – внутригородских территорий городов федерального значения, городских и муниципальных округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений)²⁹ с трудом можно было бы квалифицировать именно как вопросы «местного» значения, особенно если их сравнивать с конституционными положениями (гл. 8 Конституции РФ).

В то же время, если бы федеральное законодательство ограничилось лишь тремя конституционными пунктами (бюджет, фискальные платежи и собственность), исключая из системы вопросов местного значения *взаимодействие* с федеральной и региональной государственной властью, оказался бы нарушенным принцип единства системы публичной власти. Муниципалитеты *обязаны принимать участие* в государственной политике, причем здесь необходима *определенная субординация* вышестоящих и нижестоящих органов публичной власти. Но это не должно затрагивать местную компетенцию и прерогативы, вмешательство в которые со стороны государственных властей *не является политически целесообразным*. Общепризнанный в конституционно-правовой науке принцип субсидиарности, в числе прочего, предполагает, что *компетенция должна возлагаться на тот уровень публичной власти, где она будет реализована наиболее целесообразным и эффективным образом*. Таким образом создаются дополнительные институциональные гарантии обеспечения доверительных отношений между государственной и муниципальной властью как компонентами единой системы публичной власти. Наделяя органы местного самоуправления соответствующей

²⁸ См.: Фазлиева Л.К. Вопросы местного значения и вопросы ведения местного самоуправления: категориальное соотношение и содержание понятий // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 1. С. 26; Модникова Т.Н. Правовое регулирование деятельности главы муниципального образования в механизме решения вопросов местного значения: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2014. С. 98.

²⁹ См.: Сергиенко А.М. Правовое регулирование вопросов местного значения внутригородских муниципальных образований городов федерального значения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. С. 8.

компетенций, государство «доверяет» муниципальным образованиям адекватное участие в государственной политике помимо автономного, под свою ответственность решения ими вопросов местного значения³⁰.

Имеющаяся в Российской Федерации модель организации местного самоуправления не может быть охарактеризована как полностью устойчивая и рассчитанная на долгосрочную перспективу. Об этом свидетельствует не только наличие критических подходов в конституционно-правовой научной литературе, но и ряд законодательных инициатив, предпринимаемых в Государственной Думе. Высказываются предложения о необходимости еще большей централизации единой системы публичной власти, исключения из сферы местного самоуправления «поселенческого уровня», расширения государственного контроля над кадровыми процессами в муниципальных образованиях. В свою очередь, муниципалитеты желали бы более устойчивой и полноценной материально-финансовой базы своей жизнедеятельности, более определенных форм взаимодействия с публичной государственной властью. Важное значение имеют также традиции романо-германской правовой семьи, которые в действующем муниципальном праве России учитываются не всегда надлежащим и адекватным образом (в нем отчасти просматриваются черты ангlosаксонской модели местного самоуправления).

* * *

Несмотря на вышеуказанные обстоятельства, полагаем, что проблема обеспечения доверия в муниципальном народном представительстве сохраняет непреходящее значение, поскольку в отсутствие такого доверия эффективная организация единой системы публичной власти теоретически не представляется возможной. Муниципальные выборы организуются главным образом для того, чтобы граждане доверили своим представителям, устойчиво воспринимали это доверие как имманентное состояние жизнедеятельности локального социума. При этом выглядит конституционно желательным, чтобы избранные населением муниципалитетов представители пользовались бы одновременно доверием компетентных органов государственной власти, т.е. не конфликтовали с ними и не противопоставляли бы местное самоуправление государственной публичной власти, но отставали бы интересы местных сообществ с учетом общих задач государства и субъектов Российской Федерации. Обеспечение одновременно доверия компетентных властей субъектов Российской Федерации и населения муниципальных образований в отношении выборных органов местного самоуправления – важнейшая задача российского конституционного права, которая должна эффективно разрешаться в теории, законодательстве и правоприменительной практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафьев П.А. Разграничение ответственности органов местного самоуправления перед населением и государством // Юрид. наука: история и современность. 2017. № 9. С. 69.
2. Безруков А.В. Общественные формирования и органы публичной власти в обеспечении конституционного правопорядка: основные направления деятельности и формы сотрудничества // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 25.
3. Боков Ю.А. Обязательный вотум // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 29. С. 65.
4. Вискулова В.В. О «конкурсном» порядке избрания глав муниципальных образований: некоторые обобщения двухлетней практики // Журнал росс. права. 2017. № 6. С. 26.
5. Вышинский А.Я. Основные задачи советского социалистического права // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 131.
6. Джагарян Н.В. Представительные начала правового статуса главы муниципального образования // Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство, право и управление. 2010. № 4. С. 77.
7. Доронина О.Н. Местное самоуправление в системе обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2011. № 1. С. 17.
8. Еникеева Д.Р. Принцип разделения властей на уровне местного самоуправления (опыт России и США) // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 34. С. 122.
9. Жулина Ю.В. Законодательное закрепление принципов местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Московского ун-та. Сер.: Государственный аудит. 2011. № 1. С. 33.
10. Игнатенко Д.Ю. Проблемные вопросы, связанные с определением конституционно-правового статуса главы муниципального образования // Политематический сетевой научный журнал Кубанского гос. аграрного ун-та. 2006. № 22. С. 292.
11. Кирпичников В.А. Союз российских городов и становление местного самоуправления в России // Эра городов. 1998. № 1. С. 4.
12. Лимонцева В.А. Протестные формы выражения общественного мнения // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 2. С. 5.
13. Макарцев А.А. Избрание главы муниципального образования по результатам конкурса: проблемы реализации и политико-правовые последствия // Росс. академический журнал. 2017. № 4. С. 39.
14. Максименко А.В., Зейналбейева А.В. Добровольность участия в выборах как один из основополагающих принципов реализации конституционного права на протест // Вестник Сибирского юрид. ин-та МВД России. 2021. № 1. С. 67.
15. Малыгина С.В. Взаимодействие представительных и исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления // Приволжский научный вестник. 2016. № 5. С. 137.
16. Митякина Е.С. Историко-правовое развитие правового статуса главы муниципального образования // Вестник Евразийской академии административных наук. 2019. № 1. С. 68.
17. Михеева В.И. Избирательный залог в современном российском законодательстве о выборах // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 3. С. 123.
18. Модникова Т.Н. Правовое регулирование деятельности главы муниципального образования в механизме решения вопросов местного значения: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2014. С. 98.
19. Непомнящих С.С. Вопросы местного значения как элемент компетенции местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 5. С. 23.
20. Нудненко Л.А. Правоприменительная практика Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в постановлениях Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека // Государство и право. 2021. № 1. С. 64.
21. Прудников А.С., Абазов А.С. Сочетание прямой и представительной демократии в системе местного самоуправления // Вестник Московского ун-та МВД России. 2016. № 4. С. 164.

³⁰ См.: Непомнящих С.С. Вопросы местного значения как элемент компетенции местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 5. С. 23.

22. Рыжкова Е.С. К вопросу о выборах либо назначении глав муниципальных образований // Эпомен. 2018. № 11. С. 106.
23. Саломаткин А.С., Ястrebова А.И. К вопросу о «модернизации» статуса главы муниципального образования и порядка его избрания // Проблемы права. 2016. № 4. С. 95.
24. Сальников Е.В. Совершенствование законодательного регулирования публичных акций солидарности в борьбе с терроризмом // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 2. С. 154.
25. Сергиенко А.М. Правовое регулирование вопросов местного значения внутригородских муниципальных образований городов федерального значения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. С. 8.
26. Сивицкий В.А. Тенденции развития конституционного статуса местного самоуправления в свете решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 1. С. 10.
27. Субочев И.А. Развитие института сбора подписей избирателей в условиях цифровизации избирательного процесса // Новая реальность современного мира: вызовы и перспективы. Барнаул, 2021. С. 80.
28. Тепляков И.И. Генезис и развитие государственного самоуправления в советской юридической науке // Муниципалист: экономика и управление. 2019. № 3. С. 32.
29. Фазлиева Л.К. Вопросы местного значения и вопросы ведения местного самоуправления: категориальное соотношение и содержание понятий // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 1. С. 26.
30. Ширяева В.А. Функциональный анализ категории доверия в системе «власть – общество» // Вестник современных исследований. 2018. № 12. С. 269.
31. Яковенко М.А. Право на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований в системе конституционных прав и свобод // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 3. С. 11.
9. Zhulina Yu. V. Legislative consolidation of the principles of local self-government in the Russian Federation // Herald of the Moscow University. Ser.: State Audit. 2011. No. 1. P. 33 (in Russ.).
10. Ignatenko D. Yu. Problematic issues related to the definition of the constitutional and legal status of the head of a municipal formation // Polythematic network scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2006. No. 22. P. 292 (in Russ.).
11. Kirpichnikov V.A. The Union of Russian cities and the formation of local self-government in Russia // The era of cities. 1998. No. 1. P. 4 (in Russ.).
12. Limontseva V.A. Protest forms of expression of public opinion // Civil society in Russia and abroad. 2015. No. 2. P. 5 (in Russ.).
13. Makartsev A.A. Election of the head of the municipality based on the results of the competition: problems of implementation and political and legal consequences // Ross. academic journal. 2017. No. 4. P. 39 (in Russ.).
14. Maksimenko A. V., Zeynalbdieva A. V. Voluntary participation in elections as one of the fundamental principles of the realization of the constitutional right to protest // Herald of the Siberian law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1. P. 67 (in Russ.).
15. Malygina S. V. Interaction of representative and executive-administrative bodies of local self-government // Volga Scientific Herald. 2016. No. 5. P. 137 (in Russ.).
16. Mityachkina E. S. Historical and legal development of the legal status of the head of the municipality // Herald of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. 2019. No. 1. P. 68 (in Russ.).
17. Mikheeva V.I. Electoral pledge in modern Russian legislation on elections // Comparative Constitutional Review. 2009. No. 3. P. 123 (in Russ.).
18. Modnikova T.N. Legal regulation of the activities of the head of a municipality in the mechanism of solving issues of local importance: dis. ... PhD in Law. Belgorod, 2014. P. 98 (in Russ.).
19. Nepomnyashchikh S.S. Issues of local importance as an element of the competence of local self-government // State power and local self-government. 2012. No. 5. P. 23 (in Russ.).
20. Nudnenko L.A. Law enforcement practice of the Federal Law “On Assemblies, Rallies, Demonstrations, Marches and Picketing” in the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights // State and Law. 2021. No. 1. P. 64 (in Russ.).
21. Prudnikov A.S., Abazov A.S. Combination of direct and representative democracy in the system of local self-government // Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 4. P. 164 (in Russ.).
22. Ryzhova E.S. On the issue of elections or appointment of heads of municipalities // Epomen. 2018. No. 11. P. 106 (in Russ.).
23. Salomatkin A.S., Yastrebova A.I. On the issue of “modernization” of the status of the head of the municipality and the procedure for his election // Problems of law. 2016. № 4. P. 95 (in Russ.).
24. Salnikov E. V. Improvement of legislative regulation of public solidarity actions in the fight against terrorism // Herald of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2. P. 154 (in Russ.).
25. Sergienko A.M. Legal regulation of issues of local importance of inner-city municipalities of cities of federal significance: abstract ... PhD in Law. SPb., 2009. P. 8 (in Russ.).
26. Sivitsky V.A. Trends in the development of the constitutional status of local self-government in the light of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Constitutional Justice. 2019. No. 1. P. 10 (in Russ.).
27. Subochev I.A. Development of the institute for collecting signatures of voters in the conditions of digitalization of the electoral

REFERENCES

1. Astafichev P.A. Differentiation of responsibility of local governments to the population and the state // Legal science: history and modernity. 2017. No. 9. P. 69 (in Russ.).
2. Bezrukov A.V. Public formations and public authorities in ensuring constitutional law and order: main areas of activity and forms of cooperation // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 1. P. 25 (in Russ.).
3. Bokov Yu. A. Mandatory vote // Issues of modern jurisprudence. 2013. No. 29. P. 65 (in Russ.).
4. Viskulova V.V. On the “competitive” procedure for electing heads of municipalities: some generalizations of two-year practice // Journal of Russ. law. 2017. No. 6. P. 26 (in Russ.).
5. Vyshinsky A. Ya. The main tasks of the science of Soviet socialist law // Legal issues. 2009. No. 2. P. 131 (in Russ.).
6. Dzhagaryan N.V. Representative principles of the legal status of the head of a municipal formation // Science and education: economy and economics, entrepreneurship, law and management. 2010. No. 4. P. 77 (in Russ.).
7. Doronina O.N. Local self-government in the system of ensuring and protecting human and civil rights and freedoms in the Russian Federation // Municipal service: legal issues. 2011. No. 1. P. 17 (in Russ.).
8. Enikeeva D. R. The principle of separation of powers at the level of local self-government (the experience of Russia and the USA) // Collections of conferences of SIC Sociosphere. 2011. No. 34. P. 122 (in Russ.).

- process // New reality of the modern world: challenges and prospects. Barnaul, 2021. P. 80 (in Russ.).
28. *Teplyakov I.I.* Genesis and development of state self-government in Soviet jurisprudence // Municipality: economics and management. 2019. No. 3. P. 32 (in Russ.).
29. *Fazlieva L.K.* Issues of local importance and issues of local self-government: categorical correlation and content of concepts // Jurist-Pravoved. 2020. No. 1. P. 26 (in Russ.).
30. *Shiryaeva V.A.* Functional analysis of the category of trust in the system “power – society” // Herald of modern research. 2018. No. 12. P. 269 (in Russ.).
31. *Yakovenko M.A.* The right to hold meetings, rallies, demonstrations, marches and picketing in the system of constitutional rights and freedoms // Constitutional and Municipal Law. 2009. No. 3. P. 11 (in Russ.).

Сведения об авторе

ГУТОРОВА Алла Николаевна –
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного права
Юго-Западного государственного университета;
305040 г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

Authors' information

GUTOROVA Alla N. –
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Constitutional Law,
Southwest State University;
94 50 let Oktyabrya str., 305040 Kursk, Russia

ТРУДОВОЕ ПРАВО
И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 341.1/8

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ МОРЯКОВ НА СУДАХ
ПОД ИНОСТРАННЫМ ФЛАГОМ ПРИ ОСТАВЛЕНИИ
ИХ БЕЗ ПОМОЩИ СУДОВЛАДЕЛЬЦЕМ

© 2024 г. М. И. Розенко*, Е. В. Скребец**

Севастопольский государственный университет

*E-mail: Mariyair@mail.ru

**E-mail: l_skrebets@mail.ru

Поступила в редакцию 03.05.2023 г.

Аннотация. В статье анализируется эволюция конвенциональных норм, посвященных борьбе с судовладельцами (операторами судов), которые бросают экипажи судов без помощи в портах иностранных государств. Исследуются нормы международного права, являющиеся составной частью российской правовой системы, относящиеся к проблеме финансового обеспечения членов экипажей, которые были оставлены судовладельцем. Выявлены недостатки существующих правовых способов и методов воздействия на иностранных работодателей (судовладельцев), нарушающих права моряков, которые оказывают негативное воздействие на результативность реализации реального обеспечения их трудовых прав. Прогнозируется, что проблема социальной уязвимости моряков, осуществляющих трудовую деятельность на судах иностранных судовладельцев либо на судах российских судовладельцев, которые переведены под иностранный – «удобный» флаг, обострится в связи с тем, что защита трудовых прав носит ярко выраженный международный акцент, и возможны затруднения решения подобных вопросов в режиме традиционной дипломатии. Исследуется поиск путей и механизмов, направленных на защиту моряков от действий недобросовестных судовладельцев, а также превентивных шагов, позволяющих свести к минимуму случаи оставления моряков без средств к существованию в иностранном порту, с учетом тенденций новейшего законодательства и потребностей складывающейся практики.

Ключевые слова: моряк, трудовые права, международно-правовые нормы, конвенция, абандон.

Цитирование: Розенко М.И., Скребец Е.В. Проблемы социальной защиты моряков на судах под иностранным флагом при оставлении их без помощи судовладельцем // Государство и право. 2024. № 4. С. 131–137.

DOI: 10.31857/S1026945224040117

PROBLEMS OF SOCIAL PROTECTION OF SEAFARERS ON SHIPS
UNDER A FOREIGN FLAG WHEN LEAVING THEM
WITHOUT THE HELP OF THE SHIOPWNER

© 2024 М. И. Розенко*, Е. В. Скребетс**

Sevastopol State University

*E-mail: Mariyair@mail.ru

**E-mail: l_skrebets@mail.ru

Received 03.05.2023

Abstract. The article analyzes the evolution of conventional norms dedicated to the fight against shipowners (ship operators) who abandon ship crews without assistance in ports of foreign states. The article examines the norms of International Law, which are an integral part of the Russian legal system, related to the problem of financial support for crew members who were abandoned by the shipowner. The shortcomings of the existing legal methods and methods of influencing foreign employers (shipowners) violating the rights of seafarers, which have a negative impact on the effectiveness of the implementation of the real provision of their labor rights, are revealed. It is predicted that the problem of social vulnerability of seafarers engaged in labor activities on ships of foreign shipowners or on ships of Russian shipowners who have been transferred to a foreign "convenient" flag will worsen, due to the fact that the protection of labor rights has a pronounced international emphasis, and difficulties in solving such issues in the mode of traditional diplomacy are possible. The article explores the search for ways and mechanisms aimed at protecting seafarers from the actions of unscrupulous shipowners, as well as preventive steps to minimize the cases of abandonment of seafarers without means of livelihood in a foreign port, taking into account the trends of the latest legislation and the needs of emerging practice.

Key words: seafarer, labor rights, international legal norms, convention, abandonment.

For citation: Rosenko, M.I., Skrebets, E.V. (2024). Problems of social protection of seafarers on ships under a foreign flag when leaving them without the help of the shipowner // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 131–137.

Актуальность исследования. Морское судоходство в современных условиях представляется опасным и рискованным видом деятельности. Моряки являются в значительной степени интернациональной рабочей силой, и в условиях эпидемий, экономических санкций и роста двойственности рынков труда, которые угрожают правам человека во всем мире, они оказываются лишенными возможности в полной мере реализовать социальные права.

Социальная уязвимость работников морской сферы, исходя из социоэкономических последствий кризисов последних лет, резко обострилась. Инициативы по расширению и углублению охвата социальной защитой работников затормозились, а в некоторых отраслях даже обратились вспять¹. Особенно негативные последствия коснулись представителей морской интернациональной рабочей силы: в мире возрастает количество брошенных судов, собственники которых стали банкротами в связи с наращиванием санкционных мер, вследствие чего экипажи остаются на судне без средств к существованию в отсутствие должного взаимодействия между страховыми компаниями и отдельными судовладельцами.

Нарастающие проблемы трансграничного сотрудничества в области социального обеспечения вызывают затруднения реализации Конвенции 2006 г. о труде в морском судоходстве, и особо остро встает проблема «брошенных» моряков. Поэтому вопросы социальной защиты российских моряков, прежде всего, их депатриации и страхования, нуждаются в детальном рассмотрении. Статья представляется актуальной в связи с отсутствием адекватных механизмов социальной защиты российских моряков в условиях роста количества банкротств российских и иных судовладельцев в связи с обострением geopolитической обстановки и расширением санкционной политики.

Объектом исследования являются нормы действующего международного и российского права и практика обеспечения социальной защиты моряков, трудоустроенных

на судах под иностранным флагом, в случаях их оставления судовладельцем без помощи.

Методы исследования. Особое место в исследовании удалено изучению динамики конвенционного закрепления основных мер социальной поддержки моряков, работающих на судах в международном морском судоходстве. Методологию исследования составили применение методов научного анализа, сравнительно-правового метода, который позволил осуществить подробный анализ норм конвенций, регулирующих депатриацию моряков, а также формально-юридического метода. Формально юридический анализ конвенциональных установлений и рекомендаций МОТ/ИМО, морского законодательства Российской Федерации применялся с целью обобщения имеющегося опыта правового регулирования защиты прав моряков, оставленных судовладельцем без средств к существованию в иностранном порту. Институциональный метод позволил экспонировать значение международных организаций, прежде всего, морских профсоюзов, в борьбе с работодателями (судовладельцами, операторами судов), которые бросают экипажи судов без помощи в портах иностранных государств. Сравнительный метод использован для выявления общих мер решения проблемы абандона моряков в международных конвенциях и российском законодательстве.

В отечественной науке вопросы ответственности судовладельцев за необеспечение депатриации моряков изучали Д.К. Бекяшев, Н.А. Деменева, Н.Д. Джунусова, Е.Н. Номоконова и др.

Международными конвенциями, регламентирующими обеспечение социальной защиты моряков, являются Конвенция о трудовых договорах моряков (№ 22) 1926 г., Конвенция об обязательствах судовладельцев в случае болезни или травмы моряков (№ 55) 1936 г., Конвенция о найме и трудоустройстве моряков (№ 179) 1996 г. Отдельно стоит упомянуть Рекомендации о найме моряков на иностранные суда 1958 г. и Рекомендации о занятости моряков 1970 г. 23 февраля 2006 г. на 94-й сессии Генеральной конференции Международной организации труда (МОТ) в Женеве была принята Конвенция о труде в морском судоходстве,

¹ См.: Онлайн-мониторинг Международной ассоциации социального обеспечения (МАСО) «Коронавирус: ответные меры в сфере социального обеспечения». 2020 // Сайт Международной ассоциации социального обеспечения (ISSA) // <https://ww1.issa.int/ru/coronavirus> (дата обращения: 17.02.2023).

разработчики которой включили в ее содержание наиболее актуальные стандарты труда моряков².

Содержание исследования. Общие принципы правового положения членов экипажа судна, согласно конвенциальным установлениям, определяются законом «государства флага» судна. Так, согласно Конвенции о трудовых договорах моряков (№ 22) договор, согласованный и судовладельцем, и моряком, должен быть представлен компетентному органу государственной власти, который осуществляет надзор за обеспечением социальной защиты моряков (п. 3 ст. 3). Трудовой договор моряка не может содержать положений, противоречащих национальному трудовому законодательству. Основные обязанности службы найма и трудоустройства (чаще всего крюинговой компании) в тексте данной Конвенции также изложены достаточно четко. Однако, как показывает практика, никакой заключенный, даже при посредничестве образцовой крюинговой службы, трудовой договор моряка не гарантирует последующее финансовое благополучие судовладельца в условиях глобальной трансформации морской политики и, как следствие, точное выполнение им всех условий договора. По общему правилу расходы по обеспечению репатриации моряков возлагаются на судовладельца, однако вследствие стечения негативных факторов, которые судовладелец физически не в состоянии преодолеть, встречаются случаи пренебрежения или невозможности выполнения данных обязанностей.

Согласно Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) 1982 г., вступившей в силу 16 ноября 1994 г., каждое государство «принимает на себя в соответствии со своим внутренним правом юрисдикцию над каждым судном, плавающим под его флагом, и над его капитаном, офицерами и экипажем в отношении административных, технических и социальных вопросов, касающихся данного судна»³ (ст. 94). Решение проблемы оставленных судовладельцем моряков без помощи ранее предпринималось в конвенциях МОТ, затрагивающих вопросы репатриации (Конвенции МОТ (№ 23); Конвенции о репатриации моряков 1987 г. (№ 166, пересмотренной).

Конвенцией о найме и трудоустройстве моряков, принятой 22 октября 1996 г. Генеральной конференцией МОТ на 84-й сессии (Россией ратифицирована Федеральным законом от 10.07.2001 № 88-ФЗ) были упорядочены отношения между компетентными государственными органами и посредническими фирмами по трудоустройству, установлено четкое определение их обязанностей для обеспечения эффективного социального обеспечения моряков⁴. Конвенциональные установления не требуют от государства классификации служб найма и трудоустройства на внутри государственные, и осуществляющие трудоустройство моряков за рубежом. Условия осуществления такой деятельности специализированными службами могут определяться каждым государством самостоятельно.

² См.: Конвенция Международной организации труда 2006 г. о труде в морском судоходстве (заключена в г. Женеве 23.02.2006 г., ратифицирована Федеральным законом от 05.06.2012 г. № 56-ФЗ // Бюллетень МД. 2014. № 5; СЗ РФ. 2012. № 24, ст. 3073.

³ Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.: принята 30.04.1982 г. Третьей Конференцией ООН по морскому праву, ратифицирована Федеральным законом от 26.02.1997 № 30-ФЗ // Бюллетень МД. 1998. № 1; СЗ РФ. 1997. № 9, ст. 1013.

⁴ См.: Конвенция № 179 Международной организации труда «О найме и трудоустройстве моряков» (принята в г. Женеве 22.10.1996 на 84-й сессии Генеральной конференции МОТ) // В официальных источниках опубликована не была.

Конвенция № 179 содержит требования к государствам-участникам об учреждении компетентных органов (министерства, ведомства), уполномоченных издавать нормативные акты, имеющие обязательную силу в отношении найма и трудоустройства моряков. В их полномочия должны включаться контроль за специализированными службами найма моряков, квалификацией и должной подготовкой аппарата служб и их персонала. Компетентные органы обязаны обеспечить наличие системы страхования или иной системы финансового обеспечения для компенсации морякам денежного ущерба, который они могут понести в связи с невыполнением службой своих обязанностей перед ними (ст. 4). Недостатком конвенциальных положений явилось ограничение полномочий компетентных органов нормой, согласно которой специализированные службы обязаны проводить эти мероприятия «по мере возможности» в связи с тем, что службы найма могут не иметь в своем распоряжении средств, достаточных для обеспечения гарантий выполнения судовладельцем всех своих обязательств. Кроме того, следует отметить, что обязанность касается только возмещения ущерба, который был причинен моряку службами найма, а не судовладельцем.

Значимым шагом борьбы против судовладельцев, брошающих экипажи на «произвол судьбы» в портах иностранных государств, стала принятая Генеральной конференцией МОТ Рекомендация о найме и трудоустройстве моряков (Рекомендация 186, 08.10.1996 г.), которая содержит подробный перечень обязанностей компетентных органов по отношению к службам найма⁵. Усовершенствованный механизм решения проблемы «брошенных» моряков предусмотрен Руководством по предоставлению финансового обеспечения в случае оставления моряков без помощи, принятым в 2001 г. на 22-й сессии Ассамблеи Международной морской организации, которое обязало судовладельцев обеспечивать наличие системы финансового обеспечения, гарантирующей оплату моряку невыплаченного вознаграждения в полном размере, а также иных расходов, понесенных им в период, когда он был брошен без помощи.

Согласно общепринятой практике в случаях оставления судовладельцами моряков без средств к существованию за границей оплатить расходы по их репатриации должны компетентные органы государства – члена организации МОТ, под чьим флагом ходит судно, а также организовать возвращение моряков на родину. Если государство флага не предпринимает необходимых мер, репатриацию обязаны организовать соответствующие органы страны, в которой находится судно, либо то государство, гражданами которого являются члены экипажа. Связанные с репатриацией расходы должно возместить государство флага, впоследствии, взыскав их с судовладельца. Однако нередко процессы репатриации затягиваются на многие месяцы и даже годы. Одной из мер борьбы с возрастающим количеством «брошенных» моряков явилось вступление в силу в январе 2017 г. поправок к Конвенции о труде моряков, принятой в 2006 г. (Maritime Labor Convention, MLC), которые сделали обязательной систему финансового обеспечения, гарантирующую компенсации морякам и членам их семей в случае оставления судовладельцем экипажа. Поправки были приняты трехсторонним Комитетом МОТ, в который вошли представители работников-моряков, судовладельцев и сотрудники правительства. Репатриация в соответствии с правилами Конвенции является обязанностью

⁵ См.: Конвенции и Рекомендации об условиях труда моряков, МБТ, Женева, 1998 г. 4-е исп. изд. 1998 г. СПб., 2001.

судовладельца, и с целью ее обеспечения на случай его неплатежеспособности вводится обязанность судовладельца по страхованию финансовой ответственности перед моряками. Сумма страховки должна обеспечить покрытие затрат на проживание оставленного в иностранном порту моряка, его пропитание, возвращение домой и заработную плату на срок до четырех месяцев. Судовладелец обязан предусмотреть наличие на судне сертификата или иных документов, подтверждающих наличие финансовых гарантий для моряков, которые на нем трудятся (в России контроль осуществляется органами Ространснадзора (федерального государственного транспортного надзора)). Отсутствие вышеуказанных документов является основанием задержки судна в порту. Вышеуказанные конвенциональные установления призваны свести к минимуму случаи оставления моряков недобросовестными судовладельцами без средств к существованию в иностранных портах. Однако Конвенцию 2006 г. (известную как «Билль о правах моряков») и поправки к ней не ратифицировали многие государства, что значительно осложняет защиту экипажей на тех суднах, которые ходят под флагом государства, для которого поправки до настоящего времени не вступили в силу, или которые заходят в порты стран, поправки также не принявших.

Тема «брошенных» моряков изучается международным научным сообществом десятки лет. Например, европейский специалист Лаура Карбальо Пиньейро считает, что в современных условиях сложной, а в ряде случаев невозможной для многих моряков является реализация полноты прав на социальную защиту, исходя из того, что моряки «предоставляют свои услуги на борту судна, путь которого проходит через различные юрисдикции и открытое море; как следствие, их деятельность не осуществляется на какой-либо территории»⁶. Сложности решения правовых споров в отношении исполнения обязанностей и признания ответственности за нарушения социальных прав моряков эксперты-правозащитники объясняют тем, что в них участвуют как непосредственно моряки, так и судовладельцы, работодатели и национальные власти. Лаура Карбальо Пиньейро приводит практику государств – членов Европейского Союза, в частности Испании, Италии, которые гарантируют обеспечение социальной защиты моряков, проживающих в стране и работающих на борту судов, плавающих под их флагом. Несмотря на положения Конвенции МОТ 2006 г. о труде в морском судоходстве, в которой принцип государства флага заменен принципом места жительства и центральная роль в обеспечении права моряков на социальное обеспечение отводится стране-поставщику рабочей силы, Испания и Италия разрешают судам, зарегистрированным в их втором реестре, исключать моряков, проживающих в третьей стране, из своих национальных схем.

Глобальный масштаб проблемы «абандона» моряков требует аккумуляции усилий правозащитных организаций всего мира, предпринимающих меры по борьбе с ней. С этой целью с 2017 г. платформа по морскому страхованию RightShip налаживает связи с общественными организациями, которые владеют информацией или занимаются защитой прав оставленных моряков. Генеральный директор RightShip Стин Лунд, раскрывая цели организации, акцентирует внимание на помощи ответственным организациям в привлечении к своей деятельности внимания, поддержке

⁶ Carballo Piñeiro L. 2020. Implementation challenges for seafarers' social security protection: The case of the European Union // International Social Security Review. 2020. Vol. 73. No. 4. P. 17.

лучших практик защиты прав моряков, а также публичной огласке действий лиц, которые злоупотребляют правами моряков. Лунд констатирует отсутствие строгого соблюдения прав моряков в современности на международном уровне⁷.

Распространенным в практике Международной Морской Организации (ИМО), в документах Международной Федерации транспортных рабочих, иных неправительственных правозащитных организаций является термин «абандон», который употребляется как в случаях оставления моряков без помощи в иностранном порту для обозначения различных форм невыполнения судовладельцами своих обязательств перед ними, так и при отказе страхователя от имущественных прав на застрахованное судно (груз) в пользу страховщика с целью получения от последнего страховой суммы.

IMO ежегодно публикует информацию об известных правозащитникам случаях абандона, включая данные о названии судна, его флаге, числе моряков, оставленных без помощи. Так, на июнь 2022 г. – 247 судов были оставлены в различных участках по всему миру и 3623 моряка брошены и не имели возможности вернуться домой, при этом дела некоторых из них остаются открытыми более 10 лет (учитывались только официально зарегистрированные оставленные суда). Деятельность RightShip направлена на создание всеобъемлющей базы данных, отображающей значительные масштабы данной проблемы. Используется информация, представляемая МОТ, которая включает название судна, номер ИМО и дату его оставления, Документ о соответствии (DoC), информацию о судовом техническом менеджере, коммерческом менеджере и зарегистрированном владельце.

В Совместной базе данных ИМО/МОТ о брошенных моряках с 1 января по 31 декабря 2021 г. зарегистрировано 95 случаев оставления членов экипажей. В первой половине 2022 г. к ним добавились еще 74 новых записи, что в сумме превысило цифры зарегистрированных инцидентов за предыдущий период. RightShip на основании информации из официальных источников, составляет карту, занося на нее данные о местах оставления судов, их типе и возрасте, национальности членов экипажа, а также времени, которое было затрачено на решение конкретной проблемы оставления судна. Так, согласно данным аналитических анализов, проведенных экспертами RightShip, наибольшее количество брошенных моряков родом из Индии – 724 моряка, 368 членов экипажа – украинские, 318 – из Филиппин. 26 брошенных дрейфующих судов находятся в водах Объединенных Арабских Эмиратов, при этом брошены как старые суда (возрастом 26–30 лет), так и новые теплоходы, плававшие менее пяти лет. С 2004 г. по 30 брошенным судам споры идут более 10 лет, более 400 моряков ждут, когда их дела будут рассмотрены и разрешены. Генеральный директор ISWAN Саймон Грейнджа сообщает о более чем 1100 моряках, которые оказались на брошенных судах и за четыре последние года обратились в ISWAN⁸.

Помощь «брошенным» морякам оказывают инспекторы Международной федерации транспортных рабочих (МФТ) (International Transport Workers' Federation, ITF) и других членских организаций, которые регистрируют

⁷ См.: Брошенные моряки: масштабы проблемы устраивающие // Сайт Российского профессионального союза моряков. 27.06.2022 // http://www.sur.ru/ru/news/lent/2022-06-27/broshennye_morjaki_mashtaby_problemy_ustrashajushchie_21345/ (дата обращения: 17.02.2023).

⁸ См.: там же.

случаи оставления экипажей, обращаются к судовладельцам и представителям государства флага с требованием принятия соответствующих мер для разрешения ситуации. Можно привести известный случай с депатриацией членов экипажа танкера Qaaswa, которые на протяжении 13 месяцев после оставления судна судовладельцем в порту Сфакс (Тунис), практически были отрезаны от внешнего мира, и смогли вернуться домой с выплаченной задолженностью по заработной плате благодаря сотрудничеству и поддержке инспекторов членской организации МФТ и Федерального транспортного управления ОАЭ (под флагом которого плавал танкер)⁹. Еще одним примером эффективных действий МФТ является кейс в отношении трех брошенных близ острова Вангерог в Северном море контейнеровозов Maersk Vigo, Maersk Valetta и Maersk Vancouver (флаги Гибралтара). МФТ от имени членов экипажей (всего 41 моряк – филиппинцы, россияне и украинцы) инициировала арест судов и добилась положительного решения в немецком суде, обязав марокканского судовладельца погасить долги перед экипажами, а также выплатить морякам, оставшимся на судах, компенсацию за вынужденное нахождение в порту для обеспечения безопасности мореплавания в районах стоянки контейнеровозов¹⁰.

Попытки решения проблемы «брошенных» моряков предпринимались 11–12 апреля 2018 г. на 35-м Саммите морских профсоюзов стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в котором приняли участие представители 17 государств, включая делегацию Российского профсоюза моряков в Пусане (Южная Корея). Методы оказания экстренной помощи морякам, попавшим в беду, обсуждались 24 апреля 2018 г. в ходе 105-й сессии Юридического комитета ИМО. На Специальном трехстороннем комитете (СТК) в Женеве в апреле 2022 г. решались вопросы реализации права членов экипажей на обеспечение связи для личного пользования и условий депатриации моряков. Если по первому пункту морские профсоюзы добились согласия о внесении поправки в Конвенцию о труде в морском судоходстве, то прийти к соглашению об изменениях прописанных в КТМС условий депатриации, на которых настаивали представители моряков, не удалось. Профсоюзы выдвинули требование об увеличении ответственности судовладельцев за депатриацию по окончании контрактов до возвращения моряка к фактическому месту проживания («от двери до двери»), а не в столицу соответствующего государства, которое, согласно действующим положениям КТМС, оплачивают работодатели. Однако группа судовладельцев отрицательно отнеслась к этому предложению и категорически отвергла поправку, предложенную группой профсоюзов¹¹.

На изменение данных тенденций направлено полученное в декабре 2022 г. одобрение проекта руководящих указаний для государств порта и флага о том, как действовать в случаях оставления экипажа судна без помощи, разработанного и направленного Юридическим комитетом

⁹ См.: Комтон С. Экипаж Qaaswa был депатриирован после 13-месячных тяжких испытаний // Морской бюллетень МФТ. 2020. № 34. С. 5.

¹⁰ См.: Международная федерация транспортников пришла на помощь морякам // Корабль.ru: информационно-поисковая система. 19.03.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.korabel.ru/news/comments/mezhunarodnaya_federaciya_transportnikov_prishla_na_pomoshch_moryakam.html (дата обращения: 17.02.2023).

¹¹ См.: Поправки в КТМС: интернет на борту – обязанность судовладельцев // Сайт Российского профессионального союза моряков. 17.05.2022 // http://www.sur.ru/ru/news/lent/2022-05-17/popravki_v_ktms_internet_na_bortu_objaznost_sudovladelcev_21218/ (дата обращения: 17.02.2023).

на первое заседание постоянной Трехсторонней рабочей группы Международной морской организации / Международной организации труда (JTWG) для рассмотрения и доработки¹².

Российский профессиональный союз моряков (РПСМ) также предпринимает шаги для решения проблемы «брошенных» российских моряков. В 2022 г. профсоюз обратился в Дальневосточную транспортную прокуратуру с тем, чтобы инициировать проверку законности всех полученных владельцами судов под флагом Российской Федерации страховых свидетельств, суммы и механизма выплат страховых покрытий¹³. В целом анализ российского рынка труда моряков показывает, что большинство предпочитает трудиться на судах под удобным флагом. Однако достаточно точно оценить реальное количество работающих моряков представляется сложной задачей, поскольку отложенной системы контроля корректности подаваемых крюинговыми компаниями данных так и не было создано. Российские государственные структуры, в компетенцию которых включен контроль за использованием труда граждан России, сближением их прав (Минтранс России, Федеральное агентство морского и речного транспорта), также сталкиваются с проблемой установления данных о количестве «брошенных» моряков. Представители морских профсоюзов и правозащитники констатируют наличие недостатков государственного статистического учета нарушений обязательств судовладельцами в России.

Трудовые права моряков регламентируются нормативными актами национального и международного права как общего, так и специального действия, устанавливающих механизм реализации и защиты их прав, при превалирующей роли именно международных нормативных источников регулирования труда моряков. Согласно ст. 10 Закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 (ред. от 19.11.2021) «О занятости населения в Российской Федерации»¹⁴ граждане имеют право на самостоятельный поиск работы и трудоустройство за пределами территории Российской Федерации. Недостатком правового регулирования труда моряков остается отсутствие в Трудовом кодексе РФ специальных норм, регулирующих их труд. В связи с этим на уровне оперативного штаба по поддержке Российского флота при Министерстве транспорта РФ выдвигались предложения о принятии нормативного правового акта на уровне Правительства РФ, который учредил бы унифицированный порядок следования моряков на судно и с судна при замене экипажа с учетом конкретной ситуации. Однако на моряков, которые самостоятельно трудоустраиваются за границей, на время их работы за рубежом российское трудовое законодательство не распространяется, и стороны трудовых правоотношений руководствуются заключенным между ними договором. Кроме того, в отличие от международной практики в законодательстве Российской Федерации термин «абандон» означает исключительно отказ страхователя или выгодоприобретателя от своих прав на застрахованное

¹² См.: Проблемы моряков всесторонне будет изучать JTWG // Seafarers Journal. 2022. 27 jul. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.seafarersjournal.com/sociaty/problemy-moryakov-vsestoronne-budet-izuchat-jtwg/> (дата обращения: 17.01.2023).

¹³ См.: Мелик-Шахназарова Е. Профсоюз озабочен депатриацией российских моряков с брошенных судов // Солидарность. Центральная профсоюзная газета. 2022. 11 апр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.solidarnost.org/news/profsoyuz-ozabochen-repatriatsiey-rossijskih-moryakov-s-broshennyh-sudov.html> (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁴ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 18, ст. 566.

имущество, а именно судно или груз предусмотрен п. 1 ст. 278 Кодекса торгового мореплавания РФ (КТМ РФ), основанием для которого являются: полная конструктивная гибель судна либо уничтожение груза, пропажа судна без вести, экономическая нецелесообразность ремонта судна или доставки груза в порт назначения, захват судна или груза на срок более 6 месяцев, застрахованных от такой опасности¹⁵.

Коллизионная норма, предусмотренная п. 2 ст. 416 КТМ РФ, устанавливает возможность регулировать отношения между судовладельцем и иностранным гражданином – членом экипажа судна законами не государства флага судна, если это предусмотрено трудовым договором, однако такое положение не может приводить к ухудшению условий труда по сравнению с нормами права того государства, которыми должны регулироваться данные отношения при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве. Соответственно, при трудоустройстве российского моряка для работы на судне, плавающем под иностранным флагом, условия труда не должны быть хуже по сравнению с теми, которые установлены нормами права государства, под флагом которого это судно плавает, независимо от того, какое право было предусмотрено в договоре.

Полномочия консульских должностных лиц в сфере надзора и инспекции в отношении судов, имеющих национальность представляемого государства и зарегистрированных в этом государстве, как и в отношении их экипажа, предусмотрены конвенцией о консульских сношениях 1963 г. Непосредственно механизм депатриации моряков дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями Российской Федерации в случаях невозможности осуществления депатриации судовладельцем или компетентным органом государства, под флагом которого плавает судно, установлен приказом Министерства иностранных дел РФ от 10 февраля 2016 г. № 1692 «Об утверждении Порядка депатриации с территории иностранного государства моряков, работающих на судах, плавающих под Государственным флагом Российской Федерации, а также моряков – граждан Российской Федерации, входящих в состав экипажей судов, плавающих под иностранным флагом»¹⁶, который был издан для обеспечения соблюдения правила 2.5 «Репатриация» КТМС-2006.

В связи со вступлением в силу Конвенции 2006 г. о труде в морском судоходстве (КТМС) в России были введены новые требования по сертификации систем менеджмента крюинговых компаний, которые формируют основной поток трудоустройства моряков за рубеж, вне зависимости от размера и форм собственности по соответствуанию стандарту ISO 9001:2008.

Положения п. 5 Стандарта А1.4 «Подбор и трудоустройство» КТМС-2006 в 2017 г. были включены в Положение о лицензировании (изменения в п/п. «в» п. 5). В число лицензионных требований при осуществлении деятельности по трудоустройству моряков были введены новеллы, предусматривающие, в частности, ведение и поддержание в актуальном состоянии списка трудоустроенных моряков и обеспечение доступа к указанному списку лицензирующему органа; удостоверение в том, что судовладелец обладает средствами для обеспечения защиты

¹⁵ См.: Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 11.06.2021; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СЗ РФ. 1999. № 18, ст. 2207.

¹⁶ См.: БНА РФ. 2016. № 26.

моряков от опасности оказаться без средств к существованию в иностранном порту; компенсация морякам денежного ущерба, который они понесли в результате невыполнения лицензиатом своих обязательств перед моряками, посредством заключения лицензиатом договора страхования либо обеспечения исполнения обязательств способом, предусмотренным гл. 23 ГК РФ; компенсация морякам денежного ущерба, который они понесли в результате невыполнения судовладельцем своих обязательств перед моряками, в соответствии с трудовым договором. Можно констатировать, что, хоть и несколько дефективно, в целом Российская Федерация осуществила принятие общих обязательных международно-правовых норм по обеспечению и защите трудовых прав членов экипажей морских судов в собственную правовую систему. Однако к недостаткам правового регулирования государственной поддержки моряков, работающих на судах в международном морском судоходстве, продолжают относить отсутствие единого акта национального законодательства, который регламентировал бы труд моряков, а также несогласованность российского подзаконного нормотворчества в морской сфере.

Выводы

В заключение можно резюмировать, что абандон моряков – оставление их без помощи, сопровождаемое невыполнением судовладельцем своих обязательств, – превратился в глобальное негативное социальное явление, при том, что проблемы социального обеспечения сами по себе считаются сложными, полностью не вписывающимися ни в договорную, ни во внедоговорную сферу. В данной сфере международного права односторонний подход, основанный на принципе территориальности, эксперты признают более предпочтительным, чем подход коллизионного права и определение применимого права.

Механизмы обеспечения и защиты права на депатриацию, на возмещение расходов, связанных с трудовой деятельностью моряков, установлены в международных нормативных документах, принятых под эгидой ООН. Специальными конвенциями гарантировано, что требования к работодателям (судовладельцам) по заработной плате и иным платежам, причитающимся членам экипажа, относятся к морским требованиям, значит, они относятся к высшей категории приоритетности и обеспечиваются морским залогом (Международная конвенция о морских залогах и ипотеках 1993 г.). Однако в условиях, когда мир сталкивается с рядом глобальных кризисов и конфликтов, которые имеют кумулятивный эффект, каждый из них вызывает необходимость дальнейшего совершенствования системы защиты трудовых ресурсов на морском транспорте и принятия мер по минимизации рисков для моряков, в том числе служащих на судах в районах конфликтов.

Принятые в российское законодательство поправки предоставили больше возможностей для защиты моряков и их семей от действий недобросовестных судовладельцев, но проблемы реализации государственной политики Российской Федерации в области морской деятельности усугубляют остро выраженная экспортная направленность отечественного рынка труда моряков. Специфика трудовых правоотношений в сфере торгового мореплавания заключается в том, что они часто осложнены иностранным элементом, и их правовая регламентация выходит за пределы национальной правовой системы. Соответственно, обострение geopolитической ситуации будет способствовать распространению грубых нарушений трудовых прав российских моряков, их прав на доступ к правосудию в портах иностранных государств. Ожидается, что проблемы «брошенных» российских моряков, решение которых требует

широкого международного взаимодействия, будут обостряться в связи с осложнением международно-политической обстановки и места России в ней. Трудности при оказании консультской помощи, например, могут быть вызваны значительными сокращениями численного состава сотрудников российских посольств, которые были предписаны правительствами ряда государств, вводимыми искусственными ограничениями для организации посольствами Российской Федерации выездного консульского обслуживания граждан и др. Государственный механизм обеспечения и защиты трудовых прав членов экипажей морских судов, как констатируют представители морских профсоюзов, остается недостаточно эффективным. Следовательно, в условиях нивелирования правовых гарантит реализации трудовых прав моряков, нуждающихся в усиении защиты со стороны государственных органов Российской Федерации, необходимостью является формирование комплексного подхода к вопросам государственного гарантирования и обеспечения прав исследуемой категории работников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коттон С. Экипаж Qaaswa был депатриирован после 13-месячных тяжких испытаний // Морской бюллетень МФТ. 2020. № 34. С. 5.

Сведения об авторах

РОСЕНКО Мария Ивановна –
доктор политических наук, доцент,
профессор кафедры
«Конституционное и административное право»
Юридического института Севастопольского
государственного университета;
299053 г. Севастополь,
ул. Университетская, д. 33

СКРЕБЕЦ Елена Владимировна –
доктор политических наук, доцент,
заведующая кафедрой
«Гражданское право и процесс»
Юридического института Севастопольского
государственного университета;
299053 г. Севастополь,
ул. Университетская, д. 33

2. Мелик-Шахназарова Е. Профсоюз озабочен депатриацией российских моряков с брошенных судов // Солидарность. Центральная профсоюзная газета. 2022. 11 апр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.solidarnost.org/news/profsoyuz-ozabochen-repatriatsiey-rossiyskih-moryakov-s-broshennyh-sudov.html> (дата обращения: 10.12.2022).
3. Carballo Piñeiro L. 2020. Implementation challenges for seafarers' social security protection: The case of the European Union // International Social Security Review. 2020. Vol. 73. No. 4. P. 17.

REFERENCES

1. Cotton S. The Qaaswa crew was repatriated after 13 months of ordeal // ITF Marine Bulletin. 2020. No. 34. P. 5 (in Russ.).
2. Melik-Shakhnazarova E. The trade union is concerned about the repatriation of Russian sailors from abandoned ships // Solidarity. The Central Trade Union newspaper. 2022. 11 Apr. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.solidarnost.org/news/profsoyuz-ozabochen-repatriatsiey-rossiyskih-moryakov-s-broshennyh-sudov.html> (accessed: 10.12.2022) (in Russ.).
3. Carballo Piñeiro L. 2020. Implementation challenges for seafarers' social security protection: The case of the European Union // International Social Security Review. 2020. Vol. 73. No. 4. P. 17.

Authors' information

ROSENKO Maria I. –
Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Constitutional
and Administrative Law at the Law Institute,
Sevastopol State University;
33 Universitetskaya str.,
299053 Sevastopol, Russia

SKREBETS Elena V. –
Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law and Process
at the Law Institute, Sevastopol State University;
33 Universitetskaya str., 299053 Sevastopol, Russia

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ
И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО
ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ВИДЫ, ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ**

© 2024 г. О. П. Грибунов*, Н. И. Валькирия**

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

*E-mail: gribunov@mail.ru

**E-mail: ni_malykhina@mail.ru

Поступила в редакцию 16.01.2024 г.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности построения двух видов криминалистических моделей лица, совершившего преступление: в процессе создания криминалистической характеристики преступлений как ее компонента, а также в ходе расследования уголовного дела как направления деятельности по установлению преступника. Выявлены проблемы по определению их структурного содержания, на основе сравнительного анализа раскрыты особенности методологии формирования данных моделей, рассмотрены дискуссионные вопросы о субъектах и методиках их создания с представлением авторских выводов по их решению. Рассмотрены отдельные вопросы по использованию технологий искусственного интеллекта в деятельности по созданию криминалистических моделей лица, совершившего преступление. Обозначены актуальные направления развития научных исследований по рассматриваемой тематике.

Ключевые слова: криминалистическая модель, лицо, совершившее преступление, криминалистическая характеристика преступлений, расследование преступлений, методология построения модели преступника, методика построения модели преступника, искусственный интеллект, криминалистическое моделирование, установление преступника, подсудимый.

Цитирование: Грибунов О.П., Валькирия Н.И. Криминалистическая модель лица, совершившего преступление: виды, особенности построения // Государство и право. 2024. № 4. С. 138–147.

DOI: 10.31857/S1026945224040127

**FORENSIC MODEL OF PERSON, WHO COMMITTED A CRIME:
TYPES, SPECIFICS OF CONSTRUCTION**

© 2024 О. П. Грибунов*, Н. И. Валькирия**

Baikal State University, Irkutsk

*E-mail: gribunov@mail.ru

**E-mail: ni_malykhina@mail.ru

Received 16.01.2024

Abstract. The topic considers the specifics of the construction of two types of forensic models of a person, who committed a crime: in the process of creating a forensic characteristic of crimes as its component, and also during the investigation of a criminal case as a direction of activity to identify the criminal. The problems of defining their structural content have been identified, the specifics of the methodology of forming these models have been revealed on the basis of a comparative analysis, the discussion questions about the subjects and methods of their creation have been considered with the presentation of the author's conclusions on their solution. Some issues of using artificial intelligence technologies in the activity of creating forensic models of a person, who committed a crime, are considered. The actual directions of development of scientific research on the topic under consideration are outlined.

Key words: forensic model, person, who committed a crime, forensic characteristic of crimes, crime investigation, methodology of constructing a criminal model, artificial intelligence, forensic modelling, identifying of a criminal, criminal.

For citation: Gribunov, O.P., Valkiriya, N.I. (2024). Forensic model of person, who committed a crime: types, specifics of construction // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 138–147.

Перспективы развития криминалистической науки и совершенствования деятельности по расследованию преступлений во многом определяются необходимостью модернизации имеющихся, создания дополнительных и новых подходов, методов, методик к решению теоретико-прикладных задач. В этой связи одним из актуальных направлений, представляющим интерес как для ученых, так и для практиков, является вопрос построения криминалистической модели лица, совершившего преступление. В современных условиях развития цифровых технологий данная тематика приобретает еще большую актуальность и практическую востребованность.

Для более полного понимания сущностного содержания рассматриваемой модели, ее разновидностях и особенностях их построения следует, в первую очередь, уточнить вопрос о понимании термина «лицо, совершившее преступление» в криминалистике.

Ранее один из авторов настоящей статьи акцентировала внимание в своих работах на необоснованно широкое толкование в криминалистических исследованиях понятия «лицо, совершившее преступление» (далее – ЛСП) и необходимость применения данного термина в научном обороте лишь в понимании неизвестного и известного преступников, поскольку ЛСП – всего лишь собирательный образ объективно существующего человека. Сведения, собранные в процессе его установления, могут быть применимы, в частности в аспекте сопоставления с информацией о подозреваемом, обвиняемом и т.д.¹

В качестве обоснования также отмечалось, что «понятия “подозреваемый”, “обвиняемый” и “подсудимый” имеют свое специфическое юридическое содержание, связанное с их процессуальной ролью (во всех случаях речь идет о конкретном человеке, который выступает в качестве определенной процессуальной фигуры). Определение данных лиц преступниками обуславливает нарушение принципа презумпции невиновности...»². При этом следует принимать во внимание справедливое замечание Д.В. Исютина-Федоткова о том, что лицо «может быть признано невменяемым

¹ См.: Малыхина Н.И. Определение понятия «лицо, совершившее преступление» // Росс. юстиция. 2012. № 12. С. 19–21.

² Малыхина Н.И. Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2017. С. 27, 28.

либо не подлежать ответственности в силу возраста, в связи с чем логично и юридически правильно в таком случае говорить о лице, совершившем общественно опасное деяние»³. Вместе с тем в научных исследованиях представляется рациональным применять единообразный подход к использованию в научном обороте формулировки объекта познания (в данном случае – ЛСП), избегая терминологической загруженности.

Учитывая данные положения, необходимо проводить отличия в построении криминалистических моделей установленного и неизвестного преступников. В первом случае модель строится в ходе формирования положений криминалистической характеристики преступлений на основе обобщения и изучения эмпирического материала, во втором случае – модель ЛСП создается в процессе расследования уголовного дела.

Проектируя положения теории принятия решений о типах моделей применительно к рассматриваемому объекту исследования (ЛСП), криминалистические модели можно определить как описательную и динамическую. Описательные (либо дескриптивные) модели применяются для того, чтобы описать и объяснить наблюдаемые факты или спрогнозировать поведение объектов на основе эмпирических наблюдений. Такие модели могут быть использованы для формирования более сложных моделей – динамических. Динамическая модель отличается от описательной по особенностям построения и содержания тем, что она предназначена для описания изменений (динамики) состояний объекта⁴.

Сведения, содержащиеся в описательной модели ЛСП, могут быть использованы в качестве исходных данных при выработке теоретических положений динамической модели ЛСП. При расследовании конкретного уголовного дела данные модели возможно использовать как независимо друг от друга, так и в комплексе. Иными словами, типичные данные о лицах, совершивших преступления, содержащиеся в криминалистической модели ЛСП, построенной на основе эмпирического материала, могут быть применимы в качестве

³ Исютин-Федотков Д.В. Основы криминалистического изучения личности. М., 2023. С. 13.

⁴ См.: Трофимова Л.А., Трофимов В.В. Управленческие решения (методы принятия и реализации): учеб. пособие. СПб., 2011; Герасимов Б.И., Пучков Н.П., Протасов Д.Н. Дифференциальные динамические модели: учеб. пособие. Тамбов, 2010.

информационной основы при создании криминалистической модели неизвестного преступника в ходе расследования уголовного дела, определяя вектор направления в установлении личностных особенностей и поиске ЛСП.

Построение обеих моделей базируется на выявлении корреляций между элементами криминального события (преступником, потерпевшим, местом, временем, следами совершения преступления и т.д.). При этом в процессе формирования описательной модели системообразующим элементом являются лица, совершившие преступления, информация о которых в конечном итоге должна быть представлена с учетом выявленных взаимосвязей с иными элементами криминалистической характеристики преступлений. При создании же динамической модели ЛСП (неизвестного преступника), напротив, полученные сведения об искомом лице являются итогом исследования имеющихся данных об иных элементах криминального события, которые по своей сути и являются источниками информации о неизвестном преступнике.

Следует отметить, отсутствие четкого разграничения разновидностей указанных моделей ЛСП обусловило возникновение такой ситуации, когда некоторые исследователи при разработке, например, криминалистической характеристики отдельного вида преступлений, наряду с изложением положений о типичных личностных особенностях преступников также рассматривают отдельные вопросы, относящиеся к построению динамической криминалистической модели ЛСП (например, определяя возможные методы и средства установления личностных характеристик искомого преступника в практическом расследовании).

Полагаем, во многом это обусловлено тем, что криминалистическая характеристика преступлений традиционно в науке рассматривается элементом частной криминалистической методики расследования преступлений. Ученые, стремясь затронуть вопросы установления личностных особенностей преступника в ходе расследования уголовного дела, включают данные положения именно в диапазон рассмотрения вопросов криминалистической характеристики преступлений, что изначально является неверным, учитывая сложившийся традиционный подход к формированию ее положений, основанный на представлении только итогов изучения правоприменительной практики. В этой связи заслуживают внимания предложения С. Ю. Журавлева по компонентам структуры общей методики расследования преступлений, а также видовой методики расследования преступлений

в сфере экономики⁵, в число которых ученый не включил криминалистическую характеристику преступлений, определив ее лишь как «основу для формирования новой частной методики расследования преступлений или модернизации существующей»⁶.

Раскрытие особенностей построения криминалистических моделей ЛСП представляется целесообразным рассмотреть сквозь призму некоторых проблем по определению их структурного содержания, методов, средств, субъектов и методики формирования.

Структурные компоненты криминалистических моделей ЛСП

Структурные компоненты обоих видов моделей схожи и в своей основе содержат информацию о личностных особенностях человека. Однако вопрос о разновидностях данных качеств и определения их наименований в литературе рассматривается неоднозначно и представляется в авторском видении и интерпретации ученых.

Детальный анализ предлагаемых учеными видов качеств человека, подлежащих установлению и изучению в криминалистической деятельности (в ходе изучения участников уголовного судопроизводства, установления личностных особенностей неизвестного преступника и др.), позволило выявить следующие проблемы: а) выделение качеств человека представляется без должного научного обоснования их разновидностей; б) определение групп личностных качеств сопровождается выделением различных их видов в каждой группе (к примеру, виды социальных и биологических свойств характеризуются разными авторами в различных аспектах); в) в некоторых случаях необоснованное бессистемное «дробление» личностных особенностей без указания оснований такого деления; г) в подавляющем большинстве отсутствие разграничений между свойствами и признаками человека, частое отождествление признаков внешности с признаками человека; д) отсутствие должного внимания состояниям человека в системе его качеств (во многих случаях отождествление их со свойствами человека), а также его психическим особенностям.

Как следствие, многочисленные, разнообразные по своему содержанию научные взгляды о системе качеств человека порождают в криминалистике излишнюю путаницу и полемику, оказывая негативное влияние на разработку положений

⁵ См.: Журавлев С.Ю. Методологические основы совершенствования методики расследования преступлений в сфере экономики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2022. С. 16, 17.

⁶ Там же. С. 15.

формирования криминалистических моделей ЛСП. В ходе сравнительного исследования положений работ конкретно по рассматриваемой проблематике были выявлены либо существенные разнотечения по определению структурных элементов данных моделей, либо отсутствие в целом акцентирования внимания на данный вопрос при сопутствующем фрагментарном перечислении отдельных качеств человека в ходе рассмотрения, например, методологии установления личностных особенностей человека.

Система качеств человека должна иметь не только научное обоснование выделения структурных элементов, но и должна быть понятна и проста в применении как научным исследователем, так и практическим работником. Указанные качества человека являются «ядром» рассматриваемых моделей, в связи с чем данному вопросу следует уделять особое внимание.

В целях разрешения выявленных проблем, учитывая созданные ранее другими учеными отдельные положения по исследуемой тематике, предлагаем при разработке системы личностных качеств учитывать уровни изучения человека (социальный, биологический, психологический) (по А.Н. Леонтьеву⁷), а также проводить различия между свойствами, состояниями и их признаками.

«Свойства ЛСП – объективно существующие качества, характеризующие лицо, совершившего преступление, как телесное существо, субъекта одушевленной деятельности, а также индивида в социальной системе; состояния ЛСП – относительно устойчивые качества, характеризующие нахождение в определенном положении лица, совершившего преступление, в биологической, психологической и социальной сферах; признаки свойств и состояний ЛСП – характерологические качества, выражющие свойства и состояния лица, совершившего преступление, позволяющие провести отличия с иными лицами»⁸.

Учитывая выделенные уровни изучения человека, необходимо выделять биологические, социальные, психические свойства, а также состояния, которые и будут являться структурными компонентами, определяющими конкретными признаками, обеих криминалистических моделей ЛСП⁹. Единый подход к определению структурных компонентов исследуемых моделей обеспечит эффективность их построения, в том числе

⁷ См.: Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 231.

⁸ Малыхина Н.И. Качества человека как объект криминалистического исследования // Вестник СГЮА. 2021. № 4 (141). С. 172, 173.

⁹ См.: там же. С. 173, 174.

позволит правильно выбрать методы и средства их построения.

Методы и средства построения криминалистических моделей ЛСП

Несмотря на то, что по своим основным структурным компонентам оба вида криминалистических ЛСП имеют сходства, для их создания используются различные методы и средства.

При построении описательной криминалистической модели ЛСП применяется комплекс общенаучных и специальных методов научного познания, применяемых при проведении любого научного исследования. В связи с тем, что основой для исследования в целях создания модели ЛСП являются данные правоприменимой практики, центральное место в научном исследовании в данном случае занимают статистические методы. Методология построения данной модели в криминалистике, с одной стороны, не вызывает дискуссий, с другой – вызывает определенные трудности в применении.

Так, вопросы создания описательной криминалистической модели ЛСП неразрывно связаны с проблемами формирования криминалистической характеристики преступлений. Следует отметить, что в науке обсуждается вопрос о практической невостребованности ее положений, что предопределяется описательным характером компонентов криминального события и, как следствие, схожестью по содержанию с криминологической характеристикой. Однако наличие такой проблемы является последствием непроработанности ключевого вопроса – в науке до сих пор отсутствуют целостные положения о методологии исследования эмпирического материала, раскрывающие специфику выявления взаимосвязей между указанными компонентами.

Более того, повышение информационного содержания криминалистических характеристик преступлений возможно обеспечить посредством совершенствования методологических основ их построения, не ограничиваясь изучением лишь материалов уголовных дел, поскольку не вся информация, необходимая для выявления корреляций между элементами криминального события, содержится в указанных материалах. В этой связи еще в 2012 г. совершенно справедливо отметил О.В. Полстовалов о насущной необходимости расширять методологию исследования и применять более активно также методы, давно известные в криминологии («экспертной оценки (опрос лиц, наиболее компетентных в сфере борьбы именно с данным видом преступности), виктимологии (опрос потенциальных жертв преступлений, например, предпринимателей по фактам имевших место в их отношении коррупционных преступлений), расширенного изучения документов

(изучение не только материалов уголовных дел и так называемых отказных материалов, но и тех документов, которые могут содержать информацию о латентном преступлении»¹⁰). На сегодняшний день указанные ценные предложения, судя по имеющимся работам, учтены, но реализуются лишь в определенной степени.

Весомый вклад в совершенствование положений криминалистических характеристик преступлений, несомненно, внес Л. Г. Видонов¹¹, работы которого со стороны ученых и практических работников в свое время получили как высокую оценку, так и критические замечания, что объяснимо авторским подходом к решению поставленной задачи и результатами собственного эмпирического исследования. В рамках рассмотрения генезиса данного направления следует отметить также, например, компьютерную программу «ФОРВЕР», созданную в Нижегородской области и используемую ранее при расследовании некоторых категорий уголовных дел. В основе данной программы заложена система сведений криминалистической характеристики преступлений, при этом одним из главных направлений ее применения явилось определение криминалистически значимых признаков искомого преступника, а также круга подозреваемых по расследуемому преступлению¹².

В современных условиях развития цифровых технологий в России начали создаваться на практике аналогичные по функциональному назначению более усовершенствованные программы, основанные на применении алгоритмов искусственного интеллекта и методов математической статистики, например программа для ЭВМ «Портрет серийного преступника “PorSerO”» (А. А. Бессонов)¹³. Создание подобных программ, несомненно, будет способствовать облегчению работы, в частности научного исследователя, и повысит ее эффективность.

¹⁰ Полстовалов О. В. Криминалистической характеристике преступлений новую методологическую основу // Современная криминастика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р. С. Белкина): сб. материалов 53-х криминалистических чтений: в 3 ч. М., 2012. Ч. 1. С. 247, 248.

¹¹ См.: Видонов Л. Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев. Горький, 1978.

¹² См.: Толстолуккий В. Ю., Казарян К. С. Использование компьютерной программы «ФОРВЕР» в процессе взаимодействия следователя и сотрудников органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2 (13). С. 242–246.

¹³ См.: Бессонов А. А. Программа для ЭВМ «Портрет серийного преступника “PorSerO”» // Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2022610749, 14.01.2022. Заявка № 2021682482 от 27.12.2021; Его же. Современные информационные технологии на службе следствия // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1 (35). С. 94–100.

Однако сегодня их применение находится только на стадии апробации, и, судя по последним научным трудам, посвященным методическим разработкам особенностей расследования различных видов преступлений, научные исследователи продолжают пользоваться прежними методами и средствами формирования криминалистической характеристики преступлений.

Вместе с тем подобные программы имеют многофункциональное назначение и позволяют не только систематизировать и математически обрабатывать эмпирические данные, но и создавать криминалистические модели искомых преступников, что существенно повышает их практическое значение.

Касательно аналогичных программ, как средств установления ЛСП в расследовании преступлений, следует отметить, что данное направление в большей степени развито в зарубежной практике с акцентом на решение проблем идентификации лиц, совершивших преступления, по их биометрическим данным¹⁴. Российскими учеными большее внимание уделяется вопросам создания цифровых моделей места происшествия с использованием нейронных сетей¹⁵, что отчасти может быть применимо, например, в установлении личных качеств преступника на основе моделирования и изучения его поведения. Как предпосылку для создания в перспективе эффективной программы по созданию криминалистической модели ЛСП можно рассматривать и исследования, которые проводятся в г. Перми для определения предрасположенности к совершению серийных преступлений потенциальных подозреваемых посредством создания компьютерной программы на основе технологий искусственного интеллекта, когда существует необходимость обработки больших объемов данных о лицах¹⁶.

Бессспорно, что использование нейросетевых технологий в деятельности по установлению личных качеств искомого преступника является весьма актуальным и востребованным направлением в практике расследования преступлений. Нейрокомпьютинг активно используется в различных сферах жизнедеятельности. Полагаем, что некоторые уже

¹⁴ См.: Овчинский В. С. Криминология цифрового мира: учеб. для магистратуры. М., 2018. С. 327, 328.

¹⁵ См.: Кугуракова В. В., Антонов И. О., Гончаренко Б. В., Чайбар А. А. Цифровое представление в виртуальной реальности места происшествия как инструмент уголовного судопроизводства // Программные системы: теория и приложения. 2022. Т. 13. № 3 (54). С. 193–223.

¹⁶ См.: Ясицкий Л. Н., Вауlevа С. В., Сафонова Д. Н., Черепанов Ф. М. Использование методов искусственного интеллекта в изучении личности серийных убийц // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 423–430.

разработанные программы, используемые в иных сферах, можно адаптировать и творчески приспособить к решению задач установления ЛСП.

В качестве примера можно привести программное обеспечение Midjourney (2022 г.), которое на данный момент находится в свободном доступе, но на стадии бета-тестирования. Данная программа позволяет эффективно создавать различные изображения по текстовым сообщениям, что можно взять за основу разработки методики по воссозданию внешнего облика ЛСП, базирующуюся на использовании нейронных сетей. Создание такой программы позволит облегчить и ускорить процедуру создания фоторобота ЛСП, что положительно скажется на эффективности деятельности правоохранительных органов по его поиску¹⁷.

К средствам построения криминалистической модели неустановленного преступника помимо различных компьютерных программ также относятся следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, различные экспертизы и проч., в рамках производства которых обеспечивается реализация соответствующих методов построения данной модели.

Методология построения динамической криминалистической модели ЛСП существенно отличается от методологии одноименной модели описательного типа. Для выявления корреляций между элементами криминального события, изучения поведения неизвестного преступника в целях установления его индивидуальных особенностей, в том числе по оставленным им материальным, идеальным и цифровым следам, применяются и общенаучные, и специальные методы, при этом первостепенное значение имеют методы, разработанные в психологии, психиатрии, логике, медицине, биологии и т.д.

Например, знания психологии могут быть использованы при исследовании поведения ЛСП посредством применения психологических методов для выявления субъективной составляющей действий данного лица. Комплекс методов различных наук применяется при исследовании следов, оставленных ЛСП, в целях определения его биологических, социальных и психических свойств и состояний. По данному направлению актуальными являются, например, вопросы определения личных качеств преступника по цифровым следам, проблемы изучения его цифрового поведения. Важными остаются и вопросы, связанные с установлением биологических особенностей человека в рамках проведения генетических исследований, и др.

Тематика о методологии построения криминалистической модели искомого преступника весьма

¹⁷ См.: Леонтьев А.Д., Валькирия Н.И. Нейрокомпьюting: возможности и перспективы применения в расследовании преступлений // Эксперт-криминалист. 2023. № 4. С. 6–8.

обширна и требует самостоятельного исследования с определением системы методов, субъектов их применения и перечня вопросов, разрешаемых в ходе применения того или иного метода.

Выбор конкретных методов и средств в построении обеих криминалистических моделей ЛСП обуславливается поставленными задачами, субъектами применения, предопределяя соответствующие методики построения данных моделей.

Субъекты и методики создания криминалистических моделей ЛСП

Субъектом построения криминалистической модели установленного преступника является научный исследователь. Стадии данной методики в целом аналогичны стадиям проведения любого эмпирического исследования с акцентом на решение соответствующих поставленных перед научным исследователем задач.

Данный вопрос среди ученых полемики не вызывает, в отличие от определения субъектов создания криминалистической модели неизвестного преступника, что, в свою очередь, обуславливает возникновение дискуссий и о самой методике формирования динамической модели ЛСП.

Как правило, в работах субъектами построения данной модели указываются либо различные специалисты (криминалист, психолог, психиатр), либо следователь, эксперт, оперативный работник, при этом также определяются различные стадии формирования данной модели.

Безусловно, весьма значимой в деятельности по построению криминалистической модели искомого лица является работа и специалистов, и экспертов, и оперативных работников. И в сложных ситуациях расследования следует привлекать специалистов в качестве основных субъектов этой работы. Вместе с тем именно следователь является главным субъектом, координирующим работу по формированию криминалистической модели ЛСП. Соответственно, разработка положений методики построения данной модели должна быть ориентирована прежде всего на алгоритм действий следователя с указанием этапов данной деятельности и круга задач, подлежащих разрешению на каждой из них.

Базовые стадии построения исследуемой модели корреспондируют с основными типовыми этапами, присущими практически любому виду деятельности, в том числе расследованию преступления в целом, и могут быть определены как подготовительная, рабочая и заключительная¹⁸.

¹⁸ См.: Малыхина Н.И. Алгоритм действий следователя при построении криминалистической модели неизвестного преступника // Юрид. наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 187–190.

В начале создания модели следователь должен изучить имеющуюся на момент расследования информацию о ЛСП с позиции определения ее объема, затем обозначить наиболее значимые (исходя из вида совершенного преступления) личные качества ЛСП как структурные элементы криминалистической модели, подлежащие дальнейшему установлению. В случае необходимости следует исследовать представленные в литературе положения о типичных качествах, присущих преступникам по конкретному виду преступлений, во взаимосвязи с иными элементами криминального события (то есть использовать сведения, содержащиеся в описательной криминалистической модели ЛСП). После этого следователь определяет, из каких источников возможно получить необходимую информацию о личностных характеристиках искомого лица, осуществляет выбор необходимых для этого методов и средств. В зависимости от круга поставленных задач, следователь также определяет субъектов, которые будут принимать участие в установлении свойств и состояний ЛСП (например, специалистов из конкретных областей знаний).

На подготовительной стадии следователю рекомендуется составлять план построения данной модели. Содержание данного плана должно включать наименование конкретных личных качеств человека, подлежащих установлению, источников информации, субъектов выявления и изучения соответствующей информации, следственных действий, экспертиз, оперативно-розыскных мероприятий и т.д.

Непосредственно формирование криминалистической модели ЛСП, изучение, корректировка поступающей информации и ее применение в расследовании происходит на рабочей стадии. Построение модели осуществляется на основе изучения выбранного лицом предмета преступного посягательства, потерпевшего, места, способа совершения преступления и т.д., посредством выявления и исследования корреляций с личностными особенностями ЛСП.

На данной стадии реализуется весь комплекс методов и средств построения модели, применяемых как следователем, так и иными участниками этой деятельности. Например, в зависимости от вида обнаруженных следов следователь назначает необходимые экспертизы, в рамках которых эксперты с применением соответствующих средств и методологии решают поставленные перед ними задачи.

Применение полученной в ходе составления криминалистической модели ЛСП информации может осуществляться по нескольким направлениям. Например, в целях моделирования его дальнейшего поведения; установления новых источников информации о личных качествах искомого преступника (ранее не выявленных следов,

свидетелей, потерпевших и т.д.); определения границ поиска подозреваемого; анализа и соотнесения сведений, содержащихся в модели, с имеющейся информацией об обвиняемом (в некоторых случаях при необходимости также с личностными характеристиками свидетелей и потерпевших). Поскольку формирующаяся модель по своему содержанию имеет вариативный характер, обусловленный применением отдельных методов и средств на конкретный период времени ее построения, то поступающая информация может быть использована для установления дополнительных сведений о ЛСП, определения необходимости привлечения специалистов из других областей знаний, проведения иных оперативно-розыскных мероприятий либо процессуальных действий и пр.

Применительно к действиям на заключительной стадии, отметим, результаты деятельности по построению криминалистической модели ЛСП в первую очередь фиксируются в материалах уголовного дела. По мнению Д. В. Исиутина-Федоткова, итоги исследования «могут оформляться в виде справки – криминалистического портрета, не имеющего процессуального статуса, относящегося к числу иной (не доказательственной) информации, находящейся в распоряжении органов уголовного следования на определенный момент раскрытия и расследования преступления»¹⁹. На наш взгляд, в системном виде процесс и итоги проведенной аналитической работы допустимо отражать непосредственно в плане построения данной модели в пунктах о результатах проведенных мероприятий.

На заключительной стадии оцениваются полученные результаты о выявленных личных качествах искомого преступника с точки зрения их достоверности и полноты в сочетании с определением степени их соответствия информации о личностных характеристиках обвиняемого в обвинительном заключении с позиции обоснованности полученных результатов.

Вопрос о субъектах и методиках построения криминалистической модели ЛСП находится в неразрывной связи с процессом установления ЛСП. В криминалистике традиционно сложилось, что деятельность по установлению ЛСП рассматривается лишь в рамках предварительного расследования как процесс выявления и изобличения преступника. Дискуссионность данных положений предопределяется, как отмечалось ранее, неоднозначным толкованием термина «лицо, совершившее преступление», необоснованным отождествлением его с конкретными процессуальными фигурами. Более того, ограничение данной деятельности только досудебной стадией уголовного судопроизводства предполагает работу по установлению

¹⁹ Исиутин-Федотков Д. В. Указ. соч. С. 131, 132.

обвиняемого, но не ЛСП, поскольку факт установления последнего – это результат судебной исследовательской работы.

В этой связи следует обратить внимание ученых на пересмотр и совершенствование имеющихся положений по вопросам установления ЛСП путем их разработки (переработки) с учетом не только стадии предварительного расследования (начальной стадии процесса установления ЛСП), но и стадии судебного разбирательства дела (конечной стадии процесса установления ЛСП).

Поскольку деятельность по построению криминалистической модели ЛСП осуществляется в рамках деятельности по установлению ЛСП, можно предположить, что вопросы, связанные с применением положений модели, созданной на стадии предварительного расследования, могут рассматриваться и на стадии судебного разбирательства, что предопределяет и иных субъектов, участвующих в этом процессе, и иные направления применения информации, содержащейся в построенной ранее модели.

В силу новизны поставленной научной задачи данные вопросы требуют углубленного осмысления и обсуждения. Но предварительно следует заметить, что указанная тематика взаимосвязана с проблемами криминалистического изучения подсудимого, которые еще также в должной степени в науке не исследованы и представлены достаточно фрагментарно²⁰.

* * *

Таким образом, в качестве основных выводов по вопросам особенностей создания криминалистических моделей ЛСП укажем следующие:

1) в криминалистике следует разграничивать два основных вида моделей ЛСП: описательная модель строится в ходе формирования положений криминалистической характеристики преступлений на основе обобщения и изучения эмпирического материала, динамическая модель создается в процессе расследования уголовного дела;

2) построение обеих моделей базируется на выявлении корреляций между элементами криминального события, однако методология, средства и методики их формирования различны, что в первую очередь предопределяется отличиями задач, подлежащих разрешению;

²⁰ См.: Кисленко С.Л. Учет данных, характеризующих личность подсудимого, при принятии процессуальных решений по уголовному делу // Эпомен. 2021. № 58. С. 218–237; Воскобитова Л.А., Малышева О.А., Насонов С.А. Личность подсудимого через призму правосудия: криминологические и уголовно-процессуальные аспекты // Всеросс. криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 5. С. 777–785; и др.

3) единообразный подход к определению структурных компонентов исследуемых моделей обеспечит эффективность их построения, в связи с чем предлагается выделять биологические, социальные, психические свойства, а также состояния лица, определяющиеся их конкретными признаками;

4) в современных условиях развития цифровых технологий актуальным и перспективным является создание различных программ, применение которых позволит не только систематизировать и математически обрабатывать эмпирические данные, но и создавать криминалистические модели искомых преступников;

5) сложная аналитическая работа по выявлению взаимосвязей между элементами криминального события, изучению поведения неизвестного преступника в целях установления его индивидуальных особенностей, в том числе по оставленным им материальным, идеальным и цифровым следам при создании криминалистической модели ЛСП в практическом расследовании, предполагает первоочередное применение методов, разработанных в психологии, психиатрии, логике, медицине, биологии и т.д.;

6) разработка положений методики построения модели неизвестного преступника должна быть ориентирована прежде всего на алгоритм действий следователя как главного субъекта, координирующего работу по формированию модели, с указанием этапов данной деятельности и круга задач, подлежащих разрешению на каждой из них;

7) дальнейшее развитие научных исследований по проблемам создания криминалистических моделей ЛСП связано с разработкой целостных положений методологии исследования эмпирического материала при построении описательной криминалистической модели ЛСП; совершенствованием методологических и методических основ формирования криминалистической модели неизвестного преступника; переосмыслением и модернизацией имеющихся положений по вопросам установления ЛСП посредством их выработки с учетом не только стадии предварительного расследования, но и стадии судебного разбирательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонов А.А. Программа для ЭВМ «Портрет серийного преступника “PorSerO”» // Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2022610749, 14.01.2022. Заявка № 2021682482 от 27.12.2021.
2. Бессонов А.А. Современные информационные технологии на службе следствия // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1 (35). С. 94–100.

3. *Видонов Л.Г.* Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев. Горький, 1978.
4. *Воскобитова Л.А., Малышева О.А., Насонов С.А.* Личность подсудимого через призму правосудия: криминологические и уголовно-процессуальные аспекты // Всеросс. криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 5. С. 777–785.
5. *Герасимов Б.И., Пучков Н.П., Протасов Д.Н.* Дифференциальные динамические модели: учеб. пособие. Тамбов, 2010.
6. *Журавлев С.Ю.* Методологические основы совершенствования методики расследования преступлений в сфере экономики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2022. С. 15–17.
7. *Исютин-Федотов Д.В.* Основы криминалистического изучения личности. М., 2023. С. 13, 131, 132.
8. *Кисленко С.Л.* Учет данных, характеризующих личность подсудимого, при принятии процессуальных решений по уголовному делу // Эпомен. 2021. № 58. С. 218–237.
9. *Кугуракова В.В., Антонов И.О., Гончаренко Б.В., Чайбар А.А.* Цифровое представление в виртуальной реальности места происшествия как инструмент уголовного судопроизводства // Программные системы: теория и приложения. 2022. Т. 13. № 3 (54). С. 193–223.
10. *Леонтьев А.Д., Валькирия Н.И.* Нейрокомпьютинг: возможности и перспективы применения в расследовании преступлений // Эксперт-криминалист. 2023. № 4. С. 6–8.
11. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 231.
12. *Малыхина Н.И.* Алгоритм действий следователя при построении криминалистической модели неизвестного преступника // Юрид. наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 187–190.
13. *Малыхина Н.И.* Качества человека как объект криминалистического исследования // Вестник СГЮА. 2021. № 4 (141). С. 172–174.
14. *Малыхина Н.И.* Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2017. С. 27, 28.
15. *Малыхина Н.И.* Определение понятия «лицо, совершившее преступление» // Росс. юстиция. 2012. № 12. С. 19–21.
16. *Овчинский В.С.* Криминология цифрового мира: учеб. для магистратуры. М., 2018. С. 327, 328.
17. *Полстовалов О.В.* Криминалистической характеристике преступлений новую методологическую основу // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р.С. Белкина): сб. материалов 53-х криминалистических чтений: в 3 ч. М., 2012. Ч. 1. С. 247, 248.
18. *Толстолуцкий В.Ю., Казарян К.С.* Использование компьютерной программы «ФОРВЕР» в процессе взаимодействия следователя и сотрудников органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2 (13). С. 242–246.
19. *Трофимова Л.А., Трофимов В.В.* Управленческие решения (методы принятия и реализаций): учеб. пособие. СПб., 2011.
20. *Ясницкий Л.Н., Вауleva С.В., Сафонова Д.Н., Черепанов Ф.М.* Использование методов искусственного интеллекта в изучении личности серийных убийц // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 423–430.

REFERENCES

1. *Bessonov A.A.* Computer program “Portrait of serial criminal “PorSerO” // Certificate of registration of computer program 2022610749, 14.01.2022. Application No. 2021682482 27.12.2021 (in Russ.).
2. *Bessonov A.A.* Modern information technologies in the service of investigation // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2022. No. 1 (35). Pp. 94–100 (in Russ.).
3. *Vidonov L.G.* Criminalistic characteristics of murders and systems of standard versions about persons who committed murders without eyewitnesses: method. recommendations for the use of standard version systems. Gorky, 1978 (in Russ.).
4. *Voskobitova L.A., Malysheva O.A., Nasonov S.A.* The identity of the defendant through the prism of justice: criminological and criminal procedural aspects // All-Russian Journal of Criminology. 2020. Vol. 14. No. 5. Pp. 777–785 (in Russ.).
5. *Gerasimov B.I., Puchkov N.P., Protasov D.N.* Differential dynamic models: textbook. Tambov, 2010 (in Russ.).
6. *Zhuravlev S. Yu.* Methodological foundations for improving the methodology of investigating crimes in the field of economics: abstract ... Doctor of Law. Nizhny Novgorod, 2022. Pp. 15–17 (in Russ.).
7. *Isyutin-Fedotkov D.V.* Fundamentals of criminalistic study of personality. M., 2023. Pp. 13, 131, 132 (in Russ.).
8. *Kislenko S. L.* Accounting of data characterizing the personality of the defendant when making procedural decisions in a criminal case // Epomen. 2021. No. 58. Pp. 218–237 (in Russ.).
9. *Kugurakova V. V., Antonov I. O., Goncharenko B. V., Chaibar A. A.* Digital representation in virtual reality of the scene of the incident as a tool of criminal proceedings // Software systems: theory and applications. 2022. Vol. 13. No. 3 (54). Pp. 193–223 (in Russ.).
10. *Leontiev A.D., Valkyrie N.I.* Neurocomputing: possibilities and prospects of application in the investigation of crimes // Forensic expert. 2023. No. 4. Pp. 6–8 (in Russ.).
11. *Leontiev A.N.* Activity. Conscience. Personality. M., 1977. P. 231 (in Russ.).
12. *Malykhina N. I.* The algorithm of the investigator's actions in constructing a forensic model of an unknown criminal // Legal Science and practice: Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 3 (43). Pp. 187–190 (in Russ.).
13. *Malykhina N. I.* Human qualities as an object of forensic research // Herald of the SSLA. 2021. No. 4 (141). Pp. 172–174 (in Russ.).

14. *Malykhina N.I.* Criminalistic teaching about the person who committed the crime: dis. ... Doctor of Law. Saratov, 2017. Pp. 27, 28 (in Russ.).
15. *Malykhina N.I.* Definition of the concept of “a person who has committed a crime” // Russian Justice. 2012. No. 12. Pp. 19–21 (in Russ.).
16. *Ovchinsky V.S.* Criminology of the digital world: textbook for magistracy. M., 2018. Pp. 327, 328 (in Russ.).
17. *Polstovalov O.V.* Criminalistic characterization of crimes a new methodological basis // Modern criminalistics: problems, trends, names (for the 90th anniversary of Professor R.S. Belkin): sat. mater. 53 forensic readings: in 3 parts. M., 2012. Part 1. Pp. 247, 248 (in Russ.).
18. *Tolstolutsky V.Yu., Kazaryan K.S.* The use of the computer program “FORVER” in the process interaction of the investigator and employees of the body carrying out operational investigative activities // Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 2 (13). Pp. 242–246 (in Russ.).
19. *Trofimova L.A., Trofimov V.V.* Managerial decisions (methods of adoption and implementation): study guide. SPb., 2011 (in Russ.).
20. *Yasnitskiy L.N., Vauleva S.V., Safonova D.N., Cherepanov F.M.* The use of artificial intelligence methods in the study of the personality of serial killers // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2015. Vol. 9. No. 3. Pp. 423–430 (in Russ.).

Сведения об авторах

ГРИБУНОВ Олег Павлович –
доктор юридических наук, профессор,
первый проректор –
проректор по научной работе
Байкальского государственного университета;
664003 г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11

ВАЛЬКИРИЯ Наталья Ивановна –
доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник
Института правовых исследований
Байкальского государственного
университета; 664003 г. Иркутск,
ул. Ленина, д. 11

Authors' information

GRIBUNOV Oleg P. –
Doctor of Law, Professor,
First Vice-Rector –
Vice-Rector for Science
of Baikal State University; 11 Lenin str.,
664003 Irkutsk, Russia

VALKIRIYA Natalya I. –
Doctor of Law, Associate Professor,
Chief Researcher of the Institute
of Legal Research of Baikal State University;
11 Lenin str., 664003 Irkutsk, Russia

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО
И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 340.1

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, РОБОТ И НЕЙРОТЕХНОЛОГИИ: ПОНЯТИЕ, СООТНОШЕНИЕ И ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2024 г. И. А. Филипова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E-mail: irinafilipova@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.10.2023 г.

Аннотация. Быстро растущее влияние искусственного интеллекта, робототехники и нейротехнологий на современное общество повышает необходимость включения в правовую систему норм, регулирующих использование цифровых технологий и продуктов на их основе. В статье предпринята попытка установить, как соотносятся между собой понятия «робот» и «искусственный интеллект», насколько они соприкасаются с областью нейротехнологий, выявить тенденции развития цифровых технологий, которые с неизбежностью усилятся в ближайшие годы, и очертить границы, в которых будет осуществляться создаваемое сегодня правовое регулирование.

Ключевые слова: система искусственного интеллекта, киберфизическая система, виртуальная система, робототехника, киборг, гибридный интеллект, нейроморфная система, нейросеть, нейроправа, правовое регулирование.

Цитирование: Филипова И.А. Искусственный интеллект, робот и нейротехнологии: понятие, соотношение и пределы правового регулирования // Государство и право. 2024. № 4. С. 148–158.

DOI: [10.31857/S1026945224040133](https://doi.org/10.31857/S1026945224040133)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE, ROBOT AND NEUROTECHNOLOGIES: CONCEPTS, RELATIONSHIP AND LIMITS OF LEGAL REGULATION

© 2024 I. A. Filipova

Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

E-mail: irinafilipova@yandex.ru

Received 23.10.2023

Abstract. The growing influence of artificial intelligence, robotics and neurotechnologies on modern society increases the need to include in the legal system the rules governing the use of digital technologies and products based on them. This article attempts to establish how the concepts of “robot” and “artificial intelligence” relate to each other, as far as they are in contact with the field of neurotechnology. The author highlights the trends in the development of digital technologies, which will inevitably increase in the coming years, and outlines the boundaries within which the legal regulation being created today will be implemented.

Key words: AI-system, cyber-physical system, virtual system, robotics, cyborg, hybrid intelligence, neuromorphic system, neural network, neurorights, legal regulation.

For citation: Filipova, I.A. (2024). Artificial intelligence, robot and neurotechnologies: concepts, relationship and limits of legal regulation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 148–158.

Введение

Экспоненциальный рост публикаций научного характера, посвященных исследованиям в области правового регулирования отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта, к настоящему времени вызвал определенный «перегрев» темы. Вал работ, охватывающих результаты исследований разной степени полезности, отразился на содержании большинства юридических научных журналов за последние годы. Наиболее глубоко проработанными представляются опубликованные в статьях и монографических изданиях труды П.М. Морхата¹, В.В. Архипова и В.Б. Наумова², Ю.С. Харитоновой³, И.Р. Бегишева⁴, В.А. Лаптева⁵. Среди иностранных исследователей большой вклад в разработку темы внесли Р. Эббот⁶, У. Пагалло⁷, Р. Кало⁸, Л.Т. Маккарти⁹, Р. Саскинд¹⁰ и др. Тем не менее некоторые концептуальные вопросы недостаточно освещены в публикациях и требуют дополнительного исследования. Одним из подобных вопросов является соотношение понятий «искусственный интеллект», «робот» и «нейротехнологии», еще один вопрос касается границ государственного вмешательства в соответствующие сферы путем правового регулирования. Следует уточнить, что словосочетание «искусственный интеллект» используется как для обозначения явления (носителя искусственного интеллекта – искусственной интеллектуальной системы), так и для

¹ См.: Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М., 2017.

² См.: Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6 (55). С. 46–62; Архипов В.В., Грачева А.В., Наумов В.Б. Идентификация в сфере искусственного интеллекта и робототехники: сравнительное исследование // Закон. 2023. № 2. С. 96–108.

³ См.: Харитонова Ю.С., Савина В.С., Паньини Ф. Гражданско-правовая ответственность при разработке и применении систем искусственного интеллекта и робототехники: основные подходы // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2022. № 58. С. 683–708.

⁴ См.: Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и уголовный закон. М., 2021.

⁵ См.: Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал ВШЭ. 2019. № 2. С. 79–102.

⁶ См.: Abbott R. *The Reasonable Robot: Artificial Intelligence and the Law*. Cambridge University Press, 2020.

⁷ См.: Pagallo U. *The Laws of Robots: Crimes, Contracts, and Torts (Law, Governance and Technology Series)*. Springer Science & Business Media, 2013.

⁸ См.: Calo R., Froomkin A.M., Kerr I. *Robot Law*. Edward Elgar Publishing, 2016.

⁹ См.: McCarty L. T. *Finding the Right Balance in Artificial Intelligence and Law*. In book: *Research Handbook on the Law of Artificial Intelligence*. Chapter: 3. Edward Elgar Publishing, 2017. Pp. 55–87.

¹⁰ См.: Susskind R. *Tomorrow's Lawyers: An Introduction to Your Future*. 2nd ed. Oxford University Press, 2017.

обозначения технологии, точнее целой группы технологий. В первом значении этого термина искусственный интеллект частично пересекается с «роботом», а во втором – является смежной группой относительно других групп технологий – робототехники и нейротехнологий.

Искусственный интеллект: понятие

Споры по поводу определения понятия такого явления как «искусственный интеллект» пока далеки от завершения, во-первых, потому что сами разработчики систем искусственного интеллекта часто не согласны с дефинициями, данными их коллегами, во-вторых, потому что искусственный интеллект быстро развивается, приобретая новые черты и демонстрируя не присущие ему ранее свойства. Разногласия нередко происходят от приверженности к разным подходам, которые, по мнению авторов одного из наиболее авторитетных учебников по искусенному интеллекту С.Д. Рассела и П. Норвига, могут быть сгруппированы в зависимости от следующих позиций в отношении искусственного интеллекта: это «системы, которые думают подобно людям», «системы, которые действуют как люди», «системы, которые мыслят рационально» либо «системы, действующие рационально». Как видим, часть исследователей придерживается человекоцентричного подхода, другие отталкиваются от рациональности¹¹. Встречается в специальной литературе и определение искусственного интеллекта через понятие информационной системы¹² (интеллектуальная информационная система).

Если обратиться к международным техническим стандартам, в частности, утверждаемым Международной организацией по стандартизации (International Organization for Standardization, ISO), то можно отметить выделение целого ряда терминов, имеющих отношение к искусственно му интеллекту: ИИ-агент (автоматизированный объект, который воспринимает окружающую среду, реагирует на нее и предпринимает действия для достижения своих целей), ИИ-компонент (функциональный элемент, составляющий систему искусственного интеллекта), ИИ-система, демонстрирующая автономное выполнение интеллектуальных задач, а также искусственный интеллект как научно-техническое направление, внутри которого разрабатывается все вышеупомянутое¹³.

¹¹ См.: Russell S.J., Norvig P. *Artificial intelligence: a modern approach*. New Jersey, 1995. P. 5.

¹² См.: Андрейчиков А.В., Андрейчикова О.Н. Интеллектуальные информационные системы и методы искусственного интеллекта: учеб. М., 2023.

¹³ См.: Standard ISO/IEC22989:2022 “Information technology – Artificial intelligence – Artificial intelligence concepts and terminology”. URL: <https://www.iso.org/obp/ui/ru/#iso:std:74296:en> (дата обращения: 21.10.2023).

Наиболее часто под искусственным интеллектом подразумевается именно система искусственного интеллекта, но раз универсальное определение искусственного интеллекта, которое поддерживали бы все его разработчики, отсутствует, надо ли пытаться правоведам сформулировать легальную дефиницию в нормах права? Необходимость этого растет в силу того, что искусственный интеллект все глубже «вторгается» в жизнь людей, причем далеко не всегда по желанию человека. Правовое регулирование требуется, чтобы защитить людей от рисков, которые несет применение искусственного интеллекта, а чтобы регулировать что-то, нужно четко понимать, что именно мы собираемся урегулировать.

Попыткой формулирования такого понятия является определение системы искусственного интеллекта в проекте Регламента Европейского союза (ЕС) по искусственному интеллекту¹⁴, опубликованном 21 апреля 2021 г., а в июне 2023 г. одобренном Европарламентом¹⁵: «Система искусственного интеллекта» (ИИ-система) – это машинная система, предназначенная для работы с различными уровнями автономности и способная для явных или неявных целей генерировать выходные данные, такие как прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на физическую или виртуальную среду». Это определение, хоть и не являющееся безупречным, можно признать достаточно удачным, что косвенно подтверждается его сходством с другим определением, данным ранее в Рекомендации по искусственному интеллекту Организации экономического сотрудничества и развития от 22 мая 2019 г.¹⁶ – первом межправительственном стандарте по профессиональному интеллекту.

Для сравнения обратимся к определению, представленному в Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москва и внесении

¹⁴ См.: Proposal for a Regulation of The European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts COM/2021/206 final, 21.04.2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52021PC02066> (дата обращения: 03.07.2023).

¹⁵ Процедура принятия регламентов в Европейском союзе является многоступенчатой, после одобрения Европарламентом требуется еще утверждение Европейским советом. Принятый Регламент ЕС по профессиональному интеллекту вступит в силу не ранее 2025 г.

¹⁶ См.: OECD Recommendation of the Council on Artificial Intelligence, 22.05.2019. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/oecd-legal-0449> (дата обращения: 03.07.2023).

изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»¹⁷: «Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека». Этот комплекс включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и по поиску решений. Если исходить из того, что определение должно быть четким и прояснить суть явления, то данную дефиницию вряд ли можно признать оптимальной.

Далеким от совершенства и сильно перегруженным является и определение, сформулированное в 2019 г. группой экспертов по профессиональному интеллекту при Европейской комиссии¹⁸. Согласно ему, системы искусственного интеллекта – это разработанные людьми программные, а также вероятно аппаратные, системы, которые, имея сложную цель, действуют в физическом или цифровом измерении, воспринимают окружающую среду посредством сбора данных, интерпретируют собранные структурированные или неструктурные данные и принимают решения о наилучших действиях, которые необходимо предпринять для достижения поставленной цели. В позднее созданном проекте Регламента ЕС по профессиональному интеллекту, упоминавшемся выше, от подобного определения отказались, но его достоинством является указание на рациональность искусственного интеллекта как качества, лежащее в основе идеальной концепции интеллекта, ведь рациональность позволяет выбирать наилучшее действие для достижения цели с учетом имеющихся ресурсов.

Чтобы точнее определить, что представляет собой искусственный интеллект, выделим его существенные признаки, первые два из них получили отражение в самом наименовании рассматриваемого явления, назовем их «суперпризнаки», они включают по несколько субпризнаков. Во-первых, это интеллектуальная система, то есть система, способная правильно интерпретировать получаемые извне данные и адаптироваться к новым ситуациям, а во-вторых, система неестественного происхождения, она создана искусственно людьми или (со временем этот способ будет встречаться все чаще) другими системами искусственного

¹⁷ См.: СЗ РФ, 2020. № 17, ст. 2701.

¹⁸ См.: A definition of AI: main capabilities and scientific disciplines. High-level expert group on artificial intelligence. European Commission, 2019. URL: https://ec.europa.eu/newsroom/dae/document.cfm?doc_id=56341 (дата обращения: 03.07.2023).

интеллекта. Субпризнаками, заключенными внутри первого из названных выше суперпризнаков – интеллектуальности системы – являются прежде всего рациональность и креативность. Рациональность – способность выбрать лучшее решение, исходя из имеющихся возможностей, а креативность свидетельствует о потенциале для создания этой системой чего-то нового, не существовавшего до того, и, в свою очередь, базируется на обучаемости и самообучаемости как неотъемлемых свойствах искусственного интеллекта. Самообучаемость связана с еще одним признаком – автономностью интеллектуальной системы, которая с определенной степенью самостоятельности (вплоть до полной автономии) может действовать без вмешательства человека. Второй суперпризнак – неестественное происхождение искусственного интеллекта, он включает «искусственную» программную составляющую, имманентно присущую ему способность существовать в виртуальном пространстве, а также возможность соединения с различными киберфизическими системами (для объединения в одно целое или подчинения киберфизической формы «искусственному разуму»).

Таким образом, искусственный интеллект, а точнее каждая единица-носитель искусственно-го интеллекта, – это искусственно созданная система, демонстрирующая рациональность, креативность и автономность в своих решениях, способная действовать в виртуальном пространстве и влиять на физический мир. Эти системы по форме могут быть классифицированы на виртуальные и киберфизические. В киберфизических системах искусственный интеллект заключен в физическую оболочку, являющуюся носителем искусственно-го интеллекта. Виртуальная искусственная интеллектуальная система не встроена в физический объект, но она пользуется «чужими» аппаратными средствами, через которые способна воздействовать на физический мир, в том числе путем подчинения себе менее мощных интеллектуальных киберфизических систем.

Можно ли признать многочисленные модели с элементами искусственного интеллекта, применяемые сегодня в разных областях, «реальным» (субъектоподобным) искусственным интеллектом? Эти модели соотносятся с ним примерно как первые формы жизни на Земле, условные цианобактерии, с человеком. Понятно, что регулирование общественных отношений, включающих использование интеллектуальных ассистентов со слабым искусственным интеллектом, не требует таких серьезных ограничений, в отличие от отношений, в которых фигурирует сильный искусственный интеллект, обладающий самосознанием. Пока такой искусственный интеллект, не уступающий человеческому, не создан, но по состоянию на 2023 г.

в данном направлении сделан большой шаг вперед. При разработке правового регулирования придется это учитывать, ведь помимо интеллектуальных ассистентов уже появляются значительно более сложные искусственные интеллектуальные системы, использование которых влечет экзистенциальные риски для человечества. Сказанное выше в полной мере относится и к произошедшей «революции» генеративного искусственного интеллекта.

Соотношение понятий «искусственный интеллект» и «робот»

Гораздо меньше неопределенности с дефиницией понятия «робот», представляющего собой техническую систему, изначально предназначенную для замены человека при выполнении тяжелых, грязных, опасных работ или работ, при осуществлении которых требуется высокая степень точности, утомляющих своей монотонностью и т.д. Впрочем, споры по определению робота активно велись еще несколько лет назад, как правило, они были следствием отождествления робота и искусственного интеллекта¹⁹. Согласно ГОСТу Р 60.0.0.2-2016, робот – это исполнительное устройство с двумя или более программируемыми степенями подвижности, обладающее определенным уровнем автономности и способное перемещаться во внешней среде с целью выполнения поставленных задач²⁰. Данное определение охватывает различные типы роботов: промышленные и сервисные, а также выделяемые в зависимости от выполняемых функций их разновидности: транспортные, бытовые, боевые, медицинские и т.д.

Является ли робот системой искусственного интеллекта? Необязательно, но любой робот – это искусственно созданная система. Наибольшей степенью самостоятельности обладают автоматические роботы²¹, тем не менее два первых поколения таких роботов не имеют никакого отношения к искусственному интеллекту. Первое поколение – это программные роботы, функционирующие строго в рамках заданной программы и выполняющие лишь рутинные задачи. Второе поколение – адаптивные роботы, также решающие повторяющиеся задачи, но уже способные подстраиваться под различные условия. Только с третьего поколения у автоматических роботов появляются элементы искусственного интеллекта.

¹⁹ См.: Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: регулирование в России, иностранные исследования и практика // Государство и право. 2018. № 9. С. 82.

²⁰ См.: ГОСТ Р 60.0.0.2-2016. Национальный стандарт Российской Федерации «Роботы и робототехнические устройства. Классификация» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29.11.2016 № 1842-ст).

²¹ См.: Зенкевич С.Л., Ющенко А.С. Основы управления манипуляционными роботами. 2-е изд. М., 2004. С. 18.

Это т.н. интеллектуальные роботы, которые могут решать увеличивающийся круг задач, в том числе носящих творческий характер. Помимо технологий искусственного интеллекта (по сути, программной «начинки» робота) в основе робототехники лежит мехатроника – комплексная область науки и техники, включающая целый ряд дисциплин, в первую очередь механику и электронику. Тем самым только автоматические роботы третьего и прогнозируемо следующих поколений, обладающие значительной степенью автономности – это киберфизические системы искусственного интеллекта. В свою очередь, андроидами называют подобных роботов, если они выглядят похожими на людей.

Как соотносятся понятия «робот с искусственным интеллектом» и «система искусственного интеллекта»? Система искусственного интеллекта – более широкое понятие, оно включает не только киберфизические системы, но и виртуальные. Следовательно, не любой робот относится к системам искусственного интеллекта, и не любая система искусственного интеллекта представляет собой робота.

Особенности роботов учитываются техническим регулированием. Применение роботов должно соответствовать требованиям ГОСТов в России, а также положениям международных стандартов. Международные технические стандарты в области робототехники принимаются в первую очередь специально созданным Техническим комитетом по робототехнике Международной организации по стандартизации – ISO/TC299 Robotics. Данный Комитет появился в 2015 г., в то время как Технический комитет по искусственному интеллекту – ISO/IEC JTC1/SC42 Artificial Intelligence – был создан позднее, в 2017 г. Как видим, техническое регулирование искусственного интеллекта и робототехники на уровне Международной организации по стандартизации осуществляется обособленно.

Нужно ли учитывать специфику роботов при создании правового регулирования в сфере искусственного интеллекта? Скорее, учитывать придется специфику виртуальных интеллектуальных систем, которые, не имея физического воплощения (т.е. в отличие от роботов, их нельзя изолировать физически), тем не менее могут все сильнее влиять на физический мир. Хотя, следует признать, что гипотетическая связка «сильный искусственный интеллект» + «робот» выглядит впечатляюще и увеличивает остроту споров о необходимости в будущем признания искусственных интеллектуальных систем субъектами права с вытекающим отсюда наделением новых субъектов комплексом прав и обязанностей.

Попытки регулировать роботов обоснованы от искусственного интеллекта предпринимались, например в виде актов европейского мягкого

права. Робототехнике была посвящена первая резолюция Европарламента в этой области – Резолюция относительно норм гражданского права о робототехнике от 16 февраля 2017 г.²² Она содержала предложение признать специальный правовой статус электронного лица за сложными роботами, способными принимать решения автономно. В дальнейшем после критических замечаний²³ новые резолюции и программные документы Европейского союза обычно касаются искусственного интеллекта, включая и роботов, оснащенных искусственным интеллектом²⁴. Российские нормативные правовые акты также касаются искусственного интеллекта в целом или упоминают об «искусственном интеллекте и робототехнике» (в качестве примера можно привести распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года²⁵), а вот проекты законов, предлагавших устанавливать специальный правовой режим исключительно для роботов, не были одобрены²⁶. Разработка российского федерального проекта о развитии отечественной робототехники в 2023 г. наряду с уже реализуемым федеральным проектом «Искусственный интеллект» не препятствует формированию общего правового регулирования для искусственного интеллекта и роботов, т.к. в проекте речь идет о развитии технологий робототехники, а не о регулировании киберфизических систем – роботов.

Сопоставляя роботов и искусственный интеллект, мы говорим о них как о системах искусственного

²² См.: European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2013(INL)). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0051+0+DOC+XML+V0//EN> (дата обращения: 03.07.2023).

²³ См.: *Księzak P., Wojtczak S. AI versus robot: in search of a domain for the new European civil law // Law, Innovation and Technology. 2020. Vol. 12. Iss. 2. Pp. 297–317.*

²⁴ См.: European Parliament resolution of 20 October 2020 with recommendations to the Commission on a framework of ethical aspects of artificial intelligence, robotics and related technologies (2020/2012(INL)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0275_EN.pdf (дата обращения: 03.07.2023); European Parliament resolution of 20 October 2020 with recommendations to the Commission on a civil liability regime for artificial intelligence (2020/2014(INL)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0276_EN.html (дата обращения: 03.07.2023).

²⁵ См.: СЗ РФ. 2020. № 35, ст. 5593.

²⁶ Речь о проектах федеральных законов Д. Гришина «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» (2016) и А. Кутепова «О правовом регулировании отношений в сфере оборота роботов» (2021).

интеллекта (единицах или юнитах²⁷), если же сравнивать технологии, то при конструировании роботов, дополненных искусственным интеллектом, помимо технологий искусственного интеллекта используется целый ряд иных, лежащих на стыке механики, телемеханики, электротехники, кибернетики и т.д. Объединяющая их робототехника (в смысле «робототехнические технологии», а не «роботы») относится к смежным с искусственным интеллектом группам технологий, на что обращается внимание в п/п. «г» п. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года²⁸.

Технологии искусственного интеллекта и нейротехнологии

Группа технологий искусственного интеллекта состоит из субтехнологий, которые позволяют решать задачи по искусственно му моделированию интеллектуальных видов человеческой деятельности, среди них: компьютерное зрение, обработка естественного языка, распознавание и синтез речи, машинные рекомендации и поддержка принятия решений²⁹. Технологии искусственного интеллекта необходимо сравнить и объединить либо разграничить с нейротехнологиями. Нейротехнологии – еще одна группа «сквозных» технологий, позволяющих получить более точное представление о строении мозга, о сознании и мышлении человека, высших психических функциях, делая осуществимым исправление или улучшение функций мозга за счет воздействия на нервную систему³⁰. Среди субтехнологий, входящих в эту группу, можно назвать технологии нейропротезирования, нейростимуляции и т.д. В 2019 г. технологии искусственного интеллекта и нейротехнологии были вписаны в единую Дорожную карту развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект»³¹, размещенную на сайте Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ в числе других «дорожных карт» развития «сквозных» цифровых

²⁷ См.: Морхат П.М. Совершенствование российского законодательства в части регулирования правового положения юнитов искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 326–329.

²⁸ См.: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700.

²⁹ См.: постановление Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» // СЗ РФ. 2020. № 44, ст. 7003.

³⁰ См.: Филиппова И.А. Нейротехнологии: развитие, применение на практике и правовое регулирование // Вестник СПбУ. Право. 2021. № 3. С. 503.

³¹ См.: URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6658/> (дата обращения: 03.07.2023).

технологий, имеющих важнейшее значение для России на ближайшие десятилетия. Позже, в 2023 г., в приложении № 2 к Концепции технологического развития на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р³², эти группы технологий уже разведены и расположены в перечне не подряд.

Какая взаимосвязь существует между технологиями искусственного интеллекта и нейротехнологиями и почему их то объединяют в один блок, то разделяют? Разработчиками первых систем искусственного интеллекта нередко называют У. Маккалока, У. Питтса³³ и Ф. Розенблatta³⁴, первый и третий из перечисленных ученых были нейрофизиологами, а второй – математиком, в их разработках учитывались особенности нервной деятельности человеческого мозга. В дальнейшем развитие искусственного интеллекта продолжалось и продолжается до сих пор преимущественно на основе двух подходов. Сторонники первого (нисходящего, или семиотического) подхода моделируют системы искусственного интеллекта, применяя законы формальной логики, теории графов, множеств, иных разделов математики и логики. Приверженцы второго (восходящего, или биологического) подхода искусственно моделируют процессы, происходящие в мозге человека, к примеру разрабатывая элементы, подобные нейронам мозга, и объединяя их в системы – искусственные нейронные сети. Второй подход охватывает изучение нейрофизиологических и психологических механизмов мыслительной деятельности человека для последующего воспроизведения этих механизмов техническими средствами так, чтобы «поведение» системы совпадало с поведением людей в аналогичной ситуации. Например, создается искусственная нейросеть, являющаяся математической моделью на основе нервной системы человека, такая нейросеть способна выполнять различные задания, в том числе решать творческие задачи. Сегодня направление искусственных нейронных сетей наиболее быстро прогрессирует и именно поступательное совершенствование сверхглубоких мульти-модальных нейросетевых моделей рассматривается как движение в сторону сильного искусственного интеллекта. Интеллектуальные способности такой искусственной системы наращиваются за счет увеличения числа параметров, превосходящих их

³² См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250050> (дата обращения: 03.07.2023).

³³ См.: McCulloch W.S., Pitts W. A logical calculus of the ideas immanent in nervous activity // Bulletin of Mathematical Biophysics. 1943. № 5. Pp. 115–133.

³⁴ См.: Rosenblatt F. Principles of Neurodynamics: Perceptrons and the Theory of Brain Mechanisms. Spartan Books, 1962.

количество в человеческом мозге, плюс системой воспринимаются и модальности недоступные человеку, в частности, инфракрасное зрение. Обучение искусственных нейросетей ведется с помощью датасетов, содержащих гигантские объемы данных, несопоставимые с возможностями обработки информации мозгом человека.

В информационном обществе, в котором многократно возрастают объемы новых данных, причем процент данных, создаваемых в процессе деятельности людей, все больше уступает доле данных, генерируемых различными техническими системами и устройствами, «работа» нейросетей становится необходимой для обработки и анализа данных. Чем более распространенными становятся «умные» гаджеты, «умные» дома и автомобили, тем больше перспектив у использования нейросетей. Являясь искусственными интеллектуальными системами, могут ли нейросети одновременно быть отнесены к продуктам нейротехнологий, ведь именно подобие нервной системы человека они собой представляют?

Ответ на поставленный вопрос во многом зависит от того, что относится к нейротехнологиям. Следует разграничивать понятия нейротехнологий в широком и узком смысле. Согласно отчету Международного биоэтического комитета ЮНЕСКО об этических вопросах нейротехнологий³⁵, опубликованному в декабре 2021 г., в широком смысле можно включить в группу нейротехнологий и продуктов на их основе разнообразные устройства и приложения, в том числе приложения с искусственным интеллектом, способные получать знания об активности мозга. В этом случае к нейротехнологиям может быть отнесена любая технология, которая оказывает фундаментальное влияние на то, как люди понимают мозг и мышление, включая создание искусственных нейронных сетей. В узком смысле нейротехнологии определяются как область устройств и процедур, используемых для доступа, мониторинга, исследования, оценки, манипулирования и имитации структуры и функций нервной системы животных или человека. К таким устройствам относятся технические и вычислительные инструменты, измеряющие и анализирующие химические и электрические сигналы в нервной системе, а также технические инструменты, которые взаимодействуют с нервной системой для изменения ее активности, например в целях восстановления. Эти устройства предназначены для записи сигналов от мозга и «перевода» их в технические команды управления, а также для

манипулирования активностью мозга с помощью электрических или оптических стимулов.

Итак, группа нейротехнологий в узком смысле понимания термина ограничена прямой записью активности человеческого мозга и прямым влиянием на мозг, а к основным нейротехнологиям могут быть отнесены нейровизуализация (например, магнитно-резонансная томография), нейроустройства (например, нейропротезы, нейроимплантаты) и нейроинтерфейсы, предназначенные для обмена информацией между мозгом человека и электронными устройствами. В этом смысле нейротехнологии – это группа цифровых технологий (наряду с другими группами: искусственным интеллектом, виртуальной и дополненной реальностью, робототехникой, технологиями беспроводной связи, квантовыми технологиями и т.д.), позволяющих реализовывать на практике технологические решения, которые делают возможным восстановление двигательных, чувствительных и познавательных функций организма человека либо животного.

Как видим, цели использования технологий искусственного интеллекта и нейротехнологий в узком смысле различны, но со временем именно нейротехнологии позволят соединить человека и искусственный интеллект в одну систему, создав гибридный человеко-машинный интеллект. Путь к его появлению наглядно демонстрируют испытания, проводимые компанией американского предпринимателя И. Маска Neuralink. Речь идет о нейрочипе, вживляемом в тело человека и соединяющем с мозгом, что позволит вернуть утраченные когда-то функции организма или добавить новые. Компания Neuralink не единственный в мире разработчик нейроустройств, потенциально ведущих к киборгизации человечества, в США этим занимаются и государственные институты, например Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA). За пределами США также интенсифицируются разработки в этой области. На территории Европейского Союза функционирует целая группа компаний, участвующих в различных проектах, среди которых Human Brain Project³⁶. Аналогичные разработки ведутся и в России, примером чего может служить проект ELVIS³⁷. Реализация программ, направленных на развитие нейротехнологий, осуществляется во всем мире за счет достаточно быстро увеличивающихся как государственных, так и частных инвестиций.

³⁵ См.: Report of the International Bioethics Committee of UNESCO (IBC) on the Ethical Issues of Neurotechnology SHS/BIO/IBC-28/2021/3, 15.12.2021. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000378724> (дата обращения: 03.07.2023).

³⁶ См.: Human Brain Project (HBP). URL: <https://www.humanbrainproject.eu/en/> (дата обращения: 03.07.2023).

³⁷ См.: ELVIS. URL: <https://elvis-tech.ru/> (дата обращения: 03.07.2023).

Правовое регулирование в сфере искусственного интеллекта, робототехники и нейротехнологий

В целом как общемировую тенденцию можно обозначить нарастающую активность обсуждения в парламентах законопроектов о регулировании в сфере искусственного интеллекта. Согласно докладу «Индекс искусственного интеллекта – 2023»³⁸, подготовленному группой исследователей из Стэнфордского университета, результаты анализа законодательства 127 стран показывают, что количество законов, касающихся искусственного интеллекта, выросло с одного в 2016 году до 37 законов в 2022 году, а обзор тематики парламентских докладов позволяет утверждать, что частота упоминаний об искусственном интеллекте возросла почти в 6,5 раза по сравнению с 2016 годом. Над созданием нормативных правовых актов, регулирующих использование искусственных интеллектуальных систем, в том числе роботов с искусственным интеллектом, ведется работа во многих странах, в частности в Российской Федерации³⁹, в государствах – членах Европейского Союза, в КНР, США, Соединенном Королевстве и т.д. Один из претендентов на мировое первенство – Европейский Союз, где в 2021 г. был создан неоднократно упоминаемый ранее проект Регламента ЕС по искусственному интеллекту, действие которого после вступления в силу будет распространяться на все государства – члены Европейского Союза, т.е. ни одна из стран не сможет применить национальный закон, противоречащий данному документу. В проекте Регламента ЕС по искусственному интеллекту предусмотрены различия в регулировании в зависимости от уровня риска, возникающего от использования соответствующих моделей искусственного интеллекта: чем выше риск – тем жестче регулирование. Системы искусственного интеллекта, которые создаются для воздействия на подсознание людей, для выстраивания социального рейтинга, разделяющего людей на категории, а равно системы распознавания лиц в режиме реального времени будут запрещены к использованию⁴⁰. Системы, применяемые в сфере здравоохранения, образования, правоохранительной деятельности и в критической инфраструктуре, должны обязательно контролироваться человеком. Принятие Регламента ЕС по искусственному интеллекту не исключает разработки и иных нормативных правовых актов, нацеленных

³⁸ AI Index Report 2023. URL: <https://aiindex.stanford.edu/report/> (дата обращения: 03.07.2023).

³⁹ В Российской Федерации разрабатывают закон об искусственном интеллекте // РИА Новости. 28.06. 2023. URL: <https://ria.ru/20230628/zakon-1880810358.html> (дата обращения: 03.07.2023).

⁴⁰ Допускается использование систем распознавания лиц правоохранительными органами, но только постфактум и с разрешения суда.

на регулирование использования искусственного интеллекта. Пределы регулирования будут зависеть и от области применения, например в крайне социально значимой сфере занятости дополнительно появятся нормы права. К областям, которые потребуют углубленного правового регулирования, скорее всего, можно отнести упомянутые в Резолюции Европарламента об искусственном интеллекте в цифровую эпоху от 3 мая 2022 г.⁴¹ сферу занятости (рынок труда), здравоохранение, экологию, конкурентоспособность, внешнюю политику и безопасность, а также государственное управление.

Создаваемое европейское регулирование является наиболее полным по сравнению с другими имеющимися в мире законами и законопроектами, оно касается всех типов систем искусственного интеллекта, включая роботов, и распространяется на все продукты с искусственным интеллектом, кроме предназначенных для военной сферы. Конкурентом Европейскому Союзу в плане создания правового регулирования искусственного интеллекта все больше становится Китай, где нормативные правовые акты появляются быстрее, так как, в отличие от законодательства Европейского Союза, не требуют согласования многими субъектами. Правовое регулирование искусственного интеллекта в Китае характеризуется более узкой функциональной направленностью принимаемых нормативных правовых актов, которые касаются определенных вопросов. Примером оперативности китайского правового регулирования стало вступление в силу в августе 2023 г. «Временных мер по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта», опубликованных в июле этого же года Управлением киберпространства КНР. В то же время, стараясь не отставать от Европейского Союза, Китай уже озвучил задачу принятия закона об искусственном интеллекте в «Плане законодательной работы Госсовета КНР на 2023 год»⁴².

Необходимость правового регулирования в этой области подчеркивается и государственными органами США, но там пока наличествует лишь «локутное одеяло» из отдельных законов федерального уровня и быстро растущего числа законов штатов. Принимаемые разными штатами законодательные акты в основном касаются ограничений на использование технологий распознавания лиц либо применения искусственных интеллектуальных систем

⁴¹ См.: European Parliament Resolution of 3 May 2022 on Artificial Intelligence in a Digital Age (2020/2266(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0140_EN.html (дата обращения: 03.07.2023).

⁴² Ли Яо. Особенности нормативно-правового регулирования генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Евросоюзе и Китае // Право. Журнал ВШЭ. 2023. Т. 16. № 3. С. 255, 264.

в трудоустройстве. Правовое регулирование в США является менее «жестким», чем европейское. Впрочем, принятие Регламента ЕС по профессиональному интеллекту неизбежно окажет воздействие и на американское законодательство, как это в свое время произошло с законодательством многих стран мира по защите персональных данных, испытавшим влияние Общего регламента по защите данных (GDPR)⁴³, принятого в Европейском союзе.

Наблюдаемая ныне скорость развития генеративного искусственного интеллекта позволяет прогнозировать ускорение формирования законодательства в этой области, что во многом связано с возросшими рисками утраты конфиденциальности данных и фактического исключения человека из процесса принятия решений.

В отличие от регулирования в сфере искусственного интеллекта, направленного на ограничение использования этих технологий с учетом растущих рисков, регулирование в сфере нейротехнологий находится на еще более ранней стадии создания. В то же время если по профессиональному интеллекту обсуждаемые ограничения, по крайней мере до 2023 г., касались исключительно использования искусственного интеллекта, но не его развития как научно-технического направления (озвучивались лишь ограничения этического, но не юридического свойства), то в отношении нейротехнологий уже несколько лет назад был поставлен вопрос о необходимости регулирования не только использования нейротехнологий, но и их развития. Об этом упоминается, например, в Резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 22 октября 2020 г. № 2344 «Интерфейс “мозг-компьютер”: новые права или новые угрозы основным свободам?»⁴⁴, указывающей на необходимость определить пределы исследований в сфере нейротехнологий посредством создания конкретных правовых механизмов и учредить специальные органы надзора за исследованиями и разработками в сфере нейротехнологий. Использование нейротехнологий также должно ограничиваться законом, более того, некоторые исследователи⁴⁵ предлагают выделить новую группу прав

⁴³ См.: Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation), 2018. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (дата обращения: 03.07.2023).

⁴⁴ Парламентская Ассамблея Совета Европы. Документы, принятые Ассамблей 12–13 и 22–23 октября 2020 г. Предварительное издание. Страсбург, 2020. URL: <https://rm.coe.int/adoptedtextscp-oct-20-ru/1680a043ab> (дата обращения: 03.07.2023).

⁴⁵ См.: Ienca M., Andorno R. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology // Life Sciences, Society and Policy. 2017. № 13. Iss. 5. Pp. 7, 8.

человека – нейроправ в целях эффективной защиты против рисков, связанных с распространением нейротехнологий на практике. Среди возможных нейроправ перечисляются права на психическую неприкосновенность, психическую целостность и психологическую преемственность. По мнению сторонников закрепления таких прав, упоминание о них в конституции (законе) станет юридической гарантией неприкосновенности частной жизни, включающей право не подвергаться незаконному надзору со стороны органов государства или частных компаний.

Заключение

Итак, системы искусственного интеллекта и роботы могут как совпадать в одном «лице», так и не совпадать. Система искусственного интеллекта может иметь киберфизическую форму, и тогда это будет робот с искусственным интеллектом, либо виртуальную форму (без физического носителя), совсем необязательно что такой искусственный интеллект будет уступать по возможностям киберфизическому интеллектуальным системам, он вполне сможет подчинить их себе. Техническое регулирование роботов с искусственным интеллектом обладает определенными особенностями, связанными с возможностью перемещения их в пространстве, правовое регулирование развивается в направлении единого законодательства, рассчитанного на применение к искусственным интеллектуальным системам независимо от их формы, и формируемого с учетом уровня рисков, возникающих при их использовании. В зависимости от величины риска ограничения, установленные на применение таких систем, будут более или менее строгими. Технологии искусственного интеллекта имеют грани соприкосновения с нейротехнологиями, а развитие искусственных нейросетей делает взаимопроникновение данных технологий более глубоким. Все ярче проявляется тенденция нейроморфизацией искусственного интеллекта, это приближает появление искусственного интеллекта следующего поколения⁴⁶. Кроме того, нейротехнологии позволяют соединить искусственную интеллектуальную систему и человека в единый кибернетический организм (киборга), что в перспективе приведет к появлению гибридного человеко-машинного интеллекта, превосходящего естественные возможности человека. Если создаваемое сегодня правовое регулирование искусственного интеллекта направлено на его использование на практике, то применительно к нейротехнологиям уже на международном уровне поставлен вопрос о необходимости регулирования не только

⁴⁶ См.: Zador A., Escola S., Richards B., et al. Catalyzing next-generation Artificial Intelligence through NeuroAI // Nature Communications. 2023. No. 14. P. 1597.

использования, но и самого развития нейротехнологий. В то же время вопрос о правовом регулировании как использования, так и развития искусственного интеллекта на ближайшие годы неизбежно станет предметом публичного обсуждения. Последнее можно утверждать в связи с качественным скачком в развитии искусственного интеллекта, отмечаемым специалистами в 2023 г., и демонстрируемыми генеративными моделями искусственного интеллекта принципиально новыми возможностями по сравнению с предыдущими моделями, что приближает человечество к появлению сильного искусственного интеллекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андрейчиков А.В., Андрейчикова О.Н.* Интеллектуальные информационные системы и методы искусственного интеллекта: учеб. М., 2023.
2. *Архипов В.В., Грачева А.В., Наумов В.Б.* Идентификация в сфере искусственного интеллекта и робототехники: сравнительное исследование // Закон. 2023. № 2. С. 96–108.
3. *Архипов В.В., Наумов В.Б.* Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6 (55). С. 46–62.
4. *Бегишев И.Р., Хисамова З.И.* Искусственный интеллект и уголовный закон. М., 2021.
5. *Зенкевич С.Л., Ющенко А.С.* Основы управления манипуляционными роботами. 2-е изд. М., 2004. С. 18.
6. *Лаптев В.А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал ВШЭ. 2019. № 2. С. 79–102.
7. *Ли Яо.* Особенности нормативно-правового регулирования генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Евросоюзе и Китае // Право. Журнал ВШЭ. 2023. Т. 16. № 3. С. 255, 264.
8. *Морхат П.М.* Искусственный интеллект: правовой взгляд. М., 2017.
9. *Морхат П.М.* Совершенствование российского законодательства в части регулирования правового положения юнитов искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 326–329.
10. *Филипова И.А.* Нейротехнологии: развитие, применение на практике и правовое регулирование // Вестник СПбУ. Право. 2021. № 3. С. 503.
11. *Филипова И.А.* Правовое регулирование искусственного интеллекта: регулирование в России, иностранные исследования и практика // Государство и право. 2018. № 9. С. 82.
12. *Харитонова Ю.С., Савина В.С., Паньини Ф.* Граждано-правовая ответственность при разработке и применении систем искусственного интеллекта и робототехники: основные подходы // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2022. № 58. С. 683–708.
13. *Abbott R.* The Reasonable Robot: Artificial Intelligence and the Law. Cambridge University Press, 2020.
14. *Calo R., Froomkin A.M., Kerr I.* Robot Law. Edward Elgar Publishing, 2016.
15. *Ienca M., Andorno R.* Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology // Life Sciences, Society and Policy. 2017. № 13. Iss. 5. Pp. 7, 8.
16. *Księżak P., Wojtczak S.* AI versus robot: in search of a domain for the new European civil law // Law, Innovation and Technology. 2020. Vol. 12. Iss. 2. Pp. 297–317.
17. *McCarty L. T.* Finding the Right Balance in Artificial Intelligence and Law. In book: Research Handbook on the Law of Artificial Intelligence. Chapter: 3. Edward Elgar Publishing, 2017. Pp. 55–87.
18. *McCulloch W.S., Pitts W.* A logical calculus of the ideas immanent in nervous activity // Bulletin of Mathematical Biophysics. 1943. № 5. Pp. 115–133.
19. *Pagallo U.* The Laws of Robots: Crimes, Contracts, and Torts (Law, Governance and Technology Series). Springer Science & Business Media, 2013.
20. *Rosenblatt F.* Principles of Neurodynamics: Perceptrons and the Theory of Brain Mechanisms. Spartan Books, 1962.
21. *Russell S.J., Norvig P.* Artificial intelligence: a modern approach. New Jersey, 1995. P. 5.
22. *Susskind R.* Tomorrow's Lawyers: An Introduction to Your Future. 2nd ed. Oxford University Press, 2017.
23. *Zador A., Escola S., Richards B., et al.* Catalyzing next-generation Artificial Intelligence through NeuroAI // Nature Communications. 2023. No. 14. P. 1597.

REFERENCES

1. *Andreichikov A.V., Andreichikova O.N.* Intelligent information systems and methods of artificial intelligence: textbook. M., 2023 (in Russ.).
2. *Arkhipov V.V., Gracheva A.V., Naumov V.B.* Identification in the field of artificial intelligence and robotics: a comparative study // Law. 2023. No. 2. Pp. 96–108 (in Russ.).
3. *Arkhipov V.V., Naumov V.B.* Artificial intelligence and autonomous devices in the context of law: on the development of the first law on robotics in Russia // Proceedings of SPIIRAN. 2017. No. 6 (55). Pp. 46–62 (in Russ.).
4. *Begishev I.R., Hisamova Z.I.* Artificial intelligence and Criminal Law. M., 2021 (in Russ.).
5. *Zenkevich S.L., Yushchenko A.S.* Fundamentals of manipulative robot control. 2nd ed. M., 2004. P. 18 (in Russ.).
6. *Laptev V.A.* The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work // Law. HSE Journal. 2019. No. 2. Pp. 79–102 (in Russ.).
7. *Li Yao.* Features of regulatory regulation of generative artificial intelligence in the UK, USA, European Union and China // Law. HSE Journal. 2023. Vol. 16. No. 3. Pp. 255, 264 (in Russ.).
8. *Morkhat P.M.* Artificial intelligence: a legal view. M., 2017 (in Russ.).
9. *Morkhat P.M.* Improvement of Russian legislation in terms of regulating the legal status of artificial intelligence units in

- the field of intellectual property law // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 326–329 (in Russ.).
10. *Filipova I.A.* Neurotechnologies: development, application in practice and legal regulation // Herald of the SPbU. Law. 2021. No. 3. P. 503 (in Russ.).
  11. *Filipova I.A.* Legal regulation of artificial intelligence: regulation in Russia, foreign research and practice // State and Law. 2018. No. 9. P. 82 (in Russ.).
  12. *Kharitonova Yu. S., Savina V.S., Pagnini F.* Civil liability in the development and application of artificial intelligence and robotics systems: basic approaches // Herald of the Perm University. Legal sciences. 2022. No. 58. Pp. 683–708 (in Russ.).
  13. *Abbott R.* *The Reasonable Robot: Artificial Intelligence and the Law.* Cambridge University Press, 2020.
  14. *Calo R., Froomkin A.M., Kerr I.* *Robot Law.* Edward Elgar Publishing, 2016.
  15. *Ienca M., Andorno R.* Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology // Life Sciences, Society and Policy. 2017. № 13. Iss. 5. Pp. 7, 8.
  16. *Księżak P., Wojtczak S.* AI versus robot: in search of a domain for the new European civil law // Law, Innovation and Technology. 2020. Vol. 12. Iss. 2. Pp. 297–317.
  17. *McCarty L. T.* Finding the Right Balance in Artificial Intelligence and Law. In book: Research Handbook on the Law of Artificial Intelligence. Chapter: 3. Edward Elgar Publishing, 2017. Pp. 55–87.
  18. *McCulloch W.S., Pitts W.* A logical calculus of the ideas immanent in nervous activity // Bulletin of Mathematical Biophysics. 1943. № 5. Pp. 115–133.
  19. *Pagallo U.* *The Laws of Robots: Crimes, Contracts, and Torts (Law, Governance and Technology Series).* Springer Science & Business Media, 2013.
  20. *Rosenblatt F.* *Principles of Neurodynamics: Perceptrons and the Theory of Brain Mechanisms.* Spartan Books, 1962.
  21. *Russell S.J., Norvig P.* *Artificial intelligence: a modern approach.* New Jersey, 1995. P. 5.
  22. *Susskind R.* *Tomorrow's Lawyers: An Introduction to Your Future.* 2nd ed. Oxford University Press, 2017.
  23. *Zador A., Escola S., Richards B. et al.* Catalyzing next-generation Artificial Intelligence through NeuroAI // Nature Communications. 2023. No. 14. P. 1597.

Сведения об авторе

ФИЛИПОВА Ирина Анатольевна –
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры трудового
и экологического права
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского;
603950 г. Нижний Новгород,
проспект Гагарина, д. 23

Authors' information

FILIPPOVA Irina A. –
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Labor Law and Environmental Law,
Lobachevsky Nizhny Novgorod State
University; 23 Gagarin Ave.,
603950 Nizhny Novgorod, Russia

ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВА, ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ОСНОВЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

© 2024 г. Н. В. Летова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: letovany@mail.ru

Поступила в редакцию 22.07.2023 г.

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции развития нашего государства, потребности формирования его духовно-нравственной основы с учетом традиционных семейных ценностей. Семья, брак, дети определены в качестве фундаментальных семейных ценностей каждого человека, защита которых имеет принципиально важное значение для сохранения российского народа. В статье представлены теоретические изыскания, направленные на определение правовой и социальной сущности традиционных ценностей, представлена их система, определено их системообразующее значение для законодательства Российской Федерации. Автором доказано, что преемственность семейных ценностей, их универсальность и неопровергимость, передача их идеологической сущности от поколения к поколению, позволит защитить последующие поколения от нравственного разрушения, сохранить историческую самобытность нашего народа, что определит дальнейшее развитие и процветание нашего государства.

Ключевые слова: Конституция РФ, государство, традиционные ценности, система традиционных ценностей, преемственность, историческая идентичность, религия, сбережение народа, семейная политика, традиционные семейные ценности, семья, брак, дети, защита, нормы, принципы, традиции, ответственность, мораль, нравственность.

Цитирование: Летова Н. В. Традиционные семейные ценности как объект защиты государством, их значение в формировании духовно-нравственной основы российского общества // Государство и право. 2024. № 4. С. 159–166.

DOI: 10.31857/S1026945224040144

TRADITIONAL FAMILY VALUES AS AN OBJECT OF STATE PROTECTION, THEIR SIGNIFICANCE IN SHAPING THE SPIRITUAL AND MORAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN SOCIETY

© 2024 N. V. Letova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: letovany@mail.ru

Received 22.07.2023

Abstract. The article deals with modern trends in the development of our state, the need for the formation of its spiritual and moral foundations, taking into account traditional family values. Family, marriage, children are defined as the fundamental family values of every person, the protection of which is of fundamental importance for the preservation of the Russian people. The article presents theoretical research aimed at determining the legal and social essence of traditional values, their system is presented, their system-forming significance for the legislation of the Russian Federation is determined. The author proves that the continuity of family values, their universality and irrefutability, the transfer of their ideological essence from generation to generation, will protect future generations from moral destruction, preserve the historical identity of our people, which will determine the further development and prosperity of our state.

Key words: Constitution of the Russian Federation, state, traditional values, system of traditional values, continuity, historical identity, religion, saving the people, family policy, traditional family values, family, marriage, children, protection, norms, principles, traditions, responsibility, morality, moral.

For citation: Letova, N.V. (2024). Traditional family values as an object of state protection, their significance in shaping the spiritual and moral foundations of Russian society // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 159–166.

Тенденции развития современного общества, стремительно меняющиеся условия его функционирования, потребовали пристального внимания государства к вопросам сохранения традиционных ценностей в нашей стране, обеспечению их защиты на постоянной основе в целях сбережения народа Российской Федерации, поддержки его исторической идентичности. Их особое значение для формирования духовной и морально-нравственной основы страны было отмечено В. В. Путиным в Послании Федеральному Собранию РФ. Президент подчеркнул, что сбережение народа России является высшим национальным приоритетом, укрепление социальных гарантит семей, сохранение традиционных семейных ценностей, провозглашенные Конституцией РФ о защите семьи, брака, детей, не должны зависеть от общественного уклада, технологического прогресса, а являются единими для стран с разными культурами, обычаями¹.

Сегодня вся структура органов публичной власти, гражданские и общественные институты как никогда заинтересованы в сохранении традиционных ценностей нашего народа, их преемственности от поколения

к поколению, потребности обеспечения наиболее эффективных механизмов их защиты на регулярной основе. Подтверждение тому – положения, сформулированные в Указе Президента от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», осуществляемые государством в этом направлении².

Принятие данного Указа, на наш взгляд, имеет особое, системообразующее значение, ценность положений которого очевидна, особенно с учетом сложившейся обстановки в стране. Впервые на законодательном уровне определено не только понятие традиционных ценностей, но и предложена их система, принадлежность к которой определяется в зависимости от правовой сущности и социальной направленности ценностей. Так, условно, первую группу представляют базовые ценности, определяющие естественные права человека (право на жизнь, достоинство, основные права и свободы и др.), вторую – ценности, характерные для нации, этноса (крепкая семья, созидательный труд и др.), третью – ценности, обеспечивающие историческую

¹ В последующих Посланиях Президент РФ также неоднократно отмечал: «каждый наш шаг, новый закон, государственная программа должны оцениваться нами прежде всего с точки зрения высшего национального приоритета – сбережения и приумножения народа России, выстраивание долгосрочной политики поддержки семей, где нужно идти от конкретных жизненных ситуаций, разбираться, с какими трудностями сталкивается молодая, многодетная или неполная семья, восприятия подрастающим поколением подлинных традиционных ценностей» (см.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 г. // Парламентская газ. 2019. 22–28 февр.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 г. // Росс. газ. 2020. 16 янв.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 г. // Парламентская газ. 2021. 23–29 апр.; и др.).

² Государственная политика Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее – государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей) представляет собой совокупность скоординированных мер, осуществляемых Президентом РФ и иными органами публичной власти при участии институтов гражданского общества для противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности Российской Федерации в части, касающейся защиты традиционных ценностей (п. 9) (см.: СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977).

преемственность поколений (единство народов России, служение Отечеству и др.)³.

Традиционные ценности признаны духовной и нравственной основой российского общества, им обеспечена защита государства, определены меры, способствующие их сохранению и дальнейшему укреплению. Традиционные ценности определены как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России (п. 4).

Нетрудно заметить, что традиционные ценности определены через «призму» нравственных ориентиров каждого человека, которые сформировались исторически, определяют культурное, духовное развитие нескольких поколений нашего народа. Полагаем, что единение исторического и духовного начала в определении понятия традиционных ценностей дополнительно подчеркивает влияние религиозных взглядов на формирование духовной составляющей нации, акцентируя внимание, что многонациональный народ, проживающий на территории Российской Федерации, определяет свою принадлежность к разным культурам и исповедует разные религии (христианство, ислам, буддизм, иудаизм), формирующие традиционные ценности, в том числе и семейные, ставшие частью исторического и духовного наследия России. В этом смысле, солидаризируемся с мнением Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, что главное поле нашего сражения как раз те фундаментальные правила человеческого общеожития, которые позволяют различать сложившиеся представления о добре и зле, а нормы поведения предписывают поощрять добро и наказывать зло⁴.

Категория «традиционные ценности» относится к числу наиболее часто употребляемых и в последнее время получила весьма широкое распространение в социуме, однако до принятия упомянутого Указа Президента РФ, ее понятие не раскрывалось⁵. Вместе с тем, учитывая ее многоаспектность, разное значение при применении в отношениях разного вида, возникает потребность в теоретической определенности данной категории, юридической оценке ее видовых признаков, наличие которых позволяет

³ К числу фундаментальных исследований и одновременно редких, посвященных сохранению и сбережению исторической памяти народа России, относится работа члена-корр. РАН А.Н. Савенкова (см.: Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021).

⁴ Автор справедливо уточняет, что «нормы нравственности, индивидуальной морали и права, которые в своей совокупности определяются религиозной традицией или светской идеологией, укоренены в культуре и сознании души каждого нормального человека (т.е. человека, чья личная мораль не диссонирует с общественной моралью и правом как нормой свободы)» (см.: Зорькин В.Д. Выступление // XX Всемирный Русский Народный Собор «Россия и Запад: диалог народов в поисках ответов на цивилизационные вызовы». М., 2017. С. 21).

⁵ Известно, что термин «ценность» широко используется в философской и социологической литературе для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности (см., напр.: Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Балансирование ценностей и ценность балансирования (часть первая) // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 13–24; (часть вторая). № 10. С. 53–64; Рыбаков О.Ю. Философия конституционализма: история и современность // Мониторинг правоприменения. 2018. № 4 (29). С. 64, 65; Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy / transl. by W. Rehg. Cambridge, MA, 1996. Pp. 253, 254).

идентифицировать ценности как традиционные. Имеющиеся в юридической литературе теоретические изыскания по данной проблематике представлены фрагментарно и, как правило, раскрываются с учетом выбранного аспекта исследования тем или иным автором⁶.

Определение понятия «традиционные ценности» предполагает их понимание в разных смыслах и значениях, сохраняя их сущностное назначение как базовых ценностей, которые передавались от поколения к поколению, исторически сформировались в мировоззрении нашего народа. В литературе встречаются полярные точки зрения относительно определения понятия «традиционные ценности». Одни авторы определяют их как консервативные, выражющие идеологическую приверженность традиционным порядкам и социальным правилам⁷. В основе такого подхода внимание акцентируется на сохранении традиций, сформировавшихся в обществе. Другие авторы убеждены, что ценности необходимо рассматривать в контексте религиозных убеждений, поскольку именно религиозные ценности становятся ориентиром, определяющим поведение верующих людей, действия и поступки которых должны соотноситься с религиозными устоями⁸.

Принимая во внимание, что Российской Федерации является многонациональным и многоконфессиональным государством, в котором проживают представители самых разных национальностей и вероисповеданий, безусловно, религиозные институты традиционных религий играют важную роль в сохранении, поддержании и укреплении всей системы традиционных ценностей, однако все виды ценностей не могут быть сведены только к религиозным. Полагаем, что по содержанию традиционные ценности шире, объемнее, охватывают все сферы жизнедеятельности человека, не могут быть ограничены только его религиозными взглядами и убеждениями, хотя, безусловно, они являются одной из составных частей их содержания.

⁶ См., напр.: Рыбаков О.Ю. Человек, право, цифровые технологии: современные направления исследований (обзор Всероссийской научно-практической онлайн-конференции) // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35). С. 83–87; Гозгешева С.М., Передерий С.В. Традиционные ценности как фактор современного политического процесса (на примере Северного Кавказа). Пятигорск, 2012; Кашина Н.И., Матвеева Л.В., Абашева Э.С. Традиционные ценности русской культуры в содержании современного музыкального образования. Екатеринбург, 2016; Тимофеев Н.С. Соборность и общинность в развитии местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 59–65; Елисеева А.А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы росс. права. 2022. № 3. С. 67–74.

⁷ См., напр.: Зорькин В.Д. Право против хаоса. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. С. 59; Мальцев Г.В. Нравственные основания права. 2-е изд., пересмотр. М., 2019. С. 84; Хабриева Т.Я. Теория современного основного закона и российская Конституция // Журнал росс. права. 2008. № 12. С. 16; Ее же. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал росс. права. 2018. № 9. С. 15.

⁸ См., напр.: Лапаева В.В. Право и религия в «эру геномики»: перспективы взаимодействия // Журнал росс. права. 2020. № 8. С. 14–26; Мчедлова М.М. Межрелигиозные отношения и социальная консолидация в России // Вестник росс. нации. 2018. № 4 (62). С. 11–27; Исаева А.А. Запрет оскорблений религиозных чувств верующих и реализация прав человека: сравнительно-правовой анализ // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 37–42; Меньшиков А.С. Свобода совести и защита чувств верующих: права человека в контексте постсекулярной модерности // Известия УрФУ. Сер. 3: Общественные науки. 2017. Т. 12. № 4 (170). С. 27–36; Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонова. М., 2011.

Можно признать, что традиционные ценности необходимо определять как национальные, в контексте принадлежности граждан к определенной нации, этносу, соответственно, можно различать народные, национально-этнографические, национально-религиозные ценности. Не отвергая в целом такого подхода, признаем, что и такое представление о ценностях указывает лишь на один из многих аспектов их содержания, поскольку отражает определенные духовные идеалы, поведенческие устои и традиции, обусловленные национальными особенностями, но всего спектра отношений они не охватывают.

Нет сомнений, что национальная культура, определяемая фактом принадлежности ее носителя к той или иной нации, формирует его историческую и национальную идентичность как народа, этноса, но скорее распространяет свое влияние на отдельную группу населения, объединяемую фактом их принадлежности к определенной нации⁹. Как представляется, определение понятия традиционных ценностей в смысле принадлежности лица к определенной национальности не отличается элементом всеобщности, равно так же, как и его вероисповедание, а значит, не могут быть провозглашены как ценности в отношении подавляющего большинства граждан. Тем не менее их значимость для отдельной категории лиц, принадлежащих к определенной национальной группе, не может быть опровергнута ни при каких условиях.

Следует признать, что и религиозные, и национальные устои, характерные для той или иной группы, не отличаются признаком универсальности, а представляют собой лишь часть ценностей, учет которых для духовной составляющей незыблем, но не охватывает всех видов ценностей, провозглашаемых для всех категорий граждан. Кроме того, акцентировать внимание только на национальных и религиозных аспектах в содержании ценностей каждого человека, представляется недостаточным, поскольку отдельные группы граждан могут не придерживаться религиозных взглядов и не ассоциировать себя с какой-либо национальностью, что не дает оснований считать их лицами, которые не поддерживают вообще никаких традиционных ценностей.

В самом общем представлении можно предположить, что ценности приобретают значение традиционных при условии, что они становятся социально значимыми не для отдельного человека, социальной группы, а для нескольких поколений, для которых ценности являются определенными духовными идеалами, представляют собой некие общественные идеи, обладают достаточно высокой степенью обобщения, благодаря чему воспринимаются обществом как определенный стандарт необходимого и должно го поведения¹⁰. Указанные признаки категории «традиционные ценности» обеспечивают, на наш взгляд, их свойством

⁹ См., напр.: Зорькин В. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4 (65). С. 7–20; Его же. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал росс. права. 2008. № 12. С. 3–14; Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М., 2013. С. 27; Белов С.А. Рациональность судебной балансировки конституционных ценностей с помощью теста на пропорциональность // Петербургский юрист. 2016. № 1. С. 63–75.

¹⁰ Трудно не согласиться с мнением отдельных авторов, что признание чего бы то ни было ценностью носит абсолютный характер, не допускает умаления, требует строгой и безусловной приверженности, иначе она обесценивается. Это не исключает установления социальных (в том числе правовых) ограничений на определенные виды ценности обусловленного поведения, но и не снимает проблему личностного восприятия абсолютности и безусловности соответствующих ценностей (см.: Варламова Н. В. Права человека и «юриспруденция ценостей» // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6. С. 11–45).

последовательной преемственности и передаваемости от поколения к поколению на протяжении многих лет. Иными словами, ценности отличаются критерием традиционности в случае, если они сформировались в сознании нескольких поколений в качестве таковых, указывают на формирование неких поведенческих «стандартов», догм, непререкаемых идеалов, истинность которых не вызывает сомнения у подавляющего большинства граждан на протяжении многих лет¹¹.

Вместе с тем категорию «ценности» необходимо отличать от иных, схожих терминов, в частности «правила»¹², «традиций»¹³, не допуская с ними отождествления. По нашему мнению, ценности, именно в своем предназначении представляют уникальность, неповторимость и социальную ценность и для гражданина, и для страны, формируют идеологию, духовную основу государства, определяют фундаментальные направления его политики, в том числе и семейной, к числу приоритетных направлений которой относится обеспечение защиты традиционных семейных ценностей на постоянной основе, что позволит сохранить российский народ как нацию. Семейные ценности определены в качестве фундаментальной основы семейных отношений, определяющее значение которых подтверждается положениями Конституции РФ (ст. 38, 67¹, 72 и др.).

Приостальное внимание государства к традиционным ценностям, в том числе семейным, свидетельствует о его заинтересованности в стабильных семейных отношениях, крепкой семье, основанной на браке (супружестве мужчины и женщины), заключаемом в органах записи актов гражданского состояния, направленном на рождение и воспитание детей, которые являются главным приоритетом семейной политики. Потребность в обеспечении защиты традиционных семейных ценностей, традиционной семьи, основанной на браке мужчины и женщины, в которой дети воспитываются разнополыми родителями, матерью и отцом, а не родителем «номер один» и родителем «номер два», указывает на необходимость их учета в нормах законодательства Российской Федерации, направленных на регулирование семейных отношений.

Защита семьи, брака, детей относится к фундаментальным, системообразующим ценностям нашей страны,

¹¹ Известно, что достижение единства морали, нравственности, воплощения их в нормах права обеспечивается за счет определенных процессов, происходящих в обществе, самонастраивание которых проявляется в подстраивании их как определенных регуляторов, оказывающих воздействие на общие социальные ориентиры. Как правило, в основе таких регуляторов заложены основы морали и нравственности: если нравственность есть идеальное воплощение представлений общества и каждого отдельного человека о добре, зле, общечеловеческих отношениях, то мораль обеспечивает им некоторую «мягкость», делая их более досягаемыми для значительной массы людей.

¹² В теории права правило поведения обычно выступает в форме требования совершить определенное положительное действие (позитивная обязанность), запрещения тех или иных поступков (негативная обязанность) либо предоставления возможности вести себя соответствующим образом (правомочие).

¹³ Под правовой традицией понимают исторически сложившуюся в рамках конкретного общества и развивающуюся совокупность принципов построения национальной правовой системы, которая выражается в существующих нормах, правовых обычаях и представлениях о праве (см., напр.: Пашенцев Д.А., Черногор Н.Н. Правовая традиция и правопорядок: соотношение и взаимовлияние // Правозащитник. 2017. № 1. С. 2; Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал росс. права. 2018. № 8. С. 7; Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 5. С. 405).

традиционность которых неоспорима и неопровергима подавляющим большинством граждан, что свидетельствует о наличии некоего внутреннего, социального их контроля, осуществляемого, прежде всего, самим обществом. Свообразие семейных ценностей, на наш взгляд, проявляется в некотором «единении объективного и субъективного представления об их социально значимом влиянии» как на все общество, так и на отдельного гражданина, когда их смысловое содержание и назначение воспринимаются одинаково с учетом общечеловеческих представлений о морали, нравственности, добре, зле, других идеалов. Практическая их реализация проявляется в основных началах семейного законодательства, направленных на защиту материнства, отцовства, детства в Российской Федерации, заботы о полноценном развитии детей, создании условий для достойного воспитания детей в семье, обеспечении приоритета семейного воспитания (ст. 1 СК РФ¹⁴, ч. 4 ст. 67, ч. 1 п. «ж.1» ст. 72 Конституции РФ). Системно прослеживаемые конституционные основы в нормах отраслевого законодательства, позволили устраниТЬ существовавший до сих пор пробел в Конституции РФ 1993 г., которая не определяла понятия состава семьи, что фактически указывало на отсутствие конституционных преград к признанию однополых браков.

В определенном смысле традиционные семейные ценности можно определять как консервативные, поскольку в их содержании проявляется идеологическая приверженность сформировавшимся традиционным порядкам, сложившимся социальным установкам, соблюдению религиозных правил, последовательное сохранение которых обеспечивает стабильность общества и нерушимость его исторических устоев. Отношение государства, его отдельных институтов к традиционным семейным ценностям как его основы определяет и главные направления не только семейной¹⁵, но и социальной, демографической политики, содержание которых должно учитывать культурные, национальные, исторические устои, социальные потребности граждан. В своей совокупности они определяют не только духовную основу общества, но и формируют нравственные, мировоззренческие ориентиры, исторически присущие гражданам России, формируют российское культурное пространство, обеспечивают прежде всего морально-нравственную основу и базовые социальные ориентиры современного общества.

По нашему убеждению, ценности, «претендующие» на определение их в качестве традиционных в соответствующих нормах законодательства Российской Федерации, в определенном смысле должны обладать признаком всеобщности, их некоторой универсальности в понимании их традиционной сущности с тем, чтобы отношение к ним в обществе не менялось под влиянием каких бы то ни было событий, обстоятельств, условий, времени, одновременно исключая легковесное, поверхностное и в некоторых случаях даже циничное к ним отношение под воздействием самых разных процессов, происходящих в социуме.

¹⁴ См.: СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16.

¹⁵ В самом общем понимании семейная политика представляет собой определенную идеологию, которая выражена в системе целей, принципов и основных направлений деятельности властных структур в сфере отношений государства с семьей и обществом. Фундаментальное назначение семейной политики заключается в гармонизации отношений семьи и государства, направленной на повышение целевых функций объединения общих свойств и задач семьи и власти, опоры на них, перевод семьи из позиции пассивного потребителя в позицию автономной семьи как активного творческого созидателя самой себя и общества.

Принципиально важно, чтобы защита традиционных ценностей осуществлялась не эпизодически, а последовательно на системной основе всеми органами публичной власти таким образом, чтобы не допустить их разрушения не только внутри страны, но и предотвратить внешние угрозы, которые сегодня приобрели особое значение, требуют повышенного государственного внимания. Поэтому законодатель признал ценности как фундаментальную основу для духовного развития нашего общества, им придано юридическое значение, а государством определены гарантии их защиты¹⁶. К их числу относятся меры разнообразного вида, в частности, организационные, научно-аналитические, информационные, правовые и др. Так, был принят Закон о запрете пропаганды ЛГБТ¹⁷, нормы которого устанавливают запрет на распространение информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения или предпочтения, педофилию, смену пола, в том числе среди детей. Аналогичные запреты распространяются и на рекламную продукцию. Данный Закон принят в целях недопущения и предотвращения разрушения базовых моральных и культурных норм, религиозных устоев, института брака, семейных ценностей, искоренения пропаганды вседозволенности, безнравственности и эгоизма, насаждения культа жестокости и насилия¹⁸.

Особенность его норм, на наш взгляд, проявляется в широком «охвате» смежных или т.н. сопричастных отношений, на содержание которых может повлиять негативная информация. Законом предусмотрены меры ответственности, дифференцируемые с зависимости от правовой природы отношений, подлежащих защите (процессуальные, административные, информационные). Так, предусмотрен внесудебный порядок включения информации, пропагандирующими нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения,

¹⁶ Заслуживают особого внимания редкие, но так необходимые для развития фундаментальной науки исследования отдельных авторов, посвященные проблемам соотношения прав и свобод граждан, определению пределов их защиты государством. В юридической науке исследования о юридической природе свобод обычно ограничивались их перечислением, а категории «право» и «свобода» отождествлялись. Учитывая содержание ст. 17 в части признания прав и свобод за каждым гражданином, которые могут быть ограничены в силу основ нравственности (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), можно признать, что право является средством ограничения свободы (например, запрет на пропаганду нетрадиционных семейных союзов), которая исторически не была абсолютной и могла быть ограничена властью главы семейства, общины, моральными и религиозными представлениями. В этой связи весьма точно определяя пределы таких ограничений свободы, доказывая, что свободы, как и права, могут быть ограничены государством в интересах всего общества. Е. В. Михайлова отмечает, что «с точки зрения защиты свобод, гарантированности их исполнительной силой государства коренное отличие между субъективными правами и свободами заключается в том, что если наличие права для его принудительного осуществления правообязанным лицом правообладателю необходимо прежде всего доказать, то наличие у каждого свобод презумируется вне зависимости от объективных обстоятельств и не требует доказывания» (см.: Михайлова Е. В. Права и свободы человека и гражданина как объекты судебной защиты // Росс. право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 38, 41; Ее же. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные). М., 2017).

¹⁷ См.: Федеральный закон от 05.12.2022 № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 50 (ч. III), ст. 8772.

¹⁸ О проблеме насилия, особенностях его проявления в самых разных отношениях (гражданских, семейных, трудовых, в гражданском процессе), затрагивающих практически все сферы жизни человека, см.: Насилие как негативное социальное явление: правовые средства противодействия / отв. ред. Н. В. Летова. М., 2023.

педофилию, смену пола, в единый реестр запрещенной информации в целях ее блокировки. Полагаем, что меры такого реагирования указывают не только на их оперативность, но и свидетельствуют о превентивном пресечении противозаконных действий в целях недопущения дальнейшего распространения негативной, разрушающей психику подрастающего поколения информации.

Вместе с тем в таких нормах наглядно прослеживается «межотраслевое влияние» на их содержание принципа приоритетной защиты прав ребенка (ч. 3 ст. 1 СК РФ), что дополнительно реализуется в новых составах административной ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений или предпочтений, смены пола и пр.¹⁹ Принципиально важно, что в таких нормах не только перечислены действия, свидетельствующие о совершении таких правонарушений, в том числе публичного вида, но и систематизированы видовые признаки соответствующей информации²⁰.

Как представляется, правовая и социальная ценность таких запретов обусловлена установлением «нормативных границ», выступающих в качестве определенного «заслона», не позволяющего даже потенциально вызвать интерес у несовершеннолетних к таким отношениям. В этом, на наш взгляд, проявляется публичный интерес государства в потребности обеспечения защиты в первую очередь подрастающего поколения, не допустить разрушающего влияния информации на их неустойчивую психику, травмирующее воздействие на которую может иметь необратимые последствия для ребенка на протяжении многих лет.

Очевидно, что на современном этапе государство заинтересовано в системной защите института семьи, укреплении семьи, основанной на традиционных семейных ценностях, стабильности семейных отношений и создания условий для полноценного воспитания детей. Практически это означает, что государство создает все необходимые условия для духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития детей, обеспечивает право каждого ребенка на воспитание в семье кровными родителями, а в случаях, когда ребенок остается без родительского попечения, государство берет на себя обязанности родителя. Такой подход в полной мере отвечает положениям международных документов, согласно которым государство обеспечивает

¹⁹ Законом предусмотрены отдельные составы (ст. 6.21. Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола; ст. 6.21.1. Пропаганда педофилии; ст. 6.21.2. Распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол). Дела об указанных административных правонарушениях будут рассматриваться судьями. Правом составлять протоколы об административных правонарушениях наделены должностные лица органов внутренних дел (полиции) и должностные лица органа Роскомнадзора. Полагаем, что в таких решениях законодателя прослеживается публичный интерес, проявляемый в защите государством информационного пространства от информации, направленной на разрушение ценностей, что одновременно направлено на обеспечение национальной безопасности государства (см.: Федеральный закон от 05.12.2022 № 479-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2022. № 50 (ч. III), ст. 8773).

²⁰ Введены в отношении такой продукции требования о присвоении данной информационной продукции т.н. маркировки, предусматривающей возрастные границы доступа к таким материалам. В этой связи весьма логичными и системными являются изменения иных норм, в частности Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации», устанавливающие запрет на пропаганду нетрадиционных отношений, их рекламу в нашей стране, что свидетельствует о реализации принципа защиты прав детей в приоритетном порядке.

ребенку такой уровень жизни, который позволяет достичь не только физического, умственного, но, что особенно важно, духовного и нравственного его развития (ст. 6, 27 Конвенции о правах ребенка).

Повышение социальной значимости семьи, укрепление брачно-семейных отношений – все это имеет непосредственное отношение к дальнейшему развитию страны. Нет сомнений, что семья как основной социальный институт, как ячейка общества была и остается фундаментальной ценностью для каждого человека, она вне времени, не зависит от происходящих социальных и политических процессов, поэтому неслучайно именно семье, семьям с детьми, их защите, нуждам и заботам государство уделяет первостепенное внимание. Поскольку основное предназначение семьи – это рождение и воспитание детей в любви, уважении к старшим, передача им необходимого жизненного опыта, базовых ценностей, основанных на традиционных представлениях морали и нравственности, государство заинтересовано в том, чтобы ценности семьи, ее значение для каждого ребенка, были непрекращающимися, позволяли каждому ребенку жить и воспитываться в семье, и это право было обеспечено защитой в случае его нарушения²¹.

Полагаем, что в ближайшей перспективе развитие семейного законодательства повлечет повышенного внимания государства к проблемам обеспечения и защиты традиционных семейных ценностей с тем, чтобы сохранить идентичность и национальную культуру нашего народа. Вместе с тем дальнейшего усиления и укрепления потребует проиллюстрированный Конституцией РФ принцип ответственности гражданина и государства друг перед другом, который рассматривается в современной теории как один из основных принципов правового государства. Сохранение традиционных ценностей семьи будет иметь определяющее значение для следующих поколений при условии, что их сущность и содержание останутся неизменными, когда они будут воплощать многовековую историческую преемственность в представлениях о морали, нравственности, милосердии, гражданственности, патриотизме, семье, принципах воспитания детей и др., что позволит обеспечить духовно-нравственную основу нашей страны.

Кроме того, универсальность традиционных семейных ценностей, на наш взгляд, достижима за счет определения значимости каждой из них в отдельности как для одного человека, так и для страны в целом, чтобы их неизменность проявлялась в единобразном восприятии всеми гражданами государства и, как следствие, отличалась безусловным принятием их сущности на всех уровнях власти, что позволит сформировать фундаментальную основу государства, в котором ценности неоспоримы и неопровергимы.

²¹ Так, например, Федеральным законом от 24.06.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» определено, что приоритетная область деятельности государства в сфере защиты прав детей включает недопущение их дискриминации, содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей, воспитанию в них гражданственности, а также реализации личности ребенка в интересах общества, защиты ребенка от информации, наносящих вред его здоровью, нравственному или духовному развитию (ст. 14); Федеральным законом от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» установлено, что к информации, запрещенной для распространения среди детей, относится информация отрицающая семейные ценности, формирующую неуважение к родителям и или другим членам семьи (абз. 4 п. 2 ст. 5); в Федеральном законе от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» говорится, что в целях защиты несовершеннолетних не допускается дискредитация родителей и воспитателей, подрыв доверия к ним у несовершеннолетних (п. 1 ст. 6).

Иными словами, отношение к ценностям в социуме должно быть как к непреложным истинам, нравственная сущность которых не вызывает сомнений и отторжения у подавляющего большинства граждан, поскольку их традиционность безусловна. В некотором смысле их традиционность обеспечивается *презумпцией*, поскольку их истинность и значимость для каждого человека не должна подвергаться сомнению и не может быть опровергнута ни при каких обстоятельствах.

Дополнительный аргумент в пользу такого вывода – сформировавшаяся тенденция развития семейной политики на современном этапе, когда семейные ценности фактически обеспечивают национальную безопасность, в определенном смысле являются «национальным приоритетом» государства. Такое «опубликование» семейных отношений предполагает создание условий для дальнейшего сохранения традиционных семейных ценностей, повышения престижа семьи, отцовства и материнства, пропаганды семейного образа жизни, что возможно при условии достижения паритета между обязательствами государства, возникающими в сфере частной жизни каждого человека и одновременного сохранения ее автономности, не допуская случаев произвольного вмешательства в сферу семейных отношений.

* * *

Учитывая изложенное, можно предположить, что традиционные семейные ценности представляют собой определенную систему одинаково значимых представлений о семье, браке, принципах воспитания детей, основанных на духовных, моральных, нравственных, культурных ориентирах, исторически сформировавшихся в сознании народа России, формируют духовную и нравственную основу общества, преемственность и безусловность которых неопровергима.

Нет сомнений, что государство продолжит последовательную социально-ориентированную политику по сохранению фундаментальных традиционных семейных ценностей как необходимой основы для сохранения полноценного общества и сбережения российского народа, тенденции развития семейных отношений будут определяться с учетом их социальной значимости, а сохранение их преемственности будет направлено на укрепление института семьи, брака, что будет способствовать дальнейшему укреплению и процветанию нашего государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов С.А. Рациональность судебной балансировки конституционных ценностей с помощью теста на пропорциональность // Петербургский юрист. 2016. № 1. С. 63–75.
2. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М., 2013. С. 27.
3. Варламова Н.В. Права человека и «юриспруденция ценностей» // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6. С. 11–45.
4. Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Балансирование ценностей и ценность балансирования (часть первая) // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 13–24; (часть вторая). № 10. С. 53–64.
5. Гозгешева С.М., Передерий С.В. Традиционные ценности как фактор современного политического процесса (на примере Северного Кавказа). Пятигорск, 2012.
6. Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонова. М., 2011.
7. Елисеева А.А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы росс. права. 2022. № 3. С. 67–74.
8. Зорькин В. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4 (65). С. 7–20.
9. Зорькин В.Д. Выступление // XX Всемирный Русский Народный Собор «Россия и Запад: диалог народов в поисках ответов на цивилизационные вызовы». М., 2017. С. 21.
10. Зорькин В.Д. Право против хаоса. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. С. 59.
11. Зорькин В. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал росс. права. 2008. № 12. С. 3–14.
12. Исаева А.А. Запрет оскорблений религиозных чувств верующих и реализация прав человека: сравнительно-правовой анализ // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 37–42.
13. Кашина Н.И., Матвеева Л.В., Абашева Э.С. Традиционные ценности русской культуры в содержании современного музыкального образования. Екатеринбург, 2016.
14. Лапаева В.В. Право и религия в «эру геномики»: перспективы взаимодействия // Журнал росс. права. 2020. № 8. С. 14–26.
15. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. 2-е изд., пересмотр. М., 2019. С. 84.
16. Меньшиков А.С. Свобода совести и защита чувств верующих: права человека в контексте постсекулярной модерности // Известия УрФУ. Сер. 3: Общественные науки. 2017. Т. 12. № 4 (170). С. 27–36.
17. Михайлова Е.В. Права и свободы человека и гражданина как объекты судебной защиты // Росс. право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 38, 41.
18. Михайлова Е.В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные). М., 2017.
19. Мчедлова М.М. Межрелигиозные отношения и социальная консолидация в России // Вестник росс. нации. 2018. № 4 (62). С. 11–27.
20. Насилие как негативное социальное явление: правовые средства противодействия / отв. ред. Н.В. Летова. М., 2023.
21. Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал росс. права. 2018. № 8. С. 7.
22. Пашенцев Д.А., Черногор Н.Н. Правовая традиция и право-порядок: соотношение и взаимовлияние // Правозащитник. 2017. № 1. С. 2.
23. Рыбаков О.Ю. Философия конституционализма: история и современность // Мониторинг правоприменения. 2018. № 4 (29). С. 64, 65.
24. Рыбаков О.Ю. Человек, право, цифровые технологии: современные направления исследований (обзор Всероссийской научно-практической онлайн-конференции) // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35). С. 83–87.
25. Савенков А.Н. Ниурнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021.
26. Тимофеев Н.С. Соборность и общинность в развитии местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 59–65.
27. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 5. С. 405.

28. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал росс. права. 2018. № 9. С. 15.
29. Хабриева Т.Я. Теория современного основного закона и российская Конституция // Журнал росс. права. 2008. № 12. С. 16.
30. Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy / transl. by W. Rehg. Cambridge, MA, 1996. Pp. 253, 254.
14. Lapaeva V.V. Law and religion in the “era of genomics”: prospects for interaction // Journal of Russ. law. 2020. No. 8. Pp. 14–26 (in Russ.).
15. Maltsev G.V. The moral foundations of law. 2nd ed., rev. M., 2019. P. 84 (in Russ.).
16. Menshikov A.S. Freedom of conscience and protection of the feelings of believers: human rights in the context of post-secular modernity // Izvestiya UrFU. Ser. 3: Social Sciences. 2017. Vol. 12. No. 4 (170). Pp. 27–36 (in Russ.).
17. Mikhailova E.V. Human and civil rights and freedoms as objects of judicial protection // Ross. law: education, practice, science. 2021. No. 5. Pp. 38, 41 (in Russ.).
18. Mikhailova E.V. Procedural forms of protection of subjective civil rights, freedoms and legitimate interests in the Russian Federation (judicial and non-judicial). M., 2017 (in Russ.).
19. Mchedlova M.M. Interreligious relations and social consolidation in Russia // Herald of the Russian Nation. 2018. No. 4 (62). Pp. 11–27 (in Russ.).
20. Violence as a negative social phenomenon: legal means of counteraction / res. ed. N.V. Letova. M., 2023 (in Russ.).
21. Pashentsev D.A. The Russian legislative tradition: the ontology of the process // Journal of Russ. law. 2018. No. 8. P. 7 (in Russ.).
22. Pashentsev D.A., Chernogor N.N. Legal tradition and law and order: correlation and mutual influence // Human Rights Defender. 2017. No. 1. P. 2 (in Russ.).
23. Rybakov O. Yu. Philosophy of constitutionalism: history and modernity // Monitoring of law enforcement. 2018. No. 4 (29). Pp. 64, 65 (in Russ.).
24. Rybakov O. Yu. Man, law, digital technologies: modern research directions (review of the All-Russian scientific and practical online conference) // Monitoring of law enforcement. 2020. No. 2 (35). Pp. 83–87 (in Russ.).
25. Savenkov A.N. Nuremberg: Verdict for name of Peace. M., 2021 (in Russ.).
26. Timofeev N.S. Conciliarity and community in the development of local self-government // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 8. Pp. 59–65 (in Russ.).
27. Khabrieva T. Ya. Constitutional reform in Russia: in search of national identity // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2020. Vol. 90. No. 5. P. 405 (in Russ.).
28. Khabrieva T. Ya. Law before the challenges of digital reality // Journal of Russ. law. 2018. No. 9. P. 15 (in Russ.).
29. Khabrieva T. Ya. Theory of the modern basic law and the Russian Constitution // Journal of Russ. law. 2008. No. 12. P. 16 (in Russ.).
30. Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy / transl. by W. Rehg. Cambridge, MA, 1996. Pp. 253, 254.

REFERENCES

1. Belov S.A. The rationality of judicial balancing of constitutional values using a proportionality test // St. Petersburg Lawyer. 2016. No. 1. Pp. 63–75 (in Russ.).
2. Bondar N.S. Axiology of judicial constitutionalism: constitutional values in theory and practice of constitutional justice. M., 2013. P. 27 (in Russ.).
3. Varlamova N.V. Human rights and “Jurisprudence of values” // Comparative Constitutional Review. 2022. No. 6. Pp. 11–45 (in Russ.).
4. Gadzhiev G.A., Voinikanis E.A. Balancing values and the value of balancing (part one) // Questions of philosophy. 2021. No. 9. Pp. 13–24; (part two). No. 10. Pp. 53–64 (in Russ.).
5. Gozgesheva S.M., Perederiy S.V. Traditional values as a factor in the modern political process (on the example of the North Caucasus). Pyatigorsk, 2012 (in Russ.).
6. The state and the Church in the XX century: the evolution of relationships, political and socio-cultural aspects. The experience of Russia and Europe / ed. by A.I. Filimonova. M., 2011 (in Russ.).
7. Eliseeva A.A. Family and family values: approaches to understanding in the context of modern law // Actual problems of Russ. law. 2022. No. 3. Pp. 67–74 (in Russ.).
8. Zorkin V. Axiological aspects of the Constitution of Russia // Comparative Constitutional Review. 2008. No. 4 (65). Pp. 7–20 (in Russ.).
9. Zorkin V.D. Speech // XX World Russian People’s Council “Russia and the West: dialogue of peoples in search of answers to civilizational challenges”. M., 2017. P. 21 (in Russ.).
10. Zorkin V.D. Law against chaos. 2nd ed., rev. and add. M., 2018. P. 59 (in Russ.).
11. Zorkin V. The value approach in the constitutional regulation of rights and freedoms // Journal of Russ. law. 2008. No. 12. Pp. 3–14 (in Russ.).
12. Isaeva A.A. Prohibition of insulting religious feelings of believers and the realization of human rights: comparative legal analysis // Constitutional and Municipal Law. 2013. No. 4. Pp. 37–42 (in Russ.).
13. Kashina N.I., Matveeva L.V., Abasheva E.S. Traditional values of Russian culture in the content of modern musical education. Yekaterinburg, 2016 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛЕТОВА Наталия Валерьевна –
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник сектора
процессуального права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

LETOVA Natalia V. –
Doctor of Law,
Chief Researcher of the Sector
of Procedural Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2024 г. Г. Г. Шинкарецкая

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: gshink@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.04.2024 г.

Аннотация. В статье показано, что современное обеспечение национальной безопасности неразрывно связано с обеспечением глобальной безопасности, а также кроме военного компонента содержит очень важный правовой компонент. Первостепенная роль в этом двойственном процессе принадлежит ООН, поэтому важна оценка позиции Генерального секретаря ООН по данному вопросу. Последний по времени Доклад Генерального секретаря ООН представляет новую концепцию верховенства права в международных отношениях. Хотя в Докладе неоправданно много внимания уделено верховенству права внутри государств, а не в международных отношениях, Доклад Генерального секретаря ООН, анализирующий практически все стороны деятельности Организации, все же показывает действенные меры в направлении укрепления международного права.

Ключевые слова: национальная безопасность, всеобщая безопасность, верховенство права, Организация Объединенных Наций, Генеральный секретарь ООН, укрепление международного права, военная безопасность, правовые меры обеспечения безопасности государств, принцип *pacta sunt servanda*.

Цитирование: Шинкарецкая Г.Г. Международно-правовые основы национальной безопасности // Государство и право. 2024. № 4. С. 167–175.

DOI: 10.31857/S1026945224040152

INTERNATIONAL LEGAL FOUNDATIONS OF NATIONAL SECURITY

© 2024 G. G. Shinkaretskaya

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: gshink@yandex.ru

Received 04.04.2024

Abstract. The article shows that modern national security is inextricably linked with ensuring global security, and also contains a very important legal component in addition to the military component. The primary role in this dual process belongs to the UN, so it is important to assess the position of the UN Secretary General on this issue. The latest Report of the Secretary General presents a new concept of the Rule of Law in international relations. Although the Report unduly focuses on the Rule of Law within States rather than in international relations, the Secretary General's Report, which analyzes almost all aspects of the Organization's activities, nevertheless shows effective measures towards strengthening International Law.

Key words: national security, universal security, Rule of Law, United Nations, UN Secretary General, strengthening International Law, military security, legal measures to ensure the security of states, the principle of *pacta sunt servanda*.

For citation: Shinkaretskaya, G.G. (2024). International legal foundations of national security // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 167–175.

Введение

Появление идеи национальной безопасности относится ко времени т.н. Вестфальского договора, когда была создана первая современная система международного сообщества и началось зарождение международных отношений между суверенными государствами, являющимися равноправными субъектами и членами международного сообщества. В центре идеи национальной безопасности стали государственные ценности (прерогативы государства: территория, суверенитет, внешнеполитические интересы и национальная экономика), которые защищены от вооруженных нападений извне, вооруженных восстаний изнутри, разведывательной подрывной деятельности со стороны внутренних и внешних врагов и экономических ограничений. Развиваются специализированные государственные службы общественной безопасности: постоянные армии и профессиональная дипломатия, разведывательные и контрразведывательные структуры.

Национальная безопасность не остается неизменной с течением времени. Серьезным вызовом стал терроризм, который находит источники развития и на международной арене, и внутри многих государств; в последние годы настоящую угрозу представляют изменения климата.

Само понятие безопасности отнюдь не однозначно. Л. Н. Галенская пишет: «В разных государствах подходы к определению термина “национальная безопасность” и его содержания весьма

различаются. Национальная безопасность – внутреннее дело каждого государства и каждое государство само определяет его в зависимости от многих факторов, таких как геополитическое расположение, состояние экономики, наличие угроз для его безопасности и др.»¹.

Однако в настоящее время обеспечение безопасности каждого отдельного государства все более становится частью общего международного правопорядка. Безопасность любого государства зависит все меньше от количества и качества имеющегося у него оружия и все больше – от состояния международных отношений². По замечанию О.О. Хохлишевой, «национальная безопасность оценивается как неотъемлемая составляющая или компонент системы международной безопасности»³. Несмотря на широкий спектр видов угроз международному миру и безопасности, суть системы международной универсальной коллективной безопасности, а также роль и функции ее участников состоят в ее обеспечении на основе принципов

¹ Галенская Л.Н. Международно-правовые аспекты национальной безопасности государства // Российский ежегодник международного права. 2019. СПб., 2019. С. 17.

² См.: Мюллерсон Р.А. Роль и возможности международного права в создании ВСМБ // Всеобъемлющая система международной безопасности и международное право. М., 1987. С. 13.

³ Хохлишева О.О. Соотношение международно-правового обеспечения и регулирования системы международной коллективной и государственной (национальной) безопасности // Российский ежегодник международного права. 2019. С. 52.

и норм международного права в соответствии с положениями Устава ООН⁴.

Верховенство права в международных отношениях – важный элемент обеспечения безопасности

С 2010-х годов начинается международно-правовое оформление идеи коллективной безопасности в такие формы, которые служили бы предотвращению угроз благополучию любого государства. Начало этому было положено внедрением концепции устойчивого развития, которая эволюционировала от первоначального акцента на экологическом измерении экономического роста к нынешнему пониманию, изложенному в 17 целях устойчивого развития⁵. Постепенно обеспечение безопасности приобретает контуры всеобщей деятельности и всеобщих отношений в рамках правовых установлений.

Необходимость обеспечения верховенства права во внутригосударственных правопорядках уже давно получила всеобщее признание, и вряд ли можно найти современную конституцию, в которой не была бы закреплена идея правового государства. Согласно ст. 1 Конституции РФ «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления».

В Докладе Генерального секретаря ООН Совету Безопасности «господство права» определяется как такой принцип управления, «в соответствии с которым все лица, учреждения и структуры, государственные и частные, в том числе само государство, функционируют под действием законов, которые были публично приняты, в равной степени исполняются и независимо реализуются судебными органами и которые совместимы с международными нормами и стандартами в области прав человека»⁶.

В последнее десятилетие концепция верховенства права постоянно присутствует в различных документах ООН⁷. Государства – члены ООН, заявляя о своей приверженности целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций и международному праву, подтверждают необходимость

⁴ См.: Хохлыщева О.О. Указ. соч. С. 64.

⁵ См.: Кадомцева М.Е. Концепция устойчивого развития: эволюция теоретических подходов и современное видение // Alter Economics. 2023. No. 20(1). Pp. 166–188. URL: <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.9> (дата обращения: 31.03.2024).

⁶ Доклад Генерального секретаря ООН Совету Безопасности «Господство права и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах» от 23.08.2004 г. (Report of the Secretary-General on the Rule of Law and transitional justice in conflict and post-conflict societies) // Документ ООН S/2004/616.

⁷ См.: Декларация Совещания на высоком уровне Генеральной Ассамблеи ООН о верховенстве права на национальном и международном уровнях // Документ ООН A/RES/67/1. 24.09.2012 г.

всеобщего обеспечения и соблюдения верховенства права как на национальном, так и на международном уровне и о своей неизменной приверженности международному порядку, основанному на верховенстве права и международном праве, что наряду с принципами справедливости абсолютно необходимо для мирного сосуществования и сотрудничества между государствами.

Выступая 12 января 2023 г. на открытых прениях в ООН по теме «Поощрение и укрепление верховенства права в поддержании международного мира и безопасности: верховенство права в отношениях между государствами», Генеральный секретарь ООН подчеркнул, что «как в самой крошечной деревне, так и на мировой арене принцип верховенства права – это все, что стоит между миром и стабильностью и жестокой борьбой за власть и ресурсы»⁸, и предупредил о серьезной опасности «верховенства беззакония» в каждом регионе мира. Концепция верховенства права в 2023 г. получила новое развитие.

В плане подготовки к 78-й сессии Генеральной Ассамблеи в мае 2023 г. Генеральный секретарь ООН опубликовал Доклад «Укрепление и координация деятельности Организации Объединенных Наций в сфере верховенства права»⁹. По общему мнению, Генеральный секретарь в Докладе обнародовал свою новую концепцию верховенства права, выполнив одну из задач «Нашей общей повестки дня»¹⁰.

Доклад фактически состоит из двух частей: «А. Поощрение верховенства права на национальном уровне» и «Б. Поощрение верховенства права на международном уровне».

Первая часть гораздо больше второй, что означает предпочтение Генерального секретаря ООН проблемам внедрения верховенства права в национальные правопорядки. На это обратил внимание Постоянный представитель Российской Федерации в Шестом комитете А.С. Проскуряков: «Подготовленный документ в очередной раз вышел крайне несбалансированным. Акценты в нем смешены в сторону укрепления верховенства

⁸ URL: www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2023-01-12/the-secretary-generals-remarks-the-security-council-the-promotion-and-strengthening-of-the-rule-of-law-the-maintenance-of-international-peace-and-security-the-rule-of (дата обращения: 28.03.2023).

⁹ Генеральная Ассамблея. Семьдесят восьмая сессия. Пункт 85 предварительной повестки дня. Верховенство права на национальном и международном уровнях. Укрепление и координация деятельности Организации Объединенных Наций в сфере верховенства права. Доклад Генерального секретаря. 14.07.2023 г. // Документ ООН A/78/184.

¹⁰ Организация Объединенных Наций. Шестой комитет. Краткий отчет о 15-м заседании, состоявшемся в Центральных учреждениях, Нью-Йорк, во вторник, 17 октября 2023 года, в 10 ч. 00 мин. // Документ ООН A/C.6/78/SR.15.

права на национальном уровне при помощи ООН... Единственным источником для составления этого доклада должны быть позиции государств, высказанные в ходе дебатов в Шестом комитете и консультаций. Однако за последние годы отмечается существенное отступление от этого принципа – Секретариат берет на себя все больше самостоятельности в плане определения направления развития концепции»¹¹.

Признавая важность совместного внедрения права и во внешние, и во внутренние правоотношения, нельзя не отдавать себе отчет в том, что это разные сферы регулирования, требующие отдельных подходов и исследований. В настоящей публикации сосредоточимся на международных отношениях.

«Резкое обострение международных отношений за последние годы, вызванное нарушением основных принципов и норм современного международного права, поставило под угрозу всеобщую безопасность. Для того чтобы мир не погиб, в международных отношениях должны господствовать не произвол и анархия, а цивилизованные отношения, основанные на строгом соблюдении международного права и общечеловеческих ценностей», – пишет известный юрист-международник В.А. Карташкин¹².

Для Российской Федерации верховенство права является конституционным принципом внешней политики, что ярко выражено в Концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ 31.03.2023 г.¹³): «Обеспечение верховенства права в международных отношениях служит одной из основ справедливого и устойчивого мироустройства, поддержания глобальной стабильности, мирного и плодотворного сотрудничества государств и их объединений, является фактором снижения международной напряженности и повышения предсказуемости мирового развития» (п. 20).

В новой концепции верховенства права, представленной Генеральным секретарем ООН, в качестве действий, направленных на обеспечение

¹¹ Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. Выступление представителя Российской Федерации А.С. Прокурякова в Шестом комитете 78-й сессии ГА ООН по теме «Верховенство права на национальном и международном уровнях» 18 октября 2023 года. URL: <https://russiaun.ru/ru/news/6181023> (дата обращения: 02.04.2024).

¹² См.: Карташкин В.А. Верховенство международного права в мировой политике и на национальном уровне // Обозреватель – Observer. 2015. № 12. С. 112.

¹³ См.: Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Росс. газ. 2023. 31 марта.

верховенства права в международных отношениях, обозначены кодификация и развитие международных документов, норм, стандартов и правил, а также поощрение применения международных договоров, норм, стандартов и правил¹⁴.

Проблема совершенствования международного права

Что касается кодификации и развития международных документов, норм, стандартов и правил, в Докладе Генерального секретаря ООН приведены данные о принятии или присоединении государств к важнейшим международным договорам. Так, число участников Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву увеличилось до 169, число участников Соглашения 1994 г. об осуществлении ч. XI Конвенции – до 152. Число участников Соглашения ООН по рыбным запасам возросло до 93. На возобновленной пятой сессии межправительственной конференции по международному юридически обязательному документу на базе Конвенции ООН по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции, состоявшейся 19 и 20 июня 2023 г., делегации приняли текст соглашения.

Произошли важные события, касающиеся многосторонних соглашений, переданных на хранение Генеральному секретарю ООН. 7 декабря 2022 г. Генеральной Ассамблей в ее резолюции была принята Конвенция Организации Объединенных Наций о международных последствиях продажи судов на основании судебного решения.

Одним из достижений в области международного экологического права стало вступление в силу 26 февраля 2023 г. поправок к Протоколу по стойким органическим загрязнителям к Конвенции 1979 г. о трансграниценном загрязнении воздуха на большие расстояния, принятых в 2009 г.¹⁵

Генеральный секретарь ООН обратил внимание на некоторые шаги органов Организации Объединенных Наций, в том числе вспомогательных. Так, Комиссия международного права провела 73-ю сессию¹⁶ и приняла во втором чтении проекты выводов о выявлении и правовых последствиях императивных норм общего международного права (*jus cogens*) и проекты принципов, касающихся защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами.

¹⁴ См.: Stephenson M. The Rule of Law as a Goal of Development Policy. URL: <http://go.worldbank.org/DZETJ85MD0> (дата обращения: 02.04.2024).

¹⁵ См.: Zimmermann A. (ed). Unity and Diversity of International Law. Berlin, 2016.

¹⁶ См.: URL: <https://legal.un.org/ilc/sessions/73/> (дата обращения: 02.04.2024).

На 55-й сессии Комиссия ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) одобрила проект конвенции о продаже судов на основании судебного решения и приняла законодательные тексты, касающиеся электронной коммерции (управления цифровыми идентификационными данными и удостоверительных услуг) и посредничества. В отношении текстов ЮНСИТРАЛ было принято 14 законодательных актов, в том числе два присоединения к Конвенции о признании и применении в исполнение иностранных арбитражных решений, одна ратификация Конвенции ООН о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации, одно присоединение и одно заявление о территориальном применении Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров, а также два присоединения к Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах и одна ее ратификация.

Комитет по правам инвалидов, учрежденный в соответствии с Конвенцией о правах инвалидов, принял замечание общего порядка № 8 (2022) о праве людей с инвалидностью на труд и занятость, а Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, учрежденный в соответствии с Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, – принял общую рекомендацию № 39 (2022) о правах женщин и девочек из числа коренных народов.

Специальный комитет по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях¹⁷ провел третью, четвертую и пятую сессии и три межсессионные консультации с соответствующими заинтересованными сторонами. В ходе сессий Комитет добился прогресса по ряду глав на основе предложений и материалов, представленных государствами-членами¹⁸.

В 20-й раз были проведены Дни международных договоров, приуроченные к прениям высокого уровня в Генеральной Ассамблее ООН. Вновь акцент был сделан на всеобщем участии в многосторонних договорах, переданных на хранение Генеральному секретарю ООН, в частности на договорах в поддержку Повестки дня на период до 2030 года. По этому случаю государства приняли решения по различным договорам, добившись значительных результатов, в частности, в области разоружения.

¹⁷ См.: URL: www.unodc.org/unodc/en/cybercrime/ad_hoc_committee/home.

¹⁸ См.: Buzan B., Waever O. Regions und Powers: Structure of International Security. Cambridge, 2003.

Расширение принятия международного права

В плане поощрения применения международных договоров, норм, стандартов и правил Генеральный секретарь ООН обратил внимание на мероприятия, проводимые массовыми международными организациями.

Так, Секретариат ЮНСИТРАЛ продолжал организовывать мероприятия по оказанию помощи государствам в принятии текстов ЮНСИТРАЛ и разработке онлайновых учебных материалов, касающихся ЮНСИТРАЛ, государственных закупок и государственно-частных партнерств, а также рамочной программы ЮНСИТРАЛ в области посредничества, которые предоставлялись в бесплатное пользование. В дополнение к другим мероприятиям, посвященным региональным дням, в мае 2022 г. был учрежден День Африки ЮНСИТРАЛ.

Организация Объединенных Наций продолжала разрабатывать и проводить мероприятия по наращиванию потенциала и техническому сотрудничеству в поддержку осуществления и развития правовых рамок для океанов, изложенных в Конвенции ООН по морскому праву и связанных с ней документах. В Центральных учреждениях Организации также проводились семинары по наращиванию потенциала в области договорного права и практики.

Достигнув знаменательной даты – 20-й годовщины вступления в силу Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, Организация Объединенных Наций продолжала поощрять присоединение к Конвенции и Протоколам к ней. Бутан присоединился к Конвенции; Андорра, Бутан и Пакистан – к Протоколу о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее; Чад присоединился к Протоколу против незаконного ввоза мигрантов по сухе, морю и воздуху; Люксембург ратифицировал Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему. Конференция Сторон Конвенции провела 11-ю сессию 17–21 октября 2022 г., по итогам которой были приняты резолюции по вопросам международного сотрудничества и технической помощи, огнестрельного оружия, торговли людьми, незаконного оборота культурных ценностей, а также применения Конвенции для предупреждения и пресечения транснациональных организованных преступлений, затрагивающих окружающую среду.

На 32-й сессии Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию приняла проекты резолюций о снижении рецидивизма с помощью реабилитации и реинтеграции, о последующей деятельности по итогам 14-го Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному

правосудию и подготовке к 15-му Конгрессу, о повышении вклада Комиссии в ускоренную реализацию Повестки дня на период до 2030 года и о равном доступе к правосудию для всех и технической помощи, оказываемой УНП ООН в области борьбы с терроризмом, а также резолюцию 32/1 о торговле людьми.

Организация Объединенных Наций продолжала содействовать всеобщему присоединению к 19 международно-правовым документам по борьбе с терроризмом, оказывая государствам-членам помочь в присоединении к ним и содействие в их реализации. За отчетный период было зафиксировано 12 новых присоединений к международно-правовым документам по борьбе с терроризмом Анголы, Кении, Омана, Перу, Российской Федерации, Сингапура, Сьерра Леоне и Таджикистана¹⁹.

Организация Объединенных Наций осуществила визиты в Албанию, Ирландию, Исландию, Камбоджу, Малайзию и Объединенную Республику Танзания с целью повышения осведомленности соответствующих заинтересованных сторон о важности соблюдения Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма, а также провела просветительскую работу еще в 20 странах. ООН были проведены семинары по содействию эффективному применению Конвенции в Гане и Лаосской Народно-Демократической Республике, а также первое уголовное расследование и инсценированный судебный процесс по Конвенции с целью развития навыков у сотрудников системы уголовного правосудия в отношении проблем, возникающих в ходе расследования, уголовного преследования и вынесения судебных решений по соответствующим преступлениям.

Организация Объединенных Наций продолжала оказывать поддержку в разработке и реализации национальных законов и политики в отношении внутренних перемещений по меньшей мере в 15 странах, в том числе путем наращивания потенциала и предоставления юридических и технических консультаций. В Буркина-Фасо, Мексике, Нигерии, Филиппинах, Чаде, Эфиопии и Южном Судане был достигнут значительный прогресс в законотворческих процессах в отношении внутренне перемещенных лиц. В Гондурасе долгожданный Закон был принят в декабре 2022 г.

Организация Объединенных Наций продолжала содействовать всеобщей отмене смертной казни, в том числе путем поощрения введения мораториев.

В целях обеспечения доступа к высококачественной профессиональной подготовке

¹⁹ См.: Andary A. Terrorism and counter-terrorism // The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social Theory, 2021.

продолжалась деятельность в рамках Программы помощи Организации Объединенных Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права, включая ее учебные программы и работу Библиотеки аудиовизуальных материалов ООН по международному праву – бесплатного образовательного интернет-ресурса. В библиотеку были добавлены 24 учебных пособия по целям в области устойчивого развития – 5 (гендерное равенство), 10 (уменьшение неравенства), 12 (ответственное потребление и производство) и 16 (мир, правосудие и эффективные институты) и обеспечено их широкое распространение. Проведено четыре очных учебных программы по международному праву для государственных служащих и правоведов из развивающихся стран или стран с формирующейся экономикой: Программа стипендий в области международного права и Региональные курсы ООН по международному праву для Африки, Азиатско-Тихоокеанского региона и Латинской Америки и Карибского бассейна.

Традиционные и новые органы разрешения международных споров

Не оставлены без внимания и такие важные органы улаживания международных разногласий, как международные суды.

Генеральный секретарь ООН отметил, что Международный Суд ООН сохраняет высокий уровень судебной деятельности, в том числе в делах «Чили против Боливии», «Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки», «Гамбия против Мьянмы», «Гайана против Венесуэлы», а также в делах, касающихся Армении и Азербайджана. Не только решение споров по существу, но и вынесение консультативных заключений весьма востребованы в наше время²⁰. Так, в 2023 г. Генеральная Ассамблея ООН запросила консультативное заключение Суда о правовых последствиях, вытекающих из политики и практики Израиля на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим. Кроме того, Генеральная Ассамблея приняла резолюцию, в которой запросила консультативное заключение по обязательствам государств в отношении изменения климата. Всего же на момент составления Доклада по состоянию на 30 июня 2023 г. на рассмотрении Суда было 18 дел, два из которых находились на стадии слушания или обсуждения.

Судебная деятельность Международного трибунала по морскому праву затрагивала два дела: в октябре 2022 г. состоялись открытые слушания

²⁰ См.: Кадышева О.В. Роль консультативных заключений в международном правосудии и в практике Суда ЕАЭС // Право. Журнал ВШЭ. 2022. Т. 15. № 1. С. 208–231.

по «Спору о делимитации морской границы между Маврикием и Мальдивскими Островами в Индийском океане (Маврикий/Мальдивские Острова)», а в ноябре 2022 г. Маршалловыми Островами было прекращено дело «О незамедлительном освобождении моторного танкера “Хероик Идун” (Маршалловы Острова против Экваториальной Гвинеи)».

В декабре 2022 г. Трибунал получил запрос от Комиссии малых островных государств по изменению климата и международному праву с просьбой дать консультативное заключение по правовым вопросам, касающимся конкретных обязательств государств – участников Конвенции ООН по морскому праву, включая охрану морской среды в связи с загрязнением и последствиями изменения климата.

Кроме того, вопросы морского права были рассмотрены двумя арбитражными трибуналами, учрежденными в соответствии с приложением VII к Конвенции ООН по морскому праву в отношении «Спора, касающегося прав прибрежного государства в Черном море, Азовском море и Керченском проливе (Украина против Российской Федерации)», и «Спора, касающегося задержания кораблей Военно-морских сил Украины и членов их экипажей (Украина против Российской Федерации)».

Давней симпатией ООН пользуется такой непопулярный в международном сообществе и оказывающий весьма малое воздействие на внедрение международного права, как Международный уголовный суд. В 2023 г. Организация Объединенных Наций продолжала сотрудничать с Международным уголовным судом, оказывая ему административную, правовую и материально-техническую поддержку в соответствии с соглашением о взаимоотношениях между обеими организациями, в том числе посредством обмена информацией и доказательствами, предоставления транспорта для полевых операций Суда и обеспечения их безопасности, а также содействия проведению допросов сотрудников ООН и даче ими свидетельских показаний. 15 декабря 2022 г. Апелляционная палата подтвердила осуждение Доминика Онгвена за 61 преступление, включающее преступления против человечности и военные преступления, совершенные в Северной Уганде в период с 1 июля 2002 г. по 31 декабря 2005 г.

После завершения основного разбирательства уголовными трибуналами по Руанде и бывшей Югославии было достигнуто соглашение о некоем «остаточном механизме». В 2023 г. этот механизм продолжал выполнять остаточные функции Международного уголовного трибунала по Руанде и Международного трибунала по бывшей Югославии. Механизм вынес апелляционное решение по делу Станишича и Симатовича 31 мая 2023 г. и продолжал рассмотрение дела Кабуги.

Канцелярия Прокурора продолжала прилагать усилия по поиску и аресту четырех оставшихся лиц, скрывающихся от правосудия, которые, как ожидается, предстанут перед судом в Руанде. 24 мая 2023 г. один из скрывающихся от правосудия, Фульгенс Кайишема, разыскиваемый за геноцид и преступления против человечности, предположительно совершенные в Руанде в 1994 г., был арестован в Южной Африке в ходе совместной операции Группы по розыску скрывающихся от правосудия лиц Канцелярии и южноафриканских властей.

Продолжают работать и такие «гибридные» судебные органы, как чрезвычайные уголовные палаты при верховных судах некоторых стран. 22 сентября 2022 г. Палата Верховного суда Чрезвычайных палат в судах Камбоджи вынесла решение по делу 002/02, а письменное решение было опубликовано 23 декабря 2022 г. Палата подтвердила обвинительные приговоры и пожизненное заключение в отношении Кхиэу Самфана за геноцид вьетнамцев, преступления против человечности и грубые нарушения Женевских конвенций, совершенные в различных местах в Камбодже в 1975–1979 гг. Этим решением Чрезвычайные палаты завершили рассмотрение своего последнего дела и 1 января 2023 г. вступили в остаточную фазу своей деятельности.

В июле 2022 г. Специальный трибунал по Ливану вступил в остаточную фазу своей деятельности. Генеральный секретарь ООН продлил мандат Трибунала с 1 марта 2023 г. до 31 декабря 2023 г. с ограниченной целью завершения выполнения остаточных несудебных функций и упорядоченного закрытия Трибунала.

Остаточный механизм Специального суда по Сьерра-Леоне продолжает выполнять свои функции, в том числе следить за исполнением приговоров в отношении лиц, осужденных Специальным судом, предоставлять услуги по поддержке находящимся под защитой свидетелям и рассматривать просьбы национальных органов власти об оказании помощи.

В рамках ООН в 2011 г. были созданы «организы расследования» – новые средства разрешения международных споров, не предусмотренные ст. 33 Устава ООН. Они, по существу, являются следственными комиссиями и все чаще используются в качестве ключевых участников борьбы с безнаказанностью и усилий по обеспечению верховенства права. Большинство из них были созданы для расследования предполагаемых нарушений в конкретных странах, а одно является тематическим²¹.

Международный беспристрастный и независимый механизм для содействия проведению расследований в отношении лиц, которые несут ответственность

²¹ См.: URL: www.ohchr.org/en/hr-bodies/hrc/co-is

за наиболее серьезные преступления по международному праву, совершенные в Сирийской Арабской Республике с марта 2011 г., и их судебному преследованию продолжал прилагать усилия для содействия процессу привлечения виновных к ответственности, как следует из его годового доклада Генеральной Ассамблеи ООН. Он расширил свое хранилище информации и доказательств и добился прогресса в своих структурных расследованиях. Кроме того, оказывал более значительную поддержку юрисдикционным органам, занимающимся расследованием преступлений, совершенных в Сирийской Арабской Республике, и осуществляющим судебное преследование в отношении виновных, на сегодняшний день оказал помощь в проведении 130 национальных расследований. В сентябре 2022 г. была принята гендерная стратегия, в которой излагается всеобъемлющее обязательство добиваться инклюзивного правосудия для жертв и пострадавших и способствовать преодолению неблагоприятных гендерных факторов²².

Следственная группа ООН по содействию привлечению к ответственности за преступления, совершенные ДАИШ/«Исламским государством Ирака и Леванта» (ЮНИТАД), продолжала оказывать помощь в обеспечении процесса привлечения к ответственности, о чем свидетельствует ее недавний доклад Совету Безопасности ООН. Она добилась прогресса в расследовании международных преступлений, совершенных против всех общин в Ираке, и уделила приоритетное внимание рассмотрению дел отдельных преступников.

Независимый механизм по расследованию для Мьянмы (Механизм) значительно расширил сбор информации и доказательств, включая показания свидетелей, и добился прогресса в своей аналитической работе. Как отражено в четвертом ежегодном докладе, представленном Совету по правам человека, Механизм продолжал сотрудничать с Международным уголовным судом, национальными следственными органами и сторонами по делу «Гамбия против Мьянмы», рассматриваемому Международным Судом ООН.

Сегодня система национальной безопасности нацелена на обеспечение безопасности общества (независимо от этнического, этического, расового и идеологического происхождения или приверженности его членов) и безопасности государства, а также на участие в обеспечении международной и глобальной безопасности.

Заключение

Таким образом, развитие подходов к обеспечению национальной и международной безопасности показывает все более широкое

²² См.: URL: <https://iiim.un.org/wp-content/uploads/2022/10/Gender-Strategy-ImplementationAbridgedEnglish.pdf>

признание необходимости не только военного, но и международно-правового обеспечения, т.е. прежде всего неизменная приверженность Уставу ООН и другим общепризнанным принципам и нормам, а также присоединение к важным международным договорам не участвующих в них государств; таким образом, на основе общепризнанных норм создается всемирная сеть единобразного правового регулирования, причем в формировании такой сети принимают участие как представители государств, так и межгосударственных, а также международных общественных организаций.

Эта всемирная сеть создается в процессе международного общения, но формирование данной сети невольно затрагивает и национальные правопорядки.

Еще одним аспектом международно-правового обеспечения национальной безопасности является добросовестное исполнение международных договоренностей, т.е. важность древнего принципа *pacta sunt servanda*. В силу этого логически возрастает важность средств разрешения международных споров; отсюда – возрастание числа разнообразных международных и квазимеждународных судебных учреждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галенская Л.Н. Международно-правовые аспекты национальной безопасности государства // Российский ежегодник международного права. 2019. СПб., 2019. С. 17.
2. Кадомцева М.Е. Концепция устойчивого развития: эволюция теоретических подходов и современное видение // Alter Economics. 2023. No. 20(1). Pp. 166–188. URL: <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.9> (дата обращения: 31.03.2024).
3. Кадышева О.В. Роль консультативных заключений в международном правосудии и в практике Суда ЕАЭС // Право. Журнал ВШЭ. 2022. Т. 15. № 1. С. 208–231.
4. Карташkin В.А. Верховенство международного права в мировой политике и на национальном уровне // Обозреватель – Observer. 2015. № 12. С. 112.
5. Мюллерсон Р.А. Роль и возможности международного права в создании ВСМБ // Всеобъемлющая система международной безопасности и международное право. М., 1987. С. 13.
6. Хохлышева О.О. Соотношение международно-правового обеспечения и регулирования системы международной коллективной и государственной (национальной) безопасности // Российский ежегодник международного права. 2019. С. 52, 64.
7. Andary A. Terrorism and counter-terrorism // The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social Theory, 2021.
8. Buzan B., Waever O. Regions und Powers: Structure of International Security. Cambridge, 2003.

9. Stephenson M. The Rule of Law as a Goal of Development Policy. URL: <http://go.worldbank.org/DZETJ85MD0> (дата обращения: 02.04.2024).
10. Zimmermann A. (ed). Unity and Diversity of International Law. Berlin, 2016.

REFERENCES

1. Galenskaya L.N. International legal aspects of national security of the state // The Russian Yearbook of International Law. 2019. SPb., 2019. P. 17 (in Russ.).
2. Kadomtseva M.E. The concept of sustainable development: evolution of theoretical approaches and modern vision // Alter Economics. 2023. No. 20(1). Pp. 166–188. URL: <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.9> (accessed: 31.03.2024) (in Russ.).
3. Kadysheva O.V. The role of advisory opinions in international justice and in the practice of the EAEU Court // Law. HSE Journal. 2022. Vol. 15. No. 1. Pp. 208–231 (in Russ.).
4. Kartashkin V.A. The supremacy of International Law in world politics and at the national level // Obozrevatel—Observer. 2015. No. 12. P. 112 (in Russ.).
5. Mullerson R.A. The role and possibilities of international law in the creation of the World Security Council // The comprehensive system of international security and International Law. M., 1987. P. 13 (in Russ.).
6. Khokhlysheva O.O. Correlation of international legal support and regulation of the system of international collective and state (national) security // The Russian Yearbook of International Law. 2019. Pp. 52, 64 (in Russ.).
7. Andary A. Terrorism and counter-terrorism // The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social Theory, 2021.
8. Buzan B., Waever O. Regions und Powers: Structure of International Security. Cambridge, 2003.
9. Stephenson M. The Rule of Law as a Goal of Development Policy. URL: <http://go.worldbank.org/DZETJ85MD0> (accessed: 02.04.2024).
10. Zimmermann A. (ed). Unity and Diversity of International Law. Berlin, 2016.

Сведения об авторе

ШИНКАРЕЦКАЯ Галина Георгиевна –
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник
сектора международного права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SHINKARETSKAYA Galina G. –
Doctor of Law,
Chief Researcher of the International Law Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 340.1

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТАХ СТАЛИНСКОГО ПЕРИОДА СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

© 2024 г. А. В. Никандров

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

E-mail: bobbio71@mail.ru

Поступила в редакцию 21.11.2023 г.

Аннотация. Статья посвящена анализу текстов и документов сталинской эпохи, в которых создавалась и развивалась теория социалистического государства. На основе исторического и научно-политического анализа автор прослеживает и воссоздает историю развития советской политической мысли сталинского периода истории СССР на пути создания целостной теории социалистического государства. Эта работа была сопряжена с серьезными проблемами, порожденными выраженными противоречиями создаваемой теории с рядом важнейших марксистских постулатов, а также с положениями ленинской доктрины диктатуры пролетариата. Автор приходит к выводу, что, исходя из этих причин, теория социалистического государства, которая была создана в сталинское время, до конца не освободилась от внутренних противоречий (прежде всего от дуализма диктатуры и народовластия), не пришла к ясным и строгим определениям важнейших категорий и, таким образом, не смогла обрести внутренней стройности и логичности.

Ключевые слова: социалистическое государство, государство диктатуры пролетариата, диктатура рабочего класса, советский народ, всенародное государство, суверенитет.

Цитирование: Никандров А. В. Развитие теории социалистического государства в политических текстах и правовых документах сталинского периода советской истории: проблемы и противоречия // Государство и право. 2024. № 4. С. 176–185.

DOI: 10.31857/S1026945224040168

DEVELOPMENT OF THE THEORY OF THE SOCIALIST STATE IN POLITICAL PUBLICATIONS AND LEGAL DOCUMENTS OF THE STALIN PERIOD OF SOVIET HISTORY: PROBLEMS AND CONTRADITIONS

© 2024 A. V. Nikandrov

Lomonosov Moscow State University

E-mail: bobbio71@mail.ru

Received 21.11.2023

Abstract. The article is devoted to an extended analysis of the most important texts of the Stalin era, in which the theory of the socialist state was presented. Based on historical and political analysis, the author traces and reconstructs the history of the development of Soviet political and legal thought of the Stalin period of Soviet history towards the creation of a well-founded and structured theory of the socialist state. This work was complicated by serious problems that arose due to serious contradictions between the theory they were creating and the most important Marxist principles, as well as with the main postulates of the Leninist doctrine of the dictatorship of the proletariat. The author comes to the conclusion that these reasons ultimately led to the situation that the theory of the socialist state created from the early 1930^s to the early 1950^s did not achieve internal structure and consistency. The Soviet theory of the state did not resolve its internal contradictions, of which the most important was the dualism of dictatorship and democracy. Thus, the Soviet theory of the socialist state of the Stalin era did not achieve internal harmony and logic.

Key words: Socialist state, state of the dictatorship of the proletariat, dictatorship of the working class, Soviet people, State of all the people, sovereignty.

For citation: Nikandrov, A.V. (2024). Development of the theory of the Socialist state in political publications and legal documents of the Stalin period of Soviet history: problems and contradictions // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 176–185.

Сталинская «пересборка» марксизма: цель и методы

Создание теории социалистического государства на основе наследия классиков марксизма-ленинизма — важнейшая задача, которая встала перед руководством СССР во главе с И. В. Сталиным. Базовая теория К. Маркса и Ф. Энгельса вместе с положениями и разработками В. И. Ленина предоставляли не так уж и много идей для решений именно в области теории социалистического государства, его природы, сущности и перспектив развития. Stalin получил противоречивое идеиное наследие, построить на основе которого убедительную и внутренне логичную теорию было нелегко. С одной стороны, из содержания и логики марксизма, и в особенности из ленинских работ, вытекало, что рожденное Октябрьской революцией Советское государство — это государство социалистического, то есть нового и высшего типа по сравнению со всеми предшествующими. Поэтому от его строителей оно потребует и теории государства такого же, нового и высшего типа, — задача, по сути, революционная по отношению ко всей мировой государствоведческой и философско-политической мысли. С другой стороны, из той же логики марксизма, даже и в его ленинском развитии, вытекало, что социалистическое государство, будучи государственной формой переходного от капитализма к социализму периода, носит в силу этого временный характер, и потому для общей теории коммунизма самостоятельного интереса не представляет.

Основное внимание В. И. Ленина было сосредоточено на разработке учения о партии и о роли пролетариата в революции, а после Октября — на доктрине диктатуры пролетариата и на теории государства диктатуры пролетариата. При этом важное место в ленинской мысли занимало учение о Советах и советской власти как о государственной форме диктатуры пролетариата. Особое значение имеют и ленинские идеи о классах при социализме; и его разработки, увы, фрагментарные, о социалистическом государстве как таковом¹; и контуры теории построения

социализма в одной стране. Перед И. В. Сталиным история поставила задачу создания социалистического государства в его «плоти» — в одной стране, без мировой революции и без поддержки мирового пролетариата (который на деле был лишь конструктом марксизма). Но без теории строить государство нового типа было невозможно, а эта теория должна быть хотя бы формально построенной на марксистско-ленинском учении. Советское государство в теории — не говоря уже о практике — должно быть выстроено и представлено не как отмирающее, но как сильное и становящееся с ходом времени все более сильным, не «полугосударством», а скорее «сверхгосударством».

Первым результатом стала разработка исходной концепции строительства социализма в одной стране — в этом И. В. Сталину принадлежит решающая роль, хотя содержательно истоки ее обнаруживаются в заметках и выступлениях Ленина 1921–1923 гг. и в работах Н. И. Бухарина 20-х годов. Решающая роль И. В. Сталина состоит в открыто не формулируемом отказе от установки, суть которой состояла в том, что государство может на деле, на практике, а не только на словах или в теории, признавать цели и приоритеты, стоящие выше него, и подчиняться им: например, мировую революцию как свою цель; принцип пролетарского интернационализма, заключающийся в признании пролетариата ведущим классом мировой истории, интересы которого стоят выше интересов любого отдельного класса или государства; принцип диктатуры пролетариата, т.е. превосходства одного класса над другими классами и слоями, и даже над самим государством. Эти три принципа, как бы острые углы марксизма, были встроены в доктрину Советского государства как государства диктатуры пролетариата, которая полагалась выражением природы и сущности Советского государства, тогда как декларируемая форма — Республика Советов — к такому пониманию сущности государства ничего, по сути дела, не добавляла, равно как и риторика «пролетарской демократии».

Если цель построения социализма в СССР без ожидания мировой революции, надежды на которую у значительной части большевиков быстро угасли, не вызвала серьезных споров со стороны соратников; если пролетарский интернационализм было достаточно признавать только риторически; — то доктрина диктатуры пролетариата, воплощенная на практике, стала препятствовать созданию теории государства социализма. Поэтому первые самостоятельные идеиные опыты, а затем и решения ex cathedra, были

¹ Это ремарка о различии ленинского понимания государства диктатуры пролетариата и государства при социализме принципиальная. А. П. Косицын подчеркивает, что «анализ ленинских трудов убедительно показывает, что он проводил четкое различие между государством диктатуры пролетариата и государством в социалистическом обществе» (см.: Косицын А.П. Государство, рожденное Октябрем. М., 1987. С. 204).

проводены И. В. Сталиным именно с этой марксистско-ленинской конструкцией. Основание было более чем достаточное: несмотря на то, что теория государства диктатуры пролетариата, помимо мобилизующей (которая для теории государства приоритетом не является), обладала и значительной объясняющей силой (благодаря ей можно вписать партию в систему государства); — но, как сам пролетариат не мог быть источником государства и права, так и концепт диктатуры пролетариата не мог быть основой для теории государства.

И. В. Сталину было изначально очевидно, что, поскольку марксистская эсхатологическая картина мира со все-побеждающим пролетариатом и его мировой диктатурой оказалась миражом, то источником государства и права в СССР может быть только советский народ. Создать такую теорию на марксистской основе и на «марксистском языке» было крайне сложно: признание народа сувереном вело к необходимости признания общенародного, т.е. общеклассового государства, стоящего над классами, служащего обществу в его целостности. Это должно было быть осуществлено без потери хотя бы риторической марксистской релевантности — при том, что марксизм с его пролетарским революционариазмом и мессианизмом плохо укладывался в нужные схемы и оказывал сопротивление попыткам его «национализации» и «демократизации».

Теоретические операции И. В. Сталина можно квалифицировать как работу с концептом диктатуры пролетариата, который он как бы достраивал вслед за Лениным, предлагая разные алгоритмы концептуализации. Сначала Stalin исподволь станет заменять «диктатуру пролетариата» на «диктатуру рабочего класса»; а перед этим — «пролетариат» на «рабочий класс СССР», как бы государственный класс. По той же схеме будет построен и алгоритм «государственной прописки» партии большевиков, которую И. В. Stalin задолго до XIX съезда партии нередко именовал «Коммунистической партией СССР»². Как бы мимоходом говорил И. В. Stalin и о бесклассовом социалистическом обществе (например, в 1927 г.³). Эти «оговорки» были скорее «прроверочными», а первое крупное вмешательство в марксизм с подачи И. В. Сталина предпринимает В. М. Молотов.

В 1929 г. на конференции аграрников-марксистов И. В. Stalin поставил задачу, «чтобы теоретическая работа не только поспевала за практикой, но и опережала ее»⁴. И вот В. М. Молотов в докладе «О второй пятилетке» на XVII конференции ВКП(б) (1932) совершают такой «обгон теории», что оставляет ее далеко позади: он утверждает, что «основной политической задачей второй пятилетки являются окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию... превращение всего трудящегося населения в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества»⁵. О таком источнике классовых различий, как товарное производство, В. М. Молотов не говорит, ликвидация денег в порядок дня не ставится, — «только» ликвидация классов. Очевидно, что в такой постановке цель «создания бесклассового социалистического общества», как и сам этот провокационно звучавший термин (явно

² К примеру, в докладе 1936 г. «О проекте Конституции Союза ССР» (см.: Stalin I. В. Соч. М., 1997. Т. 14. С. 136).

³ См.: там же. М., 1952. Т. 10. С. 240.

⁴ Там же. М., 1949. Т. 12. С. 142.

⁵ XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1932. С. 143.

свидетельствующий, что новаторство В. М. Молотова было инспирировано И. В. Stalinым), — все это шло наперекор марксизму. Но риторике было что предложить для компенсации принципа ликвидации классов (а значит, и пролетариата): перспективная ликвидация диктатуры пролетариата диалектически уравновешивалась ее усилением: главным методом достижения поставленной цели В. М. Молотов в духе тех лет полагает усиление пролетарского государства. Его не смущает, что вектор построения бесклассового общества совпадает с вектором исчезновения пролетариата и государства. Акцент делался не на построении бесклассового общества, а на усилении диктатуры пролетариата и классовой борьбы. Риторика была такова, что если до конца осмысливать высказывания в литературе 1932—1939 гг., то выходило, что поскольку сама мысль об ослаблении диктатуры пролетариата была в те годы невыносимой, поскольку пролетариат вместе со своей диктатурой и партией продолжит классовую борьбу и *после* построения бесклассового общества. Само бесклассовое общество было конструкцией «апофатической», какое-либо ее расширение отсутствовало. Однако цель построения бесклассового социалистического общества была озвучена именно в такой непривычной для марксистов формулировке не просто так: первонациально на основе разрешения этой задачи предполагалось провозгласить всенародное государство. Год спустя после XVII партконференции И. В. Stalin выдвигнет тезис об отмирании государства через его максимальное усиление — тезис не столько диалектический, сколько ироничный по отношению к чужой ему идеи отмирания государства.

Конструкция социалистического государства в Конституции СССР 1936 г.: острые углы марксизма и диспропорции теории

Пролетарская диктатура усиливалась, Советское государство укреплялось, а международное положение между тем обретало новые контуры. С одной стороны, по мере построения социализма все более неотложной становилась проблема построения теории государства социализма; с другой — в международной области все более неудобной становилась презентация Советского государства как диктатуры пролетариата, целью которой было «революционное расширение», т.е. мировая революция. Зарубежные государства не могли не оценивать такую риторику иначе как агрессивную. Приемлемой формой государства была демократическая республика. Форма Советского государства была как раз республиканской и перспективно демократической, и достаточно было переоформить Советы в качестве народных. Но сущность Советского государства⁶ состояла в том, что оно было государством диктатуры пролетариата, а Республика Советов официально определялась как государственная форма диктатуры, — и это было существенной проблемой. Как удачно подмечает А. В. Елисеев, «не очень удобным было и говорить о диктатуре. Ведь диктатура — это власть, особо не связанная никакими законами. А И. В. Stalin хотел, чтобы создаваемая им государственно-политическая система

⁶ Понятие *сущности* государства применительно к Советскому государству было не столько противоречивым, сколько изначально подчиненным марксистскому постулату о классовой природе, а значит, и сущности государства, т.е. «проблема сущности государства» не была проблемой, ибо имела автоматическое решение. В литературе сталинских лет различие между природой и сущностью государства не проводилось, а послесталинский дискурс, более склонный к холистике, привел к положению о том, что природа Советского государства — классовая, а сущность — демократическая.

основывалась на твердой правовой базе, которая выглядела бы лучше, чем выглядела таковая на Западе»⁷.

Ю.Н. Жуков, утверждая, что кардинальное изменение курса СССР произошло в 1934 г., и анализируя сталинское выступление на XVII съезде, приходит к выводу, что его смысл состоял в том, что «отныне единственной для ВКП(б) задачей должно было стать отстаивание, обеспечение национальной безопасности страны, а не становившейся все более призрачной идеи пролетарской солидарности и связанных с нею интересов мировой революции»⁸. На съезде была поставлена задача конституционного отражения успехов СССР в строительстве социализма. Как показано в работе Ю. Хаски, если 1931 г. стал годом начала отказа от правового нигилизма и возвращения к правовым нормам, то для 1934 г. характерно начало воссоздания стабильного свода правовых норм⁹. В русле этой тенденции идет и сама идея новой Конституции, нового Основного Закона.

Тезис об обществе без классов стал основанием для первых вариантов Конституции: «Черновой набросок проекта Конституции СССР», составленный в начале 1936 г. специальной редакционной группой в составе А.И. Стецкого, Б.М. Таля и Я.А. Яковлева, определял СССР как социалистическое государство свободных тружеников города и деревни; при этом специально оговаривалось, что «в Союзе ССР уничтожено деление на классы»¹⁰. Депутаты именовались народными, верховный орган власти — Советом Народных Депутатов¹¹. К концу апреля 1936 г. был составлен «Первоначальный проект Конституции СССР», в котором заявление об уничтожении классов отсутствовало, но формула «социалистическое государство свободных тружеников города и деревни» сохранилась¹². Ю.Н. Жуков пишет о том, что в ходе работы над проектом Конституции выявились «принципиальные, идеальные разногласия между группой Сталина и видными в прошлом ортодоксальными партийными деятелями, отказывающимися поступиться своими принципами»¹³. Эти трудности, по его мнению, и определили противоречивый и компромиссный характер документа. Но развитие могло пойти и по другому, новаторскому, пути.

В апреле-мае в советской партийно-политической прессе, в том числе и в журнале «Большевик», фиксируются многочисленные публикации, авторы которых — Я.Л. Берман, Н.А. Вознесенский, А.Я. Вышинский, В.Г. Кнорин, М.Б. Митин, Е.Б. Пашуканис, А.И. Стецкий, П.Ф. Юдин и др., — называют СССР всенародным, или подлинно народным государством¹⁴; а Н.И. Челяпова — «социалисти-

ческим, доподлинно всенародным государством» и одновременно «всенародным социалистическим государством рабочих и крестьян»¹⁵. В этих текстах нет определений всенародного государства — они были предложены только после 1961 г.¹⁶ Нет в этих работах и особого, специально выделенного определения народа, тем более как источника или «обладателя» всенародного государства. Полностью сохраняется «пишет» в отношении к диктатуре рабочего класса: самостоятельно к идее исчерпания диктатурой силы советская мысль без «высокой инспирации» прийти не могла. Есть и работы, в которых можно увидеть завуалированный намек на эту идею, — это, к примеру, статья А.И. Стецкого «Социализм и коммунизм». Говоря об СССР как о государстве, «которое действительно впервые в истории является действительным представителем *всего общества*, а не класса», он утверждает, что процессы его развития «уже на наших глазах ведут к превращению Советского государства, являющегося формой диктатуры рабочего класса, в государственную форму социалистического общества»¹⁷. Тут нельзя констатировать прямое отрицание диктатуры, однако сложно не заметить и попытки ее «обхода».

Возвращаясь к утверждению Ю.Н. Жукова о сопротивлении ортодоксов, можно спорить, кто из участников разработки проекта Конституции был ортодоксом, а кто новатором; но бесспорно одно: главным ортодоксом и новатором одновременно был И.В. Сталин; только ортодокс в нем победил. В любом случае, единственная вероятная версия причины кратковременного всплеска риторики всенародного государства состоит в том, что тут не обошлось без инспирации И.В. Сталина. Учитывая же все то, что стало известно о проекте Программы ВКП(б) 1947 г.,¹⁸ вполне обоснованной можно считать гипотезу о том, термин «всенародное государство» апробировался с целью его включения в проект Конституции 1936 г. — сразу¹⁹ или по итогам всенародного обсуждения; но в какой-то момент руководство отказалось от этой идеи. Заметим, что определения «всенародное» или «общенародное» в отношении к Советскому государству, за исключением публикаций апреля—мая 1936 г., до 1961 г. не фиксируются *ни в одном* тексте.

Объявление Республики Советов всенародным государством было бы логичным решением, которое могло бы дать теории «ясность перспективы» и решить проблему «новой сущности» государства: СССР — социалистическое всенародное государство бесклассового социалистического общества свободных тружеников, которое в римском

⁷ Елисеев А. Преданный социализм. М., 2018. С. 142, 143.

⁸ Жуков Ю.Н. Народная империя Сталина. М., 2022. С. 16.

⁹ См.: Хаски Ю. Российская адвокатура и советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры. 1917–1939. М., 1993. С. 140–143.

¹⁰ Берхин И.Б. К истории разработки Конституции СССР 1936 г. // Строительство Советского государства: сб. ст. к 70-летию Э.Б. Генкиной / под ред. Ю.А. Полякова. М., 1972. С. 70.

¹¹ См.: там же. С. 66.

¹² См.: там же. С. 70.

¹³ Жуков Ю.Н. Указ соч. С. 89.

¹⁴ См., в особенности: Кнорин В. Социализм и народ // Большевик. 1936. № 9. С. 11–21; Митин М. О ликвидации классов в СССР и о социалистическом, всенародном государстве // Под знаменем марксизма. 1936. № 5. С. 1–28; Пашуканис Е. Всенародное советское государство // Вопросы текущей политики. 1936. Вып. 22. С. 48–52; Стецкий А. О ликвидации классов в СССР // Большевик. 1936. № 11. С. 8–29; Юдин П. О государстве при социализме // Большевик. 1936. № 8. С. 43–60.

¹⁵ Челяпov H. Всеобщее, прямое, равное избирательное право при тайном голосовании // Вопросы текущей политики. 1936. Вып. 22. С. 68.

¹⁶ По определению А.П. Косицына, всенародное государство — это «политическая организация всего народа, осуществляющего свой суверенитет в полном объеме и без всяких ограничений» (см.: Косицын А.П. Государство всего народа. М., 1963. С. 60). С точки зрения Ф.М. Бурлацкого, «общенародное государство есть орган власти всего народа. Народ — единственный источник власти, верховный законодатель, верховный исполнитель и верховный судья в государстве» (см.: Бурлацкий Ф.М. Государство и коммунизм. М., 1963. С. 123).

¹⁷ Стецкий А. Социализм и коммунизм // Стецкий А. Победа социализма в СССР и новая Советская Конституция. М., 1936. С. 152.

¹⁸ См. прежде всего: Трушков В.В. Неизвестная программа ВКП(б). М., 2018. Предназначался ли проект для вынесения на общепартийное обсуждение или для принятия сразу, с формальным обсуждением, не ясно.

¹⁹ А.И. Стецкий утверждал, что «наше государство является в насторожнее время действительно государством всенародным, и это будет отражено в новой Конституции Советского союза» (см.: Стецкий А. О ликвидации классов в СССР. С. 27). Эта статья была опубликована в журнале «Большевик» в № 11, а проект Конституции — в № 12.

республиканском духе является всенародной собственностью, *res populi*, — такой же, как и средства производства, земля и т.д. (а ведь, если судить по тексту в его существе, то именно такое государство и описывает Конституция 1936 г.). В самом деле, социалистическое государство, поскольку оно *государство* — необходимым образом классовое; но поскольку оно *социалистическое* — то не менее необходимым образом, но в потенции, бесклассовое (государство бесклассового общества), т.е. всенародное, в чем и состоит его демократическая сущность. Такова и ленинская диалектика: чем «всенароднее» государство, тем меньше в нем государства. Ясно, что в сталинской мысли всенародное государство могло пониматься только как сверхсильное, т.е. государство не в ленинском, а в римском смысле, причем ближе к имперскому Риму. Видимо, по этой причине в сталинской теории, несмотря на риторику «дружественного сотрудничества» классов и наций в СССР, совершенно не получила выраженного развития идея, говоря современным языком, консенсуальной природы социалистического государства.

И. В. Сталин понимал, что провозглашение всенародного государства порождает спектр новых проблем, связанных с дальнейшим марксистским конструированием теории государства: всенародное значит общеклассовое, т.е. необходима констатация того, что общество стало бесклассовым; а как и куда двигаться государствоведческой мысли по этому новому пути и как дальше конструировать государство, было непонятно. Но не только это было препятствием: в конце концов, в проекте Программы ВКП(б) 1947 г. СССР и при сохранении классов был объявлен всенародным государством, а в 1961 г. этот проект в переработанном виде, но с сохранением важнейших новаций, был принят. В послесталинской науке прочно утвердится положение о том, что «перерастание государства диктатуры пролетариата в общенародное не влечет за собой утрату его классовой природы»²⁰. Другим не менее серьезным «острым углом» была партия и ее роль в обществе и государстве.

В интервью Р. Говарду в марте 1936 г. И. В. Сталин говорит о «свободных тружениках города и деревни» и называет конкретные группы этих тружеников не классами, а «прослойками»; он то утверждает, что «классов нет», то говорит о том, что грани между ними стираются. Подводя своего собеседника к тому выводу, что в СССР, «где нет нескольких классов, не может быть нескольких партий, ибо партия есть часть класса»²¹, Сталин имеет в виду простую мысль: где единое государство, там и единая государственная партия, объемлющая весь народ и сообщающая ему единство; но прямо ее высказать не может. В итоге он запутывает собеседника и запутывается сам: по логике его пассажа в СССР нет почвы и для одной партии (что не укрылось от Л.Д. Троцкого и от западных критиков). Видимо, поняв, что избавиться от классов простым переименованием их в слои или прослойки не получится, И. В. Сталин решил не совершать «резких движений»: если нежизнеспособная в государственно-правовом плане конструкция «свободные труженики города и деревни» им отбрасывается, то концепт всенародного государства, перспективно подходящий, откладывается в «теоретический запас» до 1947 г.

Итак, в 1936 г. И. В. Сталин отказался от ясного ответа на вопрос о сущности Советского государства, т.е. от идеи

²⁰ Советское государственное строительство и право: курс лекций / под ред. Д.А. Керимова. М., 1982. С. 132.

²¹ Сталин И. В. Соч. Т. 14. С. 111.

всенародного государства, и настоял на определении СССР как социалистического государства рабочих и крестьян²², т.е. на бескачественном определении, которое не отвечало на вопрос, каким именно государством стал СССР, ведь социалистическим он был изначально. Это определение ст. 1 Конституции 1936 г. является отправным, но, если рассматривать текст новой Конституции не сам по себе, а вместе с докладом И. В. Сталина «О проекте Конституции Союза ССР», то читающему слова первой статьи должно быть ясно, что классы, обозначенные в ней — новые. «Бесклассовое общество» не прошло, и для «utiлизации» диктатуры пролетариата в области теории необходимо было поработать с содержанием понятия классов в СССР, особенно рабочего класса; и уже на этом основании — диктатуры пролетариата. В этом докладе Сталин прибегает к риторическому приему представления классов советского общества как «совершенно новых». «Пролетариат» Сталин как бы отменяет — этот класс полагается отныне именовать «рабочим классом СССР». Два класса советского общества объявляются дружественными, что с точки зрения марксизма звучит непривычно. Переосмыслению подвергается и «диктатура рабочего класса»: хотя, по Сталину, режим диктатуры рабочего класса остается в силе, в новом теоретическом оформлении она представлена как «государственное руководство обществом (диктатура)²³. Сталин не решается выйти за пределы действующей идеологии, и, вынужденный оперировать исключительно марксистскими терминами и лексикой, постоянно наталкивается на трудности, задаваемые марксизмом.

Советский народ, диктатура рабочего класса и проблема «двойного» суверенитета

Итак, И. В. Сталин назвал классы в СССР «совершенно новыми», но применить это определение к диктатуре рабочего класса не решился. Тем не менее она получает две новых интерпретации — определения «государственное руководство» и «режим»; и два новых «модуса»: в ст. 1 рабочий класс, властвующий единолично (что составляло суть его диктатуры), теперь разделил власть с крестьянством, а в ст. 2 диктатура перемещается в прошлое. Помимо того, что сталинская интерпретация новизны Конституции во многом противоречит ее тексту (например, новеллу ст. 1 И. В. Сталин трактует как расширение социальной базы диктатуры рабочего класса), из первых трех статей Конституции, находящихся в противоречии друг с другом²⁴, сле-

²² Часть этой формулы, выражение «и крестьянства», говорит о многом: «и крестьянства», а не «в союзе с крестьянством» означает, по сути, то, что диктатура рабочего класса поставлена под сомнение, ведь формула «союз рабочего класса с крестьянством» являлась инвариантным формулой «диктатура рабочего класса».

²³ В послесталинской мысли эта формулировка вызывала критику. Так, А. П. Косицын говорит о догматическом характере «известного определения пролетариата как государственного руководства обществом со стороны рабочего класса, которое дал в 1936 году И. В. Сталин в докладе о проекте Конституции» (см.: Косицын А. П. Государство всего народа. С. 66). Уже при Сталине эта формула выходит из широкой ротации и заменяется положением о руководящей роли рабочего класса.

²⁴ М. С. Шагинян пишет: «Некоторых читателей смущают три первых статьи первой главы Конституции. В первой статье — у нас государство рабочих и крестьян, во второй — у нас советы депутатов трудающихся, в третьей — вся власть у нас принадлежит трудающимся города и деревни. Некоторые воспринимают это как различие и предлагают всюду ставить одно определение: “трудящиеся”. лично мне кажется, что эти обозначения поставлены не зря, что они дают историческую функцию развития нашего населения, и менять их сейчас — значит лишить Конституцию историчности, уничтожить память о социальном

дует, что *руководство* (диктатура в «новой» формулировке) принадлежит рабочему классу, а *власть* («диктатура» в марксистской формулировке) – трудящимся, а не пролетариату. Однако официальной «отставки», как в проекте Программы ВКП(б) 1947 г. и в третьей Программе КПСС 1961 г., диктатура пролетариата не получит. Как было отмечено ранее, одной из причин оставления диктатуры в силе было то, что Сталина останавливал статус партии в предполагаемой новой конструкции всенародного государства: вписать партию рабочего класса в него, т.е. одновременно переконструировать и государство, и партию, было сложно: во всяком случае, партия должна быть переоформлена до принятия новой Конституции. Но никаких свидетельств того, что и партия будет представляться «совершенно новой», не было, – за исключением апрельско-майских публикаций 1936 г., в которых можно встретить идею партии всего народа («официально» проведенную только в третьей Программе КПСС в 1961 г.). Так, В.Г. Кнорин пишет, что «наша большевистская партия, партия Ленина – Сталина является представителем интересов всего народа, *партией всего народа*²⁵». М.Б. Митин утверждает, что «наша партия выступает единственной и подлинно народной партией»²⁶.

Обновления в репрезентации партии в советском обществе будут производиться осторожно. Первые выборы в Верховный Совет проходят на основе блока (союза) коммунистов с беспартийными, на основании чего партия в советской риторике все чаще именуется авангардом трудящихся. Около 1947 г. апробируется положение о партии как ядре всех организаций трудящихся, – своего рода структурная интерпретация авангардной роли партии. Партия – перспективно авангард народа, но ведь сам и «народ» еще не оформлен теоретически: Конституция не говорит о народе как о политическом целом, заменяя его понятием-субститутом «трудящиеся» (с которыми легче увязать рабочий класс и его руководящую роль). При этом было очевидно, что речь в ней шла, без сомнений, о народе²⁷, и поэтому в литературе начиная с 1936 г. понятия «народ», «советский народ», «подлинно народное государство» получают стабильную прописку, – но «яичным порядком», без высокой «партийной концептуализации». Советские ученые и идеологи начинают все чаще говорить о советском демократизме и расцвете социалистической демократии. Начинается теоретическая работа с самим понятием «народ»: как оно меняется при социализме, с исчезновением классового антагонизма и установлением дружественности классов; каким образом реализуется единство народа и партии, народа и государства. Вводится положение о «морально-политическом единстве Советского народа» (установившемся, разумеется, на основе союза рабочего класса и крестьянства, под руководством партии): «партийно-документальное» оформление его проводится в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938)²⁸. Уже в сталинское время формулируется принцип советского народа как

происхождении первого в мире социалистического государства. Кроме того, здесь дается и указание на то, что хотя грани между классами у нас стираются, все же остаются еще и известные некоренные отличия» (см.: Шагинян М. Дневник депутата Моссовета. М., 1936. С. 90, 91).

²⁵ Кнорин В. Указ. соч. С. 21.

²⁶ Митин М. Указ. соч. С. 8.

²⁷ А.П. Косицын будет писать, что под «трудящимися» «имелся в виду весь советский народ, поскольку в социалистическом обществе все взрослое население является трудящимися, и в этом смысле понятия «народ» и «трудящиеся» практически совпадали» (см.: Косицын А.П. Государство, рожденное Октябрьем. С. 213).

²⁸ См.: История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 336.

новой исторической общности людей²⁹. Однако, если не считать «Краткий курс», ни в каких иных программных и юридических документах сталинской эпохи, включая произведения и выступления И.В. Сталина, «советский народ» на уровень суверена и источника государства и права не выходит. Впервые на высоком уровне партийного дискурса о советском народе говорит В.М. Молотов в 1937 г. Развивая мысль о дружном блоке коммунистов с беспартийными, т.е. партии со всем народом, и проводя идею о коммунистах как об авангарде народа, он утверждает: «Мы построили новое государство, сложили новое общество, создали новый, советской народ»³⁰. Как видно, государство здесь первично, народ – вторичен.

Риторика советского народа в литературе постепенно усиливается – но не слабеет и риторика диктатуры рабочего класса. Два эти концепта до 1961 г. имели приблизительно одинаковый, не до конца ясный статус. Да, нетрудно было увидеть, что, говоря словами А.П. Косицына, «в Конституции не было ни одной статьи, закрепляющей политическое господство рабочего класса, т.е. диктатуру пролетариата»; и это понятие в ней «обращалось к прошлому, к первому этапу развития социалистической государственности»³¹. Равным же образом три первые статьи Конституции 1936 г. ясно прочитывались как выведение диктатуры из актуальной действительности. Однако в те годы такие выводы, из каких бы текстов и с какой бы очевидностью и необходимостью они ни вытекали, без сталинской инспирации сделать было невозможно. К тому же диктатура рабочего класса, пусть и почти вытесненная из Конституции, сохранялась в литературе и риторике в силу колоссальной инерции советской мысли: на стороне диктатуры стояла вся мощь марксистской доктрины. Этим концептам приходилось не только уживаться, но и объединяться.

Возьмем работу тех лет, в которой в развернутом виде представлено учение о советском народе как о суверене³², действующем, однако, в рамках диктатуры рабочего класса, – это монография В.А. Дорогина 1948 г. Автор предлагает противоречивую, но характерную для той эпохи конструкцию «двойного» (народного и «классового») суверенитета в СССР. Суммарная, она же исходная, формула сжато выражает это противоречие: «В советском обществе суверенитет означает верховенство власти рабочего класса, стоящего во главе народа»³³. Получается, что народ играет подчиненную роль, и автор пытается избавиться от такого впечатления, проводя принцип исторического развития «перехода суверенитета» во второй фазе (т.е. после принятия Конституции 1936 г.), но не может уйти от всемогущего рабочего класса: «В Советском государстве вся полнота власти принадлежит рабочему классу, осуществляющему свою диктатуру в интересах большинства, а во второй фазе – в интересах всего народа»³⁴. Исходя из этого, В.А. Дорогин делает вывод о том, что в СССР «осуществлен суверенитет народа. Социалистическая природа Советского

²⁹ На высоком партийном уровне это положение было впервые озвучено в докладе Н.С. Хрущева на XXII съезде, но «официально» проведено только на XXIV съезде КПСС (1971).

³⁰ Молотов В.М. Об избирательном блоке коммунистов с беспартийными. М., 1937. С. 5.

³¹ Косицын А.П. Государство, рожденное Октябрьем. С. 212.

³² Концепты французского происхождения (*souverain*, *souveraineté*), в дореволюционной политической мысли и при диктатуре пролетариата излишне, после принятия Конституции 1936 г. впервые вводились в теорию государства.

³³ Дорогин В. Суверенитет в советском государственном праве. М., 1948. С. 40.

³⁴ Там же. С. 44.

государства, его последовательный демократизм обеспечивают подлинный, реальный суверенитет советского народа»³⁵. Неумолимая логика диктатуры вынуждает автора вновь возвратиться к ней, когда он рассуждает о классовой природе советской власти: «В Советском социалистическом государстве суверенитет является свойством Советской власти. Советская власть есть государственная форма диктатуры рабочего класса»³⁶. Советский народ не может быть помыслен без рабочего класса во главе: подчеркивая, что «только в такой своей характеристике, включающей принцип диктатуры рабочего класса, советский народ выступает политически и юридически в качестве носителя суверенитета», ученый делает вывод: «характеристика советского народа как носителя суверенитета в советском государственном праве не противоречит диктатуре рабочего класса»³⁷.

Следует заметить, что уже в одной из первых, если не в самой первой работе, посвященной проблеме суверенитета в СССР (а это известная публикация И.П. Трайнина 1938 г.), суверенитет советского народа уравновешивается «встроенной» диктатурой рабочего класса: «Это суверенитет, действительно всенародный. Советы – государственная форма диктатуры рабочего класса – являются подлинными и самыми демократическими выразителями воли советского народа»³⁸. В известном учебнике С.А. Голунского и М.С. Строговича 1940 г., с одной стороны, авторы фактически проводят идею о всенародном государстве: «социалистическое государство является всенародной организацией»³⁹; с другой – это государство одновременно трактуется как диктатура рабочего класса, – именно так авторы учебника прочитывают первые две статьи Конституции 1936 г.⁴⁰ (хотя на деле они прочитывают, как выясняено, обратным образом). Впервые же в риторике слово «суверенитет» появляется 13 июня 1936 г. на страницах «Правды»: «Самодержавие народа – так переводил Ленин слово демократия. Это самодержавие народа, его верховную власть, ничем не ограниченный суверенитет выражает Верховный Совет СССР, советский парламент, первый подлинно народный парламент в мире». И далее, «проект Конституции формирует и уточняет основные законы диктатуры пролетариата»⁴¹.

И.Д. Левин, автор влиятельной работы о суверенитете 1948 г., пытается избежать двойственности в трактовке суверенитета и, принимая аксиомы о том, что советское общество еще не бесклассовое, и рабочий класс в нем играет руководящую роль, полагает все же, что «было бы глубоко ошибочно отождествлять диктатуру с суверенитетом и противопоставлять рабочий класс в качестве политического суверена другому классу – крестьянству»⁴². Ученый конструирует что-то

³⁵ Дорогин В. Указ. соч. С. 67.

³⁶ Там же. С. 68.

³⁷ Там же. С. 92.

³⁸ Трайнин И. К вопросу о суверенитете // Сов. государство. 1938. № 2. С. 90.

³⁹ Голунский С.А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940. С. 33.

⁴⁰ Там же. С. 116.

⁴¹ Сталинская Конституция победившего социализма // Правда. 1936. 13 июня. С. 4. Концепт «самодержавие народа», развитием которого является концепт «всенародное государство», в свою очередь, есть результат развития доктрины о «peuple souverain» Ж.-Ж. Руссо. «Самодержавие народа» фигурирует в первой Программе РСДРП (1902), куда первоначально его внес Г.В. Плеханов при поддержке В.И. Ленина. Впервые же «самодержавие народа» появляется у Л.А. Тихомирова в его народовольческий период.

⁴² Левин И.Д. Суверенитет. СПб., 2003. С. 270.

вроде «встроенного» суверенитета: суверенитет в СССР имеет классовую природу, но его носителем полагается «трудящийся народ», суверенитет которого обеспечивается диктатурой рабочего класса⁴³. Итоговая формула И.Д. Левина получается расплывчатой: «В социалистическом обществе политическим сувереном является само общество, трудящиеся города и деревни, возглавляемые рабочим классом...»⁴⁴.

Диктатура или народовластие: дилемма оставлена в силе

Итак, в 1936 г. И.В. Сталин не смог вырваться из тисков марксизма и достроить советскую теорию до всенародного государства. Это положение не изменится и после 1936 г. Надо заметить, что Сталин и сам это понимал: на одном из заседаний Политбюро 1938 г., посвященных обсуждения проекта постановления о партийной пропаганде в связи с выходом «Краткого курса истории ВКП(б)», на замечание, что неплохо было бы в этом документе затронуть и вопрос о государстве, т.к. тут имеется много путаницы, И.В. Сталин ответил: «У нас вообще нет ни одного документа, который бы давал ответ на этот вопрос»⁴⁵. В «Кратком курсе» проводится важная идея: если Конституция 1936 г., констатируя то, что в нашей стране осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм, юридически закрепляет этот факт; то «Краткий курс» как бы навязывает Конституции новую трактовку: заявляется, что Конституция закрепила «факт, что СССР вступил в новую полосу развития, в полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунистическому обществу»⁴⁶. На XVIII съезде в своем докладе В.М. Молотов утверждает: «Советский Союз вступил в новую полосу, в полосу завершения построения бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму»⁴⁷ (это общий рефрен съезда, формула вошла в его резолюции). Благодаря слову «полоса» формула о «новой полосе развития» приобретает расплывчатый вид, становясь, по сути, метафорой. Смысль этой формулировки состоит, вероятно, в усилении мысли о новизне Советского государства; или же эта формула представляет собой реликт каких-то неизвестных исследователям споров (возможно, опять-таки между ортодоксами и новаторами). После XVIII съезда положения о «новой полосе» и о бесклассовом обществе исчезают из советского дискурса.

В Отчетном докладе на XVIII съезде Сталин ставит «вопрос о государстве вообще, особенно о нашем социалистическом государстве»⁴⁸, причем ставит его решительно, признавая, что невнимание к вопросам теории возникло, с одной стороны, «на почве недоработанности и недостаточности некоторых общих положений учения марксизма о государстве», а с другой – «вследствие нашего непозволительно-беспечного отношения к вопросам теории государства»⁴⁹. Далее Сталин, по идее, должен был внести ясность в важнейшие вопросы теории государства. Вместо этого он озвучил две невнятные формулы – о фазах Советского государства и о государстве при

⁴³ См.: там же. С. 272.

⁴⁴ Там же. С. 268.

⁴⁵ «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история. Ч. 1. История текста «Краткого курса истории ВКП(б)». 1931–1956 / сост.: М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М., 2014. С. 492.

⁴⁶ История ВКП(б). С. 331.

⁴⁷ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 282.

⁴⁸ Там же. С. 32.

⁴⁹ Там же. С. 33.

коммунизме, запутавшие и без того не лучшим образом разработанное учение о государстве. Концепция двух главных фаз развития Советского государства без уточнений умещается в несколько строк: «Первая фаза – это период от Октябрьской революции до ликвидации эксплуататорских классов»; «вторая фаза – это период от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия новой Конституции»⁵⁰. Даже оставляя без внимания некорректность применения термина «фаза» к периодизации истории государства, если дословно понимать весь «пассаж о фазах», то получается, что первая фаза длилась с 1917 до 1931–1932 гг., а вторая – с 1931–1932 гг. до 1936–1937 гг., т.е. пять лет; затем наступила третья фаза, в докладе не обозначенная. Вывод таков: «Мы имеем теперь совершенно новое, социалистическое государство, не виданное еще в истории и значительно отличающееся по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы»⁵¹. В чем конкретно состоит новизна этого государства, здесь, как и в 1936 г., Сталин не определяет – и в будущем не определит. Положение о фазах впоследствии привело советскую науку в растерянность⁵², но не менее «оригинальным» оказался тезис о коммунизме в одной стране. После «пассажа о фазах» Сталин ставит неожиданный вопрос: «Мы идем дальше, вперед, к коммунизму. Сохранится ли у нас государство также и в период коммунизма?», – и дает на него утвердительный ответ⁵³. Затем, как если бы в теорию государства была внесена полная ясность, И.В. Сталин переходит к вопросу об интеллигенции.

Оставляя в стороне противоречие с марксизмом в вопросе о государстве при коммунизме, исследователь обязан признать полное отсутствие решений по каким-либо вопросам и проблемам, насущно стоявшим в то время перед советской теорией государства: не поставлен вопрос о диктатуре пролетариата, как она относится к двух фазам и сохраняет ли силу; не прояснен вопрос о бесклассовом обществе – сохраняет ли актуальность эта постановка; не обозначена сущность «совершенно нового» государства; ни уточняется отношение двух фаз и «послосы перехода»; ничего не сказано о народе. И.В. Сталина беспокоит «насущный» вопрос, сохранится ли государство в период коммунизма, но теоретически обустроить государство настоящего времени он не может: определения «совершенно новое государство» или «государство второй фазы» пусты и бессодержательны. В целом весь текст о государстве – очень короткий, – и вполне вероятно, что он, во всяком случае параграф «Некоторые вопросы теории», был сокращен. Ничего не сказано о новой Программе ВКП(б), между тем как на этом съезде была поставлена задача ее составления и создана комиссия во главе с И.В. Сталиным⁵⁴.

⁵⁰ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. С. 35.

⁵¹ Там же.

⁵² В литературе тех лет сложилась такая интерпретация: «Как известно, *первая фаза* в развитии Советского государства была связана с построением *фундамента социализма* в нашей стране. *Вторая фаза* в развитии Советского государства связана с построением в основном и самого здания социалистического общества и с дальнейшим движением СССР по пути завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму. С принятием Сталинской Конституции не заканчивается вторая фаза Советского государства» (см.: Степанян Ц.А. Развитие В.И. Лениным и И.В. Сталиным учения о социализме и коммунизме. М., 1952. С. 363).

⁵³ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. С. 36.

⁵⁴ Новой программой партии Сталин озабочился в 1936 г., когда с принятием Конституции программа 1919 г. однозначно устарела (отсюда и его риторика, касающаяся различия конституции, фиксирующей достигнутое, и программы партии, ставящей дальнейшие цели).

Последняя попытка провозгласить СССР всенародным государством предпринимается в проекте новой Программы партии, окончательный вариант которого был составлен к августу 1947 г.⁵⁵ Советский народ, достигший полного морально-политического единства, представлен в контексте того, что его авангардом является коммунистическая партия (положение о партии как ядре всех организаций трудящихся также вошло в проект); но в формулировках, в которых говорится о государстве, народ не появляется. Дискурс советского государства сводится в основном к расширению его социальной базы и развитию советской демократии⁵⁶ и находит свою кульминацию в положении: «С ликвидацией эксплуататорских классов, победой социализма и установлением полного морально-политического единства всего народа диктатура пролетариата выполнила свою великую историческую миссию. Советское государство превратилось в подлинно всенародное государство»⁵⁷. Всенародное государство – центр и смысл всего текста⁵⁸, но в отношении к нему «советский народ» как суверен не определяется⁵⁹; зато полностью сохранена классовая структура в ее сталинском, т.е. классическом для СССР виде.

Вновь говоря о противоречивых трактовках суверенитета советского народа, нельзя обойти вниманием один факт: в 1947 г. вышел том Большой Советской Энциклопедии, посвященный СССР. В нем о советском народе как суверене и о народовластии в СССР говорится в прямом смысле, в собственном ключе: пишется, что главное начало Советского государства – это «подлинный суверенитет (верховенство) всего советского народа, реализованный в системе советов»⁶⁰; что «В СССР осуществлено подлинное народовластие – политическая и экономическая власть принадлежит трудящимся, народу»⁶¹; что «Советское социалистич. право эпохи социализма является народным правом, ибо в его нормах выражена воля советского народа...»⁶². Нетрудно увидеть, что даже и проект Программы 1947 г. не дотягивает

В. В. Трушков рассказывает, что к работам по новой программе партии, которые начались в 1936 г. под эгидой Сталина, привлекались Стецкий, Таль и Яковлев (см.: Трушков В. В. Указ. соч. С. 57); а также Митин и Юдин, в 1938 г. обратившиеся к программному творчеству Г. В. Плеханова времен «Освобождения труда» и апробировавшие его концепт «прямое народное законодательство» (см.: там же. С. 64).

⁵⁵ Указанные авторы: П.Н. Федосеев, М.Б. Митин, Л.А. Леонтьев, Д.Т. Шепилов. Общее руководство – А.А. Жданова. В.В. Трушков справедливо называет проект «сталинско-ждановским».

⁵⁶ См.: Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост.: В.В. Журавлев, Л.Н. Лазарева. М., 2017. С. 173–174.

⁵⁷ Там же. С. 176.

⁵⁸ Нельзя не обратить внимание на то, что к определению «всенародное», как и в 1961 г. к определению «общенародное», не добавлено «социалистическое», т.е. базовая дефиниция государства в программных документах не дана в полном виде.

⁵⁹ Впервые эти проблемы разрешаются в «Провозглашении» (преамбуле) проекта Конституции СССР 1964 г., составленном на основе Программы КПСС 1961 г. и по сложившейся «традиции» отправленном в архив. В нем Советское государство определялось как общенародное социалистическое государство, выражающее интересы всего советского народа; народ – «единственный источник власти в СССР, верховный законодатель и верховный правитель» (см.: Плысиков А. В. Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 399). Интересны и другие строки из «Провозглашения»: «Все предшествующие конституции были конституциями государства диктатуры пролетариата» (см.: там же), т.е. составители проекта считали, что и в Конституции 1936 г. диктатура оставалась в силе.

⁶⁰ БСЭ. Союз Советских Социалистических Республик. М., 1947. Стб. 26.

⁶¹ Там же. Стб. 753.

⁶² Там же. Стб. 1143.

до такого уровня постановки. Возможно, что в тексте этого издания проявились какие-то более ранние идеи и установки, частично реализованные в проекте 1947 г.

Программа партии для Советского государства – это документ установочный, документ высшей силы, определяющий теорию и практику, мысль и жизнь государства. Для теории государства проект Программы партии 1947 г. предоставлял немало принципиальных решений, ответов на запутанные вопросы, – и партия в лице И. В. Сталина и составителей проекта эти ответы дала. Однако при Сталине новая Программа партии не была принята; всенародное государство ни в 1936 г., ни в 1947–1948 гг. так и не было объявлено, – остается только строить догадки, по какой причине. Геополитические обстоятельства можно трактовать скорее как благоприятствующие, а то и требующие положительного решения вопроса о всенародном государстве (с равной силой в 1936 и в 1947 гг.). Если говорить о внутрипартийных дискуссиях, то если в 1936 г. отказ можно списать на сопротивление ортодоксов, то в 1947 г. такого сопротивления не было, а если и было, то не могло быть значимым фактором. Анализируя практические реалии и новации внутриполитического сталинского «поворота от интернационализма к государствоцентризму» 30-х годов⁶³, нельзя не прийти к выводу, что провозглашение СССР всенародным государством в 1936 г. полностью следовало бы логике и существу этих изменений во внутренней и внешней политике СССР. Но если на практике мы видим легко определяемые результаты усиления государствоцентризма, то в теории, как это показано, они, во-первых, с подобной легкостью не фиксируются, а во-вторых, к существенным новациям не приведут. Что же до второй половины 40-х годов, то мотивы государствоцентризма в это время были определяющими. Сложно достоверно определить, одни ли и те же причины (группы причин) привели к отказу от провозглашения всенародного государства в 1936 и в 1947–1948 гг., но, исходя из важности такого решения, в таком русле производить поиски и строить гипотезы необходимо.

В предвыборной речи И. В. Сталина 1946 г. в число категорий теории государства будут добавлены «государственный строй» и «общественный строй». Ничего более конкретного, кроме того, что «советский общественный строй является подлинно народным строем, выросшим из недр народа», а под государственным строем, видимо, следует понимать многонациональное Советское государство, И. В. Сталин не сообщил⁶⁴. В двух последних работах Сталина, «Марксизм и вопросы языкоznания» (1950) и «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952), каких-либо решений оставшихся открытыми проблем теории даже не намечено. В первой И. В. Сталин, подвергая резкой критике теорию классности языка Н. Я. Марра, выступает в защиту общенародного языка. Во второй работе, казалось бы, Сталин в какой-то мере должен был коснуться государства, тем более что проблема создания политэкономии социализма была поставлена одновременно с проблемой создания теории государства еще в 1936 г. В этой своей последней работе И. В. Сталин, принимая положения о действии закона стоимости при социализме, о товарно-денежных отношениях, берет на себя ответственность и совершает, по сути, революционный сдвиг в марксистской теории: эти новые положения

⁶³ Наиболее точное определение сути этих событий принадлежит автору известной книги воспоминаний И. Д. Шабалину: «поворот политики ожидания Мирового Октября и его подготовки к политике Абсолютного Государства» (см.: Шабалин И. Д. Свидетель социализма. Раздумья о своей эпохе. М., 1998. С. 45). Самым же ярким отражением этого поворота для самого И. Д. Шабалина стало появление новых денег образца 1937 г. с изображением В. И. Ленина (см.: там же. С. 67).

⁶⁴ См.: Stalin I. V. Соч. М., 1997. Т. 16. С. 8.

едва ли соответствовали марксизму в любом его расширении; и до Сталина никто не мог и подумать о признании их как действительных, а не временных и теоретически незначительных в первой фазе коммунизма. Отчего бы «в дополнение» было не совершил также и сдвиг в теории государства, признав всенародное государство? Однако Сталин так и не решился это сделать и, по его же любимому выражению, спасовал перед марксизмом, а потому и вся общественная мысль его эпохи не смогла преодолеть раздвоенность и разрешить дилемму диктатуры и народовластия. Попытки усилить позиции народа приводили при Сталине только к усилению риторики советского демократизма, что не добавляло к теории ровным счетом ничего⁶⁵. Итак, получив от классиков марксизма и В. И. Ленина противоречивое идеиное наследство, И. В. Сталин оставил своим продолжателям наследие не менее противоречивое. Однако оставил он и ключ к разрешению противоречий – концепцию всенародного государства, встроенную в обновленные схемы марксистской теории государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берхин И. Б. К истории разработки Конституции СССР 1936 г. // Строительство Советского государства: сб. ст. к 70-летию Э. Б. Генкиной / под ред. Ю. А. Полякова. М., 1972. С. 66, 70.
- БСЭ. Союз Советских Социалистических Республик. М., 1947. Стб. 26, 753, 1143.
- Бурлацкий Ф. М. Государство и коммунизм. М., 1963. С. 123.
- Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940. С. 33, 116.
- Дорогин В. Суверенитет в советском государственном праве. М., 1948. С. 40, 44, 67–68, 92.
- Жуков Ю. Н. Народная империя Сталина. М., 2022. С. 16, 89.
- Елисеев А. Преданный социализм. М., 2018. С. 142–143.
- История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 331, 336.
- Кнорин В. Социализм и народ // Большевик. 1936. № 9. С. 21.
- Косицын А. П. Государство всего народа. М., 1963. С. 60, 66.
- Косицын А. П. Государство, рожденное Октябрьем. М., 1987. С. 204, 212–213.
- «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история. Ч. I. История текста «Краткого курса истории ВКП(б)». 1931–1956 / сост.: М. В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М., 2014. С. 492.
- Левин И. Д. Суверенитет. СПб., 2003. С. 268, 270, 272.
- Митин М. О ликвидации классов в СССР и о социалистическом, всенародном государстве // Под знаменем марксизма. 1936. № 5. С. 8.
- Молотов В. М. Об избирательном блоке коммунистов с беспартийными. М., 1937. С. 5.
- Пашуканис Е. Всенародное советское государство // Вопросы текущей политики. 1936. Вып. 22. С. 48–52.
- Плыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 399.
- Советское государственное строительство и право: курс лекций / под ред. Д. А. Керимова. М., 1982. С. 132.
- Сталин И. В. Соч. М., 1952. Т. 10. С. 240; 1949. Т. 12. С. 142; 1997. Т. 14. С. 111, 127, 136; Т. 16. С. 8.
- Сталинская Конституция победившего социализма // Правда. 1936. 13 июня. С. 4.

⁶⁵ Концепция социалистической демократии имела в советской теории государства некий обособленный, выделенный статус, существуя как бы сама по себе, в «дополнение» к остальным категориям и частям теории.

21. Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост.: В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М., 2017. С. 173, 174, 176.
22. Степанян Ц.А. Развитие В.И. Лениным и И.В. Сталиным учения о социализме и коммунизме. М., 1952. С. 363.
23. Стецкий А. О ликвидации классов в СССР // Большевик. 1936. № 11. С. 27.
24. Стецкий А. Социализм и коммунизм // Стецкий А. Победа социализма в СССР и новая Советская Конституция. М., 1936. С. 152.
25. Трайнин И. К вопросу о суверенитете // Сов. государство. 1938. № 2. С. 90.
26. Трушков В.В. Неизвестная программа ВКП(б). М., 2018. С. 57, 64.
27. Хаски Ю. Российская адвокатура и советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры. 1917–1939. М., 1993. С. 140–143.
28. Челяпин Н. Всеобщее, прямое, равное избирательное право при тайном голосовании // Вопросы текущей политики. 1936. Вып. 22. С. 68.
29. Шабалин И.Д. Свидетель социализма. Раздумья о своей эпохе. М., 1998. С. 45, 67.
30. Шагинян М. Дневник депутата Моссовета. М., 1936. С. 90–91.
31. Юдин П. О государстве при социализме // Большевик. 1936. № 8. С. 43–60.
12. “Short Course of the History of the AUCPB”. Text and its history. Part 1. History of the text of “Short Course of the History of the AUCPB”. 1931–1956 / comp.: M.V. Zelenov, D. Brandenberger. M., 2014. P. 492 (in Russ.).
13. Levin I.D. Sovereignty. SPb., 2003. Pp. 268, 270, 272 (in Russ.).
14. Mitin M. On the elimination of classes in the USSR and on the socialist state of all the people // Under the banner of Marxism. 1936. No. 5. P. 8 (in Russ.).
15. Molotov V.M. On the electoral bloc of Communists with non-party members. M., 1937. P. 5 (in Russ.).
16. Pashukanis E. All-people’s Soviet state // Current Policy Issues. 1936. Vol. 22. P. 48–52 (in Russ.).
17. Pyzhikov A. V. Khrushchev’s “thaw”. M., 2002. P. 399 (in Russ.).
18. Soviet state building and law: lecture course / ed. by D.A. Kerimov. M., 1982. P. 132 (in Russ.).
19. Stalin I.V. Works. M., 1952. Vol. 10. P. 240; 1949. Vol. 12. P. 142; 1997. Vol. 14. Pp. 111, 127, 136; Vol. 16. P. 8 (in Russ.).
20. Stalin’s Constitution of victorious socialism // Pravda. 1936. June 13. P. 4 (in Russ.).
21. Stalin’s economic legacy: Plans and discussions. 1947–1953: Documents and materials / comp.: V.V. Zhuravlev, L.N. Lazareva. M., 2017. Pp. 173, 174, 176 (in Russ.).
22. Stepanyan Ts. A. Development of doctrine of socialism and communism by Vladimir Lenin and Joseph Stalin M., 1952. P. 363 (in Russ.).
23. Stetskiy A. On the liquidation of classes in the USSR // Bolshevik. 1936. No. 11. P. 27 (in Russ.).
24. Stetsky A. Socialism and communism // Stetsky A. Victory of socialism in the USSR and the new Soviet Constitution. M., 1936. P. 152 (in Russ.).
25. Trainin I. To the question of sovereignty // Soviet State. 1938. No. 2. P. 90 (in Russ.).
26. Trushkov V.V. Unknown program of the AUCPB. M., 2018. Pp. 57, 64 (in Russ.).
27. Huskey E. Russian lawyers and the Soviet state: The origins and development of the Soviet bar, 1917–1939. M., 1993. Pp. 140–143 (in Russ.).
28. Chelyapov N. Universal, direct, equal suffrage with secret ballot // Current Policy Issues. 1936. Vol. 22. P. 68 (in Russ.).
29. Shabalin I. D. Witness of the era of socialism. Reflections on a bygone epoch. M., 1998. Pp. 45, 67 (in Russ.).
30. Shaginyan M. Diary of a Moscow Soviet deputy. M., 1936. Pp. 90, 91 (in Russ.).
31. Yudin P. About the state under socialism // Bolshevik. 1936. No. 8. Pp. 43–60 (in Russ.).

REFERENCES

1. Berkin I.B. On the history of the development of the USSR Constitution of 1936 // Building the Soviet state: Collection of articles for the 70th anniversary of Esther Genkina / ed. by Yu. A. Polyakov. M., 1972. Pp. 66, 70 (in Russ.).
2. Great Soviet Encyclopedia. Union of Soviet Socialist Republics. M., 1947. Col. 26, 753, 1143 (in Russ.).
3. Burlatskiy F.M. State and communism. M., 1963. P. 123 (in Russ.).
4. Golunskiy S.A., Strogovich M.S. Theory of state and law. M., 1940. Pp. 33, 116 (in Russ.).
5. Dorogin V. Sovereignty in Soviet state law. M., 1948. Pp. 40, 44, 67, 68, 92 (in Russ.).
6. Zhukov Yu. N. People’s empire of Stalin. M., 2022. Pp. 16, 89 (in Russ.).
7. Eliseev A. Devoted socialism. M., 2018. Pp. 142, 143 (in Russ.).
8. History of the AUCPB. Short course. M., 1938. Pp. 331, 336 (in Russ.).
9. Knorin V. Socialism and the people // Bolshevik. 1936. No. 9. P. 21 (in Russ.).
10. Kositsyn A.P. State of all people. M., 1963. Pp. 60, 66 (in Russ.).
11. Kositsyn A.P. The state born of the October revolution. M., 1987. Pp. 204, 212, 213 (in Russ.).

Сведения об авторе

НИКАНДРОВ Алексей Всеволодович –
кандидат политических наук,
старший научный сотрудник
кафедры философии политики и права
философского факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова; 119192 г. Москва,
Ломоносовский проспект, д. 27, кор. 4
(Шуваловский учебный корпус)

Authors' information

NIKANDROV Aleksey V. –
PhD in Politics,
Senior Researcher of the Department of Theory
of Philosophy of Politics and Law, Faculty
of Philosophy, Lomonosov Moscow State
University; 27, bld. 4 Lomonosovsky Ave.
(Shuvalovsky academic building),
119192 Moscow, Russia

ДИАЛОГ ТЕОЛОГИИ И ПРАВА В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

© 2024 г. Е. В. Грязнова

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

E-mail: egik37@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.06.2022 г.

Аннотация. Теология в отечественном образовании все больше укрепляет свои позиции, претендуя на междисциплинарный статус. Получают развитие такие направления, как теологическая антропология, теологическая психология, правовая и политическая теология и т.д. Распространение теологии в светских вузах страны сталкивается с рядом трудностей, связанных со спецификой интеграции светского и религиозного образования и науки. Особой точкой пересечения является диалог права и теологии на базе светских вузов. Автор статьи анализирует возможность и актуальность перехода от исторического диалога этих двух основных регуляторов общественной жизни и типов познания к разработке и внедрению конкретных образовательных программ подготовки юристов и правоведов на базе не только юридических, но и теологических знаний с учетом современной политики-правовой ситуации в России и мире. Особенно важно учесть специфику именно российской православной культуры с ее богатейшим опытом духовно-просветительской практики и позитивной зарубежный опыт интеграции теологии и права в системе образования.

Ключевые слова: теология, право, теологическое образование, религия, юриспруденция, государство, церковь, светское образование, наука, закон.

Цитирование: Грязнова Е. В. Диалог теологии и права в российской науке и образовании // Государство и право. 2024. № 4. С. 186–191.

DOI: 10.31857/S1026945224040177

THE DIALOGUE OF THEOLOGY AND LAW IN RUSSIAN SCIENCE AND EDUCATION

© 2024 E. V. Gryaznova

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

E-mail: egik37@yandex.ru

Received 16.06.2022

Abstract. Theology in Russian education is increasingly strengthening its position, claiming interdisciplinary status. Such areas as theological anthropology, theological psychology, legal and political theology, etc. are being developed. The spread of theology in secular universities of the country faces a number of difficulties related to the specifics of integrating secular and religious education and science. A special point of intersection is the dialogue of law and theology on the basis of secular universities. The author of the article analyzes the possibility and relevance at the present stage of the transition from the historical dialogue of these two main regulators of public life and types of knowledge to the development and implementation of specific educational programs for training lawyers and jurists based not only on legal but also theological knowledge, taking into account the current political and legal situation in Russia and the world. It is especially important to take into account the specifics of the Russian Orthodox culture with its rich experience of spiritual and educational practice and positive foreign experience of integrating theology and law in the educational system.

Key words: theology, law, theological education, religion, jurisprudence, state, church, secular education, science, law.

For citation: Gryaznova, E.V. (2024). Dialogue of theology and law in Russian science and education // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 186–191.

Взаимодействие светской науки и теологии имеет достаточно богатую историю как в мировой практике, так и в России. Сам термин «теология» (греч. *Τεος – Бог; Логос – Слово, учение*) в большей степени употребляется в зарубежной практике, тогда как для России традиционно использовалось понятие «богословие». В самом общем виде смысловая нагрузка не отличается и обозначает знание, по знанию, слово о Боге.

При включении данного вида знания в России в перечень научных специальностей термин «теология» оказывается более точным и исторически оправданным. Дело в том, что теология обозначает отрасль научного знания и научных образовательных дисциплин еще со времен первых европейских университетов, зародившихся в XII–XIII вв., что и приобрело определенную традиционность.

Теология, как и богословие, имеет ряд специфических особенностей. Во-первых, это знание может быть акцентировано на различных аспектах. Скажем, для верующего человека богословие будет нести смысл созерцания, осмыслиения, понимания, включения в религиозную практику. Для служителя церкви важен аспект учения о церкви, ее традициях и законах. Для ученого интерес представляют священные тексты, источники, знания о религии как культурно-социальном феномене и т.д. Во-вторых, теология может иметь определенные соотношения с научным знанием, светскими институтами общества. В-третьих, в современном научном пространстве теология может приобретать определенные направления, связанные не только с конфессией, но непосредственно со светской наукой. Так, сегодня получают развитие такие направления, как теологическая антропология, теологическая психология, правовая и политическая теология и т.д.

Исторически теология и наука представляют собой разные способы познания мира, как мифология, философия, искусство. Если разграничивать сферы познания между этими видами мировоззрений, то мифологию можно представить, как освоение, познание мира на основе символов, т.е. символическое мировоззрение. Искусство можно обозначить как образное мировоззрение, религия предстает как догматическое мировоззрение, философия – концептуальное, а наука – номологическое. Если сравнивать религиозный и научный способы познания мира, то окажется, что они противоположны. Религия свое знание не доказывает, она основана на догмах и вере. Наука же – это в первую очередь доказательство существования законов, получаемое в ходе накопленных фактов и эксперимента.

Теология в том случае, если она трактуется в узком смысле, не может претендовать на научный статус. Однако теология в современном понимании получает научный статус именно в силу того, что она имеет свой взгляд на познание мира как целостное знание.

Если воспользоваться укрупненной типологией научного знания, то можно видеть, что оно делится на четыре большие группы. Гуманитарное знание – науки о человеке, обществознание – науки об обществе, технознание – науки о технике и естествознание – науки о природе. Наука о Боге не находит себе отдельного места. Похожая ситуация до сих пор существует и в философии. Несмотря на то,

что ее относят чаще к гуманитарным знаниям, она имеет более широкий спектр. Скажем, социальная философия, философия природы, философия религии, философия техники, философия математики и т.д.¹ Теология, аналогично философии признается в качестве знания гуманитарного, но, как и философия имеет спектр познания гораздо шире.

Вероятно, следует исходить из сущности самого человека как создателя всего научного знания. Его природа в научном дискурсе обозначается как двойственная, биосоциальная. Наступает время, когда назрела необходимость говорить о тройственной человеческой сущности, добавляя к ней такое явление, как духовность². Социальность вбирает в себя и социум и всю сферу искусственного, которая создана человеком как существом социальным, включая технику и культуру в целом. Как бы мы не пытались ограничить научное знание от знания духовного, сделать науку строгой и четкой, она всегда будет иметь плавающие границы, где есть непознанное, необъяснимое, одухотворенное. Даже психология как наука, получившая в своей арсенал научные методы, до сих пор не может объяснить многие явления человеческой души, субъективной реальности, сознания и т.д.³

Очевидно, что теология нужна современному научному знанию как недостающий элемент в изучении сущностей, которые ускользают от его методов и принципов, не поддаются визуализации и эксперименту, но они есть и требуют участия человека в их познании, однако с иными инструментами и подходами. Человек становится сегодня предметом изучения всего комплекса научного знания. Сложнейшие технические объекты изучаются как человеко-технические системы, культура как ноосферная система и т.д. Особую позицию начинает занимать и правовая наука.

Право как и теология имеет богатую историю развития. В основе многих концепций права лежат ценности, сформированные в рамках религиозной и теологической мысли. Современные исследователи делают акценты на тесной исторической взаимосвязи теологии и права, ссылаясь

¹ См.: Грязнова Е.В. Предмет философии науки // NB: Философские исследования. 2013. № 6. С. 514–529; Gryaznova E.V., Vorokhobov A.V., Goncharuk A.G. et al. Antimetaphysical Strategies in the Western European Philosophy of the Modern Times // Cooperation and Sustainable Development: Conference proceedings, Moscow, 15–16 декабря 2020 года. Cham, 2022. Pp. 479–486. DOI: 10.1007/978-3-030-77000-6_57; Gryaznova E.V., Treushnikov I.A., Goncharuk A.G. The role of information culture in the formation of a cultural ideal // Perspectives of Science and Education. 2020. No. 1(43). Pp. 379–388. DOI: 10.32744/pse.2020.1.27

² См.: Грязнова Е.В. Информационное взаимодействие в образовании: прогресс или регресс? // Философия и культура. 2012. № 7 (55). С. 123–129.

³ См.: Дубровский Д.И. Еще раз о сознании, бессознательном и о «революционной» теории в психологии // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 78–81. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-7-78-81; Дубровский Д.И., Булов И.Ю. Сознание. Проблемы и перспективы междисциплинарных исследований (Круглый стол «Проблема сознания: возможности исследования» МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 28 января 2019 г.) // Философские науки. 2020. Т. 63. № 2. С. 144–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-2-144-159

на источники различных лет как отечественных, так и зарубежных авторов⁴.

Современные тенденции все в большей степени направлена на то, чтобы поднять право на более высокий цивилизованный уровень, основа которого социально-антропологический диалог. И в этом случае союз теологии и права более чем оправдан. Этот союз должен приобрести новые формы развития на очередном витке цивилитарного права⁵.

Многих исследователей соотношения теологии и права как видов научного знания интересуют вопросы происхождения основ юриспруденции именно как религиозных постулатов. Например, ветхозаветная заповедь «Не убий» легла в основу уголовных кодексов разных стран. Убийство в религиозном мировоззрении считается одним из самых страшных грехов. Эта позиция прослеживается и в правовой системе, когда за подобное преступление следует наказание вплоть до смертной казни. В принципе религиозные догматы направлены против проявления любого вида насилия над личностью. Именно эта идея реализуется и в нормах закона. И вновь, возвращаясь к природе человека, возникает вопрос о том, что останавливает человека от убийства себе подобных: природа, общество или Бог? Иными словами, можно ли утверждать, что для воспитания в человеке чувства ответственного отношения к жизни ближнего достаточно только формирование правового сознания в социуме в рамках системы правового образования. Скорее всего нет. Исторически, из поколения в поколение страх перед данным грехом формировался в сознании человека гораздо раньше появления правовых государственных норм. Именно страх перед божественной карой служит мерой пресечения даже мыслей об убийстве для верующего человека. В обществе данная острастка передается на уровне обыденного сознания даже в среде, не имеющей непосредственного отношения к какой-либо религии.

Моральные религиозные нормы как важнейшая составляющая духовной жизни человека передаются в процессе социализации на всех ее уровнях и видах. Если для человека не юридической профессии они закрепляются именно как постулаты духовно-нравственного воспитания в семье, образовательных организациях, профессиональных сообществах и т.д., то для юриста они приобретают более глубокий смысл, так как он их понимает как природные, духовные и социальные нормы на единой основе. Приятно осознавать, что привитие морально-нравственных качеств является одним из приоритетных векторов в воспитании молодежи⁶.

⁴ См.: Батиев Л.В. Право как предмет теологии в трактате Ф. Суареса de legibus AC DEO legislatore // Философия права. 2022. № 1 (100). С. 29–33; Гиряева В.Н. 2011.04.006. Велькер М. Теология и право. Welker M. Theologie und Recht // der Staat. B., 2009. Н. 2. S. 573–585 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. 2011. № 4. С. 23–26; Фоминская М.Д. Идея достоинства личности и прав человека в христианской правовой мысли: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2021.

⁵ См.: Армашова А. В. Высшее юридическое образование в России в рамках болонской системы: проблемы внедрения // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений: XV Междунар. науч. конф. Доклады и материалы: в 2 ч. Москва, 14–16 ноября 2019 года / под общ. ред. И.М. Ильинского. М., 2019. С. 695–700; Шкинцова А.А. Юридическая антропология: учет человеческого фактора в праве // Альманах молодого исследователя. 2021. № 11. С. 29–32.

⁶ См.: Малинин В.А., Повешенная Ф.В., Пугачев А.В. Формирование духовно-нравственных качеств личности обучающихся в условиях современного образования // Вестник Мининского ун-та. 2022. Т. 10. № 1. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-2

Человек, который выбирает свою профессию в сфере юриспруденции, должен понимать, что как бы близки по сути не были религиозные заповеди, законы природы и законы, принимаемые в обществе – они в своем проявлении различны по мере их реализации. Как, например, определить справедливость государственных законов? Относительно чего должно происходить определение этой справедливости? Таким морально-нравственным образом, в соответствии с которым человечество формирует основы позитивного права, и выступают религиозные нормы.

Однако достаточно часто мы сталкиваемся с ситуациями, когда одно и тоже действие расценивается совершенно различными способами в системе законов природы, человека и Бога. Закон природы иногда вынуждает человека пойти на преступление в силу защиты своих интересов, прав, свободы, жизни, наконец. Но при этом его действия зачастую вступают в противоречие с законом Божиим и законом государственным. Чаще всего реальное наказание все же исходит от общества и государства, которые не всегда могут вынести справедливый вердикт. Например, превышение мер самообороны, порой доказать проще, чем опровергнуть. В частности, Гражданский кодекс РФ не определяет понятие самозащиты, а лишь указывает на условия, при которых она может быть применена⁷.

Если следовать закону «Не убий», то человек не должен оказывать сопротивление насилию, а смириться и надеяться на милость Божию, которая укажет путь к спасению. Однако в экстремальных ситуациях человек проявляет свои природные качества, например, инстинкт самосохранения. Скажем мать, защищающая своего ребенка, способна забыть не только о заповедях, но и о нормах закона и права, даже если она ими прекрасно владеет. Но осуждать ее поступок будет общество, которое предъявляет ей реальное обвинение или оправдание. Вот это «или» и есть тонкая грань между тремя видами законов и тремя видами ответственности. Осмысливая эти сложнейшие правовые проблемы, протоиерей Т. Фетисов приводит цитаты из лекций проф. Т. В. Черниговской: «Таким образом, все решения, акты воли происходят не в нравственном сознании личности, а в сфере малоизученных природных потенций мозга, который, как утверждается, способен даже вводить в заблуждение сознание, создавая у человека иллюзорное представление о самостоятельности в выборе принятых к руководству умозаключений»⁸.

Основной правотворчества является диалектика добра и зла. Объяснить зло и его природу можно с разных позиций⁹. Следовательно, и меры его пресечения будут разными. Так, согласно Ветхому Завету: «око за око, зуб за зуб», но уже в Новом Завете иная парадигма: не противиться злу. Чтобы противостоять злу не противясь ему, надо знать его природу и сущность. Об этом может рассказать именно теология.

Не случайным оказывается активное обсуждение внесения поправок в Конституцию РФ, связанных с верой

⁷ См.: Неверов А.Я., Колесникова Я.А. Самозащита как одна из форм защиты гражданских прав и интересов // Теология. Философия. Право. 2021. № 2 (16). С. 70–77.

⁸ Фетисов Т. Антропология права в методологической парадигме богословия личности: субъект правоотношений и проблема свободы // Росс. журнал правовых исследований. 2017. Т. 3. № 1 (10). С. 240.

⁹ См.: Шапошников Л.Е. Философско-педагогические взгляды патриарха Московского и всея Руси Кирилла (Гундяева) // Вестник СПбУ. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. № 2. С. 338–351. DOI: 10.21638/spbu17.2021.212

и Богом¹⁰. Результаты этой дискуссии важны для дальнейшей судьбы нашей страны. От конечного результата будет зависеть развитие не только политической и экономической, но и духовной сферы общества.

Считаем, что юрист как профессионал должен владеть знаниями обо всех видах законов, а не только государственных. Он должен понимать их диалектику и возможные противоречия, уметь ориентироваться в возникающих проблемах и предупреждать их появление. Если естественное, гражданское, государственное право изучаются на юридических факультетах, то с теологическим правом (в силу забвения в прошлом теологии в нашей стране) дела обстоят сложнее. Здесь на первый план выходит значимость междисциплинарного подхода в обучении будущего юриста. Немаловажную роль играет система мониторинга качества образования выпускников вузов, которая является динамичной и адаптационной системой и позволяет реализовать принцип междисциплинарности¹¹.

Действительно, для понимания законов и правовых норм, и самое главное их правильного (по справедливости) толкования и применения, юрист должен их освоить не только на уровне научного знания, но и как теологических категорий, т.е. принять и почувствовать, как высшую данность. Особенно важна такая способность на стадии законотворчества. Этому надо учиться и приобретать именно теологические знания о праве¹².

Каким же образом мы можем готовить квалифицированного специалиста-юриста со знанием духовно-ценостного мира человека в постоянно изменяющихся условиях отечественного образования? Современная ситуация, происходящая в мире вокруг нашей страны, диктует тренд «отмежевания» от всего западного, в том числе, в сфере образования¹³. Об этом говорят намерения отказаться от болонской модели, в свое время акцептированной отеческим образованием без учета отечественных традиций и менталитета¹⁴. В этой связи автор статьи полагает, что на данном этапе возможно отказаться от изживших себя, старых моделей западного образования, учитывая и положительный опыт. О чем же здесь идет речь в свете возрождения в российском образовательном пространстве диалога теологии и права? Дело в том, что у многих западных высших учебных заведений есть опыт признания «двойных» степеней по теологии и праву. Приведем несколько примеров.

¹⁰ См.: Акопян А. В. Народ – «“Бог” Республики» (о целесообразности включения понятия “Бог” в Конституцию Российской Федерации) // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 7 (41). С. 18–20; Калиничев И. М., Кутепов О. Е. Бог в Конституции России // Богословско-исторический сборник. 2021. № 3 (22). С. 17–23; Овчинников А. И., Нефёдовский Г. В. Взаимоотношения Церкви и государства в свете конституционной поправки с упоминанием о «вере в Бога» // Административное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 23–37. DOI: 10.7256/2454-0595.2020.5.33318

¹¹ См.: Перецовщикова Е. Н. Образовательные результаты в подготовке будущего педагога и средства оценки их достижения // Вестник Мининского ун-та. 2022. Т. 10. № 1. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-3

¹² См.: Езупов В. А. Роль теологии в системе современного юридического образования в России // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Сер.: Юриспруденция. 2019. № 14. С. 15, 16.

¹³ См.: Николаи Ф. «Новые войны»: исчезновение будущего и(ли) синхронизация темпоральностей // Логос. 2021. Т. 31. № 4 (143). С. 119–136. DOI: 10.22394/0869-5377-2021-4-119-133

¹⁴ См.: Армашова А. В. Указ. соч. С. 695–700.

Университет Эмори (Emory University, Атланта, США) в рамках юридического и теологического факультетов предлагает выпускникам двойные степени: либо магистра богословия, либо магистра богословских исследований, а также степень доктора юридических наук. Кандидат по этой программе одновременно поступает в юридический и теологический факультеты, выполняя требования для получения обеих степеней за пять лет (вместо шести лет, если получать степени отдельно)¹⁵.

Австралийский католический университет выпускает бакалавров теологии / бакалавров права. Цитата на официальном сайте университета гласит: «Сочетая юриспруденцию со степенью богословия, вы будете готовы встать на защиту нуждающихся людей и причин, по которым это имеет значение. Эта уникальная двойная степень обеспечивает юридическое образование, основанное на христианских ценностях, и образование в области богословия, ориентированное на профессиональные ценности и юридическую практику»¹⁶.

Всемирно известный Йельский университет (Нью Хейвен, США) в рамках богословского факультета (Yale Divinity School) предлагает объединенную степень по религии и праву (Joint Degree in Religion and Law): «Студентам, интересующимся пересечением религии, политики, этики и государственной политики, предлагается пройти совместную программу получения степени, предлагаемую Йельской школой богословия и Йельской школой права. По мере того как религия в общественной жизни и вопросы социальной справедливости, основанные на религиозных убеждениях, становятся все более и более важными в нашей общественной жизни, интеграция исследований как в области права, так и в области религии обеспечивает уникальную основу для обеих дисциплин»¹⁷.

Этот западный опыт может быть перенят в качестве «положительного» в виде временной, переходной модели. И, если такая модель со временем покажет свою состоятельность, она может из статуса «временной» и «переходной» перейти в ранг традиционной и постоянной. В связи с тем, что в отечественной системе в рамках одной образовательной организации пока не существует факультетов по теологии и праву (или хотя бы кафедр), речь может идти о сетевом сотрудничестве образовательных организаций с профильными факультетами (кафедрами).

На примере Нижегородской области это может выглядеть следующим образом. С 2004 г. в Мининском университете (Н. Новгород) существует кафедра философии и теологии. С 2019 г. на базе кафедры действует магистратура по теологии (профиль Православная теология). Уникальность магистерской образовательной программы состоит в интеграции теологических знаний и опыта научно-исследовательской деятельности в данной сфере. Одним из сильнейших юридических вузов региона является Российский государственный университет правосудия (Н. Новгород). Такие структурные подразделения вуза, как кафедра теории и истории права, государства и судебной

¹⁵ См.: Доктор юриспруденции и магистр богословия (JD/MDiv); Теологические исследования (JD/MTS); URL: <https://law.emory.edu/academics/degrees/joint-degree-programs/jd-divinity.html>

¹⁶ Сайт Австралийского католического университета // <https://www.acu.edu.au/course/bachelor-of-theologybachelor-of-laws#>

¹⁷ Сайт Йельского университета // <https://divinity.yale.edu/admissions-aid/application-instructions-and-requirements/joint-applications/joint-degree-religion-2>

власти, кафедра государственно-правовых дисциплин, кафедра гражданского права, кафедра уголовного права и др. говорят о глубокой подготовке специалистов юридического направления. Таким образом, сотрудничество двух высших школ с богатым опытом и традициями по теологии и праву на территории одного субъекта Российской Федерации может стать сильнейшим образовательным кластером, выпускающим специалистов со знанием духовных основ и законов развития человека и общества в сочетании с знаниями позитивного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акопян А. В.* Народ – «“Бог” Республики» (о целесообразности включения понятия “Бог” в Конституцию Российской Федерации) // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 7 (41). С. 18–20.
2. *Армашова А. В.* Высшее юридическое образование в России в рамках болонской системы: проблемы внедрения // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений: XV Междунар. науч. конф. Доклады и материалы: в 2 ч. Москва, 14–16 ноября 2019 года / под общ. ред. И.М. Ильинского. М., 2019. С. 695–700.
3. *Батиев Л. В.* Право как предмет теологии в трактате Ф. Суареса de legibus AC DEO legislatore // Философия права. 2022. № 1 (100). С. 29–33.
4. *Гиряева В. Н.* 2011.04.006. Велькер М. Теология и право. Welker M. Theologie und Recht // der Staat. B., 2009. Н. 2. S. 573–585 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. 2011. № 4. С. 23–26.
5. *Грязнова Е. В.* Информационное взаимодействие в образовании: прогресс или регресс? // Философия и культура. 2012. № 7 (55). С. 123–129.
6. *Грязнова Е. В.* Предмет философии науки // NB: Философские исследования. 2013. № 6. С. 514–529.
7. *Дубровский Д. И.* Еще раз о сознании, бессознательном и о «революционной» теории в психологии // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 78–81. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-7-78-81
8. *Дубровский Д. И., Булов И. Ю.* Сознание. Проблемы и перспективы междисциплинарных исследований (Круглый стол «Проблема сознания: возможности исследования» МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 28 января 2019 г.) // Философские науки. 2020. Т. 63. № 2. С. 144–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-2-144-159
9. *Егупов В. А.* Роль теологии в системе современного юридического образования в России // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Сер.: Юриспруденция. 2019. № 14. С. 15, 16.
10. *Калинчев И. М., Кутепов О. Е.* Бог в Конституции России // Богословско-исторический сборник. 2021. № 3 (22). С. 17–23.
11. *Малинин В. А., Повешдная Ф. В., Пугачев А. В.* Формирование духовно-нравственных качеств личности обучающихся в условиях современного образования // Вестник Мининского ун-та. 2022. Т. 10. № 1. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-2
12. *Неверов А. Я., Колесникова Я. А.* Самозащита как одна из форм защиты гражданских прав и интересов // Теология. Философия. Право. 2021. № 2 (16). С. 70–77.
13. *Николаи Ф.* «Новые войны»: исчезновение будущего и(ли) синхронизация темпоральностей // Логос. 2021. Т. 31. № 4 (143). С. 119–136. DOI: 10.22394/0869-5377-2021-4-119-133
14. *Овчинников А. И., Нефедовский Г. В.* Взаимоотношения Церкви и государства в свете конституционной поправки с упоминанием о «вере в Бога» // Административное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 23–37. DOI: 10.7256/2454-0595.2020.5.33318
15. *Перевоцкова Е. Н.* Образовательные результаты в подготовке будущего педагога и средства оценки их достижения // Вестник Мининского ун-та. 2022. Т. 10. № 1. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-3
16. *Фетисов Т.* Антропология права в методологической парадигме богословия личности: субъект правоотношений и проблема свободы // Росс. журнал правовых исследований. 2017. Т. 3. № 1 (10). С. 240.
17. *Фоминская М. Д.* Идея достоинства личности и прав человека в христианской правовой мысли: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2021.
18. *Шапошников Л. Е.* Философско-педагогические взгляды патриарха Московского и всея Руси Кирилла (Гундяева) // Вестник СПбУ. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. № 2. С. 338–351. DOI: 10.21638/spbu17.2021.212
19. *Шкинцева А. А.* Юридическая антропология: учёт человеческого фактора в праве // Альманах молодого исследователя. 2021. № 11. С. 29–32.
20. *Gryaznova E. V., Treushnikov I. A., Goncharuk A. G.* The role of information culture in the formation of a cultural ideal // Perspectives of Science and Education. 2020. No. 1(43). Pp. 379–388. DOI: 10.32744/pse.2020.1.27
21. *Gryaznova E. V., Vorokhobov A. V., Goncharuk A. G. et al.* Antimetaphysical Strategies in the Western European Philosophy of the Modern Times // Cooperation and Sustainable Development: Conference proceedings, Moscow, 15–16 декабря 2020 года. Cham, 2022. Pp. 479–486. DOI: 10.1007/978-3-030-77000-6_57

REFERENCES

1. *Akopyan A. V.* The people are the “God” of the Republic” (on the expediency of including the concept of “God” in the Constitution of the Russian Federation) // Scientific electronic journal Meridian. 2020. No. 7 (41). Pp. 18–20 (in Russ.).
2. *Armashova A. V.* Higher legal education in Russia within the framework of the Bologna system: problems of implementation // Higher education for the 21st century: the role of humanities education in the context of technological and socio-cultural changes: XV International Scientific Conference. Reports and materials: in 2 parts. Moscow, November 14–16, 2019 / under the general editorship of I. M. Ilyinsky. M., 2019. Pp. 695–700 (in Russ.).
3. *Batiev L. V.* Law as a subject of theology in the treatise of F. Suarez de legibus AC DEO legislatore // Philosophy of Law. 2022. No. 1 (100). Pp. 29–33 (in Russ.).
4. *Giryaeva V. N.* 2011.04.006. Welker M. Theology and law. Welker M. Theologie und Recht // der Staat. B., 2009. Н. 2. S. 573–585 // Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 4: State and law. 2011. No. 4. Pp. 23–26 (in Russ.).
5. *Gryaznova E. V.* Information interaction in education: progress or regression? // Philosophy and Culture. 2012. No. 7 (55). Pp. 123–129 (in Russ.).
6. *Gryaznova E. V.* The subject of philosophy of science // NB: Philosophical research. 2013. No. 6. Pp. 514–529 (in Russ.).
7. *Dubrovsky D. I.* Once again about consciousness, the unconscious and the “revolutionary” theory in psychology // Questions of philosophy. 2020. No. 7. Pp. 78–81. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-7-78-81 (in Russ.).
8. *Dubrovsky D. I., Bulov I. Yu.* Consciousness. Problems and prospects of interdisciplinary research (Round Table “The problem of consciousness: research opportunities” Lomonosov Moscow

- State University, Moscow, January 28, 2019) // Philosophical Sciences. 2020. Vol. 63. No. 2. Pp. 144–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-2-144-159 (in Russ.).
9. *Egupov V.A.* The role of theology in the system of modern legal education in Russia // Herald of the educational consortium Central Russian University. Ser.: Jurisprudence. 2019. No. 14. Pp. 15, 16 (in Russ.).
  10. *Kalinichev I. M., Kuteпов O. E.* God in the Constitution of Russia // Theological and historical collection. 2021. No. 3 (22). Pp. 17–23 (in Russ.).
  11. *Malinin V.A., Povshednaya F.V., Pugachev A. V.* Formation of spiritual and moral qualities of the personality of students in the conditions of modern education // Herald of the Mininsky University. 2022. Vol. 10. No. 1. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-2 (in Russ.).
  12. *Neverov A. Ya., Kolesnikova Ya.A.* Self-defense as one of the forms of protection of civil rights and interests // Theology. Philosophy. Law. 2021. No. 2 (16). Pp. 70–77 (in Russ.).
  13. *Nicolai F.* “New Wars”: the disappearance of the future and (whether) the synchronization of temporalities // Logos. 2021. Vol. 31. No. 4 (143). Pp. 119–136. DOI: 10.22394/0869-5377-2021-4-119-133 (in Russ.).
  14. *Ovchinnikov A.I., Nefedovsky G.V.* The relationship between Church and state in the light of the constitutional amendment mentioning “faith in God” // Administrative and Municipal Law. 2020. No. 5. Pp. 23–37. DOI: 10.7256/2454-0595.2020.5.33318 (in Russ.).
  15. *Perevoshchikova E.N.* Educational results in the training of a future teacher and means of assessing their achievement // Herald of the Mininsky University. 2022. Vol. 10. No. 1. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-3 (in Russ.).
  16. *Fetisov T.* Anthropology of law in the methodological paradigm of personality theology: the subject of legal relations and the problem of freedom // Russ. journal of Legal Studies. 2017. Vol. 3. No. 1 (10). P. 240 (in Russ.).
  17. *Fominskaya M.D.* The idea of the dignity of the individual and human rights in Christian legal thought: abstract ... Doctor of Law. N. Novgorod, 2021 (in Russ.).
  18. *Shaposhnikov L.E.* Philosophical and pedagogical views of Patriarch Kirill of Moscow and All Russia (Gundyaev) // Vestnik SPbU. Philosophy and conflictology. 2021. Vol. 37. No. 2. Pp. 338–351. DOI: 10.21638/spbu17.2021.212 (in Russ.).
  19. *Shkintsova A.A.* Legal anthropology: taking into account the human factor in law // Almanac of a young researcher. 2021. No. 11. Pp. 29–32 (in Russ.).
  20. *Gryaznova E.V., Treushnikov I.A., Goncharuk A.G.* The role of information culture in the formation of a cultural ideal // Perspectives of Science and Education. 2020. No. 1(43). Pp. 379–388. DOI: 10.32744/pse.2020.1.27
  21. *Gryaznova E.V., Vorokhobov A.V., Goncharuk A.G. et al.* Antimetaphysical Strategies in the Western European Philosophy of the Modern Times // Cooperation and Sustainable Development: Conference proceedings, Moscow, 15–16 декабря 2020 года. Cham, 2022. Pp. 479–486. DOI: 10.1007/978-3-030-77000-6_57

Сведения об авторе

ГРЯЗНОВА Елена Владимировна –
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и теологии
Нижегородского государственного
педагогического университета им. К. Минина;
603005 г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1
ORCID: 0000-0003-3093-2602

Authors' information

GRYAZNOVA Elena V. –
Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department
of Philosophy and Theology
Minin Nizhny Novgorod State
Pedagogical University;
1 Ulyanov str., 603005 Nizhny Novgorod, Russia

УДК 341

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ОЦЕНКА РИСКОВ И МЕТОДЫ ИХ МИНИМИЗАЦИИ

© 2024 г. А. С. Даниелян

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

E-mail: armen1992@mail.ru

Поступила в редакцию 12.04.2023 г.

Аннотация. Целью данного исследования является изучение текущего состояния и перспектив использования искусственного интеллекта (Artificial intelligence, AI, ИИ) в рамках направления правосудия, в частности в гражданском судопроизводстве. В свете постоянно меняющихся общественных отношений и растущей необходимости в использовании современных технологий в различных сферах жизни, в том числе и правовой, важно понимать, какие возможности может предоставить искусственный интеллект для совершенствования судопроизводства и обеспечения защиты прав граждан. Использование системы искусственного интеллекта в правовой деятельности имеет ряд преимуществ, таких как ускорение процесса принятия решений, повышение точности и объективности принятых решений, улучшение доступности правосудия. Однако необходимо учитывать и возможные недостатки, например риск нарушения конфиденциальности данных и возможность ошибок в алгоритмах, которые могут привести к несправедливому решению. Итоговый вывод исследования заключается в том, что использование информационных технологий и системы искусственного интеллекта необходимо рассматривать не в качестве самоцели, а как одну из первостепенных задач в срезе стратегии совершенствования правовой системы и повышения эффективности защиты и восстановления прав участников правоотношений. Кроме того, необходимо учитывать социальные и этические аспекты судопроизводства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судопроизводство, электронное правосудие, цифровизация, гражданское судопроизводство, информатизация судопроизводства, искусственный интеллект в судопроизводстве, цифровые технологии, цифровизация права.

Цитирование: Даниелян А. С. Перспективы применения искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве: оценка рисков и методы их минимизации // Государство и право. 2024. № 4. С. 192–196.

DOI: 10.31857/S1026945224040181

PERSPECTIVES OF THE APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CIVIL LEGAL PROCEEDINGS: RISK ASSESSMENT AND THE METHOD OF THEIR MITIGATION

© 2024 A. S. Danielyan

Kuban State University, Krasnodar

E-mail: armen1992@mail.ru

Received 12.04.2023

Abstract. The goal of this study is to explore the current state and prospects for the use of artificial intelligence (Artificial intelligence, AI) in the framework of the administration of justice, in particular, in civil proceedings. In light of constantly changing social relations and the growing need to use modern technologies in various areas of life, including legal ones, it is important to understand what opportunities artificial intelligence can provide to improve legal proceedings and ensure the protection of citizens' rights. The use of an artificial intelligence system in legal activities has a number of advantages, such as speeding up the decision-making process, increasing the accuracy and objectivity of decisions made, and improving the accessibility of justice. However, it is also necessary to take into account possible disadvantages, for example, the risk of data privacy violations and the possibility of errors in the algorithms, which can lead to an unfair decision. The final conclusion of the study is that the use of information technology and artificial intelligence systems should not be considered an end in itself but should be introduced as part of a strategy to improve the legal system and increase the effectiveness of the protection and restoration of the rights of subjects of legal relations. In addition, it is necessary to take into account the social and ethical aspects of legal proceedings.

Key words: artificial intelligence, legal proceedings, e-justice, digitalization, civil litigation, informatization of legal proceedings, artificial intelligence in legal proceedings, digital technologies, digitalization of law.

For citation: Danielyan, A.S. (2024). Perspectives of the application of artificial intelligence in civil legal proceedings: risk assessment and the method of their mitigation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 192–196.

Решения с использованием искусственного интеллекта становятся все совершеннее и используются все чаще, проникая в том числе и в судопроизводство. Подобные системы используются для протоколирования хода судебного разбирательства, систематизации процессуальных документов и анализа судебной практики. Основные причины использования данных систем: сокращение расходов и времени на судопроизводство, а также устранение субъективных факторов при принятии судебного решения или, иными словами, содействие в эффективной реализации принципов судопроизводства, в частности принципа процессуальной экономии и принципа законности.

В контексте гражданского судопроизводства ИИ как интеллектуальная система способен содействовать участникам судебного разбирательства систематизировать информацию по делу в заданных критериях, а также может вносить предложения или советы на основе имеющихся данных. В связи с этим судьям необходимо понимать, как работают системы с поддержкой ИИ, чтобы адекватно применять данные системы для повышения эффективности работы судов¹.

Обсуждается, что во многих отраслях компьютерные системы, особенно системы ИИ, шаг за шагом замещают людей на рабочих местах. Однако есть и другое мнение, что ни одна автоматизированная система не способна функционировать при отсутствии человеческого сопровождения — «ИИ никогда не будет разумным без продуктов человеческого интеллекта, которые служат ему источником знаний»². Несмотря на дискуссионность этого мнения, считаем, что в настоящий момент компьютерные системы и системы ИИ преимущественно дополняют людей на рабочих местах, упрощая выполнение отдельных, часто рутинных операций и существенно сокращая время на выполнение других. И это вариант этичного применения ИИ на рабочем месте, который следует поощрять³.

Вот несколько возможных способов использования системы ИИ в гражданско-процессуальной сфере.

¹ См.: Reiling A.D. Courts and Artificial Intelligence // International Journal for Court Administration. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 8.

² Godwin J. Position of Artificial Intelligence in Justice System: Justice of the Future. URL: <https://nji.gov.ng/wp-content/uploads/2021/12/Position-of-Artificial-Intelligence-in-Justice-System-Justice-of-the-Future-by-Joel-Gogwim.pdf>

³ См.: Jones N. AI science search engines expand their reach // Nature News. 2016. No. 11.

1. Организация информации о судебных делах. Систему ИИ можно использовать для распознавания шаблонов в текстовых документах и файлах при сортировке большого количества дел или в сложных делах, содержащих большой объем информации. Например, система искусственного интеллекта с машинным обучением под названием e-Discovery используется в США для обнаружения электронной информации по делу с целью использования ее в качестве доказательств в ходе судебного разбирательства.

2. Консультативный ИИ. Система с поддержкой ИИ может анализировать информацию, функционировать в режиме «вопрос-ответ» в контексте принятия решения, оставляя «последнее слово» за пользователем. Это может быть полезно судьям и потенциальным сторонам судебного дела, которые ищут решение своего спора. Таким образом, система может предотвратить споры или судебные дела, помогая сторонам решать проблемы между собой.

3. Юридическая аналитика. Системы с поддержкой ИИ могут предоставлять данные из судебной практики, которые юристы могут использовать при подготовке к текущим судебным процессам.

4. Автоматизация документооборота. Аппаратно-программные решения на базе ИИ могут служить инструментом при составлении и подаче юридических документов, в т.ч. процессуального характера (искового заявления, возражения, жалоб, ходатайств и др.).

5. Интеллектуальная собственность. Инструменты или решения на основе ИИ могут оказывать содействие в предоставлении информации о портфелях интеллектуальной собственности, т.е. осуществлять поиск и регистрацию товарных знаков, патентов, авторских прав и т.д.

Следует отметить, что за прошедшие 10 лет многие государства применяли искусственный интеллект при осуществлении судопроизводства⁴. Так, например разработка умного суда в КНР идет с 2014 года. Верховный народный суд КНР составил «дорожную карту», согласно которой к 2025 году применение

⁴ См.: Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex russica. 2019. № 11. С. 79–87; Его же. Цифровизация правосудия по гражданским делам: опыт ЕС // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 2. С. 3–7; Чудиновская Н.А. Некоторые направления цифровизации правосудия в России и странах Евросоюза // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7. С. 7–9.

искусственного интеллекта в судебной системе расширяется. Главные цели – ускорить рассмотрение дел, повысить доверие к судам, сделать процессы более удобными, устранить потенциальные возможности коррупции и злоупотреблений. Например, в 2017 г. в городе Ханчжоу заработал первый интернет-суд – он разбирает дела, связанные с интернет-делами, интернет-платежами, авторскими правами в сети Интернет, а также апелляции по ним⁵.

Если говорить о российской судебной системе, то полномасштабное применение ИИ планируется посредством введения суперсервиса «Правосудие онлайн». По замечанию председателя Совета судей РФ В.В. Момотова, основной задачей искусственного интеллекта в сервисе «Правосудие онлайн» станет автоматизированное составление проектов судебных актов на основе анализа текста процессуального обращения и материалов судебного дела, а также его использования для расшифровки аудиопротоколов, создания интеллектуальной поисковой системы с возможностью анализа и систематизации судебной практики⁶.

В целом использование искусственного интеллекта в организационной деятельности суда возможно без существенных ограничений, единственный значимый риск – безопасность персональных данных, материалов и сведений, поступающих и акумулирующихся в электронных системах.

Применение технологии слабого искусственного интеллекта в организационной деятельности суда позволит уменьшить рутинную работу судей и работников аппарата суда⁷.

Так, судья в Колумбии использовал нейросеть ChatGPT для консультации перед вынесением приговора. Журналисты отметили, что решение полностью принимал судья, а чат-бот нужен был только для ускорения процесса⁸. Консультация с нейросетью помогла ускорить процесс.

Схожего подхода к потенциальному применению искусственного интеллекта придерживаются и официальные представители российского судебского сообщества⁹. Искусственный интеллект не может стать гарантом защиты прав и свобод человека и обеспечить справедливое и гуманное правосудие. Поэтому его применение возможно только в ограниченном виде, с четко определенными рамками и правилами. Такая технология может быть использована для рассмотрения гражданских и административных дел по бесспорным требованиям, т.е. там, где принятие решения не связано с анализом правоотношений сторон и в большей степени имеет технический характер. Правоведами отмечается, что «необходимо проделать дополнительную работу как в доктринальной, так

⁵ См.: Интернет-суд: новый проект в действии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.obwbip.com/04D540/assets/files/News/Internet-Court-On-the-Fly-RU.pdf> (дата обращения: 25.03.2023).

⁶ См.: Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояния, перспективы использования // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 188–191.

⁷ См.: Криенко В. С. К вопросу о реализации принципа доступности правосудия и создания единого информационного пространства судебной системы // Администратор суда. 2019. № 1. С. 54–56.

⁸ См.: Судья в Колумбии использовал ChatGPT для вынесения приговора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://habr.com/en/news/t/714982/> (дата обращения: 25.03.2023); Colombian judge says he used ChatGPT in ruling [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/feb/03/colombia-judge-chatgpt-ruling> (дата обращения: 25.03.2023).

⁹ См.: Интервью председателя Совета судей Российской Федерации В. В. Момотова на X Всероссийском съезде судей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VDbxY6OHSsk&feature=youtu.be> (дата обращения: 25.03.2023).

и в технической областях, для нахождения способов имитации юридического мышления с помощью ИИ, а также правовой адаптации математических расчетов»¹⁰.

Бразильскими учеными было опубликовано обширное исследование о трудностях обеспечения справедливости и отсутствия предубеждений при принятии решений моделями искусственного интеллекта¹¹. В исследовании были использованы различные методы, техники и инструменты для обнаружения и устранения алгоритмической несправедливости и предубеждений.

Для устранения основных форм предвзятостей в обучающих данных, в алгоритмах, и во взаимодействии с пользователями, авторами были рассмотрены процессы предобработки, «внутренней» обработки и постобработки. Было обнаружено, что большинство рассмотренных обучающих выборок включают чувствительные атрибуты¹².

Авторы отмечают, что текущие исследования имеют ограничения в виде отсутствия многоклассовых и многометрических исследований, а также неоднородности результатов различных метрик критерия справедливости для конкретного случая. Выявлено, что необходимо проводить широкие исследования с использованием различных архитектур моделей и различных метрик, чтобы стандартизировать подходы и определить, какие метрики являются более подходящими в конкретных контекстах.

Внедрение решений на основе ИИ в судопроизводство может существенно сэкономить время и средства на рассмотрение и разрешение дела. Однако, внедрение таких решений несет с собой существенные риски.

Риски внедрения решений на основе ИИ. Как показывают опубликованные исследования, человек склонен доверять компьютеру и принимаемым им решениям больше, чем другим людям¹³. Люди также реже оспаривают решения, если знают, что их приняла автоматизированная система (эффект объективности). Это является большой проблемой в контексте того факта, что многие системы на основе ИИ усиливают стереотипы и паттерны, присущие в обучающих данных, что создает проблемы при внедрении подобных решений в судопроизводстве.

Типичную модель машинного обучения можно образно представить в виде «плохого отличника» – заучивает то, что ей демонстрируют в источнике информации (обучающие данные) и при этом ничего не понимает.

Так, например, в США правоохранительные органы все чаще используют системы для прогнозирования преступной деятельности и распределения собственных ресурсов. Тем не менее во многих юрисдикциях эти системы построены на данных, полученных в течение периодов расовой предвзятости и стереотипов, а порой и на основе противозаконных

¹⁰ Lim S. Judicial Decision-Making and Explainable Artificial Intelligence // Singapore Academy of Law Journal. 2021. No. 33. P. 313.

¹¹ См.: Pagano T.P., Loureiro R., Lisboa F. et al. Bias and Unfairness in Machine Learning Models: A Systematic Review on Datasets, Tools, Fairness Metrics, and Identification and Mitigation Methods // Big Data and Cognitive Computing. 2023. Vol. 7. No. 1. P. 15.

¹² Под чувствительными атрибутами понимаются характеристики (элементов в обучающих данных), которые во многих случаях не должны включаться в обучающую выборку, так как могут внести нежеланную предвзятость в модель ИИ (например, возраст, пол, рост, вес и т.д.).

¹³ См.: Bogert E., Schechter A., Watson R. T. Humans rely more on algorithms than social influence as a task becomes more difficult // Science Reports. 2021. No. 11. P. 8028.

традиций и политики (т.н. нечистоплотный общественный порядок¹⁴). Складывающаяся политика контроля формирует среду и методологию создания данных, что повышает риск формирования неточных, искаженных или систематически предвзятых сведений (*dirty date*)¹⁵.

Примером данной проблемы является расовая предвзятость данных систем. Проблема заключается в данных, на которых обучаются алгоритмы. В частности, алгоритмы прогнозирования легко искажаются частотой арестов. Согласно данным Министерства юстиции США, у чернокожего человека вероятность быть арестованым более чем в два раза выше, чем у белого. Чернокожего человека в пять раз чаще останавливают без уважительной причины, чем белого человека¹⁶. Исходя из этого, на основе обработки загруженных в систему данных, программой будет перенят идентичный паттерн расового критерия, т.е. «машина» смоделирует системную априорность виновности чернокожих граждан из-за их цвета кожи, так как если не все люди расисты и иногда задумываются и переоценивают свои решения, то модель, которая выучила, что так «правильно», – всегда будет так себя вести.

В настоящее время имеется несколько технических подходов к обнаружению предвзятостей в обучающих данных. Так, Чжэ Юй и Сяоцзинь Сю проанализировали перспективу применения разницы средних коэффициентов и разницы в равных возможностях для обнаружения несправедливости в человеческих решениях¹⁷. Однако, по их утверждению, использование этих метрик сильно полагается на корректность тестовых данных, тогда как в случае внедрения моделей ИИ в судопроизводство, ошибки могут присутствовать как в обучающих, так и в тестовых данных.

Еще один перспективный инструмент совершенствования моделей машинного обучения в контексте гражданского судопроизводства – метод предсказания следующего действия¹⁸. Суть данного подхода вкратце сводится к анализу потока событий в режиме реального времени для выявления аномалий в данных, с которыми система работает. В рамках гражданского судопроизводства такими данными могут быть различные процессуальные документы, поступающие от участников судебного разбирательства (исковые заявления, возражения, ходатайства, жалобы, встречный иск и т.д.). Например, система предсказывает какие документы должны прийти следующими и если приходят не те, то она отмечает их как требующие дополнительного внимания. Или «аномалии» в действиях судей и работников аппарата суда, если кто-то принимает нестандартное решение, то оно отмечается как требующие внимание (хотя нельзя не отметить спорность возможности выявления «аномалии поведения» в контексте реализации принципа независимости судей).

Помимо этого для минимизации ранее описанных проблем предлагается применять концепцию «групповой

справедливости», которая учитывает статистические данные и позволяет корректировать прогнозирование, делая его более точным и объективным. Кроме того, важно уделять внимание этическим аспектам использования машинного обучения, таким как прозрачность, объективность, защищенность персональных данных и отслеживаемость принимаемых алгоритмом решений¹⁹.

В контексте гражданского судопроизводства эти проблемы могут быть особенно актуальными, так как правильность и справедливость принимаемых судом решений зависят от того, какие данные используются для принятия этих решений и как они интерпретируются алгоритмами машинного обучения. Поэтому важно обеспечить прозрачность и объективность принимаемых алгоритмом решений, а также учитывать факторы «групповой справедливости» при работе с данными и принятии решений.

По итогам исследования были сформированы методологические принципы для внедрения решений на основе искусственного интеллекта в практической плоскости и минимизация рисков его использования. В рамках этих принципов необходимо осуществлять внедрение решения в три этапа.

Этап 1. Ручной процесс. т.е. внедрение в отдельных судах разработанного ИИ решения в судебный процесс. Данный этап сводится к записи решения модели и решения участников судебного процесса, их сопоставления и отправки модели на доработку (при наличии существенных расхождений). Первый этап считается завершенным, когда расхождения между решениями системы и участников судебного процесса минимальны.

Этап 2. Ограниченнное развертывание. На этом этапе мы позволяем автоматизированной системе принимать решения самостоятельно, однако участники судебного разбирательства должны периодически анализировать принимаемые автоматизированной системой решения и, в случае обнаружения существенных расхождений с оптимальными решениями, возвращаться к первому этапу. На втором этапе имеет смысл ограничить масштаб внедрения автоматизированной системы для того, чтобы сократить риски, которые могут возникнуть в случае ошибок автоматизированной системы (например, внедрить ее только в некоторых судах). Если анализ системы не выявляет существенных ошибок, то следует перейти к следующему этапу.

Этап 3. Постепенное расширение. На этом этапе мы постепенно увеличиваем количество судов, в которых мы используем разработанную систему для автоматизированного принятия решений. Обычно на этом этапе не представляется практичным продолжать проверять решения автоматизированной системы вручную, но, так как ошибки в решениях автоматизированной системы могут возникнуть, необходимо всем участникам судебного процесса, на которых эти решения влияют, предоставить простой и удобный способ оспорить эти решения. В случае выявления ошибок в работе системы на данном этапе имеет смысл остановить развертывание и в зависимости от важности и количества выявленных ошибок вернуться ко второму или даже к первому этапу²⁰.

Данные принципы универсальны и позволяют успешно и безопасно внедрить различные решения на основе искусственного интеллекта в деятельность по управлению правосудия, в том числе в рамках гражданского судопроизводства.

¹⁴ Dirty policing (англ.).

¹⁵ См.: Richardson R., Schultz J., Crawford K. Dirty Data, Bad Predictions: How Civil Rights Violations Impact Police Data, Predictive Policing Systems, and Justice // New York University Law Review. 2019. Vol. 94. Pp. 192–233.

¹⁶ См.: Yu Z., Xi X. A Pilot Study on Detecting Unfairness in Human Decisions with Machine Learning Algorithmic Bias Detection // arXiv. 2021. No. 12. Pp. 1–9.

¹⁷ См.: Heaven W.D. Predictive policing algorithms are racist. They need to be dismantled // MIT Technology Review. 2020. No. 3.

¹⁸ См.: Lee S., Lu X., Reijers Hajo A. The Analysis of Online Event Streams: Predicting the Next Activity for Anomaly Detection // arXiv. 2022. No. 3. Pp. 1–10.

¹⁹ См.: Pagano T.P., Loureiro R., Lisboa F., Araujo M. Op. cit. P. 15.

²⁰ См.: Ховард Д., Гуггер С. Глубокое обучение с fastai и PyTorch: минимум формул, минимум кода, максимум эффективности. СПб., 2022.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex russica. 2019. № 11. С. 79–87.
2. Бирюков П.Н. Цифровизация правосудия по гражданским делам: опыт ЕС // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 2. С. 3–7.
3. Крисько В.С. К вопросу о реализации принципа доступности правосудия и создания единого информационного пространства судебной системы // Администратор суда. 2019. № 1. С. 54–56.
4. Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 188–191.
5. Ховард Д., Гуггер С. Глубокое обучение с fastai и PyTorch: минимум формул, минимум кода, максимум эффективности. СПб., 2022.
6. Чудиновская Н.А. Некоторые направления цифровизации правосудия в России и странах Евросоюза // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7. С. 7–9.
7. Bogert E., Schechter A., Watson R. T. Humans rely more on algorithms than social influence as a task becomes more difficult // Science Reports. 2021. No. 11. P. 8028.
8. Heaven W.D. Predictive policing algorithms are racist. They need to be dismantled // MIT Technology Review. 2020. No. 3.
9. Godwin J. Position of Artificial Intelligence in Justice System: Justice of the Future. URL: <https://nji.gov.ng/wp-content/uploads/2021/12/Position-of-Artificial-Intelligence-in-Justice-System-Justice-of-the-Future-by-Joel-Gogwim.pdf>
10. Jones N. AI science search engines expand their reach // Nature News. 2016. No. 11.
11. Lee S., Lu X., Reijers Hajo A. The Analysis of Online Event Streams: Predicting the Next Activity for Anomaly Detection // arXiv. 2022. No. 3. Pp. 1–10.
12. Lim S. Judicial Decision-Making and Explainable Artificial Intelligence // Singapore Academy of Law Journal. 2021. No. 33. P. 313.
13. Pagano T.P., Loureiro R., Lisboa F., et al. Bias and Unfairness in Machine Learning Models: A Systematic Review on Datasets, Tools, Fairness Metrics, and Identification and Mitigation Methods // Big Data and Cognitive Computing. 2023. Vol. 7. No. 1. P. 15.
14. Reiling A.D. Courts and Artificial Intelligence // International Journal for Court Administration. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 8.
15. Richardson R., Schultz J., Crawford K. Dirty Data, Bad Predictions: How Civil Rights Violations Impact Police Data, Predictive Policing Systems, and Justice // New York University Law Review. 2019. Vol. 94. Pp. 192–233.
16. Yu Z., Xi X. A Pilot Study on Detecting Unfairness in Human Decisions with Machine Learning Algorithmic Bias Detection // arXiv. 2021. No. 12. Pp. 1–9.

Сведения об авторе

ДАНИЕЛЯН Армен Сергеевич –
 кандидат юридических наук,
 доцент кафедры гражданского процесса
 и международного права Кубанского
 государственного университета;
 350040 г. Краснодар,
 ул. Ставропольская, д. 149

REFERENCES

1. Biryukov P.N. Artificial intelligence and “predicted justice”: foreign experience // Lex russica. 2019. No. 11. Pp. 79–87 (in Russ.).
2. Biryukov P.N. Digitalization of justice in civil cases: EU experience // Arbitration and Civil Procedure. 2022. No. 2. Pp. 3–7 (in Russ.).
3. Krisko V.S. On the issue of the implementation of the principle of accessibility of justice and the creation of a unified information space of the judicial system // Court Administrator. 2019. No. 1. Pp. 54–56 (in Russ.).
4. Momotov V.V. Artificial intelligence in legal proceedings: state, prospects of use // Herald of Kutafin University (MSLA). 2021. No. 5. Pp. 188–191 (in Russ.).
5. Howard D., Gugger S. Deep learning with fast ai and PyTorch: minimum formulas, minimum code, maximum efficiency. SPb., 2022 (in Russ.).
6. Chudinovskaya N.A. Some directions of digitalization of justice in Russia and the EU countries // Arbitration and Civil Procedure. 2022. No. 7. Pp. 7–9 (in Russ.).
7. Bogert E., Schechter A., Watson R. T. Humans rely more on algorithms than social influence as a task becomes more difficult // Science Reports. 2021. No. 11. P. 8028.
8. Heaven W.D. Predictive policing algorithms are racist. They need to be dismantled // MIT Technology Review. 2020. No. 3.
9. Godwin J. Position of Artificial Intelligence in Justice System: Justice of the Future. URL: <https://nji.gov.ng/wp-content/uploads/2021/12/Position-of-Artificial-Intelligence-in-Justice-System-Justice-of-the-Future-by-Joel-Gogwim.pdf>
10. Jones N. AI science search engines expand their reach // Nature News. 2016. No. 11.
11. Lee S., Lu X., Reijers Hajo A. The Analysis of Online Event Streams: Predicting the Next Activity for Anomaly Detection // arXiv. 2022. No. 3. Pp. 1–10.
12. Lim S. Judicial Decision-Making and Explainable Artificial Intelligence // Singapore Academy of Law Journal. 2021. No. 33. P. 313.
13. Pagano T.P., Loureiro R., Lisboa F., et al. Bias and Unfairness in Machine Learning Models: A Systematic Review on Datasets, Tools, Fairness Metrics, and Identification and Mitigation Methods // Big Data and Cognitive Computing. 2023. Vol. 7. No. 1. P. 15.
14. Reiling A.D. Courts and Artificial Intelligence // International Journal for Court Administration. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 8.
15. Richardson R., Schultz J., Crawford K. Dirty Data, Bad Predictions: How Civil Rights Violations Impact Police Data, Predictive Policing Systems, and Justice // New York University Law Review. 2019. Vol. 94. Pp. 192–233.
16. Yu Z., Xi X. A Pilot Study on Detecting Unfairness in Human Decisions with Machine Learning Algorithmic Bias Detection // arXiv. 2021. No. 12. Pp. 1–9.

Authors' information

DANIELYAN Armen S. –
 PhD in Law,
 Associate Professor of the Department
 of Civil Procedure and International Law
 at Kuban State University;
 149 Stavropolskaya str.,
 350040 Krasnodar, Russia

УДК 342.7

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ,
ПОЗИТИВАЦИИ И ЗАЩИТЫ. К 75-ЛЕТИЮ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)**

© 2024 г. Н. В. Варламова*, Т. А. Васильева**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: varlam_n@list.ru

**E-mail: tan-vas@mail.ru

Поступила в редакцию 31.01.2024 г.

Аннотация. 18 октября 2023 г. в Институте государства и права РАН состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Права человека: проблемы концептуализации, позитивизации и защиты. К 75-летию Всеобщей декларации прав человека». В ее работе приняли участие представители ведущих российских научных и учебных учреждений, а также исследователи из Беларуси и Узбекистана. На конференции было подчеркнуто непреходящее значение Всеобщей декларации для утверждения международных стандартов обеспечения прав человека. Участники научного мероприятия обсудили широкий круг проблем, связанных с развитием доктрины прав человека и практики их защиты в современных условиях, характеризующихся усложнением международных отношений, диверсификацией социального неравенства и внедрением новых технологий.

Ключевые слова: права человека, Всеобщая декларация прав человека, коллективные права, традиционные ценности, искусственный интеллект, цифровизация.

Цитирование: Варламова Н.В., Васильева Т.А. Права человека: проблемы концептуализации, позитивизации и защиты. К 75-летию Всеобщей декларации прав человека (Всероссийская научная конференция с международным участием) // Государство и право. 2024. № 4. С. 197–210.

DOI: 10.31857/S1026945224040196

**HUMAN RIGHTS: PROBLEMS OF CONCEPTUALIZATION,
POSITIVIZATION AND PROTECTION. ON THE 75th ANNIVERSARY
OF THE UNIVERSAL DECLARATION OF HUMAN RIGHTS
(ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION)**

© 2024 N. V. Varlamova*, T. A. Vasilieva**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Science, Moscow

*E-mail: varlam_n@list.ru

**E-mail: tan-vas@mail.ru

Received 31.01.2024

Abstract. On October 18, 2023 the Institute of State and Law of the RAS hosted the All-Russian Scientific Conference with international participation “Human rights: problems of conceptualization, positivization and protection. On the 75th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights”. It was attended by representatives of leading Russian scientific and educational institutions, as well as researchers from Belarus and Uzbekistan. The Conference emphasized the continuing importance of the Universal Declaration for the establishment of international human rights standards. The participants of the scientific event discussed a wide range of problems related to the development of the doctrine of human rights and the practice of their protection in modern conditions characterized by the increasing complexity of international relations, the diversification of social inequalities and the introduction of new technologies.

Key words: human rights, Universal Declaration of Human Rights, collective rights, traditional values, artificial intelligence, digitalization.

For citation: Varlamova, N.V., Vasilieva, T.A. (2024). Human rights: problems of conceptualization, positivization and protection. On the 75th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights (The All-Russian Scientific Conference with international participation) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 197–210.

Пленарное заседание конференции открыл директор Института государства и права РАН, член-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф. А.Н. Савенков. Он отметил, что большинство прав человека, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека¹, например право на жизнь и право на свободу, сохраняют свою актуальность и сегодня. Вместе с тем многие положения Декларации нуждаются в уточнении и развитии с учетом новых социальных реалий и изменившейся geopolитической обстановки.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф. Т.Н. Москалькова. Она подчеркнула, что Всеобщая декларация прав человека, являясь историческим документом, была и остается ключевым ориентиром для всего международного сообщества, объединяет государства в их стремлении обеспечить признание, соблюдение и защиту прав и свобод, присущих каждому человеку. Всеобщая декларация подвела итог длительной борьбы человечества против угнетения и несправедливости, за уважение человеческого достоинства, положила начало разработке основных международных стандартов в области прав человека, обеспечила дальнейшее расширение каталога прав и их реализацию всеми имеющимися у мирового сообщества средствами. Поэтому так важно сохранить авторитет Декларации, подтвердить приверженность ее духу и букве. Права и свободы человека – не застывшая категория. Новые возможности, потребности и угрозы, возникающие в современном мире, требуют доктринального переосмысливания системы прав человека и механизмов их обеспечения и защиты, а также разработки необходимых для этого международных стандартов.

Заместитель руководителя аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации – начальник Управления судебной защиты, д-р юрид. наук, проф. У.А. Омарова акцентировала внимание на том, что в основе Всеобщей декларации прав человека лежат идеи свободы, равенства, гуманизма и справедливости. В современных условиях выстраивания новой системы международных отношений и безопасности актуальность и значимость Всеобщей декларации прав человека чрезвычайно возрастает. Она остается основным международным документом, приверженность принципам которого будет способствовать усилению

механизмов, призванных обеспечить защиту прав человека. Необходимо неукоснительно следовать имплементированным в российское законодательство международным нормам и принципам в области прав и свобод человека.

Конституция РФ закрепляет практически весь комплекс прав и свобод человека, содержащихся во Всеобщей декларации. В России создана своя достаточно развитая национальная система защиты прав человека, которая позволяет обеспечивать уважение государством конституционных прав и свобод человека, исполнение взятых на себя социальных обязательств. Особое место среди государственных правозащитных структур занимает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, являющийся гарантом государственного признания, соблюдения и защиты прав и свобод граждан, их уважения органами государственной власти и должностными лицами.

Важнейшее направление деятельности Уполномоченного – рассмотрение обращений граждан о нарушении их прав. За последние три года (2021–2023) им было рассмотрено около 200 тыс. жалоб. Только в 2022 г. положительно разрешены 4726 обращений, восстановлены права и оказано содействие в реализации прав более чем 255 тыс. граждан, в том числе адресную помощь получили 13 715 человек. В органы государственной власти направлено более 300 обращений по вопросам совершенствования законодательства о правах человека; предложения Уполномоченного учтены в более чем 40 федеральных законах. Реализовано свыше 220 мероприятий в области правового просвещения. Заключено более 30 соглашений о сотрудничестве с зарубежными омбудсменами, в рамках которых осуществляются обмен опытом и правовая поддержка соотечественников за рубежом.

По мнению д-ра юрид. наук, проф. В.А. Карташкина (ИГП РАН), Всеобщую декларацию прав человека справедливо рассматривают в качестве основы развития международного права; она провозглашает вечные ценности и является добрым фундаментом правового развития современного мира. В результате обычной и договорной практики принципы и нормы Декларации стали обязательными для всех государств. На ее основе были приняты два Пакта², семь конвенций по правам человека, создан их контрольный механизм. Под влиянием Декларации изменились многие принципы и нормы международного права.

¹ Принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г. (см.: Организация Объединенных Наций // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv_declarations/declhr.shtml (дата обращения: 29.01.2024)).

² См.: Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г.; Международный пакт о социальных, экономических и культурных правах от 16.12.1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291.

Следует отметить, что развитие международного права идет нелинейно, периоды подъема сменяются спадом. Сейчас наступил период резкого обострения международных отношений, международное право переживает глубокий кризис. Данный кризис отражается и на отношении к Всеобщей декларации: ослабло ее значение как регулятора прав человека, многие ее положения бездействуют, происходят их массовые и масштабные нарушения. Кризис затронул и Организацию Объединенных Наций. Некоторые государства говорят о необходимости выхода из ООН и ее специализированных учреждений. Многие государства стали выходить из отдельных международных соглашений.

Однако нельзя торопиться с выходом из международных организаций и международных соглашений, не говоря уже о коренном реформировании ООН или даже выходе нашей страны из ее специализированных учреждений. Современное международное право создавалось при активном участии СССР и России, и в целом оно отражает наши интересы. Именно Советский Союз, а также США заложили основу Устава ООН³ и многих его положений, в частности принципа вето.

Важно учитывать, что сейчас мир становится все более многополярным, и в этом мире России сложнее будет отстаивать свои интересы. Представляется, что нашей стране целесообразно направить политические, дипломатические и иные усилия на укрепление международного права, стремиться к развитию отношений со всеми государствами, а не изолироваться от остального мира.

В докладе д-ра юрид. наук, проф. А.И. Ковлера (ИЗиСП при Правительстве РФ) подчеркивалось, что в разработке текста Всеобщей декларации принимали участие эксперты из 18 стран пяти континентов, включая СССР (который представлял В.М. Корецкий), поэтому содержащиеся в ней положения предполагали последующую адаптацию к национальным условиям. Докладчик напомнил, что еще в 1988 г. в ходе мероприятий, посвященных 40-летию Всеобщей декларации (впервые официально отмечаемому в нашей стране), группой сотрудников Института государства и права АН СССР во главе с Е.А. Лукашевой был разработан текст советского варианта Декларации прав и свобод человека, который был принят последним Съездом народных депутатов СССР 5 сентября 1991 г. № 2393-І⁴ и лег в основу Декларации прав и свобод человека и гражданина, утвержденной Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г. № 1920-І⁵. Благодаря инициативе ученых Института государства и права РАН, которые активно участвовали в работе Конституционного совещания 1993 г. и в разработке текста Конституции РФ 1993 г., многие положения Декларации были положены в основу ее первой и второй глав.

Анализ современных конституций, проведенный в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, показал, что более чем в ста конституциях многие положения Всеобщей декларации воспроизведены практически буквально, в остальных близко к ее тексту, но одновременно большинство конституций содержат положения, отражающие культурные, религиозные традиции той или иной страны. Конституция РФ

³ Подписан 26.06.1945 г. в Сан-Франциско по завершении Конференции ООН по международной организации, вступил в силу 24.10.1945 г. (см.: Организация Объединенных Наций // <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter> (дата обращения: 29.01.2024)).

⁴ См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 37, ст. 1083.

⁵ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 52, ст. 1865.

не является исключением. Ряд ее предписаний очевидно преследуют цель недопущения практик недавнего прошлого: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ч. 2 ст. 13); «Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности» (ч. 1 ст. 26); «Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается» (ч. 5 ст. 29) и т.п. Положение ч. 3 ст. 38 (кстати, воспроизведенное в конституциях ряда постсоветских стран) – «Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях» – воспринимается у нас как моральный императив, возвещенный в ранг конституционного требования, а многим европейцам кажется весьма спорным. Все эти примеры со всей очевидностью подтверждают диалектику универсального и национального в современной доктрине прав человека.

Сейчас много говорят о необходимости пересмотра Всеобщей декларации прав человека, которая является неисполнимой в связи с абстрактностью ее положений и не соответствует реалиям цифровой эпохи. Декларация – это Библия прав человека, задача новых поколений давать ей актуальное толкование, разрабатывать адаптированные к национальным условиям механизмы имплементации ее положений, но текст Декларации давайте оставим неприкоснутым.

Всеобщая декларация прав человека, как отметил д-р юрид. наук, проф. Д.И. Дедов (МГУ им. М.В. Ломоносова), была принята Генеральной Ассамблеей ООН в целях недопущения повторения ужасов Второй мировой войны. Признание концепции прав человека на международном уровне предполагало создание механизмов защиты от нацизма и тоталитаризма. Однако со временем реализация концепции через региональные правовые механизмы в Европе, Латинской Америке и Африке продемонстрировала новые возможности и новые вызовы для государств. Защита основных прав и свобод человека на деле означает ограничение власти государства как во внутренних, так и во внешних делах. Государства теперь не могут действовать произвольно или исключительно в своих собственных интересах (*opinion necessitatis*). Органы власти должны искать баланс публичных и частных интересов, учитывать требования верховенства права, соразмерности принимаемых мер и даже исполнять позитивные обязательства для обеспечения прав своих граждан.

Декларация предполагала, что человек должен быть признан субъектом международного права, однако это признание затянулось на 76 лет, и вне обязательного механизма защиты основных прав государства по-прежнему обладают иммунитетом даже в случае нарушения норм международного права *jus cogens*. Хотя, согласно Декларации «необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона» (пreamble), концепция прав человека до сих пор остается феноменом права, во многом изолированным от традиционных правовых систем и правовых доктрин, что затрудняет ее применение на практике.

Провозглашенный в Декларации запрет дискриминации по признакам расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, со словного или иного положения (ст. 2) оказался хрупким. Выяснилось, что он может быть преодолен институциональным способом, например, на основе принципа светского государства. Данный принцип означает невмешательство или равную поддержку всех религиозных конфессий,

но используется для обоснования ограничений свободы исповедовать религию, отправлять религиозные культуры и соблюдать религиозные традиции. Это подрывает универсальный характер прав человека и умаляет значение принципа недискриминации.

Юридическая сила Всеобщей декларации прав человека, указал канд. юрид. наук, доц. М. В. Антонов (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург), производна от двух базовых источников международного права: обычая (обычное и поэтому общепринятое поведение государств и иных субъектов международного права) и доктрины (труды ведущих правоведов, отражающие общие убеждения правового общества). Сегодня нередко говорят об ослаблении основанных на Декларации институтов защиты прав человека, о необходимости замены этих институтов и самой Декларации новыми инструментами. Вместе с тем проблематика эффективности институтов защиты прав человека должна рассматриваться в контексте действенности базовых источников международного права – обычая и доктрины. Этот ракурс анализа вскрывает трудности, с которыми в настоящее время сталкивается международно-правовая система защиты прав человека и все международное право в целом. Претензии западных стран на гегемонию уже выглядят неубедительно, а остальной мир фрагментируется, чтобы построить новые противовесы и ввести поведение субъектов международного права в обновленные рамки обычности и общепринятости.

Казалось бы, такой ход событий подтверждает диагноз «смерти» международного права и входящей в него международной системы защиты прав человека и необходимости замены действующих инструментов на новые. Но, с одной стороны, при слабости нормативных основ международного права (обычая и доктрины) успех такого предприятия отнюдь не гарантирован. С другой – слухи о кончине международного права явно преувеличены. До настоящего времени продолжают свою работу ООН и иные международно-правовые институты, созданные в послевоенное время, сохраняют свою юридическую силу множество международно-правовых договоров и конвенций. Да, есть проблемы с их интерпретацией и имплементацией, но это не означает юридического отмирания действующих механизмов, скорее указывает на необходимость прикладывать все больше усилий для преодоления проблем их функционирования. Подавляющее большинство государств не отрицают заложенные во Всеобщей декларации принципы, которые послужили основой для разработки многих международных договоров в сфере защиты прав человека, в том числе и двух Пактов 1966 г. Те концептуальные представления, которые выражены в Декларации (недопустимость повторения преступлений нацистского режима, произвольного лишения и ограничения правосубъектности, неравенства людей по расовому и иным признакам), отражали в то время *communis opinio* международного общества. Не следует забывать, что именно СССР – предшественник Российской Федерации – стоял во главе борьбы с нацизмом и расовой дискриминацией (институтами сегрегации и расового неравенства в США, ЮАР и других странах) в послевоенном мире. Базовые положения доктрины прав человека, нашедшие свое воплощение во Всеобщей декларации, и сегодня сохраняют свое значение. На этой основе и следует укреплять и развивать современную систему международного права.

О вкладе ученых Института государства и права РАН в развитие отечественной доктрины прав человека рассказала канд. юрид. наук, доц. Н. В. Колотова (ИГП РАН).

В 1970-х годах была признана применимость концепции прав человека к социалистической правовой системе. В Институте государства и права АН СССР начались активные исследования принципов взаимодействия государства и гражданина, правового статуса личности (Е. А. Лукашева, В. А. Туманов, Г. В. Мальцев, В. М. Чхиквадзе, Н. В. Витрук, В. А. Патюлин), что привело к формированию социалистической концепции прав человека. Большое значение для признания универсального характера прав человека имело обоснование необходимости отказа от исключительно легитимного подхода к пониманию права в ходе развернувшейся в Институте на рубеже 70–80-х годов дискуссии о правопонимании и различении права и закона (В. С. Нерсесянц, Л. С. Мамут, В. Г. Графский, Р. З. Лившиц). На базе этих научных достижений в период перестройки в Институте были разработаны первые отечественные декларации прав человека. Особо был отмечен вклад исследователей Института в развитие цивилизационного подхода к праву, на основе которого возможно признание многообразия способов реализации универсальных стандартов прав человека с учетом ценности уникального российского опыта (Е. А. Лукашева, А. И. Ковлер, Л. Р. Сюкияйнен, М. А. Супатаев).

Конференция продолжила работу в рамках трех секций. На первой секции «Права человека в социальном измерении» обсуждались вопросы обеспечения конкретных прав человека и обоснования их необходимых ограничений.

Теоретические и практические аспекты трактовки прав человека с точки зрения различных типов правопонимания были предметом рассмотрения в докладе канд. юрид. наук М. С. Пермиловского (Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова) и М. Г. Виловой (Арбитражный суд Архангельской области). Юснатурализм позволяет оценивать содержание прав человека сквозь призму понятий «равенство», «свобода», «справедливость», «ценность», «совесть», что, в частности, следует из Всеобщей декларации прав человека. С одной стороны, это способствует человекоориентированности права, но, с другой – в правоприменительной практике создает риски необъективности, небеспричастности, коррупционности. Нормативизм требует четкости и предсказуемости регулирования, но при этом допускается «механическая» правоприменение, что в условиях лаконичности формулировок норм права или их несогласованности может привести к тому, что правовое регулирование не будет в полной мере ориентировано на обеспечение прав человека. Указанные типы правопонимания обусловливают два подхода к истолкованию прав человека – расширительный (эволюционный, телологический, ценностный) и буквальный (когда для разрешения спора необходима лишь система непротиворечивых норм права, а не поиск их ценностных смыслов). Первый подход применяется в практике конституционного контроля. Второй – приемлем для судов общей и специальной юрисдикции при условии совершенства нормативной базы. Однако он в полной мере не применим при наличии скрытых противоречий отраслевых норм права конституции, которые обнаруживаются в процессе реализации прав человека. Данные противоречия, исходя из высшей ценности прав человека, должны устанавливаться и преодолеваться при помощи присущего юснатурализму ценностного толкования конституционных и иных норм права и поиска баланса затрагиваемых интересов.

По мнению канд. юрид. наук, доц. И. Ф. Мачина (МГУ им. М. В. Ломоносова), о правах человека в настоящее время следует говорить только с учетом его включенности в биосферу. Принято различать теоцентристскую и антропоцентристскую картины мира. Но сегодня ни одна

из них не позволяет решить глобальную проблему современности – сохранение биоразнообразия на планете Земля. Представляется, что эта проблема может быть решена только в рамках космоцентристской (или биоцентристской) картины мира. Начиная со второй половины XX в. такого видения мира начинают придерживаться все больше философов и юристов. И уже можно говорить об определенной философской и юридической традиции, у истоков которой, как представляется, стоят Протагор и Ульпиан.

В 1990 г. во Франции была опубликована работа М. Серра «Договор с природой»⁶, в которой автор обосновывает, что права человека как представителя рода живых существ следует рассматривать лишь как права гостей на планете Земля. В 1992 г. вышла книга другого французского философа Л. Ферри «Новый экологический порядок», второе название которой – «Дерево, животное, человек»⁷ говорит само за себя. Но наиболее знаковой работой по этой теме является опубликованный в 2015 г. в США совместный труд американского физика австрийского происхождения Ф. Капра и итальянского юриста У. Маттеи «Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом»⁸, где авторы рассуждают о расширении круга субъектов права: «Исследователи в США и за рубежом трудятся, не покладая рук, чтобы разработать формы общего доверительного владения для будущих поколений, наделить деревья правосубъектностью или даже обеспечить будущим поколениям адвоката либо какой-то аналогичный институциональный инструмент для защиты общедоступных благ, которые исключаются из рыночной логики»⁹. Они вводят понятие «экоправа, основанного на соучастии»¹⁰ и ставят задачу создания правовой системы, находящейся «в гармонии с природой и обществом», что отражает второе название книги. Заметим также, что в 1990 г. в немецком Гражданское уложение были внесены изменения, исключившие домашних животных из понятия вещей, на которые распространяется право собственности. В § 90а было сформулировано лаконичное, но весьма знаковое положение: «Животные не являются вещами»¹¹. Это можно трактовать как признание за домашними животными правосубъектности.

Представляется, что права человека следует формулировать, исходя из «партнерских взаимоотношений» с природой. Об этом еще в 1983 г. писал немецкий философ права К. Кюль, справедливо полагая, что любое разрушение природы автоматически отражается на физическом, социальном и правовом существовании человека, так как природа содержит элементарные предпосылки человеческой жизни, а значит, и условия реализации человеческой свободы¹².

И.И. Зайцев (ИГП РАН) представил развитие философско-политического осмыслиения права на жизнь. Изначально (в Античность) оно распространялось на ограниченную

группу лиц – на полноправных граждан полиса, исключая не только рабов, но и женщин и детей. Детальное внимание праву на жизнь удалено в работах Т. Гоббса¹³ и Дж. Локка¹⁴. Оба автора трактуют его как неотчуждаемое естественное право человека, на которое не может посягать государство. Суверен не вправе лишить жизни гражданина или заставить его причинить вред другому человеку. Право на жизнь находится в сфере частной жизни и не выходит в публичное пространство, где его реализация могла бы зависеть от государства. В XX в. французский исследователь М. Фуко обращает внимание на влияние государства на право на жизнь. Он вводит специальный термин «биополитика»¹⁵, который означает политику государства, направленную на контроль жизни человека. В рамках биополитики государство стремится максимально продлить жизнь человека, этому, в частности, способствует развитие медицины. Тогда же формируется демография как наука управления численностью населения и появляются новые критерии оценки эффективности деятельности государства, связанные с демографическими показателями. Таким образом государство пытается вывести право на жизнь из частной сферы и взять его под свой контроль. Камерунский исследователь А. Мбембе развивает идеи М. Фуко, вводя в оборот новый термин «некрополитика»¹⁶. Если биополитика стремится к сохранению жизни человека, в том числе и «заставляя» его жить, то некрополитика предполагает право решать, кто должен умереть. Таким образом, право на жизнь претерпело существенную трансформацию. Если во время становления права на жизнь его реализация была выведена из-под власти государства, то на современном этапе наблюдается обратная тенденция – государство стремится контролировать его осуществление.

Истории становления права на личную неприкосновенность был посвящен доклад д-ра юрид. наук, доц. Т.А. Алексеева (**НИУ ВШЭ**). Оно стало закрепляться в конституционных актах в XX в., однако истоки данного права прослеживаются еще в *Habeas corpus Act 1679* г. Образцом для развития конституционного законодательства различных стран стали положения французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., согласно ст. 4 которой никто не может подвергнуться обвинению, задержанию или заключению иначе как в случаях, предусмотренных законом, и в предписанных им формах. В XIX в. соответствующие положения вводились в учредительные акты для обеспечения личной свободы (ст. 26 Альбертинского статута 1848 г.). В целях предотвращения незаконных арестов и иных способов ограничения свободы устанавливался максимальный срок задержания до вынесения судебного решения (ст. 3 Конституции Испании 1869 г.). В этот же период разрабатываются положения об обязательности принятия закона, превентивно и временно разрешающего приостановление действия гарантий неприкосновенности личности в случае экстраординарных ситуаций или угрозы безопасности страны.

В XX в. понятие «неприкосновенность личности» стало включать не только физический, но и психологический аспект, соответствующее право было признано на международном уровне. В настоящее время ведется дискуссия о степени совпадения понятий «неприкосновенность личности» и «личная

⁶ Serres M. Le contrat naturel. Paris, 1990.

⁷ См.: Ferry L. Le nouvel ordre écologique. L'arbre, l'animal et l'homme. Paris, 1992.

⁸ Capra F, Mattei U. The Ecology of Law: Toward a Legal System in Tune with Nature and Community. San Francisco, 2015.

⁹ Ibid. P. 291.

¹⁰ Ibid. P. 289.

¹¹ BGB. URL: <https://buergerliches-gesetzbuch.net/paragraph-90a> (дата обращения: 29.01.2024).

¹² См.: Kühl K. Zwei Aufgaben für ein modernes Naturrecht // Das Naturrechtsdenken Heute und Morgen: Gedächtnisschrift für René Marcic / hrsg. von D. Mayer-Maly von, P.M. Simmons. Berlin, 1983. Ss. 817–832.

¹³ См.: Гоббс Т. Левиафан. М., 2001.

¹⁴ См.: Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. Челябинск, 2014.

¹⁵ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с франц. А.В. Дьякова. СПб., 2010.

¹⁶ Mbembe A. Necropolitics. NY, 2019.

неприкосновенность» и об особенностях реализации данного права в условиях научно-технического прогресса.

Как отметила д-р юрид. наук, проф. М. В. Немытина (РУДН им. Патриса Лумумбы), в науке остается нерешенным вопрос о том, с какого момента можно говорить об институциональном оформлении прав человека в России. Очевидно, ответ на него зависит от того, в какой системе координат вести отсчет времени и какую модель обеспечения и защиты прав человека брать за основу. Так, в контексте западных либеральных ценностей (либерализм – это прежде всего свобода собственности) достаточно широко распространено мнение, что права человека утвердились в России только в 1990-е годы. В данном случае отрицается советская социалистическая модель обеспечения и защиты прав человека и гражданина, построенная на социальном равенстве, гарантированности социальных прав, единстве прав и обязанностей. Показательно, что после установления советской власти в 1917 г. аналогичным образом отрицались достижения в области обеспечения прав человека, имевшие место в Российской Империи. Но, даже учитывая ограниченный характер реализации прав человека в условиях самодержавия, нельзя не признать, что Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка»¹⁷ провозгласил неприкосновенность личности, свободу совести, свободу слова, собраний и союзов. Более того, институциональное оформление прав человека в России началось даже не в начале XX в., а еще во второй половине XIX в. Судебными уставами 1864 г. был установлен принцип формального равенства – равенства всех российских подданных перед законом и судом, введены процедуры судебной защиты личности от произвола в сфере уголовного преследования. В других странах эти вопросы решались на конституционном уровне. Таким образом, реформы второй половины XIX в. во многом были конституционными по своему характеру и направлены на обеспечение и защиту прав человека. В целом традицию прав человека в российской культуре нельзя признать устоявшейся, она все время меняет векторы своего развития, что дезориентирует не только профессиональное юридическое сообщество, но и миллионы граждан страны.

Доклад канд. юрид. наук Н. С. Малютина (МГУ им. М. В. Ломоносова, ИЗиСП при Правительстве РФ) был посвящен конституционно-судебной интерпретации права на судебную защиту. Всеобщая декларация прав человека указывает на необходимость обеспечения в национальном правопорядке эффективного восстановления в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения основных прав, предоставленных человеку конституцией или законом (ст. 8). Развивая данные положения, Конституция РФ весьма лаконично установила достаточно емкое требование гарантировать каждому судебную защиту его прав и свобод (ч. 1 ст. 46). Как показывает практика, столь краткие формулировки положений, имеющих принципиальное значение, нередко порождают вопросы при их реализации. Конституционное право на судебную защиту не является исключением, поэтому не последнюю роль в его содержательном наполнении играет Конституционный Суд РФ.

¹⁷ Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. Сборник законов, манифестов, указов Правительствующему Сенату, реабриктов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. 3-е изд., пересмотр. и доп. по 1 сентября 1908 года / под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 150, 151.

Традиционный подход к толкованию права на судебную защиту выражается в формировании новых содержательных составляющих этого права (право на доступ к суду, на эффективную защиту прав и др.). В то же время Конституционный Суд РФ нередко формирует позиции, имеющие при первом рассмотрении серьезный ограничительный потенциал, что актуализирует вопрос соотношения регулирования и ограничения конституционных прав. Так, в ряде своих решений Конституционный Суд РФ подчеркивал, что человек является не объектом государственной деятельности, а равноправным субъектом, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов¹⁸. При этом орган конституционной юстиции отмечал, что право на судебную защиту не предполагает возможность выбора гражданином по своему усмотрению конкретных форм и способов такой защиты, которые устанавливаются федеральным законом. Таким образом, само по себе установление законодателем определенных требований к форме обращения за судебной защитой не может рассматриваться как вторжение в существо право на судебную защиту.

Этот подход представляется особенно актуальным при оценке изменений Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹⁹, предусмотревших введение годичного срока для обращения в порядке конкретного нормоконтроля²⁰ и исчерпание всех внутригосударственных средств судебной защиты (п. 2 ст. 97)²¹. В данном контексте представляет интерес и проблема возможного злоупотребления правом на конституционно-судебную защиту со стороны заявителя. В такой ситуации существенным будет установление факта реализации этого права в установленных пределах, в том числе и сформулированных самим Конституционным Судом РФ.

Проблемы доступа российских граждан к конституционному правосудию и эффективности предоставляемой им защиты рассмотрела канд. юрид. наук, доц. И. А. Дудко (РГУП). Она обратила внимание на то, что развитие конституционного правосудия в России характеризуется, с одной стороны, формализацией процесса и усложнением возможности обращения за защитой своих прав, с другой – расширением круга субъектов обращения и возможного предмета жалобы. Конституционный Суд РФ призван исправлять системные ошибки законодателя и правопримениеля. Однако это не всегда гарантирует эффективность защиты прав граждан, что подтверждают проблемы с исполнением постановлений Суда. Несмотря на серьезные шаги по формированию механизма исполнений решений

¹⁸ См.: постановления Конституционного Суд РФ: от 03.05.1995 № 4-П по делу о проверке конституционности ст. 220.1 и 220.2 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна // С3 РФ. 1995. № 19, ст. 1764; от 03.02.1998 № 5-П по делу о проверке конституционности ст. 180, 181, п. 3 ч. 1 ст. 187 и ст. 192 АПК РФ // С3 РФ. 1998. № 6, ст. 784; от 02.07.1998 № 20-П по делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 331 и 464 УПК РСФСР в связи с жалобами ряда граждан // С3 РФ. 1998. № 28, ст. 3393.

¹⁹ См.: С3 РФ. 1994. № 13, ст. 1447.

²⁰ См.: Федеральный конституционный закон от 04.06.2014 № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // С3 РФ. 2014. № 23, ст. 2922.

²¹ См.: Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // С3 РФ. 2020. № 46, ст. 7196.

Конституционного Суда РФ, оно до сих пор надлежащее не обеспечено. Это связано, во-первых, с особым статусом органов, исполняющих большинство постановлений – палат Федерального Собрания, так как чаще всего в Конституционном Суде РФ оспариваются федеральные законы. Во-вторых, в процессуальных кодексах до настоящего времени не урегулированы отдельные моменты, связанные с пересмотром судебных решений после вынесения постановлений Конституционного Суда РФ. Отдельной проблемой является отсутствие регулирования выплаты компенсации гражданину – участнику конституционного судопроизводства, если право на нее определено в постановлении Конституционного Суда РФ. Наконец, исполнение решений Конституционного Суда РФ требует системного подхода, изменения не только тех норм, которые были предметом рассмотрения Суда, но и положений других нормативных актов, имеющих аналогичное содержание.

Несколько уровней позитивизации прав и свобод человека и их судебной защиты выделил в своем докладе **канд. юрид. наук, доц. С.И. Князькин (РГУП)**. Наиболее высокий уровень предполагает закрепление в законе или нормативном правовом акте субъективного права и адекватных ему мер защиты. Второй уровень характеризует отсутствие нормативного закрепления мер защиты субъективного права и обязанность суда, исходя из существа субъективного права и последствий его нарушения, самостоятельно определить соответствующую меру защиты и применить ее. Третий уровень позитивации отличает наименьшая формализация, поскольку в законе или нормативном правовом акте не предусмотрены не только меры защиты, но и само субъективное право. В этом случае суд обязан установить на основе совокупности фактических обстоятельств и доказательств по делу наличие субъективного права и факта его нарушения, а также определить меру его защиты.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. О.А. Тарнавского (ООО «Газпром энерго») и канд. юрид. наук, доц. Л.В. Боромотовой (Оренбургский государственный университет)** рассматривалась проблема обеспечения прав лиц, пострадавших от преступлений в России, сквозь призму положений ст. 8 Всеобщей декларации прав человека. На основе статистических данных Генеральной прокуратуры РФ и Федеральной службы судебных приставов было установлено, что только в каждом десятом случае потерпевший может рассчитывать на защиту его прав и законных интересов в уголовной юрисдикции²² и из них только в 15% случаев потерпевший получает реальное возмещение вреда, причиненного преступлением²³. Между тем, как отмечается в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, число жертв преступлений ежегодно возрастает на 3%²⁴. При этом число жалоб на отсутствие регистрации заявлений о преступлении со стороны правоохранительных органов

²² См.: Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. Состояние преступности в России за январь–ноябрь 2022 года. С. 7, 18, 19. URL: <http://crimestat.ru/BinaryData/OBJ1127764> (дата обращения: 29.01.2024).

²³ См.: Итоговый доклад о результатах деятельности Федеральной службы судебных приставов России в 2022 году. С. 6 // Официальный сайт Федеральной службы судебных приставов // https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/2837777 (дата обращения: 29.01.2024).

²⁴ См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год. С. 285–299 // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883da1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2022.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).

возросло на 29%, на отказы в возбуждении уголовного дела – на 27%²⁵. Такая статистика свидетельствует об ограничении доступа потерпевших к правосудию, системных и систематических нарушениях ст. 52 Конституции РФ.

По мнению докладчиков, лицо должно признаваться потерпевшим с момента начала уголовного преследования, на этапе подачи заявления о возбуждении уголовного дела или сообщения о преступлении. Необходима автоматическая регистрация заявлений о преступлении в бесконтактном режиме. Взыскание ущерба, причиненного преступлением, должно стать отдельным уголовно-процессуальным институтом, а внесудебные формы восстановления прав и социализации пострадавших от преступлений – получить статус государственных программ с финансированием на основе государственно-частного партнерства.

Н.А. Тиханов (МГУ им. М.В. Ломоносова) обратил внимание на то, что меры, направленные на импортозамещение в целях обеспечения суверенитета государства в условиях внешнего санкционного давления, могут ограничивать свободу предпринимательской деятельности (как методов ее ведения, так и использования имущества). К таким мерам, в частности, относится запрет на использование иностранного программного обеспечения и техники. Информационная безопасность, включающая безопасность функционирования критической информационной инфраструктуры, представляет особую важность для обеспечения суверенитета государства. В связи с этим Указом Президента РФ от 30 марта 2022 г. № 166²⁶ и принятым в целях его исполнения Постановлением Правительства РФ от 22 августа 2022 г. № 1478²⁷ были установлены ограничения, связанные как с самой возможностью, так и с порядком проведения закупок иностранного программного обеспечения и техники для юридических лиц, в которых доля участия публичноправовых образований составляет более 50%. Данные меры

²⁵ См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 29.01.2024).

²⁶ См.: Указ Президента РФ от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 14, ст. 2242.

²⁷ См.: постановление Правительства РФ от 22.08.2022 № 1478 «Об утверждении требований к программному обеспечению, в том числе в составе программно-аппаратных комплексов, используемому органами государственной власти, заказчиками, осуществляющими закупки в соответствии с Федеральным законом “О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц” (за исключением организаций с муниципальным участием), на принадлежащих им значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, Правил согласования закупок иностранного программного обеспечения, в том числе в составе программно-аппаратных комплексов, в целях его использования заказчиками, осуществляющими закупки в соответствии с Федеральным законом “О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц” (за исключением организаций с муниципальным участием), на принадлежащих им значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также закупок услуг, необходимых для использования этого программного обеспечения на таких объектах, и Правил перехода на преимущественное использование российского программного обеспечения, в том числе в составе программно-аппаратных комплексов, заказчиками, осуществляющими закупки в соответствии с Федеральным законом “О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц” (за исключением организаций с муниципальным участием), на принадлежащих им значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», а также закупок услуг, необходимых для использования этого программного обеспечения на таких объектах, и Правил перехода на преимущественное использование российского программного обеспечения, в том числе в составе программно-аппаратных комплексов, заказчиками, осуществляющими закупки в соответствии с Федеральным законом “О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц” (за исключением организаций с муниципальным участием), на принадлежащих им значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 35, ст. 6108.

затрагивают свободу предпринимательской деятельности частных инвесторов. Впоследствии Федеральным законом от 13 июня 2023 г. № 243-ФЗ²⁸ схожие ограничения были предусмотрены в отношении кредитных и некредитных финансовых организаций, причем без дифференциации юридических лиц по критерию публичного участия. Не отрицая конституционность целей, преследуемых установленными мерами, их необходимо рассматривать в контексте возможности их достижения посредством вводимых ограничений и запретов и их пропорциональности. При этом в ряде случаев существует риск правовой неопределенности установленного регулирования, например, в отношении сроков реализации мер, контрольно-надзорных процедур, компетенции органов государственной власти.

По мнению канд. юрид. наук А. В. Ульянова (ИНИОН РАН), формулировка ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ, включенной в ее текст в результате реформы 2020 года, позволяет утверждать, что вера в Бога признана у нас конституционной ценностью. В связи с этим позиция православия, играющего значимую роль в становлении и развитии духовной культуры России, в отношении прав человека должна стать разумной альтернативой современной (западной) трактовке юснатурализма. Эта позиция изложена в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви²⁹ и Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека³⁰. Православная теория прав человека опирается на базовое понятие достоинства человека, которое имеет нравственный смысл и восходит к проявлению образа Божия в человеческой природе. Права человека представляют собой средство, необходимое христианину, чтобы он имел возможность исполнить свой долг перед Богом и Церковью, перед другими людьми, семьей, государством, народом, а также иными человеческими сообществами. Реализация прав человека не должна противопоставляться ценностям и интересам Отечества, общины или семьи, не может оправдывать посягательства на святыни, культурные ценности или самобытность народа, нанесение непоправимого урона природе. В случае использования прав и свобод человека в ущерб данному Богом нравственному закону такое поведение будет рассматриваться как злоупотребление правом. Православная концепция прав и свобод человека исходит из необходимости охраны традиционных ценностей. Церковь отвергает искаженное восприятие прав и свобод, влекущее за собой оправдание безусловно порочных социальных явлений, таких как аборты, самоубийства, разврат, извращения, разрушение семьи, куль грубости и насилия. Все это морально разлагает человека и приводит его к такой свободе воли, которая употребляется во зло и унижает человеческое достоинство.

И. Н. Голосокубов (Московский юридический институт) подчеркнул, что современное общество включает в себя приверженцев различных религий, для предотвращения конфликтов необходимо развивать терпимость к разным вероучениям. В качестве позитивной практики религиозно-государственных отношений в Российской Федерации до-кладчик отметил создание консультативных советов при органах публичной власти.

²⁸ См.: Федеральный закон от 13.06.2023 № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”» // СЗ РФ. 2023. № 25, ст. 4432.

²⁹ См.: Официальный сайт Московского Патриархата // <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 29.01.2024).

³⁰ См.: Официальный сайт Московского патриархата // <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html> (дата обращения: 02.01.2024).

Т. Н. Сергеева (Московский государственный гуманитарно-экономический университет) акцентировала внимание на ценностном аспекте в понимании прав человека и указала, что именно это может стать основой для преодоления современного кризиса во взаимоотношениях между государствами.

Вторая секция «Права человека: международные стандарты и национальные практики» была посвящена теоретическим интерпретациям прав человека и зарубежному опыту их обеспечения и защиты.

Несмотря на широкое признание коллективных прав человека в актах национального (в том числе конституционного) законодательства и положениях международного права, отметила д-р юрид. наук О. И. Баженова (МГУ им. М. В. Ломоносова), эта категория прав остается одной из наиболее спорных в доктрине прав человека. Многочисленные дискуссии вызывает прежде всего проблема обоснования коллективных прав, поскольку доктрина прав человека базируется на моральном индивидуализме. С одной стороны, ни этическая, ни политическая, ни юридическая (конституционно-правовая) теория не могут отрицать коллективные права, раскрывающие сложную природу человека, обеспечивающие защиту различных форм коллективной идентичности. С другой стороны, с моральной (шире – этико-правовой) точки зрения недопустимо признание коллективов моральными субъектами и тем самым носителями коллективных прав. Моральная автономия, на которой основывается моральный индивидуализм, связана не только с притязаниями, но и (точнее – прежде всего) с ответственностью каждого. Отсюда для доктрины прав человека принципиально важно сохранение морального индивидуализма и вытекающей из него первичной установки на признание носителем (основных, конституционных) прав исключительно индивида. В поисках выхода из создавшейся ситуации следует отставать не моральную субъектность коллективов, а моральную ценность отдельных коллективов как важнейших социальных субъектов. Субъектность коллектива в качестве самостоятельной ценности требует специальной конституционно-правовой защиты.

Конституционно-правовое обеспечение субъектности коллективов сталкивается с другой проблемой – чрезмерно широким объемом понятия коллективных прав. Представляется, что среди них необходимо четко различать две группы: права отдельных социальных групп (женщин, инвалидов, беженцев и пр.), основанные на совместной защите индивидуальных интересов, и права отдельных коллективов (народов, этносов, территориальных общностей и пр.), прямо связанные с их защитой в качестве самостоятельных социальных субъектов.

Для конституционно-правового обеспечения субъектности коллективов вряд ли достаточно закрепления за их членами прав пользования – в развитие сложившегося (и, к сожалению, довольно ограниченного) понимания утилитаризма – социальными, в первую очередь материальными, благами, обусловленными их коллективной принадлежностью; необходимо создать условия (гарантии) их активной деятельности. Небесспорен в этом контексте сформированный в советской государственно-правовой науке подход, основанный на признании коллективов субъектами конституционных правоотношений (прав) при осуществлении отдельных форм непосредственной демократии (прежде всего выборов, референдума). Он не только недостаточен для обоснования и укрепления их субъектности, но и становится инструментом в руках политической элиты,

используемым ею в целях своего самосохранения. Бюрократизация публичной власти в данном случае прикрывается периодическим выражением воли народом, местными сообществами и другими коллективами, признаваемыми субъектами конституционного права. Равным образом несомненно и признание коллективов носителями статутных (конституционных) прав и использование института функционального представительства,званного восполнить отсутствующую у коллективов способность осуществлять права и обязанности. Это не только противоречит первичной установке доктрины прав человека (человек – единственный носитель основных (конституционных) прав), но и ведет к фактическому низведению положения коллективов до «статуса» объектов правового регулирования, что нередко усугубляет проблему патернализма.

Оптимальным конституционно-правовым средством обеспечения субъектности отдельных признанных конституционным правом коллективов может стать использование категории юридического лица при условии отказа от сугубо цивилистического ее понимания и признания за ней конституционно-правовой значимости. Эта категория не создает фикции целого, но обеспечивает правовые условия для совместной (посредством действия каждого) деятельности, где через множество индивидуальных, гарантированных конституционным правом действий сохраняется и укрепляется положение коллективов в качестве социальных субъектов.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. Н. В. Варламовой (ИГП РАН)** отмечалось, что усложнение форм и способов социального взаимодействия, вовлечение в них современных технологий ведет к развитию системы прав человека и их доктринальных интерпретаций. При этом исследователи обосновывают не только формирование новых прав человека, но и появление новых субъектов прав. Таковыми, в частности, предлагается признавать некоторые «сущности нечеловеческой природы», а именно – животных, отдельные наиболее значимые для того или иного сообщества природные объекты и природу в целом, искусственный интеллект, а также все человечество и будущие поколения. Иногда эти теоретические конструкции находят воплощение в законах и даже конституционных актах. Так, Конституция Эквадора провозглашает природу субъектом конституционных прав (ч. 2 ст. 10) и содержит специальную главу (гл. 7), их закрепляющую.

Подобные теоретические построения и нормативные решения преследуют благую цель – обеспечить надлежащую защиту естественной среды обитания человека и целостность его биологической природы от угроз техногенной цивилизации, ввести использование ее достижений в строгие правовые рамки. Однако концепция прав человека представляется далеко не лучшим и в целом неадекватным для этого юридическим инструментом. Объявление различных объектов и социальных интересов (именно так следует интерпретировать «все человечество» и «будущие поколения»), действительно требующих специального внимания, субъектами прав, традиционно атрибутируемых человеку, нивелирует их отличие от человека как лица, обладающего свободой воли и активно притязающего на ее реализацию, и, таким образом, низводит и его до уровня предмета заботы со стороны государства и общества. Защита различных природных объектов, биологического разнообразия, стабильности биоты, генетической целостности человека и т.п. может быть обеспечена посредством использования уже существующих юридических механизмов, в том числе

и ограничения прав человека, осуществление которых может причинить им ущерб.

Современные подходы к пониманию системы прав человека рассмотрела **канд. юрид. наук И. А. Алешкова (НИИОН РАН)**. В условиях интенсивного развития цифровых, геномных, нейро- и биотехнологий ученые все оживленнее обсуждают вопрос о трансформации системы прав человека. Анализ литературы и судебной практики позволяет выделить три сформировавшихся подхода. В большинстве европейских стран проблемы, возникающие при защите прав человека в связи с использованием новых технологий, разрешаются в рамках универсальных прав человека (право на физическую неприкосновенность, право на частную жизнь и др.). В КНР признается необходимость расширения системы прав человека за счет новых прав, таких как право на биологическую безопасность. При этом их развитие увязывается со стратегической концепцией культуры прав человека в Китае. В условиях включенности страны в систему международных отношений гибкость и пластичность внутригосударственного права призвана обеспечивать сохранение национальной идентичности и национальной культуры, способность противодействовать новым вызовам и угрозам с учетом стратегических задач государства. В российской и французской литературе обосновывается формирование новых поколений прав человека, в частности цифровых и биоправ. Можно предположить, что складывающиеся подходы создадут основу для диверсификации системы прав человека и, как следствие, формирования комплексных институтов и новых отраслей права.

Международно-правовые стандарты в области прав человека в контексте юридической доктрины проанализировала **канд. юрид. наук С. А. Грачева (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. Данные стандарты соотносятся с естественным правом, поэтому с формально-юридической точки зрения они кажутся несовершенными. Такой подход не учитывает характер международно-правовых стандартов как специфической формы гарантий прав человека, в связи с чем блокируется возможность их имплементации в национальный правопорядок, и они не рассматриваются как ценностно-цивилизационное обоснование права наиболее высокого уровня легитимности. Международно-правовые стандарты в области прав человека можно трактовать как одну из форм *soft law*. Их действие обусловлено высоким моральным и политическим авторитетом, они могут быть признаны ключевым средством аксиологизации юридической практики, ее развития на основе принципов взаимности и доверия между субъектами права.

В докладе **канд. юрид. наук Х. Д. Пирцхалавы (Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА))** рассматривался вопрос о соотношении консерватизма и инноваций в процессе регламентации прав человека в рамках региональных интеграционных объединений (ЕАЭС, ЕС, СНГ). Докладчик акцентировала внимание на необходимости модернизации правового регулирования с учетом развития новейших технологий, правильного понимания и квалификации внедряемых инноваций.

В. В. Пчелинцева (МГИМО МИД России) проанализировала соотношение универсальной и региональных систем защиты прав человека. Региональное международное сотрудничество государств в сфере защиты и поощрения прав человека, полагает она, направлено на формирование специальных принципов и норм международного права. В частности, международные договоры государств – членов Организации исламского сотрудничества (ОИС) закрепляют нормы *lex specialis*, содержание которых не совпадает

с положениями универсальных договоров в сфере защиты прав человека. Государства – члены ОИС содействуют кодификации и прогрессивному развитию регионального обычая в данной сфере посредством принятия актов рекомендательного характера, а также односторонних актов. При рассмотрении позиций государств – членов ОИС по вопросам защиты и поощрения прав человека необходимо учитывать, что в этих странах принципы ислама относятся к основам государственного и общественного строя и *de facto* признается верховенство шариата над нормами и принципами международного права.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. Т.С. Масловской (Белорусский государственный университет)** отмечалась неоднозначность, сложность и многоаспектность обосновываемого в доктрине права на конституционную модернизацию, непосредственно не предусмотренного в текстах учредительных актов. Вместе с тем, по мнению докладчика, положения о правилах пересмотра учредительных актов, обеспечивающие возможность дальнейшего конституционного развития, выступают гарантией реализации данного права. Особое внимание было уделено гражданам как субъектам права на конституционную модернизацию, необходимости расширения их участия граждан в процессах обсуждения перспектив конституционного развития государства.

Проблемы обеспечения равноправия в государствах – членах ЕС проанализировала **д-р юрид. наук, доц. Т.А. Васильева (ИГП РАН)**. Она отметила, что, несмотря на серьезные усилия европейских структур в области борьбы с дискриминацией³¹ и наличие во всех странах антидискриминационного законодательства, с 2008 г. в ЕС блокируется принятие общей Директивы о равенстве в обращении независимо от религии и убеждений, ограниченности возможностей, возраста и сексуальной ориентации³². Согласно опросам, проведенным в 2020 г. в странах ЕС, только в 4% случаев жертвы дискриминации обращаются в специализированные органы по борьбе с ней, представители социально уязвимых групп мало информированы об их деятельности (71% опрошенных ничего не знают о таких органах). 15% респондентов заявили, что в течение года, предшествующего опросу, они являлись жертвами возрастной дискриминации; 16% опрошенных – евреев и 17% мусульман подвергались дискриминации в сфере занятости; 25% респондентов из числа иммигрантов и представителей этнических меньшинств испытывали неравенство в обращении в повседневной жизни³³. Все это свидетельствует о том, что даже самое качественное законодательство не гарантирует достижение желаемых целей, необходимо признание на государственном

³¹ Более 20 лет действуют Директива Совета ЕС 2000/43/ЕС от 29.06.2000 г., обеспечивающая реализацию принципа равного обращения со всеми лицами независимо от их расовой принадлежности и этнического происхождения (Council Directive 2000/43/EC of 29 June 2000 implementing the principle of equal treatment of persons irrespective of racial and ethnic origin // OJ, L 180, Vol. 43, 19 July 2000. Pp. 22–26) и Директива Совета ЕС 2000/78/ЕС от 27.11.2000 г., устанавливающая общие рамки равного обращения в сфере труда и занятости (Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation // OJ, L 303, Vol. 43, 2 December 2000. Pp. 16–22). Раз в пять лет Европейская комиссия представляет отчет Европейскому парламенту и Совету об их выполнении.

³² Принятие Директивы готовы поддержать 14 государств, хотя требуется единогласие (см.: Council of the EU. Proposal for a Council Directive on implementing the principle of equal treatment between persons irrespective of religion or belief, disability, age or sexual orientation – information for the Presidency on responses to its questionnaire. Brussels, 4 November 2020. ST-12467/20).

³³ См.: Equality in the EU20 Years on from the Initial Implementation of the Equality Directives. Vienna, 2021. Pp. 6, 8, 9, 14.

уровне наличия дискриминации и отношение к неравенству в обращении как к серьезной и системной проблеме, требующей комплексных решений.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. С.В. Масленниковой (НИУ ВШЭ)** подчеркивалось, что исследование коллективных прав такого субъекта конституционного права, как народ актуализировалось после принятия поправок к Конституции РФ 2020 года. Признание коллективных прав – традиция и определенная ценность советской науки. Кроме того, современная geopolитическая ситуация предопределяет необходимость защиты коллективных прав народа в случае их нарушения международными и межгосударственными институтами, гражданами и организациями, находящимися за пределами национальной юрисдикции. Под коллективными правами народа целесообразно понимать права, которые реализуются только в коллективной форме, нарушение которых причиняет вред (умалеяет интересы) не отдельному индивидууму, а всей социальной группе. Защита от внешнего нарушения подлежат такие права народа, как его достоинство, которое должно в настоящее время рассматриваться не только как индивидуальная, но и как коллективная свобода. Защищать необходимо также право народов на национальное достояние и духовно-культурные ценности (природные ресурсы, золотой запас, произведения искусства), которые образуют основу жизнедеятельности населения, пользующегося соответствующими благами на данной территории и обязанного передать их будущим поколениям. Актуальным является и выделение такого права народа, как право на стабильное состояние государственного и общественного устройства, защиту его от посягательства со стороны внешних институтов и организаций. Во всех случаях внутригосударственным средством защиты прав народа выступает народный суверенитет как присущая источнику власти свобода самостоятельно определять свое общественное и государственное развитие на территории своего государства.

А.А. Данц (МГУ им. М.В. Ломоносова) рассмотрела конституционно-правовые средства защиты прав национальных меньшинств. Она отметила, что в конституциях практически всех государств так или иначе закреплены принцип равенства и запрет дискриминации по расовому или национальному признаку. Между тем на практике они бывают задействованы лишь в отдельных наиболее вопиющих случаях их нарушения, тогда как реальная защита прав национальных меньшинств требует специального детального правового регулирования и не всегда им предоставляется. Зачастую реальная защита прав лиц, принадлежащих к какой-либо этнической группе, зависит от официального наделения ее статусом национального меньшинства. Далеко не каждое фактическое национальное меньшинство в государстве получает такой статус, а вместе с ним и особое положение, учитывающее специфику его истории и культуры. В качестве национальных меньшинств *de jure* могут признаваться народы, как издавна проживающие на территории данного государства, так и не являющиеся автохтонными, но исторически каким-либо образом оказавшиеся в пределах государственных границ. Этническим группам, которым предоставлен статус национальных меньшинств, могут обеспечиваться такие конституционно-правовые средства защиты, как представительство в органах государственной власти, в частности, путем квотирования, создание института уполномоченного по делам национальных меньшинств (и/или коренных народов). При правовом регулировании положения национальных меньшинств государство должно избегать дискриминации, предоставляя статус национального меньшинства одним этническим группам и отказывая в этом другим, и одновременно не признавать данный

статус за всеми этническими группами, проживающими на территории страны, во избежание угрозы подрыва единства государства.

Влияние международно-правовых норм о правах человека на правовые системы Скандинавских стран проанализировала канд. юрид. наук, доц. И.А. Ракитская (**МГИМО МИД России**). В течение долгого времени международно-правовые договоры о правах человека, участниками которых становились страны Северной Европы, не оказывали заметного влияния на конституционное закрепление прав и свобод человека и гражданина. В то же время государственные органы североевропейских стран (прежде всего верховные суды Норвегии и Швеции, юридический уполномоченный Эдускунты в Финляндии) учитывали положения данных документов при вынесении решений и формулировании позиций по тем или иным вопросам. Ситуация в странах региона начала меняться с 1990-х годов после инкорпорации Конвенции о защите прав человека и основных свобод³⁴ в их внутреннее право. В 1995 г. Конституция Исландии была дополнена статьями, закрепившими каталог конституционных прав. В 1999 г. был принят Закон об усилении роли норм о правах и свободах в норвежском законодательстве³⁵, придавший юридическую силу национальных законов некоторым международным актам о правах человека. В 1999 г. в Финляндии была принята новая Конституция, которая разрабатывалась с учетом международно-правовых стандартов в области прав человека. В 2014 г. в Норвегии учредительный акт был дополнен главой Е, закрепившей более широкий каталог основных прав и провозгласившей обязанность государственных органов уважать и гарантировать права и свободы человека, закрепленные в Конституции и международных актах (ст. 92).

Особое место в правовых системах стран Северной Европы занимает Европейская конвенция о правах человека, на которую национальные суды ссылаются чаще, чем на другие международные акты. В 2010 г. в Швеции на конституционном уровне было признано, что в стране не может быть принят закон или иной акт, противоречащий обязательствам Швеции по Конвенции (§ 19 гл. 2 Акта о форме правления).

Правовому положению мигрантов в Испании был посвящен доклад канд. юрид. наук, доц. Н.И. Платоновой (**МГИМО МИД России**). В Испании в 2023 г. 6.08 млн жителей являлись иностранными гражданами³⁶. Страна занимает лидирующие позиции в Европе по уровню трудовой миграции. Правительство вынуждено искать новые механизмы борьбы с нелегальной миграцией, способы интеграции иностранных граждан в испанское общество, обеспечения их прав и свобод. В последние годы были расширены гарантии реализации прав иностранных граждан. Сегодня они обладают теми же правами и свободами, что и граждане Испании, за исключением избирательных прав, однако в полном объеме этими правами могут воспользоваться только зарегистрированные лица. Трудоустроенные иностранные граждане, за которых работодатель уплачивает

³⁴ См.: Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (ETS No. 005) // Council of Europe. Treaty Office. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=005> (дата обращения: 29.01.2024).

³⁵ См.: Lov om styrking av menneskrettighetens stilling i norsk rett av 21. mai 1999 nr 30 // LOVDATA. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1999-05-21-30> (дата обращения: 29.01.2024).

³⁶ См.: Spanish-born and foreign population residing in Spain from 2006 to 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/445638/population-of-spain-by-nationality/> (дата обращения: 29.01.2024).

страховые взносы, имеют право на получение бесплатной медицинской помощи. Несовершеннолетние лица и беременные женщины вне зависимости от их гражданства и оснований въезда в Испанию также получают медицинскую помощь на безвозмездной основе.

В процессе предоставления иностранцам вида на жительство и разрешения на трудоустройство учитывается ситуация с занятостью в Испании. Соответствующие показатели определяются ежеквартально посредством анализа рынка труда в стране в целом и в отдельных автономных сообществах, на их основе формируется каталог требуемых профессий. При отсутствии специалистов на внутреннем рынке «кадровый дефицит» покрывается за счет иностранных специалистов, процедура привлечения которых была упрощена в 2022 г.

Защита социально-экономических прав в ЮАР была предметом внимания канд. юрид. наук Е.А. Сорокиной (**ИГП РАН**). В соответствии с Конституцией государство принимает разумные законодательные и иные меры для обеспечения постепенной реализации социально-экономических прав (ст. 26, 27). Однако в силу различных факторов (ограниченность бюджетных средств, некомпетентность, коррупция) органы публичной власти часто оказываются не способны выполнять в полном объеме свои социальные обязательства³⁷, в том числе обеспечивать исполнение судебных решений. Конституционный суд ЮАР указал, что судебные органы обязаны, если это необходимо, разрабатывать инновационные средства для защиты прав, гарантированных Конституцией³⁸. В судебной практике сложились определенные подходы к устранению последствий нарушения социально-экономических прав. В частности, стали использоваться такие методы, как переговоры и предоставление отчета суду. В последнее время Конституционный суд стал также назначать соответствующие органы или экспертов для надзора за исполнением судебных решений в случае бездействия органов исполнительной власти и для защиты прав уязвимых групп³⁹.

В докладе канд. юрид. наук, доц. В.И. Чехариной (**ИГП РАН**) поднималась проблема защиты репродуктивных прав женщин. После Международной конференции по народонаселению и развитию в Каире в 1994 г.⁴⁰ сексуальное и репродуктивное здоровье и соответствующие права были признаны в качестве ключевых элементов международной повестки⁴¹. Новый подход к рассмотрению нарушений репродуктивных прав в контексте принципов равенства

³⁷ См.: Henrico R. Judicial Review in South Africa and India: Advancing Constitutionalism or Undue Activism? // Obiter. 2022. Vol. 43. No. 4. P. 797.

³⁸ См.: South African Constitutional Court. Fose v Minister of Safety and Security. Case CCT 14/96. Judgment of 5 June 1997. ZACC6. Para. 69.

³⁹ См.: South African Constitutional Court. Black Sash Trust v Minister of Social Development and Others (Freedom Under Law Intervening). Case CCT 48/17. Judgment of 27 September 2018. ZACC36; Mwelase and Others v. Director-General for the Department of Rural Development and Land Reform and Another. Case CCT 232/18. Judgment of 20 August 2019. ZACC30.

⁴⁰ См.: Report of the International Conference on Population and Development Cairo, 5–13 September 1994. URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/4315233.82663727.html> (дата обращения: 29.01.2024).

⁴¹ См.: Bevilacqua G., Beatriz M. Why Addressing Unsafe Abortion is Central to the Post-2015 UN Development Agenda (November 20, 2012). URL: <https://ssrn.com/abstract=2484243>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2484243> (дата обращения: 29.01.2024); Women's access to safe abortion in the 2030 Agenda for Sustainable Development: Advancing maternal health, gender equality, and reproductive rights. Ipas. URL: <https://www.ipas.org/resource/womens-access-to-safe-abortion-in-the-2030-agenda-for-sustainable-development-advancing-maternal-health-gender-equality-and-reproductive-rights/> (дата обращения: 29.01.2024).

и недискриминации прослеживается в решениях Комитета по правам человека, но наиболее четко он проявляется в практике Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин⁴². В деле *L.C. v. Peru*⁴³ данный Комитет не только обязал государство гарантировать реальный (а не теоретический) доступ к легальным абортам, но и потребовал внести поправки в национальное законодательство с тем, чтобы позволить женщинам делать аборт в случаях изнасилования.

Несмотря на наличие сформировавшихся международных подходов, практика государств различается довольно существенно. Так, в 41 стране, входящей в Совет Европы, разрешены abortionы не только по состоянию здоровья, но и по соображениям благополучия, но по крайней мере семь государств проводят ограничительную политику, в том числе Мальта и Андорра запрещают abortionы при любых обстоятельствах, а Польша – в случаях деформации плода⁴⁴.

В рамках третьей секции «Права человека в информационном обществе» рассматривались вопросы цифровизации бизнеса, органов публичной власти, а также защиты персональных данных.

Проблеме защиты прав участников экономических отношений в условиях цифрового неравенства был посвящен доклад канд. юрид. наук Н.И. Соловяненко (ИГП РАН). Цифровизация – инструмент, который способствует повышению эффективности экономической деятельности и одновременно предъявляет повышенные требования к участникам экономических отношений. Сегодня первостепенное значение придается их цифровым навыкам – технологическим и информационно-аналитическим, отсутствие которых может приводить к принятию ошибочных решений и небезопасному цифровому взаимодействию. В связи с этим остро стоит вопрос о цифровом разрыве (*англ. digital divide*) или цифровом неравенстве. В частности, в отношениях с крупными поставщиками технологий в невыгодном положении оказывается малый и средний бизнес, представителям которого сложно оценить контрактные условия ввиду их перегруженности технологической терминологией. Цифровое неравенство значительно усиливает риски нарушения конфиденциальности и безопасности операций в сфере бизнеса. Цифровое неравенство проявляется и при урегулировании споров сторон. Для его минимизации при использовании механизма онлайн-разрешения споров должен быть исключен сугубо технократический подход и необходима полная реализация принципов справедливого судебного разбирательства.

И.А. Шелудченко (МГУ им. М.В. Ломоносова) подчеркнула, что право на неприкосновенность частной жизни сегодня включает в себя и защиту персональных данных, что предполагает гарантирование их субъектам совокупности прав, связанных с обработкой данных. Ядро прав субъектов персональных данных образует право на защиту

⁴² См.: Human Rights Committee. L.M.R. v. Argentina. Views of April 28, 2011. UN Doc. CCPR/C/101/D/1608/2007 (см. также: Sękowska-Kozłowska K. A Tough Job: Recognizing Access to Abortion as a Matter of Equality. A commentary on the Views of the UN Human Rights Committee in the Cases of Mellet v. Ireland and Whelan v. Ireland // Reproductive Health Matters. 2018. Vol. 26. No. 54. Pp. 25–31).

⁴³ См.: Committee on the Elimination of Discrimination against Women. L.C. v. Peru. Views of October 17, 2011, UN Doc. CEDAW/C/50/D/22/2009.

⁴⁴ См. подр.: Kapelańska-Pregowska J. The Scales of the European Court of Human Rights: Abortion Restriction in Poland, the European Consensus, and the State's Margin of Appreciation // Health and Human Rights Journal. 2021. Vol. 23. Iss. 2. Pp. 218, 219.

персональных данных, которое, однако, на законодательном уровне непосредственно гарантировано не во всех правопорядках. Вместе с тем практически везде субъекты персональных данных наделены рядом прав, которые можно признать универсальными; к ним относится право на доступ к персональным данным, их изменение, уничтожение и др. Одновременно в некоторых юрисдикциях за субъектами данных могут признаваться и другие права, например связанные с продажей персональных данных. Защиту прав субъектов персональных данных осуществляют государственные органы посредством правового регулирования соответствующих отношений, реализации контрольных и надзорных функций в области обработки и защиты персональных данных.

В отношении персональных данных, отметила д-р юрид. наук Э.В. Талапина (ИГП РАН), законодательно установлен режим конфиденциальности. Согласно ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»⁴⁵ операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом. Однако из общего режима предусматривается немало исключений. Например, изъятия допускает Жилищный кодекс РФ, наделяя правом обработки персональных данных управляющие организации и правления товарищества собственников жилья, жилищного или жилищно-строительного кооператива. Законность обработки персональных данных жильцов этими субъектами неоднозначно толкуется судами, что в итоге влечет различия в предоставлении защиты данным. В качестве правильного ориентира можно привести Определение Конституционного Суда РФ от 28 января 2016 г. № 100-О⁴⁶, в котором подчеркивалась обязанность управляющей организации получить у собственников и нанимателей жилых помещений согласие на обработку персональных данных, в том числе на их передачу третьим лицам, без которого она не сможет полноценно осуществлять деятельность по управлению многоквартирным домом.

В ближайшем будущем защита персональных данных еще более осложнится в связи с расширением применения цифровых технологий, в частности алгоритмов искусственного интеллекта, в процессе принятия индивидуальных решений (например, при оказании государственных услуг). В настоящее время граждане законодательно защищены от принятия решений исключительно алгоритмическим путем (ст. 16 Федерального закона «О персональных данных»), но алгоритмы уже могут использоваться на определенных этапах принятия решений. Возможность дискриминации, непонятность принятого решения, особенно в случае с использованием т.н. самообучаемых алгоритмов, требуют четкого нормативного реагирования, в частности необходимо предусмотреть контроль над разработкой алгоритмов, порядок обжалования решений, принимаемых на основе алгоритмов.

Правовому регулированию доступа населения к информации о деятельности муниципальных властей был посвящен доклад канд. юрид. наук, доц. А.И. Черкасова

⁴⁵ См.: С3 РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3451.

⁴⁶ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2016 № 100-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шалбина Дмитрия Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 7 Федерального закона «О персональных данных» (абз. 5 п. 2 мотивированной части) // СПС «КонсультантПлюс».

(ИГП РАН). Ключевым элементом здесь является обеспечение возможности получения гражданами такой информации на постоянной основе в режиме онлайн. В данном отношении показателен эстонский Закон о публичной информации 2000 г.,⁴⁷ который относит к важнейшим принципам предоставления информации обеспечение доступа к ней максимально быстрым и удобным для всех способом (§ 4(2)) на бесплатной основе (§ 4(4)). Один из наиболее современных и детализированных законов – хорватский Закон о праве на доступ к информации 2013 г.⁴⁸ Законы о доступе к публичной информации, принятые в конце 1990 – начале 2000 гг., обычно гораздо более лаконичны и не всегда уделяют специальное внимание размещению информации в сети Интернет. В чешском Законе 106/1999 «О свободном доступе к информации»⁴⁹ лишь установлено, что предоставляемая информация должна быть доступна во всех форматах и на всех языках, на которых она была создана. Если такая информация была опубликована в электронной форме, она также раскрывается в формате, спецификация которого находится в свободном доступе и ее использование не ограничено (ст. 4(2)).

Вместе с тем информирование населения само по себе еще не дает ему возможность влиять на принятие управлеченческих решений. Опыт европейских государств свидетельствует о том, что для эффективного функционирования цифровой демократии нужен профессиональный менеджмент и продуманное ведение цифровых платформ, иначе гражданское участие может превратиться в плохо контролируемую какофонию идей. Органы публичной власти должны придерживаться стратегии, ориентированной на потребности и реальные возможности граждан. Необходимо также активно задействовать иные инструменты местной прямой и партисипативной демократии – референдумы, консультации с гражданами и т.п.

Модель «цифрового горожанина» рассмотрела **канд. юрид. наук Е.В. Задорожная (Московский международный университет)**. Сегодня массивы данных о жителях города собираются цифровыми платформами, провайдерами интернет-доступа и интернет-сервисами. На основе анализа информации, получаемой из официальных источников, можно выявлять, чем город привлекает конкретного жителя, что ему нравится и что неудобно в городской инфраструктуре. Необходимо также обращаться и к иным профилям гражданина в цифровой среде. Искусственный интеллект, используемый в этих целях, может стать высокотехнологичным помощником в трансформации городской среды применительно к потребностям жителей при условии соблюдения их прав и законных интересов.

В выступлении **канд. юрид. наук, доц. А.Е. Тарасовой** был обозначен потенциал Всеобщей декларации прав человека для развития цифровых прав.

⁴⁷ См.: Public Information Act 2000 (with amendments) // Riigi Teataja. URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/514112013001/consolidate> (дата обращения: 04.01.2024).

⁴⁸ См.: Act on the Right of Access to Information, 2013 // ec.europa.eu. URL: https://ec.europa.eu/information_society/newsroom/image/document/2018-18/hr_fai_and_re-use_law_consolidated-eng_B0E70ED2-FFE7-C349-3A6B7860DF5E6BE5_52029.pdf (дата обращения: 04.01.2024).

⁴⁹ См.: Act 106/1999 “On Free Access to Information” // MVCR. cz. URL: <https://www.mvcr.cz/soubor/act-on-free-access-to-information-1999-pdf.aspx> (дата обращения: 04.01.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гоббс Т. Левиафан. М., 2001.
2. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутиной, Ю.В. Семенова. Челябинск, 2014.
3. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с франц. А. В. Дьякова. СПб., 2010.
4. Bevilacqua G., Beatriz M. Why Addressing Unsafe Abortion is Central to the Post-2015 UN Development Agenda (November 20, 2012). URL: <https://ssrn.com/abstract=2484243>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2484243> (дата обращения: 29.01.2024).
5. Capra F., Mattei U. The Ecology of Law: Toward a Legal System in Tune with Nature and Community. San Francisco, 2015. Pp. 289, 291.
6. Ferry L. Le nouvel ordre écologique. L’arbre, l’animal et l’homme. Paris, 1992.
7. Henrico R. Judicial Review in South Africa and India: Advancing Constitutionalism or Undue Activism? // Obiter. 2022. Vol. 43. No. 4. P. 797.
8. Kapelańska-Pęgowska J. The Scales of the European Court of Human Rights: Abortion Restriction in Poland, the European Consensus, and the State’s Margin of Appreciation // Health and Human Rights Journal. 2021. Vol. 23. Iss. 2. Pp. 218, 219.
9. Kühl K. Zwei Aufgaben für ein modernes Naturrecht // Das Naturrechtsdenken Heute und Morgen: Gedächtnisschrift für René Marcic / hrsg. von D. Mayer-Maly von, P.M. Simmons. Berlin, 1983. Ss. 817–832.
10. Mbembe A. Necropolitics. NY, 2019.
11. Sekowska-Kozłowska K. A Tough Job: Recognizing Access to Abortion as a Matter of Equality. A commentary on the Views of the UN Human Rights Committee in the Cases of Mellet v. Ireland and Whelan v. Ireland // Reproductive Health Matters. 2018. Vol. 26. No. 54. Pp. 25–31.
12. Serres M. Le contrat naturel. Paris, 1990.
13. Women’s access to safe abortion in the 2030 Agenda for Sustainable Development: Advancing maternal health, gender equality, and reproductive rights. Ipas. URL: <https://www.ipas.org/resource/womens-access-to-safe-abortion-in-the-2030-agenda-for-sustainable-development-advancing-maternal-health-gender-equality-and-reproductive-rights/> (дата обращения: 29.01.2024).

REFERENCES

1. Hobbes T. Leviathan. M., 2001 (in Russ.).
2. Locke J. Two treatises on government / transl. from English by E.S. Lagutin, Yu.V. Semenov. Chelyabinsk, 2014 (in Russ.).
3. Foucault M. The birth of biopolitics. A course of lectures delivered at the College de France in the 1978–1979 academic year / transl. from French by A.V. Dyakov. SPb., 2010 (in Russ.).
4. Bevilacqua G., Beatriz M. Why Addressing Unsafe Abortion is Central to the Post-2015 UN Development Agenda (November 20, 2012). URL: <https://ssrn.com/abstract=2484243>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2484243> (accessed: 29.01.2024).
5. Capra F., Mattei U. The Ecology of Law: Toward a Legal System in Tune with Nature and Community. San Francisco, 2015. Pp. 289, 291.
6. Ferry L. Le nouvel ordre écologique. L’arbre, l’animal et l’homme. Paris, 1992.
7. Henrico R. Judicial Review in South Africa and India: Advancing Constitutionalism or Undue Activism? // Obiter. 2022. Vol. 43. No. 4. P. 797.
8. Kapelańska-Pęgowska J. The Scales of the European Court of Human Rights: Abortion Restriction in Poland, the European

- Consensus, and the State's Margin of Appreciation // Health and Human Rights Journal. 2021. Vol. 23. Iss. 2. Pp. 218, 219.
9. Kühl K. Zwei Aufgaben für ein modernes Naturrecht // Das Naturrechtsdenken Heute und Morgen: Gedächtnisschrift für René Marcic / hrsg. von D. Mayer-Maly von, P. M. Simmons. Berlin, 1983. Ss. 817–832.
  10. Mbembe A. Necropolitics. NY, 2019.
  11. Sękowska-Kozłowska K. A Tough Job: Recognizing Access to Abortion as a Matter of Equality. A commentary on the Views of the UN Human Rights Committee in the Cases of Mellet v. Ireland and Whelan v. Ireland // Reproductive Health Matters. 2018. Vol. 26. No. 54. Pp. 25–31.
  12. Serres M. Le contrat naturel. Paris, 1990.
  13. Women's access to safe abortion in the 2030 Agenda for Sustainable Development: Advancing maternal health, gender equality, and reproductive rights. Ipas. URL: <https://www.ipas.org/resource/womens-access-to-safe-abortion-in-the-2030-agenda-for-sustainable-development-advancing-maternal-health-gender-equality-and-reproductive-rights/> (accessed: 29.01.2024).

Сведения об авторах

ВАРЛАМОВА Наталья Владимировна –
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
сектора прав человека
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Андреевна –
доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник
сектора прав человека
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VARLAMOVA Natalia V. –
PhD in Law, Associate Professor,
Leading Researcher,
Department of the Human Rights,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

VASILIEVA Tatiana A. –
Doctor of Law, Associate Professor,
Chief Researcher,
Department of the Human Rights,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

МЕХАНИЗМ ПРАВООТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

П.П. Серков. Правоотношение (теория и практика современной правовой политики): в 2 ч. М.: НОРМА, 2023.
Ч. 1: Правовая доктрина и меры правовой политики. – 872 с.;
ч. 2: Обобщение юридических опытов восхождения к человеку, обществу и государству. – 672 с.

© 2024 г. С. А. Лобанов^{1, *}, Р. А. Каламкарян^{2, **}

¹Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России;
Московский государственный лингвистический университет

²Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя;

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

*E-mail: Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru

**E-mail: mp_ved.vlsu@mail.ru

Поступила в редакцию 12.03.2024 г.

Аннотация. Многомерный характер права, призванного выступать главным социальным регулятором, и значение правовой политики для прогрессивного развития и функционирования правовой системы, возрастающее в условиях современных вызовов национальной безопасности, предопределяют теоретическую и практическую значимость исследований феномена правовой политики. В рецензируемой монографии проведено научное обоснование системной взаимосвязи механизма правоотношений и правовой политики. Автором монографии всесторонне и с оригинальных позиций рассмотрены сущность правовой политики, проблемы, связанные с ее научным познанием и реализацией, обозначены ее закономерности.

Ключевые слова: правоотношения, правовая политика, правовая доктрина, правовая действительность, межгосударственные отношения, международно-правовая политика государства.

Цитирование: Лобанов С.А., Каламкарян Р.А. Механизм правоотношений в контексте современной правовой политики

П.П. Серков. Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики): в 2 ч. Ч. 1: Правовая доктрина и меры правовой политики; ч. 2: Обобщение юридических опытов восхождения к человеку, обществу и государству // Государство и право. 2024. № 4. С. 211–218.

DOI: 10.31857/S1026945224040203

THE MECHANISM OF LEGAL RELATIONS IN THE CONTEXT OF MODERN LEGAL POLICY

P.P. Serkov. LEGAL RELATIONSHIP (THEORY AND PRACTICE OF MODERN LEGAL POLICY): in 2 parts. Moscow: NORMA, 2023.

**PART 1: Legal doctrine and legal policy measures. – 872 pp.;
part 2: Generalization of legal experiences of ascent to man, society and the state. – 672 pp.**

© 2024 S. A. Lobanov¹, *, R. A. Kalamkaryan², **

¹*Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of Russia;
Moscow State Linguistic University*

²*Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Stoletov Vladimir State University*

*E-mail: Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru
**E-mail: mp_ved.vlsu@mail.ru

Received 12.03.2024

Abstract. The multidimensional nature of law, designed to act as the main social regulator and the importance of legal policy for the progressive development and functioning of the legal system, which is increasing in the context of modern challenges to national security, determines the theoretical and practical significance of research on the phenomenon of legal policy. The peer-reviewed monograph provides a scientific substantiation of the systemic relationship between the mechanism of legal relations and legal policy. The author of the monograph comprehensively and from original positions examines the essence of legal policy, the problems associated with its scientific knowledge and implementation, and identifies its patterns.

Key words: legal relations, legal policy, legal doctrine, legal validity, interstate relations, international legal policy of the state.

For citation: Lobanov, S.A., Kalamkaryan, R.A. (2024). The mechanism of legal relations in the context of modern legal policy

P.P. Serkov. Legal relationship (Theory and practice of modern legal policy): in 2 parts. Part 1: Legal doctrine and legal policy measures; part 2: Generalization of legal experiences of ascent to man, society and the state // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 211–218.

Исходное назначение права выступать главным (хотя и далеко не единственным) социальным регулятором, определять возможные и обязательные варианты поведения индивидов и коллективных образований, выражать системообразующие для общества и государства, одновременно, значимые для отдельного индивида интересы, предопределяет важность действия права и научного осмысливания данного процесса. По обстоятельствам того, что действие права опосредуется в правоотношениях, правоотношения занимают ключевое место в структуре правовой действительности, их изучение в рамках юриспруденции носит непреходящий характер, при этом коррелирует с развитием социума, государства и права, научных представлений о праве (также развивающемся).

Действие права многогранно, включает в себя разнообразные формы воздействия правовых норм и принципов, а также индивидуальных правовых установок на социальные отношения, поведение людей и коллективных образований, а кроме того, и результаты такого воздействия. При этом в действии права обнаруживается органическая

взаимосвязь между управляющей подсистемой и субъектами воздействия, их поведением. Иными словами, здесь присутствует политический аспект (исходя из того, что политика в наиболее широком философско-социальном понимании представляет собой искусство управления обществом). В свою очередь, правовая политика «определяет вектор развития самого права, экономики, социальной и духовной сферы, поведение государства на международной арене»¹. Необходимость изучения феномена правовой политики предопределена практической потребностью прогрессивного развития и эффективного функционирования правовых систем, их адаптации к соответствующим изменениям, в том числе вызовам национальной безопасности государств. В самом общем приближении, правовая политика ориентирована на научно обоснованное использование права для надлежащей организации общественной жизни (применительно к ее национально-правовому

¹ Краснов Ю.К. Правовая политика России на современном этапе: учеб. пособие. М., 2019. С. 4.

срезу) и на последовательную реализацию государством своей внешней политики с опорой на международное право (применительно к международно-правовой политике государства)². Показательно, что в отечественной и зарубежной юриспруденции (уже начиная с XIX в.) формируются подходы к разработке теории правовой политики, а в настоящее время научный интерес к проблемам правовой политики возрастает, что проявляется в исследовании ее концептуально-юридических основ, а также в изучении ее отдельных направлений и аспектов³.

Парадокс состоит в том, что категории «правоотношение» и «правовая политика» зачастую рассматриваются без должного всестороннего учета их органичной взаимосвязи, предопределенной их местом и ролью в действии права, что, в свою очередь, препятствует выработке системного подхода к видению правовой действительности и к механизму действия права.

Рецензируемая монография, без преувеличения, заключает в себе новаторский подход к разработке понимания механизма правоотношений и рассматриваемой в этом контексте правовой политики, ее предмета и методологии. Автор книги – Пётр Павлович Серков, Первый заместитель Председателя Верховного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, широко известен юридической общественности России.

Следует прежде всего отметить, что данное издание продолжает исследование проблемы правоотношения, начатое автором в серии ранее изданных работ⁴. Правоотношение, по Серкову, – «это единственная категория, которая скжато отражает все известные науке существующие связи права с действительной жизнью, с общественными отношениями, а значит и закономерности его возникновения и развития»⁵. По результатам осмысливания ключевой для юриспруденции темы, конструктивной критики доктринальных подходов, с опорой на анализ обширного материала правоприменительной и интерпретационной практики, П.П. Серков раскрывает и последовательно отстаивает авторский подход к пониманию новой концепции правоотношения, в основе которой логика действия механизма правоотношений; определяет правоотношение как «логическую конструкцию, образующую устойчивое пространство, связывающую субъектов для материализации субъективных потребностей-целей на принципах соотносимости и сопоставимости, за счет воздействия на субъектов идейного содержания совокупности правовых норм и обстоятельств регулируемой ситуации на условиях обюдной взаимности и паритетности субъективных прав и обязанностей»⁶.

Соответственно, в представленной монографии проблема правоотношений раскрывается с опорой на ранее

² См.: Вылегжанин А.Н., Маомедова О.С. Международно-правовая политика государства. Современные концепции // Междунар. процессы. 2022. Т. 20. № 3 (70). С. 112–126.

³ См.: Малько А.В. Теория правовой политики. М., 2012.

⁴ См.: Серков П.П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования): в 3 ч. М., 2018; Его же. Правоотношение (Правственность современного правового регулирования). М., 2020.

⁵ Серков П.П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования): в 3 ч. Ч. I. С. 40.

⁶ Старицов Ю.Н. Правоотношение: «Высокий уровень дискуссионности» и «методологические подходы». Рец. на кн.: Серков П.П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования): монография: в 3 ч. М.: Норма, 2018 // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Право. 2018. № 3. С. 402–408.

сформулированные ее автором концептуальные основы данного ключевого понятия юриспруденции, при этом основной акцент сделан на анализе проблемы правовой политики.

Новаторский подход автора, известного ученого, обладающего огромным практическим опытом, обозначен в содержании и структуре рецензируемой книги и проявляется себя в том, что автор всесторонне (широко используя данные междисциплинарных исследований и одновременно, с опорой на анализ правовых доктрин и правоприменительной и интерпретационной практики, кроме того, с приведением и научным осмыслением многочисленных историко-правовых и сравнительно-правовых примеров) и с оригинальных (разработанных самим автором) позиций раскрывает механизм правоотношений в контексте современной правовой политики. Именно механизм правоотношений рассматривается П.П. Серковым в качестве основной юридической закономерности правового регулирования в современной правовой политике (ч. 1, с. 326, 448; ч. 2, с. 598, 662, 664 и др.). При этом автор последовательно (с опорой на разработанные им ранее подходы к пониманию правоотношения в механизме правового регулирования и развивая их применительно к теме правовой политики) обосновывает системную взаимосвязь правовой политики и правоотношений, прослеживаемую на методологическом уровне доктринальных обобщений, а также объективно присутствующую в процессе создания норм права и правоприменения (ч. 1, с. 321, 402, 450, 462; ч. 2, с. 392 и др.). Следует особо отметить, что П.П. Серков последовательно и доказательно проводит идею о естественном характере и социальной детерминированности правовой действительности, связанных с этим задачах юридической науки накапливать системный опыт познания правовой действительности и далее, – системный опыт внедрения полученных знаний в национальную правовую политику, имея в виду и межгосударственные отношения (ч. 1, с. 85, 308, 565; ч. 2, с. 12, 391, 408, 422 и др.). Оригинальность подхода П.П. Серкова к рассмотрению проблем правоотношений и правовой политики проявляется себя в том, что он дистанцируется от анализа правовых явлений с точки зрения их юридико-догматического понимания, а смещает акцент в сторону познания права и ключевых правовых категорий как социокультурных феноменов, во взаимосвязи с разнообразными факторами (имеющими отношение к природе человека, социуму, цивилизации), лежащими в основе генезиса права и способными приводить к его усовершенствованию (ч. 2, с. 332, 345, 373, 386, 388 и др.). В этой связи закономерно, что автором к исследованию обозначенных проблем широко подключаются данные не только юриспруденции, но и других наук (психологии, социологии, теологии, политологии, истории, философии, лингвистики, антропологии) рассматривающих социоправовые явления в ракурсе заданных в них целевых установок и с опорой на выработанные в них методы; при этом отмечается комплексный характер изучения права и право-ых явлений (ч. 1, с. 127, 306; ч. 2, с. 516 и др.).

* * *

Структура монографии подчинена логике проводимого П.П. Серковым оригинального фундаментального исследования и включает **две** основные **части**, **первая** из которых посвящена **анализу соотношения правовой доктрины и мер правовой политики**; во **второй части** обобщается **исторический опыт восхождения к человеку, обществу и государству**.

Уже во *введении* автором монографии развернуто и иллюстративно (с приведением ряда исторических примеров и с опорой на ранее проведенные исследования темы правоотношения) обосновываются идеи о выявлении в механизме правоотношений естественных корней нравственности, в связи с чем «закономерности правового регулирования генерируются самой социальной действительностью», о том, что в результате многовекового межличностного общения сложились его нравственно оправданные закономерности «для обеспечения субъективного и социального благополучия жизни посредством формирования социальных способов достижения конкретики справедливости в каждом акте межличностного общения», о том, что «истоки естественности этих процессов в социальной действительности актуализируют принятие правовых норм. Сфера их формирования заслуживает беспристрастной и системно конкретной научной юридической аналитики посредством соотнесения мер правовой политики и механизма правоотношений» (ч. 1, с. 33). Данные идеи носят, по сути, отправной характер и получают дальнейшую предметную конкретизацию в ходе проведенного автором монографического исследования.

В гл. 1 «Конкретика справедливости. Неведомые закономерности или утопия» *первой части* монографии П.П. Серковым с опорой на разработанные им оригинальные подходы проводится анализ правовой действительности, рассматриваются в конструктивно-критическом осмыслинении воззрения отечественных правоведов и представителей зарубежных правовых школ о праве, правопонимании, правоотношении, правовом регулировании. Автор, принимая во внимание многомерный характер права и его действия, а также указанную им недостаточную «степень разработанности истоков устойчивости научных взглядов на правовую действительность» (ч. 1, с. 86), отмечает значимость уяснения проблемы — «имеются ли в социальной среде простейшие “наночастицы”, слагающие правовую действительность и аналитические “точки опоры”, в чем-то связующие, а в чем-то разделяющие эту действительность» — и далее поясняет: «По существу, требуется доктринальное выявление и обоснование юридических закономерностей, наполненных системной конкретикой признаков, критериев и параметров в субъективных правах и обязанностях. Как следствие, с большей достоверностью проявятся и контексты того, какие вопросы в праве являются основополагающими, а какие периферийными, но подчас получившими приоритетную значимость» (ч. 1, с. 87). П.П. Серков обстоятельно исследует значение идей, слов и дел для права и правопонимания: современной юриспруденции, теории права, правового регулирования, отображения сущности свобод. Значимость выдвигаемых научных идей, обосновывающих их слов и подтверждающей практики дел (неразрывно связанных между собой) обосновывается автором в целях «выявления и обоснования юридической наукой универсального способа познания правовой действительности» и объясняется, по его мнению, тем, что «взаимообусловленность идей, слов и дел образуется объективно, т.е. независимо от чьих-либо желаний в правовой действительности» (ч. 1, с. 168). П.П. Серков, исходя из принципа последовательности, внутренней непротиворечивости идей, слов и дел как основания корректируемого познания правовой действительности, обоснованно полагает рациональным структурировать указанный способ изучения правовых явлений на описательный режим, режим правовой динамики, режим правовых ощущений и режим обобщений; дается содержательная характеристика указанных предлагаемых новых понятий (ч. 1, с. 169–186).

Глава 2 первой части монографии посвящена сущности правовой политики. Следует отметить, во-первых, стержневую идею автора рассматривать правовую политику во взаимосвязи с механизмом правоотношений (на что нами уже было обращено внимание) и, во-вторых, широкий охват аспектов, через рассмотрение которых предлагается авторское понимание проблемы⁷.

* * *

Остановимся на затрагиваемых в книге международно-правовых аспектах исследуемой проблематики.

В § 3 гл. 1 *первой части* монографии (ч. 1, с. 127–164) рассматриваются вопросы правовой доктрины и межгосударственных отношений. В частности, приводится перечень основных международных актов, основанных на верховенстве права (принятых, соответственно, на универсальном уровне и в рамках различных региональных международных организаций). Отмечая, что содержание международных документов, «особенно Организации Объединенных Наций, несомненно, обладает существенной глубиной и широтой», автор далее обращает внимание на их недостаточную эффективность (прежде всего в плане «предварительного установления безопасности, порядка и социального мира») (ч. 1, с. 129, 130). По мнению П.П. Серкова, у права, призванного регулировать межличностное общение, а также общение с участием государств и в этих целях «отделять нравственное и безнравственное пространства, устанавливая, когда была корреспондирующая «встреча» его носителя с правом другого государства, а когда конфликтное «столкновение», выявлены «безальтернативные способы сохранения сознательной жизни, причем улучшающейся из десятилетия в десятилетие» (ч. 1, с. 130, 131). Как полагает автор, «при таких обстоятельствах должно существовать рациональное и подробное обоснование наличия у права “сил” обеспечения межгосударственной справедливости... <...> Сложно отрицать, что вера в справедливость призвана объединять социум, в том числе посредством межгосударственных отношений» (ч. 1, с. 131).

Суждение П.П. Серкова о потенциале права (в том числе международного права) утверждать справедливость на уровне социума и в межгосударственной системе выглядит в полной мере обоснованным, идея справедливости традиционно рассматривается в доктрине международного права в качестве основополагающей для международной нормативной системы в целом. Заметим, вместе с тем, что понимание справедливости (ее конкретного содержания применительно к реалиям и идеальным моделям жизни социума, событиям международной жизни) может существенно различаться у конкретных государств — членов мирового сообщества и населяющих их народов, с учетом

⁷ Соответственно, выявление П.П. Серковым сущности правовой политики связано с рассмотрением методологических основ ее мер (ч. 1, с. 305–330), ее исторических начал (ч. 1, с. 330–368), с пониманием современной правовой политики (ч. 1, с. 368–402), с осмысливанием закономерностей правовой политики, а также и самого факта наличия таких закономерностей (ч. 1, с. 402–449), причин неведомости этих закономерностей и их сакральных смыслов (ч. 1, с. 450–519), анализом соотношения правовой политики и правовой социализации (ч. 1, с. 519–547), правовой политики и правовой идеологии (ч. 1, с. 606–619), правовой политики и правовой культуры (ч. 1, с. 619–657), правовой политики и демократии (ч. 1, с. 727–768), правовой культуры и правовой деятельности в теории и практике (ч. 1, с. 658–727), с рассмотрением исторических и современных контекстов соотношения правовой политики и межгосударственных отношений (ч. 1, с. 768–840), а также некоторых аспектов межгосударственного правосудия (ч. 1, с. 841–870).

прежде всего культурно-цивилизационного фактора, определяющего (в настоящее время во взаимосвязи с геополитическим фактором, по обстоятельствам фактической независимости государства и проводимой им внешней политики либо напротив, той или иной степенью зависимости государства и его внешней политики от ведущих стран Запада, прежде всего США) группирование государств на основе тех или иных цивилизационных ценностей и интересов. Представляется также, что данная расстановка государств (в том числе в подходах к пониманию справедливости в правовом и международно-правовом контекстах) не является чем-то «застывшим», раз и навсегда заданным, и в определенной степени, коррелирует с изменениями геополитической ситуации, возможными корректировками компонентов международной системы (в первую очередь идеологического).

П.П. Серков с учетом отмеченной им неэффективности международно-правовых актов, а также того объективного обстоятельства, что ни их наличие, ни работа органов международного правосудия не смогли предотвратить грубейшие нарушения прав человека, равно как и ведение Западом (США и НАТО) агрессивных войн и «цветных» революций (в книге приводятся соответствующие примеры), замечает: «анализ возникновения и развития механизма правоотношений показывает, что упование на право создает иллюзию идеальной фундаментальности. Судя по изложенным примерам, цивилизация расплачивается высокой ценой за привлекательность верховенства права» (ч. 1, с. 164).

Следует признать, что принцип верховенства права (первоначально сформировавшийся в рамках доктрины господства права Rule of Law в странах ангlosаксонской правовой семьи, а затем получивший свое воплощение на основе доктрины правового государства в странах континентальной правовой системы) выглядит недостаточно определенным в научной и правоприменительной сферах, что, по мнению отдельных правоведов, приводит к необоснованному расширению критерии верховенства права⁸.

Вместе с тем необходимо принять во внимание и другую сторону рассматриваемого вопроса. Во-первых, доктрина верховенства права эволюционирует, а сам принцип по обстоятельствам его применения и толкования национальными и международными судами органично включен в правовую действительность. Заметим, что и Конституционный Суд РФ при формулировании своих правовых позиций увязывает с принципом верховенства права другие правовые принципы (принцип правовой определенности, принцип правового государства). Во-вторых, применительно к сфере международных отношений значимость обеспечения верховенства права последовательно проводится в политико-правовых программных документах международного и внутригосударственного права⁹. Показательно, что в современной отечественной литературе по международному праву представлен подход осмысливания роли верховенства права в международных отношениях и места России (как Великой Державы, постоянного члена Совета Безопасности

⁸ См.: Умнова-Конюхова И.А., Николаев В.А. Принцип верховенства права: эволюция доктрин правопонимания в национальном и международном праве // Проблемы в российском законодательстве. 2019. № 4. С. 92–100.

⁹ Приведём здесь Декларацию тысячелетия 2000 г. (разд. VIII), Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. (разд. V), Концепцию внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229).

ООН) в его обеспечении в соответствии с Уставом ООН¹⁰. В целом, как представляется, речь должна идти не о нивелировании верховенства права, в частности, в международных отношениях, а о научном переосмыслении его содержательно-функциональных характеристик и содействии (с опорой на потенциал международно-правовой политики государства) формированию новой практики его реализации, последовательно отражающей потребности обеспечения целостности международного права, достижения и поддержания состояния подлинно справедливого и устойчивого мироустройства.

В § 15 и 16 гл. 2 *первой части* рецензируемой монографии (ч. 1, с. 768–840) раскрываются исторические и современные контексты соотношения правовой политики и межгосударственных отношений. Автор с опорой на проводимую им концептуальную идею рассматривать различные аспекты правовой политики через призму механизма правоотношений отмечает «потребность использования его неизменной логики возникновения и развития к внешней государственной правовой политике при бесспорности того, что природа формы и содержания межгосударственных отношений имеет существенную специфику» (ч. 1, с. 768). Далее П.П. Серков с учетом отраженного в политологической науке мнения, согласно которому «сложилась ситуация, при которой нет единого и общепринятого определения понятия “глобальное управление”», и что это, в свою очередь «не связано с некомпетентностью ученых или политиков, а указывает на сложность описываемого феномена», замечает: «В приведенных доводах приходится констатировать признание научного бессилия, т.е. локально на-глядное подтверждение высказанных ранее критических замечаний о неэффективности правовой теории относительно ясности юридических научных идей и слов, а также их связей с делами межгосударственных отношений» (ч. 1, с. 768, 769). Констатация того факта, что в межгосударственных отношениях «имеет место нечто особенное», определяет, по мнению П.П. Серкова, закономерность постановки следующих вопросов: «что собой представляет это особенное, для чего оно существует, каким образом функционирует?» (ч. 1, с. 769). Опираясь на междисциплинарный подход изучения права и введенные в научный оборот режимы познания правовой действительности, осмысливая многочисленные историко-правовые и современные примеры реализации государствами внешней политики, автор погружает читателя (через призму своего восприятия) в сложный и многомерный мир межгосударственных отношений, высказывает ряд юридически обоснованных суждений, согласующихся с ключевыми идеями своего научного труда. Так, им справедливо указано на то, что «юридически эффективное приспособление мер правовой политики к связям между государствами становится возможным только посредством выявления юридических закономерностей» (ч. 1, с. 781); «правовая политика каждого государства в большей степени эмпирическая, чем научно выверенная юридически устойчивым вектором нераздельности и эквивалентной значимости прав и обязанностей по отношению ко всем другим государствам, бесспорно обладающим суверенитетом...» (ч. 1, с. 803); «не оценивается и юридически не детализируется наличие в мерах правовой политики отдельных государств перманентной практики нарушения

¹⁰ См.: Синяева Н.А., Каламкарян Р.А. Поддержание режима верховенства права в системе международных отношений как воплощение последовательной правоприменительной практики Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2018. № 12 (257). С. 87–95.

баланса прав и обязанностей в межгосударственных отношениях, в связи с чем неизбежно продуцируется фундамент двойных стандартов» (ч. 1, с. 804); «неизменность логической конструкции механизма правоотношений и закономерности возникновения и развития способны формировать нравственно оправданную панораму наднациональных идеалов должного в качестве психологической потребности большинства мирового сообщества» (ч. 1, с. 840).

Подход П.П. Серкова к рассмотрению им проблемы соотношения правовой политики и межгосударственных отношений логически обоснован ходом проводимого исследования и согласуется с общими концептуальными идеями подготовленного научного произведения. Следует признать значимость позиции автора монографии по всему спектру поднимаемых вопросов. Так, в частности, близка и понятна последовательно проводимая П.П. Серковым позиция обоснования (с опорой на правовые аргументы) исторического и современного вклада России в обеспечение подлинно справедливого мироустройства¹¹.

Вместе с тем, заметим, что непосредственно проблеме международно-правовой политики государства посвящены отдельные публикации представителей науки международного права; в частности, укажем на ряд статей авторитетного ученого в области международного права проф. А.Н. Вылегжанина (в том числе в соавторстве)¹², где обосновываются научная идентичность международно-правовой политики государства, обозначена роль национальных интересов государства в его международно-правовой политике, рассмотрена суть международно-правовой легитимации действий и позиций государства, отмечены возможности концептуально выстроененной международно-правовой политики в плане препятствия искажению международного правосознания, в установлении правовой определенности в сфере межгосударственных отношений, в прогрессивном развитии международного права, его адаптации к новым политическим и иным вызовам. Как представляется, включение указанных и некоторых других специальных работ в круг научных источников (наряду с обширным перечнем используемых П.П. Серковым научных трудов и эмпирического материала) выглядит обоснованным, принимая во внимание ярко выраженную международно-правовую специфику исследуемого феномена, содействует его всестороннему изучению.

В § 17 гл. 2 *первой части* монографии раскрыты аспекты межгосударственного правосудия (ч. 1, с. 841–870), в этой связи в контексте предмета исследования и с опорой на разработанные П.П. Серковым методологические подходы проанализирована практика Европейского Суда по правам человека. Выразим солидарность с концептуальным суждением автора о том, что «ценности межгосударственного правосудия не должны восприниматься абстрактно, но должны подвергаться единобразному юридическому структурированию и классификации в непременном ракурсе не отторжения, а уважения ценности глубинных смыслов

¹¹ Приведём здесь только две фразы: «Российское видение мер правовой политики в межгосударственных отношениях очевидно и существенно препятствует замыслам имперского влияния на межгосударственные связи современной цивилизации от кого бы они ни исходили в прошлом и не исходят в настоящее время» (ч. 1, с. 797); «Россия, как и в предыдущие времена, снова защищает не только себя, но и другие государства от вассальной зависимости» (ч. 1, с. 840).

¹² См.: Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. Понятие «международно-правовая политика государства» // Московский журнал междунар. права. 2016. № 4. С. 21–37; Вылегжанин А.Н., Магомедова О.С. Указ. соч. С. 112–126.

каждой национальной правовой культуры без построения иерархической зависимости ценностей правовой культуры одного государства» (ч. 1, с. 842).

* * *

Вторую часть рецензируемой книги «Обобщение юридических опытов восхождения к человеку, обществу и государству» также отличает оригинальный и новаторский подход автора. Отмечая, что «непоколебимо стабильная работоспособность идеи о механизме правоотношений подтверждается уже третьим исследованием», он далее констатирует: «За счет аналитического потенциала этого механизма стало возможным осознанно разделить право и правовое регулирование, а также сформулировать различие сущности морали и нравственности» (ч. 2, с. 6). П.П. Серковым (с опорой на ранее проведенные исследования, их результаты) обращено внимание на «перспективность исследовательской методики на основании механизма правоотношений», указано на то, что «рассмотрение сущности механизма правоотношений явно не исчерпано», сформулирован отправной посыл о том, чтобы «полученные результаты концентрированно спроектировать на неопределенности повсеместно доминирующей искусственности теории права в целях развития опыта по исследованию естественности правовой действительности» (ч. 2, с. 7, 8). Соответственно, содержание второй части структурировано по двум главам. В гл. 1 право характеризуется как пространство неопределенностей, в гл. 2, напротив, рассматриваются выделенные автором определенности правового регулирования. Данный подход диалектического противопоставления ключевых правовых категорий (с одной стороны, науки права, с другой – правового регулирования), выделения П.П. Серковым в ходе исследования комплекса составляющих юридического знания, значимых для разработки правовой политики, очевидно, содействует системному и одновременно практико-ориентированному изучению правовой действительности.

В гл. 1 *второй части* монографии (ч. 2, с. 22–472) всесторонним образом проанализированы аспекты явления, обозначенного автором как «право – пространство неопределенностей»¹³. Обстоятельный комплексный предметный анализ приведенных факторов завершается выводом об отсутствии «доктринального видения юридических контекстов нравственности и безнравственности, поскольку до настоящего времени отсутствует четкое выделение юридических закономерностей и обоснование взаимодействия юридических показателей, характеризующих последовательность нравственно оправданного юридического развития общества» (ч. 2, с. 471). В этой связи П.П. Серков справедливо полагает, что «доктринальные потребности всесторонности научного познания современной юриспруденции насыщенно актуализируют освещение авторских предложений о естественности правового регулирования, способных доказательно заместить искусственную идею о праве» (ч. 2, с. 472).

В гл. 2 *второй части* монографии (ч. 2, с. 473–670) детально рассмотрены аспекты, которые автор относит

¹³ А именно неопределённости: столпа юриспруденции (ч. 2, с. 22–52), правовых идей (ч. 2, с. 52–85), режима правовой динамики (ч. 2, с. 85–112), режима правовых ощущений (ч. 2, с. 112–139), правовой диалектики (ч. 2, с. 139–163), правопонимания (ч. 2, с. 163–192), соотношения права и этики (ч. 2, с. 193–224), начал правовой теории (ч. 2, с. 224–247), правовой онтологии (ч. 2, с. 247–279), правовой аксиологии (ч. 2, с. 279–313), правовой гносеологии (ч. 2, с. 314–343), метафизики в праве (ч. 2, с. 343–376), правовой истории (ч. 2, с. 377–408), множественности правовых воззрений (ч. 2, с. 408–437), мер правовой политики (ч. 2, с. 438–472).

к определеностям правового регулирования¹⁴. Новаторский подход П.П. Серкова и его вклад в методологию правопонимания и в целом в развитие юриспруденции и науки права обозначены по обстоятельствам предложений автора о параметрах определенности закономерностей правовой политики, правового сущего в правовой политике, правовых идеалов и справедливости в правовой политике. Главный вывод проф. П.П. Серкова, ориентированный на перспективу поступательного развития государства, социума и его членов во взаимосвязи с развитием правопонимания и правовой политики, заключается в суждениях о том, что «аналитический потенциал механизма правоотношений представляет единственным надежным идейным фундаментом, способствующим развитию нравственного пространства, защищающего человека, общество и государство и угроз безнравственных идей, слов и дел», при этом способности данного механизма действуют «во всем многообразии межличностного общения, включая межгосударственные отношения... его бесстрастная аналитика обязательно способствует выявлению алгоритмов взаимообусловленности и взаимодействия субъективных и социальных потребностей, устремленных к юридически определенной системной конкретике субъективного счастья и социального благополучия» (ч. 2, с. 669).

* * *

Рецензируемая монография, принимая во внимание, объем и характер используемых в ней источников, нестандартность подходов П.П. Серкова и уровень авторских обобщений, образный, проникнутый отношением ученого к исследуемым вопросам, глубокий, научно разработанный и одновременно сложный для восприятия стиль изложения, ориентирована на вдумчивого и подготовленного читателя. Следует также отметить, что рассматриваемые в книге проблемы сопровождаются иллюстрирующими их схемами, в свою очередь, позволяющими наглядно проследить логику рассуждений автора.

Монография П.П. Серкова «Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики)» вносит существенный вклад в теорию права и в целом в развитие юриспруденции по обстоятельствам проведенного в ней научного обоснования системной взаимосвязи механизма правоотношений и правовой политики.

Представленное научное исследование проф. П.П. Серкова по всей проблематике права широко востребовано и получит заслуженное признание научной общественности и практикующих юристов, полезно для студентов и аспирантов, а также для всех читателей, интересующихся проблемами права и правопонимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. Понятие «международно-правовая политика государства» // Московский журнал междунар. права. 2016. № 4. С. 21–37.
2. Вылегжанин А.Н., Магомедова О.С. Международно-правовая политика государства. Современные концепции // Междунар. процессы. 2022. Т. 20. № 3 (70). С. 112–126.

¹⁴ А именно определённости: уроков вирусологии (ч. 2, с. 473–498), закономерностей правового регулирования (ч. 2, с. 498–534), некоторых аспектов правового регулирования (ч. 2, с. 535–597), механизма правоотношений как основной юридической закономерности правового регулирования (ч. 2, с. 598–634), правовой политики (ч. 2, с. 634–670).

3. Краснов Ю.К. Правовая политика России на современном этапе: учеб. пособие. М., 2019. С. 4.
4. Малько А.В. Теория правовой политики. М., 2012.
5. Серков П.П. Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования). М., 2020.
6. Серков П.П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования): в 3 ч. М., 2018. Ч. 1. С. 40.
7. Серков П.П. Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики): в 2 ч. М., 2023. Ч. 1: Правовая доктрина и меры правовой политики. С. 33, 85–87, 127–164, 168–186, 305–547, 565, 606–870; ч. 2: Обобщение юридических опытов восхождения к человеку, обществу и государству. С. 6–8, 12, 22–670.
8. Синяева Н.А., Каламкарян Р.А. Поддержание режима верховенства права в системе международных отношений как воплощение последовательной правоприменительной практики Российской государства // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2018. № 12 (257). С. 87–95.
9. Старилов Ю.Н. Правоотношение: «Высокий уровень дискуссионности» и «методологические подходы». Рец. на кн.: Серков П.П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования): монография: в 3 ч. М.: Норма, 2018 // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Право. 2018. № 3. С. 402–408.
10. Умнова-Конюхова И.А., Николаев В.А. Принцип верховенства права: эволюция доктрин правопонимания в национальном и международном праве // Проблемы в росс. законодательстве. 2019. № 4. С. 92–100.

REFERENCES

1. Vylegzhinan A.N., Dudykina I.P. The concept of “international legal policy of the state” // Moscow Journal International Law. 2016. No. 4. Pp. 21–37 (in Russ.).
2. Vylegzhinan A.N., Magomedova O.S. International legal policy of the state. Modern concepts // International processes. 2022. Vol. 20. No. 3 (70). Pp. 112–126 (in Russ.).
3. Krasnov Yu. K. The legal policy of Russia at the present stage: textbook. M., 2019. P. 4 (in Russ.).
4. Mal'ko A.V. Theory of legal policy. M., 2012 (in Russ.).
5. Serkov P.P. Legal relationship (Morality of modern legal regulation). M., 2020 (in Russ.).
6. Serkov P.P. Legal relationship (Theory and practice of modern legal regulation): in 3 parts. M., 2018. P. 40 (in Russ.).
7. Serkov P.P. Legal relationship (Theory and practice of modern legal policy): in 2 parts. M., 2023. Part 1: Legal doctrine and legal policy measures. Pp. 33, 85–87, 127–164, 168–186, 305–547, 565, 606–870; part 2: Generalization of legal experiences of ascent to man, society and the state. Pp. 6–8, 12, 22–670 (in Russ.).
8. Sinyaeva N.A., Kalamkaryan R.A. Maintaining the rule of law in the system of international relations as the embodiment of consistent law enforcement practice of the Russian state // Law in the Armed Forces – Military Law Review. 2018. No. 12 (257). Pp. 87–95 (in Russ.).
9. Starilov Yu.N. Legal relationship: “High level of discussion” and “methodological approaches”. Review of the book: Serkov P.P. Legal relationship (theory and practice of modern legal regulation): monograph: in 3 parts. M.: Norma, 2018 // Herald of the Voronezh State University. Series: Law. 2018. No. 3. Pp. 402–408 (in Russ.).
10. Umnova-Konyukhova I.A., Nikolaev V.A. The principle of the Rule of Law: the evolution of doctrines of legal understanding in national and International Law // Gaps in Russian legislation. 2019. No. 4. Pp. 92–100 (in Russ.).

Сведения об авторах

ЛОБАНОВ Сергей Александрович –
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой
правового регулирования
топливно-энергетического комплекса
Международного института
энергетической политики и дипломатии
Московского государственного института
международных отношений (Университет)
МИД России; 119454 г. Москва,
проспект Вернадского, д. 76;
профессор кафедры международного права
Института международного права и правосудия
Московского государственного
лингвистического университета

КАЛАМКАРЯН Рубен Амаякович –
доктор юридических наук, профессор,
лауреат премии им. Ф.Ф. Мартенса
Президиума Российской академии наук (2007),
профессор кафедры прав человека
и международного права
Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя; 117437 г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12;
профессор кафедры «Международное право
и внешнеэкономическая деятельность»
Юридического института
им. М.М. Сперанского
Владимирского государственного университета
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Authors' information

LOBANOV Sergey A. –
Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Legal Regulation
of the Fuel and Energy Complex
of the International Institute of Energy Policy
and Diplomacy of the Moscow State Institute
of International Relations (University)
MFA of Russia;
76 Vernadsky Ave., 119454 Moscow, Russia;
Professor of the Department of International Law
at the Institute of International Law and Justice
of the Moscow State Linguistic University

KALAMKARYAN Ruben A. –
Doctor of Law, Professor,
Laureate of Martens Prize
Presidium of the Russian Academy of Sciences (2007),
Professor of the Department of Human Rights
and International Law of Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
12 Akademik Volgin str., 117437 Moscow, Russia;
Professor of the Department of International Law
and Foreign Economic Activity of Speransky Law
Institute of Stoletovs Vladimir State University

**ДОКТОРУ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРУ, ЗАСЛУЖЕННОМУ
ЮРИСТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
А.В. КУДАШКИНУ – 60 ЛЕТ**

В 2024 г. отмечает юбилей выдающийся ученый и видный общественный деятель, доктор юридических наук, профессор, действительный член Академии военных наук, заслуженный юрист РФ Александр Васильевич Кудашкин.

А.В. Кудашкин родился 27 апреля 1964 г. в дер. Турдаково Ардатовского района Мордовской АССР. С 1986 г. по окончании Высшего военно-морского училища им. М.В. Фрунзе проходил корабельную службу на противолодочных кораблях Северного флота, участвовал в дальних походах и боевой службе. После завершения обучения на военно-юридическом факультете Военной академии экономики, финансов и права продолжил военную карьеру в юридической службе Военно-Морского Флота, с 1998 г. – на научно-преподавательской работе в Военном университете Министерства обороны РФ.

В 1998 г. А.В. Кудашкин успешно защитил диссертацию в Российской академии государственной службы при Президенте РФ с присвоением ученой степени кандидата юридических наук, в 2003 г. там же защитил докторскую диссертацию на тему «Правовое регулирование военной службы в Российской Федерации».

Достижения в служебной и научной деятельности А.В. Кудашкина во многом обусловлены его богатым профессионально-служебным опытом; свыше десяти лет Александр Васильевич успешно совмещает научную работу с практической деятельностью в области оборонно-промышленного комплекса, с 2012 г. – заместитель генерального директора по правовым вопросам и корпоративному управлению АО «Объединенная двигателестроительная корпорация».

В 2004 г. избран действительным членом Академии военных наук, в настоящее время является руководителем отделения военного права Академии военных наук и председателем экспертного совета Комиссии по военному праву и правовому обеспечению национальной безопасности Ассоциации юристов России.

Решая практические задачи, уделяет огромное внимание их теоретическому обоснованию, что выразилось в подготовке многочисленных концептуальных и прикладных работ в области военного права и смежных отраслей.

Автор более 250 научных работ, включая более 30 монографий и учебных изданий. Только за последние три года

в журналах «Государство и право» и «Труды Института государства и права Российской академии наук» опубликован ряд его статей по наиболее актуальным и фундаментальным вопросам юридической науки.

Одной из наиболее значимых работ, получивших безусловное признание научного сообщества, стала монография «Военное право» (в трех томах) под общей редакцией чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова и д-ра юрид. наук А.В. Кудашкина, подготовленная авторским коллективом под руководством проф. А.В. Кудашкина. Данное издание, являющееся фундаментальным военно-теоретическим трудом, способствовало решению крупной исследовательской проблемы – теоретическому обоснованию самостоятельности отрасли военного права в системе российского права, что не только обогатило теорию права, но и заложило фундаментальные основы для дальнейшего развития правовой и военной науки. Профессор А.В. Кудашкин предложил методологию доказательства самостоятельности военного права в системе права России, возглавил этот процесс, внес значительный личный научный глубоко теоретический вклад, являясь одним из основных авторов монографии, в том числе ее теоретической части, им сформулированы основные концепты современной теории военного права России.

Профессиональный труд А.В. Кудашкина отмечен государственными и ведомственными наградами. Ему присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации», он награжден орденом Дружбы и 15 ведомственными наградами и знаками отличия.

Коллектив Института государства и права Российской академии наук, редакционный совет и редакционная коллегия журнала «Государство и право» РАН поздравляют с юбилеем и желают Александру Васильевичу Кудашкину здоровья, благополучия, воплощения в жизнь всех научных планов и начинаний!

* * *

Редакция журнала «Государство и право» Российской академии наук присоединяется к многочисленным поздравлениям и желает уважаемому Александру Васильевичу Кудашкину здоровья и творческого долголетия!

К ЮБИЛЕЮ ЗАСЛУЖЕННОГО ЮРИСТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК В.В. КУДАШКИНА

В апреле юридическое сообщество отмечает юбилей видного российского ученого, доктора юридических наук, действительного члена Академии военных наук, заслуженного юриста РФ Владимира Васильевича Кудашкина.

В. В. Кудашкин родился 27 апреля 1964 г. После окончания Киевского высшего военно-морского политического училища в 1985 г. проходил корабельную службу в подводных силах Военно-Морского Флота. В 1995 г. поступил в Российскую академию государственной службы при Президенте РФ на кафедру государственного строительства и права, возглавляемую членом-корреспондентом РАН, доктором юридических наук, профессором Г. В. Мальцевым, а затем в аспирантуру академии, которые закончил с отличием.

В 1999 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Внешнеторговые сделки в сфере военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами: гражданско-правовые аспекты», в 2003 г. – докторскую диссертацию на тему «Правовое регулирование военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами».

Результатом исследований стала разработанная В. В. Кудашкиным концепция правового регулирования военно-технического сотрудничества, включающая в себя систему научно обоснованных знаний, взглядов и представлений о соотношении международно-правового и внутригосударственного правового регулирования военно-технического сотрудничества.

Научные разработки В. В. Кудашкина отличаются фундаментальностью замысла, обстоятельностью проработки, а также ориентированностью на решение практических проблем. Все это позволяет ученому выступать экспертом на самых значимых площадках и форумах. В. В. Кудашкин являлся активным участником переговорного процесса по Международному договору о торговле оружием в рамках Подготовительного комитета конференции Организации Объединенных Наций (2009–2013), участвовал в подготовке

десятков проектов федеральных законов и других нормативных правовых актов.

Автор свыше 120 научных трудов, 10 монографий, комментариев и учебных изданий, среди которых особо выделяются труды, посвященные правовому регулированию военно-технического сотрудничества. За подготовку фундаментальной научной работы «Правовые основы военно-технического сотрудничества» В. В. Кудашкин удостоился звания лауреата Национальной премии «Золотая идея», присужденной в 2019 г. в номинации «За личный вклад, инициативу и усердие в решении задач военно-технического сотрудничества». Владимир Васильевич ведет работу по подготовке молодых научных и научно-педагогических кадров, а также активную научную деятельность в Институте государства и права Российской академии наук.

Большой личный вклад В. В. Кудашкина в реализацию государственной политики в области военно-технического сотрудничества, укрепление обороноспособности страны и развитие военной науки отмечен государственными и ведомственными наградами, среди которых орден «За военные заслуги», почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации», медаль Анатолия Кони и многие другие.

Коллектив Института государства и права Российской академии наук, редакционный совет и редакционная коллегия журнала «Государство и право» РАН поздравляют Владимира Васильевича Кудашкина с юбилеем и желают здоровья, благополучия, неиссякаемой энергии и новых научных успехов!

* * *

Редакция журнала «Государство и право» Российской академии наук поздравляет уважаемого Владимира Васильевича со знаменательным юбилеем и желает здоровья и творческого долголетия!